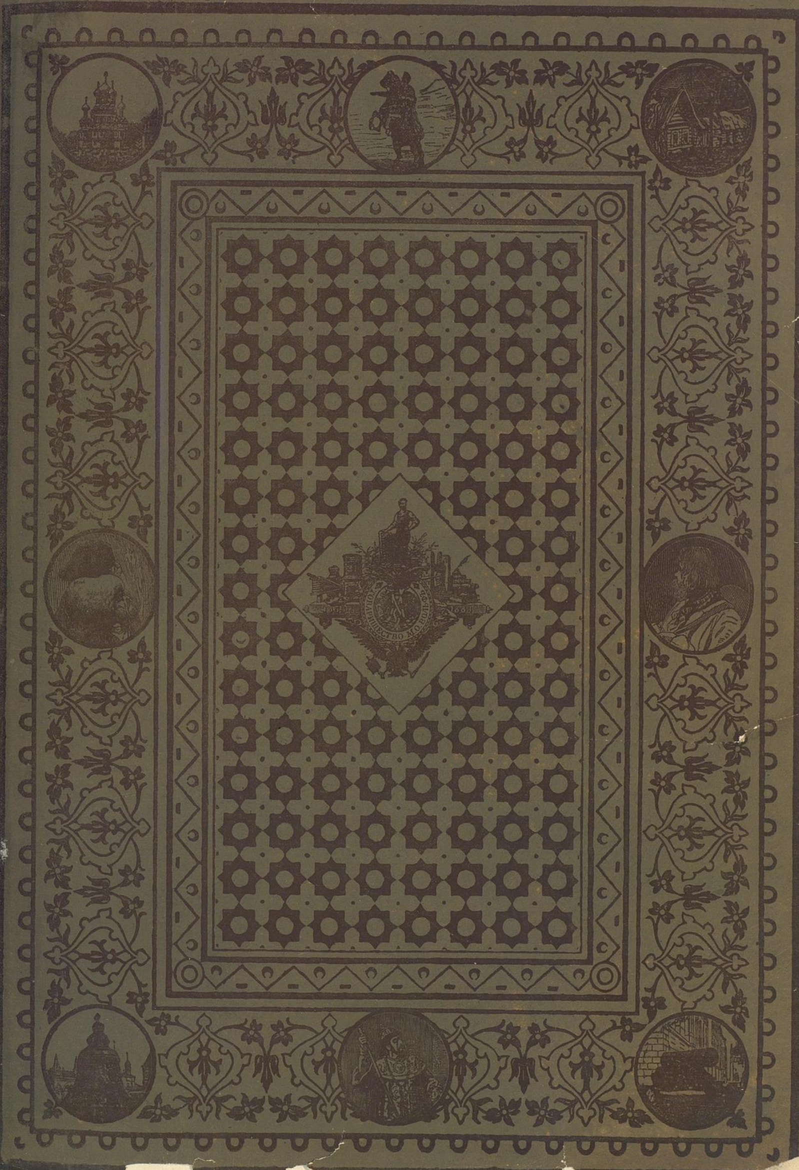
Живописная Россія

Изданіе Тов. М. О. Вольфъ

ФЪ
КА

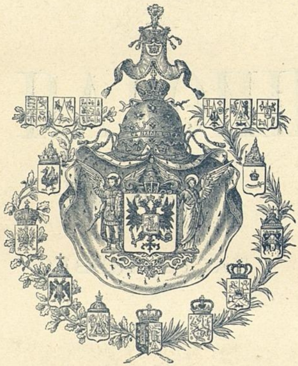

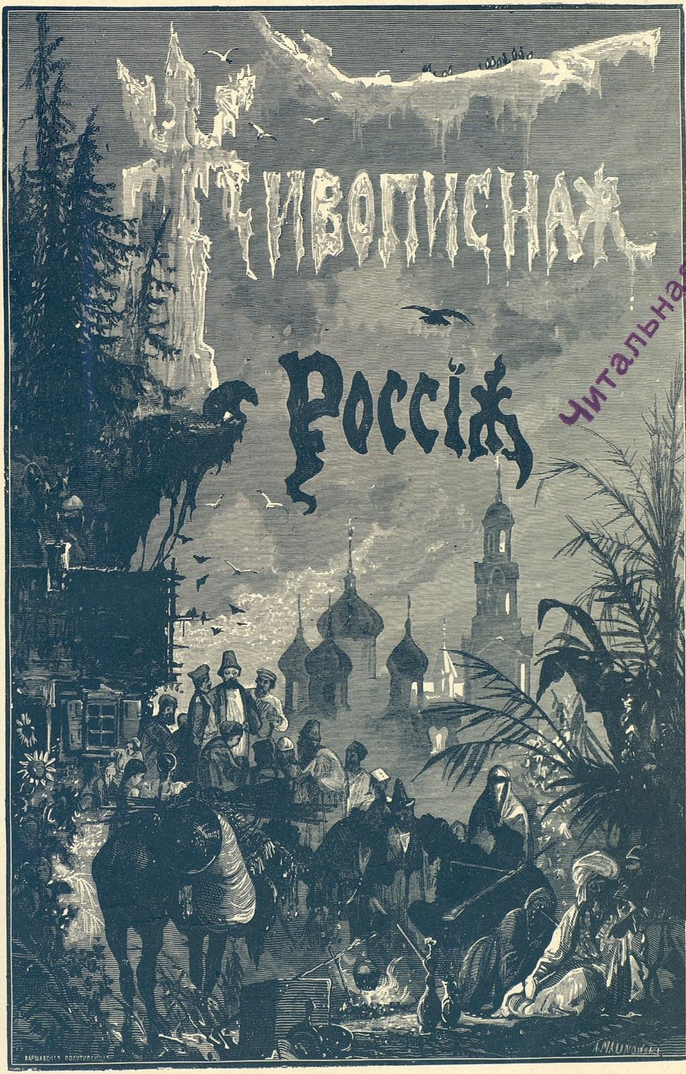

Товарищество М.О. Вольф
1883

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ТОМЪ XII.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Живописная
Россія

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВОСТОЧНЫЯ ОКРАИНЫ РОССІИ.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

СЪ 189 РИС. ВЪ ТЕКСТѢ, 19 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ, РѢЗАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ, И 2 ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, № 18.* — МОСКВА, *Кузнецкій мостъ, № 12.*

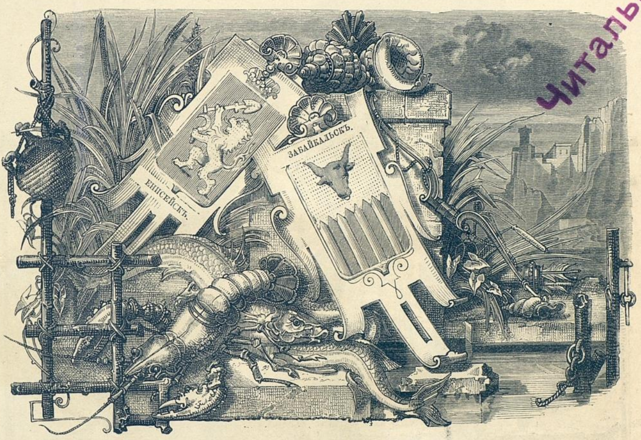
1895.

Дозволено цензурою. Спб., 27 августа 1894 года.

Типографія Тов. М. О. Вольфъ. Спб., В. О., 16 л., д. № 5.

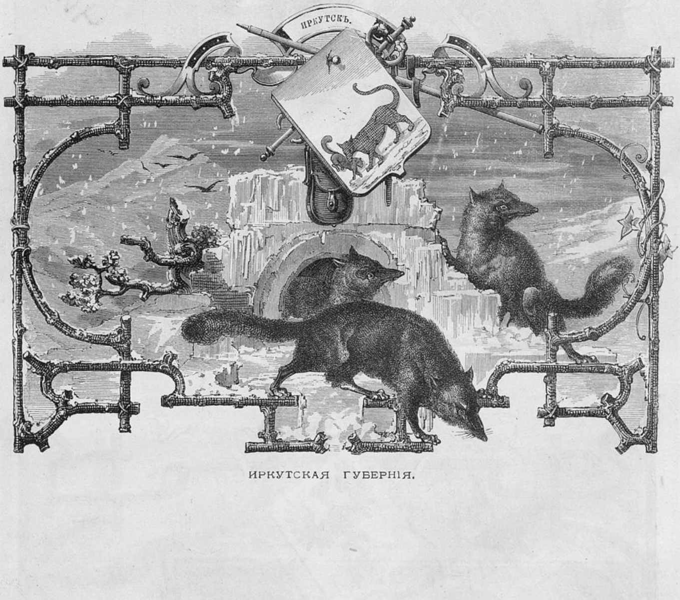
ВОСТОЧНЫЯ ОКРАИНЫ РОССІИ.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНІЯ И ОБЛАСТИ: ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ И ЯКУТСКАЯ.

ИРКУТСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ.

Сѣверъ... Терясь въ безвѣстной дали,
Разметались широко поляны;
Смурою шапкой нависли туманы
Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
Нечѣмъ потѣшить пытливые взоры:
Снѣгъ да снѣгъ, все одинъ, вѣчно дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые темные боры.
Сѣверъ спитъ: усыпилъ его крѣпкій морозъ,
Уложила сѣдая подруга,
Убаюкала буйная вьюга...
Не проснется вовѣкъ—задремавшій колоссъ,
Или къ небу отчизны морозной
Приподниметъ главу, отягченную сномъ,
Зорко глянетъ очами во мракѣ ночномъ
И воспрянетъ громадою грозной?
Онъ воспрянетъ и, долгій нарушивши миръ,
Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя
Съ мощныхъ плечъ отряхнетъ на испуганный міръ.

Л. МЕЙ.

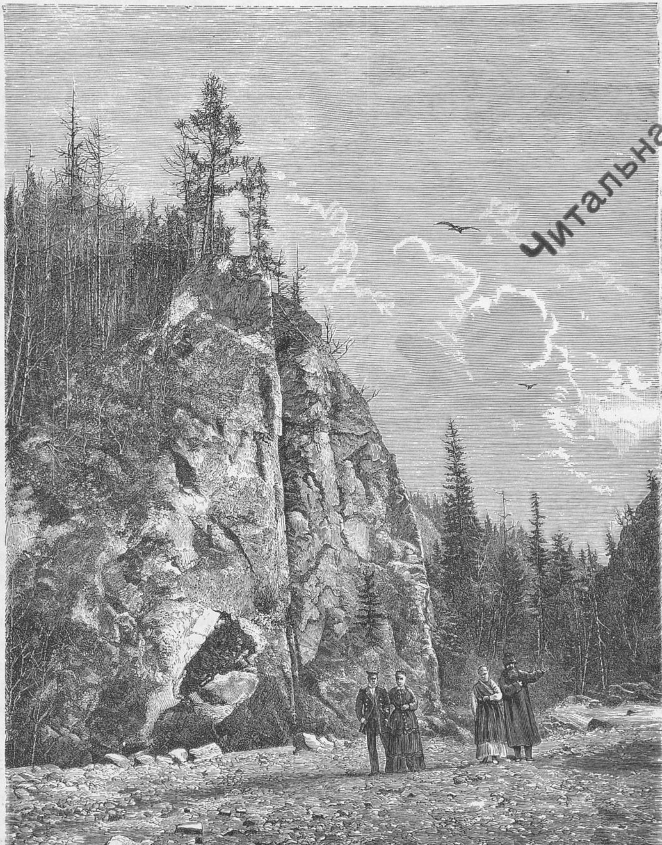
Восточная Сибирь! Какая это отдаленная, богатая разнообразіемъ и величіемъ природы страна и какая пустынная, малоизвѣстная даже и въ наши дни! Неизмѣримыя ея пространства, огражденныя «Каменнымъ поясомъ», Ледовитымъ моремъ, Восточнымъ океаномъ и цѣпью горъ

Саянскихъ, не были извѣстны древнимъ космографамъ. Исторія, — говоритъ Карамзинъ, — не вѣдала о ней, какъ и вообще о Сибири, до нашествія Гунновъ и Монголовъ на Европу. Какъ данники Монголовъ, узнавъ въ XIII-мъ вѣкѣ югъ Сибири, мы еще ранѣе, какъ завоеватели, узнали ея сѣверъ и западъ, гдѣ смѣлые Новгородцы уже въ XI-мъ вѣкѣ обогащались драгоцѣнными мѣхами. Въ исходѣ XV-го столѣтія знамена Москвы уже развѣвались на снѣжномъ хребтѣ «Каменнаго пояса» или древнихъ горъ Рифейскихъ, гдѣ воображеніе Геродотовыхъ современниковъ искало грифовъ, стерегущихъ золото. Воеводы Ивана IV возгласили его имя на берегахъ сибирскихъ рѣкъ, въ пяти тысячахъ верстъ отъ нашей столицы.

Въ физическомъ отношеніи Восточная Сибирь — это особый міръ, вполнѣ достойный тщательнаго изученія. Тамъ въ нѣдрахъ земли драгоцѣнные металлы и камни, а въ глуши непроходимыхъ лѣсовъ пушистые звѣри. Тамъ плодоносныя, цвѣтущія равнины, изобильныя нивы и неприступныя горы съ вѣчно-снѣжными вершинами. Тамъ океанъ, омывающій ея сѣверъ съ необозримыми, безграничными берегами, и ледяная его поверхность только лѣтомъ, въ продолженіе кратковременныхъ жаровъ, всего на полтора или на два мѣсяца, разбивается волнами и снова замерзаетъ. Тамъ въ восточной ея полосѣ — великіе вулканическіе перевороты, слѣды которыхъ и до-нынѣ явственно видны. Въ этой ея части прежде, въ незапамятныя, доисторическія времена, огонь произвелъ ужасныя превращенія: залитый волнами океана, онъ обратилъ полярныя земли въ мерзлую, твердую массу, сокрывшую въ нѣдрахъ своихъ цѣлые роды животныхъ, нынѣ признаваемыхъ неизвѣстными. На льдистыхъ поляхъ ея сѣверо-востока можно видѣть слѣды борьбы силъ вулканическихъ и нептуническихъ, послѣдствіемъ которой часть Сибирскаго материка, отторгнутая отъ него, явилась посреди океана въ видѣ острововъ, нынѣ извѣстныхъ подъ именемъ Курильскихъ и Алеутскихъ. Въ Камчаткѣ до сихъ поръ дымятся вулканы, называемые сопками, и, кромѣ ихъ, есть вулканы въ другихъ мѣстахъ, въ отрогахъ Саянскихъ горъ; нѣкогда они были и около озера Байкала, гдѣ и теперь еще примѣтны слѣды лавы. Въ Саянскихъ горахъ много мрамора, особенно чернаго; между Абаканомъ и другими притоками Енисея — зеленый порфиръ; въ Байкальскихъ горахъ — гранитъ и гнейсъ; при вершинахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ — діоритъ и базальтъ; въ Нерчинскихъ горахъ — порфиръ, яшма, агатъ, топазъ, — все, такъ сказать, дѣти того огня, который въ далекія, доисторическія времена самовластно хозяйничалъ на нашей планетѣ и перестраивалъ ее по-своему.

Есть въ Восточной Сибири мѣста, гдѣ лѣтомъ солнце не заходитъ за горизонтъ, а зимою бываетъ безсмѣнная ночь. Въ Нижне-Колымскѣ, напримѣръ, съ исхода мая до начала іюня солнце не скрывается, но лучи его едва грѣютъ и почти совершенно теряютъ свою яркость, такъ что на тусклый свѣтъ его можно прямо смотрѣть. Но за то съ двадцать втораго сентября по одиннадцатое октября, то есть въ продолженіе восемнадцати сутокъ, господствуетъ тамъ безсмѣнная ночь, освѣщаемая только иногда сѣверными сіяніями, а если нѣтъ густыхъ тумановъ, то постоянно видны и яркія звѣзды. Около Туруханска въ іюнѣ солнце заходитъ не болѣе какъ на пять или десять минутъ, а въ половинѣ этого мѣсяца оно даже не исчезаетъ съ небосклона. Съ половины октября по январь оно показывается тамъ только на горизонтѣ и скоро исчезаетъ, оставляя послѣ себя одно зарево. Около Якутска съ іюля солнце заходитъ за горизонтъ къ десяти часамъ вечера огромнымъ шаромъ, краснымъ, какъ рубинъ, и въ два часа пополуночи вновь появляется почти на сѣверѣ небосклона, имѣя совершенно бѣлый цвѣтъ. Какъ въ Западной Сибири, напримѣръ, въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ ночи бываютъ свѣтлы и дни продолжительны, такъ, наоборотъ, въ Восточной Сибири, кромѣ ея сѣверныхъ окраинъ, — ночи темны и дни короче.

Сѣверная полоса этой страны, собственно говоря, — дикая пустыня, неоживляемая даже и теченіемъ великихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море и окованныхъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ льдами. Берега рѣкъ и вѣковые лѣса этой ея части посѣщаются только звѣрями,

T. XII. Скала противъ минеральнаго источника въ Ниловой пустыни.

цѣнность которыхъ влечетъ туда сибирскихъ охотниковъ — какъ бродячихъ инородцевъ, такъ и отважныхъ промышленниковъ. На пространствѣ трехъ сотъ верстъ отъ береговъ Ледовитаго моря нѣтъ растительности, остались только слѣды давно угасшей жизни: въ землѣ иногда находятъ, особенно въ берегахъ рѣкъ и озеръ, цѣлыя деревья съ корнями и вѣтвями. Южнѣе—большія пространства покрыты болотами, тростникомъ, березами, ивами, мелкимъ кустарникомъ. Въ болѣе умѣренныхъ округахъ находятся необозримые, нетронутые лѣса — кедровые, сосновые, лиственичные. Кедры нерѣдко достигаютъ высоты ста двадцати футовъ. За 70° лѣса становятся рѣже, ростъ ихъ уменьшается и наружный видъ уже иной: вмѣсто высокихъ, прямыхъ и широколиственныхъ — деревья кривыя и корявыя. Отсюда до самыхъ береговъ Ледовитаго океана природа въ безпробудномъ усыпленіи, мертва и неизмѣнна, климатъ суровый и холодный по самому географическому положенію страны и по причинѣ покатости ея къ океану, съ котораго безостановочно дуютъ сѣверные вѣтры.

За то южная полоса страны съ умѣреннымъ климатомъ имѣетъ плодородныя земли, обширныя луговыя равнины, множество большихъ и малыхъ рѣкъ и металлоносныя горы. Она можетъ питать многіе милліоны населенія. Можно надѣяться, что съ такими запасами естественныхъ богатствъ потомство нынѣшнихъ ссыльныхъ и разнородныя кочевыя племена, слившись въ одно поколѣніе съ Русскими, образуютъ впослѣдствіи великую массу населенія богатаго, сильнаго и цвѣтущаго. Теперь же край этотъ мало населенъ и хотя богатыя рыбою рѣки и орошаютъ его во всѣхъ направленіяхъ, но не оживлены тѣмъ дѣятельнымъ судоходствомъ, которое представляется на европейскихъ рѣкахъ. Сибирскія рѣки только временно служатъ для провоза главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей, металловъ, пушнаго звѣря и нѣкоторыхъ китайскихъ товаровъ.

Изъ множества озеръ Восточной Сибири замѣчательнѣе всѣхъ, конечно, Байкалъ или Святое море, о которомъ посланные «провѣдывать за Сибирь» атаманы и казаки (1567 г.) сообщили, что «въ озерѣ самоцвѣтные камни, и ѣзды до него отъ Кумчаги рѣки семь денъ конёмъ, а въ то озеро впали четыре рѣки». Кромѣ прѣсныхъ озеръ, въ этомъ краѣ много соленыхъ и горькосоленыхъ, много источниковъ съ сѣрными водами, горячими и холодными, а также съ кислыми и желѣзными. Лучшія изъ нихъ въ Забайкальѣ — Туркинскія и Багрузинскія. Забайкалье, вообще, лучшая часть Восточной Сибири по умѣренности климата, плодородію почвы и по обилію степей, дающихъ возможность кочующимъ по нимъ Бурятамъ содержать огромныя стада лошадей и рогатаго скота. Эта часть Восточной Сибири, извѣстная также подъ именемъ страны Даурскихъ Альповъ и считавшаяся когда-то, въ недавнее, впрочемъ, время, житницей ея, отличается живописностью долинъ и горъ по теченію рѣкъ Аргуни, Шилки, Онона и Ингоды. Не говоря уже о красотѣ и величіи ея горныхъ хребтовъ, высящихся къ небесамъ, одинъ Байкалъ съ окружающими его со всѣхъ сторонъ горными массами, съ ихъ вѣчно-снѣжными вершинами, блестящими на солнцѣ цвѣтами бриліантовъ, оставляетъ въ каждомъ путникѣ, хоть однажды въ жизни посѣтившемъ его берега, неизгладимое впечатлѣніе.

Страна Даурскихъ Альповъ,—говоритъ Риттеръ (Землев. Азіи),—составляетъ послѣднее звѣно сѣверной окраины нагорной Азіи и вмѣстѣ съ тѣмъ является единственными забайкальскими воротами, ведущими въ нагорную степь Гоби и въ низменную область рѣки Хуанъ-хо въ Китаѣ, такъ какъ только здѣсь, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пролегаетъ караванная дорога, по которой ведутся торговыя сношенія образованныхъ странъ запада съ культурными странами востока. Глубокая котловина обширнаго Байкальскаго озера, извѣстнаго у туземцевъ подъ именемъ Святаго моря (на востокѣ отъ Саянскаго нагорья), со множествомъ рѣкъ, текущихъ въ него, въ особенности чрезъ посредство долинъ Селенгинской рѣчной системы, составляетъ ключъ къ этимъ великимъ воротамъ, ведущимъ на возвышенное плоскогорье. Если мы станемъ искать самую возвышенную точку, съ которой бы можно было обозрѣть всю эту восточную группу сѣверной окраины, то найдемъ, что такая точка есть именно огромный узелъ горъ

высокаго Кентей-хана (во владѣніяхъ Китая), или одна изъ величайшихъ вершинъ его на русской сторонѣ — гора Чокондо. Узелъ этотъ, по словамъ Риттера, можно считать Сенъ-Готардскимъ узломъ Даурскихъ Альповъ, и онъ составляетъ большой водораздѣлъ Амурской и Байкальской водныхъ системъ. Юго-западное продолженіе его есть Ханъ-Оола; западное же раздѣляется множествомъ рѣкъ, составляющихъ верховье Селенги, а сѣверо-восточное—Большой Хинганъ, извѣстный на сибирской сторонѣ подъ названіемъ Большаго Становаго или Яблонова хребта. Хребетъ этотъ, дѣйствительно, отдѣляетъ систему водъ Амура на юго-востокѣ отъ Селенгинской системы, съ Байкаломъ и Леной, на сѣверо-западѣ. Онъ тянется параллельно съ длинной осью Байкальскаго озера, т. е. отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, простираясь къ Охотскому морю, и такимъ образомъ раздѣляетъ горную страну Даурскихъ Альповъ на южную и сѣверную области. Южная Даурія или рѣчная область верхняго Амура собственно можетъ назваться Нерчинскою Дауріей, сѣверная же, Байкальская Даурія, по своей общей характеристикѣ должна быть названа страною Даурскихъ уступовъ, или, взятая отдѣльно, Байкальскимъ нагорьемъ, потому что она окружаетъ Байкальское озеро, влитое въ средину ея, а, слѣдовательно, переходитъ и на сѣверное прибрежье озера, гдѣ, ниже Иркутска, прорывается Ангарою. Лена съ своими притоками вытекаетъ уже съ наружной стороны самаго сѣвернаго предгорья Байкальской возвышенности.

На всѣхъ восточныхъ горныхъ перевалахъ Становаго хребта, ведущихъ на Ингоду, а также же болѣе западныхъ, ведущихъ къ истокамъ Чикоя, Онона и Керулена, названіе хребта Становымъ находится во всеобщемъ употребленіи. Къ востоку же отъ Нерчинска онъ называется Яблоновымъ. Такое названіе произошло, будто бы, отъ дикой яблони (Pirus baccata), плодъ которой, величиною не болѣе клюквы, дѣйствительно, по строенію своему, не отличается отъ яблока. Названіе хребта Яблоновымъ перешло во всѣ новѣйшія географіи, хотя уже Палласъ доказалъ его неосновательность. «Начиная отъ сѣвернаго Догно,—говоритъ онъ,—подошва Становаго хребта возвышается сначала очень полого, а потомъ переходитъ въ усѣянную мелкими скалами горную цѣпь, отдѣляющую Даурію отъ Сибири и извѣстную подъ именемъ Ябленни-Даба. Это бурятское названіе существуетъ съ незапамятныхъ временъ у туземцевъ, и отъ него первые прибывшіе сюда Русскіе произвели искаженное названіе Яблоннаго хребта». Названіе это нельзя производить отъ дикой яблони, которая, по свидѣтельству Палласа, даже и не растетъ въ этихъ горахъ. Становой хребетъ, или правильнѣе—Ябленни-Даба, заслуживаетъ названіе великаго только потому, что онъ очень длиненъ. Относительная высота его на большей части протяженія даже незначительна и только около горы Чокондо и источниковъ Онона можетъ быть названа замѣчательною. Самъ Чокондо или Цокондо (по-тунгузски) — дѣйствительно исполинская вершина Становаго хребта, связывающая Китайскій Кентей-ханъ съ бурятскимъ Ябленни-Даба. Чокондо находится между Балчеканомъ и Алтайскимъ Карауломъ въ 40 верстахъ къ с.-з. отъ послѣдняго. Эта гора составляетъ совершенно уединенный, отдѣльный и какъ бы оторванный отъ хребта обломокъ. При основаніи ея снѣжной вершины разстилается поверхность, усѣянная каменистыми холмами. Кругомъ густой лѣсъ изъ вѣковыхъ сибирскихъ кедровъ (Pinus cembra), наполненный множествомъ источниковъ, изъ которыхъ образуются ручьи, направляющіеся во всѣ стороны и питаемые снѣгами съ вершинъ скалистыхъ ущелій горы. Эта мѣстность въ лѣтніе жары служитъ убѣжищемъ красной дичи, которая собирается въ ней огромными массами, защищаемая прохладой лѣсовъ отъ нападающихъ на нее насѣкомыхъ. Находясь въ этой мѣстности, путешественникъ чувствуетъ себя на значительной высотѣ по сравненію со всѣми остальными горами, расположенными наОнонѣ къ югу-востоку. Суевѣрные Тунгузы смотрятъ на эту гору, какъ на мѣстопребываніе гнѣвнаго божества, посылающаго на нее ежедневно облака и бури и недопускающаго на ея вершину никого изъ смертныхъ.

Климатъ Восточной Сибири, при громадности ея размѣровъ, представляетъ чрезвычайное

разнообразіе. Въ широтѣ Нижне-Колымска, напримѣръ, зима предолжается девять мѣсяцевъ сряду, въ сентябрѣ холодъ доходитъ до 35°, въ ноябрѣ—до 40°, а въ январѣ — далеко за 40°. Отъ такой стужи захватываетъ дыханіе человѣка и нельзя выйдти иначе изъ дому на открытый воздухъ, какъ плотно закутавъ носъ и ротъ. Дикій олень, житель полярныхъ странъ, въ такіе холода забирается въ глушь лѣсовъ или кустарниковъ и стоитъ тамъ неподвижно. Въ продолженіе остальныхъ трехъ мѣсяцевъ весна, лѣто и осень быстро смѣняются. Не успѣютъ рѣки вскрыться въ іюнѣ, какъ уже въ сентябрѣ снова замерзаютъ. Весною въ половинѣ мая бываютъ иногда такіе морозы, какихъ въ другой части Сибири, напримѣръ въ Забайкальѣ, не бываетъ и въ декабрѣ. Въ первыхъ числахъ іюня начинается лѣто и температура быстро достигаетъ +18° въ полдень. Около Туруханска въ кратковременное лѣто термометръ иногда въ три дня возвышается отъ +5 до +35°. Въ самое жаркое время становится иногда такъ холодно, что шуба положительно необходима. Въ іюлѣ зелень деревьевъ уже блѣднѣетъ и желтѣетъ; зима въ Туруханскѣ продолжается семь мѣсяцевъ и холодъ иногда достигаетъ—40°. Около Якутска сильнѣйшіе морозы начинаются съ ноября, продолжаются до конца января и достигаютъ иногда 50°. Въ началѣ февраля морозы начинаютъ уменьшаться, а въ концѣ марта они уже значительно умѣреннѣе. Зелень показывается въ началѣ мая, съ іюня становится замѣтно теплѣе, въ теченіе іюля и даже въ началѣ августа бываютъ жары, доходящіе до 40° на солнцѣ; съ половины августа начинаются уже холодныя ночи, а въ исходѣ его на вершинахъ горъ выпадаетъ снѣгъ. Въ половинѣ сентября замерзаютъ рѣки и въ нѣсколько дней устанавливается по Ленѣ зимній путь. Поверхность почвы въ Якутскѣ едва оттаиваетъ лѣтомъ аршина на два. Въ самое жаркое лѣто жители имѣютъ тамъ мерзлую говядину, рыбу, молоко и прочее: продукты эти ставятъ въ погреба, состоящіе изъ ямъ, вырубленныхъ въ мерзлой землѣ и покрытыхъ ею сверху. Въ мѣстахъ ниже Енисея продолжительная зима необыкновенно сурова, такъ что иногда замерзаютъ птицы и звѣри; лѣто же короткое, знойное. Въ горахъ Иркутской губерніи тоже бываютъ страшные холода. Въ самомъ Иркутскѣ иногда ртуть замерзаетъ на нѣсколько дней. Въ августѣ тоже случается (хотя, впрочемъ, не часто) видѣть на улицахъ снѣгъ, въ сентябрѣ же снѣгъ — явленіе обыкновенное. Вообще, въ Восточной Сибири нѣтъ ни осенняго сыраго времени, съ его продолжительными дождями и вѣтрами, ни весны, съ ея тихими пробужденіями природы отъ зимняго сна. Тамъ переходъ отъ зимы къ лѣту быстрый, а отъ лѣта къ зимѣ — почти неожиданный (безъ дождей и сырыхъ вѣтровъ), смѣняющій сразу лѣтніе ясные дни на холодные зимніе, со снѣгомъ и вьюгой.

Однако-же, не смотря на такіе рѣзкіе и крутые переходы отъ зимы къ лѣту, флора Восточной Сибири богата разнообразіемъ цвѣтовъ, между которыми встрѣчается много лилій разныхъ видовъ, луковицы которыхъ въ Камчаткѣ употребляются даже въ пищу; много горечавокъ (Gentiana) съ голубыми и бѣлыми цвѣтками; встрѣчается также во множествѣ желтоцвѣтная кашкара (Rhododendron chrysanthum) и пышная даурская съ багряными цвѣтами; наконецъ, много аптекарскихъ растеній (мята, шалфей, бузина, ромашка и проч.). Ревень хотя и встрѣчается, но низкаго качества; настоящій же антечный ревень привозится въ Восточную Сибирь изъ Китайскихъ владѣній.

Сибирское лѣто, при своей обидной кратковременности, даетъ однако же возможность произрастать всюду, за исключеніемъ, разумѣется, крайняго сѣвера, огороднымъ овощамъ, плодамъ и ягодамъ. Земляника, брусника, морошка и облѣпиха находятся въ изобиліи, особенно въ Иркутской губерніи и Забайкальской области. Рябина и черемуха, калина и боярышникъ встрѣчаются тоже во многихъ мѣстахъ, но яблони рѣже. Сибирское яблоновое дерево, хотя по виду и не отличается отъ яблонь во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, но плоды его мелки, какъ клюква, кислы и созрѣваютъ только къ осени.

Не смотря на жестокіе зимніе морозы, во время которыхъ, какъ замѣчено выше, замерзаютъ иногда въ Восточной Сибири не только птицы, но даже и животныя,— царство перна-

тыхъ тамъ все-таки многочисленно. Не говоря уже о дикихъ птицахъ, каковы орлы, беркуты и т. п., тамъ много пѣвчихъ птицъ — дроздовъ, скворцовъ, малиновокъ, жаворонковъ и т. д. Между птицами замѣчательнѣе другихъ красные и зеленоватые гуси, утки, отличающіяся красотою перьевъ, напримѣръ въ Забайкальской области. Но нельзя не замѣтить, что въ Западной Сибири пѣвчихъ птицъ разнаго рода значительно болѣе, чѣмъ въ Восточной. Дикихъ водяныхъ птицъ въ Восточной Сибири болѣе, нежели въ Западной. У береговъ Ленскаго архипелага и далѣе къ мысу Сѣверо-восточному, а также и у острововъ Ѳадѣевскаго, Котельничьяго, Ляховскихъ и другихъ собираются весною и осенью дикія водяныя птицы въ такомъ множествѣ, что покрываютъ тамошнія воды, болота и тундры на необозримое пространство; едва-ли можно гдѣ-либо слышать столь разногласный и шумный хоръ птицъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ. Насѣкомыхъ также множество, и особенно на отдаленномъ сѣверѣ, гдѣ они живутъ миріадами; лѣтомъ тамъ невозможно быть подъ открытымъ небомъ безъ волосяной сѣтки на лицѣ. Въ особенности много комаровъ и мошекъ. Но по обилію комаровъ и мошекъ степи Западной Сибири, особенно же Барабинская и Ишимская, значительно преимуществуютъ предъ степями Восточной Сибири и Забайкальской области. Весною въ степяхъ Западной Сибири гулъ стоитъ въ воздухѣ отъ миріадъ мелкихъ насѣкомыхъ. Проѣзжій человѣкъ, закрывшись сѣткою, не перестаетъ во все время пути отъ станціи до станціи дымить въ экипажѣ табакомъ; ямщикъ не смѣетъ остановить лошадей и гонитъ ихъ всю дорогу рысью, а за экипажемъ и надъ лошадями, во все время пути, огромной тучей несутся комары и мошки. Они начинаютъ рѣдѣть и отставать только тогда, когда дымъ курева, поддерживаемаго весною около селеній, отдѣлитъ ихъ, наконецъ, отъ экипажа. Въ Восточной Сибири, на пути отъ Красноярска до Нерчинска, ничего подобнаго путешественники не испытываютъ.

Народонаселеніе Восточной Сибири разнообразно до того, что тамъ можно наблюдать жизнь человѣка почти во всѣхъ видахъ ея общественнаго развитія. На самой низшей степени ея стоятъ инородцы, представители кореннаго населенія страны — бродячаго, кочующаго и осѣдлаго. Одни изъ нихъ по типу лица принадлежатъ къ финскому племени, другіе—къ монгольскому, третьи—представляютъ смѣсь того и другаго; далѣе—черты лицъ татарскихъ и манджурскихъ; вообще же, преобладающій типъ все-таки монгольскій. Одни изъ нихъ—послѣдователи магометанства, другіе шаманской вѣры, далѣе — поклонники Шакъ-ямуни, Будды и т. п. Исторія происхожденія и языкъ этихъ инородцевъ еще мало изслѣдованы. Въ Восточной Сибири, на сѣверѣ Енисейской губерніи, живутъ Остяки, Калмыки и Самоѣды; на югѣ ея — Качинцы, Аринцы, Сагайцы, Бельчиры, Камасинцы и Кайбалы. По степямъ, лѣсамъ и тундрамъ Иркутской губерніи, Камчатской и Якутской областей кочуютъ: Карагессы, Тунгузы, Якуты, Коряки, Юкагиры, Ламуты, Чукчи и Камчадалы. Въ Забайкальской области преобладающее кочующее населеніе — Буряты, исповѣдывающіе ламайскую вѣру. Буряты и Якуты — самое богатое населеніе между всѣми инородцами Восточной Сибири. Не смотря на свои перекочевки во всѣ четыре стороны степей Забайкальской области, Буряты имѣютъ свои храмы для богослуженія и громадный штатъ духовенства, которое крѣпко держитъ въ своей власти все бурятское населеніе, притомъ не одно уже столѣтіе. Еще въ XVI-мъ вѣкѣ наши русскіе ходоки, провѣдывавшіе сибирскія земли, сообщали о нихъ царю Ивану Васильевичу, между прочимъ, слѣдующее: «Въ Мунгальской землѣ стоятъ мечети каменны, какъ храмы дѣланы клинчатые, а крестовъ на нихъ нѣтъ, а на верху сдѣланы у мечетей звѣри, невѣдомо какіе, каменные, а внутри сидятъ высоко три болваны женскіе, сажени по полторы болванъ, а на правой сторонѣ восемь болвановъ мужскихъ, налѣво восемь болвановъ — всѣ дѣвки; издали не распознати, какъ быть человѣкъ въ тѣлѣ. А поютъ въ нихъ въ двѣ трубы великія, сажени по полторы; какъ затрубятъ въ трубы, да станутъ бить въ бубны, да руками всплеснутъ, да ударятся о землю и лежатъ съ полчаса, и въ тѣ поры къ нимъ лѣзти нельзя, какъ поютъ: страхъ человѣка объятъ.»

Монгольскій типъ лица замѣчается въ Восточной Сибири не у однихъ только бродячихъ и кочующихъ инородцевъ, коренныхъ обитателей этой страны, но и среди осѣдлаго русскаго населенія. Не говоря уже о жителяхъ деревень и селъ, близко соприкасающихся съ жизнію инородцевъ,—въ городахъ преобладающій между жителями типъ тоже съ монгольскимъ отпечаткомъ: широкоскулыя лица, узенькіе глаза и приподнятыя къ вискамъ брови. Въ Иркутскѣ, напримѣръ, не только среди мѣщанскаго населенія города, но даже и между представителями именитаго купечества, достигшаго, въ наши дни, благодаря своему случайному богатству отъ золотопромышленности, превосходительныхъ чиновъ и первоклассныхъ орденовъ, встрѣчаются лица того же типа.

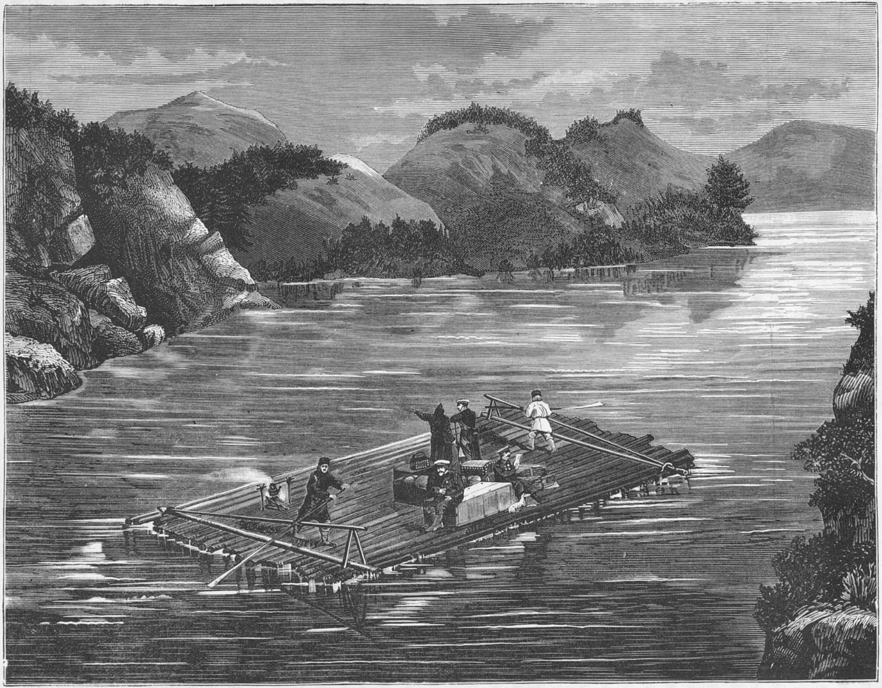
Русскіе Сибиряки Восточной Сибири и ея окраинъ раздѣляются на старожиловъ и поселенцевъ. Къ старожиламъ принадлежатъ поколѣнія выходцевъ изъ Россіи, которые послѣ Ермака стали проникать туда толпами, обольщенные обманчивыми надеждами бить соболей и чернобурыхъ лисицъ палками. Избирая удобныя мѣста для собственныхъ своихъ выгодъ, они строили себѣ жилища сначала временныя, а потомъ постоянныя и, при всегдашнемъ приливѣ новыхъ выходцевъ изъ Россіи, размножились и заселились. Русскіе старожилы — народъ смышленный, гостепріимный и смѣлый. Это — главная ихъ черта. Между старожилами особенное вниманіе обрашаютъ на себя Сибирскіе и Забайкальскіе казаки, потомки отважныхъ завоевателей Сибири. Впрочемъ, въ послѣднее время въ званіе казаковъ стали поступать люди разныхъ сословій. Казаки раздѣляются на полки и пограничное войско. Они расположены по губерніямъ и областямъ Восточной Сибири и по китайской границѣ. Въ числѣ казаковъ есть и Тунгузы, и Буряты, и другіе инородцы. Казачьи полки сформированы въ 1822 г., а пограничное войско существуетъ со времени заключенія мирнаго трактата (въ 1727 г.) между Россіею и Китаемъ. Казаки въ городахъ употребляются взамѣнъ внутренней стражи и полицейскихъ командъ. Они составляютъ конвои этаповъ, препровождаютъ ссыльныхъ, охраняютъ соляныя озера, побуждаютъ къ исправленію повинностей, наблюдаютъ за порядкомъ на сельскихъ и инородческихъ ярмаркахъ, а въ малолюдныхъ городахъ исправляютъ должности почтальоновъ и даже квартальныхъ надзирателей. Пограничные казаки дѣлаютъ разъѣзды по китайской границѣ, охраняютъ казенныя и частныя имущества и командируются въ разныя мѣста по распоряженію начальства. О казакахъ, расположенныхъ вдоль китайской границы, существовало когда-то мнѣніе, что они, будто-бы, охраняютъ не границу отъ контрабанды, а самую контрабанду отъ таможеннаго вѣдомства. Съ перенесеніемъ таможни изъ Кяхты въ Иркутскъ (съ 1860 г.), дѣятельность пограничныхъ казаковъ отчасти утратила свой прежній характеръ, хотя нельзя не высказать предположенія, что съ переводомъ таможни въ Иркутскъ и со сбавкою пошлины на китайскіе чаи чайная контрабанда все-таки въ большей или меньшей степени существуетъ и теперь. Нѣкоторые изъ казаковъ, въ свободное отъ службы время, занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, звѣриной и рыбной ловлею, и всѣ эти промыслы нетолько доставляютъ имъ нужное продовольствіе, но служатъ иногда и предметомъ торговли.

Сибирскіе поселенцы—это особый классъ людей, которые, по многоразличнымъ вольнымъ и невольнымъ нарушеніямъ закона, ссылаются въ Сибирь. Большая часть изъ нихъ, по давности времени, уже смѣшалась съ кореннымъ населеніемъ страны и неохотно сознается въ своемъ прошломъ. «Здѣшніе старинные обыватели,— объясняютъ поселенцы,— чортъ, медвѣдь да остякъ, а мы россейскіе — настоящіе православные; и забрались сюда по вольной-волѣ». Дѣйствительно, обжившихся ссыльныхъ старожилы уже не считаютъ поселенцами. Между поселенцами есть, разумѣется, представители разныхъ вѣроисповѣданій: есть и католики, и лютеране, и евреи, и магометане. Господствующая вѣра православная; но нельзя не замѣтить, что сибирское русское населеніе, будучи съ инородцами въ постоянныхъ сношеніяхъ, даже въ дружбѣ и родствѣ, не прочь иной разъ и ихъ богамъ помолиться. На бож-

ничкахъ въ деревенскихъ избахъ встрѣчаются иногда, вмѣстѣ съ христіанскими образами, и бурятскіе бурханчики, мѣдные восьмирукіе уродцы съ глазами на всѣ четыре стороны. Необходимо, однако-же, оговориться, что подобное двоевѣріе не есть явленіе общее: у большинства русскаго населенія, и въ особенности у старообрядцевъ, которыхъ въ Забайкальской области весьма много, бурятскіе бурханчики находятся въ полнѣйшемъ пренебреженіи.

Изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, какъ Восточной, такъ и Западной Сибири, Иркутскъ богаче и оживленнѣе. Но справедливость требуетъ замѣтить, что нигдѣ въ Россіи и нигдѣ въ Сибири и ея областяхъ нѣтъ такого рабскаго поклоненія богатству, какъ въ Иркутскѣ, и нигдѣ такъ ярко не бросается въ глаза чванство золотаго мѣшка и его тщеславіе, какъ именно въ этомъ городѣ. При отсутствіи образованія, при весьма замѣтной скудости руководящихъ нравственныхъ началъ и, главное, при возможности разбогатѣть случайно, открывъ золотой пріискъ, весь складъ жизни обитателей этого города имѣетъ свой рѣзкій и непріятный оттѣнокъ. Независтливая, скромная жизнь, при постоянномъ спокойномъ трудѣ, въ этомъ городѣ почти рѣдкость. Точно также рѣдкость тамъ и некичливое, безъ чванства и надменности, богатство: вездѣ и во всѣхъ видна такая погоня за наживой, о какой во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и понятія не имѣютъ. Слово «золото» слышится всюду. «Тотъ, говорятъ, нашелъ золото,» «тотъ ѣдетъ искать золото,» «у того вымыли столько-то золота» и т. д. Только и словъ. Золото, добываемое руками преступниковъ и всего чаще для новыхъ преступленій, точно опьяняетъ всѣхъ и разжигаетъ страсть къ наживѣ.— «Отчего-же, молъ, въ самомъ дѣлѣ, и мнѣ не разбогатѣть?—размышляетъ любой изъ алчныхъ обывателей города: — разбогатѣлъ же такой-то!.. Давно ли ѣздилъ на старой костлявой клячѣ, въ дребезжащихъ дрожкахъ трухъ-трухъ, а теперь у него уже пара рысаковъ изъ Россіи, по три тысячи каждый, и коляска, и карета, и у жены каждый мѣсяцъ новыя шляпки... А чѣмъ разбогатѣлъ? Вѣдь, если по правдѣ-то говорить, такъ онъ на своемъ грошовомъ пріискѣ безъ золота золото добывалъ: скупалъ его ворованное съ сосѣдняго богатаго пріиска, для этого собственно и въ сосѣдство къ нему залѣзъ. Ну, вотъ этимъ и оперился, а потомъ ужь съ деньгами-то можно было орудовать». И для того, чтобы раздобыться деньгами, подобныя лица ищутъ всевозможныхъ путей. Игра въ карты, напримѣръ, въ Восточной Сибири (особенно же въ Иркутскѣ и Кяхтѣ) развита до того, что проигрышъ и выигрышъ доходятъ иногда до десяти тысячъ рублей въ одинъ вечеръ. При такомъ добываніи денегъ, онѣ, разумѣется, рѣдко употребляются на дѣйствительное дѣло, а всего чаще уходятъ изъ рукъ получившаго ихъ тѣмъ же путемъ, какимъ пришли, и уносятъ съ собою и тѣ запасы, которые приберегались «на домашнія надобности». Даже и для дѣйствительныхъ торговыхъ предпріятій процентъ за пользованіе капиталомъ въ Иркутскѣ держится на невозможной высотѣ. Двадцать процентовъ на сто въ годъ считается тамъ обыкновеннымъ вознагражденіемъ. Такой процентъ существуетъ не въ еврейскихъ кассахъ ссудъ, а у крупныхъ мѣстныхъ капиталистовъ, небрезгающихъ открывать кредитъ своимъ собратамъ на такихъ тяжелыхъ условіяхъ. Относительно еврейства нужно сказать, что въ Иркутскѣ и вообще въ Восточной и Западной Сибири оно съ каждымъ годомъ усиливается и всюду обнаруживаетъ свои зловѣщіе инстинкты, что, впрочемъ, тамъ никого не удивляетъ, а вызываетъ только чувства зависти и соревнованія.

Изъ другихъ городовъ Восточной Сибири, болѣе или менѣе населенныхъ, можно назвать: Красноярскъ, Енисейскъ и Нерчинскъ, а остальные всѣ — Нижнеудинскъ, Чита, Охотскъ, Верхоянскъ, Якутскъ, Киренскъ и т. под. — уступятъ, пожалуй, по малочисленности населенія и бѣдности построекъ, любому торговому селу великорусскихъ губерній. Гражданское управленіе въ этихъ городахъ, какъ и вообще во всей Сибири, ведется до-реформеннымъ порядкомъ; новые судебные уставы не коснулись этихъ городовъ; а военныя силы ихъ ограничиваются парою или двумя казаковъ, находящихся въ вѣдѣніи мѣстной власти, которая, разумѣется, и тамъ, на далекихъ окраинахъ Россіи, сознаетъ свое значеніе и держится не безъ достоин-

Т. XII.

На рѣкѣ Ингодѣ (отъ Читы до Срѣтенска).

ства. Въ праздники, напримѣръ, когда по порядку службы слѣдуетъ справить «парадъ», власть эта, сосредоточенная въ лицѣ штабсъ-капитана или хорунжаго, шествуетъ по пустыннымъ улицамъ города къ обѣднѣ съ подобающимъ величіемъ и не безъ гордости во взорѣ покрикиваетъ на ввѣренныя ей войска, состоящія зачастую изъ пяти казаковъ: «Парочками идите, парочками, а ты, пятый, не отставай!»

О жителяхъ подобныхъ сибирскихъ городовъ еще Палласъ отзывался, какъ «о безпечныхъ и распутныхъ», а Гмелинъ, за тридцать лѣтъ до него, говорилъ о нихъ слѣдующее: «Здѣсь купцы лѣнивы, — пятьдесятъ одну недѣлю въ году лежатъ они за печкой; жители города (рѣчь идетъ о Селенгинскѣ) представляютъ большею частью помѣсь Русскихъ съ Монголами. Они охотно разсѣеваются по хуторамъ и полямъ или дѣлаются скотоводами и въ этомъ состояніи живутъ зажиточно, не заботясь о зимнемъ кормѣ для скота и не запасаясь сѣномъ. Зажиточные русскіе крестьяне и горожане часто женятся на Бурядкахъ, принимающихъ предварительно православіе. Точно также и богатые Буряты переходятъ иногда въ православную вѣру, желая жениться на Русской. Потомки такихъ браковъ составляютъ особый, смѣшанный типъ. Въ лицахъ ихъ видны монгольскія черты; волосы совсѣмъ черные. Ихъ называютъ «Карымами». Отъ этого смѣшенія бурятскій образъ жизни и монгольскій языкъ нашли себѣ доступъ въ здѣшнемъ простонародіи.»

Со временъ путешествія Гмелина и Палласа прошло уже больше столѣтія, но до сихъ поръ жизнь Сибиряковъ остается почти такою же, какою была въ то время. Справедливость требуетъ замѣтить, что лучшіе рабочія силы и лучшіе нравы въ Восточной Сибири—у раскольниковъ, называемыхъ тамъ «семейскими». Раскольники эти были переселены въ Сибирь въ прошломъ столѣтіи при императрицѣ Екатеринѣ. Часть ихъ поселилась въ округахъ Алтая, но всего больше въ Забайкальской области. Они составляютъ лучшія въ ней поселенія, отличаются трудолюбіемъ, промышленностью и благосостояніемъ. Исторія ихъ поселенія, вообще, очень поучительна, и Сибирь преимущественно имъ обязана всѣми улучшеніями въ земледѣліи.

Относительно сельскаго хозяйства нужно сказать, что въ сѣверной части Восточной Сибири физическія преграды не даютъ ему надлежащаго развитія; но все-таки въ Якутскѣ и Камчаткѣ хлѣбопашество существуетъ, хотя и въ весьма ограниченномъ видѣ; въ остальныхъ частяхъ Восточной Сибири плодородная почва почти не требуетъ никакого удобренія и даетъ среднимъ числомъ болѣе 10% прибыли. Въ Забайкальѣ не трудно получить рожь самъ-15, а ячмень — самъ-18. Засѣваемые хлѣба — рожь, ярица, ячмень, овесъ, гречиха, просо и проч. Прежде земледѣліе доставляло хорошія выгоды; крестьяне съ каждымъ годомъ увеличивали запашку и въ большей части деревень обработывали по тридцати десятинъ на каждый домъ. Тогда крестьянинъ не нуждался въ работникахъ; ссыльные напрашивались къ нему въ работу за ничтожную плату, можно сказать, изъ-за хлѣба. Тогда дешевизна жизненныхъ припасовъ, при плодородіи почвы, выходила за предѣлы вѣроятности. Такъ, напримѣръ, до 1822 г., т. е. до образованія губерній, пудъ муки продавался тамъ отъ 20 до 30 копѣекъ ассигнаціями, и такія цѣны держались до 1835 г., когда были открыты золотые промыслы и разработка ихъ начала производиться руками поселенцевъ, привлеченныхъ туда хорошей заработной платой.

Нельзя утвердительно сказать, что развитіе золотопромышленности повліяло на упадокъ сельскаго хозяйства. Казалось бы даже, напротивъ, оно должно было способствовать его развитію, требуя огромнаго запаса провіанта. Но все-таки, какъ говорится, изъ пѣсни слова не выкинешь, — и дѣйствительное положеніе сельскаго хозяйства въ настоящее время таково, что въ хлѣбахъ нерѣдко чувствуется недостатокъ, и для Приморской и Амурской, напримѣръ, областей правительство уже не однажды доставляло хлѣбъ, отправляя его изъ Кронштадта, морскимъ путемъ, въ Николаевскій портъ. Если вѣрить тому, что высокая заработная плата и высокая цѣна на жизненные продукты опредѣляетъ собою степень экономическаго развитія

страны, то Восточная Сибирь въ этомъ отношенiи могла бы занять видное мѣсто. Однакожь, на дѣлѣ оказывается, что виднаго мѣста въ экономическомъ развитiи она пока не занимаетъ. Такъ, напримѣръ, при обилiи скотоводства, туда привозятся изъ Россiи сыръ, стеариновыя свѣчи, хорошiе сорта мыла и кожевенные товары. Точно также нѣтъ тамъ хорошаго стекольнаго и фарфороваго производства. Словомъ, вся частная дѣятельность устремлена здѣсь, главнымъ образомъ, на золотопромышленность.

Морскiе и рыбные промыслы за отдаленностью и малолюдствомъ края ограничиваются доставленiемъ насущнаго пропитанiя только однимъ мѣстнымъ жителямъ. Лишь внутреннiя воды имѣютъ промыслы, снабжающiе рыбой отдаленныя мѣста Сибири. Байкалъ, Телецкое озеро, Чаны, Енисей, Селенга, Ангара въ этомъ отношенiи заслуживаютъ вниманiя. Байкалъ со впадающими въ него рѣками особенно важенъ. Онъ для Восточной Сибири то же, что Каспiйское море для остальной Россiи.

До сихъ поръ, еще звѣринымъ промысломъ занимается много рукъ, хотя сравнительно съ прежними годами онъ значительно уменьшился. Уменьшенiе это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что съ приращенiемъ народонаселенiя мало-по-малу стѣсняются предѣлы, въ которыхъ можетъ обитать пушной звѣрь, съ другой же стороны—и самое требованiе на пушной товаръ съ каждымъ годомъ уменьшается по причинамъ, до сихъ поръ хорошо не изслѣдованнымъ. Всего ближе ихъ слѣдуетъ искать въ общемъ обѣднѣнiи и въ развитiи искусныхъ подѣлокъ подъ всякiе мѣха. Золотопромышленность также дѣйствуетъ неблагопрiятно на развитiе звѣринаго промысла. Партiи залотоискателей (въ Сибири сокращенно и не безъ умысла называютъ ихъ «злоискателями»), разъѣзжая по лѣсамъ, разводятъ огни на своихъ ночевкахъ и, оставляя ихъ, не заботятся погасить костры. Отъ этой безпечности загорается лѣсъ, и дымъ распространяясь пугаетъ звѣрей, которые уходятъ далѣе за китайскую границу. Итогъ звѣринаго промысла въ Восточной Сибири такой: Тунгузы добываютъ дикихъ оленей, соболей, кабаргу, черныхъ бѣлокъ и лисицъ. Чукчи промышляютъ куницъ, песцовъ, лисицъ и соболей. Якуты добываютъ лучшихъ соболей по Олекмѣ, Алдану и въ другихъ мѣстахъ Якутской области. Они промышляютъ также лучшихъ чернобурыхъ лисицъ, особенно близъ Колыма и Зашиверска; бѣлокъ преимущественно ловятъ на Олекмѣ, горностаевъ всего больше добывается по рѣкѣ Вилюѣ, около Зашиверска, Жиганска и Колыма. Песцы добываются по берегамъ и островамъ Ледовитаго моря. Медвѣди — во всѣхъ лѣсахъ. Якуты губятъ звѣря безъ пощады, отчего промыслы въ мѣстахъ ихъ жительства съ каждымъ годомъ уменьшаются. Истребляется всего болѣе соболь, который въ наше время остается только въ восточной части Сибири. Остяки промышляютъ медвѣдей, дикихъ оленей, волковъ, бѣлокъ, лисицъ, бурундуковъ.

Средоточiемъ большей части сѣверной сибирской торговли, и въ особенности мѣхами, служатъ въ Восточной Сибири ярмарки. Самая важная изъ нихъ Якутская, за нею — Обдорская, Охотская и Островная (Колымскаго округа). Ярмарки и вообще торговые съѣзды тамъ рѣдки. Селенiямъ, отдаленнымъ отъ городовъ верстъ на пятьсотъ и болѣе, и разнымъ инородцамъ, живущимъ въ степяхъ, горахъ и лѣсахъ, сбытъ мѣховъ всегда затруднителенъ. Между ними и оптовыми покупателями этого товара существуетъ цѣлая цѣпь посредниковъ. Какъ у насъ, въ Россiи, между крестьяниномъ и крупнымъ купцомъ вѣчно шмыгаютъ маклаки, такъ и тамъ между темнымъ инородцемъ и оптовыми покупателями есть паразиты изъ тѣхъ же инородцевъ, ловкихъ и бойкихъ, умѣющихъ загребать жаръ чужими руками.

Иркутская и Верхнеудинская ярмарки отличаются отъ вышеназванныхъ характеромъ торговли. На тѣхъ ярмаркахъ главный предметъ торговли пушной товаръ, а на Иркутской и Верхнеудинской видное мѣсто занимаютъ товары мануфактурные и такъ называемые колонiальные, привозимые изъ Россiи.

Было въ Восточной Сибири, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, кратковременное появленiе на торговыхъ рынкахъ товаровъ, привозимыхъ изъ Америки по Амуру. Тогда въ Иркутскѣ и даже

Красноярскѣ появился американскій сахаръ, кофе, манильскія и гаванскія сигары и всевозможные мануфактурные товары; но какъ только перевели таможню изъ Кяхты въ Иркутскъ и обложили иностранные товары надлежащей пошлиной, такъ тотчасъ же американская торговля эта прекратилась.

Товары, отправляемые изъ Европейской Россіи въ Сибирь, проходятъ дорого стоющій путь. Вопросъ объ открытіи прямаго водянаго пути изъ Тюмени до Иркутска, то есть по водамъ рѣкъ Западной и Восточной Сибири, до сихъ поръ остается открытымъ. Казалось бы, что между рѣками Обскаго и Енисейскаго бассейновъ разстояніе крайне ничтожно, и не Богъ вѣсть какого труда стоило бы соединить ихъ каналомъ; но, какъ видно, искони намъ суждено—сознавать неоспоримыя выгоды отъ осуществленія того или другаго дѣла государственной важности и откладывать его на долгіе годы.

Въ настоящее время плаваніе по рѣкамъ Западной Сибири и переправа изъ нихъ въ рѣки Восточной совершается слѣдующимъ образомъ: отъ устья Тобола плывутъ по Иртышу въ Обь, по ней вверхъ до устья Кети, а по Кети до впадающей въ нее рѣки Сочуры. Поднявшись до сближенія ея съ рѣкою Песчанкою, останавливаются и перевозятъ товары волокомъ на эту рѣку, а по ней сплавляютъ въ Кемь и изъ Кеми—въ Енисей. Для провоза товаровъ изъ Оби въ сѣверныя страны Енисея отправляются иногда на мелкихъ судахъ вверхъ по рѣкѣ Ваху, которая отдѣляется впадающею въ нее рѣчкою Волчанкою всего только десятиверстнымъ пространствомъ отъ рѣчки Черной, текущей въ р. Елогуй, притокъ Енисея. Кромѣ того, плаваютъ иногда изъ Оби вверхъ по р. Тыму, потомъ по р. Нѣменкѣ, а съ этой послѣдней перевозятъ товары волокомъ на Симъ, притокъ Енисея. Точно также есть путь по р. Кети до Маковскаго острога; но здѣсь приходится перевозить товары волокомъ восемьдесятъ девять верстъ до города Енисейска.

Далѣе водяной путь по Енисею слѣдующій: изъ Енисея плывутъ по Верхней-Тунгузкѣ и Ангарѣ въ Иркутскъ и далѣе до Байкала, потомъ по Байкалу и Селенгѣ до южныхъ предѣловъ Россіи, къ китайской границѣ. Суда, идущія вверхъ, поднимаются по Селенгѣ до Стрѣлки (около города Селенгинска); сплавляемыя же внизъ нагружаются верстъ за двадцать отъ Кяхты.

Плаваніе по рѣкѣ Ленѣ совершается слѣдующимъ образомъ. Суда грузятся у Верхоленска и сплавляются до Якутска или до устья Алдана, откуда они отправляются до Охотска обыкновеннымъ сухимъ путемъ. Бывали примѣры плаванія по рѣкамъ Алдану, Маѣ и Юдомѣ до Юдомскаго креста, отъ котораго перевозили тяжести на р. Охоту черезъ узкій горный проходъ; но такое плаваніе медленно и затруднительно. Изъ Охотска путь по морю къ западнымъ берегамъ полуострова Камчатки и мимо ея южнаго мыса въ Петропавловскую гавань. Въ послѣднее время изъ Якутска, вмѣсто Охотска, товары перевозятся въ Аянъ, новый портъ на Охотскомъ морѣ. Изъ Охотска, Аяна и Камчатки суда отправляются къ островамъ, лежащимъ въ сѣверной части Восточнаго океана, на которыхъ производится весьма выгодная ловля морскаго котика.

Острова эти, такъ называемые Командорскіе, «Берингъ» и «Мѣдный», съ населеніемъ на обоихъ около пяти сотъ душъ, преимущественно Алеутовъ, славятся обиліемъ морскаго котика. Необитаемые прежде, они покойною Россійско-Американскою Компаніей были заселены Алеутами, перевезенными съ Курильскихъ островoвъ для работъ по добычѣ котика. Съ 1871 года эти острова отданы въ исключительное пользованіе на двадцать лѣтъ американскому торговому дому Гутчинсонъ и К°. Компанія эта независимо отъ барышей, доставляемыхъ ей, согласно контракту, покупкою котиковыхъ шкуръ по опредѣленной цѣнѣ, на правахъ монополіи, пріобрѣтаетъ, кромѣ того, отъ жителей островoвъ цѣнныхъ голубыхъ песцовъ и бобровъ безъ всякой за то платы русскому правительству. Въ настоящее время компанія ходатайствуетъ о продленіи срока контракта, не смотря на то, что до окончанія срока остается еще девять лѣтъ. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири призналъ ходатайство это не только заслуживающимъ

уваженія, но даже и поощренія, и представилъ объ этомъ въ Петербургъ, находя, что на Восточномъ океанѣ нѣтъ и не будетъ въ будущемъ такихъ надежныхъ предпринимателей, какова компанія Гутчинсонъ. Но представленіе генералъ-губернатора вызвало протестъ со стороны московскихъ крупныхъ фирмъ, торгующихъ мѣховыми товарами. Они заявили правительству, что готовы составить товарищество для эксплоатаціи промысловъ на Командорскихъ островахъ съ потребнымъ капиталомъ, съ представленіемъ залога и на условіяхъ аренды болѣе выгодной для правительства и для мѣстныхъ жителей, чѣмъ та, которую чрезъ генералъ-губернатора предлагаютъ Американцы. Кто побѣдитъ, — вопросъ темный.

Не удивительно, что при существованіи такихъ «вопросовъ» развитіе Сибирскаго края вообще идетъ медленно и чуть-ли даже не стоитъ «на точкѣ замерзанія».

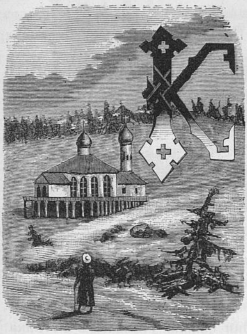
Д. Стахѣевъ.

ОЧЕРКЪ I.

САЯНСКІЙ ХРЕБЕТЪ И МИНУСИНСКІЙ ОКРУГЪ.

Верхняя долина Енисея. — Инородцы Минусинскаго округа.—Русское населеніе и сельскохозяйственные промыслы.

Церковь въ тайгѣ.

Крѣпка родная сторона,
Во вѣкъ не сломится она,
И будутъ въ ней, какъ въ оны годы,
Шумѣть лѣса, катиться воды.

ГЕЙНЕ.

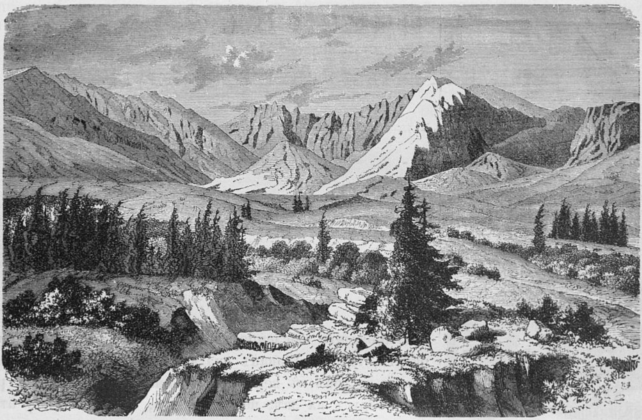
Когда проведете мысленно линію съ юго-запада Минусинскаго округа, гдѣ въ Абаканъ впадаютъ Таштыбъ и Чебашъ, на сѣверо-востокъ къ верховьямъ Кана, то эта линія раздѣлитъ округъ на двѣ, почти равныя, части. Къ югу отъ нея будетъ необитаемая горная страна, а къ сѣверу—заселенная плоская возвышенность, которую, впрочемъ, недалеко отъ сѣверной границы округа и на самой этой границѣ пересѣкаютъ горные хребты, почти параллельные раздѣльной линіи.

Горная страна, находящаяся къ югу отъ раздѣльной линіи, имѣетъ среднюю высоту отъ 4 до 6 тыс. футовъ, высшія же точки достигаютъ 7,000 футовъ. Почти всѣ онѣ находятся у границъ Китая. Страна эта совмѣщаетъ всѣ типичные признаки альпійскихъ мѣстностей: сложную систему поднятій и переплетающихся отроговъ, лабиринтъ узкихъ падей и т. д. Въ ней едва-ли даже возможно прямое сообщеніе въ ту или въ другую сторону, хотя, въ общемъ, хребты, повидимому, имѣютъ опредѣленное направленіе—отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Климатъ здѣсь суровѣе, чѣмъ дальше къ сѣверу, на плоской возвышенности, разстилающейся у подножія горной страны. Уже въ концѣ августа или въ началѣ сентября, сѣверные склоны болѣе высокихъ горъ покрываются снѣгомъ; весна наступаетъ поздно, — послѣдніе снѣга стаиваютъ только въ маѣ. Впрочемъ, почва оттаиваетъ еще позднѣе; тогда идетъ такъ-называемая земляная вода, нагоняя вторично муть въ Енисей и его протоки у Минусинска.

Горная страна называется здѣсь *тайгою*, потому что почти вся покрыта лѣсомъ. Высшія ея точки, конечно, лишены всякой древесной растительности: мхи, ягели и нѣсколько роскошныхъ видовъ рододендрона составляютъ почти единственное ихъ украшеніе. У подножія этихъ

вершинъ растутъ вѣковые кедровые лѣса; а еще ниже — древесная растительность состоитъ изъ сосны, березы, пихты, ели, рябины, осины, лиственицы. Травы, за малыми исключеніями, тѣ же что и въ лѣсахъ сѣверной и средней Россіи; но онѣ достигаютъ здѣсь громаднаго роста,—бываютъ нерѣдко выше всадника на конѣ.

Въ Сибири, вообще, птичій пѣвчій міръ до-нельзя бѣденъ. Нѣтъ и помину о томъ повсемѣстномъ щебетаньѣ, къ которому такъ привыкло ухо въ средней и южной Россіи. Орлы, журавли, утки и другія, болѣе крупныя птицы—главные представители пернатаго міра. Мѣстности иного характера составляютъ исключеніе. Отсутствіе мелкихъ пѣвчихъ птицъ придаетъ

Саянскій хребетъ.

особую суровость тайгѣ. Только кедровка, по утрамъ и на закатѣ солнца, нарушаетъ общее молчаніе. Хозяева тайги—бѣлка, медвѣдь, сохатый, кабарга, изюбрь, олень. На вершинахъ горъ едва услышишь стрекотанье кузнечика. Въ самой-же тайгѣ, въ болѣе низкихъ и сырыхъ мѣстахъ, водится несмѣтное множество оводовъ, комаровъ и мошекъ. Они сильно утомляютъ путника.

Вообще, путешествіе по тайгѣ сопряжено съ немалыми трудностями. Лѣтомъ, верховая ѣзда съ вьюками составляетъ едва-ли не единственный способъ сообщенія. Въ новыхъ мѣстахъ не рѣдко приходится топоромъ прокладывать дорогу, постоянно перебираться черезъ навалившіяся деревья, неожиданно натыкаться на горныя рѣчки, или же карабкаться по узкой тропинкѣ надъ пропастью, въ которую только опытный таежный конь не упадетъ вмѣстѣ со всадникомъ. Поселеній здѣсь нѣтъ, если не считать пріисковъ. Только на самомъ югѣ, въ долинѣ р. Уса, поселились въ двухъ деревняхъ Усинскихъ бѣглые и раскольники, искавшіе возможности укрыться и, дѣйствительно, долго остававшіеся внѣ общаго хода жизни.

Зато величественные, дикіе пейзажи встрѣчаются тутъ на каждомъ шагу: то открываются виды на обширнѣйшія пространства тайги, то предстаетъ взорамъ глухое, горное озеро, покрывающееся къ ночи густымъ туманомъ. Множество рѣкъ и рѣчекъ текутъ и сбѣгаютъ въ разныхъ направленіяхъ, пріятно разнообразя мѣстность. Онѣ охлаждаютъ и увлажняютъ воздухъ, и безъ того довольно холодный, вслѣдствіе значительнаго возвышенія мѣстности. Это отзывается и на мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ тайгою, напримѣръ, на пріискахъ,

гдѣ, вслѣдствіе сырости и холода, свирѣпствуютъ лихорадки, упорные поносы и цинготная болѣзнь. Пріиски расположены здѣсь по Амылу, Чибижеку, Кизиру, Систикему. Недавно открыты пріиски по Усу, обѣщающіе богатую добычу. Благодаря золоту, вѣковая тишина тайги нарушена; не только въ лѣтнее время, но и въ зимнее въ ней все-таки кое-гдѣ, оазисами, живетъ человѣкъ и движутся въ разныхъ направленіяхъ обозы съ принадлежностями и припасами для пріисковъ.

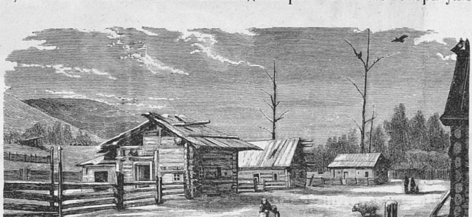
Здѣсь Енисей вырывается изъ горной страны. Разнообразно извивается онъ передъ тѣмъ между горъ, образуя много пороговъ. Особенно извѣстенъ въ округѣ Большой порогъ, который, впрочемъ, далеко уступаетъ ангарскимъ порогамъ. Когда сверху идутъ плоты съ солью, кожами и пр., то въ этомъ мѣстѣ плотъ мгновенно заливается волною. Бываютъ случаи, что неопытныхъ совсѣмъ смываетъ водою. Енисей течетъ въ горахъ однимъ русломъ. Горы стѣсняютъ его теченіе, спускаясь къ водѣ крутыми мысами, которые поросли на вершинахъ дремучими хвойными лѣсами. Изрѣдка только остаются узкія береговыя полосы (забоки), ровныя и поросшія породами ивовыхъ. Впрочемъ, есть и такія мѣста, гдѣ Енисей течетъ по мѣстности болѣе ровной.

Таежная дорога.

У подножія горной страны, къ сѣверу отъ названной выше раздѣльной линіи, разстилается плоская возвышенность, называемая здѣсь *степью*. Средняя ея высота отъ 1,000 до 2,000 футовъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что эта степь—вовсе не гладкая равнина. Не говоря уже о хребтахъ, которые ее пересѣкаютъ въ сѣверныхъ частяхъ округа, она и къ югу отъ этихъ хребтовъ волниста и покрыта горами и холмами, только эти холмы и горы стоятъ какъ-то особнякомъ, безъ всякой видимой связи между собою.

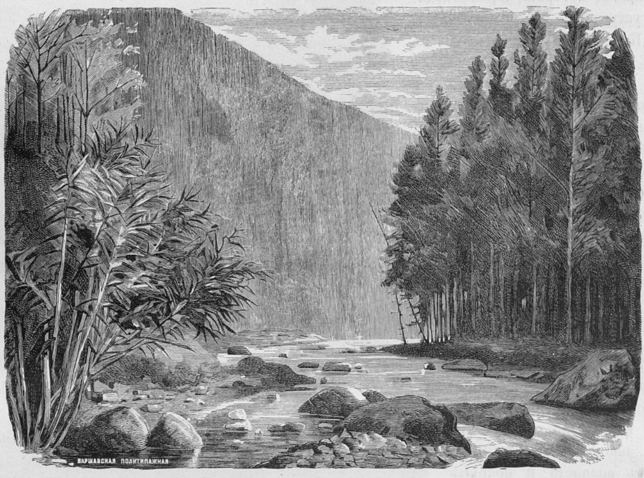
Плоская возвышенность, разстилающаяся у подножія Минусинской горной страны, тянется на сѣверо-западъ, далеко за границы округа, къ Ачинску, Красноярску и далѣе. Въ самомъ округѣ она образуетъ два участка. Одинъ, главный, идетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, въ видѣ удлиненнаго четыреугольника. Онъ направляется отъ верховьевъ Бѣлаго Юса и Уйбата, на сѣверо-востокъ, къ Канску. Другой участокъ, меньшій, находится по лѣвую сторону Енисея, въ сѣверо-западномъ углу округа.

Усинская деревня.

Какъ сказано уже, Минусинскія степи не превышаютъ 2,000 фут. Онѣ весьма разнобразны, смотря по мѣстности. Подтаежныя мѣста, находящіяся у самой подошвы альпійской страны,

гористы и лѣсисты. Растительность здѣсь богатая; зелень яркая. Но климатъ, вслѣдствіе близости высокихъ горъ, обилія озеръ и рѣчекъ въ горной области, нѣсколько суровѣе, чѣмъ въ степи собственно. Въ дождливые годы здѣсь бываетъ неурожай хлѣба. Но за то въ такіе годы особенно хорошо родятся хлѣба въ степи. Наоборотъ, въ сухіе годы степи даютъ плохой урожай, а подтаежныя мѣста— хорошій. Подтаежныя мѣста занимаютъ юго-западный уголъ округа и оттуда тянутся на сѣверо-востокъ до Чиджека, впадающаго въ Тубу, а потомъ отъ Чиджека, къ верховьямъ Сыды и Сисима, на сѣверъ. Участокъ между Тубою и Сыдою представляетъ волнистую степь, кое-гдѣ пересѣченную лѣсными полосами. Такой-же, вообще, характеръ имѣетъ и еще одинъ небольшой участокъ округа, къ сѣверу отъ хребта, идущаго

Золотая рѣка.

къ Канску,—между Енисеемъ и Сисимомъ. Прочіе участки Минусинской степной области,—за исключеніемъ подтаежныхъ мѣстъ на западѣ округа,—имѣютъ характеръ солончаковыхъ степей.

Въ этихъ степяхъ только по рѣкамъ и рѣчкамъ, да по островамъ на Енисеѣ и Абаканѣ есть порядочная растительность: есть хорошая трава, а по берегамъ и островамъ, особенно наноснымъ, есть кустарники, обвитые хмѣлемъ, и бальзамическіе тополи, едва-ли еще гдѣ-либо достигающіе такой значительной высоты, какъ здѣсь. По логамъ и оврагамъ также имѣется растительность. Но тамъ, гдѣ нѣтъ воды и тѣни, видъ степи, на обширныхъ пространствахъ, самый безотрадный. Трава бываетъ зелена только два мѣсяца въ году, весною, а потомъ выгораетъ. Отъ обилія солей въ почвѣ, цвѣтъ травъ сизый. Соленыя озера имѣютъ бѣлую оторочку (осадокъ соли). Ирисы, растущіе въ изобиліи, оазисами, по всей степи, не придаютъ красоты мѣстности, не оживляютъ ея: они окружены то пескомъ, то мелкою травою коричневатаго цвѣта. Эти безотрадныя степи занимаютъ всю центральную часть округа. Животная жизнь въ степяхъ, если не считать пасущихся здѣсь стадъ и ихъ постоянныхъ спутниковъ, скворцовъ и галокъ, до-нельзя бѣдна. Особенно сильно чувствуется это, когда, въ лѣтніе жары,

скотъ укрывается въ логахъ и ущельяхъ. Безмолвіе нарушается только стрекотаньемъ кузнечиковъ (кобылокъ) и жужжаніемъ мухъ. Или порою выглянетъ изъ норки сурокъ, пролетитъ орелъ... Но еще безотраднѣе каменистыя степи, какъ, напримѣръ, между Ташыбою и Уйбатомъ. Здѣсь растительность еще скуднѣе: — даже въ лучшую пору года не видно зелени.

Енисей въ степной области течетъ совершенно иначе, чѣмъ въ горной странѣ. Спустившись съ горъ, онъ течетъ уже медленнѣе, хотя все-таки слышенъ мѣстами, даже издалека, шумъ, который онъ производитъ, перекатывая гальку. Главная его особенность въ степи — многочисленность протоковъ и острововъ. На одномъ изъ такихъ протоковъ, противъ громаднаго острова, расположенъ Минусинскъ.

Климатъ въ Минусинскихъ степяхъ умѣреннѣе, чѣмъ въ горной странѣ. Весна здѣсь наступаетъ сразу, хотя и довольно поздно. Только въ двадцатыхъ числахъ мая начинаетъ развиваться растительность. Впрочемъ, скотъ уже въ концѣ марта выгоняютъ на скудный подножный кормъ. Лѣто, вообще, жаркое, но ночи уже въ августѣ холодныя. Осень начинается съ половины сентября. Здѣсь это очень пріятное время года. Дни ясные и не холодные. Съ ноября по мартъ стоитъ зима; въ декабрѣ, январѣ и февралѣ—сильная стужа, но безъ вѣтровъ въ жестокіе морозы. Небо въ степной области, вообще, ясное, т. е. нельзя пожаловаться на недостатокъ солнечныхъ дней. По захожденіи солнца, тотчасъ становится свѣжѣе, трава покрывается росою, а къ ночи по всѣмъ низменнымъ мѣстамъ, по рѣчкамъ озерамъ носится туманъ. Преобладающіе вѣтры сѣверо-западные; они налетаютъ иногда внезапно, но преимущественно дуютъ весною и отчасти осенью. Они такъ часты, что деревья наклонены здѣсь на юго-востокъ.

Рѣка Усъ въ ущельѣ.

Минусинскій округъ пользуется громкою извѣстностью въ Сибири. Такъ какъ, обыкновенно, характеристики мѣстностей составляются крестьянами, то, по всей вѣроятности, эта громкая извѣстность объясняется, главнымъ образомъ, обиліемъ здѣсь хлѣба и скота. Но «мірская молва, что морская волна», — и остается только дивиться тѣмъ преувеличеннымъ представленіямъ, которыя, обыкновенно, имѣютъ о Минусинскомъ округѣ даже и не въ особенно отдаленныхъ мѣстностяхъ Сибири. Хлѣба здѣсь, дѣйствительно, много, даже очень много; рогатаго скота, лошадей, овецъ — тоже; климатъ порядочный, хотя собственно лѣтняго времени здѣсь не болѣе $3^1/_2$ мѣсяцевъ. На бахчахъ разводятъ арбузы и дыни, которые, впрочемъ, не всегда дозрѣваютъ, по причинѣ отсутствія должнаго ухода.

Мѣстныя минеральныя богатства также заслуживаютъ вниманія. Здѣсь есть хорошая желѣзная и мѣдная руда, каменный уголь, мраморъ и многіе другіе минералы. Но мы не беремся рѣшить насколько, въ этомъ отношеніи, Минусинскій округъ богаче или бѣднѣе нѣкоторыхъ другихъ областей Сибири, напримѣръ, Забайкалья.

Минусинская плоская возвышенность, въ свою очередь, тоже раздѣляется на двѣ почти равныя части. Съ юга на сѣверъ, ее пересѣкаетъ Енисей. Въ западной части живутъ преимущественно Татары, въ восточной — Русскіе. Западная часть почти вся, до подтаежныхъ мѣстъ, состоитъ изъ степей негодныхъ для земледѣлія, восточная, напротивъ, удобна для земледѣлія.

Въ Минусинскомъ округѣ живетъ около 25-ти тысячъ Татаръ. Въ юго-западномъ углу плоской возвышенности обитаютъ Бельтиры, Сагайцы и Койбалы, а нѣсколько сѣвернѣе, по Абакану и по лѣвому берегу Енисея, до Ачинскаго округа — Качинцы. Мы не беремся разрѣшать здѣсь вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ названныхъ обитателей; но, повидимому, всѣ Минусинскіе Татары составляютъ одно племя. Внѣшній видъ ихъ почти одинаковъ, языкъ тоже, за весьма незначительными исключеніями. Даже китайскіе Сойоты, кочующіе у нашихъ границъ, чрезвычайно сходны со здѣшними Татарами и отличаются отъ нихъ только своими косами да примѣсью въ языкѣ монгольскихъ словъ. Можно еще прибавить, что у однихъ Татаръ горбатый носъ, у другихъ — вдавленный.

Минусинскіе Татары низкорослы и слабосильны. Нѣтъ въ нихъ ни предпріимчивости, ни

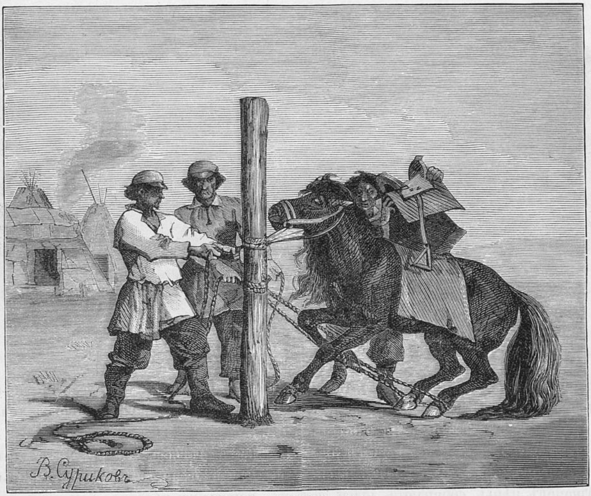
Енисей по выходѣ изъ горъ.

отваги, ни настоящагэ упорства въ работѣ. Къ благосостоянію своему большинство относится крайне апатично. Нѣкоторыя дѣти учатся въ школахъ. Они понятливы, но рѣдко кончаютъ курсъ. Любопытство, вѣра въ чудесное и т. п. свойства дикихъ племенъ свойственны и Минусинскимъ Татарамъ.

Здѣшніе Татары отличаются, впрочемъ, пронырливостью и ловкостью на извѣстныя дѣла. Сагайцы—ловкіе звѣропромышленники, а всѣ, вообще, Татары—прекрасные наѣздники. Никогда Русскому такъ не справиться съ дикимъ конемъ, какъ справляется съ нимъ здѣшній Татаринъ. На всемъ скаку, въ степи, кидаетъ онъ такому коню волосяной арканъ на шею или подъ ноги, и мигомъ останавливаетъ его. Какъ бы тотъ силенъ и строптивъ ни былъ, поневолѣ долженъ покориться опытной рукѣ. Тогда, сдѣлавъ изъ того же аркана узду или надѣвъ крѣпкій недоуздокъ, Татаринъ стреноживаетъ коня, привязываетъ его къ столбу, изрѣдка поглаживаетъ ему гриву и крестецъ и, прикрикивая на коня, сѣдлаетъ его. Затѣмъ подвязываетъ подстремянникъ, чтобы стремена не болтались, спокойно садится на сѣдло и, усѣвшись, пробуетъ, покачиваясь въ сѣдлѣ, крѣпко ли оно подтянуто и подвязано. Въ это

время арканъ отвязываютъ отъ столба и тихонько передаютъ сѣдоку. Конь храпитъ, дико озирается, словно размышляетъ. Наконецъ, его отталкиваютъ отъ столба. Почуявъ свободу и тяжесть на себѣ, лошадь старается сбросить сѣдока, бьетъ задомъ, бросается изъ стороны въ сторону. Но ловкій ѣздокъ бьетъ её нагайкою по заду и рукой по головѣ, и заставляетъ галопировать по степи что есть мочи. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока конь совсѣмъ не выбьется изъ силъ и не сдѣлается смирнымъ. Укрощеніе степныхъ лошадей — одно изъ любимыхъ занятій Татаръ. Весною, когда оно обыкновенно производится, бѣдный Татаринъ, у котораго нѣтъ табуна, нарочно ѣздитъ по богатымъ, чтобы насладиться этимъ занятіемъ.

Татаринъ такъ привыкъ къ верховой ѣздѣ, что чувствуетъ себя на лошади какъ дома.

Укрощеніе Татарами степныхъ лошадей.

Случается, что мертвецки пьяный Татаринъ во всю мочь мчится верхомъ по степи. Конечно, бываютъ и несчастія; но, обыкновенно, лихой наѣздникъ благополучно пріѣзжаетъ въ свой улусъ.

Недавно еще единственными занятіями Татаръ были скотоводство и звѣропромышленность. Теперь этого нельзя сказать. Правда, Качинскіе Татары остались попрежнему скотоводами и почти вовсе не занимаются земледѣліемъ; въ ихъ обширныхъ владѣніяхъ обрабатывается въ настоящее время не болѣе трехсотъ десятинъ земли; но за то они уклонились отъ первоначальнаго типа въ томъ отношеніи, что больше не занимаются звѣропромышленностью. У болѣе южныхъ Татаръ звѣропромышленность осталась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно развилось земледѣліе. У нихъ оно было и раньше развито, напр., въ пятидесятыхъ годахъ; но съ тѣхъ поръ еще болѣе усилилось. Тѣ изъ Татаръ, которые живутъ въ настоящихъ селеніяхъ, одни или съ Русскими, даже очень старательно обработываютъ землю: сѣютъ всякіе сорта хлѣбовъ и избытокъ ихъ продаютъ. Многіе изъ кочевыхъ Татаръ также зани-

маются земледѣліемъ, но плохо обработываютъ землю; сѣютъ только нѣкоторые сорта хлѣбовъ, притомъ исключительно для собственнаго потребленія.

Различія въ занятіяхъ Татаръ того или другаго племени естественно опредѣляются, главнымъ образомъ, тою мѣстностью, въ которой они живутъ. У Качинцевъ, напримѣръ, земли, вообще, не годны для земледѣлія: у нихъ обширныя пастбица, расположенныя довольно далеко отъ тайги, и потому они исключительно скотоводы. Прочіе же Татары живутъ вблизи тайги, гдѣ земля хороша. Скота у нихъ сравнительно немного; близость тайги естественно тянетъ къ звѣроловству, и потому они исключительно земледѣльцы и звѣропромышленники, хотя, впрочемъ, между ними есть и скотоводы, сравнительно, небогатые. Болѣе южные Татары отличаются отъ Качинцевъ еще тѣмъ, что многіе изъ нихъ нанимаются въ работники къ Русскимъ или къ тѣмъ же Качинцамъ, и около 100 — 150 человѣкъ ходятъ на пріиски

Качинскій улусъ.

Абаканской системы. Это отличіе опять-таки зависитъ отъ мѣстныхъ условій: не всѣ могутъ сразу привыкнуть къ земледѣлію, между тѣмъ какъ одна звѣропромышленность теперь уже не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ жизни.

Въ послѣднее время нѣкоторые Татары занялись торговлею. Они даютъ въ долгъ товары своимъ одноплеменникамъ — зимой до весны, весною до осени, а осенью до зимы; потомъ, сами назначивъ цѣны, собираютъ долги скотомъ, коровьимъ масломъ, конскими и бычачьими кожами, овчинами и волосомъ. Все это они перепродаютъ. Многіе инородцы, падкіе на кредитъ, окончательно разорились отъ этой торговли; сами же торговцы сильно богатѣютъ, не смотря на то, что много накопляется долговъ на покупателяхъ.

Нѣкоторые изъ бѣдныхъ инородцевъ, живущіе около лѣсистыхъ мѣстъ, гдѣ изобилуетъ береза, приготовляютъ сани и колеса, но весьма лѣниво и притомъ крайне грубой работы. Поэтому такой товаръ сбывается только самимъ же Татарамъ, по сосѣдству.

Женщины у Татаръ едва-ли не больше трудятся, чѣмъ мужчины. Зимою онѣ наблюдаютъ за скотомъ, доятъ коровъ, приготовляютъ шубы, однорядки и обувь для всей семьи, не исключая и работниковъ; лѣтомъ же сбиваютъ масло, вытапливаютъ его, сливаютъ въ бычачьи и бараньи кишки и желудки; осенью это масло продается въ городѣ или заѣзжимъ торгашамъ; но для этого его приходится перетапливать вторично, потому что оно очень грязно и имѣетъ непріятный запахъ. Нерѣдко женщинамъ же приходится возить сѣно и дрова. Овецъ и скотъ пасутъ дѣти или, за неимѣніемъ дѣтей, женщины и дѣвушки.

Скотъ въ Минусинскомъ округѣ плохой, но его очень много. Хорошею коровою считается такая, которая даетъ въ сутки 2—3 крынки молока. Трехгодовалый быкъ даетъ мяса только 7—9 пудовъ, а сала 1—2 пуда. Лучшихъ результатовъ нельзя и ожидать, потому что за скотомъ нѣтъ никакого ухода. На ночь, зимою, его загоняютъ подъ навѣсы, защищенные только отъ преобладающихъ вѣтровъ. Сѣна запасаютъ сравнительно ничтожное количество, и, какъ только морозъ не очень силенъ, гонятъ скотъ на подножный кормъ, въ степь. Въ 1877 году зима была очень снѣжная, и за это время пало очень много скота. Вообще, падежи, — главнымъ образомъ, отъ недостатка пищи зимою, — здѣсь очень часты. Но все-таки въ Минусинскомъ округѣ такъ много скота, что часть его сбывается на продажу въ Иркутскъ. Впрочемъ, много скота закупается для Иркутска у Сойотовъ. Этотъ скотъ гонится черезъ Монголію; онъ лучше здѣшняго.

Овцеводство сильно развито у Татаръ, особенно у Качинцевъ. Между ними найдутся владѣльцы не одной тысячи головъ. Даже въ подтаежныхъ мѣстахъ у каждаго хозяина найдется два, три десятка овецъ. Овцеводство составляетъ насущную потребность и для Татарина, и для Русскаго, потому что зимняя одежда и отчасти лѣтняя составляютъ продуктъ именно овцеводства. Но опять-таки правильнаго ухода за овцами здѣсь нѣтъ и въ поминѣ.

Важная отрасль татарскаго и вообще мѣстнаго хозяйства — коневодство. Здѣшнія лошади не сильны, — на возъ накладывается не болѣе 20 пудовъ. За то имъ нипочемъ пробѣжать 70—80 верстъ безъ корма, а въ случаѣ нужды — и сотню. Двадцать-тридцать кобылицъ съ однимъ жеребцомъ составляютъ табунъ. Жеребецъ не даетъ кобыламъ расходиться, охраняетъ ихъ отъ звѣрей. Табуны, съ ранней весны до поздней осени, ходятъ въ степи безъ пастуха. Владѣльцы множества лошадей оставляютъ свои табуны въ степи даже на зимнее время. Здѣсь снѣгу выпадаетъ не особенно много, да и тотъ сдувается вѣтромъ. Но даже и тѣ лошади, которыя зиму содержатся въ загонахъ, получаютъ въ кормъ не сѣно, а ржаную солому. Исключеніе составляютъ, кромѣ рабочихъ лошадей, жеребята-однолѣтки, которыхъ осенью отлучаютъ отъ матокъ; ихъ первую зиму кормятъ сѣномъ, весной же опять пускаютъ въ табунъ.

Способность здѣшней лошадиной породы зимовать въ полѣ и кормиться ржаною соломою даетъ возможность разводить лошадей всѣмъ жителямъ. Не только Татары, но и Русскіе разводятъ лошадей. Но размноженію ихъ сильно препятствуютъ медвѣди и волки. Особенно страдаютъ отъ волковъ жеребята: къ осени остается, въ иныхъ мѣстахъ, не болѣе половины народившихся весной жеребятъ.

Въ Минусинскомъ округѣ сильно развито конокрадство. Да и какъ не быть конокрадству, при отсутствіи всякаго призора за лошадьми? Главные спеціалисты по части конокрадства — Татары Сагайцы. У нихъ это даже организованный промыселъ и одинъ изъ обычныхъ источниковъ существованія. Лучшія лошади сбываются куда-нибудь подальше, а тѣ, что похуже, съѣдаются. Такимъ образомъ кормятся цѣлые улусы. Иногда воруютъ 10—20 лошадей за разъ.

Звѣропромышленностью занимаются и Русскіе, живущіе въ подтаежныхъ мѣстахъ; но, строго говоря, это татарскій промыселъ. Звѣроловство въ Минусинскомъ округѣ въ прежнее время было сильно развито. До сихъ поръ еще сохранились воспоминанія о немъ у престарѣлыхъ Татаръ; но теперь у Качинцевъ оно совершенно вывелось, а у подтаежныхъ Татаръ хотя и сохранилось, но далеко не имѣетъ уже прежняго значенія. Лѣтомъ, весной и осенью охота бываетъ пѣшкомъ, рѣдко на лошадяхъ, а зимою на лыжахъ. Неутомимость промышленниковъ по-истинѣ удивительна: они выхаживаютъ невѣроятно громадныя пространства. Зрѣніе у людей, занимающихся охотою, изощрено до невѣроятности; по признакамъ, совершенно неуловимымъ для другихъ, они безошибочно распознаютъ присутствіе или приближеніе звѣря; они могутъ по слѣдамъ на травѣ, снѣгу или землѣ узнать, кто ихъ оставилъ, и непремѣнно выслѣдятъ, куда звѣрь направился.

Здѣсь, какъ обыкновенно въ Сибири, стрѣляютъ не съ руки, а съ сошекъ. Всѣ вообще Татары, живущіе около рѣчекъ, имѣютъ одноствольные и двухствольные дробовики, для охоты за птицею; а тѣ, которые спеціально занимаются звѣроловствомъ, имѣютъ, кромѣ дробовиковъ, отъ одной до трехъ винтовокъ, непремѣнно кремневыхъ. Винтовки на взглядъ невзрачны, аляповатой работы, но, въ опытныхъ рукахъ звѣропромышленника, прекрасно исполняютъ свое назначеніе. Чтобы не слышно было подъема курка, когда Татаринъ подкарауливаетъ звѣря, онъ каждое ружье передѣлываетъ на особый ладъ: вмѣсто обыкновеннаго курка, дѣлаетъ изъ желѣзной полоски длинный, зажимающій кремень винтъ, и къ курку привязываетъ ремешкомъ костяной крючечекъ. Когда нужно стрѣлять, Татаринъ, настороживъ предварительно винтовку на сошкѣ, поднимаетъ курокъ и крючкомъ зацѣпляетъ за гвоздикъ, утвержденный сбоку ложа; потомъ, когда надо, спускаетъ пальцемъ. Употреблять такія винтовки съ достаточною ловкостью можетъ только инородецъ. Съ руки безъ сошекъ здѣсь не стрѣляютъ.

Бѣлку всегда бьютъ изъ ружья; но для прочихъ звѣрей существуютъ еще другіе способы охоты. Мелкихъ пушныхъ звѣрей ловятъ плашками и западнями на приманку. Звѣрки этого способа ловли считаются лучшими, потому что у нихъ шкурка не портится. Плашка только давитъ, не причиняя вреда мѣху; въ западни же звѣрки попадаются живыми; ихъ душатъ охотники или убиваютъ колотушками по головѣ. Большіе звѣри добываются также при помощи ямъ, загоновъ и проч.

Интересна охота загонами. Загоны устраиваются такъ: отъ тропинки, по которой ходитъ звѣрь, въ ту и другую сторону саженъ на 50, дѣлаются загороди, черезъ которыя звѣрь не могъ бы перескочить; по сторонамъ же тропы натягиваются на громадныхъ лукахъ тетивы, куда вставляются стрѣлы съ острыми желѣзными концами. Эти стрѣлы бьютъ заразъ, въ прямомъ направленіи другъ къ другу. Отъ тетивъ по землѣ протянуты веревки. Какъ только звѣрь слегка дотронется до этихъ веревокъ, стрѣлы съ быстротою молніи и ужасною силою летятъ и прострѣливаютъ его насквозь. Звѣрь сгоряча бросается въ сторону, но вскорѣ натыкается на загородь.

Настоящая охота на медвѣдя бываетъ въ маѣ и въ началѣ іюня, потому что шкура его въ это время имѣетъ самую длинную и пушистую шерсть. Найти медвѣдя нетрудно по слѣдамъ, которые онъ вездѣ оставляетъ. Зарядивъ винтовку-большепульку, охотникъ прячется за лѣсину, выжидаетъ звѣря и бьетъ его, когда тотъ поровняется, наповалъ. Спеціальной охоты на медвѣдя нѣтъ; но бьютъ его во всѣхъ окрестныхъ тайгахъ, и въ годъ добывается отъ 100 до 200 шкуръ. Этою охотою занимаются и Русскіе. Цѣны на мѣстѣ отъ 6 до 12 р. за шкуру. Сбываются мѣха въ Томскъ и Ирбитъ. Бывали случаи, что медвѣди выходили на степь въ большомъ числѣ, такъ что ихъ очень много били; но это случается рѣдко.

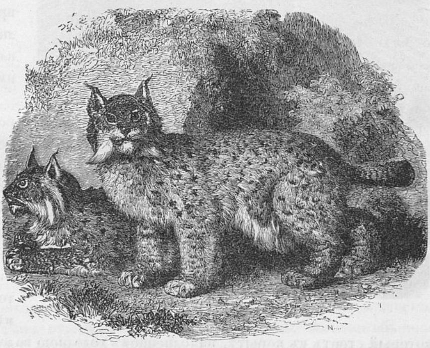
Всего охотнѣе добываются здѣсь бѣлка и соболь, потому что для нихъ всегда есть вѣрный сбытъ и цѣны вполнѣ вознаграждаютъ трудъ промышленника. Вообще, охотятся артелями, и все, что артель добудетъ, дѣлится между участниками поровну. Бѣлки тутъ же употребляются въ пищу, а часть увозится домой, какъ лакомство. Бѣлокъ добывается въ годъ отъ 100 до 300 тысячъ шкурокъ. Время ея добычи—съ октября по декабрь, а иногда въ февралѣ и мартѣ. Цѣны на мѣстѣ отъ 10 до 20 копѣекъ за шкурку. Качество нѣсколько ниже иркутской. Количество бѣлки зависитъ, конечно, отъ урожая кедровыхъ орѣховъ. Временами бываетъ такъ называемая переходная бѣлка, которая неизвѣстно откуда и куда идетъ, иногда въ громадномъ количествѣ, такъ что свободно ходитъ въ селеніяхъ по крышамъ домовъ. Если переходъ бываетъ осенью,—очень много бьютъ бѣлокъ. Почти вся добываемая здѣсь бѣлка вывозится, потому что нѣтъ спеціальныхъ мастеровъ для выдѣлки шкурокъ.

Соболь добывается преимущественно въ тайгѣ восточнаго угла округа (по Казыру и Кизиру) и частью по нѣкоторымъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Енисей, выше села Означеннаго. Въ

годъ добывается отъ 300 до 700 шкурокъ. Онѣ скупаются мѣстными торговцами и отправляются въ Томскъ, на Ирбитскую ярмарку, а частью въ Китай, къ Сойотамъ, которые платятъ дань собольими мѣхами. Время добычи соболя—съ декабря до половины марта. Большею частью ловятъ сѣтями, которыя разставляются около жилища соболя и по дорожкамъ, гдѣ онъ ходитъ; стрѣляютъ же очень рѣдко. Цѣны на соболя, на мѣстѣ, отъ 5 до 20 рублей. Черные соболи составляютъ рѣдкость.

Кромѣ соболя и бѣлки, здѣсь добываются еще: колонокъ, хорекъ, барсукъ, россомаха, рысь, бурундукъ, горностай, выдра и нѣкоторые другіе. Всѣ эти звѣри водятся въ тайгахъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ горностай, хорекъ и барсукъ, и въ степи. Шкуры хорошаго качества, но ихъ мало добывается, потому что спеціально, какъ промысломъ, этою добычею никто не занимается. Въ продажѣ горностая бываетъ иногда до 1,000 штукъ. Цѣны на мѣстѣ: за колонка 80 к., хорька 20 к., барсука 30 к., россомаху 3 р., рысь 9 р., бурундука 1 к., горностая 10 к., выдру 8 рублей.

Лисицъ и волковъ добываютъ зимою, когда выпадетъ снѣгъ. Спеціалисты ловятъ волковъ и лисицъ капканами, или же бросаютъ около норъ отраву, а не то копаютъ для волковъ ямы. Волкъ и лисица въ Минусинскомъ округѣ хороши, но черно-бурыя лисицы составляютъ рѣдкость и, смотря по достоинству, стоятъ отъ 20 до 100 р. за мѣхъ. Обыкновенныя лисицы—красныя и сиводушки продаются на мѣстѣ по 3—4 р. Волчья шкура стоитъ отъ 2 до 3 рублей. Лисицъ добывается ежегодно отъ 200 до 400 штукъ, столько же и волковъ.

Рысь.

Сохатыхъ добываютъ преимущественно русскіе крестьяне, по Казыру и Кизиру; тамъ много болотныхъ мѣстъ и озеръ. Добываютъ ихъ также въ вершинахъ р. Ои. Сохатый въ жары, когда много овода, заходитъ въ болота и озера и лежитъ или стоитъ въ водѣ. Много также бьютъ его на солонцахъ, весною, когда сойдетъ снѣгъ. Бьютъ и зимою въ февралѣ, когда, по случаю глубокихъ снѣговъ въ тайгѣ, звѣрь выходитъ на степныя мѣста въ окраинахъ тайги. Тогда ихъ гоняютъ на лыжахъ и часто закалываютъ просто ножемъ. Цѣны на мѣстѣ отъ 3 до 5 р. за шкуру. Всѣ шкуры, вообще, идутъ на продажу въ Томскъ; для мѣстнаго же употребленія почти ничего не остается. Мясо сохатаго продается по 80 к. за пудъ и въ значительномъ количествѣ замѣняетъ въ округѣ коровье мясо.

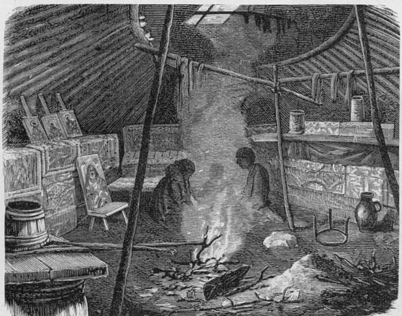
Изюбрь цѣнится за рога. Весною эти рога наливаются, въ іюнѣ созрѣваютъ, и оконечности ихъ наполняются кровавою жидкою матеріею, которой въ Китаѣ приписывается какая-то цѣлебная сила. Шкуры изюбря также скупаются мѣстными торговцами, по 2 — 3 р. за штуку. Цѣна рогамъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. за фунтъ и дороже; вѣсу же въ рогахъ бываетъ отъ 5 до 25 фунтовъ. Роговъ въ округѣ добывается отъ 30 до 100 паръ и отъ 100 до 300 шкуръ.

Козуля добывается по всему Минусинскому округу, но больше всего по Усу и верховьямъ Абакана и Уйбата. На нее охотятся большей частью въ октябрѣ и ноябрѣ, когда въ тайгѣ выпадетъ много снѣгу, и козуля выходитъ на степныя мѣста. Тогда ее бьютъ изъ ружья, дѣлаютъ загороди, копаютъ ямы. Впрочемъ, спеціальнаго промысла на козулю не су-

ществуетъ; этимъ дѣломъ занимаются только какъ охотою, Татары и Русскіе. Шкуры продаются на мѣстѣ по 50—80 к. Ихъ скупаютъ мѣстные заводчики, занимающіеся выдѣлкою козульихъ шкуръ. Изъ нихъ приготовляются дóхи, которыя потомъ отправляются въ Томскъ. Въ округѣ добывается отъ 1,500 до 4,000 козуль. Множество козульихъ шкуръ, иногда до 10,000, пріобрѣтается съ китайской границы, отъ Сойотовъ.

Кабаргу убиваютъ самострѣлами, или устраиваютъ ловушки и ямы; изъ ружья же мало бьютъ. Главныя мѣста добычи — склоны горъ къ Енисею, выше села Означеннаго. Шкура въ продажу вовсе не идетъ; «струя» же (пахучее вещество) продается на мѣстѣ по 3 — 4 рубля мѣшечекъ и сбывается на Ирбитскую ярмарку. Струи въ округѣ добывается отъ 200 до 500 мѣшечковъ.

Бобровъ въ предѣлахъ округа вовсе нѣтъ; ихъ добывается очень немного на Систикемѣ.

Внутренній видъ татарской юрты.

Объ охотѣ за птицею, которую Татары, обыкновенно, сами не ѣдятъ, а продаютъ, а также и о рыболовствѣ едва-ли стоитъ распространяться. Эти занятія служатъ только подспорьемъ другимъ и не имѣютъ самостоятельнаго значенія.

Богатые инородцы, можно сказать, ровно ничего не дѣлаютъ. Раннимъ утромъ начинается приготовленіе арьяна или араги, смотря по времени года. На таганъ ставится чаша, въ которую вливается немного заквашенное коровье молоко; сверху чаша покрывается деревяннымъ колпакомъ; колпакъ и чаша въ спаю замазываются свѣжимъ коровьимъ пометомъ; изъ колпака проведена деревянная, мѣдная или желѣзная труба въ сосудъ, который стоитъ въ корытѣ, наполненномъ холодною водою. Разводится сначала слабый, а потомъ большой огонь—и винокуренный заводъ готовъ. Хозяинъ съ домочадцами, и не безъ посѣтителей, садится въ ожиданіи на землю, поджавъ подъ себя ноги. Вскорѣ сосудъ начинаетъ по каплямъ наполняться. Хозяйка или другая женщина угощаетъ поочереди присутствующихъ, черпая теплый напитокъ деревянною китайскою чашкою. Такъ какъ обыкновенно эта церемонія производится на голодный желудокъ, то скоро и наступаетъ желаемое опьянѣніе, не смотря на ничтожную крѣпость напитка. При продажѣ и покупкѣ скота также обязательна попойка.

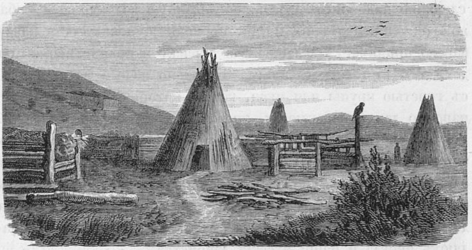
Вообще, пьянство сильно развито между Татарами; особенно любятъ они наше кабацкое вино; чѣмъ больше оно отдаетъ сивушнымъ масломъ, тѣмъ лучше на вкусъ Татаръ. Любятъ также наливку и церковное вино. Богатые очень охотно пьютъ мадеру, ромъ, коньякъ, шампанское. Такихъ богачей здѣсь есть нѣсколько. Но они ровно ничѣмъ не отличаются отъ своихъ собратовъ: только одежда у нихъ почище, да есть, кромѣ юрты, болѣе сносные дома. Чѣмъ богаче Татаринъ, тѣмъ дальше онъ живетъ отъ прочихъ, потому что ему надо много мѣста для скота. Но домà такихъ богачей внутри грязны до невѣроятности, даже грязнѣе чѣмъ юрты. Пыль и паутина никогда не обметаются; запахъ въ помѣщеніи тяжелый; по стѣнамъ висятъ лубочныя картинки или коробки отъ конфектъ.

Татарскія юрты куполообразны или коническія. Послѣднія встрѣчаются у бѣдныхъ и у тѣхъ, которые еще не успѣли устроиться, напримѣръ у молодыхъ. Впрочемъ у Сагайцевъ, вообще, преобладаютъ коническія юрты, вѣроятно, вслѣдствіе сравнительной ихъ бѣдности.

Въ юртѣ налѣво отъ входа мужская сторона; направо — женская; по серединѣ же нахо-

дится постель главы семейства, иногда очень богато убранная. Бросается въ глаза изобиліе сундуковъ, и можно бы, пожалуй, подумать, что въ этихъ сундукахъ и ящикахъ хранится что-нибудь цѣнное. Но многіе изъ нихъ совершенно пусты, а въ другихъ находится только какое-нибудь наслѣдственное тряпье. Направо, у входа стоитъ кадь съ заквашеннымъ молокомъ, которымъ всегда угощаютъ гостя. Входъ въ юрту съ восточной стороны. Посерединѣ — очагъ. Хотя нельзя сказать, чтобы въ юртѣ всегда стоялъ дымъ, но все-таки гарь есть. Въ вѣтреную же погоду дымъ стелется по юртѣ. Немудрено поэтому, что между пожилыми Татарками попадается такъ много потерявшихъ зрѣніе.

Татары въ настоящее время далеко не всегда живутъ въ юртахъ. Напротивъ, огромное большинство строитъ на зиму избы: бѣдные — простые зимники, а достаточные — настоящія избы, пятистѣнныя, но только съ очень скудною обстановкою. Но именно вслѣдствіе этой непригляднасти избъ и зимниковъ, изъ нихъ тотчасъ же перебираются, какъ только потеплѣетъ и минуетъ необходимость жить въ непривычной, непріятной обстановкѣ. Впрочемъ есть въ округѣ и настоящія татарскія деревни, въ которыхъ населеніе круглый годъ живетъ въ избахъ. Таковы Татары, серьезно занимающіеся земледѣліемъ. Такихъ деревень у Качинцевъ — однадвѣ, а у Койбаловъ, Сагайцевъ и Бельтировъ — четыре-пять.

Сагайскій улусъ.

Кромѣ осѣдлыхъ Татаръ, всѣ прочіе на лѣто перебираются въ юрты и откочевываютъ въ другія мѣста. Уходить приходится потому, что зимніе улусы находятся у покосныхъ мѣстъ, которыя берегутся для сѣна, а между тѣмъ нуженъ кормъ скоту. Впрочемъ, богатые обыкновенно сами остаются въ зимнихъ мѣстожительствахъ и перебираются въ юрты только тутъ же, поблизости; скотъ же перегоняютъ въ другія мѣста, подъ присмотромъ пастуховъ и работницъ для доенія коровъ.

Лѣтняя юрта отличается отъ зимней. Зимняя обтянута войлокомъ, а лѣтняя или сдѣлана изъ лѣсу, или обтянута вываренною берестою. Въ настоящее время много развелось деревянныхъ юртъ; это зависитъ отъ того, что березу кругомъ повырубили, и приходится слишкомъ далеко ѣздить за берестою.

Татарскіе улусы расположены всегда у рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ. Они иногда имѣютъ, особенно издали, довольно живописный видъ. Особенно привлекателенъ улусъ, когда онъ состоитъ изъ юртъ, обтянутыхъ берестою, и выдѣляется на зелени лѣса или кустарниковъ. Ближе къ верховьямъ Абакана мѣстность гориста, и тамъ улусъ расположенъ иногда посреди горъ, окруженъ скалами, голыми или только отчасти покрытыми растительностью. Встрѣчаются и такіе улусы, которые расположены въ голой степи, гдѣ только мѣстами попадается ирисъ (пикульникъ).

Въ татарскихъ деревняхъ есть, конечно, всѣ нужныя хозяйственныя пристройки. Но въ улусахъ собственно ничего этого нѣтъ, и есть только жалкія загороди для скота. Эти скотные дворы часто переводятся съ мѣста на мѣсто, потому что навозъ изъ нихъ никогда не вывозится, и скотъ перескакиваетъ черезъ городьбу.

Особыхъ участковъ подъ улусы не отводится; каждый имѣетъ право селиться тамъ, гдѣ захочетъ. Мѣсто занимается тѣмъ, кто раньше захватитъ. Но обыкновенно селятся семьями.

или вмѣстѣ съ родственниками. Отецъ съ дочерьми занимаетъ всегда одну юрту; женатые же сыновья имѣютъ каждый свою отдѣльную юрту.

Въ улусѣ бываетъ отъ 5 до 10 семействъ, или иначе до 20 юртъ и рѣдко болѣе. Этимъ, а также полною безалаберностью въ расположеніи построекъ, улусъ рѣзко отличается отъ русской деревни, хотя бы состоялъ изъ избъ и зимниковъ. Разстоянія между улусами самыя разнообразныя; но, вообще, всѣ, не только богатые, но и недостаточные, стараются селиться по возможности отдѣльно, чтобы было пастбище скоту.

Пища у Татаръ, не исключая и богатыхъ, весьма однообразна. Круглый годъ варится съ крупою мясо лошадиное, коровье, баранье или рыба. Такъ какъ большинство не занимается хлѣбопашествомъ, то хлѣбъ, обыкновенно, покупается. Въ большомъ ходу, особенно для работниковъ, падаль и мясо отъ старыхъ, увѣчныхъ кобылицъ. Падалью не брезгаютъ даже такіе Татары, которые не нуждаются въ припасахъ,—они просто любятъ падаль. Тащатъ къ себѣ домой даже случайно найденную падаль, обглоданную волками или собаками. Внутренности животныхъ, во время приготовленія пищи, не моются, а какъ-есть кладутся въ котелъ, вслѣдствіе чего варево принимаетъ зеленоватую окраску и крайне непріятный запахъ. Бѣдность у нѣкоторыхъ доходитъ до того, что иногда буквально нечего ѣсть; тогда по нѣскольку разъ вывариваются, съ горстью крупы или муки, кости, которыя, остались отъ временъ избытка; эти остатки нарочно даже сберегаются, именно для подобныхъ случаевъ.

Лакомства у Татаръ очень не затѣйливы. Самое любимое — сырцы; ихъ дѣлаютъ изъ выжимковъ творога, скатываютъ лепешками, кладутъ на лучинки и сушатъ на солнцѣ. Еще одно лакомство — бышлакъ; оно приготовляется изъ пѣнокъ, снятыхъ съ молока, въ большомъ количествѣ сложенныхъ одна на другую, стопочкою; эти пѣнки прессуются подъ камнями между двухъ досокъ, а когда онѣ высохнутъ, то ихъ рѣжутъ на кусочки. Богатые же употребляютъ иногда и наши русскія лакомства.

Въ лѣтнее время мужчины ходятъ въ рубашкахъ, большею частью изъ дабы и ситцу; богатые носятъ шелковыя и гарусныя рубашки. Но какова бы ни была рубашка, она не снимается, пока не износится. Воротъ у рубашки съ длинными углами. Поверхъ рубашки богатые надѣваютъ суконные и гарусные цвѣтные халаты, а въ послѣднее время попадается и европейское пальто. Только всегда къ пальто, къ халату или озяму должна быть опояска. Бѣдные носятъ поверхъ рубахъ озямы, или даже просто тулупъ, спустивши его съ плечъ такъ, чтобы онъ держался на опояскѣ. Шаровары надѣваются суконные или плисовые, вышитые у кармановъ. Обувь — изъ дублени и юфти, или кунгурскіе сапоги.

Зимою мужчины ходятъ обыкновенно въ нагольной шубѣ изъ овечьихъ шкуръ, собственнаго издѣлія. Покрой шубы своеобразный: она длинна, сзади длиннѣе, чѣмъ спереди; та пола, которая прикрываетъ другую, имѣетъ около ворота родъ выступа, застегивающагося на пуговицу или привязываемаго на шнурки. Полы и подолъ обшиты узкою полоскою изъ чернаго плиса и мѣховою отдѣлкою изъ черной мерлушки или выдры. У богатыхъ праздничныя шубы бываютъ изъ мерлушекъ, крытыя сукномъ или шелковою матеріею разныхъ цвѣтовъ, даже парчевыя. Зимніе штаны дѣлаются изъ овчины. Обувь — пимы, изъ шкуры дикой козы или изъ кожи лошадиной или изюбря. Шапки мерлушковыя или выдровыя и бобровыя, а у богатыхъ даже изъ камчатскаго бобра. Верхъ шапки плисовый, вышитый шелками. Праздничныя рукавицы и пимы тоже вышиты шелками.

Зимняя одежда женщинъ отличается отъ мужской только тѣмъ, что шуба дѣлается съ подборомъ въ подолѣ и съ большею отдѣлкою на полахъ. Шапки у богатыхъ женщинъ изъ чернобурой лисицы, а у дѣвушекъ, тоже богатыхъ, изъ выдры, или четыреугольныя, плисовыя, съ мѣховыми околышами, украшенныя пуговицами и вышитыя шелкомъ и шнурками. Лѣтомъ женщины, смотря по состоянію, ходятъ въ длинныхъ рубашкахъ, ситцевыхъ, шелковыхъ, дабовыхъ, малиноваго или пунцоваго цвѣта или съ крупными цвѣтами; на плечи наши-

ваютъ куски парчевой или шелковой матеріи, въ большинствѣ же случаевъ — черный полубархатъ или плисъ. Пуговицы вверху большія перламутровыя. Нѣкоторыя носятъ узенькие штаны и шаровары. На голову надѣваютъ парчевые, шелковые, шерстяные и бумажные платки, завязывая сзади въ родѣ чалмы. Праздничный костюмъ у женщинъ состоитъ изъ плисоваго до колѣнъ кафтанчика, безъ рукавовъ, который лѣтомъ надѣвается поверхъ рубашки, а зимою—поверхъ шубъ; у богатыхъ этотъ кафтанчикъ изъ шелковой матеріи. Въ случаѣ ненастной погоды, надѣвается халатъ изъ чернаго сукна; лацканы халата отдѣланы краснымъ ситцемъ и перламутровыми пуговицами. Лѣтняя обувь дѣлается самими Татарками изъ коровьей, лошадиной или бараньей кожи, съ длинными, узкими носками. Зимою женщины носятъ такія же валенки, какъ и мужчины.

Перстни и кольца составляютъ необходимое украшеніе для женщинъ и мужчинъ. Перстни любятъ большіе — серебряные, мѣдные, томпаковые. На кисти рукъ дѣвушки и женщины надѣваютъ браслеты, шитые по кожѣ бисеромъ и стеклярусомъ. Косы у женщинъ и дѣвицъ не одинаково плетутся: у женщинъ двѣ косы, у дѣвушекъ же нѣсколько, до двадцати. Въ косы вплетаются ленты, шнурки; на шнуркахъ — украшенія изъ стекляныхъ бусъ и бисера. Кромѣ того, смотря по состоянію, привѣшиваются серебряныя монеты въ 10, 15, 20, 25, 50 коп. и рублевыя. Крупныя внизу, а мелкія вверху косы. Въ ушахъ богатыя женщины носятъ серьги, изъ тонкой мѣдной проволоки, съ серебряными гривенниками и украшеніями инаго рода; бѣдныя же, вмѣсто этихъ украшеній, носятъ поддѣльныя: костяные или стекляные шарики, ярко окрашенные, преимущественно въ красный цвѣтъ.

Татарка съ дѣтьми.

Дѣти обыкновенно носятъ обноски, а лѣтомъ, у бѣдныхъ, остаются даже совершенно голыми.

Старшій въ татарской семьѣ, будетъ-ли это отецъ, дѣдъ или старшій братъ, пользуется всегда большимъ уваженіемъ, гораздо бо̀льшимъ, чѣмъ у Русскихъ. Свекоръ и старшій братъ мужа пользуются отъ невѣстки даже особымъ, какъ-бы религіознымъ почетомъ. Татарка никогда не смѣетъ назвать этихъ лицъ по имени, не произноситъ этого имени, даже если его имѣетъ еще кто-нибудь посторонній. При встрѣчѣ съ тестемъ или деверемъ, Татарка должна или отвернуться, или убѣжать. Вѣроятно, это — мудрый обычай старины, нѣсколько гарантирующій мужа. Если же тесть или деверь самъ зайдетъ въ юрту къ ея мужу, то долженъ сѣсть на краю юрты, недалеко отъ двери, по лѣвой сторонѣ отъ входа, а на женскую, т. е. правую, половину онъ уже не можетъ сдѣлать шага. Угощая такого гостя, Татарка сама не подноситъ, а передаетъ что нужно черезъ кого-нибудь другаго; если же некѣмъ замѣниться, то подаетъ посуду отвернувшись, какъ бы нехотя.

Супружескія отношенія не особенно завидны. О ласковомъ обращеніи нѣтъ и помину; драки же происходятъ часто, притомъ, обыкновенно такъ, что сначала, положимъ, мужъ бьетъ жену, и та не сопротивляется, потомъ, послѣ нѣкотораго промежутка, жена начинаетъ бить мужа, который тоже не сопротивляется; все это совершается молча. У многихъ Татаръ бываетъ по двѣ-три жены; жены эти живутъ въ ладу, но только въ разныхъ юртахъ, хотя часто

сходятся поговорить между собою. Бываетъ такъ, что жена бракуется просто за старость или слѣпоту. Обыкновенно такія жены предаются пьянству и разгулу. Дѣти видимо пользуются любовью, хотя отецъ никогда не станетъ возиться съ ними.

Браки между Татарами совершаются или по старому обычаю, или по церковному чину. Гражданскіе браки безусловно предпочитаются, спеціально съ тою цѣлью, чтобы можно было разойтись, когда вздумается. Большая часть браковъ сопровождается похищеніемъ невѣсты, иногда насильственнымъ.

У богатыхъ сватовство продолжается по нѣскольку лѣтъ. Такіе родители обязуются навѣщать другъ друга, угощать, дѣлать другъ другу разные подарки. Подарокъ коня имѣетъ особенное, обрядовое значеніе. Когда сватовство имѣетъ такой характеръ, то оно порою начинается съ пеленокъ. Родители сами выбираютъ будущему жениху невѣсту, эта невѣста обыкновенно бываетъ гораздо старше жениха. Женитьба на родственницѣ, напр. на двоюродной сестрѣ, не воспрещается татарскими обычаями.

Незадолго до дня, назначеннаго для свадьбы (съ похищеніемъ или безъ похищенія), начинается заготовленіе вина, своего и кабацкаго, и приготовляется для молодыхъ отдѣльная юрта. Мы говоримъ пока о богатой свадьбѣ. Въ день, назначенный для похищенія (если свадьба съ похищеніемъ), женихъ съ молодежью отправляется верхомъ къ улусу невѣсты. Подъѣхавъ къ улусу, всадники прячутся. Когда совершенно стемнѣетъ, то трое или четверо человѣкъ изъ незнакомыхъ родителямъ невѣсты отправляются въ юрту и просятся переночевать. Высмотрѣвъ затѣмъ, гдѣ ляжетъ невѣста, или подкарауливъ ее какъ-нибудь, когда она выйдетъ на улицу, они, въ благопріятный моментъ, схватываютъ ее, завертываютъ ей голову, перекидываютъ ее черезъ сѣдло и мчатся въ степь, давши свистомъ сигналъ жениху и другимъ товарищамъ. Какъ бы, однако, тайно ни было сдѣлано похищеніе, все-таки очень скоро весь улусъ поднимается на ноги; каждый хватаетъ что попало, и, перегоняя другъ друга, всѣ пускаются въ степь за похитителями. Обыкновенно, лошади у жениха отборныя, у догоняющихъ же всякій сбродъ; поэтому похитителей не легко бываетъ догнать и они благополучно возвращаются въ улусъ жениха. Но если догонятъ, то происходитъ свалка: бьютъ другъ друга кнутами, палками, швыряютъ другъ въ друга камни, и случается иногда, хотя и рѣдко, что отбиваютъ невѣсту.

Бываетъ и такъ, что высватанную невѣсту отбиваетъ у жениха другой. Эти случаи, однако, рѣдки; но когда они бываютъ, происходитъ схватка не на животъ, а на смерть: многихъ искалѣчиваютъ или оставляютъ со шрамами на лицѣ и головѣ.

Примчавшись въ улусъ жениха, невѣсту снимаютъ съ лошади, вталкиваютъ ее вмѣстѣ съ женихомъ въ юрту и ко входу приставляютъ караулъ. Тѣмъ временемъ, изъ сосѣднихъ улусовъ собираются гости. Тогда, смотря по числу гостей, колютъ кобылицъ, быковъ, барановъ, и начинается пиршество.

Въ тотъ же или на другой день, отъ родителей невѣсты посылаются къ новобрачному посредники, въ количествѣ трехъ или болѣе человѣкъ. Подъѣхавъ къ юртѣ новобрачныхъ, устроенной всегда въ сторонѣ отъ прочихъ юртъ, они молча и съ сердитымъ видомъ соскакиваютъ съ лошадей и торопливо подходятъ къ юртѣ. Караульные, кланяясь въ поясъ, заграждаютъ имъ дорогу. Посредники бьютъ караульныхъ, но тѣ не сопротивляясь продолжаютъ униженно кланяться и, при каждомъ ударѣ, усердно просятъ посредниковъ выпить вина. Просятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолично допросить молодую о ея согласіи. Когда молодая изъявитъ согласіе, то начинается уговоръ съ родителями жениха относительно калыма. Этотъ калымъ долженъ быть или немедленно уплаченъ, или обѣщанъ къ извѣстному сроку, по обоюдному согласію.

Вскорѣ послѣ э̆того, въ назначенный день, родители молодаго отправляются къ родителямъ молодой, въ сопровожденіи постороннихъ людей и съ приличными запасами вина. Роди-

тели молодой встрѣчаютъ ихъ съ суровымъ видомъ, по нѣскольку разъ выбиваютъ у угощающихъ чашки съ виномъ, наконецъ схватываютъ отца новобрачнаго и жестоко бьютъ его плетью. Побои бываютъ иногда такъ ужасны, что нѣкоторые умираютъ отъ нихъ черезъ нѣсколько недѣль или сутокъ.

Когда кончится этотъ варварскій искусъ, начинается мировая попойка. Потомъ родители молодой, со свистомъ и гиканьемъ, въ сопровожденіи гостей, отправляются къ родителямъ новобрачнаго, и тамъ идетъ опять попойка.

Наконецъ, дня черезъ три сами новобрачные отправляются къ тестю. Тотъ, встрѣтивъ зятя, преспокойно нагибаетъ его за волосы, даетъ ему въ спину два-три полновѣсныхъ удара плетью, и этимъ кончается вся обрядовая сторона вѣнчанія. Но пьянство и разъѣзды продолжаются, смотря по состоянію, нѣсколько дней и даже недѣль.

Таковы свадьбы у богатыхъ, совершаемыя по татарскому обычаю, съ «уволокомъ». У бѣдныхъ, конечно, все гораздо проще: бываетъ, что невѣсту просто пѣшкомъ уволокутъ и запрутъ въ амбаръ, а не въ юрту. Но, въ общихъ чертахъ, соблюдаются тѣ же обряды.

Бываетъ, что свадьба обходится безъ похищенія. Женихъ, съ своими родными и знакомыми, пріѣзжаетъ открыто къ родителямъ невѣсты и открыто же увозитъ ее къ себѣ въ улусъ. Ихъ провожаютъ пожеланіями добра; мать невѣсты выходитъ съ кувшиномъ, наполненнымъ водою или пустымъ, и машетъ имъ вслѣдъ уѣзжающимъ. Но большею частью свадьба сопровождается похищеніемъ. Браки же по христіанскому обряду совершаются весьма рѣдко, хотя всѣ Татары считаются христіанами.

Рожденіе ребенка празднуется иногда у Татаръ, особенно у звѣропромышленниковъ, выстрѣлами, чтобы новорожденный былъ хорошимъ стрѣлкомъ. Если роды трудны, приглашаютъ шамана, а бабка поитъ родильницу разными травами и даетъ ей пить вино. Когда же наступаетъ моментъ появленія на свѣтъ младенца, то собираются въ юрту родные и знакомые, родильницу ставятъ на веревкахъ подъ нарочно устроенную перекладину, и она рожаетъ полустоя, схватившись руками за перекладину. При рожденіи ребенка ему тотчасъ же даютъ первое попавшееся имя — животнаго, человѣка, даже какой-нибудь вещи, такъ что есть, напримѣръ, такія имена: «черви», «запасъ», «казахъ» (русскій), «молоканъ» и т. п. Дѣти родятся по большей части больныя; отъ грязнаго же содержанія окончательно покрываются струпьями, коростою и нагноеніями.

Черезъ три-четыре дня послѣ рожденія, ребенку устраиваютъ колыбель—узенькій, продолговатый ящикъ, имѣющій на днѣ желобокъ для стока нечистотъ; одинъ конецъ ящика ставится на полъ, другой веревкою подтягивается вершка на три отъ пола. Ребенка кладутъ на тряпки и овчинки и закрываютъ зимой овчинкою, лѣтомъ — голою кожею.

Въ первыя двѣ недѣли послѣ родовъ, родильница не должна готовить пищи, потому что считается нечистою. Въ каждый изъ первыхъ семи дней она должна по три раза обмываться,— истинная эпоха въ жизни Татарокъ, потому что онѣ никогда не моются: мужчины, по крайней мѣрѣ, иногда купаются лѣтомъ въ рѣчкахъ, но женщинамъ это строго воспрещено. Въ послѣдній день второй недѣли родильница, подъ вечеръ, очищается огнемъ. Въ огонь бросается нѣсколько вѣтокъ вереску, и когда верескъ дымится, родильница ходитъ вокругъ, стараясь, чтобы ее какъ можно больше охватывало дымомъ.

Здѣшніе Татары почти всѣ считаются христіанами, но, строго говоря, они настоящіе язычники, усвоившіе лишь кое-какія внѣшности изъ православія. Напримѣръ, они сильно уважаютъ, какъ и многіе другіе сибирскіе инородцы, Николая угодника и праздники Рождества, Крещенія, Воскресенія и Троицы. Въ эти дни многіе съ семействами съѣзжаются въ церкви, не жалѣютъ денегъ на покупку свѣчъ и сами ставятъ ихъ къ иконамъ. Впрочемъ, при покупкѣ, громко торгуются, нисколько не стѣсняясь.

Особенно нравится имъ богослуженіе подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Въ названные

праздники многіе пріобщаются и пріобщаютъ своихъ дѣтей. Но они не понимаютъ того, что дѣлаютъ. Говѣютъ только немногіе; во время же причастія бываетъ такъ, что только-что пріѣхавшій откуда-нибудь Татаринъ, видя, какъ его соплеменники подходятъ къ сосуду и что-то получаютъ отъ священника, тоже, въ числѣ прочихъ, подвигается туда же, пока его не остановитъ священникъ и не объяснитъ, въ чемъ дѣло. Для напутствія больнаго Татаринъ почти никогда не зоветъ священника и предпочитаетъ шамана.

Духовенство ѣздитъ по улусамъ три раза въ годъ: послѣ Ѳоминой, въ половинѣ сентября и зимою. Въ это время крестятъ дѣтей и взрослыхъ, а иногда вѣнчаютъ такихъ, которые сошлись по татарскому обычаю. Татары принимаютъ священника, выслушиваютъ молебенъ и поученія, берутъ свѣчи, платятъ за нихъ мерлушками или овчинами, обѣщаютъ священнику за требу овцу или барана, но отдаютъ не всѣ, а если отдаютъ, то похуже, чѣмъ обѣщали.

Теперь — нѣсколько словъ о языческихъ вѣрованіяхъ Татаръ. Они признаютъ доброе и злое начало. Доброе начало называется Кудай, а злое Ирлыкханъ. У Кудая есть подчиненные духи. Вѣроятно, какъ представитель «свѣта», Кудай любитъ только бѣлое, а потому ему приносятъ въ жертву только бѣлыхъ животныхъ. Земныя мѣста, гдѣ онъ преимущественно присутствуетъ, — вершины горъ или небольшой красивый лѣсокъ. Впрочемъ, у каждой горы есть свой особый духъ, которому и приносятъ жертвы: вѣтки, камни или золу изъ трубки.

Главное празднество въ честь Кудая бываетъ въ три года разъ, въ концѣ іюля. Къ этому времени, въ разныя мѣста съѣзжаются Татары. Пріѣхавшіе привозятъ съ собою арьянъ, арагу, вареное мясо и пригоняютъ на заколъ быковъ и овецъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, три-четыре шамана начинаютъ шаманить и продолжаютъ это занятіе до свѣту, безъ перерыва. Занятія свои они поочередно перерываютъ, только когда имъ подаютъ вина и трубку съ табакомъ. Животныя, приносимыя въ жертву, колятся шаманами; шаманы собственноручно распарываютъ имъ животъ, у полуживаго еще животнаго вынимаютъ часть кишекъ и, отрѣзавъ куски мяса, бросаютъ ихъ въ огонь, льютъ туда же вино и произносятъ въ это время молитвы.

У каждаго присутствующаго на этихъ жертвоприношеніяхъ бываетъ привязанъ къ шапкѣ красный лоскутокъ.

Много на этихъ празднествахъ выпивается арьяна; поются импровизированныя пѣсни подъ звуки чатыгана (джатыгана), говорятся сказки. Происходятъ также скачки на лошадяхъ.

Ирлыкханъ имѣетъ свое обиталище подъ землею, во тьмѣ. У него тоже есть подчиненные духи — шайтаны. Эти духи вредятъ скоту. Въ честь ихъ также приносятся жертвы, при многочисленномъ стеченіи народа. Такъ, напримѣръ, въ недальнемъ разстояніи отъ р. Аскызъ и устья Базы есть пещера. Тамъ ежегодно шаманятъ и приносятъ умилостивительныя жертвы злымъ духамъ.

Шаманы играютъ очень важную роль въ жизни здѣшнихъ инородцевъ. Есть и шаманки — дѣвицы и женщины. Шамановъ призываютъ во время болѣзни, въ случаѣ кражи, вообще во всѣхъ важныхъ случаяхъ.

Одежда шамановъ вся обшита въ разныхъ мѣстахъ длинными, разноцвѣтными ленточками и лоскутками, шнурками, лошадиными волосами, бубенчиками, желѣзными и мѣдными побрякушками. Эта одежда шьется или изъ какой-нибудь матеріи, или изъ крыльевъ большаго степнаго орла-стервятника; сшитыя крылья правильно лежатъ на спинѣ и на плечахъ шамана. Кромѣ побрякушекъ, ленточекъ и бубенчиковъ, у нѣкоторыхъ сзади привязываются когти разныхъ звѣрей: медвѣжьи, рысьи и т. д. Когда шаманъ кривляясь садится на землю, то эти когти царапаютъ землю или войлокъ, подъ нимъ подостланный. На голову надѣвается шапка особеннаго покроя, изъ заячьяго мѣха или обшитая перьями какой-нибудь хищной птицы; наверху шапки тоже красуются ленточки, а на глаза спускаются отъ нея волосы — конскіе или отъ коровьяго хвоста.

Минусинскій Татаринъ на охотѣ.

Бубенъ — необходимая принадлежность каждаго шамана. Бубны имѣютъ отъ $^3/_4$ до $^1/_4$ ар. въ діаметрѣ и украшены множествомъ различныхъ побрякушекъ. По серединѣ бубна вдѣланъ желѣзный прутъ, за который шаманъ держится рукою; на прутъ также понавѣшаны колокольчики, бубенчики и желѣзныя кольца. На кожѣ бубна сдѣланы уродливыя изображенія солнца, луны, звѣздъ, духовъ. Шаманятъ обыкновенно ночью. Сначала бубенъ долго сушится надъ огнемъ, чтобъ у него былъ хорошій звукъ. Когда онъ достаточно просохнетъ, шаманъ объявляетъ присутствующимъ, чтобъ они отправлялись въ юрту и ни подъ какимъ предлогомъ не выходили оттуда (иногда, впрочемъ, шаманятъ и въ полѣ). Потомъ онъ одѣвается въ свою одежду,—медленно, торжественно, беретъ бубенъ и костяную палочку особаго рода, садится въ юртѣ съ лѣвой стороны на кожу или войлокъ и начинаетъ ударять въ бубенъ сначала тихо, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе. Тѣмъ временемъ онъ кричитъ, бормочетъ непонятныя слова, лаетъ по-собачьи, мяукаетъ по-кошачьи, изрѣдка вставляя обыкновенныя слова. Слушатели по этимъ звукамъ выводятъ заключеніе — о добромъ ли или о худомъ пророчитъ шаманъ. Временами шаманъ останавливается; человѣкъ, имъ самимъ нарочно выбранный, подаетъ ему трубку и вино, и когда шаманъ беретъ подаваемое ему, онъ всѣмъ тѣломъ движется взадъ и впередъ, а бубенъ не перестаетъ бряцать. Прошаманивъ, такимъ образомъ, полчаса, часъ или болѣе, шаманъ входитъ, наконецъ, въ полную пассію, быстро вскакиваетъ, бормоча что-то и захлебываясь отъ издаваемыхъ гортанныхъ звуковъ, кривляется до изнеможенія, иногда падаетъ на землю, скачетъ черезъ огонь. Предполагается, что онъ въ это время видитъ духовъ. Если собрались не всѣ духи, съ которыми шаманъ имѣетъ дѣло, то, въ ожиданіи запоздавшихъ, шаманъ немилосердно трещитъ въ бубенъ. Когда же соберутся всѣ духи, то шаманъ проситъ ихъ о томъ, для чего явился шаманить: о выздоровленіи больнаго, о томъ, чтобы конь, стерегущій табунъ, имѣлъ достаточно силы для отогнанія звѣрей, воровъ и т. п. Нѣкоторые шаманы, для большаго эффекта, бросаются на огонь, схватываютъ руками горячіе уголья. Покончивъ дѣло, шаманъ сбрасываетъ съ себя кудесническую одежду. Иногда, всхлипывая и неистовствуя, шаманъ бросается за уходящими духами, какъ бы не желая выпустить ихъ, а присутствующіе стараются удержать его, вѣря, что онъ можетъ, пожалуй, убѣжать за шайтанами.

Послѣ каждаго шаманства, шаманъ оставляетъ въ юртѣ или въ полѣ, смотря по тому, гдѣ шаманилъ, березку, наряженную въ овчинку, въ родѣ куклы, съ навѣшанными лоскутками и ленточками. Въ юртѣ этой куклѣ отводится почетное мѣсто подъ иконами, противъ огня; въ полѣ же она привязывается къ шесту, воткнутому въ землю.

Шамановъ хоронятъ обыкновенно въ тайгѣ или на вершинахъ горъ. Хоронятъ разнообразно: или ставятъ 4 столба съ перекладинами, на нихъ накладываютъ жерди, потомъ хворостъ и кладутъ шамана наверхъ, въ полномъ облаченіи, съ бубномъ и прочими принадлежностями его профессіи; или же, одѣвъ шамана, зашиваютъ его въ войлокъ и привязываютъ къ лѣсинѣ головою вверхъ; бубенъ же и прочее развѣшиваютъ около, по деревьямъ и кустарникамъ. Трудно сказать, чѣмъ обусловливаются эти различія въ способѣ погребенія.

Такія похороны шамана дѣлаются тайно отъ Русскихъ. Если же тайна не можетъ быть соблюдена, то шамана просто зарываютъ въ землю на отдѣльномъ кладбищѣ, вмѣстѣ съ бубномъ и проч. Татары сильно боятся того мѣста, гдѣ похороненъ шаманъ, и стараются всегда обойти его.

Обыкновенныхъ Татаръ хоронятъ на особыхъ кладбищахъ, расположенныхъ въ горахъ, но не отгороженныхъ. Замѣтимъ кстати, что у Татаръ очень часты самоубійства. Стоитъ кому-нибудь обидѣться какимъ-нибудь пустякомъ, напримѣръ тѣмъ, что его обнесли чаркою (здѣшніе Татары чрезвычайно обидчивы), и, того гляди, онъ повѣсится или застрѣлится.

Татары очень боятся больныхъ, особенно же оспенныхъ. Когда проявится такой больной, то удаляются изъ юрты и оставляютъ его на произволъ судьбы. Правда, ему приносятъ пищу,

но стараются поскорѣе уйти. Мертвыхъ они боятся еще болѣе. Какъ только кто-нибудь изъ семьи умретъ, тотчасъ же его кое-какъ обмоютъ холодною водою, и если умеръ крещеный, то надѣваютъ ему на шею крестъ и кладутъ его въ юртѣ или домѣ около оконъ. Изъ юрты или дома, гдѣ покойникъ, всѣ тотчасъ удаляются въ другое помѣщеніе. Мало того, юрту совершенно покидаютъ: продаютъ или даже просто оставляютъ на произволъ судьбы.

Покойникъ долго не лежитъ: ожидаютъ только, чтобъ готово было кабацкое вино для поминокъ и арага или арьянъ. Гробъ обыкновенно выдалбливается изъ осиноваго обрубка; если же умеръ богатый, то его кладутъ въ хорошій ирбитскій ящикъ или сундукъ. Съ покойникомъ въ гробъ кладется табакъ, вино и любимая его вещь, а богатымъ ставятъ устюжскую коробку съ деньгами, бумажными и металлическими. Русскіе потомъ, нерѣдко, крадутъ эти деньги.

Если хоронятъ богатаго, то съѣзжается много народа. Для поминовенія колютъ быка, барана, лошадей. Мясо и чугунные котлы берутся на кладбище, и тамъ уже все варится.

Когда все готово, покойника выносятъ на рукахъ или веревкахъ, ставятъ гробъ на сани или телегу и крѣпко привязываютъ его; кто-нибудь одинъ, или нѣсколько человѣкъ садятся на запряженныхъ лошадей, и весь поѣздъ, что есть мочи, несется къ кладбищу. По прибытіи на кладбище, телегу или сани быстро разламываютъ и тутъ же оставляютъ. Могилу раньше похоронъ, обыкновенно, не приготовляютъ, а роютъ ее тутъ же. Могила всегда не глубокая, аршина въ полтора, такъ что случается, что волки или собаки вырываютъ трупы. Любимую лошадь хозяина или тутъ же колютъ и забрасываютъ ее землею, или просто, пугнувъ, пускаютъ на волю.

Когда зароютъ покойника, начинаются поминки. Всѣ пьютъ и ѣдятъ. Родные покойника и близкіе знакомые, въ особенности женщины, горько плачутъ, неистово кричатъ, бьютъ себя въ грудь или въ ладоши, рвутъ на себѣ волосы, колотятся объ землю или камни до крови и перечисляютъ разныя добродѣтели и недостатки покойнаго. Часто происходятъ въ это время споры, ссоры, наконецъ, драки, безъ которыхъ, вообще, Татары не могутъ обойтись. Черезъ 9 и 40 дней, черезъ $^1/_2$ года и годъ бываютъ опять поминки, такія же, какъ при похоронахъ, на кладбищѣ и въ юртахъ. Послѣ этого объ умершемъ уже совсѣмъ не вспоминаютъ.

Любимѣйшее развлеченіе Татаръ — конскій бѣгъ. Какъ только прослышатъ о бѣгѣ, отовсюду съѣзжаются Татары. Присутствующіе держатъ пари за того или другаго изъ состязающихся. Лѣтомъ рѣдко устраиваются этого рода развлеченія, они бываютъ большею частью зимою, преимущественно на масляницѣ.

Какъ всѣ инородцы, здѣшніе Татары очень любятъ азартныя игры въ карты и кости. Впрочемъ, большею частью играютъ не на деньги, а ради процесса игры.

Музыкальные инструменты Татаръ самые первобытные. Чатыханъ (джатыханъ) — нѣчто въ родѣ удлиненнаго ящика, перевернутаго вверхъ дномъ, на немъ натянуты 5 — 6 струнъ. Игра сопровождается пѣніемъ, до-нельзя монотоннымъ и очень непріятнымъ. Другой инструментъ— хомусъ, о трехъ струнахъ, сдѣланныхъ изъ крученаго лошадинаго волоса или бараньихъ кишекъ; онъ похожъ на балалайку; этотъ инструментъ употребляется сказочниками.

Князь Костровъ, бывшій здѣшній окружный начальникъ, записалъ и напечаталъ нѣсколько татарскихъ пѣсенъ и сказокъ. Вотъ для образца три пѣсни:

«Есть-ли гора, которой не посѣщала бы кабарга? Есть-ли человѣкъ, выросшій безъ стѣсненія? Есть-ли горка, гдѣ бы не хаживалъ красный козелъ? Есть-ли человѣкъ, выросшій безъ горя? Есть-ли таскúлъ (снѣжный хребетъ горъ), въ который не хаживалъ бы медвѣдь? Есть-ли человѣкъ не заблуждавшійся? Есть-ли озеро, черезъ которое волкъ не переплывалъ-бы? Есть-ли человѣкъ, выросшій безъ разлуки?»

«На неосѣдланнаго коня я не сяду; за худаго человѣка замужъ не пойду. Удалой мой конь, довези меня до мужа. Онъ все мнѣ милъ, сколько бы ни билъ меня. Не говори мнѣ, что ты меня билъ; я умру, мой милый другъ, съ тобою.»

«Не стой на краю берега: вѣтромъ унесетъ ергакъ! Добрый и злой смѣются мнѣ: вѣтромъ унесетъ ергакъ! Башлыкъ былъ живъ, я носила ергакъ шелковый и ѣздила на иноходцѣ. Пять лѣтъ какъ умеръ башлыкъ, и я стала нищею, какъ дитя нагое, которое лежитъ въ тепломъ пеплѣ. На что мнѣ красота? На что мнѣ молодость? Только на солнцѣ отрастаетъ хвостъ и грива у кобылицы. Такъ или не такъ, а Тамина будетъ моею,—говоритъ всякій. Какъ нагой младенецъ, валяюсь теперь на сухомъ пеплѣ. Мнѣ тепло и спокойно. Ахъ! вѣтеръ унесъ послѣдній мой ергакъ! Неужели придется мнѣ валяться на скользкой грязи?»

Здѣшніе Татары подчинены: Качинцы — абаканской инородческой управѣ, а прочіе—степной думѣ, находящейся въ с. Аскызѣ. Управа то же, что волостное правленіе. Степная же дума состоитъ изъ родоначальника, двухъ засѣдателей, родовыхъ старостъ, по числу родовъ, и ихъ помощниковъ. Въ каждомъ улусѣ есть старшины. Родоначальникъ можетъ служить до самой смерти и передавать свою должность, кому хочетъ; обыкновенно онъ служитъ 2—3 года. Но главную роль въ управѣ и думѣ играютъ писаря, которымъ Татары подчиняются безпрекословно. Впрочемъ, и улусные старшины пользуются неограниченнымъ повиновеніемъ имъ населенія. На выборахъ все рѣшается богатыми.

Съ 13,000 плательщиковъ абаканской управы и степной думы собирается ежегодно около 60,000 р. повинностей. Кромѣ того, есть сборы на общественныя нужды,—на жалованье писарямъ, родовымъ старшинамъ и т. д.

Судъ по имущественнымъ дѣламъ совершается по инородческому обычаю, равно какъ и уголовный судъ по кражамъ, до трехъ разъ. По прочимъ, болѣе важнымъ, преступленіямъ судятся по общему закону. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, за исключеніемъ конокрадства, у Татаръ почти вовсе не бываетъ уголовныхъ преступленій.

Русскихъ въ Минусинскомъ округѣ около 60,000 человѣкъ. Составъ этого населенія весьма разнообразный. Кромѣ коренныхъ Сибиряковъ, здѣсь много переселенцевъ изъ Европейской Россіи. Есть Малороссы, Пермяки, Вятичи, Орловцы, Тамбовцы, Финны, Эсты, Латыши и проч. Нельзя сказать, чтобы переселенцы-земляки поселялись всегда вмѣстѣ; но въ большинствѣ случаевъ это такъ. Напримѣръ, въ с. Кавказскомъ и Галактіоновомъ живутъ Малороссы, въ Буланкахъ—Финны и т. д. Финны, Эсты и Латыши живутъ положительно отдѣльными колоніями, которыя имѣютъ свой особенный оттѣнокъ. Отъ переселенцевъ, которые давно уже сюда перебрались, отдѣляются новыя колоніи, поселяющіяся болѣе или менѣе отдѣльно. Переселенцы называются здѣсь новоселами.

Округъ очень много обязанъ имъ. Они ввели здѣсь разведеніе гречи, лучшихъ сортовъ пшеницы, проса, арбузовъ. Ими же введено здѣсь производство мыла, выдѣлка кожъ, валенокъ, шубъ и т. д. Они же первые ввели продажу на рынкѣ веревокъ, колесъ, лопатъ и прочихъ предметовъ крестьянскаго хозяйства. Между тѣмъ раньше всѣ эти предметы выдѣлывались каждымъ хозяиномъ отдѣльно или привозились изъ Западной Сибири.

Какъ общее правило, можно принять, что переселенцы имѣютъ большій достатокъ, чѣмъ коренные здѣшніе Сибиряки. Для поверхностнаго наблюденія это не такъ. Изба у Сибиряка приглядпѣе, одѣтъ онъ лучше, жена его наряжена въ ситцевое платье. Если же вы войдете въ избу къ новоселу, то увидите почти то же самое, что въ Европейской Россіи. Изба съ низкими полатями; хозяинъ и хозяйка въ лаптяхъ (только пеньковыхъ, а не мочалочныхъ), вся изба загорожена снарядами для пряжи и тканья. Но у новосела много сѣна и хлѣба. Если скота иной разъ и не особенно много, то за нимъ уходъ нѣсколько лучше, чѣмъ у Сибиряка.

Сибиряку жилось хорошо, когда здѣсь было много даровой, дешевой, поселенческой силы. Когда поселенцу совсѣмъ некуда было дѣться, онъ шелъ въ работу къ крестьянину; эта сила всячески эксплуатировалась. Когда же открылись пріиски и вообще поднялась нѣсколько про-

мышленная жизнь, поселенецъ сталъ менѣе податливъ, и теперь Сибирякъ хотя и хорошо живетъ, но собственно его царство кончилось. Сибирякъ притомъ лѣнивѣе русскаго крестьянина. Онъ никогда такъ рано не встанетъ, непремѣнно напьется сначала чаю, съ разстановками, и не торопясь выѣзжаетъ на работу. Его выручаетъ обиліе урожаевъ, сравнительная многочисленность скота, рыболовство и отчасти звѣроловство.

Если Сибирякъ сколько-нибудь зажиточенъ, онъ нанимаетъ себѣ работника. Новоселы же, сплошь и рядомъ, при такихъ же условіяхъ, сами ведутъ хозяйство.

Деревни переселенцевъ строятся по планамъ, утвержденнымъ правительствомъ; сибирскія же деревни были построены, какъ попало. Въ Сибири, вообще, избы лучше, чѣмъ въ Россіи. Минусинскій округъ положительно щеголяетъ постройкою домовъ. Едва-ли не у большинства найдется особая свѣтлая горница; полъ устланъ тамъ половиками домашняго издѣлія; стоитъ хозяйская кровать и поставецъ съ посудою. Но заднія, жилыя комнаты далеко не такъ чисты.

Въ зажиточныхъ селеніяхъ, кромѣ избъ, есть и дома, принадлежащіе торговому люду. Такъ, напримѣръ, въ с. Новоселовѣ имѣется 5 товарныхъ лавокъ, въ Абаканскомъ—8, въ Теси—2, въ Шумѣ — 5, въ Каратузѣ — 8, въ Таштыбѣ — 6. Въ лавкахъ продаются: бумажные и шерстяные товары, обувь, сбруя, стеклянная и фаянсовая посуда, желѣзныя издѣлія, инструменты и всякая мелочь. Можно сказать даже, что нѣтъ почти ни одного села, гдѣ бы не было хоть одной товарной лавки. Кромѣ того, по деревнямъ производится развозный торгъ.

Впрочемъ, попадаются здѣсь и глухія поселенія, самыя неприглядныя, заброшенныя въ лѣсахъ и горахъ. Это все переселенческія деревни. Но слѣдуетъ помнить, что переселенцы не щеголяютъ внѣшностью. Именно, въ такой-то глухой деревушкѣ иной разъ попадаются самые богатые запасы хлѣба.

Такъ какъ здѣсь много лошадей, то минусинскій крестьянинъ, если ему нужно ѣхать, не затрудняется запречь пару лошадей, и непремѣнно съ колокольчиками. Въ праздничные дни здѣсь любятъ устраивать конскіе бѣга. Въ праздники же устраиваются «вечóрки», либо отъ хозяина, либо сами парни сложатся. У зажиточныхъ является вино для женщинъ, тенерифъ и мадера. На масляницѣ берутъ «городки», построенные изъ снѣга, — игра очень любимая и здѣшними Татарами.

Пища у минусинскихъ крестьянъ порядочная: есть мясо, есть всегда рыба, свѣжая или соленая, смотря по времени года. Хлѣбъ, какъ вездѣ въ Сибири, предпочитается пшеничный. Самовары сильно распространены, а у коренныхъ Сибиряковъ составляютъ даже необходимую принадлежность хозяйства. Чай употребляется кирпичный.

Земледѣліе составляетъ главное занятіе русскихъ жителей округа, а пашни подъ селами, во многихъ мѣстахъ, повыпаханы, поэтому здѣсь значительно распространены заимки, въ которыя перебираются на лѣтнее рабочее время.

Такими же заимками окруженъ и Минусинскъ, представляющій собою и городъ, и село: мѣщанское населеніе города занимается, главнымъ образомъ, земледѣліемъ.

Минусинскъ — типическій сибирскій городокъ, — сѣренькій, невзрачный. Здѣсь все сѣро: улицы, стѣны, крыши домовъ, заборы; каменныхъ домовъ всего два: одинъ — городской, другой — частный. Въ городѣ одна церковь, да на кладбищѣ, за городомъ, другая. Впрочемъ, строится еще церковь, нѣсколько побольше старыхъ, потому что для 5,000-го населенія города прежнія двѣ церкви оказываются тѣсными, особенно въ главные праздники.

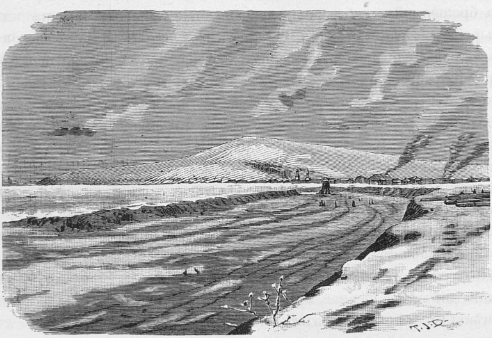
Въ городѣ довольно много ремесленниковъ. Кромѣ хлѣбопашества, горожане довольно сильно занимаются разведеніемъ арбузовъ на бахчахъ.

Въ Минусинскѣ много лавокъ всякаго рода: товарныхъ, бакалейныхъ и проч. Но такъ какъ огромное большинство населенія — люди небогатые, то хорошихъ товаровъ здѣсь, конечно, нечего искать, порою же недостаетъ въ городѣ и такихъ обыкновенныхъ предметовъ, какъ ботинки, пуговицы и т. п. Винъ выпивается много, хотя и гораздо меньше, чѣмъ нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ, когда здѣсь процвѣтала золотопромышленность. Въ субботу всѣ лавки полны. Въ субботу (базарный день) запасается вся провизія на недѣлю; мясныхъ же и имъ подобныхъ лавокъ здѣсь нѣтъ. Въ этотъ день отовсюду, даже верстъ за 40, привозятъ разные продукты—муку, дрова, сѣно, мясо, рыбу, птицу и проч. Городскіе жители выносятъ на базаръ свои товары: войлокъ, столы, стулья, сундуки, валенки, кожи и проч.

Съ мая по октябрь, Минусинскъ принимаетъ видъ портоваго городка въ миніатюрѣ. Здѣсь есть нѣсколько пристаней, у которыхъ стоятъ барки; все лѣто берега протоковъ запружены дровяными плотами, съ мукою и арбузами, назначенными для сплава внизъ по Енисею.

Въ Минусинскѣ есть хорошее училище (низшее) на 150 учениковъ; оно теперь находится въ лучшемъ домѣ города, каменномъ, просторномъ. При училищѣ есть гимнастика. Въ нижнемъ этажѣ этого же дома помѣщается мѣстный музей и библіотека, учрежденная въ концѣ

Минусинскъ.

70-хъ годовъ. Оба учрежденія созданы по почину одного частнаго лица. Эти учрежденія состоятъ въ вѣдѣніи города, ассигнующаго на поддержаніе ихъ ежегодно 200 руб. Книги, послужившія основаніемъ библіотеки, были собраны по домамъ. Теперь въ библіотекѣ есть всѣ лучшія произведенія русской беллетристики, кое-какія научныя сочиненія, всѣ главныя сочиненія о Минусинскомъ округѣ и выписываются періодическія изданія.

Основаніемъ музею послужили ботаническія и минералогическія коллекціи, а также разныя древности и всякія другія достопримѣчательности, собранныя учредителемъ. Затѣмъ стало стекаться множество подобныхъ предметовъ изъ округа, по заказу и безъ заказа, и теперь музей занимаетъ уже три обширныя комнаты. Музей постоянно открытъ для публики. Посѣтителей бываетъ по праздникамъ очень много. Они разносятъ по округу вѣсть объ этомъ полезномъ, скромномъ учрежденіи, и предметы всякаго рода не перестаютъ прибывать.

Къ сожалѣнію, въ Минусинскѣ нѣтъ женскаго училища, хотя уже болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ были собраны первые 738 р. для его основанія, а въ послѣднее время нѣкоторые купцы обѣщали пожертвовать болѣе значительныя суммы на женское образованіе. Но пока— дѣвочки остаются безъ всякаго образованія, учатся кое-какъ по домамъ, у частныхъ лицъ.

Въ городѣ есть хорошая вольная аптека — большая рѣдкость въ окружныхъ сибирскихъ городкахъ, особенно если прибавить, что аптека устроена даже изящно. Театра и публичнаго сада здѣсь нѣтъ. Но бываютъ иногда любительскіе спектакли, на которыхъ сходятся человѣкъ 200. Вмѣсто сада есть съ 1880 года «вокзалъ», т. е. просто навѣсъ для тан-

цевъ, въ плохонькомъ сосновомъ бору, подъ самымъ городомъ. Около навѣса есть гимнастика, карусель, буфетъ; по праздникамъ собирается здѣсь довольно много народа: и пожилыхъ, и молодежи. Видъ на окрестныя горы и на разстилающійся тутъ же боръ довольно недуренъ, особенно при вечернемъ закатѣ солнца. Зимою же бываютъ, по праздникамъ, «собранія», на которыя мѣстная аристократія съѣзжается поиграть въ карты и потанцовать до 2 — 4 часовъ утра.

Мы уже говорили, что главное занятіе русскаго населенія этого округа — земледѣліе. Системы хозяйства здѣсь весьма разнообразныя: годами придерживаются трехпольной системы, годами—плодосмѣной и двухпольной; впрочемъ, хорошіе хозяева придерживаются, большею частію, переложной системы. Начинается съ того, что вырубаются подъ новь лѣса, вычищаются кустарники и кочки. На нови—одинъ годъ сѣятъ, одинъ годъ парятъ, а по прошествіи пяти-шести лѣтъ, эта земля запускается въ залежь, на 15, 20, 30 лѣтъ, смотря по мѣстности. Въ первые годы на брошенной землѣ сорныя травы растутъ въ изобиліи, на четвертый и пятый годъ растетъ пырей, и, въ продолженіе 10—15-ти лѣтъ, поля служатъ пастбищами для скота. Когда же сорныя травы измельчаютъ, то опять возвращаются къ запущенной землѣ, которая опять даетъ хорошій урожай въ теченіе трехъ — пяти лѣтъ.

Болѣе всего сѣется въ округѣ яровой пшеницы, яровой ржи и овса. Ячмень и просо разводятся не въ большомъ количествѣ. Кое-гдѣ сѣютъ и гречиху. Урожаи, вообще, бываютъ хорошіе, такъ что возможно скоплять большіе запасы хлѣба.

Но самое изобиліе хлѣба имѣетъ свою дурную сторону, потому что хлѣбъ очень дешевъ, и крестьянину трудно сколотить денегъ для уплаты повинностей и на другіе расходы. Здѣсь неурожайный годъ, въ извѣстномъ смыслѣ, даже желательнѣе для крестьянина, чѣмъ урожайный, потому что хлѣбъ дорожаетъ, вслѣдствіе отсутствія правильнаго сбыта. Но тогда крестьяне усиливаютъ запашку, а это опять ведетъ къ удешевленію хлѣба.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, смолотый хлѣбъ стоилъ, съ доставкою за 100 верстъ, 18 — 20 к. за пудъ. Послѣднія двѣ зимы ржаная мука стоила по 50—70 к. за пудъ, а пшеничная—около 1 рубля. Но эти цѣны вскорѣ начали падать. Такимъ образомъ, мы видимъ, съ одной стороны, изобиліе запасовъ, съ другой — недостатокъ денегъ. Если бы не скотъ, то здѣшнему крестьянину пришлось бы плохо.

Главный сбытъ хлѣба—внизъ по Енисею, на винокуренные заводы и на мѣстные пріиски. Внизъ по Енисею сплавляется ежегодно около 500,000 пудовъ, преимущественно мукою; въ прежнее время, когда въ Енисейскомъ округѣ процвѣтала золотопромышленность, сплавлялось, по крайней мѣрѣ, вдвое больше.

Сбытъ на винокуренные заводы (около 230,000 пуд.) обставленъ очень плохо. Покупателями являются цѣловальники, поступающіе такъ. Является крестьянинъ и проситъ денегъ на уборку хлѣба. Денегъ ему не даютъ, а предлагаютъ сдѣлать «помочь»; взявъ 2 ведра вина, можно собрать человѣкъ 40 и сжать много. Это и дѣлается. Вина выпивается жнецами болѣе двухъ ведеръ, и крестьянинъ слишкомъ дешево сбываетъ хлѣбъ цѣловальнику.

Скотоводство здѣсь сильно пострадало отъ чумы на рогатый скотъ, завезенной въ 1873 г. изъ Монголіи и уложившей около 100,000 головъ. У Русскихъ скотоводство развито гораздо меньше, чѣмъ у Татаръ, хотя и у нихъ есть значительныя стада и конскіе табуны. Овецъ же у посредственнаго крестьянина бываетъ не меньше двухъ-трехъ десятковъ.

Содержаніе скота самое плохое, особенно тамъ, гдѣ его много. Какъ и у Татаръ, скотъ большею частію находится на подножномъ корму. До глубокой осени, пока не выпадетъ снѣгъ, скотъ пасется въ полѣ. Зимою же онъ содержится въ дрянныхъ загонахъ, только съ вѣтренной стороны покрытыхъ соломенною крышею. Крытые дворы имѣются у очень немногихъ хозяевъ. Теплыя же помѣщенія есть только для телятъ-однолѣтковъ, которыхъ отдѣльно кормятъ сѣномъ и мякиною. Выручаетъ только обиліе скота.

Считая съ татарскимъ скотомъ, котораго, конечно, больше, чѣмъ русскаго, — всего изъ округа сплавляется и гонится ежегодно около 7,000 головъ рогатаго скота. Овецъ сбывается около 15,000. Лошадей же не болѣе 4,000, потому что здѣшняя степная лошадь для тяжелой работы не годится.

Замѣтимъ кстати, что въ с. Каратузѣ, у одного любителя есть табунъ превосходныхъ лошадей орловской породы. Но только эти лошади, собственно для округа, имѣютъ мало значенія, потому что дѣло ведется не на коммерческихъ основаніяхъ, а болѣе для собственнаго удовольствія владѣльца. Есть и еще у нѣсколькихъ лицъ порядочныя заводскія лошади. Впрочемъ, въ окрестностяхъ Каратуза, благодаря заводу, лошадиная порода все-таки нѣсколько лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Огородничество въ Минусинскомъ округѣ мало развито. Овощи разводятся крестьянами только для собственнаго употребленія. Исключеніе составляютъ только нѣкоторыя подгородныя села, находящіяся отъ Минусинска не дальше 40 верстъ. Картофель родится хорошо, мѣстами самъ—сорокъ. Но и онъ не можетъ служить отраслью промышленности, потому что въ округѣ нѣтъ ни одного крахмальнаго или паточнаго завода. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разводятъ табакъ, но съ нимъ не умѣютъ обходиться, такъ что онъ не имѣетъ сбыта за предѣлами округа, а на мѣстѣ продается отъ 1 р. 30 к. до 2 р. за пудъ. Между тѣмъ, были примѣры, что ссыльные изъ Поляковъ выращивали нѣкоторые сорты турецкаго, венгерскаго и американскаго табаку.

Довольно важную роль играетъ разведеніе арбузовъ на бахчахъ. Около одного Минусинска ежегодно обработывается до 300 десятинъ подъ арбузы, а всего по округу наберется около 450 десятинъ. Урожай арбузовъ бываетъ отъ 4 до 8 тысячъ на десятинѣ. Въ Красноярскъ и Енисейскъ сплавляется ежегодно около 250 плотовъ; на плотъ кладется отъ 4 до 8 тысячъ штукъ. За эти арбузы округъ выручаетъ отъ 20 до 30 тысячъ рублей. Остальные расходятся на мѣстѣ; цѣна на нихъ отъ 1 до 4 р. за сотню. Множество арбузовъ приготовляется въ прокъ, посредствомъ соленія. Сплавляютъ арбузы, обыкновенно, сами хозяева; но иногда за ними пріѣзжаютъ покупатели изъ Красноярска.

Рыболовства, какъ отдѣльной промышленности, здѣсь нѣтъ. Но оно играетъ важную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ промыселъ, доставляющій пищу. Обыкновенно бываетъ такъ, что если семейство состоитъ изъ отца и нѣсколькихъ сыновей или работниковъ, то старикъ отецъ занимается рыболовствомъ или приготовленіемъ рыболовныхъ снастей, а одинъ изъ членовъ семьи или работникъ два раза въ годъ отлучается, на мѣсяцъ или полтора, на рыболовство. Весною идутъ ловить рыбу тотчасъ по вскрытіи льда (весновка), а осенью въ половинѣ августа или въ сентябрѣ, смотря по тому, когда кончатъ полевыя работы (осеневка). На промыселъ идутъ артелями, всегда почти по 5 человѣкъ, и каждый долженъ имѣть неводъ въ 10 саженъ длины; такой неводъ называется *паемъ*; всѣ эти паи спиваются вмѣстѣ, и рыба дѣлится впослѣдствіи по паямъ. Кромѣ того, ловятъ рыбу сѣтями-рыжовками, или дѣлаютъ запоры въ рѣчкахъ; а въ озерахъ ставятъ становыя сѣти. Довольно распространена и ловля съ лучемъ, по ночамъ; тогда бьютъ рыбу острогою. Въ Енисеѣ ловятъ и самоловами, на которые попадаются стерляди и осетры.

Рыба въ Минусинскомъ округѣ не очень разнообразна. Главная порода — харіусъ; затѣмъ слѣдуютъ ленокъ и таймень; есть много щукъ, окуней, карасей и проч. Нѣкоторыя озера очень изобилуютъ рыбою; только въ нихъ мало развито рыболовство, вслѣдствіе ихъ недоступности. Ко многимъ нѣтъ никакой дороги, а тележной—нѣтъ ни къ одному; всѣ рѣчки, текущія изъ озеръ, завалены вѣковыми завалами и наносами, такъ что выплыть изъ нихъ невозможно.

Количество добываемой рыбы въ разные годы весьма различно. Осенняя добыча отличается большею правильностью. Можно принять, что на пай, въ теченіе одного или полуторыхъ мѣсяцевъ, добывается отъ 10 до 20 пудовъ.

Ремесла въ округѣ далеко не развиты. Какъ общее правило, можно принять, что каждый крестьянинъ самъ себѣ дѣлаетъ соху, борону, сани, телегу, не говоря уже о грабляхъ и лопатахъ. Печи, колеса, веревки, кожи тоже изготовляются домашнимъ порядкомъ. Очень многіе дѣлаютъ сами овчины, сами шьютъ шубы, шлеи, обувь. Женщины приготовляютъ холстъ; жена шьетъ мужу шубу, рукавицы, шапку; мужъ женѣ — обувь; а оба, непремѣнно по вечерамъ, вперемежку вяжутъ чулки и варежки. Пояски и купаки тоже приготовляютъ домашнимъ способомъ. Многіе мужчины умѣютъ дѣлать деревянную посуду, а женщины — горшки. Свѣчи дѣлаютъ сами; многіе сами варятъ и мыло. Все это дѣлается такъ: одинъ сдѣлаетъ хорошо, другой похуже, а третій и совсѣмъ худо; и все оправдывается пословицею — «какъ ручка сдѣлаетъ, такъ ножка износитъ». Хорошимъ хозяиномъ считается тотъ именно, кто все съумѣетъ самъ сдѣлать.

Сойоты Минусинскаго округа.

Конечно, все это постепенно измѣняется. Явились уже кожевенные заводики, представляющіе нѣчто среднее между настоящимъ заводомъ и крестьянской самодѣлкой; строятся такія же маслобойни; веревки стали вить ручнымъ колесомъ; уже не смѣются громко надъ вятскимъ переселенцемъ, который ѣдетъ на базаръ съ дугами, корытами, лопатами и тому подобнымъ товаромъ. Вообще, переселенцы здѣсь сильно измѣнили бытъ. Благодаря имъ, ремесла постепенно спеціализируются. Важную услугу, въ этомъ отношеніи, оказали также ссыльные Поляки: впервые явились хорошіе сапожники, портные, кузнецы, слесаря, каретники и небывалые до тѣхъ поръ колбасники.

Выдѣлкою одежды изъ овчинъ тоже стали прежде всѣхъ заниматься переселенцы, а именно явившіеся сюда въ шестидесятыхъ годахъ вятскіе крестьяне. Сначала они стали снабжать мѣстный рынокъ, удовлетворявшійся раньше привозомъ изъ Томска; потомъ стали отправлять свой товаръ на золотые промыслы; а теперь уже большія партіи этого товара идутъ въ Енисейскъ и Иркутскъ.

Въ Минусинскомъ округѣ есть только одинъ желѣзный заводъ, одинъ стекольный и три винокуренныхъ. Всѣ имѣютъ склады и внѣ округа; стекольный и желѣзный—даже въ Иркутскѣ. Оба эти завода могли-бы быть далеко лучше. Желѣзный велся до сихъ поръ самымъ безалабернымъ образомъ; стекольный же, только въ послѣднее время, началъ улучшаться и приносить доходъ, раньше же производилъ дорогой и плохой товаръ. Есть здѣсь двѣ крупчаточныя мельницы; обѣ сбываютъ много муки въ Красноярскъ, Енисейскъ, Иркутскъ. Самосадочной соли добывается періодически по 300,000 пудовъ. Мѣстная соль дорога и плоха; поэтому много привозится соли изъ Томской губерніи и даже изъ Китая, отъ Сойотовъ.

О золотыхъ пріискахъ мы не станемъ распространяться. И здѣсь они, за малыми исключеніями, имѣютъ тотъ же характеръ, какъ и вездѣ. На пріиски идутъ, большею частью, поселенцы и замотавшіеся крестьяне. Впрочемъ, бываетъ иногда, что и порядочный крестьянинъ, если у него большая семья и нужны деньги, посылаетъ сына на пріиски. Кромѣ крупныхъ золотопромышленниковъ, здѣсь есть много мелкихъ, которые добываютъ ничтожное количество золота и съ грѣхомъ пополамъ живутъ этимъ доходомъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о торговлѣ здѣшнихъ купцовъ съ сосѣдними Сойотами. Сойоты, это тѣ же Татары, какъ минусинскіе, только нѣсколько омонголившіеся. Вѣроятно, это племя жило раньше по Тубѣ; потомъ его оттѣснили Русскіе. Еще недавно Сойоты платили подать не только Монголамъ, но и Русскимъ.

Первыя торговыя сношенія съ ними завелись на кордонахъ, которые русское правительство устроило около китайской границы. Наши звѣроловы-казаки, встрѣчаясь съ Сойотами на промыслахъ, обмѣнивались съ ними своими товарами; они доставляли имъ топоры, ножи, свинецъ, порохъ, иголки, нитки, бусы, а отъ нихъ получали звѣриныя шкуры. Языкъ Сойотовъ былъ знакомъ Русскимъ по мѣстному татарскому языку.

Постепенно сношенія расширились, и въ настоящее время торговля уже довольно значительна. Она, вообще, мѣновая. Русскіе купцы берутъ рогатый скотъ (для Иркутска), овецъ, лошадей, козъ (въ небольшомъ количествѣ), верблюдовъ, а также разные мѣха: бѣлку, соболя, козулю, изюбря, сохатаго и т. д.; наконецъ, берутъ самосадочную озерную соль и въ небольшомъ количествѣ каменную соль. Сойоты, съ своей стороны, берутъ бумажную бязь, плисъ, сукно, драпъ, шелковыя, гарусныя и разныя бумажныя матеріи; затѣмъ слѣдуетъ пушной товаръ (рысь, выдра, бобръ, худой соболь), кожи, желѣзныя и чугунныя издѣлія, мѣдныя тазы, котлы, чайники, самовары, тарелки и проч.; идутъ въ небольшомъ количествѣ и разныя серебряныя и мельхіоровыя издѣлія, музыкальныя машинки, крупчатка, стекло и проч.

Перевалъ въ Сойоты.

Въ настоящее время торговля съ Сойотами производится главнымъ образомъ на двухъ пограничныхъ пунктахъ. Кромѣ того. нѣкоторые Русскіе высылаютъ своихъ служащихъ въ самыя сойотскія кочевья, отправляя товаръ на вьючныхъ лошадяхъ и верблюдахъ.

Лучшее время торговли бываетъ въ февралѣ и мартѣ, когда у Сойотовъ сборъ податей. Они покупаютъ тогда собольи мѣха, которыми уплачиваютъ подати.

Русскіе продаютъ Сойотамъ, приблизительно, на 100 тысячъ рублей товаровъ. Скотъ (до 4000 головъ), вымѣниваемый у Сойотовъ, идетъ въ Иркутскъ чрезъ Монголію.

Говоря о Минусинскомъ округѣ, нельзя не упомянуть о многочисленныхъ памятникахъ древности, которые здѣсь встрѣчаются. По Минусинскимъ степямъ разсѣяно множество могилъ, или почти совершенно гладкихъ и устланныхъ камнями, или возвышающихся курганомъ; могилы бываютъ окружены стоячими каменными плитами или просто безъ камней. На многихъ плитахъ сохранились разныя изображенія или надписи; нѣкоторыя же изъ этихъ плитъ грубо высѣчены и изображаютъ людей (бюстъ или только одно лицо). Въ могилахъ, а иногда и просто на пашнѣ, находятъ разныя старинныя вещи: удила, стремена, бердыши, стрѣлы, чаши. На скалахъ, по берегамъ Енисея и другихъ рѣкъ, видны надписи: фигурныя, іероглифическія, письменныя. Мѣстами остались слѣды земляныхъ укрѣпленій или слѣды канавъ, служившихъ для орошенія степей. Наконецъ, встрѣчаются остатки копей, доказывающіе, что прежніе жители умѣли пользоваться здѣшними минеральными богатствами.

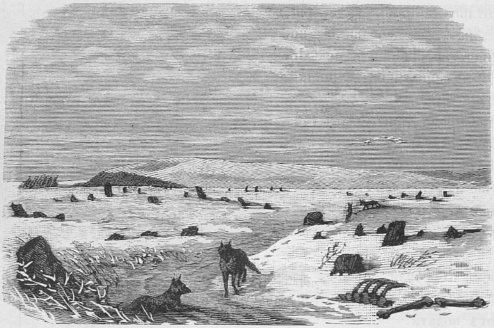
Всѣ эти памятники древности очевидно оставлены народами, которые въ культурномъ отношеніи стояли выше нынѣшнихъ здѣшнихъ инородцевъ. Полагаютъ, что одни изъ нихъ при-

надлежатъ Киргизскимъ ордамъ, которыя здѣсь жили нѣсколько столѣтій тому назадъ, другіе — какому-то еще болѣе древнему народу, намъ совершенно неизвѣстному.

Могилы встрѣчаются иногда въ такомъ количествѣ и на такихъ обширныхъ пространствахъ, что, благодаря каменнымъ плитамъ, которыя ихъ окружаютъ, принимаютъ издали видъ пасущагося стада. Особенно богата ими степь по лѣвому берегу Абакана; она даже называется «Могильною степью». Вообще, по лѣвую сторону Енисея больше могилъ, чѣмъ по правую. По правую же онѣ преимущественно встрѣчаются у устья Тубы и по ея берегамъ, съ той и другой стороны, а также по тѣмъ рѣчкамъ, которыя въ нее впадаютъ.

Насыпи надъ могилами бываютъ въ одну или двѣ сажени вышиною; но есть насыпи и въ 45 саженей и даже выше; самыя высокія могилы называются сопками, всѣ же, вообще, насыпи—курганами.

Могилы не разбросаны какъ попало, а идутъ рядами или расположены группами, обыкновенно по направленію съ сѣвера на югъ. Эти группы расположены зачастую въ живописной мѣстности: въ долинѣ или на холмѣ, съ котораго открывается обширный горизонтъ, или у подошвы горы, на берегу озера, ручья и рѣчки.

Курганная или Могильная степь (въ Минусинскомъ округѣ).

Тѣло или прямо клали на землю и потомъ дѣлали насыпь, или устраивали предварительно деревянный срубъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто яму, выстланную камнями; сверху яма прикрывалась досками или каменными плитами. Въ нѣкоторыхъ курганахъ погребали, повидимому, сразу по нѣскольку человѣкъ.

Камни, окружающіе могилы, расположены обыкновенно четыреугольникомъ. По угламъ стоятъ самыя высокія плиты, по сторонамъ четыреугольника идутъ меньшія плиты, не плотно одна къ другой; въ промежуткахъ же между ними маленькіе камни, едва выглядывающіе изъ земли. Нѣкоторыя могилы были, повидимому, семейныя, потому что посреди большаго четыреугольника видны маленькіе, окруженные низенькими камнями. Иногда въ четыреугольникѣ есть входы съ сѣверной стороны.

Всякаго рода могилы, безъ насыпей и съ насыпями, обыкновенно перемѣшаны между собою. Но можно сказать, что могилы безъ насыпей преобладаютъ по лѣвую сторону Енисея, а собственно курганы — по правую его сторону.

Плиты на могилахъ бываютъ иногда громадной величины, въ $1^1/_2$ и 2 сажени. Угловыя плиты стоятъ плоскою стороною на югъ и на сѣверъ.

Камней съ надписями очень много. Сохранилось не мало и такихъ камней, которые изображаютъ людей, мужчинъ и женщинъ. Какъ вездѣ, ихъ называютъ каменными бабами, истуканами и проч. Типъ лицъ у этихъ фигуръ монгольскій. Теперешніе Татары, хотя и не поклоняются такимъ камнямъ, но оказываютъ имъ знаки уваженія: мажутъ имъ ротъ сметаною, выколачиваютъ въ честь ихъ пепелъ трубки и т. п. На камняхъ бываютъ изображены солнце, звѣзды, люди, верблюды и проч.

Древнѣе считаются могилы безъ насыпей, потому что бердыши, копья и т. п. оружіе, встрѣчающееся въ нихъ, мѣдное или бронзовое. Правда, попадаются въ такихъ могилахъ и желѣзныя вещи, именно украшенія сбруи; но серебряная или золотая насѣчка наводитъ на мысль, что эти вещи были завезены изъ чужихъ странъ. Въ могилахъ съ земляными насыпями преобладаетъ желѣзное оружіе, хотя встрѣчается и мѣдное или бронзовое; кромѣ того, сравнительно позднее происхожденіе ихъ доказывается еще и тѣмъ, что срубы въ нихъ хорошо сохранились, попадаются остатки деревянной посуды, лоскутки парчи и другихъ шелковыхъ тканей.

Надписи на скалахъ, по берегамъ рѣкъ, тоже видимо относятся къ различнымъ эпохамъ. Всѣхъ моложе—письменныя-монгольскія. Особенно извѣстна одна изъ нихъ, около с. Абаканскаго, какъ разъ противъ перевоза, на очень видномъ и живописномъ мѣстѣ. Въ низкую воду эта писаница находится на 3 сажени надъ водою. Три отдѣльныя плоскости утеса, на которомъ она написана (черною краскою на красноватомъ песчаникѣ), нѣсколько выдаются и сверху скалы защищены выступомъ. Эта надпись, по всей вѣроятности, есть приказъ какого-нибудь хана, отданный проходившимъ здѣсь войскамъ и ламамъ. Священникъ Орловъ, преподаватель монгольскаго языка въ иркутской семинаріи, переводитъ ее слѣдующимъ образомъ:

«1) Безгласныхъ и невздорныхъ плѣнниковъ изъ кибитокъ, улусовъ, по причинѣ звѣрей, по дорогамъ не бросайте и не губите. До времени (заключенія) мира, вы, ламы, (назначенные) для погребенія... громко говорите о могилахъ (ибо) родство (общеніе съ плѣнными) — участіе съ невѣрными.

«2) Итакъ, погребайте мужчинъ и женщинъ, для принесенія (жертвы) прославленнымъ (гнѣвнымъ?) драконамъ и изъ-за великаго обилія меду, творогу, мяса, молока.

«3) Когда же застрѣлите и погребете (ихъ), то на возводимой горкѣ (на курганѣ) бросайте вѣтви каждому изъ драконовъ; а для достопамятности насѣйте на ней (по сторонамъ?) сѣмянъ.

«4)... Затѣмъ, сверхъ цвѣтовъ (сѣмянъ ?), зарывайте кобылъ (принадлежащихъ убитымъ плѣнникамъ); яловыхъ верблюдицъ возьмите за поводья; ихъ, въ предположеніи (что будутъ) матерями, не зарывайте. Мужчинъ погребайте сотнями; женщинъ, конечно, не мучьте и не увѣчьте, въ предположеніи мужчинъ (которые могутъ отъ нихъ родиться). Прочихъ лицъ, можетъ быть, истребить??... (Тогда) погребите.

«5) Матерей-старухъ, отцовъ-стариковъ не увѣчьте; а табуны скота должно-ли губить??... (Тогда всѣ стрѣляйте и зарывайте)».

Надписи болѣе древнія относятся къ такъ называемому фигурному письму «Это большею частью изображенія животныхъ, естественныхъ предметовъ, разныхъ орудій и людей. Человѣческія фигуры, то одинокія, то по двѣ вмѣстѣ, то соединенныя въ большія группы, представлены или идущими, или пляшущими, или верхомъ на лошади, или стрѣляющими изъ лука въ спасающагося звѣря. Изъ четвероногихъ, кромѣ лошадей, легко распознать коровъ, барановъ, дикихъ и домашнихъ козъ, оленей, лосей, зайцевъ, волковъ, медвѣдей, верблюдовъ. Коегдѣ попадаются змѣи, птицы, деревья. Изъ орудій можно видѣть только лукъ и стрѣлы, мечъ и нагайку.»

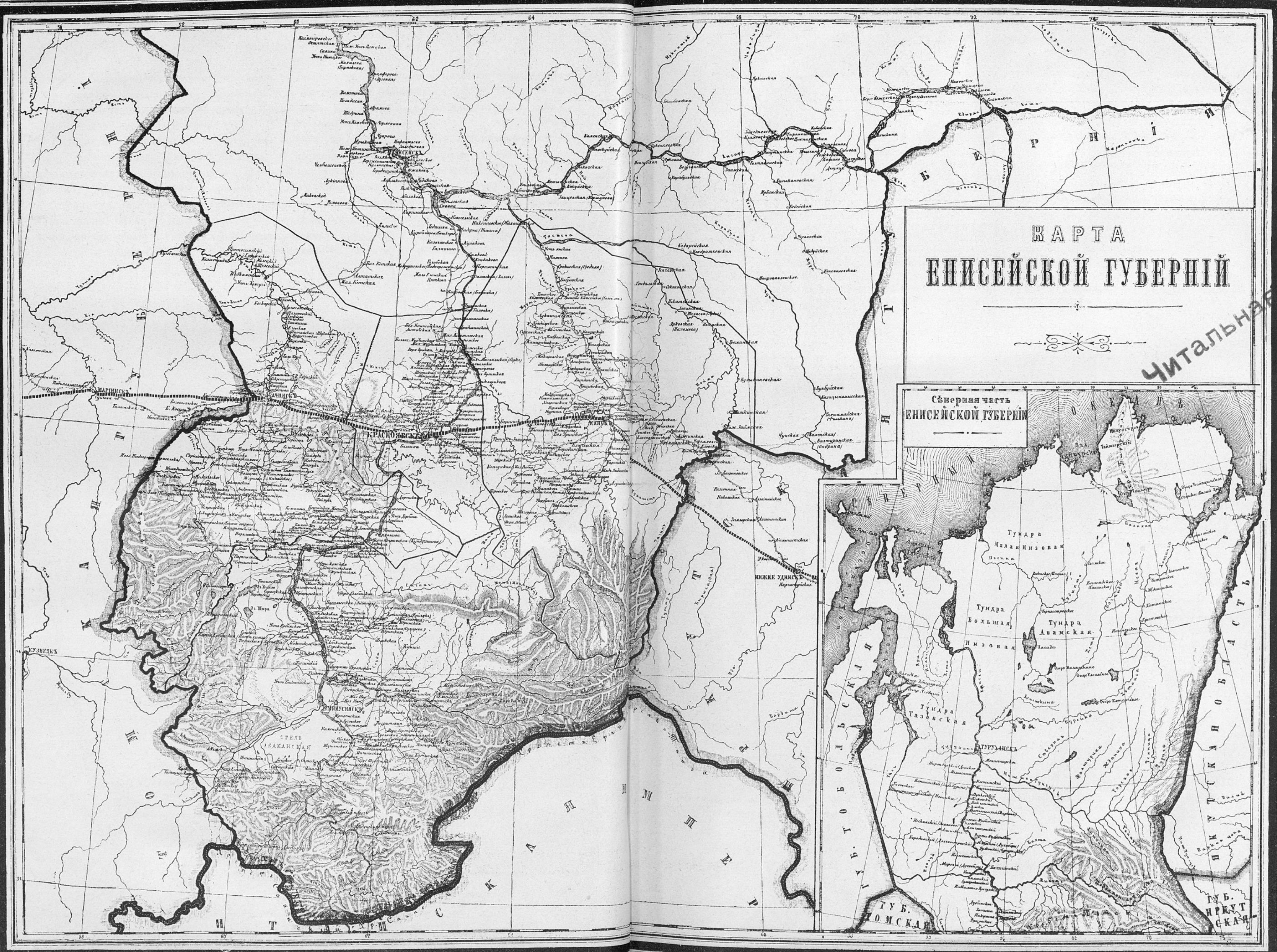
Остатки копей, которые здѣсь встрѣчаются, доказываютъ, что добыча и выплавка рудъ были здѣсь встарину далеко несовершенны; но нынѣшніе Татары и того бы не могли

сдѣлать. Большею частью обработывались мѣдныя руды, хотя была не безъизвѣстна и обработка желѣза. Плавильни устраивались иногда въ степи, но большею частью въ горахъ и лѣсахъ, гдѣ больше горючаго матерьяла. Кромѣ того, здѣсь нѣкогда добывались также золото и серебро механическимъ путемъ.

Прошлое древнѣйшихъ аборигеновъ Сибири уже описано въ томѣ «Живописной Россіи», посвященномъ Западной Сибири, и излишне было бы еще разъ вдаваться здѣсь въ подробности по этому предмету. Но, вообще говоря, прошлое это темно. Курганы или могилы, эти единственные хранители тайнъ незапамятной сибирской стороны, были въ огромномъ большинствѣ случаевъ, разрыты и расхищены прежде, чѣмъ коснулся ихъ свѣтъ науки. Затѣмъ, начавшееся изученіе сибирскихъ памятниковъ до сихъ поръ еще не приведено въ строгую систему. Всѣ предположенія о томъ, какія передвиженія народовъ происходили на обширной сибирской территоріи, имѣютъ довольно гадательный характеръ.

Князь А. А. Кропоткинъ.

КАРТА
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ
Сѣверная часть
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ
КРАСНОЯРСКЪ
ЕНИСЕЙСКЪ
МАРІИНСКЪ
АЧИНСКЪ
КАНСКЪ
МИНУСИНСКЪ
НИЖНЕ УДИНСКЪ
ТУРУХАНСКЪ
КУЗНЕЦЪ
Степь Абаканская
Тундра Малая Низовая
Тундра Большая Низовая
Тундра Авамская
Тундра Тазовская
ГУБ. ТОМСКАЯ
ГУБ. ИРКУТСКАЯ

ОЧЕРКЪ II.

СРЕДНЕЕ ТЕЧЕНІЕ ЕНИСЕЯ.

Ачинскій, Красноярскій и Канскій округи Енисейской губерніи.— Жители, ихъ хозяйство и промыслы. — Большой Сибирскій трактъ и судоходство по Енисею. — Предположенія о водномъ соединеніи Енисея съ системою Оби; экспедиціи, предпринимавшіяся съ этою цѣлью.

«Упрямъ, лукавъ и разсчетливъ,
какъ Сибирякъ».

ПОГОВОРКА.

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой,—
Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходить вѣкъ мой темной,
Въ безвѣстности заглохшею тропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ,
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.

А. С. ПУШКИНЪ.

Въ 248 верстахъ ниже Минусинска, у с. Сисимскаго, впадаетъ въ Енисей незначительная рѣчка Сисимъ, по которой открыто и разработывается нѣсколько золотыхъ промысловъ. Въ 10—12 вер. ниже с. Сисимскаго, за с. Караульный Острогъ, Енисей вступаетъ въ Ачинскій округъ и протекаетъ по нему около 100 верстъ.

На всемъ этомъ пространствѣ Енисей направляется на сѣверо-востокъ. Ни одной рѣки, замѣчательной своею величиною или золотосодержащими розсыпями, въ него здѣсь не впадаетъ. Самыя селенія, раскинутыя мѣстами по берегамъ, незначительны. На правомъ берегу находятся деревни: Кундугашева (Усть-Погромская), Ермолаева, Потапова, Дербина, Усть-Дербина и Ошарова; на лѣвомъ—Даурская, Голышева, Езагашъ, Дорошкѣева и винокуренный заводъ купца Щеголева.

Близъ устья Сисима правый берегъ Енисея крутъ и покрытъ хвойнымъ лѣсомъ, лѣвый же не представляетъ значительныхъ высотъ до деревни Даурской. Между Караульнымъ Острогомъ и Даурской онъ поросъ тополемъ. Между д. Кундугашевой и Дербиной красный песчаникъ образуетъ плоскую возвышенность. На всемъ пространствѣ отъ устья Сисима до дер. Езагашъ правый берегъ Енисея выше лѣваго. У этой деревни на обоихъ берегахъ Енисея залегаетъ миндалевидный порфиръ, образующій у береговъ неприступные утесы, покрытые ивами и отчасти кедрами. Порфиръ тянется на 6 верстъ ниже Езагаша и за тѣмъ смѣняется на обоихъ берегахъ чернымъ известнякомъ. Противъ Езагаша, на правомъ берегу Енисея, находится заливъ, называемый Торгошинской курьей. Мелафиры, изъ которыхъ состоитъ здѣсь берегъ, образуютъ значительную осыпь, представляющую обломки, между которыми находятся многочисленныя пещеровидныя пустоты неправильной формы, не болѣе четверти куб. аршина вмѣстимостью, замѣчательныя низкой температурой и наполненныя ледяными сосульками, которыя образуются даже на нижней поверхности обломка, прикрывающаго сверху отверстіе въ пустоту. Въ эти пустоты рыбаки кладутъ свою рыбу, которая сохраняется тамъ въ мерзломъ видѣ среди лѣта. Берегъ Енисея поросъ здѣсь лиственицами и елями. Деревня Ошарова, послѣдняя изъ лежащихъ по Енисею въ Ачинскомъ округѣ, находится въ 40 в. ниже Езагаша. Близъ нея по р. Кроль находятъ въ изобиліи мѣдную руду.

Вступивъ, за дер. Ошаровой, въ Красноярскій округъ, Енисей дѣлаетъ вдругъ поворотъ на западъ, потомъ поднимается на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ прямо на востокъ; но, принявъ съ правой стороны р. Ману, начинаетъ слегка, едва замѣтно, отходить нѣсколько къ сѣверу до самаго Красноярска, откуда уже идетъ на сѣверо-востокъ. По Красноярскому округу Енисей протекаетъ около 200 верстъ.

Первое селеніе Красноярскаго округа, лежащее на лѣвой сторонѣ Енисея, называется Бирюса. На половинѣ пути отъ д. Ошаровой къ Бирюсѣ, Енисей пересѣкаетъ такъ-называемая *Костоватая шивера*, которую образуетъ зеленый камень, прорвавшій здѣшніе известняки. Въ 6 верстахъ къ югу отъ Бирюсы, известнякъ образуетъ живописныя скалы, непосредственно надъ берегомъ Енисея. Онѣ лишены лѣснаго покрова, и только отдѣльныя березы или хвойныя деревья разсѣяны по ихъ поверхности. Этотъ известнякъ заключаетъ въ себѣ множество пещеръ, отверстія которыхъ находятся на различной высотѣ отъ подошвы до вершины горы. Между ними есть и весьма большія: онѣ распространяются подъ землею въ различныхъ направленіяхъ. Опускаясь въ нихъ, чувствуешь теченіе холоднаго воздуха, которое замѣтно также и вблизи отверстій пещеръ, съ внѣшней стороны. Въ этихъ пещерахъ находятъ кости волковъ, лисицъ и барановъ. Дер. Бирюса лежитъ при впаденіи въ Енисей небольшой рѣчки Бирюсы, текущей съ южнаго склона Кемчугскихъ горъ. Прежде въ этой рѣкѣ водились бобры; выдры же и теперь водятся здѣсь въ сосѣднихъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Енисей. Противъ Бирюсы, на одной изъ скалъ праваго берега Енисея, находятся древнія изображенія человѣческихъ фигуръ, сдѣланныя красною краской. Скала эта называется «писанцомъ». Ниже Бирюсы Енисей, вмѣсто сѣвернаго направленія, принимаетъ восточное. Берега его состоятъ здѣсь изъ краснаго гранита, который образуетъ высокіе, живописные утесы. Отъ Бирюсы до д. Овсянки, на пространствѣ 29 в., оба берега Енисея обставлены утесами краснаго известняка. Нѣсколько выше Овсянки, въ Енисей впадаетъ съ правой стороны р. Мана, по которой прежде разрабатывалось нѣсколько золотыхъ пріисковъ,

нынѣ совершенно оставленныхъ. Около Овсянки, находящейся по правой сторонѣ Енисея, известняки все еще имѣютъ пещеры и сохраняютъ живописный характеръ. Самая замѣчательная изъ пещеръ находится въ утесѣ Быкъ; отверстіе въ нее не велико, но далѣе пещера расширяется и имѣетъ около $2^1/_2$ арш. высоты. Въ ней находятся человѣческія кости. Въ наносахъ при устьѣ рѣчки Овсянки, впадающей тутъ же въ Енисей, находятъ кости большихъ животныхъ. Отъ устья Маны берега Енисея понижаются и къ Красноярску совершенно сглаживаются, получая степной характеръ. Въ 6 вер. выше Красноярска, въ Енисей справа впадаетъ рѣчка Базаиха, долина которой покрыта лѣсомъ изъ лиственицъ, сосенъ, кедровъ,

Долина рѣчки Базаихи.

тополей, осинъ и ивъ. Здѣсь водится довольно много дичи. Близъ самаго Красноярска, на сѣверной его оконечности впадаетъ въ Енисей, съ лѣвой стороны р. Кача, на которой найдены золотыя розсыпи, но съ слабымъ содержаніемъ золота. Городъ Красноярскъ находится въ углу, образуемомъ соединеніемъ рр. Качи и Енисея, на равнинѣ, ограниченной съ сѣвера склонами Афонтовой горы, возвышающейся между названными рѣками. Эта гора круто опускается къ р. Качѣ и полого къ Красноярску. Луговая сторона Енисея у Красноярска лежитъ на правомъ берегу и имѣетъ 7 вер. ширины. Афонтова гора и окрестности Красноярска состоятъ изъ краснаго мергеля, давшаго названіе городу и заключающаго въ себѣ глыбы глинистаго желѣзняка, изъ котораго добывается желѣзо. На лѣвомъ берегу Качи, около города, изъ этихъ пластовъ вытекаютъ желѣзные и сѣрные ключи.

Почти на 120-тиверстномъ протяженіи выше Красноярска, въ такъ называемыхъ *Щекахъ*, Енисей немного менѣе версты шириною. Скорость теченія его доходитъ мѣстами до 20 вер. въ часъ и, вообще, не менѣе 10 верстъ въ часъ. У самаго Красноярска Енисей образуетъ нѣсколько островов.

Затѣмъ, до самой границы Канскаго округа, Енисей идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Берега его ниже Красноярска состоятъ изъ хряща и глины съ окаменѣлыми кусками дерева и мамонтовыми костями. Лѣвый берегъ остается высокимъ до казачьей станицы Коркиной, въ 12 вер. отъ Красноярска. Въ 1 верстѣ отъ дер. Куваршиной, на правомъ берегу Енисея находятся залежи каменнаго угля. Рядъ береговыхъ холмовъ на правомъ берегу Енисея оканчивается Миганской сопкой у деревни того же имени; высокая же терраса праваго берега Енисея продолжается до устья Кана, т. е. до границы Канскаго округа.

Отъ Красноярска до устья Кана берега Енисея порядочно населены. Вотъ наиболѣе важные пункты. На правомъ берегу села и деревни: Ладейское, Березовское, Есаулово, Боль-

шебалчугъ; на лѣвой — Коркина, Кубекова, Худоногова, Частоостровское, Куваршина, Барабанова, Атамановская.

Достигнувъ границы Канскаго округа и принявъ въ себя Канъ съ правой стороны, Енисей слегка уклоняется на сѣверо-западъ, а потомъ почти на сѣверъ. Здѣсь равнины сопровождаютъ теченіе Енисея на большомъ протяженіи, и только мѣстами появляются утесы. Въ такихъ мѣстахъ попадаются и пороги. Енисей омываетъ только сѣверо-западную границу Канскаго округа на пространствѣ не болѣе 120 в. въ мѣстахъ не населенныхъ. Впрочемъ, тутъ устроено два винокуренныхъ завода.

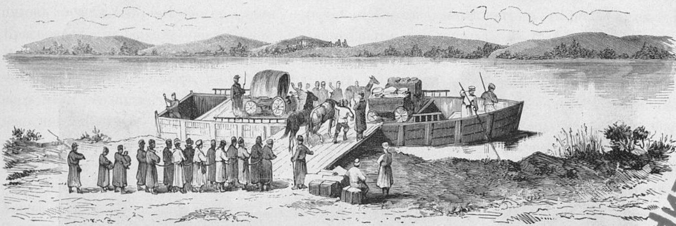
О судоходствѣ по Енисею въ среднемъ его теченіи, приблизительно около 620 вер., говорить много не приходится. Оно весьма незначительно и въ настоящее время ограничивается сплавомъ изъ Минусинскаго, Ачинскаго и Красноярскаго округовъ въ Енисейскъ и на золотые промыслы Енисейскаго округа около 200 барокъ и 50 плотовъ съ разнымъ грузомъ (до 1.500,000 пудовъ), преимущественно съ хлѣбомъ. Пунктами отправки служатъ, преимущественно, деревня Даурская и села Подъемное, Атамановское, Частоостровское и Юксѣевское. Здѣшнія барки, строящіяся въ формѣ утюга, представляютъ массивныя, худо скрѣпленныя суда, движущіяся всѣми боками по волѣ быстрины и вѣтровъ. Вверхъ по рѣкѣ онѣ ни въ какомъ случаѣ плыть не могутъ, а потому, сослуживъ свою службу, доставивъ хлѣбъ или другую кладь, продаются на постройки какихъ-нибудь домашнихъ службъ.

Мѣстность, омываемая среднимъ теченіемъ Енисея, въ административномъ отношеніи раздѣляется на три округа: Ачинскій, Красноярскій и Канскій; каждый изъ нихъ равняется любой изъ губерній Европейской Россіи (за исключеніемъ весьма немногихъ). Всѣ три округа составляютъ среднюю часть Енисейской губерніи, причемъ Ачинскій занимаетъ западное положеніе, Красноярскій — центральное, Канскій — восточное. Самый меньшій изъ этихъ округовъ, Красноярскій, заключаетъ въ себѣ 375 квадратныхъ геогр. миль; самый большой, Канскій,—1702 кв. мили, а средній, Ачинскій, 876 кв. м. Три округа занимаютъ площадь въ 2,953 кв. м., или 142,925 кв. верстъ.

Поверхность этой площади весьма разнообразна. Во многихъ мѣстахъ она представляетъ значительную возвышенность. Самую возвышенную и гористую часть Ачинскаго округа составляетъ его юго-западная сторона, въ которой находится горная группа, извѣстная подъ именемъ Ахъ-Таскила, т. е. Бѣлогорья, и составляющая часть Кузнецкаго Алатау. Горы этой группы поднимаются за предѣлы растительности и хотя не достигаютъ снѣжной линіи, но бываютъ покрыты снѣгомъ бо̀льшую часть года. Въ средней части округа есть также горы, но менѣе значительныя. Въ западной части Красноярскаго округа, т. е. на границѣ съ Ачинскимъ, тянутся отроги хребта Кемчугскаго или Гремячихина, возвышающіеся около 1000 ф. надъ уровнемъ моря. По южной его части раскинулись отроги Саяна. На сѣверо-западъ отъ Красноярска, между рр. Енисеемъ и Кемчугомъ, направляется горный кряжъ, незначительной высоты, покрытый лѣсомъ и вообще представляющій характеръ тайги. Въ Канскомъ округѣ особенно возвышена поверхность южной его части. Здѣсь округъ, самою южною своею оконечностью, прикасается къ Саянскому хребту, отъ котораго въ этомъ мѣстѣ отдѣляются значительные отроги, наполняющіе южную часть Канскаго округа. Самый значительный изъ нихъ извѣстенъ подъ именемъ *Бирюсинской группы;* онъ простирается на сѣверо-востокъ и входитъ въ предѣлы Нижнеудинскаго округа. Отрогъ этотъ имѣетъ до 6,500 ф. абсолютной высоты. Другая отрасль простирается къ сѣверу и служитъ водораздѣломъ между рр. Бирюсою, Усолкою и Каномъ.

Между равнинами, занимающими также весьма значительное пространство въ трехъ названныхъ округахъ, должно упомянуть о превосходныхъ, богатыхъ лугами, равнинахъ въ сѣверной части Ачинскаго округа, особенно по р. Чулыму, а также о совершенно степныхъ и безлѣсныхъ мѣстностяхъ около слiянiя обоихъ Юсовъ и оттуда къ Енисею. Степныя

пространства Ужурской и Балахтинской волостей, въ весеннюю пору, вызываютъ невольно восхищеніе путешественника. Это—не какія-нибудь голыя, безжизненныя пространства, въ родѣ Киргизскихъ степей. Здѣсь цвѣтистая, пестро-зеленая даль, раскинутая вокругъ, какъ море, сливается со всѣхъ сторонъ съ горизонтомъ. Мѣстами ровную гладь густо-зеленой растительности смѣняютъ холмы, горы и курганы. Вотъ показались каменистые гребни на холмахъ, холмы стали круче, выше лѣзутъ другъ на друга, — и передъ вами, совершенно неожиданно, открывается огромное зеркало — озеро, въ водахъ котораго эффектно отражаются горные конусы, столпившіеся вокругъ озера. А тамъ — другое и третье озеро, съ чащею кустарниковъ вокругъ, гдѣ пріютились улусы. Южная и западная части Красноярскаго

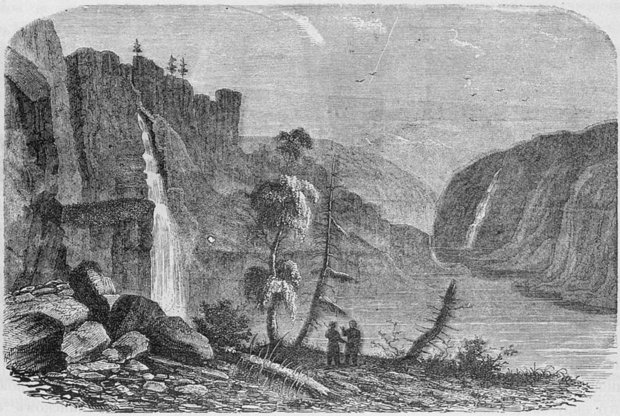
Переправа этапа черезъ Енисей.

округа заняты также равнинами, которыя имѣютъ характеръ возвышенныхъ степей и степную флору, но пригодны и для земледѣлія. Сѣверо-западная часть Канскаго округа представляетъ мѣстность ровную, съ почвою черноземною и глинистою. Многія пространства по р. Кану, въ Рыбинской, Уринской и Ирбейской волостяхъ, такъ же восхитительны, какъ и степи Ачинскаго округа.

Различныя группы горъ, пересѣкающія описываемую площадь Ачинскаго, Красноярскаго и Канскаго округовъ, даютъ начало многочисленнымъ источникамъ. Въ Ачинскомъ округѣ эти источники образуютъ Бѣлый и Черный Юсы, съ притокомъ послѣдняго Саралы-Юсъ, Урюпъ и Кію. Первыя двѣ рѣки, сливаясь, образуютъ Чулымъ, самую главную артерію всего округа. Въ южной части Красноярскаго округа течетъ пустынная, но живописная р. Мана, берега которой богаты лугами, а въ западной беретъ начало Кемчугъ, притокъ Чулыма. Канъ орошаетъ южную и западную части Канскаго округа; онъ судоходенъ въ нижнемъ теченіи и протекаетъ отъ Канска до впаденія въ Енисей по самымъ хлѣбороднымъ мѣстамъ округа. Изъ притоковъ Кана достоинъ упоминанія быстрый, текущій между каменистыми берегами, Агулъ. Сѣверную оконечность округа пересѣкаетъ р. Тасѣева (нижняя часть Уды), изъ притоковъ которой особенно важна Бирюса, составляющая юго-восточную границу округа и орошающая всю восточную его часть. Другой притокъ Тасѣевой — р. Усолка (встарину Манза) важна въ томъ отношеніи, что по ней находятся соляные источники, на которыхъ устроенъ Троицкій солеваренный заводъ, снабжающій солью всю Енисейскую губернію, за исключеніемъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ.

Изъ озеръ Ачинскаго округа необходимо упомянуть о такъ называемыхъ Божьихъ или Небесныхъ озерахъ (Тигиръ-Голь). Самое названіе указываетъ на то уваженіе, которое питало и питаетъ къ нимъ мѣстное населеніе. Куда ни взглянете, вездѣ видны слѣды какого-то грознаго переворота, вслѣдствіе котораго образовались эти озера. Большое Божье озеро имѣетъ около 12 вер. въ длину и отъ 5 до 10 вер. въ ширину; оно со всѣхъ сторонъ окружено горами, свидѣтельствующими о вулканическомъ происхожденіи. Глубина озера, по разсказамъ

такъ велика, что веревка въ 100 саж. длиною, съ навязаннымъ на концѣ ея камнемъ, не достаетъ дна. Какъ бы ни была тиха погода, на озерѣ всегда зыбь. Малое Божье озеро, къ югу отъ перваго, простирается на 7 верстъ въ длину и на 2½ вер. въ ширину. Надъ нимъ, на горѣ въ 150 саж. по скату, находится,— по выраженію Степанова,— «какъ чистѣйшая вода въ кремнистой чашѣ», озеро Келинъ-голь. Оно занимаетъ пространство около десятины и отдѣляется отъ Малаго Божьяго озера перешейкомъ не болѣе 5 саж. шириною. «Высокіе, крутые берега его, — говоритъ Степановъ, — или лучше сказать — кольцо возвышеній покрыто на вершинахъ густою муравою и лиственицами». Кромѣ Божьихъ озеръ, извѣстныхъ обиліемъ

Горное озеро.

рыбы, въ Ачинскомъ округѣ можно еще назвать озеро Бѣлое. Оно простирается въ длину верстъ на 7 и въ ширину версты на 3; въ немъ ловится значительное количество рыбы, по большей части ершей, которыхъ зимою привозятъ даже въ Красноярскъ. Насколько оно обильно рыбою, настолько же богато и птицами, чему способствуютъ густой камышъ и осока, которыми поросли берега озера. Въ Красноярскомъ и Канскомъ округахъ озеръ нѣтъ, кромѣ незначительныхъ.

Почва чрезвычайно разнообразна. Въ Ачинскомъ округѣ, въ степныхъ равнинахъ, она песчана, камениста, солонцевата, весьма удобна для скотоводства; въ другихъ же мѣстахъ она глиниста, покрыта толстымъ слоемъ чернозема и весьма плодородна, особенно въ южныхъ его частяхъ. Въ Красноярскомъ округѣ встрѣчаются опять огромныя равнины, съ почвою песчаною, покрытою черноземомъ, который, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ тонокъ, что песокъ выступаетъ наружу. Изъ Красноярскаго округа черноземная полоса входитъ въ Канскій, гдѣ занимаетъ среднюю его часть и тянется преимущественно по берегамъ р. Кана. Пластъ чернозема здѣсь гораздо толще. Снѣга выпадаетъ много, отчего посѣвы весьма рѣдко страдаютъ отъ морозовъ и засухъ. За то восточная и особенно южная части Канскаго округа, по мѣрѣ приближенія къ Саянскимъ горамъ, становятся болотистѣе и лѣсистѣе.

Лѣса Ачинскаго округа, въ долинахъ, по вязкой, хрящеватой, глинистой почвѣ, состоятъ изъ лиственицы, къ которой на возвышенностяхъ примѣшивается береза, пихта, а въ песча-

ныхъ мѣстахъ и сосна. Красноярскій округъ бѣднѣе лѣсами другихъ округовъ губерніи: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне такъ нуждаются въ лѣсѣ, что должны возить его съ Кемчугскихъ горъ или же изъ сѣверной части округа; въ западной же части округа встрѣчается не только изобиліе, но и разнообразіе лѣсовъ, особенно лиственныхъ. Въ Канскомъ округѣ лѣсомъ покрыта вся сѣверо-восточная часть его; но самые густые лѣса находятся въ южной и восточной частяхъ округа; они состоятъ преимущественно изъ хвойныхъ породъ: сосны, ели, лиственицы и кедра; лиственныя деревья — береза, осина и тополь; они встрѣчаются въ западной части округа и по долинамъ рѣкъ.

Минеральныя богатства Ачинскаго округа состоятъ преимущественно изъ розсыпнаго золота. Со времени разработки здѣсь розсыпей (т. е. съ 1845 г.) до 1865 г. добыто $429\frac{1}{2}$ пудовъ золота. Кромѣ того, здѣсь есть еще богатыя желѣзныя и мѣдныя руды. Въ Красноярскомъ округѣ присутствіе золота открыто во многихъ мѣстахъ, какъ-то по р. Манѣ, гдѣ и происходили нѣкогда разработки, также по рр. Кемчугу и Качѣ. Прочіе же металлы и минералы хотя, по всей вѣроятности, находятся, но на изслѣдованіе ихъ до сихъ поръ мало обращалось вниманія. Однако же, въ Афонтовой горѣ, подъ Красноярскомъ, найдено присутствіе серебра, свинцовой руды, а также куски желѣзной руды, попадающіеся шарообразными и неправильнаго вида глыбами близъ с. Бузима. По р. Бузиму открыто присутствіе каменнаго угля, при селѣ же Коркинѣ, въ береговой глинѣ, находятся пласты бураго угля. Въ Канскомъ округѣ золотые пріиски существуютъ по р. Бирюсѣ и ея притокамъ — Хормѣ, Тукшѣ, Мирючину и другимъ, а равно по нѣкоторымъ притокамъ р. Кана, наприм., по Янгѣ и др. Здѣсь со времени открытія пріисковъ, съ 1834 по 1865 г. добыто золота (вмѣстѣ съ пріисками Нижнеудинскаго округа) 2,989 п. 19 ф. Кромѣ того, въ Канскомъ округѣ, во многихъ мѣстахъ, преимущественно около д. Барги, находится превосходная желѣзная руда.

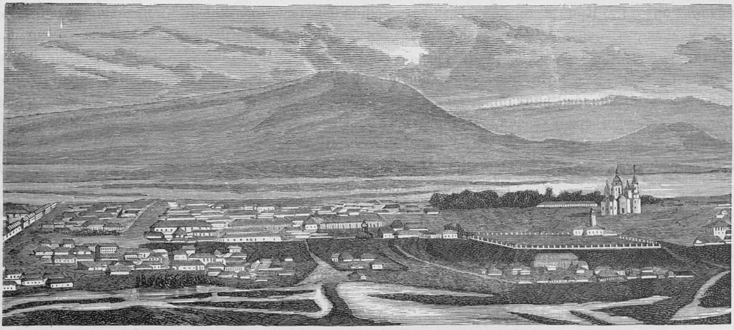
Нѣсколько болѣе точныя наблюденія надъ климатомъ средней части Енисейской губерніи производились до сего времени въ одномъ Красноярскѣ, такъ что они не могутъ служить основаніемъ для точныхъ выводовъ о всей этой мѣстности. Климатъ здѣсь, разумѣется, континентальный. Весна начинается, обыкновенно, около половины или конца марта. Лѣтніе жары продолжаются до половины или конца августа и были бы невыносимы, если бы не умѣрялись грозами и дождями, особенно въ гористыхъ мѣстахъ. Грозы сопровождаются нерѣдко градомъ, и не проходитъ лѣта, чтобы онъ не вредилъ хлѣбовъ. Морозы зимою бываютъ довольно жестоки, но, при сухости воздуха и постоянномъ безвѣтріи во время морозовъ, переносятся легче, чѣмъ, напримѣръ, въ С.-Петербургѣ, гдѣ 15° мороза чувствительнѣе, нежели здѣсь 25°. Какъ лѣтомъ, такъ и зимою бываютъ туманы: зимній называется въ просторѣчіи *копотью*, а лѣтній — *маревомъ*. Нерѣдко бываетъ, что даже въ солнечный лѣтній день близкіе предметы представляются какъ бы прикрытыми легкою дымкою. Тоже и зимою: все вокругъ туманно, — за десятокъ саженъ невозможно распознать черты человѣка. Здѣсь, кромѣ того, замѣчательна ясность и голубоватость неба, особенно осенью и зимою. Яркость и блескъ звѣздъ много придаетъ прелести здѣшнимъ ночамъ. Сѣверное сіяніе бываетъ чаще осенью и зимою. Временами оно бываетъ чрезвычайно эфектно и предшествуетъ обыкновенно перемѣнѣ погоды. Большое вліяніе на климатъ описываемой мѣстности имѣютъ, конечно, орографическій характеръ поверхности, обиліе водъ и распредѣленіе лѣсовъ. Отъ присутствія горъ, обилія водъ и лѣсовъ зависитъ количество выпадающаго дождя и снѣга: безлѣсныя степныя пространства нѣкоторыхъ частей Ачинскаго округа и около Красноярска нерѣдко страдаютъ отъ засухи; снѣга здѣсь выпадаетъ менѣе, да и тотъ сдувается вѣтромъ. Вслѣдствіе этого, степи всю зиму могутъ служить для подножнаго корма скота, между тѣмъ какъ въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ выпадаетъ весьма глубокій снѣгъ. Насколько климатъ имѣетъ вліяніе на продолжительность замерзанія, видно изъ слѣдующихъ цифръ: Чулымъ у Ачинска бываетъ по-

крытъ льдомъ около 5 мѣс. 10 дней, Енисей у Красноярска — 5 мѣс. 20 д., Канъ у Канска— около 6 мѣс.

Жителей, безъ городовъ, считается во всѣхъ трехъ округахъ 113,378 мужчинъ и 89,389 женщинъ; изъ нихъ инородцевъ 4,959 м. п. и 4,852 ж. п.

Въ этнографическомъ отношеніи населеніе описываемыхъ округовъ Енисейской губерніи распадается на три группы: *Русскіе*, *Тюркское племя* и *Тюрко-самоѣдо-остяцкое населеніе*.

Красноярскій округъ заселенъ пришельцами изъ сѣверной Россіи, отчасти добровольно переселившимися, отчасти сосланными за преступленія. Къ этому пришлому населенію примкнули туземцы, которые совершенно обрусѣли, живутъ въ деревняхъ, какъ всѣ прочіе крестьяне, даже

Красноярскъ.

совершенно забыли свой прежній языкъ. Поэтому населеніе округа имѣетъ хотя нѣсколько смѣшанный характеръ, но главная масса его принадлежитъ Великорусскому племени. Здѣшній крестьянинъ, большею частью, средняго роста, плотенъ, лицо у него овальное или круглое, волосы преимущественно свѣтлорусые, глаза сѣрые. Мѣстный языкъ принадлежитъ къ хорошему великорусскому нарѣчію, хотя слова нѣсколько выговариваются на букву *о*, но она не очень слышна; говоръ довольно правильный и благозвучный. Мѣстный крестьянинъ хотя не очень словоохотливъ, но въ разговорѣ не затрудняется подыскиваніемъ словъ, они у него всегда готовы. Не смотря на то, что крестьянинъ здѣсь, вообще, неграмотенъ и неученъ, онъ довольно свѣжъ умомъ и смѣлъ характеромъ. Хотя онъ мало видѣлъ свѣтъ, но постоянныя его столкновенія, въ обыденной жизни, съ бывалыми людьми, поселенцами, сдѣлали изъ него человѣка расторопнаго, смѣтливаго; онъ нерѣдко лукавъ и даже плутоватъ, смѣтливъ и остроуменъ. Характеръ здѣшняго жителя болѣе флегматическій. Онъ очень кротокъ, хотя и не безъ упрямства, терпѣливъ и выносливъ; но, будучи раздраженъ притѣсненіями и обидами, способенъ мстить обдуманно и дерзко. Однако, здѣсь рѣдко найдете ту простоту и добросердечіе, какое встрѣчается въ Россіи; здѣсь всѣ дѣйствія основаны на разсчетѣ и выгодѣ. Поговорку—«упрямъ и лукавъ, какъ Сибирякъ», можно было бы дополнить: «упрямъ, лукавъ и разсчетливъ, какъ Сибирякъ». Впрочемъ, гостепріимство и сострадание здѣсь такъ же обычная добродѣтель, какъ и всюду въ Славянскомъ племени.

Образъ жизни здѣшняго крестьянина тотъ же, что и въ Россіи; но здѣсь болѣе довольства и опрятности. Дома крестьянскіе въ деревняхъ, у болѣе богатыхъ и даже сколько-нибудь зажиточныхъ, двухъ-этажные. Во всякомъ домѣ, кромѣ развѣ бѣдной лачуги, имѣется одна или двѣ чистыя комнаты, нерѣдко украшенныя по стѣнамъ дешевыми обоями, лубоч-

ными картинками и даже дешевыми гравюрами, убранныя простою крашеною мебелью и тюменскими расписанными сундуками; въ иныхъ же горницахъ есть диваны, небольшія простѣночныя зеркала и стѣнные часы. Въ переднемъ углу всегда не мало образовъ, у богатыхъ— въ серебряныхъ ризахъ и кіотахъ. Въ такихъ домахъ имѣется, кромѣ хозяйской кухни, еще черная изба, гдѣ живутъ особо хозяйскіе работники, такъ какъ у многихъ зажиточныхъ крестьянъ существуютъ значительныя запашки, а потому они держатъ по нѣскольку десятковъ лошадей и по нѣскольку годовыхъ работниковъ. Впрочемъ, здѣсь чуть-чуть зажиточный крестьянинъ обзаводится однимъ или двумя работниками и даже работницами, такъ какъ здѣшній житель, вообще, не прочь побарствовать, если только это ему мало-мальски возможно. Дома, обыкновенно, обнесены заборомъ. Во дворѣ дома находятся службы, загонъ для скота, конюшня, амбаръ, погребъ, сарай или навѣсъ, иногда тутъ же и баня. Окна въ домахъ стекольчатыя. Хорошіе дома — высокіе, крыты тесомъ, а многіе даже и обшиты тесомъ. Печи въ домахъ съ трубами; курныхъ избъ здѣсь вовсе нѣтъ. Каждую недѣлю полы въ домахъ не только моются, но даже скоблятся, также какъ и лавки и простые, некрашенные столы; если стѣны не обиты обоями, то выбѣлены.

Одежда здѣшнихъ крестьянъ такая же, какъ и у крестьянъ сѣверо-восточной Россіи. Мужчины носятъ верблюжьи азямы, зимою кожаные, а лѣтомъ холщевые шаровары; на ногахъ — портянки, поверхъ которыхъ надѣваютъ кожаные бродни или смазные сапоги; на голову, смотря по времени года, надѣваютъ треухъ или теплыя шапки, фуражки и шляпы. Женская одежда состоитъ изъ короткой кофты и юпки изъ крашенины или китайки, шерстяныхъ или нитяныхъ чулковъ, козловыхъ башмаковъ, а подчасъ и мужскихъ сапоговъ; голову повязываютъ платкомъ, а старухи носятъ родъ колпака. Праздничный нарядъ зажиточныхъ крестьянъ нынѣ сталъ подходить къ городскому. Появились суконные кафтаны, длиннополые сюртуки или бекеши, шелковые, плисовые жилеты и суконные панталоны или плисовые шаровары. Женщины стали носить ситцевыя, шерстяныя и даже полушелковыя платья. Румяна и бѣлила въ значительномъ употребленіи.

Пища крестьянъ вообще хороша. Пшеничный хлѣбъ здѣсь во всеобщемъ употребленіи. Въ праздничные и воскресные дни у зажиточныхъ мясо и рыба; въ обыкновенные дни ѣдятъ мясные или картофельные съ сушеною рыбою щи, кашу ячную, просяную и гречневую съ молокомъ, творогъ со сметаною. Бѣдняки питаются, чѣмъ Богъ послалъ: пустыми щами, заправленными мукою и саломъ, чернымъ рѣшетнымъ хлѣбомъ, какою-нибудь кашей съ саломъ или вареной овощью, обыкновенно картофелемъ. Вообще, крестьяне любятъ здѣсь ѣсть жирно, а потому блины, оладьи, драчены, саломатъ съ масломъ или саломъ, пироги— любимыя ихъ блюда. Въ прокъ приготовляютъ, обыкновенно, огурцы, капусту рубленую и кочанную; солятъ и сушатъ грибы, мелкую рыбу; солятъ и коптятъ свинину; замораживаютъ нѣкоторыя ягоды, напримѣръ, клюкву и бруснику, а послѣднюю и мочатъ. Обыкновенный домашній напитокъ крестьянъ — квасъ, иногда по праздникамъ — корчажное пиво, наконецъ, зелено-вино и разныя водки. Потребленіе вина громадно: пьянство здѣсь — главный порокъ населенія и причина разныхъ проступковъ и преступленій.

Нравственность здѣшнихъ жителей похвалить нельзя. Дѣвушки живутъ довольно долго на свободѣ, нимало не стѣсняясь, и выходятъ замужъ довольно поздно. Замужнія женщины такъ же живутъ свободно, какъ мужья ихъ и братья. Конечно, во всемъ этомъ сказалось пагубное вліяніе сосланныхъ сюда на поселеніе одинокихъ мужчинъ и женщинъ. Осеннія и зимнія посидѣлки и вечерки весьма любимы молодежью обоего пола. Тамъ играютъ въ разныя игры и фанты, кончающіеся всегда многочисленными поцѣлуями, танцуютъ сибирскую шестерку, въ которой безъ поцѣлуевъ тоже необходится. Словомъ, вечерки эти служатъ началомъ нѣжныхъ и болѣе тѣсныхъ сношеній между полами. Родители на все это смотрятъ снисходительно и, какъ говорится, сквозь пальцы, лишь бы не было громкой огласки, а что до

сплетенъ, то, по здѣшней пословицѣ, «на чужой ротокъ не накинешь платокъ». Проституція, вслѣдствіе этого, а равно и сифилисъ развиты здѣсь въ значительной степени. Въ особенности способствуютъ этому возвращающіеся осенью пріисковые рабочіе, холостые поселенцы и незамужнія поселенки.

Здѣшніе крестьяне, особенно же крестьянки преисполнены всякихъ суевѣрій. Какъ и въ Россіи, недостатокъ знаній и круглое невѣжество поддерживаютъ ихъ. Крестьянину не на что опереться, чтобы уяснить себѣ ничтожество опутывающихъ его умъ призраковъ; даже религія, которую онъ, по невѣжеству своему, плохо понимаетъ или почти не понимаетъ, не даетъ ему въ этомъ достаточной точки опоры.

Все, сказанное о домашнемъ бытѣ и нравственныхъ качествахъ крестьянъ Красноярскаго округа, всецѣло относится къ крестьянамъ Ачинскаго и Канскаго округовъ. Но въ этихъ двухъ округахъ есть такія захолустья, гдѣ крестьяне жили да и теперь еще живутъ нѣсколько иначе. Мы говоримъ о крестьянахъ Ужурской и Балахтинской волостей Ачинскаго округа и Онскихъ селеніяхъ Устьянской волости Канскаго округа. Первые могутъ считаться представителями жителей степныхъ деревень Енисейской губерніи, вторые — лѣсныхъ.

Въ быту ужурско-балахтинскихъ степняковъ есть очень много общаго съ сосѣдями ихъ, инородцами. Ихъ скотъ такъ же бродитъ въ полѣ лѣтомъ и зимою на подножномъ корму, какъ скотъ инородческій, сами они—преимущественно звѣропромышленники, и между ними есть даже очень ловкіе звѣропромышленники, особенно на лисицъ. Подкараулить *чернобурку* или залучить *огневку* — это, можно сказать, излюбленная мечта здѣшняго степняка. «Бѣлковать» онъ также не послѣдній мастеръ. Въ довершеніе всего, Ужурцы и Балахтинцы — не плохіе пахари. Земельныя угодья даютъ имъ полную возможность, безъ особенныхъ усилій, засѣвать большія пространства и разводить множество скота, благодаря обширнымъ степямъ и луговымъ долинамъ. Здѣсь не увидишь кособокихъ осиновыхъ избушекъ, чахлыхъ кобыленокъ или изможденныхъ лицъ «старичковъ». Балахтинцы и Ужурцы искони извѣстные «серебрянники» и «червоновладѣльцы». При существованіи прежняго порядка отправленія рекрутской повинности, они замѣнялись всегда на двѣ трети зачетными квитанціями; бывали даже случаи, что Балахтинская волость представляла, взамѣнъ рекрутъ, однѣ только квитанціи.

Назадъ тому лѣтъ 25, не трудно было узнать на Ачинскомъ базарѣ Балахтинца или Ужурца. Первый — высокъ ростомъ, русъ и зимою непремѣнно въ дымленой овчиной шубѣ; послѣдній — средняго роста, смуглъ, немного сутуловатъ, въ козьей дахѣ. Въ тѣ годы степныхъ крестьянъ трудно было отличить по виду и одеждѣ отъ инородцевъ. Народъ тамошній до того былъ дикъ и простъ, что скоропостижно-умершій въ одной деревнѣ наводилъ страхъ и ужасъ на нѣсколько сосѣднихъ деревень, отъ которыхъ сгонялась чуть не дюжина мужиковъ для караула трупа, заключеннаго въ *холодникъ*. Были, видите-ли, случаи исчезновенія мертвыхъ, за что приходилось цѣлымъ сельскимъ участкомъ платить, кому слѣдуетъ, «дику виру». Въ тѣ годы, даже по сторонамъ почтоваго тракта (тогда почтовая дорога изъ Ачинска въ Минусинскъ шла чрезъ с. Ужурское и д. Кузурбинскую) зимою паслись безбоязненно дикія козы, а люди прятались за дома, заслышавъ колокольчики или увидя бѣгущій «карандашъ», т. е. тарантасъ. Бывало, первый, увидѣвшій его, летитъ, что есть мочи, на конѣ безъ шапки въ деревню, крича во все горло: «робята, карандашъ бѣжитъ, начальство ѣдетъ!» Наѣдетъ начальство—и помертвѣетъ вся деревня, — ни души на улицѣ: всѣ въ полѣ, на гумнахъ, дома только дѣти, старики и старухи. Но если кому доводилось заѣзжать сюда частнымъ человѣкомъ, особенно въ праздникъ, тотъ вдоволь могъ налюбоваться здѣшними патріархальными нравами, насмотрѣться на хороводы и наслушаться пѣсенъ молодежи и стариковскихъ бесѣдъ на завалинкахъ.

Теперь балахтинско-ужурская патріархальность понизилась весьма значительно и продолжаетъ понижаться болѣе и болѣе. Сосѣдство, съ одной стороны, громаднаго винокуреннаго за-

Переправа черезъ Енисей.

вода у Езагаша, построеннаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ купцомъ Щеголевымъ, съ другой — открытіе въ послѣдніе годы мѣдноплавильнаго завода на рѣкѣ Усть-Печищѣ, въ Кизильской степи, — совершенно развратили степное населеніе. Поселенческій элементъ тлетворно отразился на нетронутой почвѣ. Патріархальный край воспріимчиво отнесся ко всѣмъ заразительнымъ новшествамъ. Кабакъ, кулакъ и балалайка совсѣмъ заполонили народъ; новая жизнь вскружила голову степнымъ жителямъ, а бесѣды о тюрьмахъ, этапахъ, о забубенной арестантской жизни сдѣлали крестьянина на все способнымъ. Пьянство, семейныя распри, бѣгство женъ и дочерей, отравы мужей, умерщвленіе младенцевъ, убійства, грабежи, даже на дорогахъ, сдѣлались почти повседневными явленіями въ этихъ степяхъ. Вѣчно движется «ходокъ», т. е. разсыльный, изъ волостей въ городъ и изъ города въ волости, съ сумкою, наполненною пакетами «о происшествіяхъ». Обыкновенныя, не имѣющія особенной важности, бумаги пересылаются изъ волостей на почтовыя станціи, на которыхъ открытъ пріемъ корреспонденціи, но о происшествіяхъ сообщается въ участки посредствомъ «ходоковъ».

Въ послѣднее время здѣсь стало особенно развиваться конокрадство. Это обстоятельство часто служитъ поводомъ къ самосуду крайне безобразнаго вида. Озлобленные крестьяне, при поимкѣ похитителей, доходятъ иногда до страшнаго изступленія. «Я помню,— говоритъ одинъ мѣстный изслѣдователь,— два въ этомъ родѣ случая, въ которыхъ ожесточенные крестьяне на смерть заколотили пойманныхъ конокрадовъ и сдѣлали это по предварительному согласію на сходкѣ. Расправы эти всегда почти сопровождаются жестокостями, съ цѣлью, путемъ пытки, открыть соумышленниковъ. Въ одномъ, умершемъ отъ подобныхъ жестокостей, конокрадѣ нашли, при вскрытіи трупа, большую иглу, которою, обыкновенно, крестьяне сшиваютъ мѣшки. Игла эта загнана была въ пятку несчастнаго по самое ушко. А другаго избитаго конокрада даже напутствовали передъ смертью и похоронили «міромъ», по христіанскому обычаю, распили на счетъ «складчины» ведро вина, и нѣкоторые даже прослезились объ участи покойника. Трудно понять, не убѣдившись путемъ изслѣдованія, то психическое состояніе, въ которое впадаютъ эти люди, когда находится въ ихъ рукахъ преступная, но беззащитная жертва, и затѣмъ такой быстрый переходъ изъ этого состоянія, когда пройдетъ уже моментъ ожесточенія и когда уже, такъ сказать, сорвано каждымъ изъ нихъ сердце на ворѣ, въ иное настроеніе. Въ этихъ грубыхъ, освирѣпѣвшихъ, звѣроподобныхъ существахъ, на которыхъ ни на одномъ лица своего, какъ говорится, нѣтъ, вы черезъ какой-нибудь часъ времени видите разительную перемѣну: кто споритъ, кто смѣется, кто остритъ, а связанная жертва между тѣмъ лежитъ и тяжело дышетъ. Еще прошло два — три часа, и мужики начинаютъ сообща «толковать» о томъ, чтобы шито-крыто было, такъ какъ «маненько поучили, то напредь, бывать, не станетъ озорничать».

Онскими селеніями въ Канскомъ округѣ называются четырнадцать деревень, лежащихъ по р. Онѣ, какъ называется здѣсь р. Бирюса. На всемъ своемъ теченіи по Канскому округу, Она—одно изъ самыхъ прекрасныхъ мѣстъ въ губерніи. Обыкновенная ширина ея около 150—200 саж., но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она разливается вдвое болѣе, образуетъ острова, покрытые тальникомъ, березою и хвойнымъ лѣсомъ, и плавно течетъ, большею частью, между довольно значительными горами, поросшими густымъ, дремучимъ лѣсомъ. Страна, прилегающая къ Онѣ, пустынна, поэтому и селенія, раскинутыя по берегамъ ея, принадлежатъ къ числу такихъ, которыя посѣщаются весьма рѣдко, но интересны въ томъ отношеніи, что жители этихъ селеній и теперь еще могутъ представить образчикъ русскихъ крестьянъ, заброшенныхъ судьбою въ лѣсныя дебри Сибири.

Лѣтомъ по Онѣ можно проплыть не безъ затрудненій. Это дѣлается, обыкновенно, на плоту, хотя движеніе его по рѣкѣ невыносимо медленно и можетъ вывести изъ терпѣнія кого-угодно. Но если вы не успѣли или не имѣли возможности заготовить себѣ въ с. Конторскомъ (послѣднемъ селеніи Канскаго округа, находящемся на самой Онѣ или Бирюсѣ, по большой

дорогѣ изъ Красноярска въ Иркутскъ) плота, на которомъ можно бы было расположиться съ нѣкоторымъ комфортомъ, то должны плыть внизъ по Онѣ, на разстояніи 300 верстъ, въ маленькой лодочкѣ, выдолбленной изъ тополеваго дерева, которая едва въ состояніи поднять 4—5 человѣкъ. Подобнаго рода лодки вполнѣ справедливо называются *душегубками*, потому что онѣ чрезвычайно вертлявы и, при малѣйшей неосторожности, опрокидываются. Если, не смотря на предостерегательное названіе, вы все-таки рѣшитесь плыть на лодкѣ, то вамъ, на пути въ Онскія селенія, грозятъ еще другаго рода непріятности. Мы говоримъ о миріадахъ мошекъ и комаровъ. Зимній путь на Ону, конечно, лучше; но и онъ не безъ неудобствъ. Приходится ѣхать въ санкахъ самаго скромнаго размѣра, безъ всякой претензіи на удобство. По рѣкѣ дорога, обыкновенно, такъ узка, что двѣ лошади рядомъ идти не могутъ, а потому ихъ запрягаютъ гуськомъ, одна за другой, по пяти — шести. Зимою этотъ путь чрезвычайно скученъ и утомителенъ. Впродолженіе нѣсколькихъ дней не смѣняется совершенно однообразная, грустная картина. Горы выставляютъ свои голые, каменистые утесы; дремучій лѣсъ густо осыпанъ снѣгомъ и инеемъ; наконецъ, длинная лента дороги, засыпанной по сторонамъ сугробами снѣга и пересѣкаемой въ иныхъ мѣстахъ полыньями, надъ которыми въ самые трескучіе морозы клубится густой паръ. Тишина ненарушимая, можно сказать, мертвая тишина. Только иногда раздается трескъ, подобный ружейному выстрѣлу: это отъ жестокихъ морозовъ трескается ледъ. Вами овладѣваетъ безотчетное уныніе. Но вотъ съ горъ подулъ вѣтеръ; заскрипѣли деревья, поднялись облака снѣгу. Это — пурга. Она съ изумительною быстротою мчится по рѣкѣ между горъ, валитъ съ ногъ лошадей, засыпаетъ снѣгомъ дорогу и путниковъ. Проходитъ часъ, другой, — пурга не утихаетъ. Вотъ уже совершенно стемнѣло; вы окоченѣли отъ холода; лошади едва передвигаютъ ноги по сугробамъ снѣга; колокольчикъ вашъ едва слышенъ въ завываніи вѣтра. Вы въ отчаяніи; но судьба сжалилась надъ вами: вѣтеръ сталъ мало-по-малу стихать, и, проѣхавъ версты три — четыре, вы замѣчаете въ сторонѣ огонекъ и слышите лай собакъ. Это—Онская деревенька, быть можетъ, очень и очень не красивая, но, послѣ ужаснаго путешествія, она можетъ показаться вамъ раемъ.

Всѣ селенія, лежащія на Онѣ, относительно постройки, совершенно сходны между собою. Находясь среди дремучей тайги, Онскія деревни, обыкновенно, представляютъ собою массу домовъ, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ, какъ и гдѣ попало, раздѣленныхъ кривыми, неправильными улицами, съ различными переулками и закоулками, изъ которыхъ одни завалены навозомъ и хворостомъ, другіе въ осеннее время затоплены лужами и грязью до того, что по нимъ буквально нельзя ни пройти, ни проѣхать. Эти жалкія улицы обстроены не менѣе жалкими домами: это не дома, а просто лачужки, изъ которыхъ на многихъ нѣтъ даже и крышъ, на нѣкоторыхъ же хотя и есть, но свѣтятся насквозь. А между тѣмъ, лѣсъ—въ пяти шагахъ и не только строевой, но даже корабельный. По развалившемуся крыльцу безъ перилъ или чаще по сосновой плахѣ, въ которой вырублены ступени, вы входите въ сѣни, примыкающія къ избѣ. Онѣ завалены соромъ, навозомъ и всевозможнымъ хламомъ. Изъ сѣней двѣ двери: одна на задній дворъ, гдѣ содержится скотъ, другая — въ избу. Здѣсь вы, прежде всего, увидите большую печь, которая занимаетъ значительную часть всей избы, потомъ два-три окна, длиною четверти полторы и съ четверть ширины, обтянутыхъ пузыремъ. Нѣтъ ни порядочнаго стола, ни лавки; все бѣдно, грязно; общее впечатлѣніе такого жилища — весьма непріятно. Рѣдко-рѣдко гдѣ въ Онскихъ селеніяхъ вы найдете домъ, въ которомъ была бы особая горница.

Хозяйство крестьянъ Онскихъ селеній далеко не въ блестящемъ состояніи. Заниматься скотоводствомъ здѣсь положительно невозможно, потому что мошка, комаръ, оводъ и прочій «гнусъ», въ лѣтнее время совершенно не даютъ скоту покоя. Земледѣліе мало распространено, какъ по неудобству почвы, большею частію глинистой и каменистой, такъ и потому, что крестьяне не хотятъ расчищать лѣсъ подъ пашни. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, они

нѣсколько правы: съ уничтоженіемъ лѣсовъ, уничтожился бы главнѣйшій ихъ промыселъ—звѣроловство. Почти все мужское населеніе Онскихъ селеній значительную часть зимы живетъ въ глуши тайги, промышляя бѣлку, соболя, сохатаго и т. п. Въ этомъ дѣлѣ они совершенно справедливо считаются свѣдущими и не уступаютъ инородцамъ. Чтобы понять, какія лишенія претерпѣваютъ они въ это время, достаточно вспомнить о пустынности мѣстъ, гдѣ они промышляютъ звѣря, о жестокихъ морозахъ и страшныхъ мятеляхъ, продолжающихся иногда по нѣсколько сутокъ. Соболи онскіе не хороши, или правильнѣе — хорошіе попадаются рѣдко, но бѣлка нисколько не уступаетъ богучанской, которая считается лучшею въ губерніи. Другая важная отрасль занятій онскихъ крестьянъ — рыболовство. Въ Онѣ ловится множество всякой рыбы, особенно стерлядей, налимовъ, тайменей и щукъ. Впрочемъ, рыба весьма мало идетъ въ продажу, — потребляется, большею частью, на мѣстѣ. То же слѣдуетъ сказать о промышляемыхъ здѣсь кедровыхъ орѣхахъ и убиваемыхъ птицахъ — рябчикахъ, глухаряхъ, куропаткахъ.

Кромѣ чертъ характера, свойственныхъ всѣмъ Сибирякамъ, жители Онскихъ селеній считаются отличными колдунами, умѣющими будтобы заговаривать винтовки и мастерить любовныя присушки.

Къ тюркской группѣ населенія средней части Енисейской губерніи принадлежатъ Кизильцы или Кизильскіе Татары въ Ачинскомъ округѣ.

Они называютъ себя *Кизи*, что́ значитъ человѣкъ. По мнѣнію г. Радлова, они произошли отъ смѣси тобольскихъ Татаръ, удалившихся на востокъ послѣ погрома Кучумова царства, алтайскихъ Телеутовъ и енисейскихъ Остяковъ. Прежде они состояли изъ 12 родовъ и управлялись одною степною думою; теперь же 10 родовъ подчинены Кизильской степной думѣ, находящейся въ улусѣ Печищенскомъ, а 2—Мелетской инородной управѣ, въ улусѣ Усть-Кемчугскомъ. Первые живутъ на пространствѣ между р. Урюпомъ, границами Назаровской и Ужурской волостей, лѣвымъ берегомъ Чулыма; вторые — по Чулыму и Кемчугу, къ сѣверу отъ Ачинска. Всѣхъ ихъ считается около 9,150 человѣкъ. Такъ какъ Мелетскіе инородцы значительно обрусѣли, то мы будемъ говорить здѣсь только о Кизильцахъ.

Кизильцы—средняго роста, смуглы, скуласты, черноволосы, имѣютъ рѣдкую бороду и рѣдкіе усы. Одежду они заимствовали у русскихъ крестьянъ и носятъ лѣтомъ простые зипуны или нанковые халаты, зимою—овчинныя шубы или козьи дахи. Болѣе богатые употребляютъ суконные кафтаны съ россомашьей или выдровой опушкой. Шапки и сапоги Кизильцы носятъ обыкновенные русскіе. Женщины лѣтомъ чаще бываютъ одѣты въ одну дабовую или полотняную рубаху; голову покрываютъ бѣлымъ колпакомъ, ногъ не обуваютъ. Въ праздничные же дни онѣ надѣваютъ ситцевыя или даже шелковыя платья крестьянскаго покроя, шапки изъ краснаго бархата, опушенныя соболемъ или чернобурой лисицей, и красные сафьянные башмаки. Зимнія юрты Кизильцевъ имѣютъ видъ многоугольнаго сруба до $3^{1}/_{2}$ аршинъ высоты, оканчивающагося конусообразною крышею изъ досокъ или бересты, съ отверстіемъ посрединѣ для выхода дыма. Для входа въ юрту устраивается небольшая деревянная дверь. Лѣтнія юрты состоятъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ сошекъ, обтягиваемыхъ берестою или войлокомъ и укрѣпляемыхъ веревками, ремнями или волосяными арканами; вверху также дѣлается дымовое отверстіе, дверь же замѣняется войлоками или рогожею. Внутреннее расположеніе одинаково какъ въ зимнихъ, такъ и въ лѣтнихъ юртахъ: посрединѣ — очагъ; прямо противъ него — лавка, служащая постелью хозяину; по обѣ стороны—сундуки съ пожитками и утварью. Зимою въ юртахъ бываетъ холодно, дымно и сыро.

Бѣднѣйшее населеніе Кизильской степи лѣтомъ переходитъ изъ улуса въ улусъ, нанимаясь въ услуженіе къ богатымъ. Такое передвиженіе совершается иногда на очень далекомъ разстояніи. «Бѣднѣйшее населеніе»—это чистокровные пролетаріи, т. е. такіе инородцы, у которыхъ,

какъ говорится, ни кола, ни двора: они работаютъ по чужимъ людямъ. Строго говоря, всѣ почти инородцы небогаты; все ихъ достояніе заключается въ юртахъ и жалкомъ домашнемъ скарбѣ, состоящемъ изъ котелковъ, бутылочекъ, носильнаго платья, да двухъ—трехъ скотинъ или даже менѣе. Между ними нѣтъ средняго, по положенію, класса. Въ каждомъ улусѣ есть одинъ болѣе или менѣе зажиточный инородецъ, у котораго юрта—тотъ же домъ на русскій манеръ; остальное же населеніе—бѣдняки, перебивающіеся кое-какъ изо дня въ день. Есть также улусы, напоминающіе наши выселки. Это—отдѣльныя группы юртъ, числомъ болѣе десяти, пріютившихся гдѣ-нибудь поблизости лѣса или въ горахъ; жители ихъ существуютъ исключительно охотою. Эти звѣроловы всѣ равны между собою по положенію; охотятся они всегда вмѣстѣ, въ товариществѣ, и дѣлятся добычею поравну; женщины ихъ ходятъ за скотомъ и, вообще, ведутъ хозяйство, какъ и у всѣхъ инородцевъ.

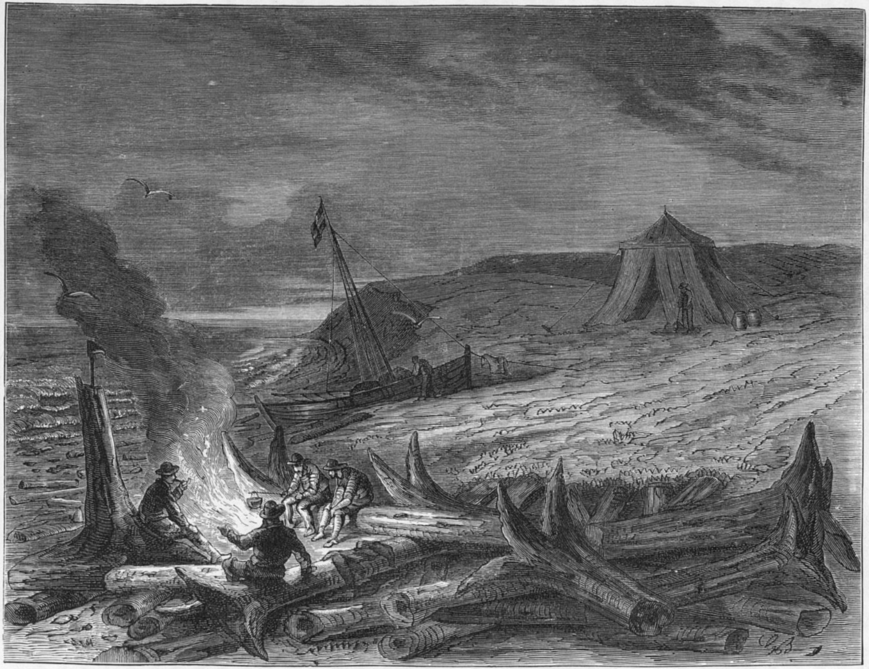
Богатство самыхъ состоятельныхъ изъ кизильскихъ инородцевъ заключается, преимущественно, въ крупномъ скотѣ и овцахъ, количество которыхъ не только не увеличивается, но напротивъ, вслѣдствіе частыхъ падежей, годъ отъ году уменьшается. Затѣмъ, кромѣ звѣропромышленности, вообще довольно скудной, степные инородцы ничѣмъ другимъ не занимаются,—ведутъ праздную жизнь, сидя у домашняго очага или безцѣльно разъѣзжая по степи и напѣвая импровизаціи про каждое встрѣчное дерево, гору или пень. Но, странное дѣло, на сколько они вялы и апатичны къ самимъ себѣ, равнодушны къ своимъ интересамъ, на столько, на противъ, оказываются бойкими, энергичными въ чужомъ дѣлѣ, если кто умѣетъ ихъ эксплуатировать. Если нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ нажили себѣ состояніе, то этимъ они не мало обязаны инородцамъ, безъ которыхъ имъ не видать бы и крупинки золота. Главнымъ стимуломъ къ возбужденію энергіи инородца въ пользу золотопромышленника всегда и вездѣ служила и служитъ до нынѣ водка. За крѣпкую русскую «араку» инородецъ готовъ продать самого себя.

Кизильцы всѣ крещены и забыли свои прежнія вѣрованія, но совершенно незнакомы съ христіанскими догматами. Невѣсты у нихъ или покупаются за калымъ, или воруются. Въ первомъ случаѣ, родители жениха и невѣсты сосватываютъ ихъ иногда еще въ дѣтствѣ. Количество калыма, состоящаго изъ скота, зависитъ отъ состоянія сватовъ; обыкновенно, онъ простирается отъ 10 до 30 штукъ скота. Женихъ до уплаты калыма обязанъ три раза въ годъ посѣщать отца невѣсты и привозить подарки, называемые *арча* и состоящіе изъ табаку, вина, сушенаго кислаго сыра, масла и свѣжаго коровьяго мяса. Свадебный обрядъ по старинѣ состоитъ въ томъ, что женихъ съ подарками отправляется за невѣстой, у родителей которой происходитъ пиръ и поются пѣсни, пока, наконецъ, отецъ не благословитъ ея отправиться въ новую семью. Кражи невѣстъ совершаются въ случаѣ несогласія родителей невѣсты отдать за кого-нибудь свою дочь. Онѣ часто происходятъ среди бѣла дня, иногда по предварительному тайному уговору молодыхъ людей, а иногда насильно, противъ желанія. Обыкновенно, подобныя сцены происходятъ при посредствѣ старухъ. Высмотрѣнная и понравившаяся дѣвушка въ условное время выходитъ на лугъ телятъ загонять или отправляется къ ручью за водою, а тутъ, смотришь, ее и накроетъ суженый-ряженый. Похоронные обряды заключаются въ поминкахъ, которыя дѣлаются въ день похоронъ, чрезъ три дня послѣ смерти, чрезъ 20, 40 и 100 дней.

Наконецъ, къ Тюркско-Самоѣдско-Остяцкой группѣ населенія относятся Камасинцы или Камачинцы, живущіе въ Канскомъ округѣ по рр. Кану, Манѣ, Агулу и ихъ притокамъ. Всѣхъ ихъ считается не болѣе 350 человѣкъ, обоего пола.

Камасинцы раздѣляются на три улуса: Угумаковъ, Абалаковъ и Агульскій. Въ этнологическомъ отношеніи они обстоятельно изслѣдованы извѣстнымъ финнологомъ Кастреномъ.

Всѣ жители Угумакова улуса, по мнѣнію названнаго ученаго, принадлежатъ къ тюркскому, или татарскому, племени. Это—остатокъ народа, жившаго на берегахъ р. Качи, близъ Красно-

Ночь на берегу Енисея (близъ устья).

ярска, и помогавшаго казакамъ противъ Киргизовъ, за что онъ и получилъ позволеніе занять оставленныя Киргизами земли между рр. Юсами и Абаканомъ. Нѣкоторые изъ Качинцевъ не ходили противъ Киргизовъ и остались на родинѣ, близъ Красноярска, гдѣ теперь совершенно обрусѣли. При учрежденіи Енисейской губерніи, въ 1822 г., многіе изъ этихъ послѣднихъ Татаръ, согласно своему желанію, перешли въ Канскій округъ и причислены къ Камасинцамъ подъ именемъ Угумакова улуса. Нѣкоторые изъ нихъ поселились на р. Манѣ и ея притокахъ, другіе по притокамъ р. Кана. Русскіе называютъ ихъ Степными Камасинцами; сами себя они называютъ степными людьми. По образу жизни эти Камасинцы раздѣляются на хлѣбопашцевъ, имѣющихъ постоянныя жилища, и пастуховъ, которые лѣтомъ живутъ въ переносныхъ юртахъ, а зимою—въ маленькихъ избушкахъ. Первые совсѣмъ обрусѣли, вторые же сохранили еще языкъ своихъ отцовъ, совершенно сходный съ языкомъ Качинскихъ Татаръ Минусинскаго округа. Всѣ они крещены и, по свидѣтельству духовенства, даже тѣ изъ нихъ, которые сдѣлали наименѣе успѣховъ въ христіанствѣ, непремѣнно, хотя одинъ разъ въ годъ, ставятъ свѣчку передъ иконою Николая Чудотворца.

Абалаковскій улусъ заключаетъ въ себѣ Лѣсныхъ Камасинцевъ, какъ называютъ ихъ Русскіе; сами же себя они называютъ Кагмашъ. Эти Камасинцы—Самоѣды по происхожденію. Это доказывается сходствомъ родовыхъ названій Камасинцевъ и Самоѣдовъ, а также и близкимъ сродствомъ языковъ. Если отдѣлить отъ камасинскаго нарѣчія все, заимствованное у Татаръ, то не останется ни одного слова, ни одной грамматической формы, которыхъ не было бы въ нарѣчіи сѣверо-восточныхъ Самоѣдовъ. Но только этимъ и ограничивается сродство съ Самоѣдами. По религіи — Лѣсные Камасинцы христіане, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ—Татары. Они носятъ татарское платье, держатся татарскихъ обычаевъ и даже въ чертахъ лица обнаруживаютъ помѣсь съ Татарами. Самоѣдскаго въ нихъ осталось только то, что они занимаются оленеводствомъ и лѣса предпочитаютъ степямъ. Лѣтомъ они живутъ близъ истоковъ рѣкъ Кана и Маны, гдѣ Бѣлогорье доставляетъ ихъ оленямъ не только прохладу, но и кормъ. Оставаясь все лѣто на одномъ мѣстѣ, Лѣсные Камасинцы снимаютъ свои юрты, какъ только осенніе вѣтры освѣжатъ воздухъ и прогонятъ комаровъ, и отправляются на охоту за дикими оленями, которые лѣтомъ укрываются отъ «гнуса» въ недоступныхъ чащахъ, осенью же возвращаются къ прохладнымъ горамъ. Ловля дикихъ оленей производится и до снѣговъ, но преимущественно—по первому выпавшему снѣгу. Затѣмъ начинается ловля соболей и продолжается отъ половины сентября до ноября. Въ продолженіе этого времени Лѣсной Камасинецъ перебирается въ степь, потому что глубокіе снѣга мѣшаютъ ему охотиться въ лѣсной сторонѣ. Тутъ большую часть зимы онъ отдыхаетъ или охотится поблизости за козами, бѣлками, сохатыми и т. п. Съ началомъ весны онъ снова уходитъ въ лѣса и преслѣдуетъ соболей, покуда держитъ его замерзшая снѣжная кора; но какъ только снѣга начнутъ таять,—онъ снова возвращается на цѣлое лѣто къ своимъ любимымъ горамъ. Словомъ, образъ жизни Лѣснаго Камасинца — бродячая, многотрудная жизнь звѣролова, которая, не смотря на величайшія усилія, едва-едва прокармливаетъ его.

Наконецъ, Камасинцы Агульскаго улуса называютъ сами себя Коту и составляютъ остатокъ древнихъ Коттовъ, народа енисейско-остяцкаго происхожденія, жившаго нѣкогда по рр. Кану и Бирюсѣ, для защиты отъ котораго въ 1628 г. основанъ былъ Канскій острогъ. Родство ихъ съ Остяками доказывается тѣмъ, что эти Камасинцы съ незапамятныхъ временъ, живутъ въ той мѣстности, какъ и Котты; они подъ именемъ Коттовъ извѣстны не только Лѣснымъ Камасинцамъ, но и Татарамъ; немногіе изъ нихъ, еще во время посѣщенія ихъ Кастреномъ, въ 1847 г., говорили енисейско-остяцкимъ нарѣчіемъ. Встарину они были звѣроловы, какъ и Лѣсные Камасинцы, но потомъ перебрались въ степь и долгое время оставались на той же степени культуры, какъ и Татары. Еще въ тридцатыхъ годахъ они жили въ юртахъ изъ коры и бродили по степи съ своими небольшими стадами, состоявшими изъ

лошадей, коровъ, овецъ и козъ. Въ сороковыхъ годахъ они основали на р. Агулѣ деревню, жителей которой Русскіе называютъ разно—то Степными Камасинцами, то Степными Татарами. Имѣя постоянныя жилища, Агульскіе Камасинцы занимаются нынѣ земледѣліемъ. Они—христіане и совершенно обрусѣли.

Взглянемъ теперь на главнѣйшія занятія большинства населенія средней части Енисейской губерніи. Эти занятія состоятъ въ земледѣліи, скотоводствѣ, звѣроловствѣ и рыболовствѣ.

Ачинскій округъ, вмѣстѣ съ сосѣднимъ съ нимъ Минусинскимъ, по хлѣбородію, считается самымъ лучшимъ въ губерніи; урожаи въ немъ бываютъ весьма хороши и хлѣбъ, особенно въ южныхъ частяхъ округа, родится въ избыткѣ. Но хлѣбъ этотъ труднѣе сбывается на золотые промыслы, чѣмъ минусинскій, потому что Ачинскій округъ омывается Енисеемъ на небольшомъ протяженіи, и эта трудность сбыта препятствуетъ развитію хлѣбопашества, такъ какъ доходъ отъ него не вознаграждаетъ трудовъ. Красноярскій округъ менѣе плодороденъ; посѣвы, вслѣдствіе климатическихъ условій, нерѣдко страдаютъ здѣсь отъ засухи и малоснѣжія; но земледѣліе идетъ все-таки довольно успѣшно, потому что крестьяне заботятся о лучшей обработкѣ и удобреніи полей. Западная часть Канскаго округа не уступаетъ въ плодородіи Ачинскому; избытокъ хлѣба, доставляемаго ею, сплавляется по рр. Кану и Тасѣевой, на золотые промысла Енисейскаго округа. За то въ южной и восточной частяхъ округа — суровость климата, недостатокъ удобныхъ для пашни мѣстъ и трудность расчистки для нихъ лѣсовъ препятствуютъ развитію хлѣбопашества. Во всѣхъ трехъ округахъ сѣютъ пшеницу, озимую и яровую, рожь, овесъ и мѣстами ячмень. Урожай бываетъ различный, однако же за лучшій можно принять для пшеницы самъ-10, озимой ржи самъ-12, яровой самъ-8, овса самъ-6, ячменя самъ-5. Ленъ и коноплю сѣютъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Земля пашется здѣсь безъ отдыха, на удобныхъ мѣстахъ — лѣтъ по 10, а на менѣе удобныхъ — по 7 — 8 лѣтъ; затѣмъ, ее оставляютъ отдыхать лѣтъ 15 — 20 и послѣ того снова начинаютъ пахать. Огородничествомъ занимаются вездѣ, но почти исключительно для собственной надобности; разводятъ картофель, рѣпу, капусту, огурцы и проч.

Скотоводство въ Ачинскомъ округѣ находится въ хорошемъ состояніи. Особенно способствуютъ развитію его богатыя пастбища прибрежья Чулыма. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ Ачинскомъ округѣ считается лошадей 57,000, рогатаго крупнаго скота 43,000, овецъ 60,000. Въ Красноярскомъ округѣ скотоводство также достаточно развито; запросъ лошадей и скота на золотые промыслы Енисейскаго округа имѣлъ, вообще, хорошее вліяніе на скотоводство, хотя недостатокъ сѣнокосовъ поставляетъ естественную преграду его развитію. Въ послѣднее время здѣсь считалось лошадей около 47,000, рогатаго скота 26,000, овецъ 30,000. Канскій округъ не представляетъ удобствъ для скотоводства, потому что въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, какими онъ изобилуетъ, выпадаетъ много снѣга и травы малопитательны; кромѣ того, въ здѣшнихъ лѣсахъ водится много волковъ и безчисленное множество «гнуса», который во время лѣта не даетъ скоту покоя и заставляетъ его держаться около деревень. Въ Канскомъ округѣ считается около 45,000 лошадей, 32,000 рогатаго скота и 42,000 овецъ.

Въ Сибири повсемѣстно замѣчается постоянное уменьшеніе пушнаго звѣря, главнымъ образомъ, вслѣдствіе увеличенія населенія и частыхъ лѣсныхъ пожаровъ, истребляющихъ лѣса на сотни верстъ. Поэтому звѣриный промыселъ здѣсь во всеобщемъ упадкѣ. Въ Ачинскомъ округѣ звѣроловныя мѣста находятся по Енисею и Большому Кемчугу, а равно въ тайгѣ, идущей отъ Божьихъ озеръ къ границѣ Томской губерніи; но звѣроловствомъ здѣсь занимаются преимущественно инородцы. Что же касается до крестьянъ, то они ходятъ звѣровать далеко не всѣ, притомъ въ самыя ближайшія мѣста. Въ Красноярскомъ округѣ звѣроловство въ плохомъ состояніи и имъ занимаются только крестьяне, которые живутъ въ Кемчугскихъ горахъ или вблизи ихъ; но это, можно сказать, не столько промыселъ, сколько охота въ свободное отъ работъ время. Добытая охотою дичь употребляется дома или поступаетъ въ продажу на

городской базаръ. Канскій округъ, по богатству лѣсовъ, представляетъ значительныя удобства для пребыванія дикаго звѣря, а потому здѣшніе жители занимаются звѣроловствомъ болѣе, нежели жители округовъ Ачинскаго и Красноярскаго, бьютъ медвѣдя, волка, выдру, лисицу, соболя, бѣлку и проч. Особенную важность имѣетъ здѣсь промыселъ на козуль, которыхъ бьютъ иной годъ тысячами, во время ихъ періодическихъ передвиженій.

Рыболовство въ средней части Енисейской губерніи особенно нигдѣ не развито и, не смотря на многія мѣстности, обильныя рыбою, въ ней, вообще, чувствуется недостатокъ, вслѣдствіе чего рыба привозится сюда изъ другихъ мѣстъ. Главная причина этого заключается въ недостаткѣ рукъ, почему жители занимаются рыболовствомъ только въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Извозъ товаровъ и содержаніе постоялыхъ дворовъ составляетъ едва ли не главное занятіе жителей тѣхъ селеній, которыя находятся по торговымъ и главнымъ коммерческимъ дорогамъ; особенную же выгоду отъ этого получаютъ тѣ селенія, которыя лежатъ на московскомъ трактѣ, пересѣкающемъ округа: Ачинскій, Красноярскій и Канскій почти на пространствѣ 500 верстъ. Впрочемъ, съ упадкомъ Кяхтинской торговли, движеніе по этому тракту замѣтно уменьшилось, а слѣдовательно палъ извозный промыселъ и соединенное съ нимъ содержаніе постоялыхъ дворовъ.

Для работъ на золотые промыслы крестьяне почти не нанимаются; туда идутъ, преимущественно, неимѣющіе никакого домоводства, ссыльные, которыхъ въ трехъ среднихъ округахъ губерніи считается болѣе 50,000 человѣкъ обоего пола. Около трети ихъ постоянно находится на золотыхъ промыслахъ.

Ремесленники есть только въ городахъ и то въ такомъ ограниченномъ числѣ, что не могутъ удовлетворить потребностей городскаго населенія; что же касается до сельскихъ жителей, то между ними довольно распространено тканье холста и грубаго сукна, шитье сапоговъ, плотничество и т. п. мелкія ремесла, ограничивающіяся, впрочемъ, одною домашнею потребностью.

Что касается до промышленности фабричной и заводской, то, вообще, должно сказать, что большая часть существующихъ здѣсь фабрикъ и заводовъ относится къ такимъ, на которыхъ производится простая обработка сырыхъ матеріаловъ, не требующая особенныхъ техническихъ знаній, но и при этомъ число промышленныхъ заведеній далеко не соотвѣтствуетъ богатству мѣстнаго сыраго матеріала. Главнѣйшія причины, препятствующія развитію здѣсь заводской и фабричной промышленности, заключаются въ отсутствіи людей съ техническими знаніями и въ недостаткѣ рабочихъ рукъ. Кромѣ казеннаго Троицкаго солевареннаго завода, на которомъ работы производятся посредствомъ каторжныхъ и на которомъ вывариваетея до 100,000 пудовъ соли, изъ болѣе замѣчательныхъ заведеній подобнаго рода здѣсь существуетъ только нѣсколько винокуренныхъ заводовъ.

Ярмарочная торговля во всѣхъ округахъ средней части Енисейской губерніи развита весьма слабо. Хотя въ Ачинскомъ и Канскомъ округахъ учреждено нѣсколько ярмарокъ и торжковъ, но на нѣкоторыхъ изъ нихъ иной годъ не бываетъ и съѣзда торговцевъ. Даже въ самыхъ городахъ Ачинскѣ, Красноярскѣ и Канскѣ, при ихъ весьма ограниченномъ населеніи (въ Ачинскѣ до 5,000 человѣкъ, Красноярскѣ—17,000 и Канскѣ— 3,000), торговля незначительна. Нѣсколько болѣе развита она въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ, но и здѣсь ограничивается продажею товаровъ, необходимыхъ для нуждъ и потребностей городскихъ жителей. Лучшія красноярскія лавки получаютъ товары съ ирбитской и нижегородской ярмарокъ, а также изъ Москвы и Петербурга. Изъ послѣднихъ городовъ идутъ болѣе модные товары и виноградныя вина.

Въ заключеніе, намъ остается сказать о путяхъ сообщенія средней частей Енисейской губерніи, въ связи съ современными предположеніями о водномъ соединеніи Енисея съ системою Оби.

Съ давняго времени, купеческая кладь и казенные транспорты съ деньгами, хлѣбными запасами, военными снарядами, ратными людьми и переселенцами, отправлявшіеся изъ Россіи въ Сибирь, доходили сухимъ путемъ до Верхотурья, лежащаго на р. Турѣ. Этотъ городъ былъ, такъ сказать, воротами въ Сибирь; въ немъ была учреждена таможенная застава, и ни одинъ транспортъ не могъ миновать ее, такъ какъ объѣздныя дороги были запрещены. Изъ Верхотурья тяжести, слѣдовавшія въ Енисейскъ и Иркутскъ, шли на досчаникахъ и судахъ рр. Турою и Тоболомъ, Иртышемъ и Обью въ Кеть, а изъ Кети приходили въ Енисейскъ Маковскимъ волокомъ, простирающимся на 30 верстъ. Отсюда, посредствомъ Енисея и Тунгузки или Ангары, они отправлялись въ Иркутскъ и далѣе, а сухимъ путемъ развозились по острогамъ средней и южной частей нынѣшней Енисейской губерніи. Съ другой стороны, доставлявшіеся по Тунгузкѣ или Ангарѣ изъ Восточной Сибири въ с. Маковское товары отправлялись отсюда внизъ по Кети. Они состояли въ чаѣ, мягкой рухляди, китайкѣ и, главнымъ образомъ, въ казенномъ свинцѣ, который изъ Нерчинскихъ заводовъ сплавлялся въ Алтайскіе. Отправляясь отъ с. Маковскаго въ половинѣ іюня, суда, при благополучномъ плаваніи, приходили въ Тобольскъ къ концу августа или началу сентября.

Церковь въ Красноярскѣ.

Кеть беретъ начало изъ Кемчугскихъ горъ, въ Енисейской губерніи. Направляясь постоянно къ западу, пробѣгаетъ съ извилинами около 1,000 верстъ и впадаетъ въ Обь нѣсколькими рукавами. Одинъ изъ нихъ въ 100 верстахъ выше города Нарыма, другой—въ одной верстѣ.

Каково было встарину плаваніе по Кети, лучше всего показываетъ путешествіе Избраннедеса. Отправленный въ 1632 г. посланникомъ изъ Москвы въ Китай, Эбергардъ Избраннедесъ шелъ бичевникомъ по извилистой Кети 5 недѣль. Нерѣдко, обогнувъ крутую, кольцеобразную излучину, плаватели останавливались вечеромъ, для ночлега, вблизи утренней стоянки. На плоскихъ и пустынныхъ берегахъ изрѣдка мелькали юрты бѣдныхъ Остяковъ; увидѣвъ пріѣзжихъ, робкіе инородцы укрывались въ кусты и дремучіе лѣса, тянувшіеся по низкому берегу непрерывною полосою. По утрамъ налетало къ рѣкѣ на водопой множество рябчиковъ и тетеревовъ; поля были покрыты земляникою, малиною и смородиною. Между тѣмъ, путешественники терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Остяки, тянувшіе бичеву, изнемогали отъ голода и усталости; надо было безпрестанно понуждать ихъ, и ежедневно кто-нибудь изъ нихъ убѣгалъ. Въ 200 верстахъ отъ Маковскаго острога, плавателей засталъ довольно чувствительный морозъ. Несчастные инородцы до того обезсилѣли, что рѣшительно не могли работать. Мѣсто было совершенно безлюдно; пристать было негдѣ, и путешественникамъ угрожала голодная смерть. Къ счастью, енисейскій воевода, знавшій о приближеніи Избраннедеса, прислалъ къ нему на встрѣчу людей и съѣстные припасы.

О всѣхъ подобныхъ неудобствахъ плаванія по Кети, конечно, хорошо зналъ сибирскій губернаторъ Соймоновъ, а потому и представилъ объ этомъ сенату въ 1761 г. По его словамъ, отъ устья Кети до Маковскаго острога (нынѣ село Енисейскаго округа), на протяженіи 540 вер.,

кромѣ Кетскаго острога (нынѣ село Томскаго округа), одного монастыря и одной небольшой деревеньки, не было никакого жилья. Эта узкая рѣка, протекающая между топкими лѣсистыми берегами, по отзыву Соймонова, имѣетъ дурную воду, и самый воздухъ, наполненный болотными испареніями, губителенъ для здоровья; сверхъ того, плаваніе по ней затруднено большими мелями. Поэтому Соймоновъ просилъ о рѣшительномъ воспрещеніи плаванія по Кети и объ открытіи судоходства по Чулыму, впадающему выше Кети въ Обь, до устья р. Кемчуга, откуда до Енисейска, сухимъ путемъ, хотя вдвое болѣе, нежели отъ Маковскаго острога, но это неудобство, по его словамъ, вознаграждалось другими преимуществами: плаваніе по Чулыму Соймоновъ признавалъ удобнымъ по глубинѣ рѣки, населенію береговъ Чулымскими Татарами, наконецъ потому, что по Кети судовой ходъ былъ не иначе, какъ завозами, а по Чулыму, по высотѣ и сухому грунту береговъ, бичевою. Вслѣдствіе этого представленія сибирскаго губернатора, сенатъ, указомъ 1763 г., запретилъ плаваніе по Кети и дозволилъ судоходство только по Чулыму.

Казалось-бы, что, послѣ этого, дѣло съ Кетью слѣдовало считать рѣшеннымъ. Но въ 1767 г. сибирскій губернаторъ Чичеринъ представилъ сенату прошеніе тобольскаго магистрата и купечества разныхъ городовъ о дозволеніи попрежнему возить товары по Кети и Маковскимъ волокомъ, потому что наемъ запровозъ товаровъ этимъ волокомъ обходился по 5 к. и менѣе съ пуда, а провозъ Кемчугскимъ волокомъ, который втрое длиннѣе Маковскаго, стоилъ по 15 к. и болѣе. Вслѣдствіе этого ходатайства, въ 1768 г. было Высочайше разрѣшено: «отдать на волю купцамъ, по которой изъ сихъ двухъ рѣкъ они ходить пожелаютъ».

Говоря выше объ Ачинскомъ округѣ, мы замѣтили, что Чулымъ образуется изъ соединенія Чернаго и Бѣлаго Юсовъ. Направляясь сперва къ юго-востоку, Чулымъ приближается къ Енисею, такъ что съ одной горы можно видѣть обѣ рѣки. Но затѣмъ онъ уклоняется къ западу и, пробѣжавъ различными извилинами около 1400 в., впадаетъ въ Обь въ Томской губерніи. Сообщеніе по Чулыму началось въ началѣ прошлаго вѣка, главнымъ образомъ, для сплава желѣзныхъ и чугунныхъ вещей, заготовлявшихся на Ирбинскомъ заводѣ, находившемся въ нынѣшнемъ Минусинскомъ округѣ. Кромѣ того, изъ хлѣбородныхъ волостей Ачинскаго округа Ужурской и Балахтинской сплавляли хлѣбъ въ Нарымъ и Сургутъ. Суда, выходившія изъ Ачинской пристани въ первыхъ числахъ мая, достигали въ половинѣ того же мѣсяца Оби, проплывъ около 1000 вер., и приходили въ Тобольскъ около 15 іюля. Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ, съ улучшеніемъ сухопутнаго сообщенія, пересѣкающаго всю Сибирь отъ Тобольска до Иркутска, судоходство по Чулыму почти совсѣмъ прекратилось.

Съ заселеніемъ средней и южной полосъ Сибири, пришлось подумать о проложеніи по этой мѣстности удобнаго сухопутнаго сообщенія, которое перерѣзывало бы Сибирь отъ запада къ востоку, — сухопутнаго потому, что подходящихъ для этого рѣкъ не оказалось, а существовавшее до тѣхъ поръ водное сообщеніе по сѣверной окраинѣ Сибири оказывалось на опытѣ слишкомъ отдаленнымъ отъ болѣе населенныхъ мѣстъ, медленнымъ, длиннымъ и крайне обременительнымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что товары, слѣдовавшіе изъ Кяхты на нижегородскую ярмарку, употребляли на путь, составлявшій около 8000 верстъ, со всѣми остановками, обыкновенно, около трехъ лѣтъ. Поэтому, въ 1761 г., кабинетъ, управлявшій Колыванскими заводами, признавалъ за нужное заселить дорогу по Барабѣ и отъ Чаусска до Томска ямщиками Демьянскаго и Самаровскаго ямовъ, гдѣ ихъ было около 2,000 душъ. Тогдашній сибирскій губернаторъ Соймоновъ, имѣя въ виду, что этихъ ямщиковъ весьма недостаточно, исполнилъ требованіе кабинета только отчасти. Но болѣе достаточное заселеніе этой мѣстности относится ко времени губернатора Чичерина, который, въ теченіе 18-тилѣтняго управленія Сибирью, заселилъ эту мѣстность болѣе, чѣмъ 2,000 душъ крестьянъ и ссыльныхъ. Въ то же время устраивалась и заселялась дорога далѣе отъ Томска до Красноярска и Иркутска. Палласъ, проѣзжавшій здѣсь во второй половинѣ

прошлаго вѣка, говоря о мѣстности между Томскомъ и Ачинскомъ, выразился, между прочимъ, что «дорога тамъ наисквернѣйшая, по какой я еще никогда не ѣзжалъ». Около пятидесятыхъ годовъ, большой московскій трактъ въ Енисейской губерніи былъ приведенъ въ хорошее состояніе. Это подало примѣръ иркутскому начальству позаботиться объ улучшеніи дороги у себя, особенно на пространствѣ Нижнеудинскаго округа. Въ настоящее время, большой московскій трактъ, говоря вообще, довольно удовлетворителенъ,—сообщеніе большую часть года удобно.

Тѣмъ не менѣе мысль о водномъ сообщеніи, которое связывало бы бассейнъ Оби съ бассейномъ Енисея и далѣе — бассейнъ послѣдняго съ бассейномъ Байкала, не оставляла правительства до самаго послѣдняго времени.

Чтобы установить сообщеніе между Обью и Енисеемъ посредствомъ Кети, бывшее въ Сибири правленіе X-го округа путей сообщенія, въ 1810—1811 годахъ, посылало инженеровъ для изслѣдованія водораздѣла между этими рѣками. Инженеры произвели подробныя изслѣдованія по этому предмету и составили проектъ соединенія Сочуры, впадающей въ верховья Кети, посредствомъ канала, длиною 8 верстъ, съ р. Малою Песчанкою, которая впадаетъ въ Большую Песчанку, текущую въ Кемь, притокъ Енисея. Послѣ того, въ 1841 г., на устройство Кетскаго канала, со всѣми гидротехническими сооруженіями, и на углубленіе рѣкъ: Кеми, Песчанокъ, Сочуры и Кети, въ главное управленіе путей сообщенія была представлена смѣта на 950,000 руб. ассигнаціями. Расходъ этотъ, по позднѣйшимъ цѣнамъ на матеріалы и работы, обратился въ $2^1/_2$ милліона руб.—сумму слишкомъ значительную, чтобы она могла окупаться провозомъ кяхтинскихъ товаровъ, для которыхъ всегда предпочтутъ сухопутную дорогу водному пути, закрытому около 7 мѣсяцевъ въ году; движеніе же по внутренней торговлѣ было въ то время слишкомъ незначительно, чтобы вдаваться для него въ большіе расходы,—и названная выше смѣта осталась безъ всякаго движенія.

Кромѣ сообщенія между Кетью и Енисеемъ, въ то же время были сдѣланы нѣкоторыя изысканія относительно сообщенія Оби и Енисея посредствомъ рѣкъ Ваха и Елогуя, а равно Тыма и Сыма. По изслѣдованіи мѣстности, особыхъ препятствій для устройства соединительныхъ каналовъ, по которому-либо изъ этихъ двухъ направленій, не обнаружено, но пути эти признаны незаслуживающими вниманія вслѣдствіе пустынности мѣстъ, чрезъ которыя протекаютъ названныя реки.

Въ 1872 г. Енисейскій купецъ Фунтосовъ, узнавъ изъ разсказовъ Остяковъ, что во время половодья есть возможность, безъ особаго труда, пробраться съ р. Кети, впадающей въ Обь, на притокъ Енисея р. Касъ, послалъ по этому указанію развѣдочную партію, которая и подтвердила показанія промышленниковъ. Оказалось, что истокъ р. Касъ находится на очень близкомъ разстояніи отъ озера Большаго, изъ котораго, въ свою очередь, вытекаетъ рѣчка Язевая, притокъ рѣчки Ломоватой, впадающей въ р. Озерную, а эта послѣдняя впадаетъ въ Кеть, недалеко отъ границы Томской и Енисейской губерній. Въ 1873 г. Фунтосовъ снова послалъ экспедицію для болѣе подробнаго обслѣдованія этой мѣстности, и результатъ оказался также удовлетворителенъ. Вслѣдствіе этого, въ 1874 г., въ министерствѣ путей сообщенія вновь возникъ вопросъ о соединеніи рѣкъ Оби и Енисея, въ связи съ расчисткой Ангарскихъ пороговъ, а лѣтомъ 1875 г. министерствомъ были командированы, по Высочайшему повелѣнію, двѣ экспедиціи: одна для изслѣдованія мѣстности водораздѣла Оби и Енисея, другая для изслѣдованія р. Ангары.

Экспедиціи, отправившейся на водораздѣлъ Оби и Енисея и состоявшей изъ лейтенанта Сиденснера и инженера Мошкова, было поручено, между прочимъ, осмотрѣть путь, пройденный экспедиціей Фунтосова, и сдѣлать глазомѣрную съемку его, обративъ вниманіе на ширину рѣкъ, изгибы ихъ и способность къ судоходству, на характеръ береговъ, скорость теченія рѣкъ,—словомъ, поручалось собрать всѣ свѣдѣнія о представляющихся препятствіяхъ судоход-

ству, по которымъ можно было бы вывести заключеніе о необходимыхъ мѣропріятіяхъ къ устройству правильнаго сообщенія между Обью и Енисеемъ, о степени выгодности эксплуатаціи этого пути и, вообще, о томъ—стоитъ ли дѣлать искусственныя сооруженія для движенія грузовъ по новому кратчайшему пути.

Экспедиція окончила свои занятія осенью 1875 г. Вотъ сущность результатовъ ея изслѣдованія, обнародованныхъ г. Сиденснеромъ.

Пройденный экспедиціею водораздѣлъ представляется естественнымъ соединеніемъ бассейновъ водъ Оби и Енисея. Чтобы сдѣлать его судоходнымъ, необходимо произвести нѣкоторыя работы для его улучшенія, на протяженіи около 300 верстъ, гдѣ нѣтъ еще судоходства. Въ своемъ естественномъ состояніи, рѣки, входящія въ составъ этого воднаго пути, не могутъ считаться судоходными даже для самыхъ малыхъ лодокъ, особенно же послѣ спада водъ, когда глубина рѣкъ мѣстами не превышаетъ одного фута и часто встрѣчаются наносныя мели и корчи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти корчи или ломы навалены вровень съ берегами, иногда на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ саженъ.

Немалое препятствіе для судоходства представляютъ также частыя, крутыя извилины, и особенно тамъ, гдѣ ширина рѣкъ незначительна. Быстрота теченія превышаетъ 2 версты въ часъ.

Поверхностная глазомѣрная опись мѣстности водораздѣла не даетъ возможности сдѣлать вѣрное заключеніе о тѣхъ гидротехническихъ сооруженіяхъ, въ которыхъ встрѣтится надобность для устройства этого пути; тѣмъ не менѣе есть возможность и при помощи тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются, указать въ общихъ чертахъ на главнѣйшія работы, чрезъ устройство которыхъ непрерывный водный путь между Обью и Енисеемъ можетъ быть осуществленъ, хотя бы на первое время только для судовъ малыхъ размѣровъ, способныхъ передвигаться бичевой, шестомъ и другими подобными способами.

Чтобы устроить это сообщеніе, при издержкахъ возможно малыхъ, придется ограничиться лишь такими размѣрами работы, которые удовлетворяли бы самымъ насущнымъ потребностямъ судоходства.

Въ такомъ предположеніи, необходимо только соединить каналомъ верховья рѣкъ Язевой и Малаго Каса, спрямить и расчистить русла рѣкъ до ширины 7 саженъ и глубины 4-хъ футовъ.

При такихъ размѣрахъ работъ и свойствахъ почвы, которая почти на всей этой линіи совершенно одинакова и на днѣ рѣкъ состоитъ изъ ила съ пескомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ по Большому Касу, гдѣ, у каменистыхъ береговъ, на днѣ рѣки встрѣчается дресва, издержки не могутъ быть велики и самая главная часть ихъ уйдетъ на земляныя работы по расчисткѣ и углубленію русла рѣкъ, а также на прорытіе канала и перекоповъ, необходимыхъ для выпрямленія рѣкъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ представляютъ извилины, неудобныя для судоходства.

При высокихъ берегахъ Ломоватой и Малаго Каса, можетъ быть, окажется удобнѣе и выгоднѣе, вмѣсто расчистки русла рѣкъ, устроить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плотины со шлюзами, но объ этомъ предметѣ нельзя дѣлать никакихъ заключеній ранѣе производства подробной нивеллировки и болѣе продолжительныхъ наблюденій надъ стояніемъ воды въ рѣкахъ.

Что касается до соединительнаго канала, то не встрѣтится никакой надобности устраивать его со шлюзами, ибо какъ Большое озеро, такъ равно и сосѣднія съ нимъ озера Верхнее и Касовское ничто иное, какъ лагуны, или отверстія въ одномъ общемъ для всѣхъ ихъ болотѣ, слѣдовательно, они находятся на одномъ уровнѣ.

По словамъ Остяковъ, весною, во время полной воды, все это болото съ его растительностью не заливается, но всплываетъ на поверхность воды. Такое же показаніе записано въ журналѣ развѣдочной партіи Фунтосова 1873 года. Это обстоятельство подтверждаетъ, что озера, смежныя съ Большимъ озеромъ, находятся на одномъ уровнѣ, то есть составляютъ

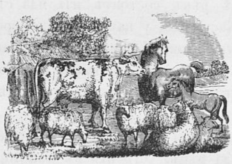
съ нимъ какъ-бы одно озеро, изъ котораго съ обѣихъ сторонъ вытекаютъ рѣки водораздѣла.

Какія бы сооруженія ни предстояло дѣлать для устройства пути, — какъ полагаетъ г. Сиденснеръ, — всѣ они будутъ небольшихъ размѣровъ, и такъ какъ нужные для этого матеріалы находятся подъ рукою въ изобиліи, а работы не будутъ усложняться ни твердостію грунта, ни быстрымъ теченіемъ, то эти сооруженія не поведутъ за собою большихъ издержекъ.

Съ другой стороны, вторая экспедиція, имѣвшая цѣлью изслѣдованіе Ангары и состоявшая изъ капитанъ-лейтенанта Чалѣева и инженера, барона Аминова, нашла, что названная рѣка не представляетъ препятствій даже въ настоящемъ своемъ видѣ къ плаванію; успѣхъ плаванія будетъ зависѣть отъ парохода, сила и скорость котораго всегда превзойдутъ силу паденія воды въ порогахъ и скорость ея теченія; если же компанія пароходства, которая образовалась бы съ цѣлію эксплуатаціи этой рѣки, нашла нужнымъ избѣжать трудностей пути, то и въ этомъ отношеніи природа не представляетъ препятствій, потому что всѣ главные пороги имѣютъ отличные обходные пути, нивеллировка которыхъ дала блестящіе результаты.

Въ виду этого, министерство путей сообщенія въ 1878 г. командировало инженера, барона Аминова, для окончательнаго изслѣдованія водораздѣла Оби и Енисея. Вотъ, въ общихъ чертахъ, результаты этого изслѣдованія. Рѣки: Озерная, Ломоватая, нижняя половина Малаго Каса и Большой Касъ, по своимъ высокимъ берегамъ и сравнительному богатству воды въ нихъ, кажутся естественными каналами. Наибольшее препятствіе при сооруженіи предполагаемаго пути могутъ представить рѣки — Язева и верхняя половина Малаго Каса, такъ какъ онѣ весьма узки и до того извилисты, что лодку экспедиціи, длиной около 40 футовъ, съ трудомъ могли изворотить. Въ виду этого, здѣсь придется производить довольно крупныя земляныя работы. По мнѣнію г. Аминова, для удержанія горизонта воды въ рѣкахъ, во все время навигаціи, на достаточной для судоходства высотѣ, необходимо будетъ шлюзовать ихъ. Если же ограничиться однимъ весеннимъ судоходствомъ, то шлюзованіе не понадобится, такъ какъ экспедиція нигдѣ по всей системѣ не встрѣчала по фарватеру глубины менѣе одной десятой сажени.

Князь Н. Костровъ.

ОЧЕРКЪ III.

ЕНИСЕЙСКІЙ ОКРУГЪ И ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Безмолвна долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнивой грядою идутъ облака.

А. Пушкинъ.

Земля, какъ извѣстно, кругла;
Куда жъ мореплаватель рвется?
Поѣхавъ вкругъ свѣта, морякъ
На старое мѣсто вернется.

Гейне.

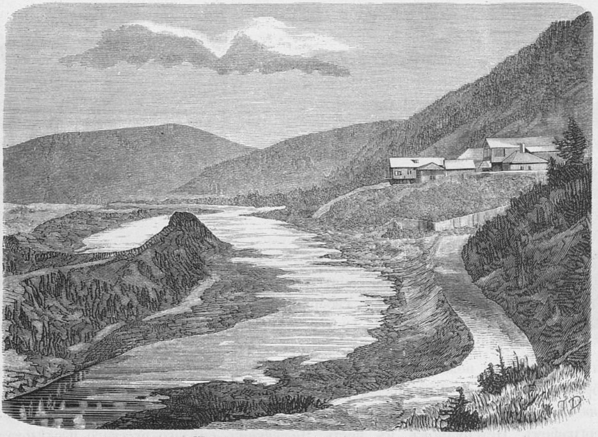
Енисейскій округъ — одинъ изъ самыхъ обширнѣйшихъ, не только въ губерніи, но и во всей Сибири. Онъ занимаетъ площадь въ 40,570 квадратныхъ миль и составляетъ восемь девятыхъ всего пространства Енисейской губерніи. Онъ лежитъ въ сѣверной ея половинѣ, и сѣверная его окраина омывается Ледовитымъ океаномъ, образуя обширный Таймырскій полуостровъ, на которомъ подъ $77^3/_4{}^0$ с. ш. находится и крайняя сѣверная точка Азіятскаго материка — мысъ Челюскинъ, названный такъ нѣмецкимъ географомъ Петерманомъ въ честь Челюскина, смѣлаго русскаго изслѣдователя этихъ приполярныхъ странъ въ минувшемъ столѣтіи. Къ западу Енисейскій округъ граничитъ съ Томской и Тобольской губерніями, къ востоку — съ Якутской областью и Иркутской губерніей, а къ югу — съ Ачинскимъ, Красноярскимъ и Канскимъ округами Енисейской губерніи.

Сѣверное прибрежье округа изрѣзано глубоко-вдающимися въ материкъ заливами, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ обширному Енисейскому заливу, затѣмъ слѣдуютъ: заливъ Таймырскій, Хатангская, Тазовская и Анабарская губы. Море у прибрежья Сибири имѣетъ глубину рѣдко-гдѣ болѣе 10 саженъ, но чѣмъ болѣе на сѣверъ, тѣмъ глубина его становится значительнѣе. Весь восточный берегъ Енисейскаго залива усѣянъ небольшими каменистыми островами; при оконечности же Таймырскаго полуострова находится обширный, но пустынный островъ Таймыръ. На одномъ изъ прибрежныхъ островов, названномъ извѣстнымъ мореплавателемъ, профессоромъ Норденшёльдомъ, островомъ Диксона, находится удобная гавань (Портъ Диксонъ), гдѣ Норденшёльдъ приставалъ во время перваго своего путешествія изъ Европы къ устью Енисея на пароходѣ «Прэфенъ». Это первое удачное плаваніе послужило началомъ послѣдующихъ его ученыхъ экспедицій въ Ледовитый океанъ и открыло путь для морской торговли между Европою и Сибирью.

Енисей—главная рѣка для всего Енисейскаго округа какъ по величинѣ, такъ и по эко-

номическому значенію. Протекая по западной его части, она во всю длину представляется грандіознымъ потокомъ, ширина котораго мѣстами достигаетъ 30 верстъ и рѣдко-гдѣ съуживается до одной версты. Рѣка имѣетъ общее направленіе съ юга на сѣверъ. Енисей—чрезвычайно быстрая рѣка: теченіе его мѣстами болѣе 9 верстъ въ часъ. Глубина различна: отъ 2 до 10 саженъ. Пороговъ, опасныхъ для судоходства, въ этой части теченія рѣки немного. Близъ южной границы округа существуетъ, напримѣръ, порогъ Енисейскій, но особаго затрудненія не представляетъ, такъ какъ фарватеръ въ немъ не имѣетъ извилистаго направленія. Длиною порогъ около десяти верстъ, но суда проплываютъ его не болѣе какъ въ полчаса времени. Мало опасенъ для плаванія также и порогъ Осиновскій, гдѣ рѣка разбивается на протоки, омывающіе большую группу острововъ.

Вблизи устья рѣки Подкаменной Тунгузки, Енисей образуетъ обширный водоемъ, до 15

Ново-Маріинскій пріискъ К° Григорьева (по р. Енашимо, системы Подкаменной Тунгузки).

верстъ шириною, посреди котораго находятся два скалистые острова, называемые Кораблями. Передъ впаденіемъ въ заливъ, рѣка принимаетъ громадные размѣры, ширина ея достигаетъ 60 верстъ (между островами), но затѣмъ съуживается до 20 верстъ и, впадая въ Енисейскую губу, образуетъ дельту, между рукавами которой лежатъ Бреховскіе острова. Вода Енисея въ верхнемъ его теченіи по округу прозрачна, но ниже становится мутною, по причинѣ глинистой почвы, такъ что чистую струю воды правыхъ его притоковъ можно услѣдить на значительномъ протяженіи. Соленая морская вода не заходитъ далеко въ устье Енисея и впервые появляется у Яковскаго зимовья, подъ 70° с. ш. Рѣка остается подо льдомъ въ южной части округа съ конца октября до половины апрѣля, въ сѣверной же — съ начала октября по іюнь или іюль. Такъ, въ Енисейскѣ рѣка бываетъ покрыта льдомъ до 175 дней; сѣвернѣе же — въ Туруханскѣ, напримѣръ, до 210 дней, въ дельтѣ до 250 дней, а въ Енисейской губѣ — до 270 дней. Толщина льда зависитъ отъ холодовъ. Въ морозныя зимы ледъ бываетъ толщиной отъ $2^1/_2$ до 3 аршинъ. Во время сильныхъ морозовъ, которые здѣсь почти обычное явленіе, особенно же въ нижнемъ теченіи рѣки, ледъ покрывается водою, образуются «наледи», довольно опасныя для проѣзжающихъ, такъ какъ вода на-

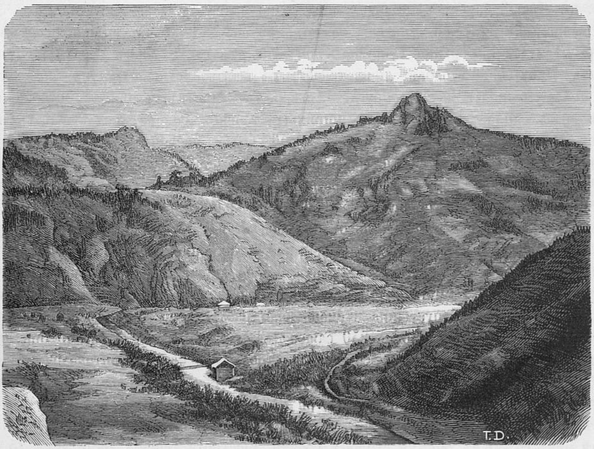
нихъ доходитъ иногда до аршина глубины. Весною, во время ледохода, происходятъ мѣстами, въ притокахъ рѣки, заторы, что производитъ повышеніе воды; ледъ же, остановленный въ своемъ движеніи, тѣснится къ берегамъ и нерѣдко отрываетъ отъ нихъ огромныя глыбы земли. Енисей разливается два раза въ годъ. Первый разливъ бываетъ въ маѣ, тотчасъ послѣ ледохода, второй — въ іюнѣ и носитъ названіе «коренной воды». Островов по всему теченію рѣки весьма много, изъ нихъ нѣкоторые имѣютъ обширные размѣры. Енисей судоходенъ на всемъ протяженіи въ предѣлахъ Енисейскаго округа. Берега его лѣсисты, особенно же правый, нагорный; но, ближе къ устью, лѣса становятся мельче, рѣже и совершенно исчезаютъ подъ 68° 40′ с. ш. Лѣвый берегъ рѣки преимущественно низменный.

Всѣ важнѣйшіе притоки Енисея впадаютъ съ востока. Между ними первое мѣсто занимаютъ три Тунгузки. Верхняя Тунгузка, или Ангара, входитъ въ предѣлы Енисейскаго округа изъ Иркутской губерніи и протекаетъ съ востока на западъ широкою, судоходною лентою, поперекъ почти всего округа. Ангара, въ предѣлахъ округа, имѣетъ во время разливовъ отъ одной до 5 верстъ ширины; теченіе ея, за исключеніемъ пороговъ, медленное. Правый берегъ ея гористъ, лѣвый болѣе низменъ; но случается, что оба берега рѣки представляютъ скалистыя горы. Здѣсь она, сжатая утесами, образуетъ или пороги, или каменныя розсыпи (шиверы), или быстрины. Въ предѣлахъ округа находятся три значительные порога на Ангарѣ (Аплинскій, Мурскій и Стрѣлочный) и 13 шиверовъ. По Ангарѣ очень много островов; въ одномъ Енисейскомъ округѣ ихъ насчитываютъ болѣе трехсотъ. Между Средней, или Подкаменной Тунгузкой въ Енисей впадаетъ рѣка Большой Питъ, по системѣ которой расположено много золотыхъ пріисковъ. Подкаменная Тунгузка, выходя изъ Якутской области, пересѣкаетъ поперекъ Енисейскій округъ и впадаетъ въ Енисей. Рѣка эта пустынна и очень мало изслѣдована, носитъ характеръ большой горной рѣки; ширина ея отъ 200 до 350 саженъ. Теченіе быстрое, мѣстами она порожиста; берега ея возвышенны и скалисты, дно каменистое. По системѣ притока ея Вельме расположены богатые золотые пріиски. Нижняя Тунгузка также вытекаетъ изъ предѣловъ Якутской области. Рѣка эта судоходна, не смотря на два значительные порога и находящіеся кое-гдѣ въ руслѣ рѣки подводные камни. Весною она быстра; въ такъ называемыхъ «щекахъ», гдѣ рѣка сжата съ обѣихъ сторонъ горами, быстрота теченія достигаетъ 25 верстъ въ часъ. Глубина рѣки отъ 2 до 10 саженъ; дно ея въ ямахъ. Берега рѣки покрыты хвойными лѣсами, гористы, образуютъ живописные утесы, достигающіе 90 саженъ высоты. Весною прибыль воды доходитъ до 5 саженъ, а ледяные запоры нерѣдко производятъ значительныя наводненія. Въ береговыхъ горахъ этой рѣки открыты значительныя залежи графита невысокаго качества, найдены также мѣдныя и желѣзныя руды и точильный камень. Р. Курейка послѣдній къ сѣверу значительный правый притокъ Енисея. Берега ея гористы въ верховьяхъ, въ низовьяхъ низменны; теченіе быстро, порожисто; вода чрезвычайно прозрачна. Въ горахъ по рѣкѣ Курейкѣ также открыты значительныя залежи графита, весьма высокаго качества.

Изъ лѣвыхъ притоковъ Енисея наиболѣе замѣчательны по величинѣ рѣки: Туруханъ, Сымъ и Елогуй; онѣ пустынны, но судоходны. Небольшая рѣка Касъ, впадающая также въ Енисей слѣва, заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что, посредствомъ соединенія ея каналомъ съ р. Лѣтней, притокомъ Кети, впадающей въ Обь, предполагается устроить непрерывное водное сообщеніе между Обью и Енисеемъ.

Изъ другихъ рѣкъ Енисейскаго округа заслуживаютъ вниманія по своей величинѣ слѣдующія рѣки. Рѣка Тазъ, впадающая въ Тазовскую губу Обскаго залива. Рѣка эта крайне пустынна, хотя и судоходна. Недалеко отъ ея устья стоялъ нѣкогда городъ Мангазея, переведенный, послѣ постигшаго его пожара, на мѣсто нынѣшняго Туруханска. Замерзаетъ Тазъ въ началѣ октября, вскрывается въ концѣ мая. Рѣка эта богата рыбою. Рѣка Таймыра состоитъ

изъ двухъ частей: верхней и нижней. Верхняя часть рѣки беретъ начало изъ болотныхъ уваловъ такъ называемой Большой Низовой тундры; протекши около 150 верстъ, впадаетъ въ обширное озеро Таймырское, имѣющее до ста верстъ ширины, но довольно мелководное, такъ что лѣтомъ многіе его заливы обсыхаютъ. Берега этого пустыннаго озера почти не посѣщаются звѣропромышленниками. Нижняя часть рѣки, по выходѣ ея изъ Таймырскаго озера, протекши около ста верстъ къ сѣверу, впадаетъ въ Таймырскій заливъ; эта часть рѣки Таймыры протекаетъ по гористой мѣстности, почему на ней встрѣчается много пороговъ; рѣка почти

Зимовье по таежной дорогѣ на золотые пріиски.

не судоходна. Рѣка Пясина, берущая начало изъ довольно значительнаго Пясинскаго озера, богатаго рыбою и окруженнаго таловымъ и хвойнымъ лѣсомъ, протекаетъ до 600 верстъ и впадаетъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ, образуя обширную дельту большихъ и малыхъ островов, низменныхъ и песчаныхъ. Рѣка, вообще, неширока, отъ 100 до 200 саженъ, но достаточно глубока и судоходна; при впаденіи въ море, имѣетъ до трехъ верстъ ширины. Подъ 70° 10′ с. ш. на р. Пясинѣ прекращается лѣсная растительность и по обоимъ берегамъ ея тянутся пустынныя тундры. Рѣка Хатанга беретъ начало изъ трехъ озеръ, протекаетъ до впаденія въ Хатангскую губу до 600 верстъ; она довольно глубока и широка; при впаденіи въ губу расширяется до пяти верстъ. Пробиваясь сквозь горный кряжъ, Хатанга имѣетъ чрезвычайно быстрое теченіе. Пограничная съ Якутской областью р. Анабара, проеткающая до 900 верстъ, мелководна, быстра и порожиста; при впаденіи въ Сѣверный океанъ имѣетъ до 2 верстъ ширины.

Въ Енисейскомъ округѣ беретъ начало судоходная рѣка Кеть, впадающая въ Обь. Хотя Кеть извилиста, отчасти порожиста, а въ обыкновенное время и мелководна, но по ней въ прежніе годы производилось сообщеніе съ Обью. При условіи соединенія ея каналомъ съ Касомъ, судоходство это можетъ снова возстановиться и содѣйствовать развитію торговли въ Енисейскомъ краѣ.

Енисейскій округъ раздѣляется рѣкою Енисеемъ на двѣ разнохарактерныя по строенію

своему части. Западная сторона его представляется плоской возвышенностью, которая далѣе къ сѣверу переходитъ въ низменныя тундры; восточная же его часть чрезвычайно гориста, за исключеніемъ самой сѣверной и приморской части, гдѣ тянутся обширныя тундры, пересѣкаемыя однако и здѣсь горными кряжами. Въ восточной части округа находится Тунгузскій хребетъ, служащій водораздѣломъ между рѣками, впадающими, съ одной стороны, въ Енисей, съ другой—въ Лену; онъ посылаетъ свои многочисленные отроги, высотою отъ 1,800 до 2,500 футовъ, къ правому берегу Енисея, которые служатъ, въ свою очередь, водораздѣлами его правыхъ притоковъ. На сѣверѣ, въ Большой Низовой тундрѣ, простирается, отъ низовьевъ Енисея по Таймырской землѣ, горный хребетъ Бырранга.

Кромѣ Большой Низовой тундры есть еще Малая Низовая и Авамская тундры. Сѣверный Берегъ мѣстами далеко вдается въ океанъ, образуя полуострова, какъ, напримѣръ, два Таймырскихъ полуострова, восточный и западный. Сѣверныя тундры, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, представляютъ крайне печальный видъ. Зимою поверхность ихъ, изрытая мятелями, имѣетъ видъ взволнованнаго моря, весною же, при свѣтѣ солнечныхъ лучей, блескъ тундры становится ослѣпительнымъ.

Подпочву всѣхъ здѣшнихъ горъ составляютъ граниты, сіениты и діориты. На пространствѣ между Ангарою и Подкаменной Тунгузкой встрѣчаются вулканическія породы въ формѣ базальтовъ. Метаморфическіе сланцы, также какъ и глинистые, особенно распространены на протяженіи между рѣками Ангарой и Подкаменной Тунгузкой; отсюда они простираются на сѣверъ, до Таймырской земли, гдѣ, въ свою очередь, развита юрская формація. На берегахъ Сѣвернаго океана развиты новѣйшія дилювіальныя образованія, въ которыхъ встрѣчаются остатки допотопныхъ животныхъ и окаменѣлыхъ деревьевъ.

Разработка золота на Петропавловскомъ пріискѣ (по р. Огне).

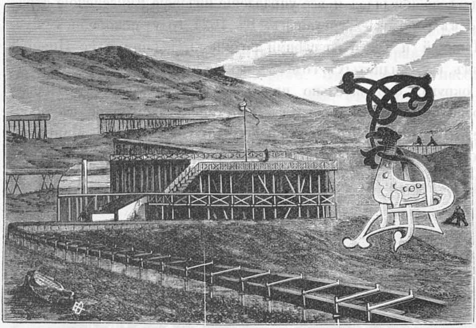
Вообще, округъ замѣчательно обиленъ минеральными богатствами всякаго рода. Золотыя розсыпи занимаютъ собою значительную площадь между рѣками Ангарой и Подкаменной Тунгузкой. Въ Маклаковской волости, въ береговыхъ холмахъ Енисея, встрѣчаются признаки серебристой мѣди и свинцоваго блеска; тамъ же и въ другихъ мѣстахъ по Енисею, какъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Енисейска, распространены богатыя содержаніемъ желѣзныя руды, весьма грубо разработываемыя. Каменный уголь, недурнаго качества встрѣчается во многихъ мѣстахъ Туруханскаго края, по Енисею и по Нижней Тунгузкѣ. Соль, въ видѣ каменной и ключевой, въ изобиліи имѣется въ Туруханскомъ краѣ. Янтарь встрѣчается по берегамъ Сѣвернаго океана и въ тундрахъ между Енисеемъ, Тазомъ, по берегахъ Хатанги и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ. Графитъ, точильные камни и мраморъ находятся въ значительномъ количествѣ по рр. Курейкѣ и Нижней Тунгузкѣ.

Почва южной части округа въ низменностяхъ песчано-глинистая, на возвышенныхъ мѣстахъ — черноземная, въ западной части округа — болотистая, въ восточной и сѣверной

— каменистая и болотистая. Климатъ округа чрезвычайно суровъ. Въ южной части зима продолжается отъ половины октября до апрѣля; въ сѣверной — съ конца сентября до половины и даже до конца мая. Средняя глубина снѣга въ лѣсахъ достигаетъ 2—3 аршинъ; почва промерзаетъ до 2 аршинъ и болѣе. Въ сѣверной части округа, примѣрно, съ 66° с. ш., начинается граница вѣчнаго подземнаго льда. Зимою холодъ доходитъ до —46°, но такіе морозы держатся недолго; обыкновенно же морозъ достигаетъ —24° — 30° въ самые холодные мѣсяцы, какими считаются декабрь и январь. Лѣто также отличается жаркими днями; жары доходятъ до 25°, но держатся недолго; однакоже, средняя температура самаго жаркаго мѣсяца, даже въ Туруханскѣ, достигаетъ 15°. Въ южной части округа вполнѣ созрѣваютъ рожь, ячмень, овесъ, ленъ, конопля и гречиха; между тѣмъ подъ 59° 30′, у села Назимова, рожь уже почти не сѣютъ; 61° составляетъ крайній предѣлъ земледѣлія; 68° 30′ прекращается всякая огородная растительность. Предѣломъ лиственичныхъ лѣсовъ можно считать 69°. Нужно, однако, замѣтить, что предѣльная линія растительности въ Енисейскомъ округѣ описываетъ кривую съ запада на востокъ, такъ что въ западной части она оканчивается подъ 67°, въ восточной же половинѣ достигаетъ только 72° с. ш.

Скотоводство въ Енисейскомъ округѣ незначительно; крайнимъ предѣломъ его можно считать 69° с. ш. Далѣе къ сѣверу, домашнихъ животныхъ составляютъ лишь олень и собака, на которыхъ производится ѣзда. Оленеводство на сѣверѣ довольно значительно; попадаются хозяева, у которыхъ имѣются до 6,000 головъ оленей. Собаки держатся по Енисею какъ для ѣзды, такъ и для охоты, но число ѣздовыхъ собакъ неособенно велико. Изъ домашнихъ птицъ держатъ куръ, гусей и утокъ. Село Дудинское на низовьѣ Енисея — предѣлъ домашней птицы. Изъ дикихъ животныхъ назовемъ только тѣхъ, которыя приносятъ какую-нибудь пользу мѣстному населенію. Бѣлый медвѣдь водится по берегамъ и островамъ Ледовитаго океана; промысла на бѣлаго медвѣдя нынѣ почти не существуетъ. Предметами промысла служатъ: сѣрый и бурый медвѣди, россомаха, волкъ бѣлый и сѣрый, лисица бурая и черная, песецъ бѣлый и голубой, выдра, сохатый, дикій олень, соболь, колонокъ, горностай, ласка, бѣлка, кошка, бурундукъ и заяцъ. Изъ морскихъ животныхъ промышляютъ, главнымъ образомъ, морскихъ котовъ, моржей, бѣлухъ.

Птицами, преимущественно водными, край этотъ чрезвычайно богатъ въ лѣтнее время. Кромѣ хищныхъ и разнообразныхъ мелкихъ птицъ водятся въ огромномъ количествѣ куропатки, глухари, тетерева, рябчики, чайки, гагары шести видовъ, лебеди, гуси, дикія утки, журавли, кулики и многія другія. Рыбныя богатства здѣшняго края изумительны. Рыба здѣсь двухъ родовъ: морская и прѣсноводная. Морской и рѣчной осетръ достигаетъ пяти пудовъ вѣсу; осетръ вѣсомъ въ 4 пуда даетъ около пуда икры. Стерлядь встрѣчается до пуда вѣсомъ; самая вкусная ловится въ Ангарѣ. Рогатка, вродѣ морскаго налима, водится въ Ледовитомъ океанѣ; таймень достигаетъ иногда болѣе пяти пудовъ вѣсомъ; очень вкусная и нѣжная рыба чиръ, вѣсомъ до 15 фунтовъ, попадается только въ низовьяхъ Енисея и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ океанъ. Моксунъ, также какъ и нельма, принадлежатъ къ очень нѣжнымъ и вкуснымъ рыбамъ; первый рѣдко достигаетъ 8 фунтовъ, послѣдняя доходитъ до 30 фунтовъ и болѣе. Здѣсь ловятся также слѣдующія рыбы: сигъ, омуль, харіузъ, ленокъ (изъ семейства форелей), сельдь и тугунъ, напоминающій кильку, семга и куньжа, карась, налимъ, щука, окуни и многія другія рыбы.

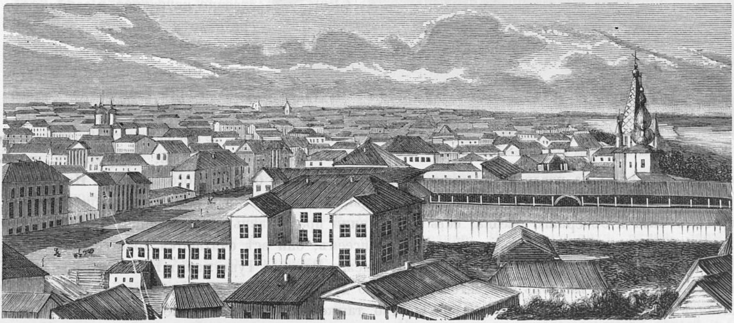

Золотопромывальная машина на Гавриловскомъ пріискѣ (К° Рязанова, по р. Огне).

Большую часть населенія Енисейскаго округа составляютъ Русскіе и не много болѣе шестой части приходится на долю инородцевъ; послѣдніе преимущественно кочевники и занимаютъ среднюю и сѣверную части округа; Русскіе же болѣе проживаютъ въ южной части округа и по долинѣ Енисея до самаго его устья. Общее число жителей не превышаетъ 49,700 душъ обоего пола; инородцевъ числится 7,600 душъ; на квадратную милю приходится немного болѣе одного человѣка. Инородцы принадлежатъ къ слѣдующимъ племенамъ: Самоѣды, въ количествѣ 1,400 душъ, обитаютъ по берегамъ Таза и Сѣвернаго океана; есть между ними православные и язычники. Остяки, въ числѣ 1,600 душъ, кочуютъ между Тазомъ и Енисеемъ; они всѣ считаются христіанами. Тунгузовъ числится 3,500 человѣкъ; они кочуютъ между Верхней Тунгузкой и Енисеемъ; большинство ихъ язычники. Якутовъ считается около 500 душъ обоего пола; они живутъ по рр. Хетѣ, Хатангѣ и Анабарѣ, исповѣдуютъ христіанство, также какъ и соплеменные имъ Долгане, которыхъ считается до 570 душъ обоего пола. Русское населеніе состоитъ преимущественно изъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ въ округѣ считалось въ 1877 году болѣе 30,000 душъ обоего пола. Ссыльныхъ поселенцевъ считается 5,000 человѣкъ обоего пола.

До прихода Русскихъ въ Енисейскій округъ кочующіе инородцы были значительно многочисленнѣе, чѣмъ теперь, и раздѣлялись на независимыя орды, изъ которыхъ самыми сильными считались Самоѣды и Тунгузы. Первое появленіе Русскихъ въ этой странѣ относится къ 1598 году, когда нѣкій Θедоръ Дьяковъ, съ двумя тобольскими сборщиками податей (цѣловальниками), достигъ р. Енисея. Въ 1600 году партія русскихъ стрѣльцовъ, въ сто человѣкъ, подъ начальствомъ князя Шаховскаго, отправилась изъ Березова внизъ по Оби къ устью р. Таза, но, встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны Самоѣдовъ, возвратилась назадъ. Въ 1601 г. была отправлена изъ Березова на р. Тазъ болѣе сильная и хорошо вооруженная партія, которая и прибыла туда благополучно въ тоже лѣто, заложивъ въ 200 верстахъ отъ устья этой рѣки городъ Мангазею. Въ 1603 году въ Мангазею былъ отправленъ новый воевода Булгаковъ съ церковною утварью и священникомъ, причемъ ему вмѣнялось въ обязанность построить церковь а также и гостиный дворъ для торга съ Самоѣдами. Въ 1607 году Тазовскіе Самоѣды, Енисейскіе Остяки и частью Тунгузы были подведены подъ высокую царскую руку и платили ясакъ, а близь устья р. Турухана построено было Туруханское зимовье. Въ 1610 году русскіе мангазейскіе промышленники изъ Туруханскаго зимовья спустились внизъ по Енисею и, выйдя въ море, достигли устья р. Пясины. Въ 1614 году вся Пясинская тундра была подчинена Русскимъ, а въ 1618 году заложенъ былъ въ Остяцкой землѣ боярскимъ сыномъ Албычевымъ и сотникомъ Рукинымъ Енисейскій острогъ, нынѣшій городъ Енисейскъ, который игралъ немаловажную роль въ покореніи восточной Сибири. Городъ Мангазея, имѣвшій передъ истребившимъ его въ 1642 году пожаромъ 3 церкви и до 200 домовъ, гостиный дворъ изъ 20 лавокъ, 2 хлѣбныхъ магазина и укрѣпленный острогъ, былъ неудобно расположенъ въ отношеніи подвоза къ нему провіанта. Окружающая его страна была крайне пустынна,

а потому послѣ пожара онъ уже не возобновлялся и все управленіе низовою Енисейскою страною было окончательно переведено въ городокъ Туруханскъ. Въ 1621 году покорились Русскимъ тунгузскіе князья Амуръ, Иркиней и Тасей со своими родичами, жившими по Нижней и Подкаменной Тунгузкамъ, а затѣмъ, въ тридцатыхъ годахъ того же столѣтія, вся Енисейская страна, въ предѣлахъ нынѣшняго округа, окончательно признала власть Русскихъ. Первая церковь въ здѣшнемъ краѣ выстроена была въ 1655 году въ Туруханскѣ, который съ каждымъ годомъ пріобрѣталъ большее и большее торговое значеніе. По уничтоженіи Мангазеи, Туруханскъ сталъ городомъ, въ которомъ въ 1670 году построены были четыре башни съ

Енисейскъ.

пушкою въ каждой и, кромѣ того, находился постоянный гарнизонъ изъ ста человѣкъ солдатъ. Туруханскъ оставался уѣзднымъ городомъ до 1823 года, когда переименованъ былъ въ заштатный; съ тѣхъ поръ онъ постепенно клонится къ упадку. Впрочемъ, упадокъ начался нѣсколько ранѣе, вслѣдствіе обѣднѣнія страны, уменьшенія числа инородцевъ по причинѣ страшно свирѣпствовавшихъ между ними повальныхъ болѣзней, особенно же оспы, уменьшенія промысловъ и пушныхъ звѣрей, выселенія болѣе богатыхъ людей въ Енисейскъ и развитія торговаго значенія послѣдняго.

Енисейскій острогъ, построенный въ центрѣ тогдашняго тунгузскаго населенія, на лѣвомъ берегу Енисея, въ странѣ, въ которой возможно уже заниматься хлѣбопашествомъ, скоро сталъ расширяться и, въ 1676 г., назначенъ былъ областнымъ городомъ. Первыми его жителями были казаки, и затѣмъ стали селиться Устюжане и Зыряне, привлекаемые удачною и мѣновою торговлею мѣхами. Зыряне открыли находящуюся въ окрестностяхъ города богатую желѣзную руду. Въ 1724 г. Енисейскъ сталъ главнымъ городомъ Енисейской провинціи, въ которой тогда были три города: Енисейскъ, Красноярскъ и Туруханскъ. Въ 1782 г. провинція эта была причислена къ Тобольскому намѣстничеству, и Енисейскъ сталъ уѣзднымъ ея городомъ. Воеводы управляли городомъ и провинціею; первымъ воеводою былъ Иванъ Ржевскій. По открытіи въ 1823 г. Енисейской губерніи, главнымъ городомъ которой считался Красноярскъ, Енисейскъ попрежнему остался уѣзднымъ городомъ; въ настоящее время по числу жителей онъ считается вторымъ городомъ въ губерніи, а по торговому значенію можетъ быть названъ первымъ.

Въ административномъ отношеніи Енисейскій округъ раздѣляется на собственно Енисейскій округъ, Туруханскій край, Богучанское отдѣленіе и золотые промыслы. Енисейскій округъ въ тѣсномъ смыслѣ раздѣляется на 3 полицейскіе участка. Туруханскій край вѣдается

особымъ засѣдателемъ съ помощникомъ. Богучанское отдѣленіе управляется засѣдателемъ и состоитъ изъ двухъ волостей; золотые пріиски раздѣляются на два округа (сѣверный и южный) и вѣдаются горными исправниками. Инородцы управляются выбранными ими самими старостами, утвержденными губернаторомъ. Въ волостяхъ, населенныхъ Русскими, существуютъ волостные головы и волостныя правленія; въ городѣ Енисейскѣ есть городская дума, въ Туруханскѣ—мѣщанскій староста.

Городъ Енисейскъ, имѣющій болѣе 7000 жителей обоего пола, представляетъ важный торговый пунктъ, такъ какъ преимущественно здѣсь производятся закупки не только товаровъ, но и продовольствія для Енисейскихъ золотыхъ пріисковъ. Енисейскъ за время своего существованія не разъ подвергался разнымъ опустошеніямъ отъ огня и воды. По берегу Енисея онъ простирается на три версты и въ ширину до двухъ верстъ. Въ городѣ числится до 826 домовъ, въ томъ числѣ болѣе 20 каменныхъ, 6 церквей и два монастыря: Спасскій мужской и Христорождественскій женскій; первый основанъ около 1642 г., а второй въ 1623 году. Къ городской пристани ежегодно приплываетъ сверху до 185 барокъ и судовъ и до 165 плотовъ, преимущественно съ хлѣбными припасами. Кромѣ того, производится значительный торгъ съ Туруханскимъ краемъ, куда, по открытіи навигаціи, ежегодно отправляются суда и лодки съ товарами, хлѣбомъ и солью. Въ послѣдніе годы здѣсь стало развиваться пароходство; число пароходовъ доходитъ уже до шести; они ежегодно дѣлаютъ два рейса до устья Енисея. Съ открытіемъ морскаго пути въ Европу, нынѣ къ устью Енисея ежегодно приходятъ суда изъ Европы съ товарами. Дѣло это пока новое, но, безъ сомнѣнія, морская торговля вскорѣ упрочится и будетъ имѣть громадное значеніе для края. Гостиный дворъ каменный съ 147 лавками; тутъ же помѣщаются и городскія учрежденія. Зданіе это, выстроенное во второй половинѣ 18-го вѣка, довольно замѣчательно по своей архитектурѣ. Городская дума существуетъ здѣсь съ 1789 г. Городскихъ доходовъ получается около 25,000 р. въ годъ; изъ нихъ седьмая часть затрачивается на содержаніе благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, которыхъ въ городѣ считается четыре: женская прогимназія, два приходскія училища и одно уѣздное. Въ городѣ существуетъ общественный банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 70,000 руб. Нынѣ въ Енисейскѣ устроена телеграфная станція и онъ вошелъ въ сѣть телеграфныхъ сообщеній.

Жители занимаются торговлею, рыболовствомъ, кузнечнымъ и золотымъ промыслами. Кузнечный промыселъ, прежде процвѣтавшій, съ отвлеченіемъ жителей на пріиски, сильно упалъ, не смотря на руду высокаго качества, находящуюся почти подъ самымъ городомъ. Въ прежнее время здѣсь выдѣлывалось разнаго рода издѣлій до 30,000 пудовъ въ годъ, нынѣ не выдѣлывается и 6,000 пудовъ. Съ упадкомъ нынѣ золотопромышленности въ Енисейскомъ округѣ стала падать и самая торговля; но Енисейскъ, все-таки, и до сихъ поръ еще сохраняетъ первенствующее мѣсто въ губерніи.

Въ южной части округа находится большое селеніе Казачинское, главный пунктъ Казачинской волости. Оно лежитъ на лѣвомъ берегу Енисея, на Енисейскомъ почтовомъ трактѣ; въ немъ болѣе 1000 человѣкъ жителей обоего пола; есть пристань, нѣсколько торговыхъ лавокъ и еще больше кабаковъ. Казачинскіе богачи занимаются, кромѣ того, золотопромышленностью и поставками хлѣба и сѣна на пріиски. Здѣсь есть сельское училище, небольшая богадѣльня, почтовая станція съ пріемомъ корреспонденцій, волостное правленіе и становая квартира.

Въ 43 верстахъ отъ Казачинскаго, на Енисейскомъ почтовомъ трактѣ и на лѣвомъ же берегѣ Енисея, расположена значительная деревня Каргино; здѣсь перевозъ черезъ Енисей на земскомъ трактѣ въ Богучанскую волость и южные золотые пріиски. Въ Каргинѣ находится почтовое отдѣленіе и телеграфная станція. Въ четырнадцати верстахъ отъ Каргина, противъ впаденія въ Енисей Ангары, на лѣвомъ же берегѣ Енисея, расположено большое село Усть-Тунгузка; здѣсь также имѣется нѣсколько торговыхъ лавокъ и несравненно больше кабаковъ.

Жители занимаются рыболовствомъ, поставками на пріиски сѣна и даже работами на пріискахъ. Въ Анциферовской волости, расположенной ниже по Енисею, заслуживаетъ вниманія село Назимовское, противъ котораго, въ разгаръ развитія золотопромышленности, на правомъ берегу Енисея, стояло нѣсколько такъ-называемыхъ резиденцій золотопромышленниковъ, потому что отсюда шелъ главный путь на пріиски сѣверной системы; здѣсь находились обширные склады, дома и конторы нѣсколькихъ богатыхъ золотопромышленныхъ компаній, гдѣ жилось, въ старые годы, довольно весело; съ упадкомъ же золотопромышленности, все это опустѣло и бившая здѣсь когда-то ключемъ жизнь замерла. Въ Назимовскомъ есть нѣсколько лавокъ, но это только остатки прежней бойкой торговли.

Золотопромывальная машина въ долинѣ р. Мурожной (правый притокъ Верхней Тунгузки).

Главные промыслы края и занятія его жителей въ южной части округа, гдѣ возможно хлѣбопашество, земледѣліе, рыболовство и охота, перевозка на золотые пріиски тяжестей, а также и работы на этихъ пріискахъ. Впрочемъ, крестьяне рѣдко нанимаются на пріиски,— здѣсь работаютъ, преимущественно, поселенцы и енисейскіе мѣщане. Земледѣліемъ съ успѣхомъ занимаются въ Казачинской, Бѣльской и Маклаковской волостяхъ, которыя, даже и при среднихъ урожаяхъ, въ состояніи бываютъ прокормиться своимъ хлѣбомъ; въ урожайные же годы имѣютъ излишекъ, которымъ и снабжаютъ окрестныя волости. Однако округъ продовольствуется главнымъ образомъ изъ Красноярскаго, Минусинскаго и Канскаго округовъ, а жители по Ангарѣ—изъ Иркутской губерніи. Огородничествомъ занимаются почти во всемъ округѣ до самыхъ сѣверныхъ его предѣловъ; сѣютъ, преимущественно, рѣпу, картофель, капусту, огурцы и рѣдьку. Скотоводствомъ занимаются только для собственнаго продовольствія; лошадей держатъ болѣе, чѣмъ рогатаго скота, такъ какъ для перевозки на пріиски товаровъ и припасовъ требуется значительное ихъ число. Въ низовьяхъ Енисея необходимыя домашнія животныя— ѣздовыя собаки. Онѣ бываютъ двухъ видовъ: однѣ большаго, другія малаго роста, съ довольно длинной, пушистой шерстью, острою мордою и приподнятыми, остроконечными ушами. Онѣ кротки, выносливы, чутки и сильны:—не боятся вступать въ борьбу даже съ волкомъ. Упряжь при ѣздѣ на собакахъ крайне проста; она состоитъ изъ длиннаго ремня съ петлей, надѣваемой около заднихъ ногъ, на поджарую часть туловища; отъ этого ремня идутъ постромки, которыя и привязываются къ нартамъ. Главную роль при ѣздѣ на собакахъ играетъ передовая собака. Если она умна и хорошо пріучена, съ нею нельзя заблудиться. Къ ней не привязываются вожжи. Она останавливается по голосу хозяина; при словѣ «потсъ»—поворачиваетъ вправо, при словѣ «нра» — влѣво, при словѣ «та» — собака останавливается, ѣздокъ же тормозитъ нарту ториломъ, небольшимъ деревяннымъ коломъ съ желѣзнымъ наконечникомъ. На каждую собаку зимою полагается клади до 3 пудовъ. Лѣтомъ собаки тянутъ биче-

вою небольшія лодки; пара собакъ можетъ протащить такую лодку съ грузомъ до 15 пудовъ противъ воды отъ 50 до 60 верстъ въ день. Если берега каменисты,—лапы собакъ обвязываютъ мягкою кожею, чтобы предохранить ихъ отъ пораненія. Ѣздовыя собаки служатъ отъ 10 до 15 лѣтъ, кормятъ ихъ рыбою (лѣтомъ сырою, зимою вяленою) или болтушкой изъ муки. Лѣтомъ содержаріе ихъ незатруднительно для хозяевъ, такъ какъ онѣ ловятъ кротовъ, мышей и облинялыхъ птицъ. Онѣ очень терпѣливы и могутъ оставаться иногда двое — трое сутокъ безъ пищи. Передовыя собаки доходятъ въ цѣнѣ отъ 50 до 100 рублей серебромъ.

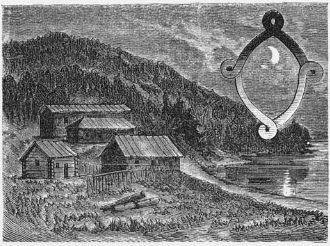
Другое полезное животное сѣверной части округа—олень; отъ него кочующіе инородцы получаютъ пищу, одежду и необходимыя принадлежности для жилища. Мясо и молоко оленя вкусно и питательно; кровь, употребляемая въ свѣжемъ видѣ, тотъ-часъ послѣ убоя, полезна противъ цынги и какъ согрѣвающее средство. Пища оленя состоитъ изъ ягелей, листьевъ березоваго ерника и тальника, травы и грибовъ. Оленьи стада оберегаются отъ волковъ сторожевыми собаками. Главный же врагъ оленя какъ прирученнаго, такъ и дикаго—оленій оводъ. Оводъ кладетъ свои яички подъ кожу животнаго, изъ которыхъ выходятъ черви, причиняющіе невыносимую боль. Животное сильно хирѣетъ, безпокойно бѣгаетъ до истощенія силъ или бросается въ воду, заходитъ въ нее по шею и стоитъ тамъ по цѣлымъ часамъ. Чтобы спасти оленей отъ оводовъ и мошекъ, инородцы стараются лѣтомъ пасти стада на островахъ рѣкъ и озеръ; Остяки же и Юраки устраиваютъ особые сараи, гдѣ разводятъ и содержатъ постоянно дымокуры. Олень живетъ въ дикомъ состояніи отъ 17 до 20 лѣтъ, въ домашнемъ—отъ 20 до 25 лѣтъ. На оленяхъ ѣздятъ верхомъ и въ нартахъ. Верховую ѣзду любятъ Тунгузы, Долгане и Якуты; Самоѣды, Юраки и Остяки верхомъ не ѣздятъ. Верховая ѣзда на оленяхъ требуетъ навыка и ловкости. При ѣздѣ на нартахъ или санкахъ, ѣздокъ правитъ передовымъ оленемъ посредствомъ вожжи съ лѣвой стороны. На парѣ оленей, по ровной дорогѣ, можно проѣхать въ сутки до 150 верстъ съ 3 пудами клади.

Рыболовство — одно изъ главныхъ занятій жителей, какъ Русскихъ такъ и инородцевъ всего Енисейскаго края; чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ рыбные промыслы становятся богаче. Рѣки Енисей, Тазъ и Хатанга, также какъ и многія озера славятся значительными богатствами морскихъ и прѣсноводныхъ рыбъ.

Нѣкоторыя морскія рыбы заходятъ далеко въ глубь страны. Такъ, напримѣръ, чиръ и пелядь доходятъ даже до границъ Анциферовской волости; моксунъ поднимается по Енисею до Осиновскихъ пороговъ; нельма и тугунъ—до Енисейска; сельдь, идущая съ моря въ громадномъ количествѣ, также какъ и окунь, проникаетъ иногда до Подкаменной Тунгузки. Рыболовство начинается послѣ спада весеннихъ водъ. По освобожденіи отъ воды рыболовныхъ песковъ, жители низовьевъ Енисея переселяются туда въ особенные балаганы; дома же остаются лишь тѣ, которымъ нельзя почему-нибудь уѣхать или у которыхъ рыболовныя мѣста находятся вблизи жилищъ. Инородцы же помѣщаются въ своихъ чумахъ. Лучшіе рыболовные пески находятся при впаденіи Енисея въ его губу. На этихъ рыболовныхъ пескахъ считается до сотни неводовъ, а по всему Енисею до Енисейска болѣе 300 неводовъ. Невода бываютъ двухъ родовъ:—для мелкой рыбы и для крупной рыбы; первые отъ десяти до четырнадцати саженей длины, вторые отъ 60 до 250 саженей въ длину. Стоимость невода зависитъ отъ его величины и доходитъ до 50 и болѣе рублей. Рыболовствомъ занимаются и женщины, для чего они надѣваютъ кожаные штаны, а на ноги бродни (мужскіе сапоги). Во время сильнаго хода рыбы, ловля продолжаются круглыя сутки, если нѣтъ сильнаго волненія на рѣкѣ. Для ловли рыбы въ небольшихъ рѣчкахъ, ставятъ заборы, или загородки, а въ нихъ мережи или плетеныя изъ сучьевъ ивы морды. Наконецъ, рыбу бьютъ также острогой и стрѣлою. Вслѣдствіе дороговизны и недостатка хорошей соли, рыба засаливается нехорошо, непрочно, а потому и скоро портится. До сихъ поръ ни для усовершенствованія рыбнаго промысла, ни для улучшенія засола рыбы ничего не сдѣлано. Между тѣмъ

здѣшній край имѣетъ огромныя и весьма цѣнныя рыбныя богатства, для разумнаго пользованія которыми необходимо усовершенствовать засолъ рыбы, приготовленіе икры (которая нынѣ пропадаетъ за-даромъ), выдѣлку рыбьяго клея и вытапливаніе жира.

Съ наступленіемъ зимы почти всѣ инородцы и значительная часть Русскихъ принимаются за звѣриные промыслы. Остяки охотятся за бѣлкой; Тунгузы бьютъ всякаго звѣря; Юраки и Самоѣды предпочитаютъ оленій промыселъ; Якуты и Долгане занимаются охотою на песца, горностая, лисицу и соболя. Промышлять бѣлку начинаютъ съ ноября и продолжаютъ до конца зимняго пути. Хорошій стрѣлокъ можетъ въ день добыть около дюжины бѣлокъ. Песцовъ ловятъ «пастями». Пасти ставятся въ шахматномъ порядкѣ около охотничьяго зимовья. Рѣдкій изъ Якутовъ, Долганъ и Русскихъ, промышляющихъ песца, имѣетъ менѣе 50 пастей у нѣкоторыхъ бываетъ до 400. Пасти осматриваются по два раза въ мѣсяцъ и чаще, если выдается хорошій ловъ. Самые дорогіе песцы — голубые. Ловъ песца начинается съ августа и производится всю зиму, до конца апрѣля. Если песецъ идетъ отъ моря по Енисею на югъ, то устраиваютъ на берегу рѣки невысокія засѣки съ отверстіями, въ которыя ставятъ ловушки или протягиваютъ неводъ. У невода на ночь ставятъ караульщика, который убиваетъ палкою забѣжавшаго въ сѣть звѣря; иногда за ночь убиваютъ отъ 5 до 10 звѣрьковъ. Горностая ловятъ небольшими капканами и самострѣлами. Соболя промышляютъ въ первой половинѣ зимы, при помощи собакъ и ружья, а также сѣтями и самострѣлами. Нынѣ соболій промыселъ очень упалъ; ежегодно добывается отъ 200 до 300 шкуръ, тогда какъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія соболя добывали тысячами. Инородцы, особенно же Остяки, считаютъ медвѣдя по уму равнымъ человѣку и выродкомъ человѣческимъ, имѣющимъ близкое сношеніе съ духами, въ силу чего передъ зубомъ медвѣдя принимается присяга, противъ которой ни одинъ изъ инородцевъ не покривитъ душой. На медвѣдя охотятся преимущественно Тунгузы, не питающіе къ нему такого суевѣрнаго ужаса. Между ними встрѣчаются такіе охотники, которые на своемъ вѣку убили до сотни медвѣдей. Мясо медвѣдя инородцы очень любятъ. Оленей ловятъ въ загоны, или «маховки», въ мартѣ и апрѣлѣ а также и лѣтомъ; загнанныхъ въ разставленные въ концѣ загоновъ тенета убиваютъ стрѣлами и рогатинами. Осенью, когда олени съ морскихъ береговъ начинаютъ возвращаться на югъ, инородцы промышляютъ ихъ на переправахъ рѣкъ, причемъ передовые табуны пропускаются нетронутыми и убиваютъ только заднихъ. На этихъ переправахъ происходитъ ужасная бойня, сопряженная даже съ нѣкоторою опасностью для охотниковъ. Всѣ охотники, участвующіе въ промыслѣ, получаютъ равныя части. Это относится и ко всѣмъ вообще промысламъ, кромѣ мамонтовой кости, которая принадлежитъ тому, кто ее нашелъ. Итогъ звѣринаго промысла выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: лисицъ добывается до 500, соболей до 250, горностая до 5,000, бѣлки до 500,000, песцовъ до 16,000, волковъ съ сотню, медвѣдей столько же, зайцевъ до 50,000 шкуръ, дикихъ оленей до 5,000, росомахъ до 100, колонковъ до 250, выдръ отъ 15 до 25, горныхъ барановъ до 50 и сохатыхъ около сотни головъ. Охота на птицъ служитъ домашнимъ промысломъ и не составляетъ предмета торговли.

Зимовье на золотыхъ пріискахъ.

Относительно условій сообщенія, Енисейскій округъ находится въ довольно удовлетворительномъ, сравнительно, положеніи. По округу проходитъ почтовый трактъ изъ Красноярска до Туруханска; затѣмъ есть еще бывшій почтовый, нынѣ коммерческій трактъ изъ Енисейска на городъ Ачинскъ и земскій трактъ въ Богучанскую волость; кромѣ того сообщеніе производится водою. Главной столбовой дорогой лѣтомъ служитъ Енисей, по которому плаваютъ въ районѣ округа шесть пароходовъ и до 200 барокъ и палубныхъ судовъ. Давно уже назрѣла мысль какъ у Русскихъ, такъ и у иностранцевъ о плаваніи въ Сибирскія рѣки по Ледовитому морю, но плохое устройство судовъ, малое знакомство съ сѣвернымъ моремъ парализовали всѣ попытки нѣкоторыхъ смѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей. Удачныя плаванія норвежскихъ китоловов и рыболововъ въ Карское море, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, убѣдили, наконецъ, что Сѣверный океанъ вовсе не такъ негостепріименъ, какъ о немъ думали прежде. Экспедиціи же шведскаго ученаго Норденшёльда въ 1876 и 1877 годахъ блистательно доказали возможность правильно организованныхъ торговыхъ сношеній съ Сибирью черезъ Сѣверный океанъ. А это такъ важно и необходимо для Сибири, вообще, и Енисейской губерніи, въ частности, особенно же въ виду упадка золотопромышленности.

Золотопромышленность принесла Енисейскому краю и вредъ, и пользу. Золотой промыселъ въ округѣ начался въ 1839 году открытіемъ розсыпей двумя партіями: екатеринбургскими купцами Рязановыми и купцомъ Мясниковымъ. Начало открытія золота въ сѣверной системѣ послѣдовало въ 1840 и 1841 годахъ, въ долинахъ рѣкъ Калами, Вангаша и Енашимо. Вскорѣ затѣмъ были открыты и другія золотыя розсыпи; къ половинѣ сороковыхъ годовъ южный и сѣверный золотопромышленные округи приняли тотъ видъ и тѣ границы, въ которыхъ они находятся и понынѣ съ того времени; открытія новыхъ системъ золотыхъ розсыпей не было сдѣлано, и енисейская золотопромышленность держится нынѣ какъ бы въ заколдованномъ кругу прежнихъ открытій. Границы округовъ крайне неопредѣленны; единственно прочныя границы—это рѣки Енисей и Ангара съ одной стороны и рѣка Питъ, раздѣляющая оба округа—съ другой. Мѣстность, гдѣ расположены пріиски, очень гориста, покрыта густыми хвойными лѣсами, которые, однако же, вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ и порубокъ для разработки пріисковъ, нынѣ значительно порѣдѣли. Горные хребты, простирающіеся здѣсь во всевозможныхъ направленіяхъ, хотя и не высоки, но встрѣчаются между ними возвышенные пункты, достигающіе высоты 2,400 футовъ и болѣе надъ уровнемъ моря. Существуютъ также, несмотря на видимую неправильность горныхъ цѣпей, мѣстности, съ очевиднымъ характеромъ горныхъ узловъ, служащихъ водораздѣломъ главныхъ рѣчныхъ системъ. Преобладающая въ строеніи горъ порода—метаморфическіе сланцы. Между сланцами первенствующее мѣсто занимаетъ глинистый сланецъ, мѣстами чрезвычайно измѣненный, содержащій значительное количество слюды, а также кристаллы сѣрнаго колчедана, хіасталита, роговой обманки, полеваго шпата и кварца. Случается, что глинистый сланецъ совершенно переходитъ въ слюдяный, залегающій значительными толщами или въ перемежку съ глинистымъ сланцемъ. Кромѣ сланцевыхъ породъ, въ строеніе горъ входятъ граниты, гнейсы, красные и сѣрые песчаники и известняки. Въ розсыпяхъ, кромѣ того, сопутствуютъ золоту висмутъ, магнитный песокъ, титанистое желѣзо и вениса.

Долины, лежащія между высокими горами, въ которыхъ расположены золотыя розсыпи, не представляютъ собою обширныхъ бассейновъ; онѣ довольно узки, не болѣе ста саженей, многія изъ нихъ имѣютъ еще меньшую ширину и только рѣдкія изъ нихъ болѣе широки. Какъ долины, такъ и горы покрыты хвойными и лиственными лѣсами. Всѣ рѣки и рѣчки сѣвернаго и южнаго округовъ имѣютъ, большею частью, характеръ горныхъ потоковъ, съ чрезвычайно крутымъ паденіемъ, доходящимъ иногда до 70 саженей на версту; но въ большинствѣ случаевъ паденіе это на болѣе значительныхъ рѣкахъ не превышаетъ 5—10 саженей на версту. Во время весны или сильныхъ дождей, вода въ рѣчкахъ скоро прибываетъ, онѣ переполняются и выходятъ изъ береговъ, чѣмъ нерѣдко причиняютъ вредъ работамъ золотопромышленниковъ. За то въ засухи рѣки и рѣчки становятся маловодными; случается, что мѣстами совершенно прекращается промывка песковъ. Пріиски весьма разнообразны по условіямъ. Есть большіе пріиски и малые; одни такъ застроены, что походятъ на порядочный городокъ, другіе состоятъ изъ нѣсколькихъ построекъ. Въ однихъ глубокіе наносы («торфъ» по здѣшнему), уборка которыхъ требуетъ значительныхъ усилій чтобы добраться до золотосодержащаго слоя, часто весьма не толстаго; въ другихъ наносы не глубоки и золотоносный пластъ мощенъ. Среднею толщиною торфа можно считать $3^1/_2$ аршина, но попадаются розсыпи, гдѣ толща ихъ достигаетъ 12 аршинъ и болѣе; въ другихъ же мѣстахъ онъ залегаетъ неболѣе полуторыхъ и двухъ аршинъ. Также и толщина золотоносныхъ пластовъ бываетъ крайне разнообразна, отъ одного аршина и болѣе; въ среднемъ можно считать около трехъ аршинъ, но встрѣчаются пласты отъ 12 до 20 аршинъ толщиною. Ширина розсыпей, глядя по ширинѣ рѣчной долины, бываетъ крайне разнообразна, — отъ 40 до 50 саженей въ долинахъ средней величины и отъ 100 до 150 саж. въ долинахъ болѣе значительныхъ.

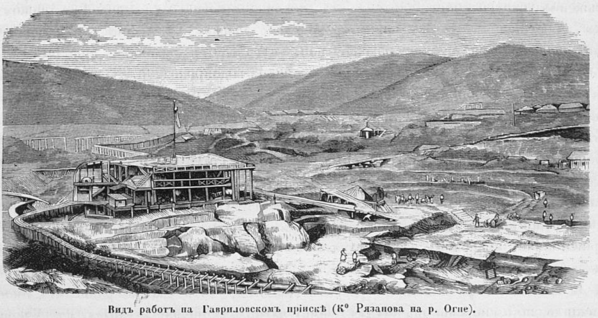
Промывка золота, въ первое время послѣ открытія пріисковъ, была крайне неудовлетворительна и способы ея несовершенны; но, съ теченіемъ времени, техника, въ этомъ отношеніи, сдѣлала громадные успѣхи; нынѣ промывка золотосодержащихъ песковъ не оставляетъ желать лучшаго. Прежде пески промывались ручнымъ способомъ. Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ появились мѣстнаго изобрѣтенія бочечныя машины, которыя и заняли господствующее мѣсто по своей несложности и возможности промыть на нихъ большое количество песковъ. Но не сразу и бочечная машина усовершенствовалась до нынѣшняго ея состоянія; для этого потребовался безъ малаго десятокъ лѣтъ, пока опытъ не научилъ, какъ надо вести дѣло. Тоже самое было и въ техникѣ разработки пріисковъ, которая у насъ доведена до возможнаго совершенства. Въ настоящее время хорошо устроенная бочечная машина промываетъ въ день отъ 35 до 40,000 пудовъ песковъ легкосвязныхъ и отъ 20 до 30,000 пудовъ средней связности; трудномывкія же розсыпи промываются на чашахъ, не прежняго образца, которыя могли промывать отъ 5 до 10,000 пудовъ, а на такихъ чашечныхъ машинахъ, которыя промываютъ отъ 20 до 25,000 пудовъ въ день. Добыча песковъ изъ розсыпей производится правильными разносами и уступами, гдѣ розсыпи залегаютъ мощнымъ слоемъ. Они производятся ручною работою посредствомъ ломанья и кайленья пласта желѣзными ломами и кайлами. Отколотый и раздробленный золотоносный пластъ накладывается желѣзными лопатами въ таратайки, вмѣстимостью отъ 40 до 50 пудовъ, и отвозится на золотопромывальню, устраиваемую, по возможности, вблизи самихъ работъ. Всѣ бочечныя машины строятся на одинъ манеръ. Желѣзная бочка, представляющая усѣченный конусъ, открытый съ обѣихъ сторонъ, дѣлается изъ толстыхъ листовъ кубоваго желѣза, въ которыхъ просверлены дыры въ шахматномъ порядкѣ; длина ея отъ 4 до $5^1/_2$ аршинъ. Бочка укрѣплена на толстой желѣзной оси, приводимой въ быстрое вращательное движеніе посредствомъ воды. Въ бочку пропущены кожаные рукава съ наконечниками изъ листоваго желѣза, изъ которыхъ бьетъ сильная струя воды, разрыхляющая и отмывающая глинисто-илистыя частицы песковъ. Пески, или частицы золотосодержащаго пласта, сваленные въ бочку, вращаются и раз-

дробляются внутри ея объ укрѣпленные тамъ желѣзные гребни, причемъ болѣе мелкія частицы песковъ проваливаются, вмѣстѣ съ крупинками золота, въ дыры, на длинную наклонную плоскость, называемую здѣсь шлюзомъ, который состоитъ изъ толстыхъ, прилегающихъ другъ къ другу деревянныхъ досокъ, съ укрѣпленными на нихъ,въ поперечномъ направленіи въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга деревянными брусками или плинтусами въ 2—3 вершка вышиною, за которыми и осаждается золото, а илъ и прочія частицы породъ, вмѣстѣ съ льющейся по наклонной плоскости равномѣрною струею водою, уносятся въ особые люки и вывозятся оттуда въ отвалы. Эти отбросы называются эфелями. Камни и глина, выбрасываемые изъ выпускнаго конца бочки, вслѣдствіе вращательнаго ея движенія, также отвозятся въ отвалы. Для улавливанія мельчайшихъ частицъ золота, въ концѣ наклонной плоскости стелютъ полосы грубаго сукна, рогожи или устраиваютъ желобки, наполненные ртутью. Вода на колесо и промывку проводится изъ рѣчки водопроводами. Одна бочечная машина стоитъ отъ 2,500 до 3,000 руб. На пріискахъ, гдѣ въ водѣ терпятъ недостатокъ, употребляютъ, какъ двигатель, конные приводы или локомобили.

Для разработки пріисковъ, рабочіе нанимаются въ Енисейской, Томской и даже въ Иркутской губерніяхъ; главный контингентъ ихъ состоитъ изъ мѣстныхъ ссыльныхъ поселенцевъ и крестьянъ. Встрѣчаются также рабочіе изъ Европейской Россіи и изъ Татаръ, но нынѣ ихъ стало далеко менѣе противъ прежняго. Заработки рабочихъ на пріискахъ нынѣ упали, такъ какъ и содержаніе золота стало бѣднѣе противъ прежняго; впрочемъ, введеніе позолотничной работы поставило заработокъ въ прямую зависимость отъ самихъ рабочихъ, а также и отъ содержанія золота въ розсыпи. Нынѣшній бытъ рабочихъ значительно лучше прежняго. Если гдѣ и случаются притѣсненія, то хозяева сами платятся за это тѣмъ, что рабочіе самовольно уходятъ съ промысловъ, бѣгутъ изъ тайги, — и никакая власть, никакіе контракты не въ силахъ бываютъ удержать ихъ. Тайга чрезвычайно обширна, а бѣглецу всюду лѣтомъ дорога; а въ деревняхъ же у крестьянъ, особенно по заимкамъ, работы много, и крестьянинъ радъ такому дешевому работнику, какъ пріисковый бѣглый. Рабочіе нанимаются частью на промыслахъ, частью въ своихъ волостяхъ, по выходѣ съ пріисковъ послѣ разсчета, который бываетъ между 10 и 20 сентября. На пріиски отправляются или сейчасъ послѣ найма, если въ томъ есть надобность, или къ 1 марта. При наймѣ берутся задатки отъ 40 до 50 иногда и болѣе рублей, причемъ большая часть задатка уходитъ на уплату податей, повинностей и другихъ платежей. Отправка на пріискъ рабочихъ также стоитъ немалыхъ хлопотъ и денегъ. Хотя ихъ положительно заново одѣнутъ и везутъ на подводахъ, договариваясь о числѣ дневокъ и выпивокъ, но это мало помогаетъ: рабочіе проматываютъ и пропиваютъ въ дорогѣ, нерѣдко, по нѣскольку разъ свою одежду и обувь и вновь одѣваются. За то на пріискахъ они ведутъ себя скромно и рѣдко подаютъ поводъ къ неудовольствію. Главная причина такого поведенія—отсутствіе на пріискѣ кабаковъ; но въ послѣднее время тайная продажа спирта и водки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и похищеніе золота замѣтно увеличились противъ прежняго, вслѣдствіе высокой цѣны золота и сравнительно невысокой позолотничной платы (отъ 1 р. 40 к. до 2 руб. за золотникъ). Рабочіе получаютъ на пріискахъ продовольствіе отъ хозяина. Хлѣба чернаго выдается въ день на человѣка отъ 3 до 4 фунтовъ и болѣе; лѣтомъ — квасъ, щи съ говядиной, (говядины до $1^1/_2$ фунтовъ на человѣка въ день); крупы ячной или гречневой отпускается въ мѣсяцъ отъ 8 до 10 фунтовъ, сала или масла коровьяго до $1^1/_2$ фунтовъ.

Кромѣ обычнаго довольствія, рабочіе получаютъ по большимъ праздникамъ или за экстренныя работы винную порцію, которую они очень цѣнятъ. Заработки ихъ зависятъ отъ ихъ выработки или отъ тѣхъ подрядныхъ работъ, на которыя они наняты. Мѣсячная плата колеблется отъ 18 до 30 руб. Рабочіе низшихъ категорій, почти всегда малосильные и малоспособные, получаютъ отъ 12 до 15 р. въ лѣтніе мѣсяцы. Рабочіе, нанимающіеся помѣсячно, получаютъ отъ 12 до 25 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Въ виду непродолжительности

лѣта, работы на пріискахъ производятся ежедневно, неисключая праздниковъ и воскресныхъ дней. Плата въ праздничные и воскресные дни полагается полуторная или даже двойная. Средній заработокъ рабочаго съ 10 марта по 10 сентября около 150 рублей. Но рабочіе выносятъ денегъ немного. Выданный задатокъ и пропой въ дорогѣ рѣдко обходятся менѣе 70 руб. Одежда, обувь, чай, сахаръ, табакъ и кое-какіе другіе товары, забираемые въ счетъ платы у хозяина, рѣдко обходятся менѣе 25 руб. должными. Въ концѣ концовъ, плохіе работники остаются должны хозяину; болѣе же аккуратные рабочіе выносятъ отъ 40 до 50 рублей, которые, однако, рѣдко доносятся домой и остаются у кабатчиковъ Мотыгин-

Видъ работъ на Гавриловскомъ пріискѣ (К° Рязанова на р. Огне).

скихъ, Рыбинскихъ, Усть-тунгузскихъ и Енисейскихъ. Только работающіе артелями приносятъ деньги домой, потому что или ввѣряютъ свои заработки артельнымъ старостамъ, ими самими выбраннымъ и, въ большинствѣ случаевъ, людямъ трезвымъ и честнымъ, или же получаютъ свои разсчеты не на пріискахъ, а изъ конторъ золотопромышленниковъ, проживающихъ въ Енисейскѣ и Красноярскѣ. Прежняго широкаго разгула, какой бывалъ когда-то на пріискахъ и въ резиденціяхъ, а также и по деревнямъ, въ которыя выходили изъ тайги рабочіе, нынѣ почти не существуетъ, какъ не существуетъ и тѣхъ громадныхъ заработковъ, какіе были раньше. Работы на пріискахъ начинаются рано, въ 4—5 часовъ утра; въ 12 часовъ дня обѣдъ и отдыхъ на два часа; въ 4 часа отдыхъ на полчаса, а въ 10 часовъ вечера рабочіе ужинаютъ, кончая работы въ 8, 9 или даже въ 10 часовъ вечера.

Промывка золота начинается рѣдко въ концѣ апрѣля, обыкновенно же въ началѣ мая и продолжается до 10 и даже до 20 сентября; позже этого рѣдко кто промываетъ золото. Говорятъ, что побѣги рабочихъ съ пріисковъ и нынѣ также значительны, какъ были прежде. Причины ихъ лежатъ не въ одномъ только дурномъ обращеніи съ рабочими пріисковыхъ управленій, нынѣ даже это явленіе довольно рѣдко встрѣчается. Главная причина побѣговъ — недостаточный заработокъ при трудныхъ работахъ.

Въ сѣверной системѣ, лучшими розсыпями, по богатству содержанія золота, нынѣ почти уже выработаннаго, считались до 70-ыхъ годовъ, долины рѣчекъ: Актолика, притока рѣки Вангаша, (системы Пита) и долина рѣчки Севагликона, притока рѣчки Калами, впадающій въ рѣку Енашимо. По долинѣ Актолика лежали богатѣйшіе пріиски Сибири: Константиновскій К° Зотовыхъ, Платоновскій К° Голубкова и небольшіе пріиски: Святотроицкій К° Соловьева, Ольгинскій К° Базилевскаго и Варваринскій Максимовича. Изъ розсыпей Актолика было добыто золота до 3,000 пудовъ, преимущественно на этихъ пяти пріискахъ. Въ долинѣ р. Вангаша золото промывалось съ успѣхомъ только ниже впаденія р. Актолика; здѣсь

расположены были довольно богатые пріиски: Успенскій К° Голубкова, Петропавловскій г. Асташева и Софійскій К° княгини Мадатовой. На всѣхъ этихъ пріискахъ добыто золота до 1,000 пудовъ. Розсыпи по долинѣ р. Вангаша залегаютъ очень широко (около 200 саженей). Долина рѣчки Севагликона, притока золотоносной р. Калами, также славилась своими богатыми розсыпями. Вообще, бассейнъ р. Енашимо составляетъ главное ядро золотоносности сѣверной системы. Всего по р. Севагликону было добыто золота до 4,000 пудовъ. На пріискахъ Каламинской долины количество добытаго золота составляетъ около 2,500 пудовъ.

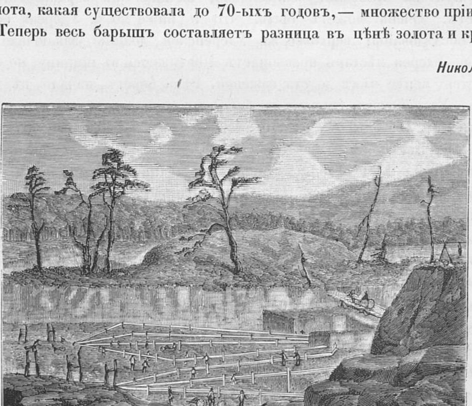
Долина р. Енашимо и ея притоковъ весьма разнообразна по составу своихъ розсыпей. По протяженію золотоносности долина эта самая обширная во всемъ Енисейскомъ округѣ. Длина ея простирается до 110 верстъ. Въ нее впадаетъ, особенно съ правой стороны, много значительныхъ золотоносныхъ рѣчекъ, изъ которыхъ, послѣ р. Калами, р. Огне самая богатая и замѣчательная. Розсыпи долины р. Енашимо чрезвычайно разрушисты, а потому и удобны для промывки, онѣ залегаютъ мѣстами на 200—250 саженей въ ширину. Съ пріисковъ Енашиминской долины и ея притоковъ, не считая Огне и Калами, добыто золота около 3,200 пудовъ, причемъ собственно въ Енашиминской долинѣ найдено около 2,000 пудовъ. Правый притокъ Енашимо, рѣчка Огне, протяженіемъ около 16 верстъ, замѣчательна мощнымъ золотосодержащимъ пластомъ въ нижней части долины, гдѣ золотосодержащіе пласты достигаютъ толщины 7 саженъ и болѣе. Изъ розсыпей на Огне добыто золота болѣе 1,600 пудовъ, изъ нихъ двѣ трети можно положить на одинъ Гавриловскій пріискъ. Всѣхъ пріисковъ въ сѣверной системѣ разработывалось въ разное время до 160; нѣкоторые изъ нихъ работались очень короткое время, но другіе, очень даже многіе, работались по 30—40 лѣтъ, да еще и теперь понемногу разрабатываются, хотя уже и крайне истощены.

Пріиски южной системы преимущественно расположены по долинѣ рѣкъ Удерея и Большой Мурожной; долины же рѣкъ Рыбной, Малой Мурожной, Татарской, Большой и Малой Пенченоги и лѣвыхъ притоковъ Большаго Пита неособенно значительны. Впрочемъ, въ послѣднее время золотопромышленность стала развиваться въ долинѣ р. Рыбной. Долина р. Удерея, притока Каменки, золотоносна, начиная съ верховьевъ, на протяженіи слишкомъ 50 верстъ. Очень можетъ быть, что и ниже по р. Удерею есть розсыпи, но низовья ея плохо обслѣдованы; верховье же Удерейской долины заключало очень богатыя розсыпи. Долина р. Удерея мѣстами превышаетъ 400 саженей въ ширину, но случается также, что она съуживается менѣе чѣмъ до ста саженей. Рѣка беретъ начало въ довольно низменномъ центральномъ Удерейскомъ горномъ хребтѣ (откуда выходятъ всѣ главныя золотоносныя рѣчки южной системы). Насколько верховье ея отличалось богатствомъ содержанія розсыпей, можно заключить изъ слѣдующихъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, на пріискѣ Успенскомъ К° Рязановыхъ золота было добыто болѣе 500 пудовъ; на прочихъ же пріискахъ верховья Удерея золота добыто около 800 пудовъ. Изъ болѣе замѣчательныхъ по своей золотоносности рѣчекъ въ Удерей впадаютъ съ правой стороны: рѣчки Шаулканъ и Шаарганъ, съ лѣва — Большой Пескинъ, Мамонъ и Ишимба. Прочія рѣчки, впадающія въ Удерей, хотя и разрабатывались не безъ успѣха, но не представляютъ такой важности какъ только-что названныя. Изъ розсыпей долины Шаулкана добыто золота до 500 пудовъ; изъ розсыпей Шааргана—до 1,300 пудовъ. По р. Большому Пескину, гдѣ главнымъ былъ пріискъ Спасскій К° Мясникова, золота добыто до 1,200 пудовъ. Въ долинѣ рр. Мамона и Ишимбы золотоносныя розсыпи были неособенно богаты содержаніемъ; всего на все здѣсь добыто золота около 700 пудовъ. По прочимъ притокамъ Удерея, а также изъ розсыпей средней ея части добыто золота около 500 пудовъ. Въ общей сложности, долина рѣки Удерея дала около 4,700 пудовъ золота и можетъ считаться годною и къ дальнѣйшей разработкѣ, потому что какъ главная долина, такъ и многія побочныя ея долины заключаютъ въ себѣ розсыпи, хотя и съ посредственнымъ содержаніемъ золота, но все же достаточнымъ для того, чтобы производить разработку ихъ.

Розсыпи весьма разнохарактерны въ отношеніи ихъ обработки. Въ верховьяхъ долины онѣ тяжеломывки и связны, такія же встрѣчаются и по нѣкоторымъ притокамъ; въ средней части долины и по ея притокамъ розсыпи болѣе легки для обработки. Ширина залеганія розсыпей весьма различна; въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ уже 30 саженей; мѣстами же залегаютъ на 60, 100 и болѣе саженей. Золотосодержащіе пласты нигдѣ не достигаютъ значительной толщины, и за среднее можно принять толщину до 3 аршинъ. Толщина слоя пустыхъ породъ также различна. Мѣстами этотъ слой не достигаетъ и полуторыхъ аршинъ, чаще же онъ имѣетъ въ толщину 4 — 5 аршинъ. Долина рѣки Большой Мурожной хотя и простирается болѣе чѣмъ на сто верстъ, но золотоносность обнаружена только въ верхней ея части и занимаетъ не болѣе 25-ти верстъ въ длину; ниже, розсыпи становятся крайне убогими и маловыгодными. Богатыя розсыпи по р. Мурожной лежали, начиная съ верховьевъ ея до устья рѣчки Талой. Здѣсь находились извѣстные своими самородками Крестовоздвиженскій и Владимірскій пріиски купца Щеголева, а также и пріиски Прокофьевскій и Казанскій г. Асташева; другая же часть Казанскаго пріиска расположена уже въ долинѣ р. Талой и знаменита своимъ чрезвычайно толстымъ слоемъ золотосодержащаго пласта, достигающаго 20 и болѣе аршинъ глубины. На пріискахъ Щеголева было добыто золота до 700 пудовъ, на пріискахъ Асташева—до 1,000 пудовъ. На всѣхъ остальныхъ пріискахъ долины р. Мурожной и ея притоковъ золота добыто около 900 пудовъ. Значитъ, долина этой рѣки дала золота до 2,600 пудовъ. Прочія долины южной системы имѣли розсыпи довольно посредственнаго содержанія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ долинъ небольшихъ рѣчекъ.

Со всѣхъ пріисковъ южной системы добыто золота около 8,000 пудовъ. Такимъ образомъ, золотопромышленность Енисейскаго округа доставила, въ теченіе 40 лѣтъ, до 24,250 пуд. золота. Стоимость добытаго металла составляетъ около 362.750,000 руб. сер. Въ настоящее время золотопромышленность находится въ крайнемъ упадкѣ. Новыхъ открытій нѣтъ; прежніе богатые пріиски выработаны; дороговизна на всѣ предметы потребленія заставляетъ бросать посредственныя розсыпи. Еслибы не высокій лажъ на золото, то не было бы вовсе разсчета разрабатывать и половину нынѣ разрабатываемыхъ пріисковъ. Рѣдкій пріискъ въ состояніи окупить свои расходы. Будь прежняя стоимость золота, какая существовала до 70-ыхъ годовъ,— множество пріисковъ закрылись бы сами собою. Теперь весь барышъ составляетъ разница въ цѣнѣ золота и кредитнаго билета.

Николай Латкинъ.

Разрѣзъ и промывка золота на Успенскомъ пріискѣ К°. Латкина.

ОЧЕРКЪ IV.

ТУРУХАНСКІЙ КРАЙ.

Орографія, климатъ, почва и произведенія Туруханскаго края. — Исторія и образъ жизни населенія этой мѣстности. — Промыслы и торговля.

Безплодна наша сторона,
А та — еще бѣднѣй,
Короче нашей тамъ весна,
Зима — еще длиннѣй.

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Пароходство близъ Туруханска.

Сѣверная часть Енисейской губерніи, къ сѣверу отъ рѣки Подкаменной Тунгузски, праваго притока рѣки Енисея, называется Туруханскимъ краемъ, который простирается до Ледовитаго моря и составляетъ самую Сѣверную оконечность азіятскаго материка. Площадь этого края составляетъ около 29,885 кв. миль, на которыхъ разбросано не болѣе 7,500 душъ обоего пола, такъ что одинъ житель приходится на 4 кв. мили. Край этотъ получилъ свое названіе отъ рѣки Турухана, близъ устья котораго стоитъ и единственный въ этомъ захолустнѣйшемъ изъ захолустьевъ городокъ Туруханскъ. Восточная часть округа весьма гориста; западная же его часть представляетъ обширную равнину, со склономъ на сѣверъ и съ незначительными скатами къ востоку и западу.

Отъ верховьевъ рѣки Таза мѣстность возвышается довольно замѣтнымъ образомъ, образуя плоскую возвышенность. Въ юго-восточномъ углу края возвышенности достигаютъ до 2400 футовъ надъ уровнемъ моря и мѣстность имѣетъ весьма гористый характеръ. Изъ юго-восточнаго угла Туруханскаго края беретъ начало такъ называемый Таймурскій горный кряжъ, простирающійся на сѣверо-западъ и сѣверъ. Подъ 66° сѣверной широты кряжъ этотъ развѣтляется на нѣсколько мелкихъ горныхъ цѣпей, въ глубокихъ балкахъ и котловинахъ которыхъ лежитъ нѣсколько значительныхъ озеръ, дающихъ начало многимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, текущимъ въ разныя стороны; такъ что здѣсь, можно сказать, образовался водораздѣлъ. Въ восточной же половинѣ края, отъ вершинъ рѣкъ Сухой Тунгузки и Малой Бахты, параллельно первому хребту, тянется горный кряжъ Большой Камень, въ направленіи къ сѣверо-западу и

сѣверу. Кряжъ этотъ каменистъ и образуетъ за предѣлами лѣсовъ каменистыя сопки, гольцы, съ крутыми склонами, что даетъ этому хребту рѣзкія очертанія.

Геогностическій составъ горъ Туруханскаго края мало извѣстенъ. Минеральныя богатства края лежатъ нетронутыми. Есть однако серьезные поводы думать, что ими онъ изобилуетъ въ значительной степени. Однѣ только громадныя залежи графита, по рѣкамъ Нижней Тунгузкѣ и Курейкѣ, составляютъ огромную цѣнность. Каменное масло и квасцы найдены по рѣкамъ Сѣверной и Курейкѣ; азбестъ, слюда и гипсъ встрѣчаются на р. Нижней Тунгузкѣ; каменная соль въ большомъ количествѣ и хорошаго качества составляетъ цѣлую сопку близь устья Анабары. Длина этой сопки до 8 верстъ, ширина около версты; съ нея течетъ соляной ключъ. Тутъ-же встрѣчается и самородная сѣра. Соляные ключи имѣются еще на рѣкѣ Сѣверной и по берегамъ Нижней Тунгузки. Желѣзныя руды, также какъ и мѣдныя, находятся въ изобиліи; въ неменьшемъ же изобиліи обнаружены залежи каменнаго угля по рѣкамъ Дудинкѣ и Нижней Тунгузкѣ. Несомнѣнные признаки золота обнаружены по притокамъ рѣки Подкаменной Тунгузки. Сердолики, халцедоны, точильный и жерновой камни встрѣчаются также въ немаломъ количествѣ. Но все это ждетъ рабочихъ рукъ, значительныхъ капиталовъ и удобныхъ путей сообщенія.

Западная и частію сѣверная половины Туруханскаго края имѣютъ равнинный характеръ. Къ числу обширнѣйшихъ равнинъ слѣдуетъ причислить пространство между 63° с. ш. и моремъ, гдѣ имѣются лишь небольшіе холмы и бугры. Здѣсь замѣчательна Большая Низовая тундра. Тундра эта имѣетъ характеръ плоскости, слегка взволнованной, покрытой мелкими озерами и усѣянной глыбами камней. Такой же почти характеръ имѣетъ и тундра между р. Енисеемъ и Бѣлымъ Камнемъ, отъ Семянинскаго станка вплоть до моря; въ ширину она достигаетъ 200 верстъ. Въ зимнее время тундры эти имѣютъ крайне печальный видъ, да и лѣтомъ, по недостатку растительности, видъ тундры неособенно пріятенъ.

Почва въ южныхъ частяхъ края (до 64° с. ш.) состоитъ отчасти изъ черноземнаго слоя, толщиною около фута. Далѣе къ сѣверу почва состоитъ изъ мергелей, смѣшанныхъ съ пескомъ и иломъ, или изъ щебня, глины и песка, смѣшанныхъ съ иломъ и торфомъ. Подъ 65° с. ш. земля оттаиваетъ не болѣе какъ на полтора аршина; далѣе къ сѣверу, земля оттаиваетъ за лѣто еще менѣе; начиная съ 69° 5′ с. ш., оттаивающее количество не превышаетъ 6 вершковъ, особенно же въ тундрахъ, гдѣ почва состоитъ изъ буроватой глины или изъ иловатаго песка и торфа, достигающаго иногда до трехъ аршинъ глубины. Подъ нею залегаютъ мѣстами ледяные пласты отъ 3 до 8 футовъ толщины и болѣе.

Главная водная артерія Туруханскаго края—рѣка Енисей. Встрѣтивъ преграду своему теченію близь границы Туруханскаго края, въ горномъ хребтѣ, простирающемся съ востока на западъ, Енисей образуетъ широкій бассейнъ (до 45 верстъ), обильный островами (до 77 острововъ). Изъ острововъ замѣчателенъ по величинѣ Анбезовъ, имѣющій 25 верстъ длины и 11 ширины; на немъ деревня Ворогово; онъ покрытъ хорошаго качества строевымъ лѣсомъ и лугами; прочіе острова также имѣютъ хорошіе покосы. Противъ устья Нижней Тунгузки находится островъ Монастырскій, на которомъ прекрасные покосы. По лѣвому же берегу рѣки, на протяженіи четырехъ верстъ, тянутся богатые рыболовные пески, принадлежащіе Троицкому монастырю и отчасти крестьянамъ. Далѣе внизъ по рѣкѣ лежитъ Большой островъ, имѣющій до 26 верстъ длины, который отъ лѣваго берега рѣки отдѣляется протокомъ Большой Шаръ. Енисей въ предѣлахъ Туруханскаго края тянется на 1720 верстъ. Очищеніе рѣки отъ льда продолжается болѣе двухъ недѣль, причемъ нерѣдко случаются ледяные заторы. Во время заторовъ, а также во время прорыва ихъ напоромъ воды, въ массѣ несущагося льда погибаетъ иногда значительное количество рыбы. Заторы производятъ также значительный подъемъ воды въ рѣкѣ, достигающій нерѣдко 10—12 саженей. Весенній разливъ водъ непродолжителенъ, не болѣе двухъ недѣль; въ это время рѣка

несетъ множество лѣса, который частію уплываетъ въ море, частію прибивается къ берегамъ, преимущественно къ лѣвому, гдѣ образуются цѣлыя толщи лѣса. Къ іюлю рѣка приходитъ въ норму. Ниже Дудинскаго Енисей имѣетъ видъ озера; при сильныхъ морскихъ вѣтрахъ рѣчная вода движется обратно, причемъ морская вода поднимается на 70 верстъ вверхъ по рѣкѣ, чрезъ что прибыль воды въ рѣкѣ оказывается довольно значительною. Сѣверные и сѣверо-западные вѣтры производятъ въ рѣкѣ сильное волненіе. Судоходство по Енисею продолжается отъ 125 до 180 дней. Бичевникъ по Енисею идетъ по правому берегу и только въ двухъ мѣстахъ переходитъ на лѣвый берегъ. Главнѣйшіе притоки Енисея — Бахта, Нижняя Тун-

Берега Енисея, изборожденные льдомъ.

гузка и Курейка, впадающія справа, съ лѣвой же стороны наиболѣе важные притоки — Елогуй и Туруханъ.

Сѣверное побережье Туруханскаго края занимаетъ часть берега Карскаго моря, именно: Енисейскій заливъ, берегъ Ледовитаго океана, омывающаго оба Таймурскихъ полуострова — западный и восточный, и побережье океана до р. Анабары. Наши карты этихъ береговъ совершенно невѣрны, какъ это доказано теперь изслѣдованіями профессора Норденшёльда, во время плаванія его на пароходѣ Вега. По его описанію, сѣверное побережье Туруханскаго края представляется въ иномъ видѣ: все оно отодвинуто далеко на западъ; самая конфигурація береговъ также иная. Такъ, напримѣръ, Хатангскій заливъ, по Норденшёльду лежитъ на 4° западнѣе по долготѣ, но въ тѣхъ же, однако градусахъ широты. Изслѣдователь этой окраины, академикъ Миддендорфъ, какъ равно и позднѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что она была въ древности дномъ моря, чему есть много доказательствъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь находятся раковины животныхъ, обитающихъ въ Сѣверномъ океанѣ, вывѣтрившійся плавникъ, занесенный иломъ, залегающій въ береговыхъ возвышенностяхъ на 25 саженей выше нынѣшняго уровня моря. Вообще, почва прибрежья, какъ и острововъ состоитъ изъ песка съ иломъ съ прослойками льда. Восточный Таймурскій полуостровъ далеко вдается въ

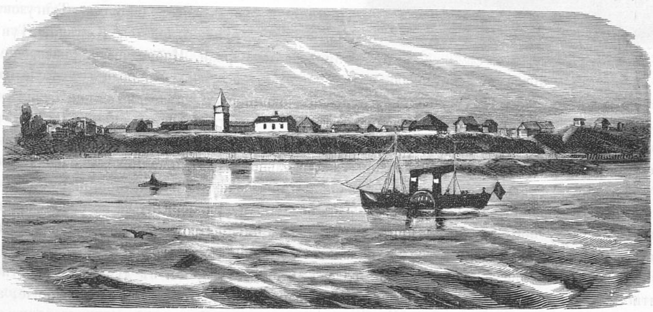
океанъ и заканчивается подъ 77° 40′ с. ш. мысомъ Челюскинъ. По обѣ стороны этого полуострова находятся заливы Таймурскій и Ѳаддѣевъ.

Туруханскій край большею частью расположенъ за полярнымъ кругомъ и имѣетъ общій скатъ къ океану; незащищенный отъ сѣверныхъ вѣтровъ, онъ имѣетъ климатъ суровый и перемѣнчивый. Послѣдній заморозокъ весной бываетъ 31 мая, а первый осенній — 30 іюля; совершенно теплыхъ дней насчитывается въ году не болѣе 62. Заимствуемъ у г. Третьякова, составившаго очень интересное описаніе Туруханскаго края, слѣдующую характеристику этой мѣстности:

«Первая половина апрѣля отличается ясною погодою; бываютъ дни, когда на солнцѣ +14°. по Р. Изъ птицъ первыми прилетаютъ снигири, за ними орлы. Во второй половинѣ апрѣля, при сильныхъ южныхъ и восточныхъ вѣтрахъ, дождь нерѣдко смѣняется сильнѣйшею пургою; за то въ ясные, тихіе дни въ полдень бываетъ до+16°. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля начинается прилетъ гусей. Интересно видѣть, съ какою радостью встрѣчается въ Туруханскѣ появленіе каждой новой птицы или весенней воды. Окончательное разрушеніе ледянаго покрова происходитъ только во второй половинѣ мая... Едвали гдѣ на другихъ точкахъ земнаго шара привѣтствуется весеннее солнце съ такою радостью, какъ на крайнемъ сѣверѣ, и въ тоже время Туруханскій житель замѣчаетъ совершенное отсутствіе ночи. Въ Туруханскѣ даже сѣрая, покачнувшаяся колокольня, можно сказать, оживаетъ, окруженная тысячами щебечущихъ стрижей. Съ наступленіемъ іюня яркая зелень выбивается повсюду, одѣвается лѣсъ и сбываютъ вешнія воды. Тотчасъ же начинаютъ садить въ огородахъ рѣпу, рѣдьку, картофель и свеклу. Земля оттаиваетъ на три четверти аршина и, не смотря на близость мерзлой почвы, овощи родятся порядочно. Въ половинѣ іюня дневной жаръ достигаетъ на солнцѣ до 28° и болѣе по Реомюру. Появляются миріады комаровъ, мухъ и мошекъ. Погода стоитъ преимущественно тихая и ясная; мимолетныя ночи, похожія на утро, тихи и невыразимо-прекрасны. Между тѣмъ, въ это время, подъ 71° с. ш. и далѣе нѣтъ еще и признаковъ настоящаго тепла, хотя солнце тамъ не сходитъ съ горизонта, начиная съ мая до половины іюня. Во второй половинѣ мая, съ появленіемъ гусей, наступаетъ переломъ зимы, начинаются тѣ же атмосферическія явленія что и въ Туруханскѣ во второй половинѣ апрѣля, съ тою разницею, что здѣсь дующіе въ это время вѣтры приносятъ снѣгъ и лишь изрѣдка дождь. Такая погода, при постоянной сырости воздуха, продолжается до іюня. Въ первой половинѣ іюня, когда гуси и лебеди садятся на гнѣзда, рѣки начинаютъ вскрываться, а въ гористыхъ мѣстахъ, на пригрѣвахъ, появляется тощая зелень. По мѣрѣ приближенія къ морю, грозы въ теченіе лѣта случаются весьма рѣдко, зато росы въ теплые дни іюля бываютъ обильны... Земля оттаиваетъ на аршинъ и болѣе, и во второй половинѣ іюня изъ-подъ тающаго снѣга показываются первыя листья растеній. Въ началѣ іюля онѣ цвѣтутъ, а въ концѣ іюля травы достигаютъ до аршина и болѣе въ вышину, и въ это же время дозрѣваютъ нѣкоторыя ягоды, — морошка, голубика, черника, брусника, а равно и сѣмена въ шишкахъ лиственницы и ольхи. Не смотря на теплую погоду, лѣтомъ бываетъ иногда, что при сѣверо-западныхъ вѣтрахъ подымаются снѣжныя мятели. Такъ, въ 1850 г., въ іюлѣ снѣжная пурга продолжалась четыре дня съ легкимъ морозомъ; въ 1857 году, въ іюлѣ же при сѣверномъ вѣтрѣ, снѣжная пурга продолжалась трое сутокъ, и снѣгу навалило на полъ аршина. Оба случая сопровождались гибелью множества птицъ. Зима въ тундрахъ начинается иногда въ концѣ августа или въ первыхъ числахъ сентября. Въ Туруханскѣ же и южнѣе іюль принадлежитъ къ чрезвычайно жаркимъ мѣсяцамъ; нерѣдко жаръ на солнцѣ достигаетъ 32° и даже 40° по Реомюру. Грозы, хотя и не продолжительны, но бываютъ нерѣдко; градъ выпадаетъ лишь изрѣдка. Въ Туруханскѣ и окрестностяхъ, а также и въ южной части округа травы на покосахъ достигаютъ до 2 или 2½ аршинъ высоты. Съ появленіемъ въ концѣ іюля утренниковъ, могучее развитіе природы сдерживается. Въ это время поспѣваютъ княженика, смородина, черника, голубика, морошка,

клюква и даже малина. Въ августѣ погода стоитъ болѣе пасмурная, вѣтряная и перемѣнная. Отъ выпадающихъ дождей, воздухъ пропитывается сыростью; древесный листъ и трава желтѣютъ; птицы уже въ началѣ августа начинаютъ свой отлетъ; въ концѣ августа окончательно отлетаютъ всѣ прочія птицы, кромѣ лебедей, которые отлетаютъ съ первыми сентябрскими морозами. Къ концу сентября морозы усиливаются; рѣка Туруханъ покрывается льдомъ; съ сѣвера прилетаютъ куропатки, а съ ними и снѣжныя вьюги, и начинается восьмимѣсячная суровая зима».

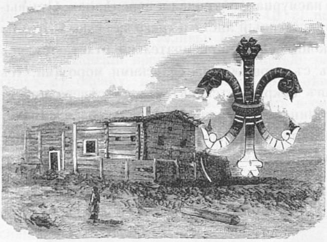
Съ половины ноября и до половины января бываютъ снѣжные бураны, пурга и обильное выпаденіе снѣга. Пурга свойственна только сѣвернымъ странамъ. Это какой-то хаосъ, происхо-

Туруханскъ.

дящій отъ крутящагося и обращеннаго въ пыль снѣга, застилающаго глаза, захватывающаго дыханіе, проникающаго во всѣ мельчайшія скважины платья, сбивающаго съ ногъ какъ человѣка, такъ и животныхъ, которыя ищутъ спасенія, гдѣ только могутъ. Пурга длится иногда недѣлю и болѣе. Когда проглянетъ просвѣтъ, глазамъ открывается густо-синее небо, съ миріадами звѣздъ и ярко свѣтящеюся луною или озаренное великолѣпнымъ сѣвернымъ сіяніемъ, принимающимъ различныя формы то лучезарныхъ колоннадъ, то огненныхъ клубовъ или свѣтлыхъ полосъ. Сѣверное сіяніе при тихой, ясной погодѣ продолжается всю ночь; иногда же оно моментально прекращается. Съ половины января по мартъ, а иногда и въ мартѣ, стоитъ, обыкновенно, ясная и тихая погода, при умѣренныхъ сѣверныхъ и южныхъ вѣтрахъ. Растительность края, не смотря на суровость климата, вовсе не бѣдна, особенно къ югу отъ Туруханска. Предѣльная линія лѣсной растительности начинается у р. Анабары подъ 71° с. ш. Кромѣ хвойнаго лѣса растетъ еще береза, вырождающаяся на дальнемъ сѣверѣ въ березовую сланку. Въ изобиліи растутъ также ольха, осина, бѣлый талъ, ива, ракитникъ.

Здѣсь водятся бѣлые медвѣди, но только по прибрежью Ледовитаго океана, черные и бурые медвѣди, россомахи, волки, лисицы, песцы голубые и обыкновенные, выдры, сохатые, олени, горные бараны, колонки, горностаи, ластки, бѣлки, зайцы, бурундуки, разнаго рода мыши и крысы. Домашнихъ животныхъ составляютъ собаки, кошки и въ незначительномъ количествѣ домашній скотъ и лошади. Изъ морскихъ животныхъ здѣсь много нерпъ, морскихъ котовъ, моржей и бѣлухъ. Птицами, исключительно перелетными, страна эта также обильна. Особенно же богатъ этотъ край рыбами рѣчными и морскими, составляющими не только главную статью пропитанія, но и главный предметъ отпускной торговли.

Послѣднее жилище по Енисею

Жители Туруханскаго края состоятъ изъ аборигеновъ, тамошнихъ инородцевъ, и пришельцевъ, Русскихъ переселенцевъ. Проживающихъ здѣсь инородцевъ слѣдуетъ раздѣлить, по образу ихъ жизни, на осѣдлыхъ, кочующихъ и бродячихъ. Къ первымъ принадлежатъ Якуты, ко вторымъ – Анабарскіе Якуты, Долгане и часть Безъоленныхъ Тунгузовъ; къ третьей категоріи относятся Остяки, Тунгузы, Самоѣды и Юраки. Инородческое населеніе живетъ на особыхъ правахъ, составляя отдѣльный слой населенія. Инородцы пользуются безусловною свободою совѣсти, не несутъ воинской повинности, управляются по своимъ родовымъ обычаямъ и могутъ свободно записываться въ крестьяне или мѣщане. Всякое племя дѣлится на роды; во главѣ каждаго рода стоитъ какой-нибудь смышленый промышленникъ или состоятельный человѣкъ. При каждомъ значительномъ родѣ или при нѣсколькихъ родахъ одного племени существуютъ управы, во главѣ которыхъ поставлены старшины. Глава семьи у инородцевъ въ полномъ смыслѣ домовладыка; онъ можетъ распорядиться по своему произволу всѣмъ, что есть у него въ домѣ, притомъ не только имуществомъ, но и женою, дѣтьми и своими слугами. Земли и прочія угодья находятся въ общемъ пользованіи. По оффиціальному счету, инородческое населеніе края составляетъ 6,600 душъ, но въ дѣйствительности ихъ, вѣроятно, больше. Инородческое населеніе не убываетъ, какъ это утверждаютъ многіе, а безспорно увеличивается. Инородцы размѣщены неравномѣрно. Большая часть ихъ родовъ (особенно же Юраки, Долгане, Самоѣды и Якуты) живутъ на сѣверъ отъ Туруханска; Остяки же и Тунгузы обитаютъ въ южной и въ сѣверной частяхъ края.

Юрацкое племя сродственно самоѣдскому, представляетъ какъ-бы его разновидность. Оно безспорно самоѣдскаго происхожденія, что доказывается языкомъ и обычаями; но физически Юраки много разнятся отъ Самоѣдовъ. Юракъ ниже средняго роста, сложенъ хорошо; Самоѣды же рослы. У обоихъ этихъ племенъ глаза преимущественно черные, лицо округлое, носъ прямой, скулы выдаются умѣренно; уши у Самоѣдовъ большія. Юрачки красивѣе, мужчинъ; Самоѣдки же, напротивъ, некрасивы. Волосы Юраки носятъ (какъ мужчины, такъ и женщины) почти одинаково, заплетая ихъ въ двѣ косы, которыя убираются пуговицами, ремешками и т. под.; нѣкоторые изъ Юраковъ стригутъ волосы, подобно Татарамъ. Юрачки украшаютъ пальцы кольцами, уши серьгами, на шеѣ носятъ ожерелья, вообще, любятъ пофрантить. Самоѣды и Самоѣдки имѣютъ одинаковую одежду; украшенія ихъ тѣ же, что и у Юраковъ. Юрачки одѣваются опрятнѣе, щеголеватѣе, по сравненію съ Самоѣдками. На головѣ онѣ носятъ шапку, спитую изъ разноцвѣтнаго сукна и опушенную лисьимъ или собачьимъ мѣхомъ. Исподнее платье, въ родѣ штановъ, шьется изъ равдуги и носится на помочахъ; на ногахъ сотуры съ прошвами, придерживаемыя поясомъ, вышитымъ бисеромъ, за которымъ носятъ ножикъ, трубку и прочія вещи. На груди у нихъ мѣдныя бляхи съ колечками и пуговками.

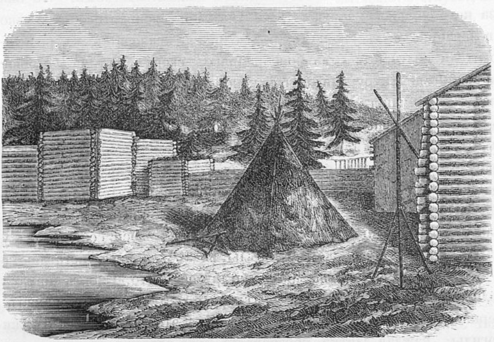
Въ умственномъ и нравственномъ отношеніи Самоѣды и Юраки довольно схожи. Первые, однако, нѣсколько бойчѣе, толковѣе, скупѣе и менѣе гостепріимны. Юраки же скромнѣе, добродушнѣе. Какъ тѣ, такъ и другіе тверды характеромъ, выносливы, честно держатъ свое слово и суевѣрны до чрезвычайности; въ обращеніи между собою вѣжливы. Домашній бытъ Юраковъ выгодно отличается отъ другихъ. Въ семьяхъ ихъ почти не бываетъ ссоръ: мужъ только тогда покидаетъ свою жену, когда она не родитъ ему дѣтей; въ такомъ случаѣ

жена уходитъ къ своимъ родителямъ, а мужъ женится на другой. Имена при рожденіи дѣтей даются всегда такъ, чтобы не было болѣе двухъ одноименныхъ въ родѣ; называютъ по первому попавшемуся на глаза предмету. Встрѣчаются, напримѣръ, имена: «мышь», «кротъ», «орелъ», «рыба», «муксунъ», «олень», «счастливый», «храбрый» и т. д. Женщина находится болѣе или менѣе въ порабощеніи, и многое ей воспрещается обычаемъ. Такъ, ей воспрещается ѣсть оленью голову, входить первой въ только-что поставленный чумъ, переходить дорогу во время переѣзда. Дѣвушки выходятъ замужъ даже 13 лѣтъ. За невѣсту платится отцу ея калымъ оленями. Если новобрачная ложится въ постель не совершенно раздѣтая, какъ требуетъ обычай, а, напротивъ, вполнѣ одѣтая, то это служитъ доказательствомъ, что она не хочетъ быть женою того, за кого ее выдали замужъ. Въ случаѣ повторенія этого нѣсколько разъ къ ряду, новобрачному возвращаютъ его калымъ, и дѣвушка отправляется къ родителямъ. За цѣломудріе дочери родители получаютъ отъ новобрачнаго, сверхъ калыма, особые подарки, а новобрачная получаетъ лисью шкуру или другой какой мѣхъ. Впрочемъ, нынѣ на цѣломудріе невѣсты мало обращаютъ вниманія. У Юраковъ многоженство встрѣчается рѣдко; у зажиточныхъ же Самоѣдовъ — довольно часто: есть такіе, которые имѣютъ по три-четыре жены, и всѣ онѣ живутъ въ одномъ чумѣ. Старшая жена наиболѣе уважается и даже имѣетъ право давать совѣты мужу. По смерти старшаго брата, на вдовѣ его обязательно жениться младшему брату. Вообще, Самоѣды не стѣсняются родствомъ и женятся на родныхъ сестрахъ жены или близкихъ ей родственницахъ.

Хотя у Самоѣдовъ нѣтъ такого страха, при видѣ умершаго сочлена своей семьи, какъ у Юраковъ, которые очень боятся умершихъ, однако же и Самоѣды, послѣ похоронъ, оставляютъ мѣсто стоянки, гдѣ умеръ ихъ соотчичъ и перекочевываютъ на другое мѣсто. Смерть шамана приводитъ Юраковъ еще въ большій ужасъ. Въ этомъ случаѣ призывается другой шаманъ, чтобы предохранить отъ умершаго новую стоянку Юраковъ. Для этого дѣлаются засѣки на деревьяхъ, начиная отъ могилы; каждая засѣка обозначаетъ духа-охранителя пути; при этомъ шаманъ неистово колотитъ въ бубенъ. Самоѣды и Юраки обмываютъ покойниковъ и хоронятъ ихъ въ лѣсу, въ срубѣ или шалашѣ, вынося не въ дверь чума, а разобравъ послѣдній въ томъ мѣстѣ, куда головою лежалъ умершій, чтобы онъ не вернулся и не увелъ съ собою еще кого-нибудь изъ живыхъ. Умершаго одѣваютъ въ лучшую одежду. Женщины припасаютъ для себя такую одежду еще при жизни. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ необходимыя вещи, какъ-бы для живаго; хоронятъ головою на западъ. Оленей, на которыхъ привозятъ покойника, убиваютъ тутъ-же обухомъ топора или дубиной. Нарту надламываютъ и оборачиваютъ вверхъ полозьями; въ землю втыкаютъ длинный шестъ, привязавъ къ нему колокольчикъ или красный лоскутъ. Участвующіе въ похоронахъ окуриваются. Имя умершаго въ разговорахъ никогда не упоминается; про него говорятъ обинякомъ. Могилу покойника посѣщаютъ въ первую и во вторую годовщину его смерти, затѣмъ о немъ совершенно забываютъ. Юраки же избѣгаютъ даже и этихъ посѣщеній изъ-за суевѣрнаго страха. Какъ Юраки, такъ и Самоѣды—шаманисты. Христіанство плохо прививается, да и крещеные — христіане только по имени и придерживаются прежнихъ своихъ языческихъ вѣрованій. У Юраковъ и Самоѣдовъ есть свои пѣсни и легенды о богатыряхъ и богатыркахъ; напѣвы ихъ дики и крайне-однообразны. Они имѣютъ понятіе о высшемъ, мудромъ творцѣ вселенной, но существо это такъ высоко и величественно, что къ нему нельзя даже обращаться съ моленіями; поэтому между нимъ и людьми стоятъ низшія божества и шаманы или жрецы, они же и доктора, и колдуны; только черезъ нихъ можно приносить жертвы и моленія къ этимъ второстепеннымъ богамъ. Шамановъ боятся, но не особенно любятъ и уважаютъ ихъ.

Долгане и Якуты кочуютъ почти совмѣстно. Языкъ, обычаи, равно какъ и одежда у нихъ одинаковы. Но въ происхожденіи того и другаго племени есть разница: первые— монгольскаго происхожденія, вторые—манджурскаго. Якуты средняго роста, крѣпки и бойки;

женщины ихъ имѣютъ выразительныя лица и большіе черные глаза. Долгане имѣютъ болѣе тунгузскій, чѣмъ якутскій типъ. Лицо продолговатое, лобъ довольно высокій; выраженіе лица серьезное, умное и добродушное. Между женщинами встрѣчаются миловидныя лица; дѣвушки долганскія славятся красотой и пылкостью характера. Мужчины и женщины заплетаютъ волосы въ косы и надѣваютъ наличникъ изъ бисера. Верхнее платье похоже на русскую поддевку; подолъ его убирается разноцвѣтнымъ сукномъ, вмѣстѣ съ бисеромъ, а по краямъ оторачивается мѣховою опушкою. Спереди, отъ шеи до колѣнъ, оба пола носятъ нагрудникъ изъ разноцвѣтнаго сукна и надѣваютъ еще бисерный поясъ. Исподнее платье состоитъ изъ радужной рубахи и короткихъ штановъ. Зимою надѣваютъ шубы. У дѣвушекъ уборъ сходенъ съ татарскимъ. Долгане и Якуты— христіане. Хотя они и весьма поверхностно усвоили христіанское ученіе, но все-таки понимаютъ его болѣе другихъ инородцевъ. При бракахъ, однако, взимается калымъ за невѣсту. Имена даются и христіанскія, и языческія. Остатки язычества держатся еще довольно упорно въ бытовой жизни обоихъ народовъ. Въ старые годы отцы продавали своихъ дочерей на временное сожительство; нынѣ этотъ обычай вывелся. Тѣмъ неменѣе отецъ или старшій братъ имѣютъ очень сильное вліяніе на судьбу дочери или сестры. Дѣвушки, особенно же долганскія, не стѣсняются заводить любовныя сношенія съ молодежью, и это не ставится имъ въ порокъ. У Якутовъ и Долганъ въ обычаѣ пляски, хоровыя пѣсни, сказки и т. д. Любовныя пѣсни отличаются нескромностью выраженій: инородцы всякую вещь и дѣйствіе называютъ своимъ именемъ. У Долганъ сохранилось преданіе, что они пришли изъ болѣе южныхъ странъ, что у нихъ были когда-то богатыри, сражавшіеся не только съ Якутами, но и съ Русскими, носившіе шлемы, кольчуги и панцыри.

Жилье Долганъ у Хатанги.

Остяки довольно высокаго роста; глаза и волосы черные; послѣдніе никогда не стригутся; лицо смуглое, продолговатое; волосы на бородѣ рѣдкіе. Вообще, какъ мужчины, такъ и женщины некрасивы и малосильны. Остяки отличаются неопрятностью, довольно лѣнивы, беззаботны, исполнены всякаго рода суевѣрій и предразсудковъ, но, въ тоже время, не лишены добросердечія. Остячки не отличаются семейными добродѣтелями. Онѣ грязны, неряшливы, вѣтрены и лѣнивы. Костюмъ женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ мужскаго. Остяцкое хозяйство крайне скудно. Дѣвушка, достигшая тринадцати лѣтъ, считается совершеннолѣтнею. Дѣвушки крайне распущены. Родители, не стѣсняясь этимъ, заботятся только о томъ, чтобы отыскать перваго о ьстителя и сорвать съ него порядочный калымъ. Когда дѣвушка выйдетъ

Внутренній видъ Долганской юрты.

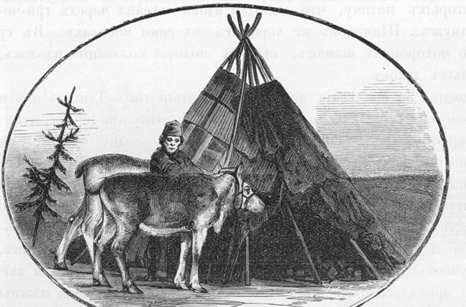
замужъ, то часть уплаченнаго за нея калыма поступаетъ ей въ приданое. Молодые не сейчасъ начинаютъ жить вмѣстѣ, а когда попривыкнутъ другъ къ другу. Молодая невѣстка не имѣетъ права говорить съ родными своего мужа: если ей нужно о чемъ спросить ихъ, она дѣлаетъ это черезъ своего мужа. По понятіямъ Остяка, женщина всегда нечиста. Поэтому, если женщина перешагнетъ черезъ вещи мужчины, то онъ немедленно окуриваетъ ихъ дымомъ оленьей шерсти. Покойниковъ хоронятъ на деревьяхъ, на устроенныхъ для того лабазахъ или въ выдолбленной въ стоячемъ деревѣ пустотѣ (на подобіе дупла), которую затѣмъ заколачиваютъ доской. Вдовы не печалятся о своихъ умершихъ супругахъ, потому, во первыхъ, что это не принято, во вторыхъ потому, что молодая вдова мѣсяца черезъ три-четыре, обыкновенно, выходитъ замужъ. Шамановъ же хоронятъ въ семи могилахъ. Въ ту именно могилу, гдѣ дѣйствительно похороненъ шаманъ, ставятъ полную коллекцію идоловъ, охраняющихъ тѣло шамана отъ злыхъ духовъ.

Тунгузы — Манджурскаго племени. За послѣднія десятилѣтія чистый типъ Тунгуза почти совершенно исчезъ, такъ какъ они сильно смѣшались съ Долганами, Якутами и Русскими. Тунгузъ пылокъ, смѣлъ, ловокъ, простосердеченъ и добродушенъ; но за водку онъ готовъ продать себя, жену, дѣтей и все на свѣтѣ. Этотъ порокъ въ Тунгузахъ развили Русскіе поселенцы, не стѣснявшіеся въ средствахъ эксплоатировать инородцевъ. Въ этой эксплоатаціи участвовали всѣ. Между тѣмъ Тунгузы способны были воспринять здоровую цивилизацію. Это доказываетъ ихъ кузнечное мастерство и производство ими очень недурныхъ винтовокъ. Хозяйство Тунгуза крайне незатѣйливо и вѣдается его женщинами. Котелъ, мѣдный чайникъ, ножикъ, топоръ, кузнечные инструменты и орудія для ловли птицъ, звѣрей, рыбъ и для выдѣлки кожъ,— вотъ всѣ важнѣйшія принадлежности хозяйства Тунгуза. Супруги очень нѣжны другъ съ другомъ. На обязанности жены лежитъ все домашнее хозяйство; она занимается и постановкой чума, и розыскомъ пропавшихъ оленей. У богатыхъ Тунгузовъ-язычниковъ существуетъ многоженство; во избѣжаніе ссоръ, мужъ для каждой жены ставитъ особый чумъ. Тунгузы, вообще, гостепріимны. Между собою Тунгузы привѣтливы и всегда почтительны къ старшимъ. Вообще, они веселаго нрава и любятъ игры. Взявшись за руки, они составляютъ кругъ, и, притопывая и припѣвая, проводятъ иногда цѣлую ночь въ этой забавѣ. Пѣсенъ у нихъ нѣтъ, но есть припѣвы, сказки и легенды о богатыряхъ и войнахъ съ сосѣдями. Тунгузы боятся болѣзней и смерти. Пока человѣкъ боленъ, за нимъ ухаживаютъ, зовутъ шамана и приносятъ жертвы. Какъ только больной умираетъ, его немедленно зашиваютъ въ то платье, въ которомъ онъ умеръ, разбираютъ чумъ и трупъ выносятъ въ лѣсъ на устроенный между двумя деревьями лабазъ, въ разстояніи сажени отъ земли; тутъ укладываютъ всѣ вещи покойнаго и все это заставляютъ досками, привѣшивая съ боку котелъ съ пробитымъ дномъ. Покойниковъ-христіанъ зарываютъ въ могилы, соблюдая при этомъ всѣ языческіе обряды.

Заселеніе Туруханскаго края Русскими началось около трехсотъ лѣтъ тому назадъ. Первыми поселенцами были промышленники, обосновавшіеся на рѣкахъ Пурѣ и Тазѣ. Въ 1598 году, Тобольскіе воеводы, прослышавъ объ этомъ заселеніи, отправили нѣкоего Ѳедора Дьякова съ цѣловальниками для изслѣдованій, что тѣ и исполнили довольно удачно, пробравшись до рѣки Енисея и собравъ ясакъ съ Самоѣдовъ и Тунгузовъ. Начавшіяся подчиненіе инородцевъ Россіи и обложеніе ихъ ясакомъ продолжались довольно дѣятельно. Въ 1607 году, основано было, близь устья рѣки Турухана, Туруханское зимовье, гдѣ нынѣ городъ Туруханскъ, и обложены ясакомъ не только тазовскіе и енисейскіе Самоѣды, а также и Тунгузы, обитавшіе по Нижней Тунгузкѣ и Остяки въ низовьяхъ Енисея. Въ 1610 году, мангазейскіе торговцы и промышленные люди, построивъ суда у Туруханска, спустились внизъ по Енисею и дошли до его устья. Простоявъ здѣсь пять недѣль по причинѣ льдовъ, они наконецъ вышли въ Енисейскій заливъ, доплыли до устья рѣки Пясины и обложили ясакомъ тамошнихъ Самоѣдовъ. Въ этомъ же году миролюбиво обошлось обложеніе ясакомъ восемнадцати Тунгузскихъ родовъ,

проживавшихъ по рѣкѣ Нижней Тунгузкѣ. Къ 1619 году, когда въ Мангазеѣ случился первый значительный пожаръ, въ городѣ была церковь Святой Троицы, находившаяся въ крѣпости, да на посадѣ были двѣ церкви, гостиный дворъ, воеводская изба, не мало обывательскихъ домовъ и весьма значительная торговля съ инородцами.

О бывшемъ здѣсь изобилии пушнаго звѣря свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты. Въ 1621 году тунгузскіе князья Амуръ, Иркиней и Тасей начали платить ясакъ по двѣнадцати соболей съ души. Съ верхняго и съ нижняго теченія Енисея и его притоковъ Тунгузы добровольно вызвались платить ясакъ Русскимъ; нѣкоторые изъ нихъ приходили въ собольихъ шубахъ, у другихъ же лыжи были подбиты соболями. Туруханское зимовье, по причинѣ удобнаго положенія на большой судоходной рѣкѣ, въ мѣстности болѣе благопріятной для заселенія, чѣмъ Мангазея, не замедлило превратиться въ городокъ. Самые мангазейскіе воеводы стали по полугоду проживать въ Туруханскѣ. Въ 1642 году, Мангазея опять подверглась опустошительному пожару, а въ 1662 году новый пожаръ совершенно истребилъ этотъ городъ, такъ что онъ болѣе и не возобновлялся. Теперь это мѣсто заросло лѣсомъ. Существуетъ преданіе у мѣстныхъ инородцевъ, что Мангазея была сожжена и жители ея истреблены Юраками изъ мести за жестокое обращеніе съ ними; но нигдѣ нѣтъ оффиціальныхъ документовъ, подтверждающихъ такое крупное событіе, какъ истребленіе русскаго города инородцами.

Тунгузская юрта въ тундрѣ.

Въ 1677 году въ городѣ Туруханскѣ были выстроены четыре деревянныя башни въ одну линію по берегу рѣки; на каждой изъ нихъ находилось по одной пушкѣ, по котлу для кипятка и запасъ каменьевъ на случай осады инородцами. Въ городѣ находился отрядъ солдатъ, поставленный здѣсь въ виду троекратнаго нападенія на городъ инородцевъ, всякій разъ, впрочемъ, неудачнаго, вслѣдствіе внезапно приключавшейся слѣпоты. Въ память этого, на сѣверной сторонѣ города поставлены были деревянные кресты. Западная часть города называлась посадомъ, восточная Кикуемъ. Въ 1785 году городу данъ былъ гербъ, измѣненный въ 1804 году. Лучшую часть народонаселенія города всегда составляли казаки, отличавшіеся неутомимостью и смышленостью; имъ не разъ приходилось укрощать возмущенія между Тунгузами и жертвовать при этомъ жизнью; они же возили почту изъ Туруханска въ Енисейскъ, посылались за сборомъ ясака и отправляли службу вахтеровъ при казенныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, устроенныхъ въ разныхъ отдаленныхъ пунктахъ этого обширнаго края. Торговля Туруханска въ теченіе конца XVII и во все время XVIII столѣтія была въ цвѣтущемъ состояніи, какъ отъ изобилія пушныхъ звѣрей, такъ равно и отъ значительнаго числа проживавшихъ въ предѣлахъ края инородцевъ. На Туруханскую ярмарку, продолжавшуюся съ 29 іюня въ теченіе двухъ недѣль, съѣзжались купцы не только изъ Сибири, но и изъ Россіи. Кромѣ гостинаго двора, вмѣщавшаго въ себѣ до двадцати пяти лавокъ, многіе торговцы размѣщались на открытомъ воздухѣ. Въ 25 верстахъ отъ города въ мѣстности, называемой «Кабачкомъ», происходила особая ярмарка на судахъ, куда выплывало изъ одной Нижней Тунгузки до двухсотъ лодокъ тунгузскихъ и

остяцкихъ съ мягкою рухлядью. Въ 1822 году Туруханскъ былъ переименованъ въ заштатный городъ, причемъ предусмотрительныя мѣстныя власти сожгли всѣ старыя дѣла бывшихъ присутственныхъ мѣстъ. Городъ сталъ приходить въ упадокъ; населеніе его уменьшается, строенія разрушаются, появилась бѣдность и торговая дѣятельность совершенно почти прекратилась. Въ 1829 году городу была отведена земля въ количествѣ 2285 десятинъ. Не смотря на это, въ распоряженіи населенія не имѣется удобныхъ рыболовныхъ мѣстъ; жители вынуждены бываютъ покупать рыбу или ловить ее на чужихъ пескахъ. Въ рѣкѣ же Туруханѣ, въ началѣ зимы вылавливается, посредствомъ ея перегораживанія, около 300 или 400 пудовъ мелкой рыбы и налимовъ. Въ настоящее время, Туруханскъ, вслѣдствіе обмелѣнія Енисейскихъ протоковъ и отхода рѣки Турухана въ другую сторону, очутился какъ-бы внутри страны; отъ рѣки Турухана онъ въ двухъ верстахъ, а отъ Енисея въ восьми, среди болотъ, мелкихъ озеръ и протоковъ, на небольшой возвышенности. Въ немъ находится сорокъ семь домовъ, двѣ церкви (каменная и деревянная) и часовня, семь лавокъ, винный и два хлѣбные магазина, соляная стойка, кабакъ, домъ для училища и деревянный тюремный замокъ. За исключеніемъ десятка порядочныхъ домовъ, прочія строенія представляютъ жалкія лачуги, разбросанныя какъ попало, среди навоза и всякаго рода нечистотъ, зимою едва видныя изъ-подъ глубокихъ сугробовъ снѣга. Не смотря на прорытые въ городѣ каналы, лѣтомъ здѣсь постоянная грязь и вонь отъ болотъ и всякаго рода нечистотъ. Одно изъ сосѣднихъ озерковъ, называемое Вшивымъ, считается цѣлебнымъ. Оно имѣетъ до ста саженей въ окружности и отъ двухъ до пяти аршинъ глубины. Вода его довольно чиста, мягка, но безъ всякаго вкуса. Въ теченіе лѣта она бываетъ наполнена всевозможными насѣкомыми, а зимою въ ней кишатъ такъ-называемыя водяныя вши. Водою жители пользуются изъ окрестныхъ озеръ до тѣхъ поръ, пока она не испортится, тогда переходятъ на другое озеро. Вообще, положеніе города крайне жалкое; городокъ этотъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе пустѣетъ и разрушается.

Уже въ концѣ XVII столѣтія русскія стали по немногу селиться въ Туруханскомъ краѣ, такъ что въ 1727 году считалось здѣсь до 658 ревизскихъ податныхъ душъ. Съ 1782 года, въ здѣшнемъ краѣ числилось русскихъ около 1,500 душъ, а инородцевъ,—2,300 душъ, не считая сѣверо-восточной и самой сѣверной части края. Даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія населенность выше Туруханска была столь незначительна, что правительство рѣшило заселить эту часть края, хотябы настолько, чтобы зимою возможно было сообщеніе. Приведеніе этой мѣры въ исполненіе началось въ 1812 году, когда привезли сюда съ заводовъ крестьянъ съ ихъ семьями. Новоселовъ расселяли въ извѣстныхъ пунктахъ, по три-четыре семьи вмѣстѣ, снабжая ихъ всѣми необходимыми домашними орудіями, хлѣбомъ и скотомъ. Холостыхъ женили на поселянкахъ; не желавшихъ жениться или выходить замужъ за того, за кого назначало начальство, уговаривали, и если уговоры не помогали, то «отечески» пороли до тѣхъ поръ, пока не изъявлялось согласія. Составленныя такимъ образомъ пары немедленно вѣнчались. Въ первый же годъ поселенцы, не успѣвъ еще устроиться и снабженные припасами не въ надлежащей мѣрѣ, стали терпѣть голодъ, почему и съѣли весь рогатый скотъ, лошади же выпали отъ безкормицы. Въ слѣдующіе два года высылка сюда поселенцевъ повторилась. Но эти усилія правительства пропали почти даромъ, потому что народъ наполовину вымеръ отъ голоди. Неустройства эти вызвали посылку въ Туруханскій край особаго лица, которымъ и былъ установленъ нѣкоторый порядокъ въ устройствѣ переселенцевъ, но за тѣмъ начались новыя бѣдствія: насильно, изъ-подъ розогъ обвѣнчанныя пары ссорились, начались муже-и жено-убійства, дѣтоубійства и т. д. Въ замѣнъ этой убыли сюда посылали новыхъ поселенцевъ; но такъ какъ эти послѣдніе состояли большею частью изъ бѣглыхъ и ссыльныхъ, то пользы отъ нихъ для края не было: они или разбѣгались, или уходили по билетамъ и болѣе никогда не возвращались. Остались одни старообрядцы и духоборцы, послѣдніе, впрочемъ, въ 1862 году были переселены на Амуръ, по ихъ собственному желанію. Наконецъ, видя полнѣйшую неудачу

начатаго дѣла, правительство вынуждено было дать льготы переселяющимся по отбыванію повинностей, сложило всѣ недоимки съ поселенныхъ уже и предоставило селиться здѣсь на льготныхъ основаніяхъ всякому желающему. Нынѣ въ Туруханскомъ краѣ считается Русскихъ 947 душъ мужескаго пола и 753 души женскаго.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ инородческимъ населеніемъ, всѣхъ жителей въ Туруханскомъ краѣ наберется, по оффиціальному счету, около 8,300 душъ обоего пола. Численность мужскаго пола болѣе женскаго; только у Якутовъ женщинъ больше чѣмъ мужчинъ. Приращеніе населенія весьма слабо: на 1,000 душъ родится, въ общей сложности, 48 человѣкъ, а умираетъ около 40 человѣкъ. Между тѣмъ приростъ въ южныхъ округахъ Енисейской губерніи составляетъ 1,5 процентовъ въ годъ, не смотря на страшную смертность дѣтей. Приростъ слабъ, потому что среди русскаго населенія недостатокъ въ невѣстахъ: родители, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, какъ можно дольше держатъ своихъ дочерей дома, не выдавая ихъ замужъ, и только тогда уже стараются сбыть ихъ съ рукъ, когда они начнутъ распутничать или сдѣлаются совершеннымъ «перестаркомъ». На распутство дѣвушекъ здѣсь смотрятъ крайне снисходительно и это не служитъ препятствіемъ браку.

Главныя болѣзни края, отъ которыхъ иногда сильно страдаетъ населеніе, горячки всякаго рода, ревматизмъ, оспа, сифилисъ, сильно распространенный, и цинга. Оспа свирѣпствуетъ и между Русскими, и между инородцами. Она поселяетъ панику между инородцами. Они бросаютъ оспеннаго больнаго на произволъ судьбы и бѣгутъ отъ него, какъ можно дальше, представляя оспу въ видѣ женщины съ длинными золотыми волосами; если она явится къ больному въ красномъ платьѣ, то это значитъ, что онъ обреченъ на смерть. Но и въ этой средѣ, особенно же между Якутами, попадаются случаи значительной долговѣчности: есть старики 80—90 лѣтъ. Такая глубокая старость составляетъ весьма рѣдкое явленіе.

Русскіе преимущественно живутъ по берегамъ рѣки Енисея. Такъ отъ южной границы края до Туруханска, на разстояніи 612 в., расположено 28 селеній; отъ Туруханска внизъ до устья Енисейской губы, на протяженіи 820 вер., тридцать селеній, состоящихъ изъ двухъ, трехъ и рѣдко четырехъ домовъ. На рѣкахъ Пясинѣ, Боганидѣ, Хетѣ, Хатангѣ и Анабарѣ зимовья разбросаны на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга; на рѣкѣ же Тазѣ находится только два жилые пункта. Избы крестьянъ, живущихъ по рѣкѣ Енисею, устроены довольно опрятно, просторно, имѣютъ стекла въ окнахъ; но зимовья, вообще говоря, крайне неудовлетворительны: темны, дымны, сыры и неопрятны; въ окнахъ не рѣдко, вмѣсто стеколъ, вставленъ пузырь или льдина. Такую непріятную русскую избушку съ удовольствіемъ можно промѣнять на опрятную и теплую якутскую юрту, которая устраивается слѣдующимъ образомъ: къ четыремъ столбамъ, врытымъ въ землю, связаннымъ въ верху деревянными брусьями, приставляются въ наклонномъ положеніи толстыя плахи, образующія стѣны юрты. Затѣмъ настилается потолокъ, со скатомъ въ обѣ стороны; на него настилается земля и мохъ. Стѣны юрты снаружи также обкладываются землею и мхомъ. Въ юртѣ полъ настилается плахами; посрединѣ юрты ставятъ чувалъ, или ящикъ, набитый пескомъ; отъ него къ потолку, въ прорубленное отверстіе, направляются наклонно три плахи, обмазанныя толстымъ слоемъ глины; отверстіе въ потолкѣ съ трехъ сторонъ имѣетъ загородку, сплетенную изъ прутьевъ, обмазанныхъ глиною; загородка эта служитъ началомъ трубы, которая снаружи юрты устраивается изъ досокъ. Съ лѣвой стороны чувала находится вертикальный шестъ, упирающійся однимъ концомъ въ полъ другимъ въ потолокъ; посрединѣ придѣланъ, для подвѣски котла, крюкъ, который свободно вращается вокругъ шеста и даетъ возможность направлять котелъ къ огню очага или отстранять отъ него. Чувалы почти никогда не дымятъ и достаточно нагрѣваютъ юрту. У стѣнъ юрты размѣщены нары, покрытыя оленьими и другими шкурами. Входъ въ юрту

устроенъ позади очага и завѣшенъ равдугою, при юртѣ есть сѣни съ боковымъ выходомъ. Якуты, живущіе осѣдло, какъ и Долгане устраиваютъ даже небольшія бани. Прочіе инородцы живутъ въ юртахъ, которыя далеко хуже и грязнѣе якутскихъ, большинство же живетъ въ чумахъ изъ наклонно поставленныхъ жердей, покрытыхъ снаружи берестой или равдугою. Въ одномъ чумѣ проживаетъ иногда вмѣстѣ нѣсколько семействъ. Если есть у крестьянина хорошая изба, пара лошадей и коровъ, съ десятокъ ѣздовыхъ собакъ, рыболовные и звѣроловные снаряды, если притомъ за нимъ не числится никакой недоимки, то онъ считается здѣсь богачемъ. Ни пѣсенъ, ни забавъ, ни празднествъ, ни игры на какомъ-нибудь инструментѣ у крестьянъ не водится, хотя они и большіе охотники покалякать за чаемъ.

Въ такомъ пустынномъ краѣ, съ суровымъ климатомъ, какъ Туруханскій, первая забота жителей—обезпечить себя пищею и теплою одеждою. Весь необходимый для населенія хлѣбъ покупается или въ Енисейскѣ, или съ судовъ, приходящихъ оттуда въ низовья Енисея. Сосланные сюда скопцы завели здѣсь огороды; отъ нихъ и крестьяне переняли огородничество, которое служитъ имъ подспорьемъ, особенно вверхъ отъ Туруханска по Енисею. Главную пищу составляетъ рыба и отчасти птица. Инородцы же, кромѣ рыбы, употребляютъ мясо оленей и другихъ животныхъ въ сыромъ видѣ, а также ихъ кровь и сало. Кровь оленью употребляютъ теплую или же сушатъ и сохраняютъ въ оленьихъ кишкахъ. Голова оленя цѣнится, какъ самое лакомое блюдо; ее ѣдятъ сырую, но только одни мужчины, женщины же, какъ существа низшія и, вдобавокъ, нечистыя, лишены этого удовольствія. Мало того: даже олень, на которомъ ѣздила женщина, считается не чистымъ и мясо его употребляется только женщинами, за исключеніемъ однако же головы. Зайцы, куропатки, дикіе гуси, въ прокъ заготовленные или вяленые, также составляютъ не малое подспорье жителямъ. Рыбы ловится ежегодно 200,000 пуд.; вывозится изъ края около пятой части, остальное съѣдается населеніемъ. Рыбу ѣдятъ сырую (какъ въ таломъ, такъ и въ мороженномъ видѣ), вареную, жареную, свѣжую и соленую, а также коптятъ, сушатъ и вялятъ на солнцѣ. Рыбій жиръ сохраняется въ оленьихъ пузыряхъ. Рыбью икру сушатъ, растираютъ въ порошокъ и, смѣшавъ съ мукою, пекутъ изъ нея пироги и оладьи. Якуты и Долгане ѣдятъ разваренную морошку съ рыбьимъ жиромъ; съ этимъ же жиромъ разваривають корень болуя и дикій лукъ. Тунгузы, Русскіе и Остяки собираютъ ягоды и луковицы сараны (lilium martagon); послѣднюю сушатъ и, растерши въ муку, пекутъ изъ нея лепешки. Богородскую траву и иванъ-чай (Epilobium angustifolium) сушатъ и пьютъ вмѣсто чая. Впрочемъ и настоящій чай, особенно же черный кирпичный, нынѣ въ большемъ употребленіи.

Вслѣдствіе плохаго улова рыбы и дороговизны хлѣба, случаются иногда голодовки. Тогда идетъ въ ходъ сосновая, пихтовая и ивовая кора. Чтобъ помочь горю, правительство устроило сначала до 35 хлѣбныхъ магазиновъ въ разныхъ пунктахъ края, но затѣмъ уменьшило ихъ число на половину. Ничего путнаго, однако, изъ этого не вышло. Жители, занимая хлѣбъ у казны, не въ состояніи были уплачивать за него; началось взысканіе недоимокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и круглое, систематическое разореніе края; затѣмъ, вынуждены были всѣ недоимки сложить и начали отпускать хлѣбъ въ весьма ограниченномъ количествѣ. Словомъ, дѣло идетъ крайне плохо. Скотоводство въ краѣ крайне ничтожно. У всѣхъ Русскихъ, проживающихъ здѣсь, лошадей числится 384 штуки, коровъ 593 штуки и ѣздовыхъ собакъ около 920 штукъ. Оленей насчитывается до 27,000 головъ, причемъ у однихъ Самоѣдовъ до 10,000 головъ.

Населенные пункты Туруханскаго края, не считая города, весьма незначительны; нѣкоторые изъ нихъ, однако, имѣютъ немаловажное мѣстное значеніе. Такъ, напримѣръ, Верхне-Имбатское селеніе имѣетъ до 10-ти дворовъ, церковь и пристань; это одно изъ самыхъ многолюдныхъ селеній. По Енисейской губѣ, по правому ея берегу, расположено нѣсколько зимовьевъ, изъ нихъ Кореповское и Гольчиха, пріобрѣли извѣстность, какъ мѣста устройства факторій гг. Кнопа и Сибирякова, куда пристаютъ приходящіе изъ Европы пароходы съ товарами.

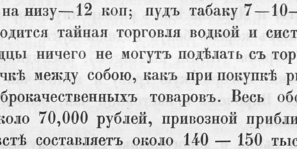
Какъ было сказано уже, жители занимаются здѣсь исключительно рыбнымъ и пушнымъ промысломъ. Тотчасъ за весеннимъ ледоходомъ, по рѣкѣ Енисею начинается ходъ рыбы. Самые лучшіе рыболовные пески находятся въ Енисейской губѣ, на Бреховскихъ островахъ, куда лѣтомъ собирается до 300 рыбопромышленниковъ изъ Русскихъ, Самоѣдовъ, Юраковъ и Долганъ. Всѣхъ неводовъ на Енисеѣ, въ Туруханскомъ краѣ, можно насчитать не менѣе 600; каждый неводъ длиною отъ 40 до 150 саженей. Приготовленіе рыбы въ прокъ очень несовершенно, какъ отъ неумѣнья, такъ равно отъ недостатка соли и недоброкачественности ея. Поваренная соль Троицкаго казеннаго завода плохо очищается, почему содержитъ частицы глауберовой соли; рыба, посоленная ею, горкнетъ, теряетъ свой хорошій вкусъ; недостатокъ же соли производитъ порчу рыбы: она закисаетъ и протухаетъ, почему и не выдерживаетъ дальней перевозки.

Самоѣды и Юраки промышляютъ оленя, Якуты и Долгане—песца, а Тунгузы не брезгаютъ ничѣмъ, ловя и стрѣляя всякаго звѣря, какой ни попадется.

Расцѣнка рыбы производится на моксуновъ; товары расцѣниваются на песцовъ. Цѣна моксуна въ послѣднее время была восемь и десять копѣекъ; такой моксунъ долженъ имѣть вѣсу четыре фунта, моксунъ меньшаго вѣса цѣнится на половину. Вся торговля въ Туруханскомъ краѣ производится енисейскими купцами, людьми по большей части невѣжественными, жадными эксплуататорами, высасывающими всѣ соки края и приносящими только вредъ; они сбываютъ населенію свои залежалые, бракованные товары, торгуютъ спиртомъ, водкой. Эта торговля Енисейцевъ положительно производитъ въ краѣ развращающее вліяніе; эксплуататорству ихъ нѣтъ мѣры и границъ.

Вотъ для примѣра цѣны наиболѣе необходимыхъ предметовъ. Пудъ муки въ Енисейскѣ стоитъ 70 коп., въ Туруханскѣ — рубль, на Толстомъ Носу и Дудинкѣ — 1 р. 20 коп.; пудъ конопли въ Енисейскѣ 3 р. 50 коп., въ Туруханскѣ — 5, на низовьяхъ Енисея — 6; пудъ бичевы для неводовъ въ Енисейскѣ 7 рублей, въ Туруханскѣ—12 рубл., а на низу—13 р.; между тѣмъ доставка всего на все стоитъ 25 копѣекъ съ пуда; аршинъ холста въ Енисейскѣ 6 коп. въ Туруханскѣ 8 коп, на низу—12 коп; пудъ табаку 7—10—12 руб. и т. д. все въ томъ же родѣ. При этомъ производится тайная торговля водкой и систематическое спаиваніе инородцевъ. Несчастные инородцы ничего не могутъ подѣлать съ торговцами, которые къ тому же находятся постоянно въ стачкѣ между собою, какъ при покупкѣ рыбы и пушнины, такъ равно и при продажѣ своихъ недоброкачественныхъ товаровъ. Весь оборотъ Енисейской торговли можно считать: вывозной около 70,000 рублей, привозной приблизительно въ такомъ же количествѣ, такъ что все вмѣстѣ составляетъ около 140 — 150 тыс. рублей. Туруханскій край, при всей кажущейся бѣдности своей, богатъ естественными произведеніями. Если здѣсь утвердится торговля, а слѣдовательно наберутся и капиталы на разработку естественныхъ богатствъ, хотя бы даже и иностранные, то, безъ сомнѣнія, подъемъ экономическаго положенія края и улучшеніе быта населенія совершатся сами собою.

Николай Латкинъ.

ОЧЕРКЪ V.

БАЙКАЛЪ.

Особенности Байкала. — Судоходство по нему. — Промыслы.

Байкалъ. Переправа — и холодъ такой,
Что слезы въ глазахъ замерзали.

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

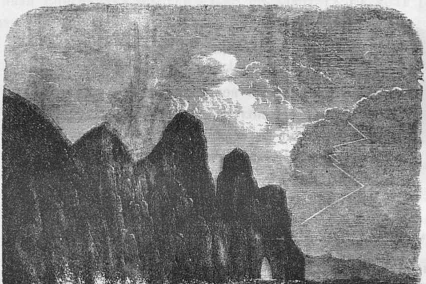

Почтовая станція на старой Круго-байкальской дорогѣ.

Громкую извѣстность имѣетъ озеро Байкалъ, или Святое Море, по своему богатству и обилію рыбъ; оно находится въ 65 верстахъ отъ Иркутска. Когда именно это озеро получило названіе Святаго Моря — неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ такое названіе дано ему не Русскими, а всего скорѣе Монголами, называющими его «Далай Норъ», что значитъ «Святое озеро». Слово «Байкалъ» вѣроятно китайскаго происхожденія, отъ словъ: «Бэй-хай», что̀ значитъ «Сѣверное море». Объ этомъ сѣверномъ морѣ упоминаютъ древнѣйшія китайскія лѣтописи, и въ одной китайской географіи, изданной въ царствованіе династіи Ю-ань, говорится о странѣ Кулихановъ, гдѣ находилось множество лилій (lilium martagon, желтая сарана). Эта страна, по словамъ географіи, простиралась отъ столицы Китая далеко на сѣверъ, до моря Бэй-хай, за которымъ дни становятся долгими, а ночи короткими. Упоминается о Байкалѣ и въ другихъ китайскихъ сочиненіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ историческихъ говорится о немъ, какъ о мѣстѣ ссылки важныхъ преступниковъ, изъ котораго, между прочимъ, привозятся для императорской охоты лучшіе соколы. Озеро Байкалъ имѣетъ въ длину до 600 верстъ, въ ширину отъ 50 до 80 верстъ. Простирается оно на 4° широты (отъ 51° 43′ до 55° 50′ с. ш.), и имѣетъ глубину отъ 700 до 6,000 футовъ. Положительныхъ измѣреній глубины озера до сихъ поръ не сдѣлано; многія попытки, производимыя на болѣе или менѣе отдаленныхъ разстояніяхъ отъ береговъ, остались до сихъ поръ безуспѣшными. Надъ уровнемъ Восточнаго океана Байкалъ возвышается на 1,390 футовъ. Онъ богатъ красивыми видами. Въ ясные лѣтніе дни горы, его окружающія, блестятъ на солнцѣ своими снѣжными вершинами и придаютъ ему необыкновенную очаровательность. Разнообразіе тоновъ этихъ горъ и ихъ характерныхъ очертаній и прозрачная синева Байкала, окаймляемаго во многихъ мѣстахъ то зеленью лѣсовъ, то нависшими, мрачными скалами, производятъ на зрителя впечатлѣніе какой-то волшебной картины. Горы Байкала достигаютъ высоты отъ

3 до 4,000 футовъ, нѣкоторыя же возвышаются до 7,000 (напр., гора Хамаръ-Дабанъ имѣетъ, по исчисленію Маглицкаго, 6,477 фут., а по исчисленіямъ Радде — 6,977 фут.). Горы на юго-восточной сторонѣ озера выше горъ сѣверо-западной стороны. Такія горныя массы, окружающія огромный Байкальскій бассейнъ, мѣстами прорѣзаны глубокими расщелинами, по которымъ ниспадаютъ въ озеро постоянно или періодически горные потоки. Потоковъ этихъ, или мелкихъ рѣчекъ и ключей, приблизительно насчитываютъ до 160. Низменностей около Байкала почти нѣтъ; только мѣстами, при устьяхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ него, встрѣчаются небольшія долины, ведущія въ глубину горъ. Въ Байкалъ текутъ по этимъ долинамъ рѣки: Баргузинъ, Селенга и Верхняя Ангара.

Горы Байкала состоятъ изъ гранитовъ и сіенитовъ, частью же изъ кристаллическихъ и другихъ сланцевъ древнихъ (палеозотическихъ) формацій; мѣстами встрѣчаются кристаллическій известнякъ, конгломераты и порфиры. Близь селенія Култука, именно по теченію рѣчки Слюдянки, замѣчены вулканическія породы. Прибрежныя горы понижаются къ озеру вообще круто, въ особенности гранитныя и сіенитныя. Ихъ громадныя массы сплошными стѣнами какъ-бы выдвигаются со дна озера, поднимаясь по прямой вертикальной линіи вверхъ, мѣстами даже нависнувъ надъ водою гигантскими глыбами гранита. Эти горныя массы образуютъ до восьмидесяти мысовъ, болѣе или менѣе высокихъ и вдающихся въ Байкалъ; но изъ такого большаго числа ихъ не насчитывается и десятка такихъ, которые, уходя алеко въ море, образовали бы удобныя мѣста для стоянки судовъ во время бурь. Нѣсколько пологій скатъ имѣютъ гранитныя горы тамъ, гдѣ онѣ отдѣляются отъ береговой линіи полосою сланцевъ или известняковъ. Въ такихъ мѣстахъ берегъ имѣетъ видъ амфитеатра, нисходящаго параллельными грядами. Въ скалистыхъ стѣнахъ нѣкоторыхъ мысовъ Байкала есть пещеровидныя углубленія. Эти береговыя пещеры мѣстами встрѣчаются такихъ размѣровъ, что въ нихъ свободно могутъ входить грузовыя лодки; большая-же часть пещеровидныхъ углубленій можетъ давать пріютъ только однимъ ласточкамъ, вьющимъ въ нихъ свои гнѣзда.

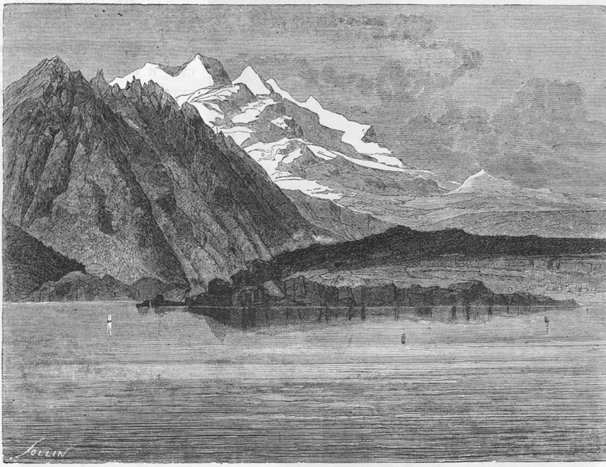
Пещера на берегу Байкала.

Изъ скалистаго горнаго кряжа, схожаго по геологическому составу съ прибрежными горами, состоитъ и большой островъ Ольхонъ, единственный на Байкалѣ, если не считать нѣсколькихъ малыхъ острововъ. Островъ этотъ отдѣляется отъ Байкала узкимъ проливомъ, носящимъ названіе «воротъ». Часть Байкала, отдѣленная отъ главнаго его бассейна островомъ Ольхономъ, извѣстна подъ именемъ «Малаго моря» или «Мерца». Острову Ольхону на югозападномъ прибрежьи Байкала соотвѣтствуетъ вдающійся въ него высокій скалистый мысъ «Святой Носъ». Этотъ мысъ соединяется съ прибрежьемъ озера перешейкомъ и образуетъ такимъ образомъ изъ себя полуостровъ. Оба они, Ольхонъ и Святой Носъ, раздѣляютъ Байкалъ на два бассейна: сѣверный и южный.

Ольхонъ имѣетъ около 60 верстъ длины и до 12 вер. ширины. Онъ населенъ Бурятами, которыхъ обитаетъ на немъ до тысячи семействъ. Эти островитяне, занимаясь, подобно своимъ собратамъ, скотоводствомъ, имѣютъ, въ тоже время, рыбныя ловли и охотятся на звѣрей, от-

правляясь иногда для этого не только въ скалистыя трущобы острова, но и въ лѣса, находящіеся въ прибрежныхъ горахъ.

Видъ острова издали очень живописенъ; но вблизи онъ теряетъ всю свою прелесть: кругомъ голыя скалы и утесы; бьется о нихъ, никогда не умолкая, волна Байкала; бѣлыя чайки и гагары носятся около, выжидая добычи изъ моря; вездѣ, куда ни посмотришь, камни да камни, и кругомъ все какъ-то безжизненно, пусто и глухо. Таковъ видъ Ольхона съ моря. Изъ утесовъ этого острова, такъ же какъ и изъ прибрежныхъ утесовъ Байкала, мѣстами вытекаютъ морской воскъ и купоросное горное масло. На склонахъ горъ, обращенныхъ къ Баргузинской и Туркинской сторонамъ, встрѣчаются глинистыя желѣзныя руды.

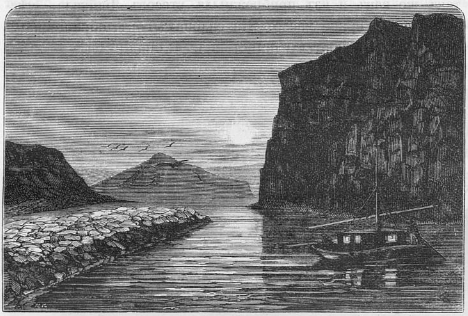

Видъ на озеро Байкалъ.

Вода Байкала холодная, прѣсная и при тихой погодѣ прозрачная почти на девять саженей глубины. Волны выкатываютъ на берегъ округленныя зерна луннаго камня, имѣющаго синевато-бѣлый цвѣтъ съ радужнымъ отливомъ, куски желтоватаго опала, горнаго хрусталя, кварца, зеленой и красной яшмы, темнокоричневаго порфира, аквамарина и т. п. На поверхности воды въ тихую погоду плаваетъ морской воскъ, а во время бурь онъ выкидывается на берегъ. Видъ этого воска темнокоричневый. Въ музеѣ петербургской академіи наукъ есть кусокъ такого воска, доставленный въ 1770 г. Палласомъ, путешествовавшимъ въ Сибирь. Въ Сибири онъ мало извѣстенъ и остается почти безъ всякаго употребленія, только около Байкала старухи-знахарки лечатъ имъ больныхъ отъ ревматизма.

Принимая въ себя до 160 мелкихъ ручьевъ и ключей и три большія рѣки, Байкалъ даетъ изъ себя только одну рѣку Ангару, которая едва успѣваетъ уносить изъ него свои воды. По обѣимъ сторонамъ этой рѣки, при выходѣ ея изъ Байкала, возвышаются огромные утесы, между которыми она течетъ на протяженіи девяти миль съ такой силой, что морозъ зимою не всегда сковываетъ ее. Въ ста саженяхъ отъ ея истока, почти на самой срединѣ рѣки, находится замѣчательный камень, извѣстный подъ именемъ Шаманскаго. Судя по глубинѣ рѣки въ этомъ

мѣстѣ и по видимой величинѣ камня надъ ея поверхностью, можно предположить, что этотъ камень имѣетъ громадные размѣры и служитъ значительной задержкой воды, стремящейся изъ Байкала въ Ангару. Камень названъ Шаманскимъ потому, что Буряты шаманской вѣры признаютъ его за обиталище онгоновъ (духовъ). Къ этому камню нерѣдко пріѣзжаютъ Буряты за 300—400 верстъ и, перебравшись на лодкахъ на самый камень, входятъ будто-бы въ непосредственное сношеніе съ обитающими на немъ духами. Нерѣдко къ этому таинственному мѣсту привозятъ они своихъ собратовъ, въ чемъ либо обвиняемыхъ, и заставляютъ произнести здѣсь отрицаніе преступленія. Шумъ волнъ, разбивающихся о камень, высота его надъ водою, фантастичность самого мѣста и полное убѣжденіе въ присутствіи на немъ невидимыхъ духовъ—все это разомъ дѣйствуетъ на присягающаго, и виновный, большею частью, не можетъ скрыть своего преступленія: онъ со страхомъ и трепетомъ сознается во всѣхъ грѣхахъ, вольныхъ и невольныхъ. Часто бываетъ такъ, что рѣшившагося принять присягу на Шаманскомъ камнѣ привозятъ на берегъ безъ чувствъ, въ глубокомъ обморокѣ. Случается, что, по возвращеніи сознанія, Бурятъ еще долго дрожитъ отъ страха и не можетъ успокоиться: такъ его напугаютъ страшные онгоны!

Ангара выше Шаманскаго порога.

Провалившаяся деревня Степны, къ сѣверу отъ Посольска, на берегу Байкала.

Кромѣ такого таинственнаго значенія, Шаманскій камень имѣетъ еще другое, более реальное и видимое. Если когда-нибудь онъ, въ силу какихъ-либо причинъ, разобьется на части и не будетъ сдерживать собой быстраго напора воды въ Ангару, то день разрушенія этого камня будетъ для Иркутска днемъ наводненія. Нужно при этомъ имѣть въ виду еще и то, что уровень Ангары въ 65 верстахъ отъ Байкала, ниже уровня его на такое же число саженей;

слѣдовательно, на каждую версту разстоянія отъ Иркутска до Байкала приходится сажень паденія. Собственно по рѣкѣ разстояніе до Иркутска около 100 верстъ, такъ какъ она дѣлаетъ на пути своемъ значительные изгибы. Великолѣпную картину представляетъ эта масса воды, несущаяся съ быстротою 20 верстъ въ часъ; но какъ бы она ни была великолѣпна, все-таки жители Иркутска посматриваютъ на Ангару съ недовѣріемъ и самое сосѣдство Байкала считаютъ для себя грознымъ, что и доказало землетрясеніе, бывшее въ послѣднихъ числахъ декабря 1861 г. и въ январѣ 1862 г. Землетрясеніе это, болѣе сильное по сравненію съ другими, бывшими прежде, имѣло центромъ своимъ Байкалъ, отъ котораго распространялось на 500 вер. въ окружности, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія отъ центра. Началось оно 30 декабря и, повторяясь въ день по нѣскольку разъ, продолжалось по 1 января, потомъ, значительно ослабѣвъ, оно давало еще знать о себѣ колебаніями земли въ теченіе двухъ недѣль. Въ то время много погибло бурятскихъ юртъ, крупнаго и мелкаго скота и самихъ Бурятъ, кочевавшихъ съ своими стадами вблизи Байкала. До какой степени было сильно землетрясеніе

Пароходная пристань Лиственичная.

можно судить по тому, что въ Иркутскѣ въ это время сами собою звонили колокола церквей; въ одномъ селеніи провалился церковный куполъ; въ сосѣднихъ съ Байкаломъ деревняхъ много сломало избъ, изъ глубокихъ колодцевъ исчезла вода и вмѣсто нея выбрасывало вверхъ песокъ и гальку. Въ заключеніе всего, землетрясеніе это оставило по себѣ въ воспоминаніе новое озеро: верстахъ въ 25 отъ р. Селенги образовался провалъ земли верстъ на 20 въ длину и ширину и на этомъ мѣстѣ выступила вода.

Путь отъ Иркутска къ Байкалу идетъ по мѣстности, поросшей лиственичнымъ лѣсомъ, и пароходная пристань на этой сторонѣ Байкала называется Лиственичной. Пристань эта, имѣющая нѣсколько деревянныхъ зданій, раскинутыхъ у подножія горъ, находится въ одной верстѣ отъ селенія Никольскаго. Въ послѣднее время у Лиственичной пристани сдѣлана каменная плотина для убѣжища судовъ во время бурь. Селеніе Никольское раскинуто по берегу Байкала, имѣетъ деревянную церковь во имя Св. Николая и, не смотря на то, что находится въ благопріятныхъ условіяхъ относительно возможности своего развитія, весьма небогато. Около этого селенія часто производится постройка судовъ байкальскими поморами, но сами жители селенія Никольскаго имѣютъ незначительное судоходство.

Байкальскія суда по формѣ своей весьма уродливы: высоки и коротки. Они напоминаютъ собою китайскія постройки, нѣтъ только такой вычурности и фигурности, какъ у Китайцевъ. Самое большое судно можетъ поднимать до 12,000 пудовъ груза. Постройка такого судна стоитъ до 4 тысячъ р. Маленькое судно можетъ поднимать груза до двухъ тысячъ пудовъ и оцѣ-

нивается въ 1,500 р. Рабочихъ на большое судно почти всегда нанимаютъ до 18 человѣкъ, а на маленькое 6. Поморы называютъ свои суда кораблями, а хозяевъ ихъ — корабельщиками.

Пароходство открылось на Байкалѣ лѣтъ 35 тому назадъ и идетъ плохо. Съ паденіемъ кяхтинской торговли (въ 1861 г.) дѣла его пошли еще хуже, такъ какъ перевозка русскихъ товаровъ въ Кяхту и чаевъ изъ Китая значительно съ того времени уменьшилась, а ожидаемое развитіе торговли, съ пріобрѣтеніемъ Амурскаго края, не оправдалось. Кромѣ того, пароходамъ на Байкалѣ, вообще, какъ говорится, не везетъ. Первый построенный въ 40 годахъ пароходъ сгорѣлъ; второй, называвшійся «Наслѣдникъ Цесаревичъ», въ 60-ыхъ годахъ потонулъ. Потомъ были построены еще два парохода: «Графъ Муравьевъ» и «Генералъ Корсаковъ»; но и ихъ постигла печальная участь, болѣе жалкая даже, чѣмъ участь первыхъ двухъ: о существованіи ихъ забыли, такъ какъ оба они оказались неудачниками. Плавали они по Байкалу что-то недолго и чаще всего во время вѣтровъ прятались въ укромныя мѣста. Во время осеннихъ бурь ихъ немилосердно качали байкальскія волны, тогда какъ въ тоже время старый пароходъ ходилъ весьма спокойно и не черпалъ бортами. Поморы говорили, что Байкалъ «не взлюбилъ новыхъ пароходовъ»; но причина была проще: оба парохода были сдѣланы меньшаго размѣра противъ «Наслѣдника Цесаревича» и распоряжавшіеся ихъ постройкою не столько думали о байкальскихъ буряхъ, сколько о томъ, чтобы новые пароходы могли проходить въ рѣку Селенгу. Они имѣли весьма хорошее намѣреніе—устроить пароходный путь до Стрѣлки (въ 70 верстахъ отъ Кяхты, близь города Селенгинска), но намѣреніе это осталось неисполненнымъ: пароходы для Селенги оказались большими, а для Байкала малыми и неудобными. Пароходство байкальское до сихъ поръ не можетъ устроиться какъ слѣдуетъ: пароходы часто ломаются, портятся машины, горятъ палубы; потомъ все это понемногу починяется, опять портится и опять починяется. Причина этому, по разсказамъ знающихъ людей, вовсе не Байкалъ и его бури, на которыя принято ссылаться въ этихъ случаяхъ, а просто наша русская безпечность. Посмотришь, на томъ же самомъ Байкалѣ лѣтъ десять-пятнадцать плаваетъ какое-нибудь старое суденышко, не горитъ оно и не ломается, не смотря на то, что и вся команда-то его — пять, шесть человѣкъ.

Пароходство на Байкалѣ уже нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки. Принадлежали пароходы Мясниковымъ (во времена старой акцизной системы); потомъ перешли Бенардаки, затѣмъ—Рукавишникову; чрезъ нѣсколько времени они сдѣлались достояніемъ Амурскихъ церквей, послѣ чего поступили въ вѣдѣніе Хаминова. Теперь Байкальскимъ пароходствомъ управляетъ какое-то «общество сибирскаго пароходства» и, кажется, управленіе его сосредоточено въ Петербургѣ, подобно тому, какъ въ Петербургѣ же находится главное управленіе амурскимъ пароходствомъ. Ужь какъ они отсюда, за шесть, за восемь тысячъ верстъ управляютъ этими пароходами — Богъ ихъ знаетъ.

Судоходствомъ на Байкалѣ занимаются нѣсколько иркутскихъ купцовъ и мѣщанъ, но большая часть судохозяевъ собственниковъ—крестьяне Ильинской волости со стороны Байкала, противоположной Иркутску. Суда перевозятъ въ Забайкальскую область русскіе товары, соль и спиртъ, а оттуда везутъ чаи, китайскій сахаръ, леденецъ и рыбу.

Понятно, что развитіе пароходства на Байкалѣ можетъ быть весьма опаснымъ конкурентомъ для парусныхъ судовъ, но все-таки дѣятельность ихъ оно прекратить ни въ какомъ случаѣ не можетъ. За судами всегда останутся всѣ грузы, отправляемые не на срокъ, и всѣ рыбныя доставки: судно стоитъ во много разъ дешевле парохода, и владѣлецъ судна имѣетъ возможность брать за перевозку грузовъ значительно дешевле пароходной цѣны. Отбить большую или меньшую часть грузовъ отъ судовъ пароходы могли бы только въ томъ случаѣ, если бы назначали провозную плату на сколько возможно дешевле, а пока эта плата очень и очень высока. Какая въ настоящее время существуетъ цѣна за переѣздъ на байкальскихъ пароходахъ — неизвѣстно, но въ прошлое десятилѣтіе за мѣсто въ каютѣ перваго класса на Бай-

кальскомъ пароходѣ брали 8 руб., во второмъ—6 руб., за переѣздъ на палубѣ—3 руб. Если принять во вниманіе, что пароходный рейсъ имѣетъ 100 верстъ всего протяженія, то такая цѣна должна быть признана чудовищно высокой. Цѣна за провозъ грузовъ на байкальскихъ пароходахъ не подчиняется строго опредѣленной таксѣ, а зависитъ отъ количества ихъ, отъ времени перевозки: иногда бываетъ 10 коп. за пудъ, а иногда достигаетъ 15 — 20 копѣекъ. Случалось иногда (да и теперь это, вѣроятно, не въ рѣдкость), что пароходное управленіе, желая поднять цѣну на грузъ, вовсе лишалось его: купцы, не сойдясь съ управляющимъ пароходомъ въ цѣнѣ, отдавали свои грузы на парусныя суда, которыя, нагрузившись товарами, уходили въ путь, а пароходы въ это время стояли у берега безъ работы. Этому непріятному положенію былъ когда-то со стороны пароходства противопоставленъ хитрый маневръ, именно: было запрещено выдавать билеты для проѣзда на пароходѣ тѣмъ лицамъ, которыя отправляли свои товары на доставку парусныхъ судахъ. Мѣра очень хитрая, но она, однако же, не достигла своей цѣли; пассажиры съумѣли противустоять распоряженію пароходства и достали, отъ кого слѣдовало, такое предписаніе, что пароходное правленіе молча и безпрекословно оставило свои хитрые замыслы безъ исполненія.

На восточномъ берегу Байкала пароходы останавливаются за нѣсколько верстъ отъ Посольскаго монастыря. До послѣдняго времени, постоянной пароходной пристани на этомъ берегу Байкала не было. Берегъ съ той стороны Байкала мелководенъ, и устройство мола довольно дорого. На этомъ берегу Байкала слѣдуетъ назвать пристань Боярскую. Осенью, когда дуютъ

Пристань Боярская.

частые вѣтры съ Лиственичной пристани на Посольскій монастырь, пароходы мѣняютъ свою пристань и останавливаются близъ зимней стоянки судовъ у залива, называемаго Прорвой. Ранней весной, когда только-что разойдется байкальскій ледъ, пароходы принимаютъ грузы и пассажировъ въ устьѣ Селенги, тамъ ледъ раньше расходится, и случается нерѣдко такъ, что пароходъ успѣетъ сдѣлать 6 — 7 рейсовъ отъ Селенги къ Лиственичной, пока очистится море отъ льда вблизи Посольскаго монастыря.

Отъ Прорвы до Посольска около десяти верстъ. Каналъ, соединяющій Байкалъ съ этимъ естественнымъ его заливомъ, зимою рѣдко замерзаетъ. Этотъ каналъ или, вѣрнѣе, узкій проходъ въ Прорву, имѣетъ два незначительныя періодическія теченія въ сутки—туда и обратно.

Такое возвышеніе и пониженіе уровня Байкала даетъ нѣкоторыя указанія на то, что имѣетъ нѣчто похожее на приливъ и отливъ. На это, впрочемъ, до сей поры не обращено никакого вниманія, и возможность подобнаго движенія отвергается; но, во всякомъ случаѣ, оно — единственная причина, что заливъ зимой не замерзаетъ.

Спускаясь въ Ангару, суда выходятъ изъ Байкала рулемъ впередъ, потому что кромѣ Шаманскаго камня, находящагося при выходѣ Ангары изъ Байкала, въ ней есть много мелкихъ подводныхъ скалъ. Изъ Иркутска суда возвращаются пустыя и тянутся вверхъ по рѣкѣ бичевникомъ, съ помощью нѣсколькихъ лошадей. Вверхъ по Ангарѣ суда съ грузомъ, если и поднимаются, то очень рѣдко, и грузъ этотъ большею частью составляетъ только соль, которую берутъ верстахъ въ 60 отъ Иркутска въ солеваренномъ заводѣ; всѣ другіе товары, подлежащіе доставкѣ за Байкалъ, перевозятся изъ Иркутска до Байкальскаго берега сухимъ путемъ и уже около селенія Никольскаго, или у Лиственичной пристани, нагружаются на суда. Товары, идущіе изъ-за Байкала на большихъ судахъ, тоже въ Ангару, не проходятъ на нихъ и перегружаются въ Лиственичной на карбазы и лодки, и на нихъ уже спускаются въ Иркутскъ по Ангарѣ.

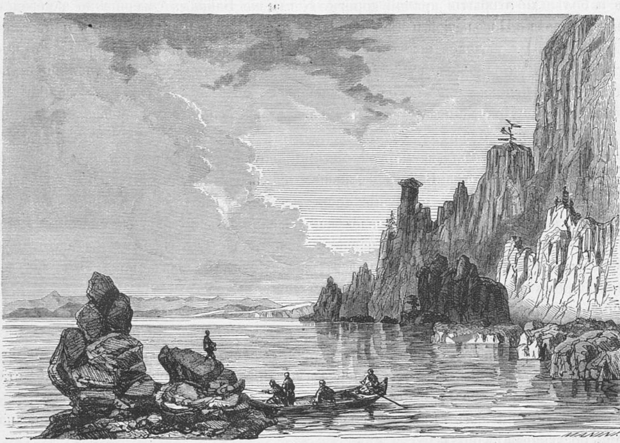
Какъ озеро Байкалъ непохоже на другія озера по многимъ своимъ особенностямъ, такъ и рѣка Ангара точно также во многомъ отличается отъ другихъ рѣкъ. Вода этой рѣки такъ прозрачна, что на днѣ ея, въ тихую погоду, можно пересчитать камни, на глубинѣ нѣсколькихъ саженей. Вода Ангары такъ холодна, что въ сильные іюльскіе жары въ ней съ трудомъ можно пробыть лишь двѣ-три минуты; разливается она не весной, во время половодья, какъ другія рѣки, а осенью, когда рѣки замерзаютъ. Начинаетъ она замерзать со дна, и, замерзая, поднимаетъ на поверхность камешки, маленькихъ рыбокъ, червей и прочее бѣдное населеніе своего подводнаго царства. Иногда замерзаніе рѣки Ангары бываетъ очень позднее: въ послѣднихъ числахъ ноября и даже въ концѣ декабря. Въ это время по набережнымъ города Иркутска нѣтъ проѣзда: Ангара выступаетъ изъ береговъ и разливается по улицамъ. Загромоздивъ ихъ большими глыбами льду и сама запрудившись льдомъ, она, наконецъ, замерзаетъ. Черезъ день или два замерзшій ледъ на рѣкѣ осѣдаетъ ниже и ниже, и она крѣпко сковывается сибирскими морозами.

Байкалъ замерзаетъ позднѣе; до того времени, пока онъ не покроется льдомъ, густой холодный туманъ носится въ окрестностяхъ озера верстъ на 100. Въ это время по Байкалу нѣтъ никакого движенія, всѣ суда и пароходы прячутся въ укромныя мѣста и преимущественно въ Прорву. Вообще, чѣмъ дальше къ осени, тѣмъ меньше движеніе на Байкалѣ: каждый спѣшитъ перебраться чрезъ него ранѣе, пока еще бури на немъ не очень часты и сильны. Съ половины ноября до половины декабря, а иногда и вплоть до новаго года, Байкалъ шумитъ и воетъ отъ сильныхъ бурь. Носятся по его поверхности льды, и противуположные одинъ другому вѣтры не даютъ этимъ льдамъ сплотиться и сковаться въ общую массу. Въ одинъ день вѣтеръ нагоняетъ горы льда къ Посольскому монастырю, обливаетъ ихъ потоками волнъ, и онѣ какъ-будто сковываются морозомъ; а завтра вся эта громадная масса льда вновь разсѣяна по огромному пространству озера, набрасываются опять льдина на льдину, трещатъ, ломаются, образуютъ плавающія горы и громадной массой носятся опять по Байкалу.

Бываютъ случаи, что судохозяинъ, запоздавъ по чему-либо убраться заблаговременно съ своимъ суденышкомъ въ надежную пристань или прельстившись выгодами, обѣщаемыми поздней перевозкой товаровъ чрезъ Байкалъ, пускается въ путь въ такое время, когда плаваніе по озеру считается уже опаснымъ. Иной разъ, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, суденышко благополучно «перебѣгаетъ» море, а иногда, вмѣсто удачи, испытываетъ много бѣдъ. Такъ, въ 1860 году, погибъ на Байкалѣ пароходъ «Наслѣдникъ Цесаревичъ» именно потому, что пароходное правленіе прельстилось выгодами отъ поздней перевозки грузовъ и пустилось на авось. Пароходъ прорѣзало льдиной, и пассажиры спаслись съ него, только благодаря судамъ, кото-

рыя онъ велъ на буксирѣ. Надежда на авось всегда, конечно, заманчива, и немало лицъ, опоздавшихъ переѣхать Байкалъ заблаговременно, попадались и попадаются поздней осенью на этотъ опасный и всего чаще измѣнчивый авось. Въ самомъ дѣлѣ, заманчиво «перебѣжать» море въ восемь-десять часовъ и избавиться отъ излишней траты денегъ на переѣздъ Байкала по горамъ, тѣмъ болѣе, что, для этого переѣзда, отправляющимся изъ Кяхты нужно возвращаться отъ Байкала обратно въ Кяхту и потомъ тащиться верхами по кругобайкальской дорогѣ. Избѣгая такого путешествія и очарованные благопріятнымъ направленіемъ вѣтра, дующаго прямо отъ Посольскаго монастыря на Лиственичную пристань, путники садятся на отходящее судно — и попадаютъ въ бѣду: вѣтеръ, какъ нарочно, измѣняетъ направленіе и дѣлаетъ ихъ надолго плѣнниками бурнаго озера.

Въ такое время года запоздавшіе суда подолгу носятся на волнахъ Святаго моря и качаются съ боку на бокъ, съ кормы на носъ. Иногда судно обледенѣетъ и въ такомъ видѣ

Байкальское озеро.

плаваетъ по Байкалу съ одного его конца до другаго: то поднесетъ его вѣтеръ къ берегу селенія Кадильнаго, дастъ полюбоваться путникамъ на высокіе горы и утесы, то помчитъ въ другую сторону и, мыкая по своей прихоти, поставитъ судно противъ Посольскаго монастыря. Путники издали перекрестятся на православную церковь и не успѣютъ они въ достаточной степени помолиться, какъ вѣтеръ помчитъ ихъ въ другую сторону. Но зима все больше и больше заковываетъ море. Вокругъ носящихся судовъ образуются плавучія ледяныя массы, верстъ на шесть и на семь въ окружности; судно примерзаетъ ко льдамъ и путешествуетъ по озеру вмѣстѣ съ ними. Паруса его обледенѣли, всѣ снасти порвались, мачты и бока изрублены на дрова. Продовольствіе, какое бываетъ на суднѣ, путники обыкновенно истребляютъ въ первыя недѣли плаванія и бродятъ потомъ голодные по плавучему ледяному острову, утѣшая себя надеждой примкнуть къ берегу.

Суда, взятыя на буксиръ погибшимъ пароходомъ «Наслѣдникъ Цесаревичъ», испытали именно такого рода плаваніе. Когда пароходъ прорѣзало льдиной, немедленно былъ заброшенъ съ носу впередъ его парусъ для того, чтобы имъ затянуло образовавшуюся

въ пароходѣ щель; но поврежденіе, сдѣланное льдиной, оказалось непоправимымъ: пароходъ болѣе и болѣе погружался въ воду, и оставалось единственное средство спасаться на судахъ, еще не поврежденныхъ льдами. Экипажъ и пассажиры перебрались на суда и обрубили канатъ, соединявшій ихъ съ пароходомъ. Пароходъ скоро наполнился водой, а суда понесло въ другую сторону и носило потомъ по Байкалу въ теченіе полутора мѣсяца. «Носило насъ съ одного конца озера въ другой,—разсказывали бывшіе на этихъ судахъ: — хлѣбъ у насъ былъ на исходѣ, и питались мы почти одной водой. Холода съ каждымъ днемъ усиливались, и мы изрубили на дрова весь полъ въ суднѣ, берегли только холстъ отъ паруса, чтобы на случай, если сдѣлается въ суднѣ пробоина, забивать ее этимъ холстомъ. Такъ и носились по озеру, пока оно не замерзло». При устьѣ рѣчки Бугульдеихи Байкалъ замерзаетъ всегда ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и обозы, не желая безполезно прокармливать лошадей, въ ожиданіи пока по Байкалу проложится зимній путь, идутъ обыкновенно чрезъ Бугульдеиху, за недѣлю и болѣе до открытія прямой дороги. Когда же Байкалъ совершенно замерзнетъ, тогда съ обѣихъ сторонъ, Посольской и Лиственичной, высылаются партіи Бурятъ и крестьянъ «вѣшить» дорогу, т. е. обозначать вѣхами путь для проѣзда, и сбивать «тороса» (льдины). Въ Иркутскѣ въ тотъ же день, какъ Байкалъ замерзаетъ, узнаютъ объ этомъ навѣрное: небо проясняется, туманъ исчезаетъ и отдаленныя горы ясно виднѣются вдали, съ своими характерными очертаніями. Иркутянинъ, мѣщанинъ или казакъ, запрягаетъ лошадь въ легкія саночки и ѣдетъ (по-сибирски «бѣжитъ») въ Лиственичную, чтобы провѣдать море. Вскорѣ потомъ потянутся изъ города обозы «за море» — и зимній путь устанавливается.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Байкалъ покрывается льдомъ на протяженіи 10 — 20 верстъ такъ ровно и гладко, точно зеркало, и ѣдущіе «вѣшить» дорогу съ трудомъ двигаются во время вѣтра по льду; иногда вѣтеръ подхватитъ человѣка и свалитъ съ ногъ: одно спасенье ножемъ или топоромъ ударить въ ледъ, чтобы удержаться на мѣстѣ. Другаго неопытнаго крестьянина вѣтеръ катитъ по льду версты двѣ, повертывая съ боку на бокъ, пока онъ не догадается ударить топоромъ въ ледъ.

Зимній почтовый трактъ устанавливается чрезъ Байкалъ слѣдующимъ образомъ: изъ селенія Никольскаго первая станція идетъ по берегу до зимовья Кадильнаго; изъ Кадильнаго путь идетъ тоже по берегу до зимовья Голоуснаго, а отъ этого зимовья путь направляется прямо чрезъ Байкалъ, перерѣзая его поперекъ до Посольскаго монастыря. Станція эта имѣетъ 50 верстъ. Проѣзжаютъ ее на однихъ лошадяхъ, безостановочно, въ теченіе четырехъ часовъ и менѣе: ледъ гладкій какъ стекло, лошадямъ легко бѣжать, только и слышно, какъ онѣ подковами постукиваютъ по льду.

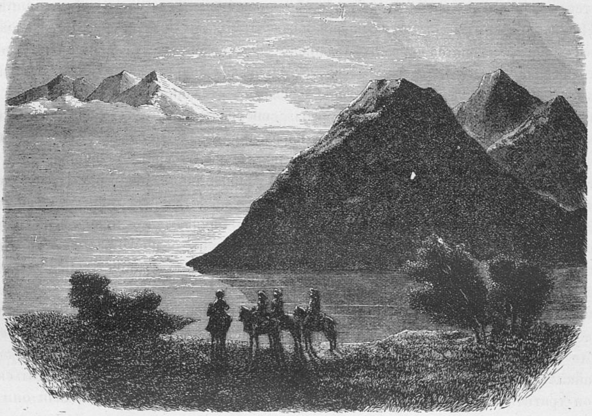
По первому зимнему байкальскому пути встрѣчаются небольшіе разносы и щели. Разносы неизбѣжны при началѣ зимы, особенно же при неровномъ замерзаніи Байкала. Разрывы на толстомъ льду и образованіе на немъ щелей всегда сопровождаются звуками, похожими на пушечные выстрѣлы и перекаты отдаленнаго грома. На тонкомъ льду щели всегда опасны, потому что у краевъ этихъ щелей ледъ гнется и обламывается: онъ не даетъ опоры не только лошадямъ, но и человѣку. Провалившись, лошадь естественно силится выпрыгнуть на поверхность льда и еще больше обламываетъ его; вокругъ того мѣста, гдѣ она провалилась, образуется полынья, въ которую погружаются и сани. Одно средство спасенія лошади въ томъ, что ее наскоро выпрягаютъ изъ оглобель или перерѣзаютъ гужи хомута; потомъ накидываютъ ей на шею петлю и давятъ: придушенная, отъ спершагося внутри ея воздуха, лошадь всплываетъ на поверхность воды и ложится на ней бокомъ, какъ мертвая; въ это время ее мгновенно вытаскиваютъ за шею и за хвостъ на поверхность плотнаго льда, подальше отъ полыньи, снимаютъ быстро петлю и бьютъ кнутомъ, возбуждая въ ней этимъ жизнь. Когда она поднимется на ноги, ее начинаютъ гонять по льду, чтобы она согрѣлась. Такой способъ вытаскиванія лошадей изъ воды болѣе удобенъ при артели, когда силы людей

превышаютъ тяжесть животнаго; но когда нѣтъ возможности вытащить лошадь описаннымъ способомъ, тогда употребляютъ другое средство. Обрѣзавъ у лошади гужи хомута и накинувъ на шею ей петлю удавкой, подтягиваютъ ее къ краю льда; другой конецъ веревки привязываютъ къ срединѣ саней; въ тоже время, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ полыньи выдолбливаютъ во льду два отверстія и втыкаютъ въ нихъ сани стоймя, задними концами полозьевъ, а на передніе концы саней налегаютъ всей своей тяжестью, стараясь опрокинуть ихъ горизонтально и, такимъ образомъ, санями, какъ рычагомъ, вытаскиваютъ на ледъ лошадь.

Позднею весною путь идетъ по Байкалу отъ селенія Никольскаго прямо на Посольскую станцію, минуя Голоусную и Кадильную, и имѣетъ 100 верстъ длины. Эта послѣдняя дорога называется по-сибирски «голометью», т. е бездорожицей. Ѣздятъ по ней въ апрѣлѣ, когда ледъ на Байкалѣ потемнѣетъ. Въ это время между станціями Голоусной и Кадильной ледъ дѣлается рыхлымъ, образуются провалы, полыньи, и около береговъ, саженей на пять, разливается вода. Но когда и путь «голометью» сдѣлается затруднительнымъ, когда лошади начнутъ проваливаться въ тающемъ льду, и тогда еще находятся желающіе переѣхать чрезъ Байкалъ, платя за переѣздъ по 100 и по 150 рубл., смотря потому, на сколько опасенъ путь. Бываетъ такъ, что двое пѣшихъ крестьянъ перевозятъ чрезъ Байкалъ сѣдока въ легкихъ саночкахъ, выбирая, гдѣ покрѣпче льдины, и шагая по колѣна въ тающемъ льду. Такими сѣдоками бываютъ большею частію купцы и ихъ прикащики, рискующіе, въ погонѣ за наживой, даже собственной жизнью. Иногда, запоздавъ съ отдачей грузовъ въ Иркутскѣ, забайкальскіе крестьяне тоже рискуютъ перебраться по Байкалу въ такое время, когда уже прекращается всякое сообщеніе по озеру. Прибрежные жители много разсказываютъ объ опасныхъ случаяхъ переправы чрезъ Байкалъ весенней порой. Объ одной такой переправѣ передаютъ слѣдующее.

Возвращались ямщики изъ Иркутска; было у нихъ лошадей сорокъ и ихъ самихъ до 15 человѣкъ. Выѣхали они изъ селенія Никольскаго рано утромъ и надѣялись къ вечеру добраться до Посольской станціи. Время было позднее и рѣдко-рѣдко кто рѣшался пускаться чрезъ Байкалъ по опасному пути. Ямщики, однако, рѣшились, не желая тащиться кругомъ Байкала и тратить на 500-верстный проѣздъ свои трудовыя деньги. Отъѣхали они верстъ 30 и стали замѣчать, что ледъ дѣлается все мягче и мягче, однако продолжали путь. Кони стали уставать и чуть ногами передвигаютъ по колѣна въ водѣ. Постояли ямщики немного, посмотрѣли на всѣ четыре стороны и сообразили по примѣтамъ, что отъѣхали примѣрно верстъ сорокъ; а дѣло уже близко къ вечеру, и солнце спряталось за высокими горами. Думаютъ, ѣхать впередъ опасно, а назадъ, пожалуй, еще хуже, потому что на этомъ обратномъ пути опять-таки предстоитъ дальняя дорога вокругъ Байкала. Рѣшили: «авось, Богъ милостивъ, остается всего верстъ шестьдесятъ—можетъ, доберемся». Опять поплелись. Смеркаться стало. Мягкій снѣгъ запорошилъ, да такой теплый, падаетъ и таетъ. Мужики вздыхаютъ, охаютъ, шепчутъ молитвы и плетутся впередъ. Лошади совсѣмъ заморились и тоже стали побаиваться: гдѣ помягче мѣсто—не идутъ, пятятся назадъ. Вдругъ передняя лошадь совсѣмъ стала; а снѣгъ все сыплетъ, точно пухомъ, и таетъ на лету, сыплетъ и таетъ. Смотрятъ—впереди вода, трещина на льду, сажени на двѣ шириной. Поплелись они вдоль по морю искать конца этой трещинѣ, да такъ всю ночь промаялись, а конца не нашли; устали, иззябли и проголодались. А море нѣтъ-нѣтъ да и выстрѣлитъ и глухимъ такимъ шумомъ подъ льдомъ загудитъ. Знаютъ мужики, что это въ другомъ мѣстѣ по морю опять трещина сдѣлалась—и страшно имъ. Стало свѣтать, а они все еще около трещины возятся и перебраться чрезъ нее не могутъ. Были съ ними на всякій случай два-три лома и лопаты. Стали они заводить льдины въ трещину, отбивали ихъ ломами отъ одного мѣста и запруживали ими воду, дѣлая ледяной переходъ. Стали переправляться. Кони, бывалые и опытные, осторожно и тихо перебирались по льдинамъ, а молодыя, неопытныя лошади боялись и не шли; стали ихъ

связывать и на саняхъ перетягивать черезъ трещину. Перетянули одну, другую — и только: стали сани подъ ними грузнуть, ледъ измельчалъ и переправа прекратилась. Видятъ, дѣло плохо. Пугнули было лошадей кнутами, опасаясь долго возиться съ переправой: одна лошадь бросилась съ маху и утонула; мучились, мучились съ лошадями и оставили ихъ на вѣрную смерть, а сами поплелись дальше. Идутъ, идутъ да посмотрятъ назадъ на оставленныхъ лошадей, а бѣдныя лошади все стоятъ около трещины. И тѣ лошади, которыхъ они перетащили тоже поварачиваютъ головами назадъ, точно скорбятъ о печальной участи своихъ товарищей. Дошло, наконецъ, дѣло до того, что лошади стали грузнуть по-брюхо въ водѣ. Оста-

Видъ у береговъ Байкала.

вили мужики и этихъ лошадей, побросали сани и побрели, едва передвигаясь, по таявшему льду, превратившемуся въ кашу. Прошли они еще много-ли, мало-ли, идти стало нельзя: ноги ужь очень глубоко грузли въ рыхломъ льду, стали они передвигаться ползкомъ, почти покрытые водою... Вдругъ, смотрятъ, селеніе Посольское стало видно; крестъ монастырскій на солнышкѣ играетъ. Заплакали мужики, глядя на церковь, и стали разные обѣты давать, кто Иннокентію Иркутскому, кто Св. Николаю. Лежатъ они обезсилившіе, а монастырская церковь къ нимъ все ближе и ближе. Вотъ уже они и берегъ отличаютъ, видятъ на берегу лодки, народъ. Крестятся мужики, и дивятся. Еще ближе берегъ сталъ... Тутъ только они замѣтили, что ледъ на Байкалѣ тронулся и ихъ на большущей льдинѣ прибиваетъ къ берегу. А съ берега уже давно лодокъ пятнадцать отчалило и пробирается къ нимъ между льдинами. Вышли они на берегъ и пошли прямо въ монастырь молебенъ служить вмѣстѣ съ народомъ, собравшимся со всей деревни. Пока служили молебенъ, море уже успѣло унести ледъ къ Баргузину, и предъ глазами вышедшаго изъ церкви народа открылась чистая синева моря.

Самое благопріятное время для плаванія по Байкалу — май, іюнь, іюль. Въ эти три мѣсяца рѣдко бываютъ бури и смѣлые Поморы пускаются чрезъ Байкалъ на лодкахъ. Лодки обыкновенно дѣлаются съ одной мачтой и парусомъ. На такія лодки болѣе 400 пудовъ не грузятъ. Въ августѣ, особенно же въ сентябрѣ, въ такихъ лодкахъ по Байкалу плавать нерѣшаются, такъ какъ въ это время нерѣдко бываютъ уже бури.

Байкальскіе вѣтры имѣютъ свои особыя названія. Есть вѣтеръ «гора» (N. W); онъ набѣгаетъ всегда вдругъ, дуетъ изъ падей, находящихся между горъ. Приближеніе этого вѣтра байкальскіе корабельщики узнаютъ иногда по направленію движенія тучъ. Почти такимъ же, но нѣсколько слабѣе, считается вѣтеръ «сиверко» (N); дуетъ онъ всего чаще осенью. Встрѣчаясь съ другимъ вѣтромъ, онъ производитъ на морѣ особую волну, называемую «толкунцы». Есть вѣтеръ «култукъ» (S. W); этотъ вѣтеръ считается благопріятнымъ для судовъ, плывущихъ отъ Лиственичнаго берега въ Селенгу. Потомъ есть два благопріятныхъ вѣтра для судовъ, плывущихъ изъ Селенги въ Лиственичную: «баргузинъ» (O) и «верховикъ» (N. O). Бойкій и сердитый вѣтеръ, рвущій съ якорей суда, называется «шалонъ« (S. S. O). Тихимъ и очень рѣдкимъ вѣтромъ считается вѣтеръ «полдень» (W). Есть еще вѣтеръ, подъ названіемъ «холодъ» (S. O). Вѣтры на Байкалѣ бываютъ иногда до такой степени сильны, что производятъ волненія, выбрасывающія на берегъ валуны съ человѣческую голову.

Самые главные промыслы на Байкалѣ — рыбные. Въ Иркутскъ, въ прошломъ десятилѣтіи, привозилось на судахъ рыбы омуля отъ 5 до 8 тыс. бочекъ ежегодно. Кромѣ того, въ Забайкальской области распродается и потребляется этой рыбы въ теченіе года до 3 тыс. бочекъ. Слѣдовательно, ежегодный уловъ омуля можно считать до 10 т. бочекъ, а въ бочкѣ содержится до 1,500 омулей.

Нѣкоторыя рѣчки, впадающія въ Байкалъ, какъ-то: Утуликъ, Выдрина, Переёмная, Снѣжная, Мурино и Мышиха — принадлежатъ разнымъ вѣдомствамъ и отдаются въ оброчное содержаніе съ торговъ. Берутъ ихъ на оброки разнаго званія люди: мѣщане, крестьяне, разночинцы, отставные солдаты, большею же частію казаки. Получивъ съ торговъ ту или другую рѣчку, арендаторъ строитъ на берегу, при впаденіи ея въ Байкалъ, зимовье и переселяется туда на временное жительство во время промысловъ. Нѣкоторыя рѣчки принадлежатъ кочующимъ Бурятамъ, которые тоже переселяются на время промысловъ къ устьямъ рѣчекъ. Осѣдлой жизни въ этихъ мѣстахъ нѣтъ, земля для хлѣбопашества не обработывается, потому что большею частью камениста, болотиста или песчана. Если есть кое-гдѣ по этимъ рѣчкамъ части земли, болѣе или менѣе годной для обработки, то сильные вѣтры препятствуютъ этому, выдувая изъ земли посѣянныя зерна.

Означенныя лица, арендовавшія для рыбныхъ промысловъ устья рѣчекъ, ловятъ разную рыбу, между которой главное и первенствующее по количеству мѣсто занимаетъ, какъ сказано выше, омуль. Кромѣ него ловятъ сиговъ, судаковъ и другую мелкую рыбу. Замѣчательна между байкальскими рыбами, въ зоологическомъ отношеніи, рыба, называемая голомянка (Comephorus baicalensis), водящаяся исключительно въ Байкалѣ. Эту рыбу собираютъ всего чаще по берегамъ Байкала, послѣ сильныхъ вѣтровъ. Волны выбрасываютъ ее на берегъ. Арендаторы, кромѣ рыбныхъ промысловъ, добываютъ по рѣчкамъ выдру; осенью же въ горахъ и прибрежьяхъ, поросшихъ лѣсомъ, бьютъ соболя, бѣлку, лисицу, кабаргу (Muschus sibiricus), косулю (Cervus capreolis), оленя, лося, россомаху, волка, зайца и особенный видъ сурковъ. Предъ наступленіемъ весны на льдахъ бьютъ нерпу.

Нерпа, «продувая» весною ледъ Байкала или отыскивая на льду трещины, выходитъ на поверхность озера понѣжиться подъ лучами весенняго солнца. Въ это время охотники выслѣживаютъ ее; но она слишкомъ осторожна, имѣетъ хорошее зрѣніе и близко подобраться къ ней охотнику очень трудно. Звѣропромышленники охотятся за нерпой слѣдующимъ образомъ: охотникъ надѣваетъ на колѣни кожаные или войлочные подколѣнники и, замѣтивъ издали то мѣсто, гдѣ нерпа вылѣзла на поверхность льда, самъ тоже ложится на ледъ и начинаетъ ползти по направленію къ ней. Стараясь укрыться отъ зоркаго глаза нерпы, онъ катитъ впереди себя легкія маленькія саночки, прикрытыя небольшимъ бѣлымъ парусомъ. Нерпа грѣется на солнцѣ и принимаетъ саночки, прикрытыя парусомъ за снѣжную льдину (торосъ), торчмя стоящую. На случай опасности, она далѣе трещины, однако, не отходитъ

и при первомъ замѣченномъ ею какомъ-либо подозрительномъ предметѣ, моментально ускользаетъ подъ ледъ. Приблизившись на разстояніе ружейнаго выстрѣла, охотникъ прицѣливается и убиваетъ нерпу наповалъ пулей. Нерпу нужно бить непремѣнно наповалъ, такъ, чтобы она и встрепенуться не успѣла; если же ударъ сдѣланъ невѣрно, и нерпа не околѣла въ тотъ же мигъ, то для охотника она безслѣдно изчезаетъ: она не будетъ биться на льду въ предсмертной агоніи, а тотчасъ же юркнетъ въ ту трещину, около которой грѣлась на солнцѣ.

Буряты употребляютъ мясо нерпы въ пищу; жиръ ея идетъ на выдѣлку кожъ и на освѣщеніе, изъ него приготовляютъ также разныя мази. Шкура животнаго употребляется на сапоги и на обивку сундуковъ. Нѣкоторые изъ сибиряковъ шьютъ себѣ изъ нерповой шкуры шубы.

Осетровъ ловятъ по всему берегу Байкала. Рыба эта послѣ вѣтра, дующаго съ противной стороны, приваливаетъ къ подвѣтренному берегу и попадается въ неводъ сразу въ большомъ количествѣ. Всего болѣе ловятъ осетровъ въ то время, когда они идутъ изъ Байкала въ Селенгу. Ловятъ ихъ при устьѣ Селенги огромными вершами, сдѣланными изъ толстыхъ прутьевъ. Иногда попадаются осетры до пяти пудовъ вѣсомъ. Живыхъ осетровъ доставляютъ въ Иркутскъ на веревкахъ; а соленыхъ развозятъ по всему Забайкалью и Иркутской губ. Таймень, самая бойкая изъ сибирскихъ рыбъ, водится въ Байкалѣ около юго-западныхъ его береговъ; сигъ и налимъ живутъ и плодятся всегда на одномъ мѣстѣ; въ разныхъ мѣстностяхъ они имѣютъ различный вкусъ и цвѣтъ кожи.

Омуля начинаютъ ловить съ половины августа; лучшимъ временемъ для лова считаются пасмурные дни съ мелкимъ дождемъ. Такое время называется омулевой погодой. Ловятъ неводами; одинъ конецъ невода завозятъ на лодкѣ въ море, а другой закрѣпляютъ на берегу; средина невода грузнетъ въ водѣ; потомъ, когда лодка приплываетъ назадъ къ берегу, начинаютъ стягивать неводъ въ одно мѣсто и, вытянувъ весь, выбираютъ изъ него рыбу. Способъ старинный, существующій тысячелѣтія на всемъ земномъ шарѣ. Иногда неводъ приноситъ за одинъ разъ такъ много рыбы, что вытягиваютъ его изъ моря человѣкъ двадцать. Иногда-же лошадей припрягаютъ къ столбу, вбитому около берега, и накручиваютъ на этотъ столбъ неводъ. Бываютъ иногда и скудные уловы, особенно въ первыхъ числахъ августа. Тутъ же на берегу, гдѣ ловятъ рыбу, солятъ ее и укладываютъ въ бочки. Работа въ то время идетъ горячая; работаютъ и женщины, и малыя дѣти; нанимаютъ рыбопромышленники и Бурятъ, и Тунгузовъ, — всѣмъ тогда дѣла много. За соленіе рыбы платятъ, когда эта работа производится наемными людьми, по 2 руб. 50 коп. съ бочки; но цѣна эта непостоянная и зависитъ отъ количества улова рыбы. При обильномъ уловѣ, цѣна за соленіе рыбы доходитъ до 5 руб. за бочку и, конечно, въ такомъ случаѣ не жалѣютъ платы за соленье, въ виду благопріятныхъ результатовъ ловли. Самыми большими промыслами считаются селенгинскіе, за ними баргузинскіе, потомъ котцовые; промыслы на другихъ рѣчкахъ считаются уже помельче.

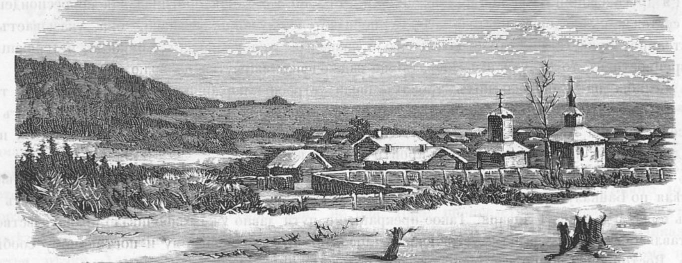
Ловля омулей (на восточномъ берегу Байкала).

При громадномъ обиліи рыбы въ Байкалѣ, изъ птицъ на немъ всего болѣе, конечно, рыболововъ. Черный бакланъ бьетъ рыбу своимъ острымъ клювомъ; иногда сотни убитыхъ имъ жертвъ плаваютъ на поверхности воды. За чернымъ бакланомъ слѣдуетъ неизбѣжная спутница его бѣлая чайка и бѣлоголовый беркутъ. На Байкальскихъ берегахъ большое скопленіе гуано отъ этихъ птицъ.

Не желая обходить Байкалъ кругомъ по крутымъ горамъ и дѣлать такимъ образомъ верстъ триста-четыреста лишняго пути, бѣглые (по-сибирски «рысаки») пускаются чрезъ Байкалъ въ какой-нибудь старой утлой лодчонкѣ. Нѣкоторымъ смѣльчакамъ удается благополучно окончить такой рискованный путь, но большая часть изъ нихъ погибаетъ въ морѣ, о чемъ и узнаютъ потомъ, когда украденную лодку увидятъ пустую и опрокинутую на Байкальскихъ волнахъ.

Такихъ «рысаковъ» туземные жители насчитываютъ (по крайней мѣрѣ считали въ прошлое десятилѣтіе) до 400 чел. въ годъ. Когда Байкалъ покроется льдомъ, «рысаки» пробѣгаютъ по льду отъ Посольскаго монастыря до деревни Голоусной въ одинъ зимній день. Это разстояніе имѣетъ около 55 верстъ. Въ тихую погоду путь этотъ они оканчиваютъ благополучно: но иногда, застигнутые вѣтрами и сильными мятелями, «рысаки» сбиваются съ дороги. Сбившись, попадаютъ они въ трудно проходимые торосы и заломы; вѣтеръ между тѣмъ реветъ и воетъ по необозримой равнинѣ Байкала; короткій зимній день оканчивается; «рысаки» уходятъ далеко въ море, къ острову Ольхону или къ Култуку. Такъ проходитъ ночь; голодные «рысаки» выбиваются изъ силъ, коченѣютъ и замерзаютъ.

Забайкальскіе звѣропромышленники часто жалуются на незванные визиты «рысаковъ», и избавиться отъ нихъ нѣтъ средствъ. Идутъ «рысаки» мимо зимовья звѣропромышленника, заходятъ, просятъ хлѣба и позволенія обогрѣться около огня. Не пустить—боязно: пожалуй, со злости и убьютъ. Впускаетъ звѣропромышленникъ невѣдомыхъ людей и даетъ имъ хлѣба. Тамъ, гдѣ представляется случай утащить изъ зимовья съѣстные припасы, хлѣбъ, рыбу, мясо, они, конечно, не церемонятся. Иногда случается такъ, что въ зимовье заходятъ разомъ

Село Култукъ.

нѣсколько человѣкъ изголодавшихся и озлобленныхъ до послѣдней крайности. Въ такомъ случаѣ хозяину зимовья одно спасенье — накормить ихъ и обогрѣть безпрекословно, иначе, дѣло кончится насиліемъ. Но, вообще, такіе случаи бываютъ рѣдко, потому что бродяги, покусившіеся на насиліе, теряютъ чрезъ это пристанище у другихъ: звѣропромышленники, имѣя частыя между собой сношенія, немедленно узнаютъ о происшествіи — и бродягамъ бываетъ плохо. Вся цѣпь промышленниковъ возстаетъ стражею по всему протяженію до Култука, и рысакамъ не избѣжать поимки: другой дороги нѣтъ, пройти въ глубинѣ горъ невозможно, — придется тамъ или томиться голодомъ, или попасть въ лапы хищнаго звѣря. Такимъ образомъ, бродяги, заплатившіе за гостепріимство насиліемъ, попадаютъ въ руки звѣропромышленниковъ, которые передаютъ ихъ въ руки властей, а всего чаще, во избѣжаніе излишней переписки, творятъ надъ ними самосудъ.

Бывали иногда случаи, что крестьяне укрывали у себя бродягъ по нѣскольку лѣтъ, пользуясь ихъ безплатной работой. Въ старые годы случалось такъ, что крестьянинъ, убѣдившись въ хорошемъ поведеніи «рысака», покупалъ для него у волостнаго писаря билетъ какого-нибудь умершаго поселенца, и «рысакъ» числился подъ его именемъ. Разсказываютъ, что, при какой-то ревизіи, въ одномъ селеніи оказался поселенецъ *двухъ сотъ пятидесяти* лѣтъ отъ роду, изъ чего ясно, что подъ именемъ когда-то умершаго человѣка значилось уже нѣсколько бродягъ. Они часто даже сами приходятъ въ тюремный замокъ и отдаютъ себя въ руки властей. Такая самовольная выдача бываетъ всегда зимою, когда бродяга до такой уже степени настрадается отъ голода и холода, что предпочитаетъ промѣнять свою дорогую свободу на невольный пріютъ.

По сибирскимъ деревнямъ искони существуетъ обычай выставлять на ночь за окно молоко, хлѣбъ, а иногда и мясо для бродягъ. Но этой милостыней, отдаваемой изъ жалости и изъ боязни, «рысаки» не всегда пользуются; только храбрые изъ нихъ заходятъ въ деревню, а большинство предпочитаетъ голодать, кормиться при случаѣ подачкой товарищей, успѣвшихъ захватить изъ деревни лишній кусокъ, или ѣсть траву, древесную кору, ягоды — словомъ, что Богъ пошлетъ. Если число бродягъ значительно, т. е. человѣкъ 10 — 15, то, вооружившись надежными дубинами, они темной ночью входятъ въ деревню, выпиваютъ молоко, забираютъ выставленную на окнахъ пищу и спѣшатъ убраться въ лѣсъ. Выйдя на большую дорогу изъ мрачныхъ горныхъ трущобъ, многіе бродяги пишутъ на верстовыхъ столбахъ увѣдомленія своимъ, оставшимся еще въ тюрьмахъ или на заводахъ, товарищамъ, такого, напримѣръ, содержанія: «Сего числа прошелъ, восьмаго мая, бродяга Сидоръ-Лапша, Ефимъ-Гусь. Пойдешь, прочитай». Иногда увѣдомленія встрѣчаются написанныя нѣсколькими бродягами, величающими другъ друга своими тюремными прозвищами. Вообще-же такая оригинальная корреспонденція не составляетъ явленія постояннаго, а попадается случайно. Однако, она указываетъ на постоянное присутствіе самостоятельнаго и сильнаго духа у бродягъ, никогда нетеряющихъ увѣренности въ томъ, что ихъ собраты по заключенію вырвутся на волю.

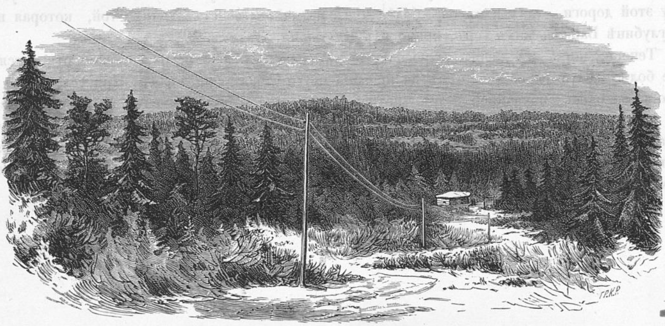
Еслибы на забайкальскихъ тропахъ были устроены кордоны для поимки бродягъ, то и это не прекратило-бы бродяжничества. «Рысаки» отыщутъ себѣ другую дорогу, пойдутъ на высокіе гольцы Хамаръ-Дабана, пойдутъ на Тунку, потомъ на р. Иркутъ и т. д. Они прокрадутся вездѣ, гдѣ только можетъ пройти нога человѣка.

Январь мѣсяцъ даетъ зимній путь по Байкалу, продолжающійся до апрѣля. Съ половины апрѣля по Байкалу прекращается всякое сообщеніе до половины мая, а также съ первыхъ чиселъ ноября до начала января. Такое прекращеніе пути давно уже озабочивало правительство и заставляло задумываться надъ устраненіемъ препятствій къ правильному и постоянному сообщенію Восточной Сибири съ Забайкальской областью.

Мысль объ этомъ высказывалась еще въ прошломъ столѣтіи. Въ виду установившихся тогда нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ, мѣстные администраторы не разъ дѣлали доклады высшему правительству о необходимости устройства постояннаго сухопутнаго сообщенія Иркутска съ Кяхтою по Байкальскимъ горамъ. Въ 1781 г. генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, передалъ тогдашнему Иркутскому губернатору, Кличкѣ, Высочайшее повелѣніе объ отысканіи дороги вокругъ Байкала. Отъ приказанія до исполненія разстояніе, конечно, неблизкое, даже и въ наше время, а тѣмъ болѣе въ прошлое столѣтіе. Долго тянулось дѣло по розысканію пути и много было потрачено труда, пока, наконецъ, не отыскали дорогу чрезъ Хамаръ-Дабанъ. Эта хамаръ-дабанская дорога пролегала по такимъ невообразимымъ крутизнамъ, что перевозка по нимъ не только товаровъ, но и почты отъ Кяхты до Иркутска продолжалась по двѣ и по три недѣли (на разстояніи 400 верстъ). Переѣздъ почти на всемъ этомъ протяженіи нужно было дѣлать верхами и съ большими затрудненіями при подъемахъ и спускахъ; но другаго пути не было, и кого обстоятельства заставляли ѣхать весною или осенью въ За-

байкалье, тотъ покорялся печальной необходимости тащиться по хамаръ-дабанской дорогѣ. Въ 1808 году правительство снова озаботилось прискааніемъ болѣе удобнаго пути вокругъ Байкала, и тогдашній министръ коммерціи, получивъ свѣдѣнія, что по Хамаръ-Дабанской дорогѣ нельзя проѣзжать въ повозкахъ, назначилъ коммиссію для отысканія новаго пути вокругъ Байкала. Тогда было представлено нѣсколько проектовъ этого пути, но ни одинъ изъ нихъ не былъ принятъ, и дѣло почему-то заглохло лѣтъ на 25.

Въ продолженіе этого времени установился второй путь кругомъ Байкала: изъ Иркутска на р. Тунку, оттуда на р. Джиду и по Китайской границѣ до Кяхты. Но этотъ путь былъ также неудобенъ, какъ и хамаръ-дабанскій. Въ 1834 году, Кяхтинскій купецъ, нынѣ уже умершій, пользовавшійся въ свое время всеобщимъ уваженіемъ, Николай Матвѣевичъ Игумновъ, испрашивалъ у правительства разрѣшенія на проложеніе кругомъ Байкала дороги, вмѣсто

Станція на новой дорогѣ по берегу Байкала.

хамаръ-дабанской и тункинской, и принималъ первоначальныя издержки по ея устройству на свой счетъ. Предложеніе покойнаго Игумнова было принято, и кяхтинское купечество изъявило готовность содѣйствовать устройству новой дороги денежными средствами. Эта дорога до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ игумновской; но она тоже не представляла необходимыхъ для проѣзда по ней удобствъ. Она шла чрезъ селеніе Култукъ, потомъ берегомъ Байкала, до устья рѣчки Харашуринъ, отсюда на югъ чрезъ горные хребты и выходила потомъ на хамаръ-дабанскую дорогу. Грузы, слѣдовавшіе изъ Кяхты осенью, послѣ прекращенія навигаціи на Байкалѣ, съ большими затрудненіями перевозились по этой дорогѣ. Проѣзжающіе должны были ѣхать по ней верхами четыре станціи, а иные, неопытные въ обращеніи съ Бурятами-ямщиками, ѣхали верхами станцій восемь и девять.

Буряты, обыкновенно, отговаривались невозможностію ѣхать по горамъ въ саняхъ, и неопытные проѣзжающіе поневолѣ подчинялись ихъ отговоркамъ. Бывалые люди поступали въ этомъ случаѣ иначе. Они распоряжались съ Бурятами по-свойски: кричали на нихъ, «какъ начальство», и не принимали никакихъ объясненій. Буряты божились, крестились по-православному, увѣряя, что саней на станціи никогда не бывало, и предлагали даже осмотрѣть почтовый дворъ, спрятавъ предварительно сани гдѣ-нибудь въ лѣсной чащѣ. Но бывалые люди не сдавались, сохраняли свою начальническую строгость и грозили «казенной подорожной». Эта угроза всегда дѣйствовала неотразимо, и Буряты почесываясь тащили изъ лѣсу сани.

На этомъ глухомъ трактѣ на станціяхъ не было ни смотрителей, ни писарей, подорожныхъ никто не читалъ и не спрашивалъ, и всегда можно было грозить подорожной «по казенной

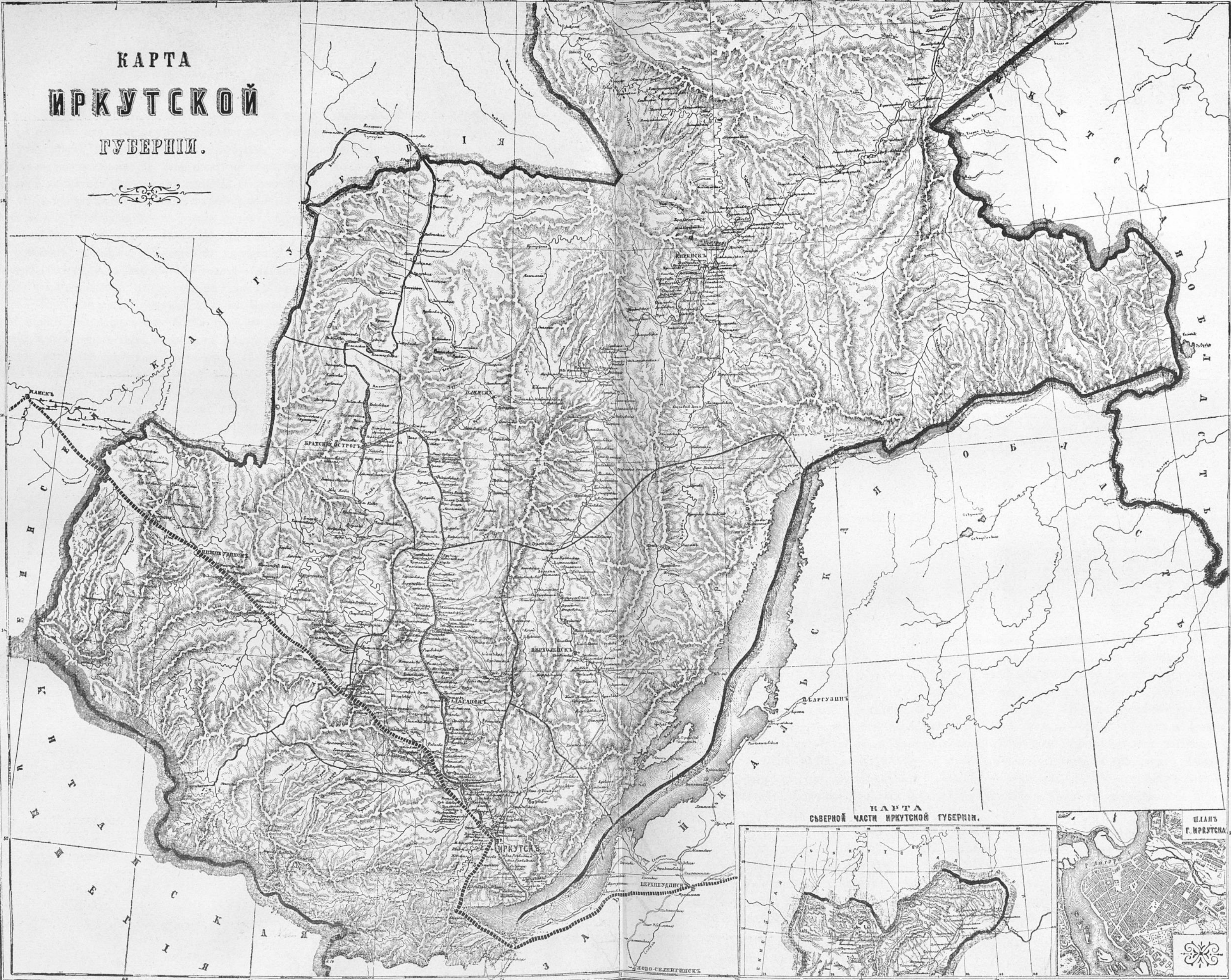
надобности». Буряты-ямщики жили обыкновенно въ юртахъ или «въ зимовьѣ» (бревенчатая избушка съ печью); это помѣщеніе часто составляло всю станцію. Иногда попадались такія станціи, гдѣ, кромѣ зимовья, была еще избушка «для проѣзжающихъ». Въ этой избушкѣ доживала свои дни какая-нибудь старушка, на обязанности которой было отопленіе избы и приготовленіе «кипятка» для проѣзжающихъ. О самоварахъ на этомъ пути не было и помина; большая часть проѣзжающихъ возили съ собой мѣдный чайникъ, посуду и съѣстные припасы, такъ какъ многіе Буряты питаются только однимъ кирпичнымъ чаемъ.

По такой-то дорогѣ ѣздили, многіе десятки лѣтъ, вокругъ озера Байкала. Правительство нашло, наконецъ, возможнымъ устроить настоящій экипажный путь изъ Иркутска въ Забайкальскую область, и съ конца 1850 годовъ (именно, послѣ занятія нами Амурскаго края) приступило къ проложенію здѣсь пути по берегу озера, отъ селенія Култука на Посольскій монастырь. Торговый людъ, ведущій дѣла въ Кяхтѣ, несочувственно относился къ устройству этой дороги, такъ какъ она болѣе чѣмъ на двѣсти верстъ длиннѣе той, которая идетъ въ глубинѣ Байкальскихъ горъ, прямо изъ Кяхты на Култукъ.

Теперь, когда эта дорога устроена уже, къ ней не только несочувственно относятся, но еще болѣе жалуются на нее, чѣмъ на прежнія круго-байкальскія дороги. При устройствѣ тѣхъ дорогъ не было, покрайней мѣрѣ, потрачено столько труда и денегъ на постройку зданій для почтовыхъ станцій, сколько брошено здѣсь, притомъ для того только, чтобы они были «красивы съ моря». Въ этихъ станціяхъ проѣзжающіе мерзнутъ отъ холода, жалуются на крутизну горъ, тоже въ немаломъ числѣ встрѣчающихся на этой новой дорогѣ, жалуются на плохіе мосты—и вспоминаютъ старыя круго-байкальскія дороги.

Д. Стахѣевъ.

КАРТА
ИРКУТСКОЙ
ГУБЕРНІИ.
Канскъ
Нижнеудинскъ
Братскій острогъ
Илимскъ
Киренскъ
Верхоленскъ
Балаганскъ
Иркутскъ
Баргузинъ
Верхнеудинскъ
Ново-Селенгинскъ
КАРТА
СѢВЕРНОЙ ЧАСТИ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ.
ПЛАНЪ
Г. ИРКУТСКА

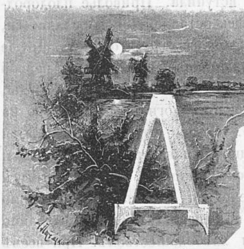
ОЧЕРКЪ VI.

АНГАРА.

Быстрота завоеванія всей сибирской страны. — Сборъ ясака. — Первый сибирскій святой. — Рѣка Ангара. — Ея теченіе. — Рѣдкостное любопытное явленіе природы. — Опасные туманы. — Встрѣча и соперничество Ангары съ Енисеемъ. — Борьба казаковъ съ препонами. — Какъ плыли. — Шиверы, быки, подпорожья и проч. — Ловъ рыбы. — Пороги: Стрѣлочный, Шаманскій, Пьяный, Похмѣльный и друг. — Первые переселенцы. — Вліяніе сѣверной лѣсной Руси. — Сибирская земледѣльческая община. — Ссыльные поселенцы. — Палы. — Соболь. — Вымираніе звѣрей. — Потомки завоевателей Сибири. — Нынѣшніе сибирскіе казаки. — Городъ Иркутскъ. — Землетрясенія. — Беззаконія и своевольство. — Значеніе Иркутска. — Общественники. — Замѣчательные Сибиряки и уроженцы Иркутска. — Учебныя заведенія и благотворительность. — О городахъ губерніи. — Илимскъ и Киренскъ. — Тунка. — Тельминская фабрика и Николаевскій заводъ. — Истокъ рѣки Лены. — Иннокентьевскій монастырь. — Второй сибирскій святой. — Истокъ Ангары.

Суть горы, зайдуче луку моря, имъ же высота яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще просѣщися. И въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза, и кто дастъ имъ ножъ ли, ли сѣкиру, даютъ скорою противу.

(изъ несторовой лѣтописи подъ 1096 годомъ).

Двѣ рѣки—два моста, по которымъ вольные Русскіе люди перешли изъ Европы въ Азію, съ холодныхъ или истощенныхъ земель лѣсной сѣверной Россіи на поиски непочатыхъ новыхъ земель и прибыльныхъ промысловъ, увѣнчавшіеся пріобрѣтеніемъ громадной, неизвѣстной и богатой Сибири. Эти два естественные, водяные, прямые пути для народныхъ переселеній въ глубь и даль — рѣки *Чусовая* и *Ангара*. Первая облегчила пріобрѣтеніе и заселеніе всей сибирской страны; вторая пособила потомъ занять и Лену, и Камчатку, и Амуръ, т. е. завершила завоеваніе громаднаго косяка земли, у котораго впереди несомнѣнная, блестящая будущность. Концу шестнадцатаго столѣтія и послѣднимъ годамъ царствованія московскаго царя Ивана Грознаго принадлежитъ это, великой важности, міровое событіе.

Русь, которая въ то время, по образному и справедливому выраженію лѣтописей, *брела врозь*, успѣла выдѣлить изъ себя и тѣхъ, которые покидали старыя мѣста, чтобы мирно расчищать дремучіе лѣса для новыхъ пашенъ, и тѣхъ, которые не успѣли или не хотѣли примириться съ племеннымъ занятіемъ и искали «промысловъ» въ добычѣ, хищническимъ способомъ, чужихъ богатствъ и имуществъ. Первые, т. е. вольные сходцы, искавшіе свободныхъ земель подъ пашню и всякихъ промысловъ въ подспорье къ земледѣлію, въ концѣ царствова-

нія Грознаго были уже на Камѣ: пахали землю, варили соль, добывали пушнаго звѣря, ловили рыбу и копили на великаго государя слободы, уже очень далеко въ непроходимыхъ сѣверныхъ лѣсахъ, куда и воронъ костей не занашивалъ. Вторые, получившіе имя казаковъ и составлявшіе изъ себя самостоятельныя общины сбродныхъ людей, искавшихъ легкаго труда и добычи, вооруженною рукою дѣйствовали на рѣкѣ Волгѣ, на пространствѣ ея между двумя недавно завоеванными татарскими царствами: Казанскимъ и Астраханскимъ. Для этой непокрытой бѣдности, не привычной къ усидчивому труду и правильному хозяйству, отнятіе силой и съ боя чужаго достоянія сдѣлалось закономъ, а похищеніе добытаго у своихъ вела къ суровому самосуду привязыванія тяжелаго камня на шею и бросанья въ воду. Время, мѣсто и обстоятельства въ особенности были для этихъ удальцовъ благопріятны въ послѣдніе годы жизни грознаго царя. Шайки казаковъ свободно разгуливали на легкихъ стругахъ по широкой и мало населенной рѣкѣ, грабили купеческіе караваны, раззоряли уцѣлѣвшія отъ московскаго военнаго погрома селенія татарскихъ царствъ и юрты подчинявшихся имъ народцевъ. Разгулялись вольные казаки наконецъ до того, что напали и разграбили тѣ суда, которыя везли царскую казну на жалованье ратнымъ людямъ, посаженнымъ въ Казани и Астрахани, и пушечное зелье, или порохъ, вмѣстѣ съ пушками, ружьями и всякимъ воинскимъ и хлѣбнымъ припасомъ.

Царь поспѣшилъ смирить ихъ энергическимъ натискомъ и послалъ стрѣлецкіе полки съ воеводами, которымъ удалось обезсилить казаковъ, разсѣять всѣ большія разбойничьи шайки и заставить ихъ сплотиться въ малыя уже не для нападеній, а для исканія спасенія себѣ въ бѣгствѣ. Казаки малыми отрядами бросились въ разныя стороны и, со страху, въ новыя и совершенно неизвѣстныя: куда глаза глядятъ. Большая часть устремилась въ низовья Волги и здѣсь, выплывши въ Каспійское море, придержалась сѣверо-западнаго берега и, между камышами, добралась до первой попавшейся рѣки, въ которую и вступила. Приволье плодородной земли побережья и рыбной рѣки Терека, помогло имъ здѣсь остановиться и осѣдлиться, и эти случайныя поселенія послужили ядромъ Гребенской и Терской казачьихъ общинъ. Другіе изъ нихъ, защищаясь тѣми же густыми побережными морскими камышами, доплыли до первой попутной рѣки, Яика или Урала, и зашли въ нее. На пути лежалъ осколокъ татарской орды, нѣкогда грозной для московскихъ царей, ходившихъ сюда на поклонъ «огню и кусту», но на то время малосильное укрѣпленіе, называвшееся «Сарайчикомъ». Казаки его взяли съ боя, и разрушили до основанія. Обезпечивъ себѣ тылъ, они свободно поднялись вверхъ рѣки и верстахъ въ 300 отъ устья выстроили свой укрѣпленный городокъ «Яицкій». Сталась на Руси новая казачья община Яицкихъ казаковъ, также вполнѣ обезпеченная въ жизни неизмѣримо богатою рѣкою, въ такой степени, что эти пришельцы, придя на неизвѣстную имъ и случайно открытую землю, 250 лѣтъ потомъ не имѣли нужды заниматься хлѣбопашествомъ. При всемъ томъ новая земля была чрезвычайно плодородна, черноземная, поднимающая всѣ лучшіе сорта пшеницы.

Третья партія разбитыхъ на Волгѣ казаковъ, сравнительно не многочисленная (всего около какихъ-нибудь 600 человѣкъ), приняла въ бѣгствѣ противоположное направленіе и, бросившись вверхъ, попала въ широкую и многоводную Каму. Здѣсь она пробовала было продолжать свои завѣтные промыслы: жечь и грабить, но столкнулась съ интересами очень богатыхъ и сильныхъ промышленныхъ людей Строгановыхъ. Недавно, всего лишь за 12 лѣтъ до прихода казаковъ, они выселились сюда на рѣку Каму съ рѣки Вычегды. Здѣсь, привычнымъ имъ родомъ промысла, варили они изъ богатыхъ подземныхъ рудниковъ, отысканныхъ ими, соль, торговали съ инородцами, созывали вольныхъ «гулящихъ» людей, сажали ихъ на пашню, дѣлали слободы, строили монастыри, вводили всякую гражданственность. Неудобны были дикіе промыслы казаковъ для этихъ мирныхъ государственныхъ промысловъ: необходимо и выгодно было удалую вольницу смягчить или смирить и указать ей иной путь для удалой силы и изба-

лованной воли. Очень богатые промышленники, именитые люди московскаго царства, вѣдомые самому царю за лучшихъ людей въ государствѣ, имѣвшіе право называться полнымъ отечествомъ съ «вичемъ», съумѣли сдѣлать такъ, что казаки согласились съ ними на подходящія условія найма. Имъ указано было на рѣку Чусовую, впадавшую въ Каму во владѣніяхъ самихъ Строгановыхъ, и близь того самаго мѣста, гдѣ они вываривали соль. Рѣка была важна для Строгановыхъ, выпросившихъ ее у царя московскаго тѣмъ, что недалеко отъ истока становится судоходною, покрайней мѣрѣ во время половодья, когда и теперь за истощеніемъ лѣсовъ, служитъ еще для перевозки заводскихъ произведеній.

Волжскимъ казакамъ было сказано Строгановыми про богатое татарское царство, у котораго была на р. Иртышѣ по ту сторону Пояса каменныхъ горъ столица Сибирь съ ханомъ Кучумомъ, съ закамскимъ серебромъ и золотомъ, съ серебристыми соболями, съ чернобурыми и золотистыми лисицами, и т. п. Сами, нечуждые пріобрѣтенія новыхъ земель съ новыми богатствами для расширенія своихъ разнородныхъ промысловъ и торговли, Строгановы пришлымъ гостямъ были рады и, на выходъ ихъ въ дальній и трудный походъ, построили струги, положили на артель или сотню по пяти тысячъ денегъ и по три пушки, на каждаго по 3 фунта свинцу и пороху, ружья, по 3 пуда ржаной муки и по пуду сухарей, по 2 пуда крупъ и толокна, по пуду соли, безмѣну коровьяго масла, на двухъ полоть или кусокъ ветчины, на всякую сотню казаковъ по знамени со святой иконой. По Чусовой поплыли казаки съ атаманами: Васильемъ Тимоѳеевымъ Ермакомъ, Иваномъ Кольцомъ, Матвѣемъ Мещерякомъ, Никитою Паномъ и Яковомъ Михайловымъ,—всего въ количествѣ 540 человѣкъ. Къ этимъ удальцамъ Строгановы придали своихъ триста людей, изъ такихъ же прибылыхъ «гулящихъ», гдѣ были, кромѣ Русскихъ, Литовцы, Татары и даже Нѣмцы. Сверхъ прочихъ пошли за ратью три священника да, по сказанію сибирской лѣтописи, «старецъ бродяга, ходилъ безъ черныхъ ризъ, а правило правилъ, и каши варилъ, и припасы зналъ, и кругъ церковный справно зналъ».

Чусовая, обставившаяся чрезвычайно красивыми берегами, но прелестными и въ дикости своей (по выраженію поэта Батюшкова), очень быстрая, мало оживленная населеніемъ и въ наши времена, тогда была почти совершенно пустынною. На встрѣчу ея быстрому теченію, опасному для плаванія на крутыхъ и прихотливыхъ изворотахъ, выбрасывающему прямо на острыя гранитныя скалы, впервые начали плавать русскіе люди, посланные Строгановыми, лишь не задолго до прибытія Ермака. Они поставили тамъ два земляные городка и нѣсколько деревянныхъ изъ палей остроговъ.

Хотя въ провожатые казакамъ и даны были знающіе люди изъ тамошнихъ Зырянъ, однако Ермакъ заблудился: вмѣсто того, чтобы плыть къ верховьямъ Чусовой, онъ взялъ въ притокъ ея Сылву. Лишь въ верховьяхъ рѣки этой онъ спозналъ ошибку и принужденъ былъ зазимовать здѣсь и заняться обычнымъ казачьимъ «промысломъ», т. е. грабилъ Вогуличей и въ тоже время развѣдывалъ пути. Со вскрытіемъ рѣкъ, весною слѣдующаго года (1579), онъ съ свѣжими запасами отъ Строгановыхъ, поплылъ снова по Чусовой до ея верховьевъ, вступилъ въ рѣчку Серебрянку и думалъ уже перевалиться на ту сторону Уральскихъ горъ, но на волоку его захватила вторая зима и онъ провелъ ее въ такихъ же походахъ на окрестныхъ дикарей. Въ лѣто слѣдующаго года онъ успѣлъ перетащиться волокомъ въ рѣчку Жаравлю, и изъ нея на плотахъ въ Баранчу, затѣмъ въ Тагилъ и наконецъ въ Туру. Казаки были уже въ Сибири, и не трудно было по глубокимъ ея рѣкамъ доплыть до татарской столицы Искера. На Турѣ однако они принуждены были снова зимовать, и только 9 мая 1581 года могли двинуться дальше: выйти изъ рѣки Туры въ Тоболъ и изъ нея въ Иртышъ, побиться при встрѣчѣ съ Татарами; въ верховьяхъ Иртыша окопались. Въ окопѣ всю ночь провели казаки безъ сна; на утро сшиблись въ честномъ бою съ Татарами, разбили ихъ на голову и 26 октября вступили побѣдителями въ городъ Сибирь.

До сихъ поръ всѣ эти мѣста казацкихъ стоянокъ и зимовокъ, страданій и странствій сохраняются въ примѣтныхъ слѣдахъ насыпей и кургановъ по Чусовой и ея притокамъ, и по притокамъ великой Сибирской рѣки Оби. Кое-гдѣ еще видны валы и рвы, и глубокія ямы, на половину затянутыя грязью. На высокой горѣ Иртыша, на правомъ берегу, въ 6 верстахъ отъ с. Абалацкаго, эти валы тройные, одинъ выше другаго, а ровъ имѣетъ больше двухъ аршинъ глубины и знаменуетъ мѣсто сибирской столицы, извѣстной теперь подъ именемъ «Кучумова городица». Сюда до сихъ поръ на могилы, разбросанныя во множествѣ, ходятъ сибирскіе Татары весною и осенью (въ маѣ и сентябрѣ) поминать своихъ предковъ. Поминаютъ и Русскіе храбраго атамана Ермака распѣваніемъ особой пѣсни, прославляющей его подвиги, разсказываютъ различныя преданія о немъ на Иртышѣ, указываютъ мѣсто, гдѣ онъ несчастно потонулъ. Особенно жива о немъ память на Чусовой. Здѣсь, въ наиболѣе дикой и величественной мѣстности по теченію рѣки указываютъ глубокую пещеру, имѣющую два входа (въ ней будто-бы Ермакъ скрывался отъ Вогуловъ и жилъ нѣкоторое время). Пещера, раздѣленная на множество гротовъ, находится въ известковой скалѣ (саженей въ 50 длины и 28 вышины), называемой «Ермакъ-камень». Здѣсь, по мѣстному преданію, Ермакъ схоронилъ часть своихъ сокровищъ. Позднѣе корыстные и любопытные люди спускались за кладомъ, но ничего не нашли, и тѣмъ не менѣе до сего времени не разубѣдились. На лѣвомъ берегу Сылвы, ниже Кунгура находится гора Городище при впаденіи рѣчки Мечки; на рѣкѣ Серебрянкѣ при впаденіи рѣчки Кокуа на мысу два рва, шириною не меньше 3 аршинъ, глубиною 1½ аршинъ, заросшіе частымъ еловымъ и березовымъ лѣсомъ, носятъ названіе Ермакова городища; на лѣвомъ берегу рѣки Тагила, въ 16 верстахъ отъ Нижнетагильска, на возвышенномъ холмѣ, въ 4 верстахъ ниже устья р. Баранчи находится третье Ермаково городище: небольшой и неглубокій ровъ, теперь значительно засыпавшійся и показывающій весьма неясные слѣды древняго укрѣпленія. Въ Тобольской губерніи есть три Ермаковы деревни, при р. Кондѣ Ермаковскія вогульскія юрты и Ермаковы остяцкія юрты. Въ 12 верстахъ отъ Абалака, у селенія Епанчинскихъ юртъ указываютъ мѣсто, куда прибило волнами тѣло знаменитаго сибирскаго героя. На городской нагорной площади г. Тобольска воздвигнута незавидная колонна, имѣющая служить его памятникомъ и напоминать его славное имя; долгое время тобольскіе жители въ особенности чествовали день св. Димитрія Солунскаго (26 октября), въ Софійскомъ синодикѣ записаны были имена героевъ на вѣчное поминанье, и въ Софійскомъ соборѣ, въ недѣлю православія, протодьяконъ ежегодно возглашаетъ покорителю Сибири со товарищи вѣчную память.

Взятіемъ и разрушеніемъ сибирской крѣпости Ермакъ обезпечилъ тылъ тѣмъ, которые, по его слѣдамъ, пошли занимать новыя земли, также какъ яицкіе казаки обезопасили себѣ мѣста для поселенія разрушеніемъ сарайчиковской татарской крѣпости. Какъ скоро царскіе воеводы упрочили Ермаково завоеваніе, цари московскіе старались дать новой землѣ «нарядъ», т. е. гражданское устройство, чтобы обнадежить охочимъ вольнымъ людямъ путь въ новую страну, богатую землями, лѣсами и водами. Черезъ пять лѣтъ (въ 1586) основанъ былъ на Турѣ городъ Тюмень и въ томъ же году Тобольскъ: воеводы не спѣшили плыть дальше во внутрь страны, не обезпечивъ себя укрѣпленными пунктами назади. Въ свою очередь московское правительство позаботилось также и о томъ, чтобы такія же укрѣпленныя мѣста обезпечивали дорогу въ новую страну, а потому поспѣшило заручиться новыми городами на пути изъ Закамья въ Зауралье для связи Москвы съ Сибирью. Всего чрезъ 8 лѣтъ по завоеваніи послѣдней, именно въ 1580 году, построенъ былъ за Ураломъ первый русскій городъ Лозьва (при рѣкѣ этого имени, въ нынѣшнемъ Верхотурскомъ уѣздѣ), впослѣдствіи уничтожившійся такъ, что теперь даже неизвѣстно то мѣсто, гдѣ онъ находился. Сохранился удачно выстроенный на прямой того времени сибирской дорогѣ городъ на р. Турѣ—Верхотурье, Въ этомъ городѣ жили воевода и атаманъ и находилась для сбора казенныхъ пошлинъ со всѣхъ то-

варовъ таможня (въ 1598 году). Выстроился онъ послѣ того, какъ досужій человѣкъ, Соликамецъ Артемій Бабиновъ, указалъ прямѣе новую дорогу (въ 1595 г.), южную: изъ Соликамска прямо на р. Туру, обходя г. Чердынь и Ермаковскую Лозву. Это же дало поворотъ и направленію поселенцевъ съ сѣвера Россіи на югъ Сибири.

Хотя воеводы и медлили, время не ждало, обстоятельства торопили дѣла и опережали начинанія. Свободные люди, какъ вода, черезъ прорванную плотину, отыскивающая новое русло, устремились на новыя пашни и сельбища за Каменнымъ Поясомъ. Соболь и другой пушной звѣрь явились путеводителями въ невѣдомыя страны: рѣки, счастливо разлившіяся по нимъ, сдѣлались, по прежнимъ образцамъ и примѣрамъ, прямыми и удобными дорогами. Поразительна та быстрота, съ какою казаки торопились обезпечивать острогами и городами промышленныхъ людей, стремившихся впереди въ дальнюю глубь сибирскихъ непочатыхъ и первобытныхъ лѣсовъ и смѣло уходившихъ впередъ.

Едва успѣли перенести въ 1587 году на правый берегъ Иртыша противъ устья Тобола, на крутой мысъ нагорнаго берега, и затынить заостренными бревнами Тобольскій острогъ (въ 1594 году), какъ переселенцы потребовали уже новыхъ защищенныхъ мѣстъ. Черезъ самое короткое время понадобились разомъ три острога: на р. Сосвѣ—Березовъ, на р. Тавдѣ—Пелымь, по Оби—Сургутъ; въ 1594 году застроена Тара, въ слѣдующемъ году Обдорскъ, въ 1596 Нарымъ, въ слѣдующемъ Кетскій острогъ, въ 1600 — Туринскій, въ 1604 — очень дальній, Томскій. Поднявшись по р. Тыму и пройдя небольшой волокъ, Русскіе люди были уже на р. Сымѣ, впадающей въ Енисей. Боярскій сынъ Албычевъ со стрѣлецкимъ сотникомъ Рукинымъ руками промышленныхъ людей строили въ 1619 г. городъ Енисейскъ и острогъ Бѣльскій, въ 1620 — Мелесскій (теперь г. Ачинскъ). Черезъ восемь лѣтъ на отлогомъ яру той же рѣки и на вѣтру («лѣтомъ ни соринки, зимой ни снѣжинки») возвышался уже острогъ Красноярскій, заложенный одновременно съ Канскимъ въ 1628 году. Въ томъ же году, казачій десятникъ Василій Бугоръ успѣлъ сходить вверхъ по Ангарѣ (изъ Енисейска) до устья Илима и побывать на р. Ленѣ, на которую нарочно была послана въ 1630 году вторая партія съ атаманомъ Галкинымъ. Эти казаки (согласно натянутому сближенію и дешевому остроумію сибирскихъ старожиловъ) оставили будто-бы память о себѣ въ названіяхъ тамошнихъ живыхъ урочищъ: на р. Мукѣ они мучились, поднимаясь вверхъ по этой рѣкѣ на плотахъ; въ р. Купѣ купались, на р. Кутѣ кутили и, выбравшись на просторъ и раздолье роскошной и одной изъ величайшихъ въ цѣломъ свѣтѣ рѣкъ—Лены, отдыхали и лѣнились. Какъ бы то ни было, первый острогъ на этой рѣкѣ, Верхоленскъ, построенъ въ 1631 году пятидесятникомъ Мартыномъ Васильевымъ, дѣйствительно вышедшимъ на Лену съ рѣки Куты. Въ 1632 году сотникомъ енисейской команды Бекетовымъ сооруженъ былъ острогъ Якутскій. Въ 1635 г. тѣмъ же сотникомъ заложенъ острогъ на Олекмѣ и, по обыкновенію, на устьѣ двухъ рѣкъ. Изъ этого острога вверхъ по быстрой рѣкѣ Олекмѣ промышленный человѣкъ—солеваръ, уроженецъ Великаго Устюга Ерофей Павловичъ Хабаровъ, плылъ на великую рѣку Амуръ. Въ 1650 году, черезъ 70 лѣтъ по завладѣніи Сибирью, онъ былъ уже тамъ. За два года раньше, казакъ Семенъ Дежневъ открылъ рѣку Анадырь, промышлялъ въ океанѣ и, огибая Большой Носъ, первый проплылъ тѣмъ проливомъ, который отдѣляетъ Азію отъ Америки и впослѣдствіи несправедливо названъ былъ чужимъ именемъ морехода датчанина—Беринговымъ. Впрочемъ Охотское море впервые увидали казаки еще раньше,—лѣтъ за пятнадцать (именно въ 1635 году), дойдя до него обычнымъ прямымъ путемъ съ Лены. Затѣмъ въ одинъ десятокъ слѣдующихъ лѣтъ построены остроги: Илимскій, Киренскій (1665), Иркутскій изъ первоначальнаго зимовья (1669 г.). Короче сказать, черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ послѣ построенія первыхъ на сибирской землѣ русскихъ остроговъ Тюмени и Тобольска, присланный изъ Якутска прикащикъ Владиміръ Атласовъ зазналъ уже столь отдаленную и

теперь несправедливо забытую Камчатку, собиралъ здѣсь ясачную казну и выстроилъ два острога: Верхній и Нижній-Камчатскіе.

Такъ поразительно скоро расселились Русскіе люди сѣвернаго племени и новгородскаго происхожденія по великимъ сибирскимъ рѣкамъ на «мѣстахъ угожихъ, и крѣпкихъ, и рыбныхъ»—какъ писывали они въ свое время—«и пашенька не велика есть, и луговъ много, и гдѣ стояти городу и то мѣсто высоко: большая вода не поимаетъ». Съ увѣренностію современный книжникъ могъ записать про новую страну такія справедливыя вѣсти и вѣрныя свѣдѣнія:

«Межи сихъ же государствъ россійскаго и сибирскія страны земли облежитъ камень, превысочайшій зѣло, яко досязати верхомъ и холмомъ до облакъ небесныхъ: тако бо божьими судьбами устроися, яко стѣнамъ граду утвержденнымъ. На семъ же камени растяху древіе различное: кедра, листвичіе и прочая. Въ нихъ же жительство имѣютъ звѣріе различные: овіи подобніе на снѣденіе человѣкомъ, овіи на украшеніе и на одѣяніе ризное, да кійждо на снѣденіе сія суть чиста, еже есть: елень, лось, козелъ, заяцъ (котораго впрочемъ коренные сибиряки не ѣдятъ вовсе), а иже на одѣяніе и на украшеніе, еже есть лисица и соболь, бобръ, рассомака, горностай, бѣлка и подобная симъ. Многія же и сладко пѣсниввыя птицы, паки же многоразличные травные цвѣты. Изъ сего же камени рѣки

Путешествіе лѣтомъ по берегамъ Лены.

многія истекоша; овіи поидоху къ россійскому царству, овіи же въ сибирскую землю. Дивно убо есть, какими божьими судьбами тако бысть: вода камень твердъ раскопа—и бысть рѣки пространны и прекрасны зѣло, въ нихъ же воды сладчайшія и рыбы различныя множество, ихъ же имена суть: осетръ и таймень, вѣсомъ по три пуда, стерледь, нельма (т. е. бѣлорыбица сибирская), щуки великія въ три аршина съ четвертью и больше, муксунъ, чиръ, пеледь, хальюсъ (т. е. харьюзъ), окуни и караси великіе въ три четверти аршина; лини, тугунцы, омули и всякая мелкая рыба—противъ русской страны рѣкъ; и бѣлуги, и семги, и лососи, и угоричъ, и леща, и головля во всѣхъ сибирскихъ странахъ и рѣкахъ. И на исходищахъ же сихъ рѣкъ дебрь плодовита на жатву, и скотопитательная мѣста пространна зѣло. По сихъ же рѣкахъ жительство имѣютъ многіе языци: татаровье же и калмыки, мунгалы, пѣгая орда, остяки, самоядь, и прочая языци; татарове законъ моаметовъ держатъ. Колмаки же (ламаисты) который законъ или отецъ своихъ преданіе держатъ, не вѣмъ, понеже письмени ихъ не обрѣтохъ, ни испытати не возмогохъ. Пѣгая же орда, и остяки и самоядь, закона не имѣютъ, но идоламъ покланяются и жертвы приносяху, яко Богу: сыроядцы, звѣрина же и гадская мяса снѣдающе скверно, и кровь піяху, яко воду, отъ животныхъ, и траву, и кореніе ядяху. Остяки же одежду имѣютъ отъ рыбъ, самоядь же отъ еленей; ѣздятъ же остяки на псахъ, самоядь же на еленяхъ».

Въ то самое время, когда промышленные сибирскіе люди были далеко на востокѣ страны, даже на Ленѣ, обезпечивались острогами и болѣе южныя страны, верховья Иртыша: въ 1630 г. сооружены одновременно Каурдацкій, Тебендинскій и Ишимскій; въ 1639 г. основанъ

Ялуторовскъ по тѣмъ же общимъ пріемамъ, которые были для всѣхъ мѣстностей неизмѣнными и однообразными.

Сначала закладывалось зимовье, обезпеченное тѣмъ огненнымъ боемъ изъ ружей и пищалей, который, по своей неизвѣстности, страшилъ дикарей и заставлялъ принимать пришельцевъ за особыхъ людей, за чародѣевъ и даже самихъ боговъ. Что за странные люди пришли: за соболей даютъ, вмѣстѣ съ чугунными котлами (стоитъ наложить его шкурками до верху)—и топоры, и ножи—орудія острыя,—и не боятся, что можно наточить противъ нихъ же. е боятся и самой смерти: лѣзутъ на копья и стрѣлы... Всѣ съ густыми широкими бородами, и страшные. Горсть бородачей нападаетъ на силу втрое большую: какъ же они не лѣшіе, не лѣсные духи, т. е. не «лоча» (подъ этимъ именемъ и извѣстны были въ Сибири у инородцевъ первые русскіе люди). Изъ утлыхъ землянокъ, изъ этихъ зимовьевъ и ѣздили прикащики-казаки по юртамъ или сюда же заставляли приносить шкурки цѣнныхъ пушныхъ звѣрей. Когда притѣсненія превосходили всякую мѣру и доходилъ слухъ, что «пѣгая орда» безпокоится, разъѣзжаетъ между стойбищами, собирается толпами, вооружается луками и стрѣлами, казаки спѣшили укрѣпиться. Наскоро рубили бревна, обтесывали верхніе концы клиномъ, обжигали нижніе, врывали въ землю, запирали ворота; при приближеніи толпы неустанно звонили въ колоколъ, чтобы не давать никому засыпать, быть всѣмъ въ тревогѣ и наготовѣ. Опасность научала уму-разуму и, избывши ее, спѣшили казаки, внутри острожнаго тына, строить настоящій городокъ изъ бревенчатыхъ срубовъ. Клали настоящія стѣны, какъ въ жилыхъ домахъ на вѣнцахъ; по угламъ выстраивали башни для обзора окрестностей; прорубали ворота и подвѣшивали къ нимъ тяжелые желѣзные замки. Въ стѣнахъ оставляли длинныя и узкія прорѣзи, въ которыя выставляли наружу смертоносныя дула пищалей. Когда появлялись на виду конные отряды, осажденные казаки разбрасывали около стѣнъ городковъ за валами и рвами, честнокъ — желѣзныя рогульки (до пяти спицъ на каждой), которыя, падая на землю, всегда выставляли вверхъ острія, о которыя портились ноги лошадей. Дѣлалось это «противу приступныхъ мѣстъ», какъ говаривалось въ старину; обыкновенно же старались ставить стѣны по возможности съ двухъ и много трехъ сторонъ; остальную предпочитали оставлять свободною, обращая ее на крутояръ рѣки. Тогда могли отбиваться отъ враговъ скатываньемъ подъ ноги дикарямъ бревенъ, камней и всякихъ попавшихся подъ руку тяжестей. Со стѣнъ обваривали кипяткомъ и горячей смолой. И отсидѣлись казаки наши.

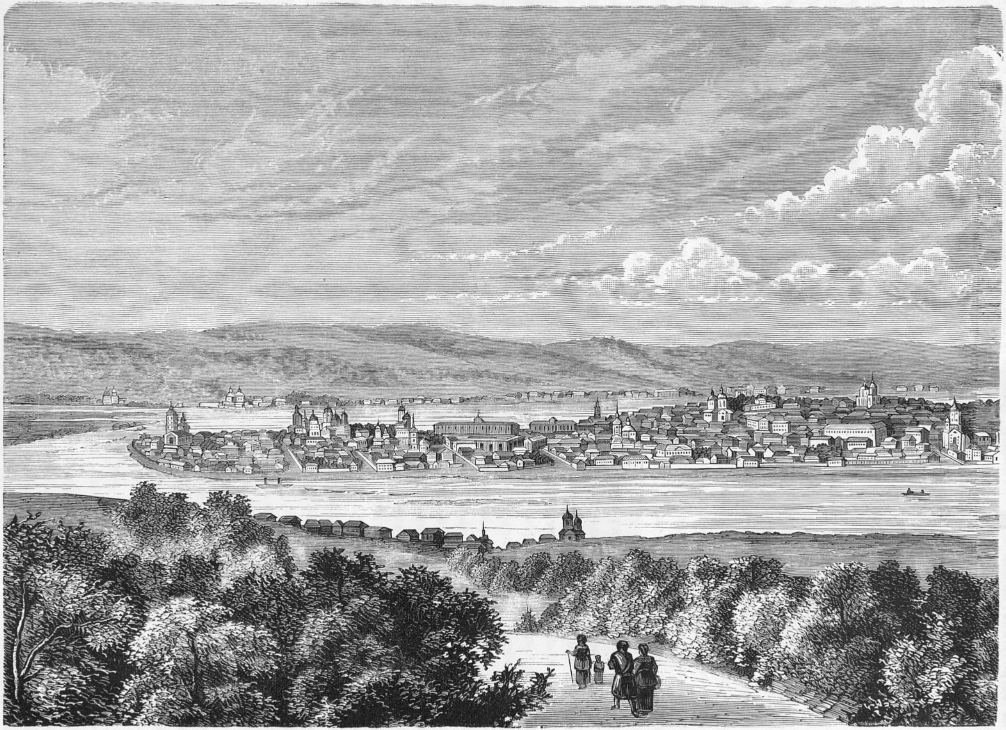
Нападенія не бывали часты, но случались. Занимали казаки землю для поселенія землянкой или избой на первой разъ всегда съ опасливостью, тихо и ласково, и едва примѣтно, но непремѣнно на рѣкѣ, будто-бы только для того, чтобы половить рыбки, и около лѣсу, чтобы сбѣгать на лыжахъ пострѣлять рыскучаго по сугробамъ и деревьямъ звѣря. Сидя въ зимовьяхъ, мало защищенными противъ большей толпы, позволяли себѣ казаки при сборѣ ясака только плутовать или воровать; когда же прочно укрѣплялись, начинали грабить и разбойничать. Впослѣдствіи завелся и упрочился такой порядокъ: когда сборщикъ ясака появлялся на стойбищахъ, изъ юртъ выходили старшіе хозяева, почтительно становились у входовъ въ жилища, держа въ рукахъ шкурки пушныхъ звѣрей. Не ранѣе дикарь имѣлъ право уйти домой, какъ когда знаменитый гость объявитъ на то свое соизволеніе. Сборъ ясака не могъ установиться правильнымъ, потому что зависѣлъ отъ прихоти казенныхъ прикащиковъ и ихъ личнаго характера. Съ жестокостями и притѣсненіями собирали они съ каждаго стрѣлка или съ того, кто былъ въ состояніи «стрѣлять»: иные по 4 соболя, другіе по произволу. Мангазейскіе Остяки воспротивились казакамъ кетскимъ за то, что они требовали по 12 соболей, а казаки мангазейскіе брали съ нихъ только по 6. Эти взаимныя казачьи ссоры были обычны въ эти времена по тѣмъ обстоятельствамъ, что одни сборщики шли съ сѣвера, другіе съ юга, и неожиданно встрѣчались. Большой воеводскій городъ кончалъ пререканія казаковъ (когда сооружался и былъ вблизи) тѣмъ, что начиналъ посылать отъ себя, а для ясака выстраивалъ

въ острогѣ складочные амбары. Иногда подобные сборы были столь велики, что доходили до 14 соболей съ души и тогда, по сибирскимъ преданіямъ, подбивали соболями даже лыжи эти корыстные и своевольные сборщики инородческихъ податей.

Садились въ каждое зимовье человѣкъ по 5—8 казаковъ; а когда то мѣсто обезопасилось, и оказывалось привольнымъ и потому превращалось въ городокъ, — на рубленыя стѣны ставили пушки, четвертей по девяти въ длину, закатывали въ эти чугунныя страшилища каленыя чугунныя ядра, насыпали въ затравку ручной порохъ. Пушкарь «казакъ» становился съ запаломъ, по два мужика пашенныхъ для поворота пушки. Разбивались отъ перваго выстрѣла ряды нападавшихъ и, послѣ нѣсколькихъ другихъ, показывали тылъ эти приземистые, неуклюжіе «мужики тунгузскіе, братскіе» и друг. съ широкими плечами, большими головами, но бойкими на бѣгу жидкими ногами; всѣ до одного въ мохнатыхъ шубахъ и шапкахъ, всѣ, какъ одинъ, съ колчанами и луками за плечами, страшными однако на открытомъ мѣстѣ въ полѣ, но смѣшными изъ-за бревенчатыхъ стѣнъ, обыкновенно прикрытыхъ короткими крышами съ переходами подъ ними внутри городковъ. Пока прилаживался дикарь положить свою деревянную стрѣлу, т. е. спицу съ кремневымъ жаломъ и перенымъ комлемъ на тетиву, прямо зарубочкой, — казакъ съ Руси (которой извѣстенъ былъ порохъ уже больше ста лѣтъ) пыхнетъ изъ ружья или пищали и пошлетъ имъ горячее ядро или шальную пулю-дуру, которая гдѣ ударитъ, тамъ дыра. На дворѣ городковъ вырывались погреба для храненія пороху, который изобрѣтенъ нѣмцами, но теперь присылался изъ Москвы. Выстраивались тутъ же, чаще всего, часовни (Сибирь и до сихъ поръ можетъ называться «часовенною»). Часовни смѣняли одинокіе и обычные для всякаго жилья первые вслѣдъ за избой, высокіе деревянные кресты, какъ, въ свою очередь, часовни замѣнились потомъ деревянными церквами, однако не такъ скоро въ Сибири, какъ дѣлалось это въ сѣверной Руси до тѣхъ поръ.

Еще въ 1622 году первый тобольскій архіерей Кипріанъ получилъ отъ патріарха московскаго Филарета Никитича обличительную грамату, которою требовалъ возврата той, которая выдана была, вѣроятно, еще атаману Кольцу въ Москвѣ, на радостяхъ, при возвратѣ его обратно въ Сибирь, къ Ермаку. Старой граматой позволялось казакамъ увозить изъ городовъ женъ и дѣвицъ, чѣмъ, конечно, они и пользовались. Филаретъ приказывалъ выслать эту грамату съ такою неумѣстною привилегіей и поставилъ митрополиту на видъ, что въ Сибири не носятъ крестовъ, не хранятъ постовъ, живутъ съ некрещеными женами, кумами и свояченицами («свестями, или кровными сестрами женъ»); при отъѣздѣ же закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ. Патріарху за вѣрное извѣстно, что духовные вѣнчаютъ безъ оглашеній, постригаютъ въ монахи и монахини такихъ, которые, уходя изъ монастырей, опять живутъ въ мірѣ, что сами духовные потворствуютъ воеводамъ, которые краденыхъ въ Россіи дѣвицъ продаютъ въ замужство и заставляютъ при себѣ ихъ вѣнчать. Далѣе, черезъ сто лѣтъ (въ 1725 году, 7 сентября) другой митрополитъ, Филоѳей, извѣщаетъ губернскую тобольскую канцелярію, что казаки, посланные за ясакомъ, вмѣсто подводчиковъ, берутъ красивенькихъ остяцкихъ дѣвушекъ и дорогой ихъ насилуютъ. Извѣстно между прочимъ также, что березовскіе казаки покупали семилѣтнихъ Остячекъ по 20 коп. асс., а мальчиковъ того же возраста по 25 коп. асс. Точно также, какъ въ 1590 г. посланы были изъ Сольвычегодска въ Сибирь коровы, овцы и земледѣльческія орудія,—въ 1637 году оттуда же и изъ Вологды, Тотьмы и Устюга, сверхъ 500 семей, озаботились выслать 150 дѣвицъ для женитьбы холостыхъ казаковъ.

Въ 1639 году дьяконъ якутской соборной церкви писалъ такое челобитье царю Михаилу: «посланъ я, богомолецъ твой, изъ Казани, въ новую Сибирскую землю, на великую рѣку Лену, къ твоему государеву богомолью соборной церкви вмѣсто протодьякона. А въ сибирскихъ, Государь, городахъ служатъ наша братья протодьяконы и дьяконы и коли, Государь, бываетъ служба часомъ царьскимъ, предъ Рождествомъ Христовымъ и передъ Богоявленіемъ,

T. XII. Иркутскъ.

и на тѣхъ царьскихъ часѣхъ кличетъ наша братья, дьяконы, за тебя многолѣтье и за то даютъ имъ изъ твоея царскія казны, твое государево жалованье денегъ и бываетъ имъ твой государевъ погребъ». На оборотѣ челобитной надпись: «дано государева жалованья,— съ погреба четыре чарки вина дьякону». Въ 1680 году митрополитъ сибирскій Павелъ представлялъ царю Ѳеодору о надобности и возможности соорудить соборную Софійскую церковь изъ кирпича. Испрашивалось позволеніе взять на строеніе 700 руб., хранившихся въ архіерейскомъ домѣ изъ опасенія, чтобы попы и церковники, бражничая вмѣстѣ со старостою и раздавая церковную казну въ долги, не растратили ея вовсе. Въ 1726 г. въ Тобольскѣ якутскій служивый Сургучевъ судился за дерзкія рѣчи противъ уставовъ церкви и, послѣ увѣщаній, былъ сженъ въ губернской канцеляріи, но остался при своемъ (его сослали въ Соловецкій монастырь) и т. д. Дѣла вѣры въ Сибири, за недосугомъ въ хлопотахъ при передвиженіяхъ и разселеніи, находились не въ привлекательномъ видѣ, и — что особенно замѣчательно — монастыри здѣшніе не играли роли колонизаторовъ, созывавшихъ и группировавшихъ около себя вольное населеніе, какъ это было на сѣверѣ Россіи. Монастыри, по примѣру перваго изъ нихъ, Знаменскаго въ Тобольскѣ, строились около осѣвшихся жилищъ уже послѣ того, какъ города были срублены и построена церковь, и словно бы только за тѣмъ, что надо же быть этимъ древнимъ русскимъ учрежденіямъ и въ Сибири. Чаще всего случалось такимъ образомъ, что обыкновенная приходская церковь, обстроившись кругомъ кельями, т. е. избушками въ конецъ занищавшихъ людей, переименовывалась въ монастырь. Строились также довольно часто монастыри съ опредѣленною цѣлію просвѣщенія инородцевъ христіанскою вѣрою, таковы: кондійскій, туруханскій, киренскій, якутскій, посольскій и проч., какъ миссіонерскіе. При сравнительно (съ населеніемъ) незначительномъ числѣ чудотворныхъ иконъ (изъ которыхъ, между прочимъ, явленіе одной, Богоматери Абалацкой, успѣло собрать монастырь), во всей обширной странѣ почиваютъ лишь двое мощей благочестныхъ подвижниковъ, особенно угодившихъ Богу: одни въ Иркутскѣ тамошняго архіерея Иннокентія, современника Петра Великаго; другіе въ Туруханскѣ — преп. Василія «Убіеннаго», бывшаго въ этихъ мѣстахъ купеческимъ прикащикомъ. Житіе его въ особенности поучительно, въ интересахъ понятія о вновь населявшейся странѣ Въ Мангазейскомъ острогѣ, основанномъ близь устьевъ Енисея въ 1600 году (сожженномъ потомъ тазовскими Самоѣдами, при чемъ всѣ жители были перебиты), у одного купца жилъ 17-ти лѣтній юноша Василій, сынъ ярославскаго жителя, и имѣлъ отъ своего хозяина довѣріе продавать товары. Когда Василій, однажды утромъ, молился въ церкви, воры обокрали хозяйскую лавку. Самъ купецъ этому не повѣрилъ и пожаловался воеводѣ. Воевода Пушкинъ мучилъ Василія на встряскахъ, т. е. обѣ руки связывалъ близь ладоней веревкой, поднималъ воротомъ къ самому потолку застѣнка и вдругъ опускалъ. Падая, несчастный не доставалъ ногами полу. Послѣ встрясокъ воевода мучилъ его на пыткахъ до того, что страдалецъ умеръ. Мертвое тѣло не предали погребенію, но закопали въ болотистомъ грязномъ мѣстѣ. «Оттуда, говоритъ сказаніе, невидимою силою тѣло выходило наружу земли». Его перенесли послѣ того на кладбище и надъ могилою построили часовню, которая поддерживается и до сего времени. «Въ 1652 году, при воеводѣ Корсаковѣ начали отъ него, Василья, бывать чудеса всѣмъ, съ вѣрою притекающимъ къ нему». Когда разрушена была Мангазея, гробъ и тѣло Василія «Убіеннаго» перенесли въ Троицкій «тунгузскій монастырь въ городкѣ Туруханскѣ на устьяхъ Енисея».

Постройка Туруханска и Мангазеи замѣчательна тѣмъ обстоятельствомъ, что новые поселенцы шли не ближайшими путями, а, торопясь занять прибыльныя и новыя земли, пользовались всякими, конечно такими же легкими, какъ рѣки, и во всякомъ случаѣ наугадъ и очертя голову. Выручала ихъ выработанная опытомъ смѣлость, энергія и неустрашимость, основанныя на всемогущемъ чувствѣ корысти и жаждѣ стяжаній. Въ данномъ случаѣ казаки искали рѣку Тазъ, куда недавно пріѣзжали русскіе торговцы и Зыряне съ рѣки Печоры и не

только торговали, но и собирали, именемъ бѣлаго царя, ясакъ. Воевода князь Мосальскій съ сотнею казаковъ отправился по Оби прямо въ море и, добравшись до устья р. Таза, взобрался въ верхъ по ея теченію и выбралъ удобное мѣсто, въ 200 верстахъ отъ Тазовской губы. Это—Мангазея. Отсюда рѣкою Туруханомъ приблизились здѣшніе казаки къ Енисею, поплыли по нему въ низъ и въ 1605 г. встрѣтили тѣхъ, которые поднялись сюда же изъ Кетскаго острога, т. е. съ юга, съ воеводою Молчановымъ. Въ 1618 выстроены были уже два новые острога, Намацкій и Маковскій, и обезпечено владѣніе Енисеемъ, съ построеніемъ въ слѣдую-

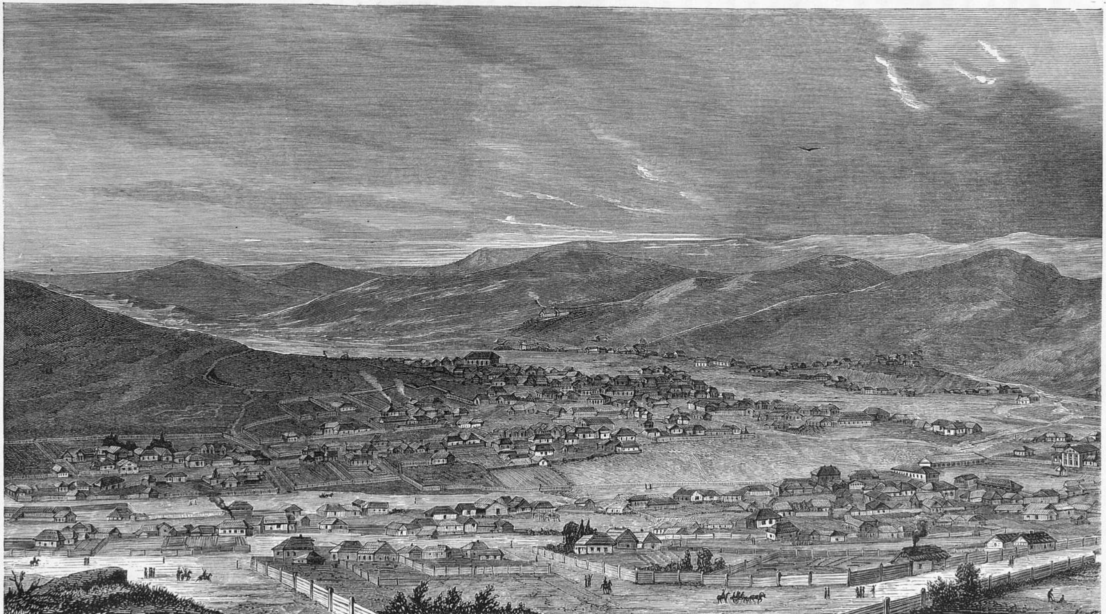

Лена у Киренска.

щемъ году острога этого имени. Пріобрѣтеніе Ангары—Тунгузки и по ней пути въ восточную половину Сибири, за высокія каменныя горы Саянскаго поперечнаго по діагонали хребта было вполнѣ обезпечено, особенно когда въ 1646 г. заложенъ былъ второй острогъ на другой Ангарѣ—Верхней (впадающей въ тотъ же Байкалъ восточнѣе). Заложеніе сыномъ боярскимъ Иваномъ Галкинымъ Баргузинскаго острога облегчило владѣніе всѣми берегами озера Байкала.

«Божіею милостію, государевымъ счастьемъ и казачьимъ радѣньемъ», рѣка Енисей очутилась въ русскихъ рукахъ, а съ постройкою на ней Енисейскаго острога, въ ближайшемъ отъ него разстояніи къ югу открылось устье новой многоводной рѣки, называемой въ этихъ мѣстахъ Большой или Верхней Тунгузкой, хотя это въ сущности одна и таже рѣка Ангара. Она указала два пути въ разныя стороны: одинъ по ея притоку Илиму прямо на Лену и въ Камчатку, другой къ ея истоку на озеро Байкалъ, въ Забайкалье на встрѣчу съ Монголами и Китайцами. Ангара такимъ образомъ въ этомъ отношеніи оказала опредѣленіемъ пути и направленія колонизаціи Сибири, столь же громадную услугу, какъ и Чусовая, составивъ съ нею почти непрерывную цѣпь (съ незначительными вывалившимися, но поправимыми звѣньями). Цѣпь эта сама въ 2 тыс. верстъ протяженія связуетъ теперь съ Россіей и дальній Китай, и воды Тихаго океана съ Японіей включительно.

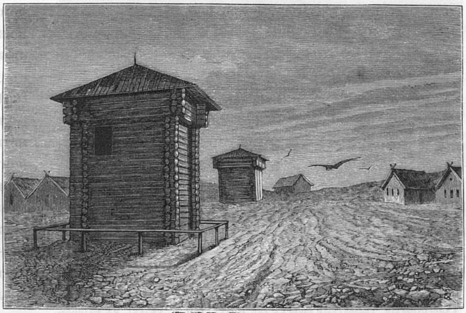
Въ 1631 году казакъ Перфильевъ построилъ на Ангарѣ первый острогъ, названный Братскимъ за то, что выстроенъ былъ противъ «мужиковъ Братцкихъ», или Бурятъ, оказавшихъ наибольшее сопротивленіе и причинившихъ казакамъ особыя хлопоты и затрудненія. Но-

Нерчинскій большой заводъ.

вому острогу однако удалось защитить тылъ ушедшихъ впередъ на Лену къ морю Байкалу, и до сихъ поръ сохранить на уберегшихся деревянныхъ башняхъ знаки стрѣлъ осаждавшихъ инородцевъ. Башни эти представляютъ собою подлинный типъ древнихъ сооруженій подобнаго рода. Въ одной изъ этихъ башенъ Братскаго острога нѣкогда сидѣлъ на цѣпи скованнымъ извѣстный расколоучитель протопопъ Аввакумъ, когда везли его изъ Тобольска въ Дауры. «Въ тюрьму меня кинули—пишетъ онъ въ своей автобіографіи—соломки дали. И сидѣлъ до Филиппова поста въ студеной башнѣ. Тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья. Что собачка на соломкѣ лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было, я ихъ скуфьею билъ: и батожка не дадутъ дурачки».

Ангара, этотъ второй главнѣйшій въ Сибири переселенческій мостъ, останавливаетъ наше вниманіе сколько по историческому значенію, столько и по тѣмъ естественнымъ особенностямъ, которыя только этой рѣкѣ и принадлежатъ. Это почти единственная рѣка во всей Сибири и Россіи, на которой ледъ не накипаетъ, какъ обыкновенно и вездѣ съ поверхности, но приготовляется на низу и поднимается со дна почти вполнѣ готовымъ ледянымъ мостомъ.

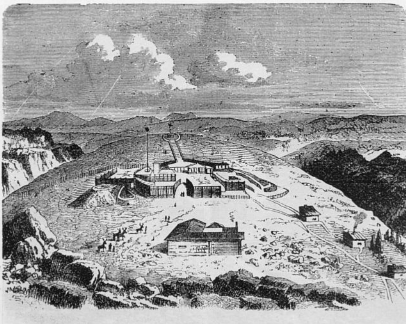
[redacted]

Башни Братскаго острога.

По выходѣ своемъ изъ озера-моря Байкала, у станціи, съ небольшимъ селеніемъ, Лиственичной, Ангара на 20 верстъ быстраго своего теченія не замерзаетъ вовсе. На шестьдесятъ первой верстѣ отъ выхода изъ Байкала, въ серединѣ декабря я переправился черезъ рѣку на паромѣ-самолетѣ въ затянутый густымъ туманомъ городъ Иркутскъ, съ противоположнаго берега отъ монастыря Вознесенскаго-Иннокентіевскаго. Подъ этимъ городомъ быстрота теченія рѣки доходитъ до $8\frac{1}{2}$ верстъ въ часъ; на порогахъ: до $15\frac{1}{2}$ на Падунѣ, свыше 14 верстъ на Мурскомъ, больше 13-ти на Пьяномъ и Аплинскомъ, свыше 12-ти верстъ въ часъ на Долгомъ и Шаманскомъ (средняя скорость теченія $5-1\frac{1}{2}$ узла), а въ подпорожьяхъ до $5\frac{1}{2}$ узловъ (около семи верстъ). Такая рьяная и могучая быстрота теченія не позволяетъ рѣкѣ замерзать вовсе на плоскости наибольшаго склона паденія при истокѣ, а въ Иркутскѣ—раньше конца декабря. Въ теченіе ста шестидесяти лѣтъ, съ 1721 по 1881, рѣка замерзла вся вплоть до Байкала и ледъ скипѣлся съ озернымъ только одинъ разъ, именно: въ 1739 году, 31 декабря. По мѣрѣ же того, какъ рѣка въ дальнѣйшемъ теченіи идетъ по наиболѣе горизонтальной плоскости и утрачивается вліяніе высотъ Байкала, быстрота становится слабѣе и замерзаніе раньше: у Балаганска Ангара становится 5 декабря, противъ устья Илима въ концѣ ноября и въ серединѣ его. Въ с. Рыбинскомъ, въ 110 верстахъ отъ устья, въ половинѣ октября прекращается сообщеніе между берегами, а къ концу мѣсяца или въ началѣ ноября рѣка замерзаетъ совсѣмъ. Сложность 115 лѣтъ показываетъ что время вскрытія Ангары въ среднемъ выводѣ упадаетъ на 27 марта, а среднее время замерзанія на 30 декабря. Стало быть, рѣка 278 дней въ году бываетъ открыта, и только лишь 87 скрывается подо льдомъ, не смотря вообще на суровый климатъ тѣхъ мѣстъ, когда холодъ въ Иркутскѣ достигаетъ до—33°. Температура воды въ Ангарѣ рѣдко бываетъ выше + 4° Р.

Быстрое теченіе воды, особенно въ верхнихъ слояхъ ея, и при томъ неправильное вслѣд-

ствіе неровности дна, столь характернаго для каменистой и скалистой Ангары, увлекаетъ эти верхніе слои внизъ, гдѣ они измѣняются въ ледъ и бельшими массами комковъ и цѣлыхъ глыбъ прилипаютъ ко дну. Затѣмъ стоитъ лишь застояться морозамъ, какъ этотъ подводный, или такъ называемый глубинный, ледъ, съ необыкновеннымъ шумомъ, всплываетъ на поверхность Ангары и спѣшно приковывается кузнецомъ-морозомъ къ береговымъ припаямъ. Чтобы подняться вверхъ ледъ не разбираетъ того, какая погода стоитъ въ воздухѣ: валитъ ли клочьями снѣгъ, или проглядываетъ время отъ времени, сквозь туманъ, солнце. Въ свою очередь, когда до ледохода, при долгихъ морозахъ шелъ снѣгъ, — комья его, смачиваясь не застывшею водою, упадаютъ также на дно и такимъ же способомъ застываютъ въ ледяныя глыбы. Онѣ, по тому же закону, поднимаются потомъ съ тѣмъ же шумомъ на поверхность, вынося на себѣ неизбѣжно примерзшія къ льдинамъ крѣпкіе песчаники, гранитные камни съ діоритами, глину и другія земли (крѣпкій, мелкозернистый гранитъ Ангары, тяжелый на вѣсъ, звонкій какъ металлъ, залегаетъ поперекъ рѣки почти во всѣхъ мѣстахъ передъ порогами). Этотъ ледъ вода несетъ затѣмъ внизъ до тѣхъ поръ, пока онъ не задержится на окраинахъ замерзшей рѣки, гдѣ-нибудь на открытомъ плесѣ. Здѣсь ледъ примерзаетъ ко дну только въ неглубокихъ мѣстахъ. Въ такихъ мѣстахъ, когда идетъ шуга или начался осенній ледоходъ, льдинъ набивается

Алибертовскій графитный пріискъ (въ Иркут. губ. и уѣздѣ), на водораздѣлѣ Оки и Бѣлой, притоковъ Ангары.

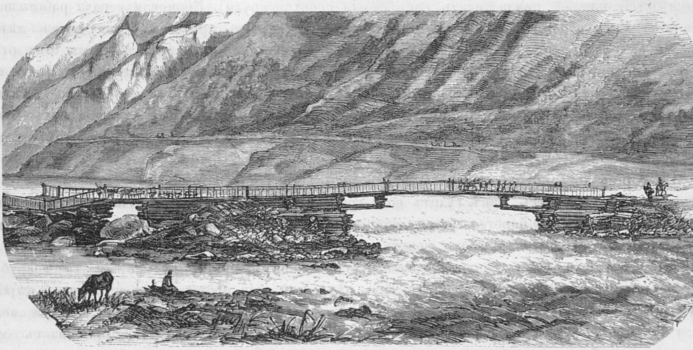
такъ много, что дѣлаются изъ нихъ плотины, и вода поднимается отъ 2 до 5 саженей, затопляя берега и разрушая селенія. Въ Иркутскѣ осенью и зимой скопляется глубинный ледъ въ такомъ количествѣ, что производитъ въ рѣкѣ заторы, при чемъ вода подымается такъ высоко, что вливается въ городскія улицы и производитъ наводненія, къ счастію, рѣдкія.

Подобное замерзаніе, кромѣ Ангары, замѣчено еще у Аландскихъ острововъ, въ Каттегатѣ и фіордахъ Норвегіи, гдѣ также теченіе бываетъ самое быстрое и неправильное вслѣдствіе такихъ же неровностей дна. Наибольшая плотность воды $+3^{\circ}$ Р. Если бы вода (по объясненію наблюдавшаго явленіе профессора Эдлунга), охлаждаясь продолжала сжиматься до точки замерзанія, то озера и рѣки промерзли бы до дна. Но какъ наибольшая ея плотность при $+3^{\circ},2$, то, когда вся масса получитъ эту температуру, вертикальная циркуляція частицъ прекратится. Только на поверхности вода продолжаетъ охлаждаться до 0°, — и замерзаетъ; между тѣмъ какъ нижняя часть остается при $+3^{\circ}, 2$ Р. Отъ неправильныхъ же и сильныхъ теченій вся масса воды можетъ быть перемѣшана и такимъ образомъ можетъ вся охлаждаться до точки замерзанія и даже ниже. Болѣе низкіе, ближніе ко дну слои воды, какъ болѣе спокойные, замерзаютъ прежде, чѣмъ на поверхности, такъ какъ вода при сильномъ теченіи не можетъ скоро кристаллизоваться, какъ и всѣ жидкія тѣла. Слѣдуетъ добавить, что всплывающія передъ замерзаніемъ самаго Байкала, по тому же закону съ его дна готовыя льдины имѣютъ десять и болѣе верстъ длины.

Къ этой исключительной и интересной странности Байкала и Ангары, слѣдуетъ присоединить и ту особенность рѣки, которая заключается въ періодической прибыли воды, два раза въ годъ, называемой тамъ «Ильинской и Успенской». Эта прибыль зависитъ отъ снѣговъ,

которые опаздываютъ растаять на отдаленныхъ возвышенностяхъ, съ которыхъ и приносятъ воду ангарскіе притоки. Лѣтнія воды всегда бываютъ выше и опаснѣе осеннихъ: въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Братскомъ острогѣ, вода въ рѣкѣ Сибирской Окѣ, притокѣ Ангары, поднялась такъ высоко, что сносила дома, выстроенные на возвышенности до 6 саженей. На такой же высотѣ въ 1860 году смыта Богучанская заимка (теперь на томъ же мѣстѣ деревня того же имени) и часть Шаманскаго селенія, отстоящаго отъ устьевъ на 60 верстъ. Во всю осень, пока Ангара не замерзнетъ, надъ всею рѣкою и надъ прибрежьемъ при жестокихъ морозахъ (въ ноябрѣ и декабрѣ) стоитъ безпрерывно густой, непроницаемый черный туманъ, дѣлающій на это время Иркутскъ городомъ нездоровымъ: требуется особенное наблюденіе за горловыми и легочными заболѣваніями, какъ у дѣтей, такъ и взрослыхъ. Когда вся рѣка покроется льдомъ, т. е. съ января, воздухъ становится чистымъ и здоровымъ; небо яснымъ, синимъ и безоблачнымъ.

Холодные утренники, доходящіе до силы и вліянія морозовъ, случаются на Ангарѣ и лѣтомъ, когда все посѣянное на прибрежьяхъ позябаетъ. Замѣчаютъ при этомъ, что когда гибнутъ огороды на берегу,—на островахъ, лежащихъ противъ тѣхъ же деревень, овощи остаются цѣлыми, какъ это было напр. въ 1875 году. Острова ангарскіе бываютъ очень длинны, какъ напр. повыше Балаганска Островскій и пониже Эдармы — Тургеньевъ (отъ 22 до 25 верстъ).

Рѣка Ката, правый притокъ Ангары, составляющій границу между Иркутской и Енисейской губерніями.

Водою прозрачною и темнаго цвѣта сливается Ангара съ мутною желтоватою водою Енисея тамъ, гдѣ онъ продолжаетъ течь по ровной плоскости, а Ангара вывела на это мѣсто известковые утесы своихъ береговъ. При встрѣчѣ соперницы Енисей круто повернулъ на западъ и подчинилъ и направленіе теченія, и правый берегъ свой направленію лѣваго берега Верхней Тунгузки, названной такъ въ отличіе дальнѣйшихъ: Средней, или Подкаменной, и Нижней. Громадное протяженіе Ангары (1754 версты) до этого мѣста, и необъятная масса глубокой воды, шириною русла доходящая иногда до 6 верстъ (и лишь въ самыхъ узкихъ мѣстахъ отъ 200 до 300 саженей) и глубиною отъ 175 до 220 футовъ (и семи саженей), также не даютъ достаточнаго основанія считать Ангару побочною рѣкою, т. е. притокомъ Енисея. Послѣдній, при впаденіи Ангары (по промѣрамъ, сдѣланнымъ въ устьѣ), самъ имѣетъ только 842 кв. сажени, тогда какъ Ангара 1562 квад. сажени. Понятно, почему и здѣсь ведется тотъ же споръ, который издавна, даже въ народныхъ сказаніяхъ, заподозрили у Сожа съ Днѣ-

ромъ, у Дона съ Красивой Мечью, у Волги и съ Вазузой, и съ Окой, и съ Камой. Такой же споръ имѣетъ основаніе для Ангары еще въ томъ, что она до встрѣчи съ Енисеемъ успѣла пробѣжать точно измѣренныхъ 1754 верстъ, тогда какъ Енисей въ это время осилилъ приблизительныхъ лишь 1330 верстъ.

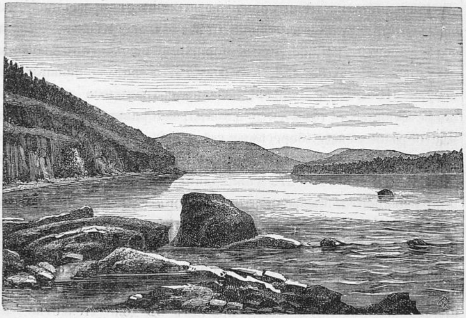
Ангара, какъ и быстрая Чусовая, потекла первымъ переселенцамъ изъ Руси на встрѣчу и сильнымъ теченіемъ своимъ обѣщала великое множество затрудненій. И въ самомъ дѣлѣ, на дальнѣйшемъ подъемѣ вверхъ и тотчасъ же (всего въ 6 верстахъ отъ Енисея) она поспѣшила выставить громадныя и мучительныя препятствія въ видѣ пороговъ (первый Стрѣлочный, и потомъ семь другихъ, болѣе опасныхъ и сильныхъ). Вмѣстѣ съ порогами удалой казачьей силѣ выслала Ангара новыхъ и лютыхъ враговъ, которыхъ назвали русскіе люди разными именами: шиверами, быками, зарубами, наплывами, кармагулами.

Пройдя такія громадныя пространства среди неисчислимыхъ опасностей и намѣренно рѣшившіеся побороться съ ними, казаки не боялись ихъ и на новой рѣкѣ, потому что знакомы были съ таковыми же на всѣхъ прежнихъ, неисключая зауральской Чусовой и Иртыша. Люди отважные, руки сильныя, глазъ опытный,—чего бояться?—Затѣмъ пришли.

На судахъ, больше на дощеникахъ, или плоскодонныхъ лодкахъ съ палубою и одною среднею мачтою, шли на парѣ или на нѣсколькихъ парахъ веселъ, которыя дѣлали просто изъ цѣльнаго бревна. Такое же бревно укрѣпляли на кормѣ и называли верехой (далеко уже впослѣдствіи начали прилаживать сопцы, или короткіе рули). Кормовая вереха работала съ помощію двухъ верехъ на носу, или двухъ поносныхъ, какъ привыкли и выучились дѣлать то еще на Руси, напр. на Мстѣ и Сѣв. Двинѣ. Ангара — бѣдовая рѣка еще въ томъ отношеніи, что напускаетъ снизу на встрѣчу всего чаще противные и сильные вѣтра. Тогда при помощи мелкихъ лодокъ или стружковъ и набойницъ (съ набитыми по бортамъ досками) выходили казаки на берегъ, укрѣпляли здѣсь воротъ и поднимали судно вверхъ чрезъ береговыя ворота или дѣлали по другому, т. е. бичеву крѣпили на берегу, а воротомъ ходили на суднѣ.

Съ берегу хотя порогъ и не бываетъ виденъ и рѣка кажется совсѣмъ смирной, но и непривычное ухо слышитъ, какъ гудитъ вода громкими отголосками въ утесистыхъ берегахъ и съ необычайною силою борется тутъ со спопутными камнями и порогами,—каменными брусьями и приступками. Привычный глазъ видитъ «мырь на наплывахъ», или рябь и водовороты на той верхней части рѣки, которая предшествуетъ всякой препонѣ, будутъ ли то «зарубы» или поперечный рядъ каменьевъ чрезъ всю рѣку, гдѣ вода пріостанавливается въ быстромъ бѣгѣ и куда натаскиваетъ все, что захватила съ собой на пути. Тутъ всегда мели, но и тѣ ворота, ближе къ какому-либо изъ обоихъ береговъ, гдѣ рѣка пробиваетъ себѣ «жерло» по-сибирски, стрежъ или корыто по-русски. Здѣсь можно плыть, но слѣдуетъ оглядываться. Сейчасъ за зарубами начинается порогъ со всѣми опасностями и при томъ на большихъ протяженіяхъ: вотъ этотъ первый на Ангарѣ (Стрѣлочный) тянется больше версты (550 саженей) и вода бѣжитъ по нему со скоростью почти 12 верстъ въ часъ. Тутъ все на бѣду и погибель, но опытный глазъ это видитъ: вотъ кочки, лопатки и черные камни; вотъ бѣляки, плиты, языки; вотъ лебеди, щелчки, конь-камни, а языкъ называетъ всѣхъ этихъ враговъ подобающими именами, очень вѣрно опредѣляющими ихъ наружныя качества и дурныя внутреннія наклонности. Въ Стрѣлочномъ все это есть: и сливная плита, на которой жметъ боковое теченіе, и эти боковыя теченія, которыя увлекаютъ въ сторону и могутъ посадить на камень, заставивъ болѣзненно прочертить дномъ по жесткимъ гранитнымъ камнямъ и обративъ судно обратно вспять по теченію. Есть на этомъ порогѣ и отбойные камни, отъ которыхъ, если отдѣлаешься только щелчками, то и благодари Бога. А вотъ и самые бойцы, т. е. опасные острые камни, нарочно выскочившіе для задорной драки съ деревяннымъ дощатымъ кузовомъ судна. Имѣются здѣсь разсыпанныя по сторонамъ плиты и гряды, которыя

велятъ помнить, что опасность спряталась и таинственно сторожитъ именно тутъ: значитъ, отворачивайся, а то будетъ поздно,—какъ разъ выброситъ на каменья. Особенно опасно здѣсь для судовъ, идущихъ внизъ, по теченію, и тяжело, едва одолимо для поднимающихся вверхъ. Стрѣлочный однако тѣмъ еще хорошъ, что глубокъ и широкъ; всѣ остальные хуже, въ особенности Аплинскій и Падунъ, которые хотя и короче большихъ ангарскихъ пороговъ, Шаманскаго и Долгаго (Аплинскій 57 саженей длины, Падунъ въ 346, Долгій 665 саж. и Шаманскій 4 версты 250 саженей), но злѣе и немилосерднѣе прочихъ въ другихъ отношеніяхъ. Падунъ не даромъ получилъ, сверхъ главнаго прозванія, имя «Грознаго», а сильный порогъ Аплинскій страшенъ своимъ «быкомъ», или камнемъ, уголъ котораго далеко вдался во взволнованную и разсерженную рѣку и на огибѣ, въ быстро несущихся струяхъ воды, едва побѣдимъ. Шаманскій досаденъ тѣмъ, что на немъ въ теченіе одного осенняго дня бываетъ до 18 порывовъ вѣтра съ разныхъ сторонъ: налетаютъ отовсюду, какъ досадные и докучливые комары. Однако этотъ-же порогъ считается послѣ Падуна самымъ эффектнымъ по своимъ чернымъ, вертикальнымъ, позолоченнымъ временемъ, утесамъ, стоящимъ по сторонамъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, пороговъ. Среди мрачныхъ скалъ и острововъ, выглядывающихъ

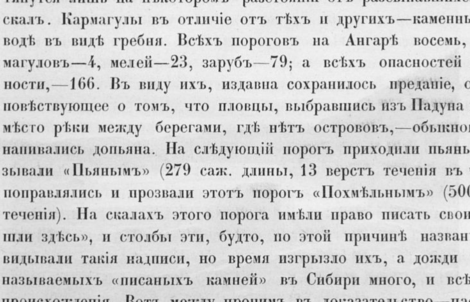

Похмѣльный порогъ.

красиво изъ волнъ, рѣка, надрывая силы, дико бѣснуется, и видимо борьба камня съ водой все еще продолжается. Борьбѣ непримиримой и конца не видно, не смотря на промелькнувшія надъ нею столѣтія. Все тѣ-же горы высокія (какъ писалъ объ Ангарѣ Аввакумъ), «дебри не проходимыя, утесъ каменный, яко стѣна, стоитъ, — и поглядѣть, заломя голову. Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великіе. Въ нихъ же витаютъ гуси и утицы — періе-красное, вороны черные и галки сѣрыя. Въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречеты, и курята индѣйскіе, и бабы, и лебеди, и иныя дикія многое множество птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе: дикія козы и олени, изубры (иначе сохатые, или лоси), и кабаны, волки, бараны дикіе воочію нашу, а взять нельзя» — простодушно и справедливо пишетъ историческій протопопъ. Говорятъ, что на всей Ангарѣ считается только до 40 тысячъ жителей, и прибавляютъ кстати, что среди нихъ нѣтъ охотниковъ на дикую птицу, и ни одна изъ здѣшнихъ нейдетъ въ пищу. Довольствуются жители рыбой, которая во множествѣ ложится пластями въ толщину до 4 аршинъ (въ январѣ и февралѣ) въ подпорожныхъ, глубокихъ ямахъ: осетръ, таймень, стерлядь, костера, хайрюзъ, сигъ, щука и окунь. Невода и сѣти въ маломъ употребленіи; всего чаще ставятъ поперекъ рѣки, на дно ея, самоловы, или веревки съ острыми крючками изъ довольно толстой проволоки. Заснувшую на зиму рыбу, сквозь длинныя, прорубленныя во льду лунки, ловятъ адурой, т. е. двузубой острогой. За недостаткомъ и дороговизной соли очень дурно солятъ эту добычу даже въ самомъ Иркутскѣ, не исключая и омулей—любимой сибирской рыбы, съ успѣхомъ замѣняющей тамъ хорошихъ голландскихъ сельдей и у рыбаковъ извѣстной подъ тремя названіями. Выловленные около Петрова дня омули называются береговыми, уходящіе въ Селенгу безчисленными рунами въ началѣ сентября — сентябрскими, а осенніе,

которымъ бываетъ ловъ около Покрова—котцовыми. Въ это время, въ рѣкахъ и рѣчкахъ дѣлаются заколы или перегородки, называемые котцами.

За порогами на Ангарѣ требуютъ особеннаго вниманія со стороны пловцовъ и такихъ же хлопотъ и усилій еще такъ называемые «шиверы», водяная розсыпь по камнямъ, гдѣ стрежъ безпрестанно измѣняется, и что называется на Волгѣ перекатомъ: съ тою разницею, что здѣсь переборъ каменистый, а тамъ песчаный. Эти мелкія мѣста во всю ширину рѣки по твердому дну, плитняку, съ быстрымъ скатомъ и теченіемъ бываютъ извилисты, но съ меньшимъ паденіемъ чѣмъ пороги. Шиверы, съ другой стороны, тѣмъ отличаются отъ «быковъ», что идутъ поперекъ всей рѣки и представляютъ собою не иное что, какъ старые пороги, разрушенные постояннымъ натискомъ воды или льдовъ. Быки же—тѣ каменныя гряды, которыя тянутся лишь на нѣкоторомъ разстояніи отъ разсыпавшихся на мелкія части побережныхъ скалъ. Кармагулы въ отличіе отъ тѣхъ и другихъ—каменныя розсыпи, продолженіе скалъ въ водѣ въ видѣ гребня. Всѣхъ пороговъ на Ангарѣ восемь, шиверовъ—32, быковъ—16, кармагуловъ—4, мелей—23, зарубъ—79; а всѣхъ опасностей и непріятностей, въ общей сложности,—166. Въ виду ихъ, издавна сохранилось преданіе, объясняющее названіе пороговъ и повѣствующее о томъ, что пловцы, выбравшись изъ Падуна въ «трубу»—открытое и спокойное мѣсто рѣки между берегами, гдѣ нѣтъ острововъ,—обыкновенно на радостяхъ пили водку и напивались допьяна. На слѣдующій порогъ приходили пьяными, а потому и самый порогъ называли «Пьянымъ» (279 саж. длины, 13 верстъ теченія въ часъ). Предъ слѣдующимъ пловцы поправлялись и прозвали этотъ порогъ «Похмѣльнымъ» (500 саж. длины, 11 верстъ скорости теченія). На скалахъ этого порога имѣли право писать свои имена—«богатыри такіе-то прошли здѣсь», и столбы эти, будто, по этой причинѣ названы «Богатырями». Старожили еще видывали такія надписи, но время изгрызло ихъ, а дожди безслѣдно смыли. Впрочемъ, такъ называемыхъ «писаныхъ камней» въ Сибири много, и всѣ надписи собственно неизвѣстнаго происхожденія. Вотъ между прочимъ въ доказательство—настоящій рисунокъ «Истокъ Оки», лѣваго притока Ангары, гдѣ близь слободы Барлуцкой на камняхъ изображены всадники съ лошадями и рогатый скотъ.

Писанные камни на Окѣ, притокѣ Ангары.

Такъ какъ каждая ангарская заруба имѣетъ береговой фарватеръ, то здѣсь въ старину и ходили. Если судно влетало всѣмъ своимъ широкимъ днищемъ на камень, то поднимались на завозяхъ въ стружкахъ къ берегу и, бросивъ кошку передъ порогомъ и сдаваясь на съемной бичевѣ къ выброшенному судну, спѣшили снять съ него часть груза. Со стругами поступали проще: становились въ два ряда по колѣни въ воду подлѣ самыхъ береговыхъ каменьевъ, гдѣ обыкновенно во всѣхъ порогахъ мелко. Струги передавали въ этихъ рядахъ съ рукъ на руки: гдѣ протаскивали прямо по каменьямъ, гдѣ просто проносили на рукахъ, или же кое-гдѣ, при возможности, проводили вплавь по водѣ. Такимъ способомъ первый пловецъ, Бекетовъ, въ 1627 году, сразился на малыхъ стругахъ и каюкахъ и побѣдилъ такихъ силачей, какъ пороги: Долгій, Падунъ, Пьяный и Похмѣльный, наиболѣе трудные. Не такъ легко досталось подобное плаваніе на долю перваго ссыльнаго, плывшаго по этой рѣкѣ, того-же протопопа Аввакума, вскорѣ послѣ Бекетова съ воеводою Пашковымъ Аѳанасьемъ, переправлявшимъ въ Даурію

600 человѣкъ казаковъ и пашенныхъ людей. Случилась обычная бѣда: вѣроятно, не попали прямо въ ворота порога, а вбѣжали какими-нибудь другими, наскочили на гряды, по которымъ дощаникъ обычно запрыгалъ съ одной на другую, подгоняемый быстротой встрѣчнаго теченія назадъ и скакалъ до тѣхъ поръ, пока не попалъ на такую мелкую розсыпь, что и прыгать было некуда. Сталъ дощаникъ наливаться водой, парусъ изорвало вѣтромъ: «одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребят кое-какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу:—Господи, спаси! Господи, помози! Упованіе, не утопи! —На другомъ дощаникѣ двухъ человѣкъ сорвало, и утонули въ водѣ». «На другомъ Долгомъ порогѣ сталъ меня (Пашковъ) изъ дощаника выбивать:—для тебя-де дощаникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи.—О горе стало!» «На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати.» «И онъ паки велѣлъ меня въ казенный дощаникъ оттащить: сковали руки и ноги, и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шелъ всю нощь, подъ капелью лежалъ.» «На утро кинули меня въ лодку и напредь повезли. Егда пріѣхали къ порогу, самому большому, Падуну, рѣка въ томъ мѣстѣ шириною съ версту, три заливка черезъ всю рѣку зѣло круты; не воротами что пополоветъ, ино въ щепы изломаетъ. Меня привезли подъ порогъ: сверху дождь и снѣгъ, а мнѣ на плеча накинутъ кафтанишко просто: льетъ вода по брюху и по спинѣ; нудно было гораздо. Изъ лодки вытаща, по каменію скованна около порога тащили: грустно гораздо, да душѣ добро: не пеняю уже на Бога.»

Мы намѣренно привели эти выписки, чтобы привести наглядное свидѣтельство тому, что главные пороги получили имена отъ первыхъ, прошедшихъ здѣсь съ Бекетовымъ. Мы имѣли въ виду также и то обстоятельство: какое терпѣніе требовалось отъ людей на одной только переправѣ чрезъ Ангару, и какимъ характеромъ и силою воли обладали подчиненные и подневольные люди въ виду другихъ, избалованныхъ московскою жизнію и по неволѣ поставленныхъ въ раздражающія условія жизни въ пустынной сторонѣ и путешествія по ней среди подобныхъ естественныхъ невзгодъ и лишеній. Впрочемъ борьба съ закаленнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ Аввакумомъ никому не была подъ силу. Извѣстно всѣмъ, что протопопа съ 4 товарищами потомъ сожгли живымъ въ срубѣ на Печорѣ, въ Пустозерскѣ, за его религіозныя убѣжденія и за дерзкія выраженія въ послѣдней въ его жизни челобитной, посланной въ Москву.

За Бекетовымъ, какъ и съ Пашковымъ, потянулись, обычнымъ и испытаннымъ сибирскимъ способомъ, на приволье новыхъ земель все тѣ-же самые люди, которые тянулись по Сибири и до сихъ поръ. Шли казаки и промышленники, и если въ казачьемъ отрядѣ было послано 30 человѣкъ, то за ними плелись до 150 и больше «охочихъ» людей. Этихъ бѣдняковъ или заманили всюду проникающіе и вездѣ бродячіе слухи о новыхъ землицахъ, гдѣ «бабы бьютъ соболей коромыслами», или тѣ, которыхъ выкликали на торгахъ бирючи, расхваливавшіе, по царскому указу, новыя мѣста, гдѣ съ охотниковъ не будутъ брать никакихъ пошлинъ и дадутъ хорошія земли даромъ. Въ тѣ времена, когда вся сѣверная Русь только тѣмъ и занималась, что, разработавши новыя земли и ошибшись на нихъ, думала и искала лучшія, охотниковъ на переселеніе было очень много. Шли и своей волей, и высылались неволей: по царскимъ указамъ, и воеводскимъ приказамъ, иногда и по жеребьямъ. Отовсюду шли эти охочіе люди на пашню и въ подспорье ей съ надеждою, гдѣ пойдетъ на руку, и на лѣсной промыселъ. Шли и торговцы искать новыхъ барышей и прибытковъ, около переселенцевъ и среди инородцевъ. Здѣсь были всѣ налицо: всѣ, кому предоставлена была полная свобода перемѣнять худшія мѣста на лучшія и ходить безъ спросу. Вотъ почему первыми и коренными насельниками Сибири явились жители сѣверныхъ городовъ (Тотьмы, Сольвычегодска, Ваги, Холмогоръ, Великаго Устюга), какъ торговцы и промышленники, а жители вологодскаго, архангельскаго, вятскаго, пермскаго и ближайшихъ краевъ, въ качествѣ пашен-

ныхъ людей. Изъ нихъ образовалось старожилое коренное населеніе Сибири, съ такою поразительною скоростію и въ такомъ многолюдствѣ. Въ царствованіе Грознаго, съ изданіемъ Судебника, въ особенности льготно и удобно было вольнымъ хлѣбопашцамъ дѣлать всякія передвиженія, когда ослаблены были прежнія стѣсненія и расширены права. Этотъ царь завоевалъ Волгу: ему нужно было закрѣплять ее подъ своею высокою рукою, т. е. населять людьми русскаго имени и православной вѣры.

Прежде каждый могъ поселиться, гдѣ его примутъ (въ общину ли то будетъ, или на землю частныхъ владѣльцевъ), и каждому былъ свободенъ выходъ на завѣтный осенній Юрьевъ день. Но сидѣвшій на чужой землѣ обязанъ для того расчитаться съ хозяиномъ за пожилое, т. е. съ полнаго двора, и возвратить ту ссуду, которую взялъ у него при поселеніи, а также половину всего дохода, полученнаго съ чужой земли. Судебникъ освободилъ отъ послѣднихъ двухъ обязательствъ и оставилъ только пожилое, стало быть еще значительнѣе расширилъ права и пути для переселеній. Они и такъ были благопріятны для новыхъ мѣстъ: свободно могъ переходить всякій, кто жилъ за чужимъ тягломъ и считался вольнымъ; и не могъ этого сдѣлать тотъ, кто имѣлъ свою выть и долю въ общинной землѣ: его могли сыскивать, ловить и насильно водворять на старую землю и въ крестьянскую общину. Эти тяглые прибѣгали впрочемъ къ инымъ способамъ переселеній, т. е. къ самовольному переходу, и хотя на родинѣ считались бѣглыми,—въ дальнихъ мѣстахъ, какъ Сибирь, не были таковыми, если принимала ихъ община и они вступали съ нею въ обычную круговую поруку. Такимъ образомъ потянулись въ Сибирь и эти, и пошли тѣ не тяглые, которые на переходъ имѣли свободное и законное право: сыновья отъ отцовъ, братья отъ братьевъ, племянники отъ дядей и вообще «захребетники», какъ выражаются образно старинные акты. Поднялись въ новую страну и цѣлыми общинами, и стали насильно снимать въ городахъ цѣлые «концы и улицы», а нужныхъ людей на выборъ и безъ жеребья. Оба дѣла, вольное народное и подневольное государево, пошли рука объ руку и населяли Сибирь. За хлѣбопашцами, по естественному закону природы, полетѣлъ слѣдомъ и воробей, до тѣхъ поръ въ сибирской безхлѣбной странѣ неизвѣстный. Не найдены тамъ между прочимъ пьявки и не было пчелъ (послѣднія стали разводиться въ Западной Сибири только съ начала нынѣшняго столѣтія). Съ домохозяевами прибыли въ Сибирь также и тараканы, дотолѣ въ ней неизвѣстные и изумившіе Манчжуръ при заселеніи Амура во второй половинѣ текущаго столѣтія. Кстати сказать, въ сибирскихъ лиственныхъ, или черныхъ, лѣсахъ не ростетъ ни ясень, ни кленъ.

Казакъ, высланный по наряду и приказу сталъ жить на государевомъ жалованьѣ и строить городки; захребетники, гулящіе люди и бѣглые начали, подъ ихъ защитой, селиться и цѣлыми слободами, и одинокими поселками, которые во всякомъ случаѣ представляли собой тѣ-же общины. Правительству даже выгодно было поощрять этотъ свободный переходъ и смотрѣть сквозь пальцы на уклоненія отъ уставовъ Судебника: трудолюбивые земледѣльцы шли на пашню. Сибири пришла пора питаться своимъ хлѣбомъ, а не обременять казны денежнымъ и хлѣбнымъ пособіемъ; она должна была подвозить на свой счетъ зерновые и соляные припасы изъ Выми, изъ Вятки, Устюга Великаго, съ Вычегды и Камы. До сихъ поръ производилось это особымъ классомъ выселенцевъ, носившихъ названіе «ямщиковъ», едва не уцѣлѣвшимъ до нашихъ временъ. Въ Верхотурьѣ шедшимъ прямо на пашню выдавали сохи, лемехи, топоры, серпы и косы, выдѣланные на казенныхъ желѣзныхъ заводахъ. Царь Василій Шуйскій освободилъ сибирскихъ пашенныхъ людей отъ рекрутской повинности натурою; казаковъ же продолжали высылать изъ Россіи съ ихъ прямыми служилыми обязательствами. Царь Михаилъ накрѣпко приказалъ сибирскимъ воеводамъ стараться обращать къ земледѣлію вообще всѣхъ ничѣмъ не занятыхъ людей. Мало того: велѣно «смотрѣть накрѣпко, чтобы крестьяне пахали и жали въ подобное время, а не изоздѣвъ и худыми бъ сѣмены не сѣяли; и на тѣхъ, кто будетъ надсматривать, спрашивать и смотрѣть за ними, чтобъ напрасно и изо

взятковъ не пропадали; и сколько сѣется озимаго и яроваго хлѣба, и что бываетъ лучшаго, и средняго, и худаго роду, о томъ писать къ Великому Государю подлинно, что бы про то все нашему Государю было вѣдомо.» «Гулящимъ людямъ,» т. е. одиночкамъ, не причисленнымъ ни къ какой общинѣ, уже не могло быть мѣста въ Сибири на непочатыхъ земляхъ, гдѣ всякій могъ и долженъ былъ самъ сдѣлаться хозяиномъ. Здѣсь конечно также не могло быть такихъ земель, которыя какъ въ сѣверной Руси обложены были тяжелыми податями въ такомъ размѣрѣ, что крестьяне по неволѣ спѣшили развязаться съ землею. Они охотно перечислялись или на владѣльческія (въ родѣ Строгоновскихъ), или на общинныя, какъ это неизбѣжно и произошло въ Сибири. Конецъ XVI вѣка былъ именно тѣмъ временемъ, когда крестьянскія общины были въ полномъ развитіи и правительство сверхъ того вынуждено было дополнить ихъ права новыми льготами, какихъ прежде не было. Только тотъ и могъ быть пашеннымъ крестьяниномъ, кто сидѣлъ на землѣ и приписался къ какой-нибудь деревнѣ, несъ всѣ выгоды и невыгоды общинной жизни и бралъ клочекъ земли. Но онъ могъ взять его только для пользованія подъ тягло или подъ оброкъ и никакихъ другихъ правъ на землю не получалъ: она продолжала принадлежать всѣмъ безраздѣльно, всей волости, какъ единицѣ крестьянской общины.

Такимъ образомъ такое общинное начало перешло и въ Сибирь и сдѣлалось тамъ кореннымъ и до сихъ поръ неизмѣнно дѣйствующимъ въ прежнемъ духѣ и силѣ. Личной поземельной собственности въ Сибири нѣтъ, за малыми исключеніями тѣхъ административныхъ злоупотребленій, которыя получили начало лишь въ 40 годахъ нынѣшняго столѣтія въ Западной Сибири по почину ген.-губ. Гасфорда (но и они ждутъ строгаго суда и уничтоженія). Сибирскія земли принадлежатъ либо казнѣ, либо обществамъ. Деревенскій выборный старшина, съ согласія и подъ руководствомъ всего крестьянскаго міра, выдѣляетъ участокъ пахатныхъ земель каждому хозяину, который однако можетъ сдать его въ аренду, но продать, какъ свою наслѣдственную собственность, не въ правѣ. Послѣ смерти большака дѣти его не дѣлятъ оставшейся земли, но ждутъ очереди, когда имъ, при общемъ надѣлѣ, отрѣжутъ извѣстное количество полосъ отъ общаго, принадлежащаго всѣмъ поля. У бездѣтныхъ вдовъ, по согласію мірскому, земли не отбираются, если онѣ изъявляютъ согласіе принять и пользоваться ими. Обыкновенно каждый получаетъ 15 десятинъ, но на необъятныхъ пространствахъ пустыхъ земель еще во многихъ случаяхъ каждый пашетъ тамъ, гдѣ ему удобнѣе и сколько хочетъ или сможетъ силами семьи или наемными. Отсюда вышли тѣ столь частыя въ Сибири отдѣльныя хозяйства, которыя носятъ названія заимокъ, какъ собственность частныхъ лицъ; но, рѣшившись продать свою заимку, владѣлецъ продаетъ лишь возведенныя имъ строенія, а не самую землю: она принадлежитъ общинѣ, которая ни въ какомъ случаѣ не теряетъ на нее своихъ правъ, хотя бы заимки перешли по наслѣдству въ третье и четвертое поколѣніе. Община либо казна во всякое время эту землю могутъ отобрать, но если этого, вообще въ Сибири, никогда не дѣлается, то лишь по ничтожной цѣнности пахатныхъ земель, а заимочныя находятся въ добавокъ къ тому обыкновенно вдали отъ селеній, въ глухихъ лѣсахъ, не у сплавныхъ рѣкъ и не на проѣзжей дорогѣ.

Пастбища въ сибирскихъ деревняхъ также общія: около каждаго селенія имѣются обширныя огороженныя плетнемъ мѣста, называемыя паскотиной, гдѣ и пасется крестьянскій скотъ. Луга также принадлежатъ общинѣ: ближайшіе къ деревнямъ ежегодно дѣлятся на столько участковъ, сколько въ данномъ селеніи хозяевъ дворовъ; на отдаленныхъ и никѣмъ раньше не скошенныхъ лугахъ всякій свободенъ, безъ разрѣшеній и безъ спросу, накосить столько травы, сколько захочетъ и сколько придетъ по силамъ его семьи. Лѣса такая же общая или казенная собственность, которой не рѣжутъ на участки, и самый лѣсъ никому не принадлежитъ: любой хозяинъ имѣетъ право вырубить безъ контроля столько бревенъ и дровъ, сколько ему понадобится.

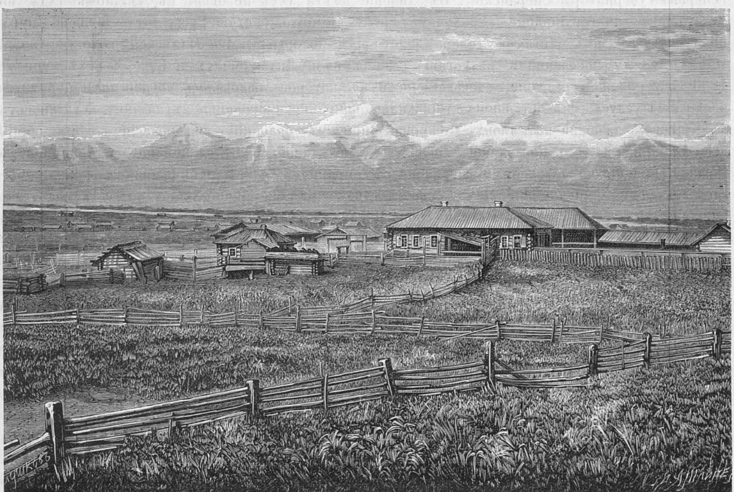
Такъ было это и въ тѣ времена, когда Русскіе люди населяли рѣку Ангару, главную артерію нынѣшней Иркутской губерніи. Сюда они пришли не столько для промысловъ, сколько именно на пашню. Иркутская губернія преимущественно занимается земледѣліемъ. Въ ней даже Буряты сдѣлались одними изъ лучшихъ и усердныхъ хлѣбопашцевъ. Сначала пробовали сѣять хлѣбъ только по рѣкамъ и рѣчкамъ, впадающимъ въ Ангару, начиная съ Оки и Бѣлой до Иркута; потомъ около крѣпости Тунки и на берегахъ Байкала напали на чистый черноземъ. Впослѣдствіи засѣвали хлѣбъ по берегамъ верхней Лены и вездѣ за нею, гдѣ только водворялись Русскіе. Иркутская губернія такимъ образомъ очутилась въ возможности продовольствовать своимъ хлѣбомъ все огромное пространство отъ Киренска до Охотска и океана. Въ Нижнеудинскомъ округѣ, на почтовомъ трактѣ въ Иркутскъ, даже ссыльные, самые безнадежные хлѣбопашцы, сдѣлались таковыми въ такой степени, что этотъ округъ считается въ числѣ житницъ Восточной Сибири,—не потому, что здѣсь водворителемъ поселеній былъ исправникъ Лоскутовъ, который въѣзжалъ въ селеніе не иначе, какъ съ цѣлыми возами прутьевъ и лозъ, и хвастался тѣмъ, что при немъ не пропадала иголка, оброненная на дорогѣ,—а именно потому, что сама земля благодарно платила за трудъ и ничѣмъ такъ не соблазняла пришельцевъ, какъ своимъ плодороднымъ тукомъ.

Рѣка Бѣлая, лѣвый притокъ Ангары, беретъ начало въ высокихъ отрасляхъ Саянскихъ горъ, пробивая себѣ путь въ скалистыхъ ущельяхъ, поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ.

Пріемы при посѣвахъ остались въ полной неприкосновенности тѣ-же самые, какіе примѣнялись и въ Россіи, т. е. расчищался лѣсъ подъ новь и на ней въ первое и второе лѣто урожай всходилъ даже больше, чѣмъ самъ—30. Послѣ того онъ съ каждымъ годомъ ослабѣвалъ до самъ—15 и самъ—12. Это уже забалованныхъ людей не удовлетворяло, и они, снявши десять хлѣбовъ, пашню бросали и разрабатывали новую новину и одновременно, хотя и медленно въ тоже время подвигались впередъ и селеніями, т. е. заимки превращали въ деревни. Такъ впрочемъ дѣлалось и на Руси, подвинувшейся такимъ способомъ къ Уральскимъ горамъ на завладѣніе Сибирью. Большею частію земля истощается и здѣсь лѣтъ черезъ 15—18 и быстро заростаетъ сорными травами; тогда оставляютъ пашню пустошью и она пустуетъ лѣтъ 20. Хозяйство вездѣ трехпольное, т. е. озимь, яровое и паръ. Обширные порѣчные и степные луга столь обильно покрыты травами, неодолимыми для сѣнокосовъ, что ранней весной являются съ прошлогодней травой, называемой ветошью, которая глушитъ молодые всходы и кишитъ миріадами насѣкомыхъ, называемыхъ по сибирски—«гнусомъ». Въ этой первобытной странѣ, гдѣ все такъ громадно и сильно, насѣкомыя являются чистымъ бичомъ божіимъ, безпокоя даже въ жилищахъ и поѣдая не только молодую траву, хлѣба, овощи въ огородахъ, но и цвѣты на окнахъ. Противъ нихъ вооружились стариннымъ способомъ напусканія весною «паловъ», т. е. живаго огня на старую траву. Обычай этотъ въ Сибири на столько общеупотребителенъ, что безъ паловъ тамъ не начинаютъ и сѣнокосовъ. Гдѣ ни ѣдешь по Сибири, непремѣнно видишь эти быстро бѣгающіе по горамъ огненные ручьи, сливающіеся въ рѣки, которыя издали и въ сумерки кажутся очаровательными. Конечно, при этихъ палахъ не безъ грѣха: отъ нихъ горятъ не только селенія и города, но и большіе тайговые лѣса, называемые урманами. Тогда среди лѣта и въ полдень исчезаетъ на небѣ солнце. Палы, вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ сожиганіемъ и постепеннымъ истребленіемъ лѣсовъ при новыхъ поселеніяхъ земледѣльцевъ подъ новины, сдѣлали примѣтнымъ то явленіе, что пушнаго звѣря въ сибир-

скихъ лѣсахъ стало меньше. На той же Ангарѣ, на верхнемъ ея теченіи, въ лучшихъ и богатыхъ мѣстахъ уловъ соболя сталъ теперь самымъ ничтожнымъ. Добываютъ звѣря одни лишь Тунгузы и то потому, что обязаны уплачивать подати мѣхами, въ размѣрѣ одного соболя средняго качества съ души или 70 штукъ черной бѣлки съ придаткомъ лишнихъ шкурокъ для сборщиковъ ясака и ближайшаго начальства. Почти только одни бродячіе народы поставляютъ теперь въ условные дни и мѣста для размѣна съ торговцами на хлѣбъ, табакъ, сахаръ и чай свой пушной товаръ: бѣлокъ, лисицъ, зайцевъ, россомахъ, оленей, горностаевъ, волковъ и медвѣдей. У Русскихъ тотъ-же промыселъ сталъ отбиваться отъ рукъ: все осѣдлое

Селеніе Тунка.

населеніе по Ангарѣ и ея притокамъ, и по всей Иркутской губерніи, занято хлѣбопашествомъ. Только въ дальнихъ тайговыхъ мѣстахъ, напр. на Илимѣ, а больше на далекой Ленѣ, послѣ уборки хлѣба осенью, съ 10 октября, тамъ, гдѣ лѣса близки и цѣлы, ходятъ еще звѣровать, т. е. съ запасами провизіи, топорами, винтовками и собаками добивать послѣднихъ оставшихся звѣрей. Бьютъ бѣлокъ и одиночно своими семьями, промышляютъ и съ найма по уговору, въ дальнихъ «ухожахъ», артелями, гдѣ хозяинъ—по архангельски и по бѣломорски—называется «покрутникомъ», а вошедшій съ нимъ въ долю по добычѣ «полужникомъ» (отъ слова «ужна», т. е. половинная доля).

Истребленіе пушныхъ звѣрей въ значительной степени способствовало усиленію хлѣбопашества даже между инородцами. Для Иркутской губерніи, въ послѣднемъ отношеніи, особенно благопріятно было открытіе золота по двумъ системамъ («сѣверной и южной») тѣхъ рѣкъ, которыя впадаютъ сѣвернѣе Ангары и по рѣкамъ, текущимъ въ самую Ангару тотчасъ же около ея устья (рѣчка Татарка, двѣ Мурожныя, Рыбная). Рѣка явилась такимъ образомъ дешевою передатчицею всѣхъ хлѣбныхъ грузовъ изъ хлѣбородныхъ мѣстъ округовъ: Иркутскаго, Нижнеудинскаго и Балаганскаго на эти далекіе промысла, устроившіеся въ самыхъ

безлюдныхъ и нехлѣбородныхъ мѣстахъ. Движеніе этихъ грузовъ вызвало на берегу Ангары нѣсколько пристаней. Съ послѣдней изъ нихъ, близь самаго устья, именно изъ Рыбной, между прочимъ идетъ главная дорога изъ жилыхъ мѣстъ въ тайговую глушь на золотоносные пласты, обогатившіе многихъ счастливцевъ, испортившіе нравственность рабочихъ изъ старожиловъ и принесшіе новой странѣ болѣе зла, чѣмъ добра.

Эти верховья Ангары замѣчательны между прочимъ тѣмъ, что здѣсь уберeглись потомки завоевателей Сибири, первыми пришедшихъ сюда, и сохранились въ большемъ числѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ Сибири. «Нравы здѣсь отмѣнно чистые и простые (писалъ самъ генералъ-губернаторъ Сперанскій). Въ теченіе десяти лѣтъ не было въ уѣздномъ судѣ ни одного подсудимаго. Вообще, кто хочетъ видѣть старую, святую Русь, тотъ долженъ путешествовать въ сихъ мѣстахъ» (теперь золото ихъ испортило). Въ Илимской волости (по р. Илиму) между поселенцами извѣстны двѣ фамиліи Литвиновыхъ и Березовскихъ, еще въ 1830 году носившихъ званіе «сынъ—боярскихъ», которое жаловалось московскими царями за извѣстныя услуги (всѣ остальные сторожилы были переименованы въ казаки). Указываютъ въ Киренскѣ даже на потомковъ Хабарова. Впрочемъ окающій новгородскій говоръ, общій всей Сибири, служитъ нагляднымъ доказательствомъ наибольшаго вліянія на эту страну сѣвера Россіи. Обыкновенныя слова и выраженія въ домашнемъ быту, техническія названія промысловыхъ вещей, пріемы при наймахъ на мѣстные и рѣчные промыслы все тѣже самые, что и на берегахъ Бѣлаго моря и Ильменя. Первый храмъ въ «царствующемъ градѣ Тобольскѣ» названъ именемъ новгородской Софіи; многіе другіе храмы посвящены имени вологодскихъ святыхъ (всего чаще Прокопію и Іоанну Устюжскимъ) съ прямымъ указаніемъ на происхожденіе главныхъ сибирскихъ купеческихъ фамилій изъ богатыхъ и торговыхъ городовъ вологодскаго края. Особенно рѣзко выдѣляется это въ Иркутскѣ и вообще въ городахъ Восточной Сибири. Словомъ, это обстоятельство на столько опредѣленно, что группировка доказательствъ перелива населенія съ лѣснаго сѣвера въ Сибирь—излишная трата времени и словъ. Тѣмъ не менѣе не надо смѣшивать нынѣшнихъ сибирскихъ казаковъ съ потомками Ермаковой дружины и слѣдующихъ за ними казаковъ-ясачниковъ и строителей первыхъ деревянныхъ остроговъ. Они вовсе и не потомки бѣглецовъ изъ Великороссіи и Малороссіи, каковы донскіе и уральскіе, и не наслѣдники этого имени отъ городовыхъ стрѣльцовъ, которые, по вступленіи въ Сибирь переименовывались въ казаки. Коренные сибирскіе казаки оставили свои слѣды въ такъ называемыхъ «городовыхъ казакахъ», обращенныхъ въ 60 годахъ нынѣшняго столѣтія въ гражданское состояніе. Сибирское же казачье войско образовано Петромъ Великимъ въ 1716 году для помощи его походамъ въ Хиву. До 1861 года эти казаки были ничто иное, какъ военные поселяне,—войско снабжавшееся отъ казны и оружіемъ, и лошадьми, фуражемъ и провіантомъ даже въ мирное время. Распашка земель производилась ими въ замѣнъ этихъ казенныхъ снабженій и непремѣнно подъ присмотромъ и руководствомъ военнаго начальства. Не смотря на то, что эти сибирскіе казаки надѣлены, не въ примѣръ своимъ собратьямъ, громаднымъ земельнымъ надѣломъ, доходящимъ до 76 десятинъ удобной пашни на душу мужскаго пола, они даже и теперь оказываются самыми бѣдными по проявленію своей экономической жизни. Это результатъ полуторастолѣтняго хозяйничанья военныхъ начальниковъ и ихъ многочисленныхъ злоупотребленій, ясные слѣды которыхъ остались въ архивахъ бывшихъ военныхъ коллегій и департамента военныхъ поселеній. Этимъ же казачьимъ званіемъ воспользовался графъ Муравьевъ-Амурскій, переименовавшій въ казаки бывшихъ казенныхъ заводскихъ служителей, чтобы воспользоваться ими, въ качествѣ военно-поселенныхъ войскъ, для заселенія Амура. Впрочемъ присылались потомъ и коренные казаки; такъ между прочимъ царь Михаилъ отправилъ на Лену за Киренскъ 180 человѣкъ запорожскихъ Черкасъ, чугуевскихъ, курскихъ и воронежскихъ съ женами и дѣтьми, которые и дали имена селеніямъ (досслѣ сохранившіяся) по именамъ на родинѣ: Чугуевская, Гребенская и проч. Всего образова-

лось тамъ 145 деревень, не большихъ впрочемъ, составляющихъ волость Подкаменскую. Въ казачьи войска поступили также тѣ 138 чел. запорожцевъ, которые присланы были въ 1770 году «за причиненныя въ Польшѣ разоренія.»

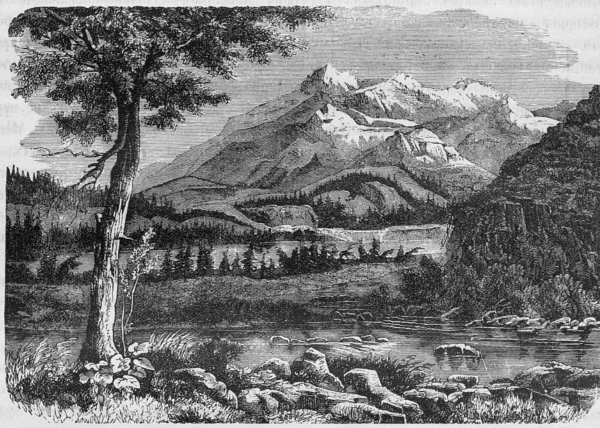
Возвращаемся на рѣку Ангару для заключительныхъ о ней словъ.

Кромѣ услуги, какъ е тественнаго пути для сношеній, Ангара оказала мѣстному краю, немалую услугу еще въ томъ, что сберегла на одномъ изъ своихъ островов, въ 68 верстахъ внизъ отъ Иркутска богатые родники поваренной соли: одни изъ первыхъ, найденныхъ въ Сибири, принадлежавшие сперва Иркутскому Вознесенскому монастырю, а въ 1765 году отобранные въ казну. Главные родники находятся на острову («Варничномъ») и на лѣвомъ берегу рѣки, близъ заводскаго селенія. Ангара «изубоживаетъ» или разсыропливаетъ разсолъ во время разливовъ (въ іюнѣ и началѣ іюля) отъ быстраго притока нагорныхъ водъ Иркута, Ушаковки и Китоя, и во время рѣкостава въ декабрѣ и январѣ. Замѣчательно, что работы здѣсь производились новымъ пришлымъ въ страну населеніемъ ссыльно-поселенцевъ и каторжныхъ, которые послѣдовали за самымъ первымъ ссыльнымъ въ Сибирь (въ Тобольскъ)— Углицкимъ колоколомъ, ударившимъ въ набатъ при убіеніи царевича Дмитрія. Выварка усольской соли на желѣзныхъ сковородахъ все время производилась именно этимъ народомъ, котораго не удалось прочно усадить на мѣстѣ и который образовалъ изъ себя новое искуственное бродячее населеніе, шатающееся въ бѣгахъ съ одного края Сибири до другаго, презираемое старожилами и совершенно безполезное для прекрасной и благодарной страны. Между тѣмъ условія хозяйственнаго быта въ Сибири находятся именно въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя наиболѣе всего благопріятствуютъ коренной и прочной осѣдлости, сильно способствуя наилучшему водворенію. Но, къ сожалѣнію, Сибирь—страна преимущественныхъ злоупотребленій, укоренившихся въ ней вѣками и, за дальними горами и рѣками, сдѣлавшихся какъ-бы обязательными и непремѣнными. Вотъ передъ нами на берегу той-же Ангары для доказательствъ большой городъ Иркутскъ, столица или главное мѣсто Восточной Сибири.

Городъ—красивый снаружи, помѣщенный въ широкой покрытой лѣсами долинѣ, обрамленный широкою лентою Ангары и лежащій противъ устья рѣки, которая дала ему свое имя. Мѣстоположеніе его называютъ даже живописнымъ, особенно съ западной стороны, когда выясняются на горизонтѣ шпицы и главы всѣхъ его 15-ти церквей. Я лично не могу присоединиться къ этому свидѣтельству, потому что оба раза жилъ въ Иркутскѣ зимою и не могъ любоваться его окрестностями. Теперь же, по причинѣ недавняго страшнаго бѣдствія отъ пожара (22 и 24 іюня 1879 года), истребившаго весь городъ, едвали кому удастся произвести этотъ праздный опытъ надъ Иркутскомъ, который вообще такъ несчастно живетъ и такъ неудобно помѣщенъ, что подвергается, сверхъ прочихъ невзгодъ, неожиданнымъ землетрясеніямъ. Съ 1725 года по 1875 ихъ насчитываютъ въ городѣ до 120, выразившихся или глухимъ подземнымъ шумомъ и воемъ въ иныхъ случаяхъ, или легкими ударами въ другихъ, или наконецъ сильнымъ трясеніемъ, при чемъ повреждались больше всего церковные своды, ломались и слетали кресты и главы, разлетѣлась разъ въ дребезги огромная скала на правомъ берегу Иркута, звонили сами собою колокола, выбивались всѣ стекла, въ каменныхъ домахъ дѣлались трещины, разваливались трубы и печи. Особенно памятны Иркутску и всѣмъ читателямъ газетъ землетрясенія 1861 и 1871 гг.: первое 30 и 31 декабря, второе 9 февраля, когда отъ ударовъ ломался на Ангарѣ ледъ, трескалась земля, трещали всѣ строенія, останавливались часы съ маятниками, перестал дѣйствовать телеграфъ. По замѣчанію г. Щукина, вулканическія дѣйствія въ окрестностяхъ Байкала проявляются во всѣ времена года, но Иркутскъ находится въ значительномъ отдаленіи отъ центра землетрясеній и всѣ здѣшнія происходили со стороны Тункинскихъ кратеровъ въ сѣверо-западномъ углу озера Байкала.

Внутренній видъ Иркутска солиденъ и величина внушительна, какъ и слѣдуетъ быть торговому городу, стоящему на самой дорогѣ съ дальняго запада на востокъ, между Китаемъ и

Россіей, а теперь даже и съ таможнею, переведенною сюда изъ-подъ Кяхты. Солиденъ онъ именно потому, что хорошо торгуетъ, а вовсе не потому, что представляетъ центръ административнаго управленія Восточной Сибири. Это—совсѣмъ не Омскъ. столица Западной Сибири, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ военный и гражданскій элементъ преобладаетъ, явно подавляя городской даже при видимомъ усиліи степнаго киргизскаго элемента изъ нихъ выдѣлиться и обозначиться. Въ Иркутскѣ похожія широкія скуластыя лица съ узенькими глазами, въ представительствѣ Бурятъ, видимы лишь на смиренныхъ городскихъ работахъ, въ извощикахъ и дворникахъ. Аристократическій пріемъ киргизскихъ султановъ, важно возсѣдающихъ на аргамакахъ въ пестрыхъ жалованныхъ халатахъ, здѣсь исчезъ. Онъ приниженъ подъ давленіемъ и вліяніемъ демократическаго народнаго русскаго элемента. Иркутскъ — городъ народный, вполнѣ русскій, коренной старинный сибирскій, гдѣ общественники преобладаютъ надъ служилымъ сословіемъ

Мунгу-Сардыкъ, горный кряжъ въ Саянскомъ хребтѣ, Иркутской губерніи, на границѣ съ Китаемъ.

и не уступаютъ ему ни въ умственномъ развитіи, ни въ образованіи. Это — достаточно предпріимчивый, чрезвычайно умный и самостоятельный купецъ, любящій образованіе и хорошо понимающій свои права, умѣвшій обставить жизнь европейскимъ комфортомъ и русскимъ сытымъ и хлѣбосольнымъ довольствомъ. Такъ было всегда, но въ прошломъ столѣтіи недобрые люди, ради собственной защиты отъ злоупотребленій, въ личныхъ интересахъ его оклеветали. Въ прошломъ столѣтіи губернаторъ Селифантьевъ присланъ сюда съ инструкціей, по которой ему дана полная власть всѣхъ имѣющихъ безпокойный характеръ и вліяніе на общество ссылать въ отдаленныя мѣста, гдѣ безпокойство ихъ не можетъ быть вредно. «Духъ ябеды издавна замѣченъ между Сибиряками»—сказано въ инструкціи. Все это вызвано было такъ называемымъ Якобіевскимъ дѣломъ, жалобами на притѣсненія Якобія (генералъ-губернатора), написанными на нѣсколькихъ тысячахъ листовъ. «Въ нихъ ничего инаго не усмотрѣно, кромѣ ябеды, сплетенъ и кляузъ»—сказано было въ Петербургѣ. «Все, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ (писалъ туда гр. Сперанскій изъ Иркутска) не только есть истина, но—и это бываетъ рѣдко—истина неувеличенная». И объяснилъ: «зла вездѣ много, но здѣшнее зло имѣетъ то особое свойство, что люди, чѣмъ меньше надѣются быть услышаны, тѣмъ бо-

лѣе ропщутъ». А между тѣмъ голова Сибиряковъ лишь только пожаловался министру, заступившись за общество, у котораго для планированія улицъ ломали дома. Одного Сибирякова сослали въ Нерчинскъ; его брата—въ Жиганское зимовье; первостатейнаго купца Мыльникова въ Баргузинъ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Куткина Пестель разлучилъ съ семействомъ и не позволилъ, передъ ссылкой, свиданія; дочь его ослѣпла отъ слезъ, а онъ умеръ подъ стражей. Сперанскому удалось впослѣдствіи вознаградить пенсіей занищавшее семейство его, когда съ арестомъ отца, полотняная фабрика его пришла въ совершенный упадокъ. Купца Киселева довели до сумашествія и посадили въ домъ умалишенныхъ, изъ котораго онъ безъ вѣсти пропалъ. А между тѣмъ губернаторъ Трескинъ, клевретъ Пестеля и правая его рука, въ виду всего городскаго населенія, вызываетъ эпархіальнаго архіерея въ судъ и заставляетъ его дѣлать показанія и объясненія передъ подчиненными священниками; другаго арестуютъ на гауптвахтѣ. Трескинъ заставлялъ даже старшихъ чиновниковъ, не исключая и вице губернатора, подавать себѣ шубу, а въ случаѣ неловкости при этомъ, осыпалъ ихъ бранью. Хочетъ говорить архіерей въ храмѣ слово, Трескинъ посылаетъ городничаго съ приказомъ «не надо», и тотъ убираетъ аналой. Онъ же насильно заставляетъ архіерея пріѣзжать въ маскерадъ и любоваться фарсами масокъ, которыя передъ преосвященнымъ Веніаминомъ скакали и дурачились... Другой, кроткій нравомъ, архіерей (Михаилъ) нашелся на поученіе своего притѣснителя только тѣмъ, что когда кадилъ церковь, громко читая Давидовъ псаломъ по уставу, сказалъ стихъ «и научу беззаконныя путѣмъ Твоимъ», проходя мимо и кадя губернатору Трескину. Да всего и не перечесть. Конечно, все это дѣла давно минувшихъ дней, но и тогда слѣдовало бы помнить, что набожность и уваженіе къ духовнымъ лицамъ были искренни, а усердіе къ церкви горожанъ успѣло уже наглядно выразиться въ украшеніи Иркутска церквами на собственное иждивеніе. Знаменскую въ женскомъ монастырѣ въ 1757 году построилъ гражданинъ Власъ Сидоровъ; «Чудотворную» (во имя Прокопія и Іоанна устюж.) въ 1748 г. — Глазуновъ; Тихвинскую въ 1754 г. Бичевинъ; Крестовскую въ 1747 г.—Ѳедоръ Щербаковъ; Харлампіевскую въ 1782 г.—Емельянъ Юговъ; Благовѣщенскую въ 1785 г.—Иванъ Баушевъ; Преображенскую въ 1798 г.—Степанъ Игнатьевъ; Покровскую въ 1826 г.—Ерофей Лыгачовъ; Успенскую въ 1835—46 г.—Медвѣдникова, и проч.

Вообще исторія Иркутска интересна въ прошломъ, хотя событія въ городѣ составляютъ отраженіе и продолженіе тѣхъ же притѣсненій и злоупотребленій, какими началась и продолжалась вся сибирская исторія. Еще воевода Пашковъ билъ Аввакума по щекѣ, «также по другой и паки въ голову и сбилъ съ ногъ и, чепь ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ. И я промолвилъ ему: «за что ты меня бьешь,—знаешь ли?» И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ». Основателя перваго въ Сибири соловареннаго завода (Устькутскаго, при сліяніи р. Куты съ Леной), знаменитаго завоевателя Амура Ерофея Павловича Хабарова воевода Зиновьевъ бралъ за бороду, называлъ воромъ и стращалъ, что повезетъ съ собою въ Москву, но Хабарова въ Москвѣ обласкали, жаловали «сыномъ боярскимъ» и сдѣлали государевымъ прикащикомъ. Сибирскаго губернатора Гагарина, Петръ Великій самъ принужденъ былъ (въ 1721 г.) повѣсить «за его неслыханное воровство», (продавалъ должности, казнилъ и прощалъ за деньги; самъ ѣздилъ на колесахъ, обтянутыхъ коваными серебряными шинами, на лошадяхъ, подкованныхъ серебряными на золотыхъ гвоздяхъ подковами). Однако потомъ генералъ-губернаторъ Пестель не испугался этого примѣра и опыта и такую же злую память оставилъ по себѣ въ народѣ. Когда Сперанскій распорядился арестовать одного изъ Пестелевскихъ клевретовъ, нижнеудинскаго исправника Лоскутова, свидѣтель—старикъ изъ мѣстныхъ крестьянъ бросился къ ногамъ новаго генералъ-губернатора и со слезами и въ испугѣ умолялъ его не дѣлать того: «побереги себя,—вѣдь это Лоскутовъ». Такъ простодушно умѣлъ отвѣчать народъ своимъ злодѣямъ. Случалось и такъ, что одинъ комендантъ имѣлъ на языкѣ обычную поговорку: «на небѣ Богъ, а въ Охотскѣ — Кохъ;» объѣзды

другаго коменданта по области получили прозваніе «Собачьей оспы» (загонялъ на ѣздѣ собакъ). Иркутскій губернаторъ Нѣмцевъ дружилъ съ извѣстнымъ разбойникомъ Гондюхинымъ, и разъ, зазвавши гостей за городъ, напустилъ на нихъ его шайку. Всѣ были ограблены до послѣдней нитки. Удостоенные чести приглашенія къ столу губернатора обязаны были, при уходѣ домой, оставлять по полтинѣ и по рублю. И опять-таки Сибирячка, у которой воеводиа отняла куръ съ циплятами, утѣшилась тѣмъ, что поставила въ церкви свѣчу «за обидящихъ». Сибирскій крестьянинъ, объявившій Сперанскому о томъ, что у нихъ приготовлены жалобы на исправника, говорилъ, что онъ человѣкъ порядочный: «а гдѣ тебѣ взять хорошаго? При томъ этотъ ужь сытъ, другой пріѣдетъ голодный». Соликамскій лѣтописецъ пишетъ: «Сибирь была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, коммиссарами, приставами,—для коихъ украсть, ограбить, даже убить человѣка изъ-за денегъ, продать душу за алтынъ, считалось дѣломъ обыкновеннымъ». «А ты, Государь, — писалъ основатель Екатеринбурга Де-Геннингъ Петру Великому:—пожалуйста, не слушай, что тебѣ говорятъ о Сибири. Всѣ они тамъ мошенники и взяточники, повѣрь, такъ! Съ чего мнѣ тебя обманывать?»

Однако возвратимся въ Иркутскъ для его прошлаго и настоящаго. Въ прошломъ между прочимъ заводились въ немъ двѣ затѣи, не имѣвшія однако успѣха. Первая при гарнизонной школѣ «японская навигаціонная на 18 учениковъ», которая (по словамъ одного наблюдателя — большаго остряка), процвѣтавъ лѣтъ пятнадцать невѣдомо міру и вдали отъ всѣхъ его треволненій, еще въ 1811 году тихо скончалась вмѣстѣ съ ея единственнымъ маестро-японцемъ 14 класса, который передалъ своимъ, единственнымъ же въ теченіе 15 лѣтъ ученикамъ, тремъ семинаристамъ, всѣ тонкости своихъ пріемовъ въ искусствѣ употребленія и склоненія по-японски стакана, но своего знанія, своей врожденной способности къ японскому языку передать не могъ». Эта школа обязана была приготовлять моряковъ для плаванія въ водахъ Восточнаго океана, и первыми учителями сдѣланы были тѣ два японца, которые отъ потопленія спаслись на Алеутскихъ островахъ. Вторая затѣя: до 1820 года въ Иркутскѣ существовало адмиралтейство, обязанное снабжать корабельныя верфи Охотска разными снастями, необходимыми для плаванія въ океанѣ, но само снабжалось не только бракомъ вещей, но и бракомъ чиновъ, про которое тотъ же острякъ, анонимный авторъ, пишетъ: «Дѣйствія адмиралтейства ограничились тѣмъ, что бригъ, вылетѣвшій изъ Ангары на просторъ Байкала, по непостижимому невѣжеству штурмана, который былъ назначенъ командиромъ этого судна, съ пустымъ трюмомъ, безъ баласта, тотчасъ же и перевернуло порывомъ вѣтра... Сибиряки, видя такую неудачу европейскихъ пріемовъ мореплаванія, убѣдились еще плотнѣе прежняго, что ихъ Байкалъ знать не чета другимъ разнымъ морямъ и океанамъ, и что единственные мореплаватели, какіе умѣютъ валандаться съ этимп моремъ, остаются всетаки до скончанія вѣка ихъ любезные, доморощеные аргонавты съ сопцами» (большой величины весла). Впрочемъ на Байкалѣ, въ послѣдніе годы, завелось срочное пароходство и байкальскія суда въ родѣ боченковъ съ парусами, глупыми до нельзя, двигавшіяся только по вѣтру и до Кяхты иногда по три мѣсяца кряду, теперь мало-по-малу выходятъ изъ употребленія. Впрочемъ кругобайкальская дорога по высокимъ лѣсистымъ и картиннымъ горамъ надъ неизмѣримыми пропастями, вызвавшая множество неудачныхъ попытокъ и стоившая многихъ слезъ и крови, все еще не утрачиваетъ своего значенія, когда сердится Байкалъ, когда онъ еще не приготовилъ ледянаго моста, или когда къ веснѣ такъ перетрескался, что не помогаютъ мосты изъ досокъ и на широкихъ пространствахъ зіяютъ бездонныя пропасти, въ которыхъ не хватаетъ дна лотъ, опущенный на веревкѣ въ двѣ тысячи саженей длиною.

Въ настоящее время Иркутскъ не отсталъ отъ лучшихъ губернскихъ городовъ Россіи, а относительно уровня общественнаго образованія и развитія классы населенія его (какъ и вообще всей Сибири) стоятъ гораздо выше соотвѣтствующихъ имъ классовъ во многихъ дру-

гихъ городахъ Россіи. Въ городѣ мы находимъ, сверхъ неизбѣжной классической гимназіи, гимназіи женской и дѣвичьяго института, еше сиропитательный домъ, основанный Е. М. Медвѣдниковой, сиропитательное ремесленное заведеніе Н. П. Трапезникова, техническое училище и ремесленную школу. Послѣднее училище (техническое) преобразовано изъ реальной прогимназіи на средства частныхъ жертвователей и городскаго общества съ цѣлію дать дѣтямъ такое образованіе, которое бы, при среднемъ уровнѣ, дѣлало ихъ способными изслѣдовать и разработывать мѣстныя богатства, съ цѣлію поднять общее благосостояніе. Въ этомъ Восточная Сибирь наиболѣе нуждается, когда общественники главныхъ городовъ ея направлены къ пониманію истиннаго прогресса и цивилизаціи тѣми ссыльными первой четверти нынѣшняго

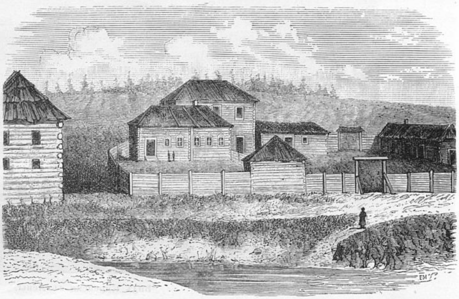

Дер. Бирюссинская, Иркутской губерніи, послѣ пожара и наводненія.

столѣтія и двухъ послѣдующихъ, которые охотно содѣйствовали и обученію, и просвѣщенію. Будучи на поселеніи въ самомъ городѣ Иркутскѣ, свободные въ своихъ полезныхъ дѣйствіяхъ, одни декабристы принесли краю несравненно больше пользы, чѣмъ всѣ народныя училища, навигаціонныя и другія школы, находившіяся въ самомъ печальномъ состояніи. Политическіе ссыльные, обратившіеся къ раціональному хозяйству и научной правильной эксплуатаціи едва початыхъ богатствъ молодой страны, счастливо воздѣйствовали на молодое поколѣніе Сибиряковъ. При помощи и участіи чужихъ людей среди Сибиряковъ, именно прежде всего, здѣсь, въ Иркутскѣ народилась, стала возростать и крѣпнуть та могущественная сила, которая называется общественнымъ мнѣніемъ, до той поры не существовавшимъ и не имѣвшимъ мѣста въ Сибири, какъ въ странѣ изумительнаго произвола ея начальниковъ. До того времени здѣсь ничего не ожидали отъ закона и всего надѣялись отъ лицъ, которыхъ боялись до такой степени, что лихоимство сдѣлалось домашнимъ зломъ. Ожидались милости въ видѣ общей ревизіи страны или поголовнаго выселенія на Амуръ — въ страну обширную и счастливую. Съ появленіемъ общественнаго мнѣнія, кругозоръ расширился и пришло время осмотрѣться, взглянуть

на себя ближе и въ самихъ себѣ поискать силъ на подвиги. Ясно и ближе всѣхъ видно было, въ какой зависимости отъ русскихъ рынковъ находится страна, богато обезпеченная своими средствами и, не имѣя готоваго своего въ издѣліяхъ, покупающая за возвышенныя цѣны готовую обувь и одежду, и даже обратно свои же мѣха выдѣланными на скорняжныхъ заведеніяхъ Москвы, Казани и Петербурга. Отсюда и повсемѣстное стремленіе Сибири (наиболѣе опредѣлившееся въ большихъ городахъ и оживленныхъ торговыхъ пунктахъ) къ той независимости, которая пріобрѣтается техническими знаніями въ спеціальныхъ заведеніяхъ. Практическое направленіе, коммерческая и промышленная жилка, столь ярко проявившіяся въ Сибирякахъ, какъ въ представителяхъ молодой колоніи, теперь живетъ въ ладу съ учеными и художественными стремленіями, взаимно дополняя и оживляя другъ друга. Одинъ, г. Бутинъ, разыскиваетъ новый кратчайшій путь изъ Забайкалья черезъ Монголію въ Китай (чтобы усилить торговое движеніе въ краѣ), основываетъ на раціональныхъ началахъ соляное дѣло и торговлю по Амуру, устанавливаетъ добычу золота по послѣднимъ образцамъ, заимствованнымъ имъ лично въ Америкѣ, образцовымъ же образомъ устраиваетъ желѣзные заводы, и въ то же время въ глухомъ и далекомъ городкѣ основываетъ безплатную обширную публичную библіотеку, музыкальную школу, образовываетъ отдѣленіе Петербургской консерваторіи, проводитъ въ заброшенномъ городкѣ Нерчинскѣ водопроводы, въ степной и голой мѣстности разводитъ бульвары и сады, и проч. Другой, г. Сибиряковъ, снаряжаетъ на свои средства суда для изслѣдованія торговаго пути изъ Карскаго моря и Сѣвернаго океана въ устья большихъ сибирскихъ рѣкъ, до сихъ поръ почти совершенно безполезныхъ, и въ то же время жертвуетъ тысячи рублей на библіотеку и ученыя кабинеты будущаго сибирскаго университета, учреждаетъ въ Петербургѣ дешевую народную читальню. Городское общество г. Томска жертвуетъ огромный косякъ земли подъ университетскія зданія и, съ тою же скоростію и готовностію, соглашается безплатно прирѣзать новые десятки десятинъ лучшей городской земли подъ ботаническій садъ и акваріумъ, и т. д. Въ томъ же Иркутскѣ гг. Трапезниковы жертвуютъ капиталъ на ремесленную школу, на ремесленное заведеніе для сиротъ, на богадѣльню (которыхъ въ Иркутскѣ 4), Сибиряковъ — на пріютъ для бѣдныхъ, Солдатовъ — на больницу, Михеевъ — на лечебницу для приходящихъ, и т. д. Мѣстное общество давно уже понуждалось и въ публичной библіотекѣ и въ самостоятельныхъ литературныхъ органахъ («Амуръ» и потомъ, въ настоящее время, «Сибирь»). Во многихъ изъ этихъ начинаній видно стремленіе дѣйствовать на широкую руку, пожалуй, и по-американски, если бы не было разныхъ ненужныхъ вмѣшательствъ, ничѣмъ неоправдываемыхъ придирокъ и рутинныхъ препятствій. Предпріимчивость—прирожденное сибирское качество, а грамотность и въ особенности начитанность были обыкновеннымъ явленіемъ, бросавшимся въ глаза даже еще въ 1819 году при ознакомленіи съ Сибирью графа Сперанскаго. Развитый, умный, способный и честный сибирскій народъ, даже и въ узкомъ представительствѣ одного города Иркутска, успѣлъ дать многихъ полезныхъ общественныхъ дѣятелей не для одной Сибири, но и для Россіи на разнообразныхъ поприщахъ. Въ Петербургѣ прославился ученый терапевтъ-практикъ, замѣчательная скромность котораго не позволяетъ мнѣ назвать его имя, которое однако извѣстно большинству. Въ ученой и художественной литературѣ можно указать на почтенныя имена такихъ дѣятелей, какъ А. П. Щаповъ, извѣстный изслѣдователь раскола и бытовой русской исторіи, А. К. Корсакъ, также преждевременно и несчастно умершій молодой политикъ-экономъ, на братьевъ Щукиныхъ (С. С. и Н. С.), изслѣдователей сибирской исторіи, старины и этнографіи, на ихъ продолжателя Ушарова, на М. Н. Загоскина, на г. Черепанова и друг. Въ Иркутскѣ же родились въ свое время видные дѣятели русской литературы 30-хъ и 40-хъ годовъ братья Полевые (Н. А. и Ксен. А.); но самымъ типичнымъ представителемъ разнообразной талантливости, живой воспріимчивости и подвижности Сибиряка является старшій братъ — Николай Алексѣевичъ (род. 1796 г., скончн. въ 1846 г.).

«Я не помню себя неграмотнымъ» — говаривалъ Полевой самъ. Ведя купеческія книги отца, онъ въ то же время училъ наизусть русскихъ классиковъ. Въ Москвѣ утро посвящалъ университетскимъ лекціямъ, вечеромъ писалъ романы или сидѣлъ въ театрѣ; въ Курскѣ утромъ занимался въ конторѣ, по вечерамъ учился иностраннымъ языкамъ. Выступивъ на литературное поприще, Полевой въ одно и то же время занимался коммерческимъ дѣломъ изданія журнала («Московскій Телеграфъ») и писалъ «Исторію Русскаго народа». Когда вошелъ въ силу лѣтъ и таланта, Н. А. Полевой писалъ критики, повѣсти, романы, сатирическія статьи, драмы, комедіи и переводы (между прочимъ такого капитальнаго труда, какъ «Путешествіе кругомъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля» въ 9 томахъ) и одновременно редактировалъ журналы: «Сынъ Отечества» и «Литературную Газету». Отличительною чертою литературной дѣятельности Полеваго было патріотическое направленіе, въ чемъ онъ также проявилъ характеръ истыхъ Сибиряковъ, замѣчательно любящихъ свою родину и радѣющихъ объ ея практическихъ и нравственныхъ благахъ.

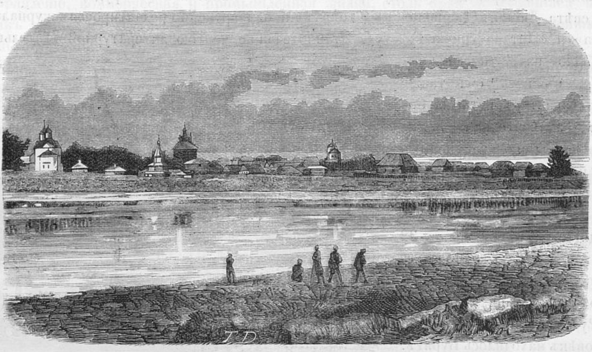

Домъ Радищева въ Илимскѣ.

Въ Иркутскѣ, по свѣдѣніямъ 1873 года, считается около 32 тысячъ жителей обоего пола, въ числѣ которыхъ громадное большинство ($29^1/_2$ тыс.) принадлежитъ Русскимъ и только около 400 человѣкъ находилось Бурятъ. Въ сравненіи съ Иркутскомъ всѣ остальные города губерніи не больше, какъ порядочныя села, въ большинствѣ случаевъ уступающія множеству сибирскихъ селеній. Сибирь — страна именно земледѣльческая, деревенская и сельская. Въ 1819 г. въ Нижнеудинскѣ напр. не было и пятнадцати домовъ чиновничьихъ и мѣщанскихъ. Теперь, черезъ много лѣтъ, этотъ городокъ немногимъ сталъ лучше. Такъ напр., по подворнымъ спискамъ, составленнымъ одновременно въ томъ же году, въ Нижнеудинскѣ оказалось около $3^1/_2$ тыс. жителей, въ Балаганскѣ 900 душъ, въ Верхоленскѣ 970 душъ, въ Киренскѣ 820 душъ, въ Илимскѣ 540 душъ обоего пола. Илимскъ можно выдѣлить изъ ряда другихъ городовъ развѣ только потому, что въ немъ имѣлъ пребываніе, сосланный при Екатеринѣ, извѣстный политикъ и мыслитель, авторъ извѣстнаго «Путешествія отъ Петербурга до Москвы», Александръ Николаевичъ Радищевъ. Живя въ ссылкѣ, онъ занимался, не будучи однако докторомъ, леченіемъ сибиряковъ, которые ѣздили къ нему изъ отдаленныхъ мѣстъ. Императоръ Павелъ дозволилъ ему оставить Сибирь и жить въ деревнѣ, а Александръ снова призвалъ его на государственную службу. Пребываніе Радищева въ Сибири не осталось безслѣднымъ въ наукѣ и литературѣ, которыми онъ продолжалъ заниматься и въ изгнаніи. По возвращеніи его въ Россію, его работы были напечатаны: «Письмо о китайскомъ торгѣ», начало «Исторіи завоеванія Сибири» и историческая повѣсть «Ермакъ». Эти оставшіяся сочиненія изданы были уже послѣ его смерти (въ 1802 г.) въ Москвѣ въ 1807—1811 г. На виду и памяти Сибиряковъ въ мѣстѣ изгнанія сохранялся домъ, въ которомъ онъ жилъ, занимался воспитаніемъ дѣтей и посильными благодѣяніями окрестнымъ жителямъ. Точно также Киренскъ, другой маленькій городъ Иркут. губ., также мало успѣвающій въ своемъ возрастѣ, хотя и лежащій на великой рѣкѣ Ленѣ при впаденіи въ нее Киренги, можетъ быть упомянутъ лишь потому, что въ немъ находится третій монастырь Иркутской эпархіи. Усть-Киренскій Троицкій монастырь построенъ одно-

временно съ самимъ городкомъ въ 1665 г. Строилъ его священникъ илимской церкви Амвросій Леонтьевъ. До штата, за монастыремъ числилось до 500 душъ крестьянъ и много земель. Онъ обстроенъ хорошо. Одинъ изъ его строителей, архимандритъ Веніаминъ Юзефовичъ, сдѣлался извѣстенъ успѣшнымъ распространеніемъ Христовой вѣры среди Тунгузовъ. Здѣсь же скончался извѣстный профессоръ философіи и богословія въ Казанскомъ университетѣ ученый архимандритъ Гавріилъ, присланный сюда въ настоятели.

Кромѣ городовъ можно указать еще на слѣдующія болѣе или менѣе замѣчательныя

Видъ Киренска съ Лены.

селенія, между прочимъ на Тунку на Байкалѣ, окрестности которой носятъ явные слѣды дѣйствія подземнаго огня, производящаго въ ближайшихъ мѣстахъ землетрясенія. Около самаго селенія находятся большія поля лавы, растрескавшейся въ свою очередь отъ новыхъ землетрясеній. Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь ядро ихъ, на томъ основаніи что когда въ Иркутскѣ бывали незначительныя, здѣсь были весьма сильныя землетрясенія и иногда сопровождались значительными разрушеніями. Селеніе расположено на отрогѣ Саянскихъ горъ и здѣсь же построена Нилова пустынь (въ 257 верст. отъ Иркутска). Основана она въ 1840 г. архіепископомъ Ниломъ, скончавшимся лѣтомъ 1874 г. въ этомъ же санѣ въ Ярославлѣ—извѣстнымъ знатокомъ церковной музыки и ревнителемъ православія. Миссіонерская дѣятельность его выразилась въ переводѣ имъ Евангелія и богослужебныхъ книгъ на монгольскій языкъ для руководства Бурятъ. Самая пустынь имѣла такую же миссіонерскую цѣль. Въ 1845 году она передана въ духовное вѣдомство и утверждена въ 1851 году.

Троицкая церковь въ Киренскѣ.

Третье выдающееся селеніе, это Тельминская фабрика, основанная казною съ цѣлію

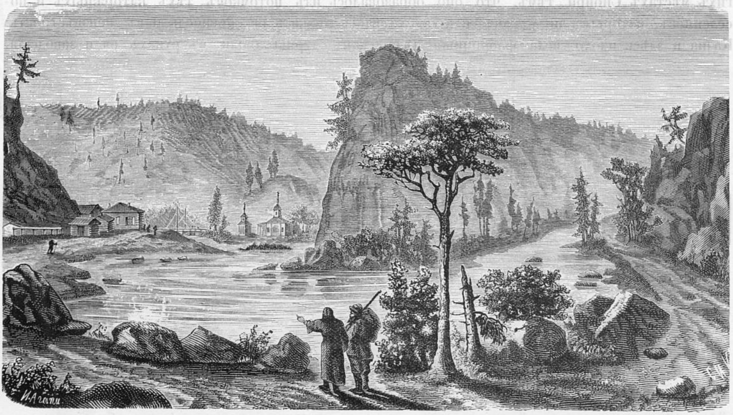
заготовленія суконъ для казачьихъ войскъ Восточной Сибири и нѣкоторое время служившая мѣстомъ водворенія ссыльно-каторжныхъ женщинъ. Селеніе это довольно людное, а оригинальная круглая церковь съ колоннадой останавливаетъ вниманіе всякаго, подъѣзжающаго по Московскому тракту къ Иркутску, отъ котораго находится она въ 63 верстахъ. Имя свое фабрика получила отъ рѣчки Тельмы, притока Ангары. Она дѣйствовала одновременно со стекляннымъ заводомъ. Здѣшнее селеніе замѣчательно, какъ и въ весьма многихъ другихъ мѣстахъ Сибири тѣмъ, что оно образовалось изъ потомковъ тѣхъ каторжныхъ и поселенцевъ, которымъ не удалось или не хотѣлось бѣжать на погибель и въ неизвѣстность. Казна и здѣсь плохо вела фабричныя дѣла, какъ дурны были въ рукахъ ея и заводскія.

Видъ Тельминской фабрики.

Можно указать на примѣръ сосѣдняго съ фабрикою Александровскаго винокуреннаго завода, переходившаго нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки и наконецъ, за негодностью, уничтоженнаго. На мѣстѣ его, гдѣ собралось также селеніе, бѣдное и полуразрушенное на тѣхъ же началахъ,— въ настоящее время построена крѣпкая центральная тюрьма для каторжныхъ. Устоялся лишь изъ подобныхъ учрежденій Николаевскій желѣзо-дѣлательный заводъ, благодаря вмѣшательству торговой компаніи (братьевъ Бутиныхъ и К°). Этотъ заводъ, при селеніи болѣе 2 тысячъ жителей обоего пола, находится въ Нижнеудинскомъ округѣ въ Братской волости и расположенъ по обоимъ берегамъ рѣчки Долоновки, впадающей въ притокъ Ангары, рѣку Оку. При заводѣ училище, больница и церковь. Средоточіемъ этой мѣстности служитъ Братскій острогъ на Ангарѣ. Съ 1872 г. со времени поступленія завода въ частныя руки начинается новая дѣятельность, быстро развивающаяся. По обширности и разнообразію производства заводъ представляетъ образцовое промышленное заведеніе въ Сибири. Весь заводъ обстроенъ за ново; населеніе увеличилось вдвое. При 2-хъ доменныхъ, 3-хъ сварочныхъ и 3-хъ пудлинговыхъ печахъ, при мѣдиплавильныхъ и сталелитейныхъ горнахъ, при обширномъ механическомъ заведеніи и проч. заводъ поставленъ въ возможность исполнять всевозможные заказы. Онъ строитъ пароходы, паровыя машины, локомобили и лѣсопилки; исполняетъ всѣ заказы для золотыхъ пріисковъ, винокуренныхъ заводовъ, мельницъ, и проч. За свои издѣлія онъ получилъ медаль на Парижской выставкѣ 1878 г. Польза его для края чрезвычайно значительна въ виду того, что въ эту далекую Сибирь шло до сихъ поръ желѣзо съ Урала. Въ настоящее время заводъ приготовляетъ желѣза и другихъ издѣлій до 150 тысячъ пудовъ, которыя и сбываются въ Иркутской губерніи и въ областяхъ: Якутской, Забайкальской и Амурской.

Иркутской губерніи и уѣзду принадлежитъ истокъ одной изъ величайшихъ въ свѣтѣ рѣкъ—Лены, хотя вся рѣка течетъ уже по Якутской области. Здѣсь можно упомянуть лишь о томъ, что Лена беретъ начало въ горахъ, облегающихъ съ с.-з. озеро Байкалъ, и вообще тихая и спокойная, здѣсь съ горъ и между ними она течетъ довольно быстро. Отъ г. Киренска она становится глубока (отъ 1 до 10 саж.); выше этого города берега ея и острова плодородны.

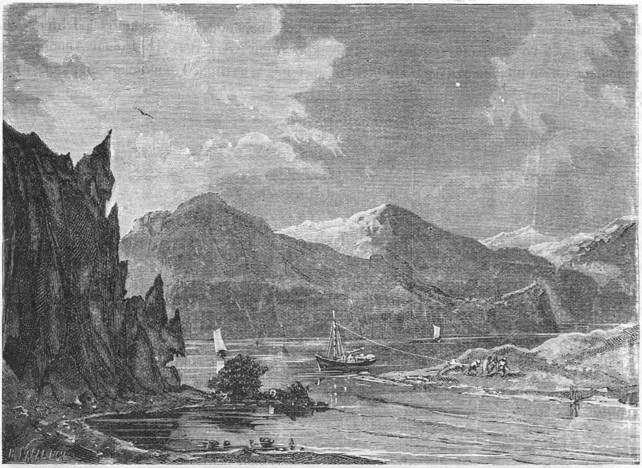
Видъ пустыни преподобнаго Нила въ Саянскихъ горахъ.

Почва въ долинахъ песчаная и иловатая, а поэтому большая часть жителей охотно и выгодно занимается земледѣліемъ, что вызвало въ этой верхней части теченія, въ 170 верстъ отъ истока и 220 верстъ отъ Иркутска, селеніе Качугу съ пристанью. Здѣсь грузятся товары, привезенные изъ Иркутска гужомъ и выгружаются приплавленные снизу: хлѣбъ, соль, вино, чай, пушные и мѣховые товары. Между ними особенно выдѣляются мамонтовая кость, медвѣжьи шкуры изъ лѣсовъ съ р. Киренги, панты, или рога изюбря, и каборжья струя изъ нароста на брюхѣ трехлѣтняго самца кабарги, съ великою охотою покупаемая Китайцами, какъ лекарство противъ мужскаго безсилія. Кабаргу Тунгузы ѣдятъ и ловятъ для этой цѣли въ горахъ волостей Орленской, Нижнеилимской и Карапчанской. Старые самцы живутъ здѣсь на вершинахъ горъ, молодые въ серединѣ, а самки внизу. Въ Качугѣ занимаются также постройкою ленскихъ судовъ: досчаниковъ, барокъ и павозковъ для плаванія по широкой, глубокой и тихой Ленѣ. Точно также и въ Иркутской губерніи, какъ и въ самомъ городѣ, большинство населенія принадлежитъ къ Русскому племени (238 тысячъ), на которое приходится изъ инородцевъ всего больше Бурятъ ($112^1/_2$ тысячъ), затѣмъ Татаръ (около 3 тысячъ), также около 3 тысячъ Тунгузовъ и всего меньше Якутовъ ($1^1/_2$ тысячъ) и Евреевъ (900) обоего пола.

Въ Иркутскѣ считается 19 учебныхъ заведеній (въ томъ числѣ, сверхъ выше поименованныхъ, военная прогимназія, семинарія, военнописарская школа, два духовныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ и 4 приходскія); 7 типографій и литографій, 3 фотографіи и одна книжная торговля. Въ Иркутскѣ съ 1851 года существуетъ Отдѣлъ (сибирскій) Географическаго Общества и при немъ публичный музей. Иркутская таможня, переведенная изъ Троицко-Савска,

пропустила въ Россію китайскихъ чаевъ (байховаго и кирпичнаго) всего 463,934 пуда и доставила съ нихъ пошлины 1,355,671 руб. 51 коп. Домовъ, по свѣдѣніямъ Городской Управы, въ 1874 году считалось 3572, и по этому можно судить на сколько выросталъ городъ, когда (по Гмелину) въ 1735 году считалось только 939, а въ 1772 году Георги насчиталъ уже 1153.

Въ 5 верстахъ отъ города находится общежительный Вознесенскій монастырь со святы-

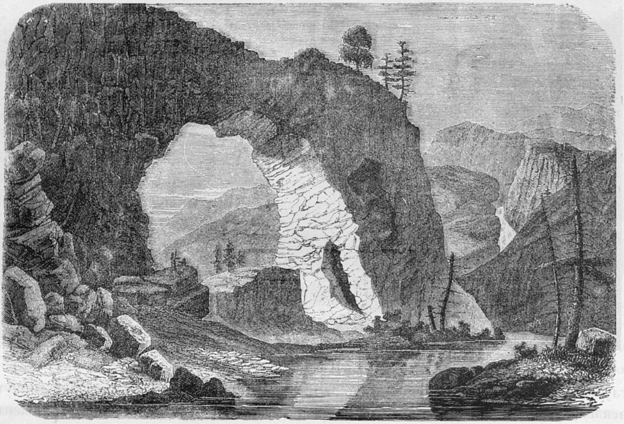
Рѣка Лена.

нею, глубоко-чтимою по всей Сибири: мощами св. Иннокентія, 1-го епископа иркутскаго и нерчинскаго, имя котораго въ именахъ Сибиряковъ наиболѣе употребительно. Иннокентій былъ родомъ Малороссъ, обучившійся въ Кіевской Духовной Академіи. Когда Петръ Великій пожелалъ имѣть въ Пекинѣ, при плѣнныхъ Албазинцахъ, по примѣру католиковъ, при духовной миссіи, вмѣсто архимандрита, епископа, выборъ палъ на соборнаго іеромонаха Александро-Невской лавры, Иннокентія. Въ 1721 году онъ хиротонисанъ въ присутствіи самаго царя въ архіереи и отправленъ въ Пекинъ. Китайцы на проѣздъ его не согласились и не пустили на Ургу при двукратныхъ попыткахъ (въ послѣдній разъ съ извѣстнымъ посломъ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ). Съ того времени до нашего въ Китай посылаются по прежнему архимандриты подъ именемъ старшихъ священниковъ. Св. Иннокентій оставленъ былъ въ Иркутскѣ въ званіи перваго самостоятельнаго мѣстнаго эпархіальнаго начальника и въ 1731 году, 26 ноября, здѣсь скончался и погребенъ. Мощи его обрѣтены въ 1763 г. и теперь открыто почиваютъ въ соборной церкви, въ серебряной позолоченой ракѣ, надъ которой за стекломъ хранятся вещи святителя: риза, посохъ, клобукъ, камилавка и башмаки. Въ оградѣ монастыря покоятся мѣстно-чтимые: схимонахъ Герасимъ и архимандритъ Синесій, надъ могилами которыхъ воздвигнуты каменныя часовни. Такая же часовня выстроена въ самомъ городѣ Иркутскѣ, на мѣстѣ дома (бывшемъ Елезова), гдѣ нѣкогда проживалъ святитель Иннокентій. Вознесенскій монастырь основанъ въ 1672 году старцемъ Герасимомъ и боярскимъ

сыномъ Иваномъ Максимовымъ. Второй иркутскій монастырь, женскій Знаменскій, сооруженъ въ 1693 г. Въ немъ, какъ извѣстно, находится могила Шелехова, которому обязана Россія занятіемъ Курильскихъ острововъ и пріобрѣтеніемъ берега Сѣверной Америки. Надгробный мраморный памятникъ сохраняетъ эпитафію, написанную поэтомъ Ив. Ив. Дмитріевымъ:

Какъ царства падали къ стопамъ Екатерины,
Такъ Шелеховъ безъ войскъ, безъ громоносныхъ силъ
Притекъ въ Америку, сквозь бурныя пучины,
И нову область ей и Богу покорилъ.

Послѣ пожара 1679 г. Вознесенскій монастырь возобновленъ старцемъ Исаіею въ 1692 году. Ежегодно, 9-го февраля, сюда бываетъ крестный ходъ изъ городскаго собора, въ память перенесенія мощей святителя Инокентія изъ-подъ алтаря Тихвинской церкви въ Вознесенскую.

Горныя ворота въ Нуку-Дабанъ (гора въ Саянскомъ хребтѣ, въ Иркутской губерніи, между Чернымъ и Бѣлымъ Иркутами.

Вознесенскій монастырь вывелъ насъ изъ Иркутска, но такъ какъ вывелъ на ту же Ангару, то и прослѣдуемъ по ней до ея выхода изъ Байкала вверхъ по теченію на этомъ небольшомъ пространствѣ. Только 60 верстъ отъ Байкала несетъ она свои свѣтлыя прозрачныя воды до Иркутска. Здѣсь на глубинѣ четырехъ саженей можно свободно видѣть не только форму, но и цвѣтъ камней, лежащихъ на днѣ. Впрочемъ на всемъ этомъ протяженіи рѣка не имѣетъ глубины свыше 5 саженей, тогда какъ за Иркутскомъ доходитъ до 7. За то быстрота теченія наибольшая: истокъ Ангары, т. е. самая поверхность байкальской воды, лежитъ надъ поверхностью моря на высотѣ 1655 футовъ, а Иркутскъ на высотѣ 1355 футовъ, почти на средней высотѣ всего байкальскаго нагорья, быстро затѣмъ понижающагося къ Красноярску, абсолютная высота котораго уже только 695 футовъ.

Если уже на почтовой дорогѣ къ Байкалу, извилисто бѣгущей по долинѣ Ангары, горы дѣлаются все болѣе возвышенными и дикими по мѣрѣ приближенія къ озеру, то и площадь ангарскаго дна на столько же возвышенна около озера. Теченіе же воды по наклонной плоскости на столько быстро, что суда, идущія вверхъ съ грузомъ, должны тратить не менѣе 8

дней, т. е. подниматься въ день немного болѣе 7 верстъ. Не мало впрочемъ затруднено здѣсь плаваніе еще и тѣми островами, которые во множествѣ насыпаны тутъ и тѣми скалами подъ водой, число которыхъ въ особенности велико ближе къ Иркутску. Здѣсь либо шивера съ мелями, либо такое мѣсто, какъ за 17 верстъ до истока, которое образно и справедливо назвали Собачьей Норой. Здѣсь ледъ устанвается только въ самые сильные морозы. Рѣка въ этихъ мѣстахъ стѣснена побережными скалами, и дно ея то очень мелко, то чрезвычайно глубоко, а вода шумитъ подобно водопаду. За 8 верстъ до озера виднѣется длинный, болѣе версты островъ, справедливо названный Сосновымъ, и за тѣмъ Шаманская скала, на которой нѣкогда приносились жертвы шаманствовавшими Бурятами. На нее-то и летятъ бѣшенымъ порывомъ воды истока до того быстрыя, что льда здѣсь никогда не бываетъ. На открытой водѣ и въ январскую морозную зиму эта строгая величественная мѣстность оживляется стадами утокъ, которыя вьются взадъ и впередъ, и ныряютъ. Прибрежные жители Лиственичнаго селенія, зная, что птица любитъ отлучаться для отдыха съ громадныхъ и неугомонныхъ быстринъ на мѣста, гдѣ сила паденія воды не такъ велика, какъ въ серединѣ, придумали противъ сторожливыхъ нырковъ хитрость. Они строятъ такъ называемыя «засадки» изъ тонкихъ льдинъ и, окружившись ими съ трехъ сторонъ, въ этой стеклянной засадѣ ждутъ вкусную птицу и подстрѣливаютъ ее черезъ небольшія отверстія въ льдинахъ. На весну и лѣто, въ товарищество къ уткамъ, прилетаютъ сюда лебеди.

Скатываясь черезъ громадный порогъ, какъ бѣшеная, вырывается Ангара изъ озера въ ущелье, пробитое ею больше версты въ ширину. Эта каменистая разсѣлина обставлена кругомъ разнообразными утесами, сквозь которые, какъ въ открытыя ворота, развертывается увлекательный видъ на гладкую поверхность озера, съ забайкальскими снѣжными горами, которыя тонутъ на томъ берегу въ бѣловатой дали. За ближайшимъ мысомъ налѣво прячется станція Лиственичная, а затѣмъ со всѣхъ сторонъ высятся горы, покрытыя мрачными хвойными лѣсами, которыя то какъ будто затянуты густымъ саваномъ, то словно накинуто на нихъ лишь легкое и прозрачное кисейное покрывало. Круто оступающіяся въ воду скалы, какъ будто намѣренно выдвинуты впередъ рядомъ заднихъ хребтовъ, болѣе высокихъ и болѣе мрачныхъ, чтобы вообще усилить впечатлѣніе отъ дикихъ видовъ величественнаго Байкала, который инородцы назвали Святымъ моремъ и которымъ коренные Сибиряки не могутъ налюбоваться и нахвалиться.

Все на дикомъ Байкалѣ, въ самомъ дѣлѣ, необычайно и исключительно: необычайны движенія озера безъ вѣтровъ, когда плывущія суда вдругъ подвергаются судорожной качкѣ, — и волненія воды при среднихъ вѣтрахъ, когда озеро неожиданно начинаетъ бушевать какъ отъ урагана, поднимая волны до цѣлой сажени въ вышину. Эти волненія безъ вѣтровъ, опасныя для пловцовъ, при частыхъ туманахъ и недостаткѣ бухтъ, составляютъ исключительное явленіе, объясняемое давленіемъ воздуха, разложеніемъ въ нѣдрахъ водъ различныхъ газовъ и чрезвычайно облегченнымъ нарушеніемъ равновѣсія между водой и воздухомъ на этой обширной водной равнинѣ. Гладкая, какъ стекло, она, нерѣдко безъ видимой причины, въ иныхъ мѣстахъ является вдавленною въ формѣ воронкѣ, по краямъ которой въ то же время происходитъ судорожное движеніе воды. Когда со всѣхъ сторонъ поднимаются грозы и дѣлаютъ въ прибрежныхъ скалахъ раскатами своими рѣшительное подобіе ада, озеро всегда остается отъ нихъ свободнымъ: еще ни одинъ шкиперъ не видывалъ, чтобы эти грозы переходили черезъ Байкалъ. Въ самой срединѣ жаркаго лѣта висятъ надъ нимъ непроницаемые холодные туманы, и на оборотъ—въ самой срединѣ морозной зимы глядитъ на синюю ледяную толщу озера (до двухъ аршинъ) такое же чистое и синее небо, и цѣлыя ночи слышится трескъ байкальскаго льда. Звонко раздаются рѣзкіе его выстрѣлы, сопровождаемые появленіемъ мрачныхъ трещинъ съ зіяющими темными безднами.

Всѣ эти неожиданныя, странныя явленія въ могущественныхъ устрашающихъ образахъ превратили Байкалъ въ глазахъ Бурятъ въ живаго бога, требующаго жертвъ для умилостив-

и Учуромъ. Такимъ путемъ скрываются не только весенніе потоки, но и горные ручьи. Это явленіе производитъ особенно поразительное впечатлѣніе, когда путешественникъ поневолѣ слѣдуетъ за теченіемъ бурливаго горнаго прохода, не находя чрезъ него брода. Противъ правила проводникъ ведетъ поѣздъ внизъ по теченію ручья вмѣсто того, чтобы вверху искать мелководья. Пускаются напрямикъ, чрезъ густой лиственичный и кедровый лѣсъ, стараясь взять на перерѣзъ кручину; выбираются наконецъ изъ чащи и вдругъ горный ручей, котораго немогли перейти въ продолженіе всего дня, исчезаетъ какъ будто какимъ то волшебствомъ. Хотя не видно, чтобы известнякъ былъ напластованъ въ перемежку съ какими нибудь легко размываемыми слоями, однако частыя воронки убѣждаютъ, что въ немъ есть большія вымоины, сопровождаемыя провалами верхнихъ толщъ. Эти воронки часто бываютъ значительно велики; такъ, по сообщенію Миддендорфа, напримѣръ ручей Сенъ-Бага, шириною около трехъ саженъ, а глубиною въ нѣсколько футовъ, съ шумомъ и пѣною, по набросаннымъ другъ на друга известковымъ четвероугольникамъ, низвергается въ падь глубиною въ шесть саженъ, и поглощается ею. Толстые древесные стволы, то запружая воду, то образуя живописные мосты лежали на краю воронки, имѣющей въ поперечникѣ 50 шаговъ; другіе, разбитые, расколотые, крѣпко завязли между четвероугольниками и страннымъ образомъ торчали вверхъ. Видъ въ высшей степени живописный, даже въ невысокую воду. Лишь изрѣдка встрѣчаются на этомъ пространствѣ воды, исчезающія безъ принимающихъ ихъ воронокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исчезнувшіе горные ручьи тутъ же вырываются изъ подъ земли фонтанами, бьющими вверхъ на нѣсколько футовъ толстыми струями. Особенно поразительно и картинно является внезапное появленіе изъ земли рѣчки Селенды. Миддендорфъ особенно часто встрѣчалъ исчезаніе водъ въ долинѣ Сена, равно и въ области Кебеликани. Для опредѣленія геологическаго періода этихъ известняковъ, нѣтъ пока точныхъ палеонтологическихъ основаній. Эрманъ полагалъ ихъ юрскою формаціею, Миддендорфъ сначала считалъ ихъ принадлежащими къ каменноугольной формаціи, а потомъ сталъ причислять къ силлюрійской, но и послѣднее свое мнѣніе предоставилъ подтвердить послѣдующимъ болѣе точнымъ наблюденіямъ.

На южномъ берегу Охотскаго моря сѣровакковни выступаютъ на большомъ пространствѣ въ утесахъ, которыми вѣтви хребтовъ Шантарскаго и Мевачана опускаются въ море. Глинистый сланецъ, кремнистый сланецъ и сѣровакковые песчаники всѣхъ различій являются попеременно въ означенной мѣстности. По палеонтологическимъ остаткамъ, этотъ глинистый сланецъ надобно считать древнѣе горнаго известняка. Между этими сѣровакковыми формаціями поднявшія ихъ плутоническія массы водворились съ опустошительнымъ насиліемъ. Повсюду видны метаморфическія дѣйствія пробившихся породъ, повсюду возмущенія, погибы, извилины, проломы въ напластованіяхъ сѣровакковыхъ формацій, разорванныхъ такимъ образомъ во всѣ стороны. На утесистыхъ стѣнахъ береговъ всюду видны также отломанные и съ острыми краями куски этихъ напластованныхъ массъ, какъ бы запѣченные въ прорвавшемся наружу гранитѣ. Куски эти имѣютъ разную величину, начиная съ дюйма и меньше, до сажени и больше. Напримѣръ, отвѣсный берегъ на мысѣ Джукджандранъ состоитъ въ своей главной массѣ изъ рѣшительно кремнистаго сланца, переходящаго чрезъ кремнистый глинистый сланецъ въ мягкій глинистый сланецъ. Наслоенія можно ясно различить и они толщиною то въ футъ, то лишь въ нѣсколько дюймовъ; въ соприкосновеніи съ гранитомъ, глинистый сланецъ, вмѣстившій въ себя слои слюды, получилъ сходство съ слюдистымъ сланцемъ, а въ этомъ гранитѣ содержатся запеченными куски кремнистаго и глинистаго сланцевъ. Шантарскіе острова состоятъ также изъ сѣровакковыхъ породъ, а именно Медвѣжій островъ и южная оконечность острова Эге, но сѣверная оконечность его, обращенная къ острову Большому Шантару, оказывается уже чистымъ гранитомъ, который, погружаясь въ море, вѣроятно, состоитъ въ связи съ цѣпью высотъ на Большомъ Шантарѣ. Но вершины юговосточной оконечности Большаго Шантара состоятъ почти изъ чистаго кварца. Кромѣ гранита, поднимаются наружу отчасти

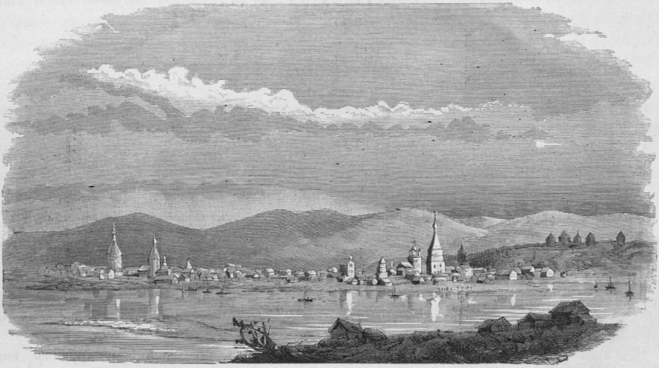
въ массѣ, но преимущественно жилами, сѣровакковыя породы оказываются равнымъ образомъ смѣшанными съ діоритомъ, который мѣстами является въ видѣ миндальника, но особенно острые конусы трахитовой породы, высоко поднимающіеся надъ вѣтвями хребтовъ, напоминаютъ собою на южномъ берегу Охотскаго моря Алданскій хребетъ. Этотъ трахитовый порфиръ сверхъ того возсѣдаетъ какъ на разсѣлинахъ, идущихъ параллельно градусамъ широты (береговой Шантарскій хребетъ), такъ и на тѣхъ, которыя слѣдуютъ направленію меридіановъ (полуостровъ Сегнека, хребетъ Укурунру) и выдаются полуостровами въ море.

Рѣки, впадающія во множествѣ въ Охотское море, представляютъ для геолога богатое и обширное поле для наблюденія тѣхъ переворотовъ, которые совершились на землѣ, преимущественно новѣйшихъ преобразованій земной поверхности. Въ Сибири метеорологическія обстоятельства, по наблюденіямъ Миддендорфа, существенно содѣйствуютъ возвышенію до необычайной степени вліянія водъ на измѣненіе вида земной поверхности и на образованіе новыхъ земныхъ пластовъ. Какъ чрезвычайный холодъ, такъ и внезапный переходъ отъ зимы къ лѣту придаютъ тамошнимъ водамъ особенную силу. Въ теченіе необыкновенно долгой зимы накопившіяся массы снѣга внезапно обращаются въ воду, отъ чего, сибирскія рѣки возвышаются въ нѣкот рые годы на пять, на шесть и даже больше чѣмъ на восемь саженъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ, разливаются многообразно на нѣсколько верстъ въ ширину по окрестной странѣ и въ половодье отыскиваютъ себѣ путь чрезъ лѣса и пустыни. Отъ того съ одной стороны подвергаются размывкѣ такія мѣста, гдѣ въ теченіе большей части года, въ значительномъ отдаленіи отъ главной рѣки ѣздятъ по высокому сухому материку; съ другой стороны, стѣсненныя массы воды возрастаютъ до непреодолимой тяжести, которая въ состояніи все передъ собою опрокинуть. Сильная стужа зимы тѣмъ болѣе притомъ участвуетъ, что ледъ достигаетъ необыкновенной толщины и потому взгромождается такими плотинами, какихъ никогда не увидишь въ Европѣ. Если бы тотъ же морозъ, которому ледъ обязанъ своею толщиною, не связывалъ почву въ твердую, крѣпкую массу, то опустошенія и преобразованія земнаго покрова были бы несравненно значительнѣе. Въ Сибири эти наводненія не случайны; напротивъ они принадлежатъ собственно къ характеристикѣ страны, отъ того, что въ зиму накопившійся запасъ снѣга, періодически, въ кратчайшій срокъ таетъ и истекаетъ. Въ слѣдствіе того является правильный ежегодный возрастъ столь значительныхъ наводненій, какихъ въ Европѣ вовсе не знаютъ. Отъ того возвышеніе до трехъ и четырехъ саженъ, даже въ нижнемъ теченіи рѣкъ, не есть событіе необыкновенное, а напротивъ того регулярное. Рѣки Охотскаго моря представляютъ наглядное объясненіе допотопнаго лѣса и ископаемаго угля и того плавника, который служитъ топливомъ на безлѣсныхъ пространствахъ сѣвернаго Ледовитаго океана въ Сибири. На берегахъ Охотскаго моря какъ на высотахъ близъ вершинъ горъ, такъ и ниже къ морскому берегу встрѣчаются огромныя кучи самаго крупнаго лѣса, снесеннаго періодическою яростью горныхъ водъ. Въ началѣ іюня даже по сухому руслу ле-

Переходъ чрезъ рѣку въ Сибири.

вали возставать противъ завоевателей и отказывались платить ясакъ. Они убили казаковъ, присланныхъ въ Бурятскій острогъ для подкрѣпленія гарнизона, и сдались только тогда, когда изъ Енисейска снова подоспѣла помощь. Въ 1637 г. Русскіе пошли изъ Братскаго острога въ верхъ по Ангарѣ, обложили данью обитавшихъ тамъ Бурятъ, и это повело опять къ волненіямъ. Въ 1639 г. удалось успокоить ихъ мирными мѣрами, и округъ Братскаго острога сильно увеличился. Впрочемъ мирныя отношенія продолжались недолго. Въ 1645 г. воевода Протасьевъ принужденъ былъ послать противъ Бурятъ казачій отрядъ. Вѣроятно, дѣйствія этого отряда не имѣли успѣха, такъ какъ снова пришлось прибѣгнуть къ мирнымъ мѣрамъ. На этотъ разъ бурятскій князь Иланко даже самъ началъ просить о заложеніи въ его владѣніяхъ русскаго острога, по-

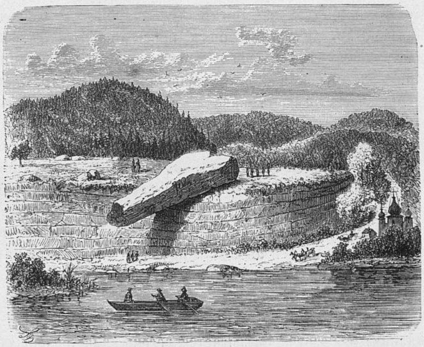
Удинскій острогъ.

служившаго основаніемъ Удинскаго острога и впослѣдствіи города Нижне-Удинска. Затѣмъ Русскіе долгое время то проникаютъ во владѣнія Бурятъ все дальше и дальше, то отбиваются, то взимаютъ ясакъ, то не могутъ получить его. Въ 1648 г. Братскій острогъ переведенъ на правый берегъ Ангары; въ 1654 г. Русскіе опять перенесли этотъ острогъ на новое мѣсто. Въ 1661 г. былъ заложенъ Иркутскій острогъ, и къ этому времени кончилось покореніе Бурятъ, обитавшихъ въ нынѣшней Иркутской губ. Но Буряты, жившіе по ту сторону Байкала, еще не были окончательно покорены, хотя уже тамъ и было основано къ этому времени нѣсколько русскихъ остроговъ. Забайкальскіе Буряты, въ годъ основанія Иркутскаго острога, убили ѣхавшаго въ Китай русскаго посла Заблоцкаго (на той сторонѣ озера Байкала, на мѣстѣ, гдѣ потомъ основанъ, въ память его, Посольскій монастырь). Послѣ этого, волненія между Бурятами почти утихли. Хотя въ 1696 г. они еще разъ возстали и осаждали даже Иркутскъ, но уже безъ всякаго успѣха. Затѣмъ, по мирнымъ договорамъ между Русскими и Китайцами (въ 1689 и 1727 годахъ), земли, завоеванныя Русскими за Байкаломъ, признаны ихъ собственностію.

Количество бурятскаго народонаселенія, по исчисленію, произведенному въ послѣднее десятилѣтіе, простирается до 200,000 душъ обоего пола, въ томъ числѣ осѣдлыхъ 16,000 душъ. Большая часть Бурятъ, приблизительно около двухъ третей, кочуетъ по степямъ Забайкальской области; остальная же часть, приблизительно одна треть—въ Иркутской губерніи. Нужно, однако, замѣтить, что перепись кочевыхъ племенъ — дѣло весьма не легкое, и потому на вѣрность исчисленій нельзя вполнѣ полагаться.

Буряты платятъ ясакъ, несутъ мѣстныя повинности, но не ставятъ рекрутъ, хотя обязаны

содержать нѣсколько казацкихъ полковъ и охранять нашу границу съ Китаемъ. Говорятъ они на монгольскомъ языкѣ, но имѣютъ нѣсколько нарѣчій. Такъ, Буряты, живущіе близь Китайской границы, говорятъ чистымъ калха-монгольскимъ нарѣчіемъ и своимъ образомъ жизни не отличаются отъ Монголовъ. Буряты, живущіе въ Иркутской губерніи, хотя и говорятъ тоже по-монгольски, но такъ, что Забайкальскіе Буряты съ трудомъ понимаютъ ихъ. Большая часть Бурятъ Иркутской губерніи заимствовала русскіе обычаи и исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Въ общемъ Буряты дѣлятся на Сѣверо-байкальскихъ и Южно-байкальскихъ. Сѣверо-байкальскіе составляютъ восемь обществъ: Тункинское, Аларское, Верхоленское, Кудинское, Ольхонское, Идинское, Окинское и Балаганское. Южно-байкальскіе дѣлятся на четыре общества: Селенгинское или Цонгольское, Кударинское, Хоринское и Баргузинское. Живущіе къ западу отъ Байкала болѣе сблизились съ Русскими, живущіе-же на востокъ отъ этого озера (въ долинахъ рр. Уды, Селенги и Онона) относятся къ Русскимъ недовѣрчиво и охраняютъ ревностно свою національность.

Священное мѣсто у Бурятъ (между Верхоленскомъ и селомъ Качугскимъ, на правомъ берегу Лены).

До сихъ поръ Буряты дѣлятся по колѣнамъ и родамъ и ведутъ свое происхожденіе отъ главнаго родоначальника (каждое колѣно отдѣльно). Общее управленіе всѣхъ родовъ сосредоточивается въ Степной Думѣ. Степную Думу можно разсматривать какъ высшую власть въ предѣлахъ инородческихъ обычаевъ. Ей принадлежатъ народосчисленіе, раскладка сборовъ, правильный учетъ всѣхъ суммъ и общественнаго имущества, распространеніе земледѣлія и всей инородческой промышленности, а равно и ходатайство у высшаго начальства о пользѣ родичей. Степная Дума состоитъ изъ засѣдателей, зайсановъ и тайшей, и всѣ эти чины, управляющіе бурятскими дѣлами всего чаще избираются изъ одной и той-же фамиліи, имѣющей наслѣдственныя, какъ-бы родовыя или колѣнныя, права власти. Сводомъ законовъ у Бурятъ служитъ Степной уставъ, унаслѣдованный ими отъ Монголовъ за долго до появленія Русскихъ въ Сибири и пересмотрѣнный въ 1808 году. Уставомъ этимъ Буряты могутъ пользоваться только при рѣшеніи дѣлъ гражданскихъ, въ уголовныхъ же дѣлахъ они судятся русскими законами.

Исповѣданіе вѣры у нихъ различное: одни признаютъ буддизмъ, другіе-шаманство, третіе-христіанство. Буддистовъ между ними всего болѣе. Главный центръ буддійской іерархіи находится въ Тибетѣ. Тамъ живетъ далай-лама, соединяющій въ своей особѣ духовную и свѣтскую власть. Съ прекращеніемъ сношеній Бурятъ-буддистовъ съ Тибетомъ, они утратили понятіе о сущности своей религіи, которая съ этого времени обратилась для нихъ исключительно въ одну обрядность. Сами ламы (духовныя лица), имѣющіе исключительное право на образованіе, не понимаютъ истиннаго смысла своего ученія и молитвъ, и лишь рѣдкіе изъ нихъ, вполнѣ посвятившіе себя изученію священныхъ книгъ, достигаютъ въ нѣкоторой степени названія ученыхъ и могутъ давать болѣе или менѣе точныя толкованія въ вопросахъ религіи. Оригинальный языкъ буддійскихъ священныхъ книгъ—санскритскій; на тибетскій языкъ онѣ переведены сравнительно въ недавнее время, какъ полагаютъ, неранѣе восьмаго

вѣка по Р. X. Книгъ этихъ такая масса, что, говорятъ, ни одна изъ другихъ религій не можетъ соперничать въ этомъ отношеніи съ буддійской. Представителей духовной власти у буддистовъ тоже громадное число и чиновъ іерархическихъ великое множество. Буддизмъ раздѣляется на двѣ секты—фоистовъ и ламайцевъ. Буряты принадлежатъ къ ламайской сектѣ. Какъ велико между бурятами число ламъ, можно заключить изъ того, что въ 1842 г. на 120,035 душъ Бурятъ мужескаго пола ламайскаго исповѣданія насчитывалось 5,545 ламъ, что составляетъ почти одинъ на двадцать два. Число это могло бы, пожалуй, и еще возрасти, еслибы русское правительство не приняло, наконецъ, мѣры къ его ограниченію. Въ настоящее время установленъ опредѣленный штатъ ламъ по количеству бурятскаго населенія.

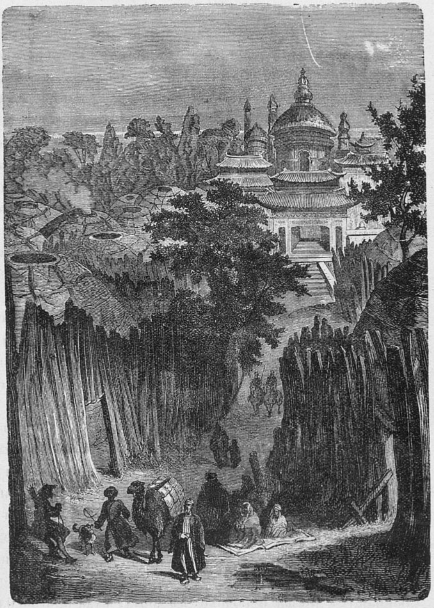
Первая, высшая степень между ламами есть далай-лама, вторая—кутухта; далѣе слѣдуютъ: хамба-лама, ширетуй, гелунъ, гецулъ, убаши. При дацанахъ (храмахъ) главный настоятель — ширетуй, за нимъ слѣдуютъ: цорджи—благочинный, засакъ—распорядитель, нирба—казначей и другіе. Къ нимъ присоединяются музыканты, чтецы, прислужники. Благословлять народъ и совершать обряды религіи имѣютъ право не всѣ ламы, а только тѣ изъ нихъ, которые, по своимъ знаніямъ и заслугамъ, достигли извѣстныхъ степеней священства. Они благословляютъ народъ молитвенной книжечкой, обернутой въ шелковую ткань. Благословеніе совершается чрезъ прикосновеніе книжечки къ головѣ благословляемаго, при чемъ благословляемый благоговѣйно склоняетъ голову и складываетъ ладони рукъ одна съ другою.

Для очищенія себя отъ грѣховъ, Буряты обязаны блюсти постъ хотя однажды въ годъ. Во время этого поста, они исповѣдуются предъ ламами въ своихъ грѣхахъ, слушаютъ ихъ нравоученія и проводятъ ночи въ молитвѣ. Полный постъ совершается въ шестнадцать дней. Въ первый день поста Буряты принимаютъ пищу въ весьма ограниченномъ количествѣ, во второй день нетолько нельзя принимать пищи и питья, но даже запрещается глотать собственную слюну; на третій день говѣющему разрѣшается принятіе нѣкотораго количества пищи и подкрѣпительнаго питья изъ травъ; потомъ слѣдуетъ опять день голода, а за нимъ день принятія пищи и т. д. День голода и день пищи составляютъ одинъ нумней, которыхъ, такимъ образомъ, оказывается восемь. Для больныхъ и слабыхъ допускается исключеніе, и они могутъ принимать пищу каждодневно. При дацанахъ устраиваются для постниковъ гостиницы. Кромѣ поста и исполненія установленныхъ религіею правилъ, къ покаяніямъ вѣрующихъ относятся также подвижничество и различные обѣты.

Если не каждый лама, то большая часть изъ нихъ считаетъ своей обязанностію сходить хотя разъ въ жизни въ Ургу на поклоненіе кутухтѣ. Городъ Урга находится въ Монголіи, въ 300 верстахъ отъ Кяхты. Въ этомъ городѣ кутухта помѣщается въ громадномъ дворцѣ, невидимый простыми смертными. Онъ живетъ, окруженный тысячами ламъ, отчего и самый городъ называется ламскимъ городомъ. Отправляется Бурятъ въ Ургу и несетъ съ собою жертвы, смотря по состоянію: золото, серебро, соболей и т. п. Доберется онъ до ламскаго города, и услужливые охранители жилища кутухты примутъ его жертву и позволятъ полежать предъ входомъ во дворецъ священной особы. Полежитъ поклонникъ, распростертый на землѣ, пошепчетъ молитвы, выскажетъ свои задушевныя просьбы и идетъ въ обратный путь, исполнивъ свой религіозный обѣтъ. Видѣть кутухту могутъ только самые приближенные къ нему ламы. Они ревностно охраняютъ его отъ всякихъ сношеній съ простыми смертными. Поставленный въ такія исключительныя условія и щедро упитываемый яствами, кутухта доживаетъ только до восемнадцати — двадцатилѣтняго возвраста. Къ этому времени душа его, какъ говорятъ священныя книги, переселяется въ душу какого-нибудь дитяти изъ благочестиваго семейства въ Тибетѣ, а тѣло отлетаетъ на небо. И здѣсь ламы, разумѣется, остаются не безъ выгодъ: чѣмъ чаще душа кутухты будетъ переселяться въ дѣтей изъ богатыхъ семействъ, тѣмъ выгоднѣе для ламъ.

Буддійскій догматизмъ представляетъ милліоны боговъ и въ обрядовой части сходствуетъ

съ древними язычниками. Буддизмъ допускаетъ боговъ, полубоговъ и геніевъ. По ихъ понятіямъ, есть и адъ, и мытарства, и рай. Переселеніе и перерожденіе душъ являются мощнымъ двигателемъ буддійскаго міра; вѣра въ это переселеніе и перерожденіе даетъ нравственную силу буддисту и утѣшаетъ его сладкой мечтою, что рано или поздно душа его достигнетъ высшаго совершенства. Кромѣ того, по понятію буддистовъ, есть души, которыя, ради общаго блага, не остаются на мѣстѣ своего блаженства въ небесахъ, а возвращаются на землю, воплощаясь въ лица такихъ особъ, какъ далай-лама, кутухта и хамба-лама. Эти души служатъ свѣтильниками міру и являются постоянными органами воли боговъ. Злыя души мучатся въ аду, проходятъ мытарства, наконецъ, обезсиленныя, но вмѣстѣ и очищенныя, онѣ переходятъ въ міръ перерожденія и поднимаются выше и выше, до степени нравственнаго совершенства.

Дворецъ Кутухты.

Собраніе священныхъ книгъ Бурятъ называется Ганжуръ-Данжуръ. Изъ этихъ книгъ каждый пытливый умъ можетъ получить отвѣты на всѣ занимающіе его вопросы. Эти книги заключаютъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія о законахъ мірозданія, всѣ правила нравственности и всѣ науки. О мірозданіи въ нихъ разсказывается, что Всевышній (Бурханъ) явилъ свою силу прежде всего созданіемъ горнихъ, невещественныхъ міровъ — Нирвану. Свѣтъ и покой есть вѣчный удѣлъ этихъ міровъ. Боги наслаждаются тамъ счастьемъ бытія, но для существъ менѣе совершенныхъ, Бурханъ призналъ необходимымъ созданіе органическаго стихійнаго міра. О сотвореніи перваго человѣка въ священныхъ книгахъ говорится, что божество произвело его изъ свѣта ладони своей. Затѣмъ предъ «Мандзой» (первымъ человѣкомъ) предстала, неизвѣстно откуда, жена его «Ракчиса» и ласками и угрозами убѣдила Мандзу сдѣлаться ея супругомъ. Мандза, впрочемъ, не сразу поддался мольбамъ Ракчисы, а отправился сначала къ верховному Буддѣ посовѣтоваться съ нимъ объ этомъ. Когда Будда разрѣшилъ ему супружество, какъ фактъ, который повлечетъ за собою размноженіе человѣческаго рода, онъ согласился на предложеніе жены, оказавшейся впослѣдствіи чрезвычайно злой: всѣ рожденныя отъ нея шестеро дѣтей, дурныя физически и нравственно, всетаки были лучше своей матери. Такъ низко ставитъ буддизмъ женщину по сравненію съ мужчиной.

По понятіямъ буддистовъ, солнце состоитъ изъ огненнаго хрусталя, въ поперечникѣ имѣетъ 51 милю, въ окружности 153, а въ толщину слишкомъ 6 миль. Движенія его зависятъ отъ воздуха. Луна огненныхъ элементовъ не содержитъ, а состоитъ изъ водянистаго хрусталя.

Звѣзды подходятъ по своему составу къ лунѣ. Атмосфера простирается вверхъ на 40,000 миль, обставлена горами и стѣнами и подвержена давленію міровыхъ массъ. Громъ и молнія происходятъ отъ гнѣва Будды. Землетрясенія зависятъ отъ движенія лягушки, на брюхѣ которой лежитъ средоточіе вселенной—святая гора Сумберъ, и вокругъ этой горы совершаютъ свое теченіе небесныя свѣтила, а въ лапахъ лягушки находятся четыре части свѣта. Когда лягушка обернется, тогда весь міръ пойдетъ вверхъ дномъ. Таковы понятія Бурятъ-буддистовъ о системѣ міра.

Буддійская вѣра вытѣснила собою шаманство, и ламы презираютъ шамановъ, называютъ ихъ идолопоклонниками. Шаманы поклоняются духамъ, населяющимъ, по ихъ понятіямъ, воздухъ, воду, огонь и землю. На неприступныхъ горахъ и въ глубокихъ пропастяхъ находятся, какъ думаютъ они, жилища этихъ духовъ, и такія мѣста служатъ предметомъ поклоненія шамановъ. Въ числѣ святыхъ мѣстъ у шамановъ считается и Шаманскій камень на Ангарѣ. Шаманы вѣрятъ въ воздаянія за дѣла, а равно и въ будущую жизнь.

Шаманы (мужчина и женщина) во время пляски.

Монгольскіе ламы говорятъ, что основатель буддійскаго ученія, Шигемуни (отъ словъ: Шакья — родъ, изъ котораго произошелъ Будда, и муни—отшельникъ), преслѣдуя шамановъ, сжегъ ихъ книги, и съ тѣхъ поръ вѣра эта сдѣлалась только *изустной*. Потерявъ богослужебныя и философскія книги, шаманская вѣра погрузилась въ невѣжество, дополняясь новыми фантазіями и искажаясь различными толкованіями. Отъ понятія объ единомъ божествѣ вѣра эта перешла къ боготворенію добрыхъ и злыхъ духовъ, покровительствующихъ людямъ и враждебныхъ имъ. Духи эти, однако же, ничего не дѣлаютъ для человѣка даромъ: являясь ему подъ разными вещественными образами, требуютъ приношеній и богопочитанія этихъ образовъ. Всѣ обряды шаманства заключаются въ жертвоприношеніяхъ, молитвахъ, заклинаніяхъ и предсказаніяхъ, совершаемыхъ тѣми изъ шамановъ, которые имѣютъ общеніе съ духами. Шаманъ заклинаетъ духовъ, прося ихъ помочь человѣку въ бѣдѣ, въ болѣзни, въ избавленіи отъ преждевременной смерти и т. п. Для совершенія заклинаній, шаманъ облекается въ особую одежду, пеструю съ различными погремушками и ленточками; въ рукахъ онъ имѣетъ въ это время бубенъ. Обыкновенно шаманство производится въ юртѣ, рѣдко на открытомъ воздухѣ. Собираются друзья и родные въ юрту, куда пригласили шамана, разсаживаются вокругъ огня, разложеннаго посрединѣ юрты, и когда является шаманъ, то прежде, чѣмъ начать свои дѣйствія, окуриваетъ всѣхъ находящихся въ юртѣ богородской травой и потомъ уже одѣвается въ свой пестрый нарядъ. Свистомъ призываетъ онъ духовъ, громомъ бубна онъ устрашаетъ ихъ и при этомъ то ухаетъ филиномъ, то квакаетъ подобно лягушкѣ, садится, вскакиваетъ, кривляется, бросается съ ножомъ къ огню и т. п. Потомъ онъ угощаетъ трубкой пріятеля-духа, выкуривая ее самъ, пьетъ воду, и кажется ему, что духи съ нимъ ведутъ бесѣду, даютъ отвѣты на понятномъ ему языкѣ, но внутреннимъ какимъ-то голосомъ, неслышимымъ присутствующими. Послѣ этого шаманъ, получивъ отвѣты, начинаетъ отшаманиваться: онъ поетъ прощальную пѣсню, какъ-бы разставаясь съ духами, и моментально сбрасываетъ съ себя одежду, кидая ее въ огонь и давая этимъ знать, что духи сами раздѣваютъ его. Зрители подхватываютъ его одежду и потомъ окуриваютъ ее травой. Измученный, истомленный до изнеможенія, шаманъ, едва держась на ногахъ, выполаскиваетъ ротъ водой и садится къ огню от-

Бурятская кумирня.

дыхать, не говоря ни слова. Судя по состоянію его духа, есть основаніе предполагать, что онъ дѣйствительно ничего не помнитъ изъ того, что происходило съ нимъ во время его шаманства. Чтобы сдѣлаться шаманомъ, имѣющимъ способность входить въ общеніе съ духами, нужно имѣть болѣзненное тѣлосложеніе. Шамана хоронятъ послѣ смерти гдѣ-нибудь на неприступной скалѣ, въ горной пещерѣ или нарочно устроенномъ гротѣ. Усадивъ туда умершаго, во всѣхъ его шаманскихъ доспѣхахъ, входъ въ пещеру закладываютъ каменьями, оставляя въ нихъ лишь малый просвѣтъ, необходимый будто-бы для умершаго шамана.

Вотъ все, что извѣстно о шаманствѣ у Бурятъ. Разъясненіе-же обрядовъ и вѣрованій этого ученія остается неизвѣстнымъ какъ потому. что исповѣдующіе эту вѣру тщательно стараются хранить въ глубокой тайнѣ свои обряды, такъ и потому, что у нихъ нѣтъ никакихъ книгъ.

Буряты живутъ въ войлочныхъ юртахъ и только рѣдкіе изъ нихъ, болѣе или менѣе обрусѣвшіе, устраиваютъ себѣ деревянныя помѣщенія. Всѣ они, за малыми исключеніями, ведутъ кочевой образъ жизни и переселяются съ одного мѣста на другое, выбирая для этого поля и долины годныя для пастбища скота. Найдя подходящее мѣсто, Бурятъ собираетъ свои пожитки и переселяется на него, благо переселеніе ничего не стоитъ, даже не требуетъ большаго труда. При переселеніи принимается въ расчетъ, прежде всего, чтобы на новомъ мѣстѣ была хорошая трава и хотя какая-нибудь вода; для Бурята все равно, хороша эта вода или дурна: онъ и изъ грязной лужи напьется точно также, какъ изъ родника, несущаго чистую и холодную воду. Задумавъ переселяться, снимаетъ Бурятъ войлоки съ юрты, сбираетъ весь свой скарбъ — и потянулся обозъ, поскрипывая немазанными колесами, къ новому мѣсту, оставивъ на старомъ одинъ только пепелъ и выжженные круги земли — слѣды бывшаго очага посреди юрты. Впереди всегда идетъ какая-нибудь старуха-родоначальница, набожно нашептывая молитвы, и, при переправѣ чрезъ ручей или рѣчку, непремѣнно бросаетъ въ воду мелкую монету, прося у боговъ позволенія на переправу. Иногда при переселеніи нѣкоторые изъ Бурятъ напѣваютъ пѣсни, но не громко, а такъ, какъ говорится, только подъ носъ себѣ мурлычатъ. Обыкновенно содержаніемъ для пѣсни Бурята служитъ то, что попадется ему на глаза: степь, двуколесныя телѣги и т. под., быки, лошади, группа мужчинъ и женщинъ. Переѣдетъ Бурятъ на новое мѣсто, поставитъ юрту и чрезъ часъ-другой можно подумать, что онъ на этомъ мѣстѣ цѣлый вѣкъ жилъ. Юрты Бурятъ состоятъ изъ рѣшетчатыхъ складныхъ стѣнокъ, скрѣпленныхъ между собой ремнями или тесьмами. Тесьмы, обыкновенно, свиваются изъ верблюжьей или овечьей шерсти и конскаго волоса. Полукруглый наметъ юрты, составляющій ея кровлю, дѣлается изъ вогнутыхъ палокъ и прутьевъ, къ которымъ, лучеобразно, прикрѣпляются другія палки, упирающіяся въ рѣшетчатыя стѣнки юрты. Остовъ юрты покрывается войлоками и обвивается тесьмами. Дверь замѣняетъ подбитый холстомъ войлокъ; иногда же дѣлаются и деревянныя дверцы на двѣ половинки. Обыкновенно, дверь обращена на югъ. Свѣтъ въ юрту проникаетъ сквозь дымовое отверстіе, находящееся въ центрѣ крыши и прикрываемое на ночь особымъ войлокомъ. Впереди, противъ двери, т. е. на сѣверной сторонѣ, внутри юрты, помѣщается непремѣнно жертвенникъ — расписной красный шкафикъ въ нѣсколько ступенекъ, на которыхъ ставятся золоченныя изображенія боговъ (бурхановъ); боги эти, большею частью, представлены сидящими съ поджатыми подъ себя ногами. На ступенькахъ ниже помѣщаются чашечки — серебряныя, мѣдныя, смотря по состоянію хозяина, съ жертвоприношеніями. Жертвоприношенія эти состоятъ: изъ воды—жертвы морей; сѣмянъ—жертвъ земли; мучныхъ лепешекъ — жертвъ человѣка; музыкальныхъ орудій — жертвъ всего міра. Непремѣнную принадлежность жертвенника составляетъ колокольчикъ — хонхо. Колокольчикъ имѣетъ важное значеніе въ ламайскомъ богослуженіи, и безъ него служба не можетъ совершаться; онъ же одинъ можетъ замѣнить собою всѣ музыкальныя орудія при богослуженіи. Внутри жертвенника

хранятся изображенія божествъ на бумагѣ. Эти картины пріобрѣтаются Бурятами отъ Китайцевъ; чашечки жертвенныя и бурханы они получаютъ отъ Монголовъ.

Посреди юрты помѣщается треножникъ надъ постоянно горящими или тлѣющими дровами. Постоянно поддерживаемый огонь въ юртѣ служитъ для приготовленія пищи, а въ холодные дни для согрѣванія юрты.

По стѣнамъ юрты идутъ низенькія кровати и расписные ящики для храненія одеждъ. Около двери помѣщается домашняя утварь, какъ-то: кадки для воды и перегонки араки (вино изъ молока), деревянныя чашки для питья чая, топоръ, сѣдла, сбруя и т. под. Нерѣдко тутъ же помѣщаются и телята, и ягнята. Чугунная чаша, въ которой варится мясо, а чаще всего кирпичный чай, поддерживается треножникомъ надъ огнемъ. У богатыхъ полъ юрты устланъ войлоками и кровати покрыты коврами. Ящики густо расписаны цвѣтами по красному фону, и замки ярко блестятъ на нихъ. У бѣдныхъ все грязно, черно; всюду лохмотья. Но какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ самую любимую пищу составляетъ кирпичный чай, приправляемый молокомъ, масломъ или сметаной и солью. Хлѣбъ приготовляется весьма простымъ способомъ: мука мѣсится на водѣ, и густая масса, обдѣланная въ видѣ лепешки, прямо кладется въ горячую золу. Впрочемъ, какъ видно, Буряты не особенно любятъ свой хлѣбъ и съ удовольствіемъ берутъ русскій ржаной. Большимъ почетомъ пользуется въ ихъ столѣ баранина, которую они варятъ въ водѣ безъ всякихъ другихъ припасовъ и даже часто безъ соли. Свареное мясо раскладывается по корытцамъ, чашкамъ, а то и просто на дощечкахъ, когда много гостей и посуды не хватаетъ. Вилокъ и ложекъ Буряты не знаютъ, берутъ пищу руками и пьютъ прямо изъ деревянныхъ чашекъ. Къ любимой пищѣ Бурятъ относятся также коровьи и бараньи кишки, наливаемыя кровью и свареныя, которыхъ онѣ даже не обмываютъ отъ слизей, желая сохранить весь вкусъ. Любятъ Буряты и луковицы сараны (Lilium Martagon). Скотъ составляетъ главное богатство Бурятъ, и потому чтобы не убивать здороваго скота себѣ на пищу, выбираютъ для этого, преимущественно, старыхъ и больныхъ, нерѣдко даже питаются и падалью. Но, впрочемъ, Буряты раздѣляютъ свою пищу на чистую и нечистую. Понятіе у буддистовъ о нечистой и нечистой пищѣ сходно съ понятіемъ о пищѣ въ іудейскомъ законѣ. Такъ, свинина, конина, верблюжина — нечистая пища, и нѣкоторые изъ Бурятъ даютъ обѣщаніе не прикасаться къ нечистой пищѣ. Давъ такое обѣщаніе, Буряты носятъ съ этого момента — мужчины красный опоясокъ, а женщины красную перевязь чрезъ плечо, что и служитъ для всѣхъ знакомъ ихъ обѣта.

Нѣкоторые изъ Бурятъ строятъ себѣ на лѣто деревянныя помѣщенія въ одну комнату, безъ оконъ, съ одной дверью, дымовымъ отверстіемъ въ крышѣ — словомъ, съ той же обстановкой, что и въ войлочной юртѣ. Бурята въ Иркутской губерніи, особенно изъ принявшихъ христіанство, имѣютъ деревянныя юрты съ окнами, но такихъ немного. Войлочныя юрты зимой теплѣе, но лѣтомъ онѣ отъ жаровъ и дождей сильно портятся.

При юртѣ Буряты устраиваютъ себѣ непрестанный молитвенникъ. Вбиваютъ шестъ и устраиваютъ на немъ вертушку, всю исписанную молитвами. Дуетъ вѣтеръ, вертушка обращается вокругъ оси — значитъ, и молитвы читаются. Эта вѣтряная вертушка называется курду-салкинъ. При храмахъ (дацанахъ) устраиваются громадныхъ размѣровъ курду и дѣлаются въ формѣ шестиграннаго цилиндра, вращающагося на оси и испещреннаго молитвами съ раскраской священными колерами: бѣлымъ, желтымъ, краснымъ, чернымъ, синимъ и зеленымъ. Аппаратъ этотъ служитъ молящимся для облегченія ихъ подвиговъ и приводится въ движеніе руками. Оборотъ курду равняется тысячамъ прочтенныхъ молитвъ.

Бурятскіе типы.

Анинскій и Цонгольскій дацаны — единственные въ Восточной Сибири, которые богаты разнообразными кумирами. Всѣхъ же дацановъ здѣсь считается 34. Въ названныхъ дацанахъ есть и колоссальные истуканы Аюши и Оточи, и богиня Лхамо, и адское божество—когтистый Чойжилъ, и трехголовый Дзукдеръ-намджилъ. Гусино-озерскій дацанъ болѣе другихъ извѣстенъ въ Забайкальѣ, хотя онъ и не богаче двухъ названныхъ. Въ Гусино-озерскомъ имѣетъ свою резиденцію хамба-лама, въ лицѣ котораго сосредоточена духовная власть надъ Монголо-Бурятами ламайской вѣры въ Восточной Сибири. Гусиное озеро находится въ степи близъ Селенгинска.

Бурятскіе и ламайскіе храмы, дацаны, напоминаютъ своимъ наружнымъ видомъ китайскія постройки. Внутреннія стѣны ихъ увѣшаны шелковыми матеріями, цѣнными мѣхами; полы устланы коврами. Кумиры вылиты изъ серебра и позолочены; чашки съ приношеніями тоже серебрянныя. Окна въ дацанахъ дѣлаются съ восточной и западной сторонъ; жертвенникъ устраивается на сѣверной. Надъ жертвенникомъ спускается балдахинъ съ бахрамой и массивными кистями по угламъ—джалцанъ-баданъ. По правой и лѣвой сторонамъ жертвенника находятся двѣ небольшія сѣни—шикуръ-тубденъ; подъ ихъ прикрытіемъ въ религіозныхъ процессіяхъ выносятъ бурхановъ. Отъ дверей входа во всю длину идутъ въ два ряда столбы, между которыми, во время священнодѣйствія, размѣщаются чины ламайскаго богослуженія. Главный лама садится у самаго жертвенника.

Во время службы на жертвенникѣ курятся пахучія свѣчи, а все богослуженіе сопровождается музыкой. Музыка эта ужасна: она представляетъ собою нѣчто дикое и въ высшей степени непріятное. Достаточно назвать нѣсколько инструментовъ, чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этой музыкѣ. Одна труба называется труба-корова, укырь-буре, и соотвѣтствуетъ, по звуку, своему названію. Трубы джуру и шуглу напоминаютъ дикій птичій голосъ и по формѣ своей имѣютъ нѣкоторое сходство съ птицами. Труба тунра напоминаетъ лай собаки. Затѣмъ, остаются еще: деншикъ—малыя тарелки, кенгери—большой барабанъ и много другихъ въ этомъ же родѣ инструментовъ.. Въ общемъ, ревъ трубъ, звонъ тазовъ, свистъ рожковъ оглушаютъ молящихся, и ужъ Богъ знаетъ, какъ выносятъ ихъ нервы такіе потрясающіе и дикіе звуки. Кончится музыка, начнется чтеніе молитвъ, одновременно всѣми ламами, или пѣніе речитативомъ. При каждомъ знаменательномъ мѣстѣ молитвы производится звонъ колокольчика, находящагося въ рукахъ главнаго ламы. Порою лама складываетъ руки, приближая одну ладонь къ другой, и съ благоговѣніемъ склоняетъ голову къ рукамъ.

По причинѣ отдаленности кумирень отъ прихода, буряты строятъ часовни, бурханы, гдѣ ламы также совершаютъ богослуженіе. Мѣсто для этого всегда выбирается возвышенное.

Обыкновенно, послѣ совершенія храмовой службы, въ праздничные дни у бурятъ начинается конскій бѣгъ, борьба и угощеніе. Это всегдашній порядокъ. Для угощенія посѣтителей и въ вознагражденіе ламъ, а также и на призы бѣгунамъ и борцамъ, буряты опредѣленной мѣстности привозятъ араки, мясо и деньги, дѣлая для этого между собой складчину.

Во время общественныхъ бѣдствій, какъ-то: засухъ, неурожаевъ, падежа скота, буряты при посредствѣ ламъ, устраиваютъ религіозныя сборища—обонъ. Для этого избираютъ возвышенное мѣсто, накладываютъ груду камней, или лѣпятъ изъ тѣста фигуру одного изъ враждебныхъ міру духовъ. Фигуру эту или камни обставляютъ кругомъ елками въ видѣ шатра и приступаютъ

къ молитвамъ. Сначала молятъ добрыхъ божествъ, а затѣмъ произносятъ проклятія злымъ. Въ заключеніе провозглашается ламами побѣда надъ мятежными духами — и фигуру изъ тѣста сжигаютъ. Такія религіозныя сборища обыкновенно завершаются народнымъ праздникомъ съ конскими бѣгами, борьбой и т. п.

Костюмъ бурятъ неизященъ, но бываетъ иногда очень цѣннымъ. Маржанъ (кораллъ) и малахитъ составляютъ въ нарядахъ щегольство и роскошь. Мужчины украшаютъ ими свои сѣдла, кушаки, огнива; женщины волосы и грудь. Маржанъ бываетъ разной величины, и чѣмъ крупнѣе, тѣмъ дороже. Приблизительно, цѣна его отъ 75 р. до 100 руб. за фунтъ, въ который входятъ отъ 60 до 100 корольковъ маржана. Одежда женщинъ въ праздничные

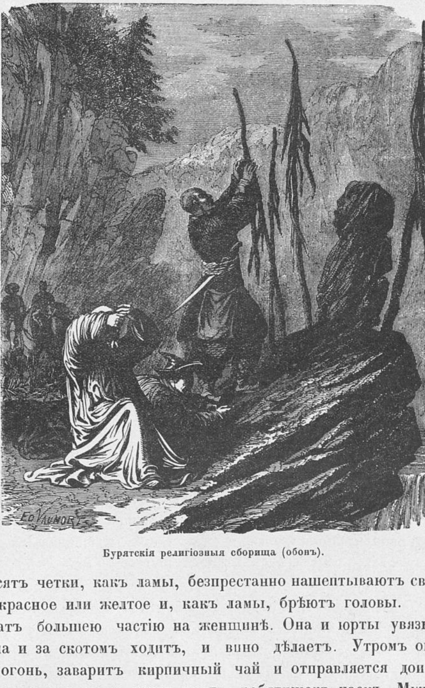

Бурятская часовня на берегу рѣки Икэ-Угунъ (въ Иркутской губерніи, притокъ Иркута).

дни состоитъ изъ парчи яркихъ цвѣтовъ (употребляемой у насъ въ церквахъ) и шелковыхъ матерій. Шапки ихъ съ выпушкой изъ выдръ, соболей и бобровъ; въ ушахъ серьги; на головѣ уборъ въ видѣ обруча, покрытаго чернымъ бархатомъ и украшеннаго также маржаномъ; волосы заплетены въ двѣ косы, соединенныя между собою рядами нанизанныхъ монетъ и корольковъ маржана или просто цвѣтныхъ стеклянныхъ. На рукахъ женщины носятъ большіе серебряные браслеты; на ногахъ шелковые сапоги въ родѣ китайскихъ, съ толстыми подошвами. Зимою мужчины и женщины носятъ шубы, опушенныя по краямъ выдрою, иногда бобромъ. Женщины обшиваютъ платья чернымъ бархатомъ или цвѣтнымъ сукномъ. Дѣвицы носятъ прическу, состоящую изъ множества косичекъ, убранныхъ маржаномъ. Ганза—трубочка съ кожаннымъ кошелькомъ—всегдашняя и необходимая спутница бурята. Въ костюмѣ мужчинъ и женщинъ разницы почти незамѣтно. Случается иногда видѣть вдали ѣдущую верхомъ женщину—и никакъ нельзя разпознать, кто ѣдетъ, мужчина или женщина, пока близко не подъ-

ѣдетъ. Конечно, въ несостоятельномъ классѣ бурятъ, какъ и, вообще, у всѣхъ народовъ серебрянныя украшенія замѣняются мѣдными, парчевыя и шелковыя ткани—дешевыми бумажными и, вмѣсто бобровыхъ и собольихъ шапокъ, служатъ имъ шапки изъ барашковаго мѣха. Но какъ-бы ни была бѣдна семья бурята, хотя-бы она нищенствовала по улусамъ (что, впрочемъ, составляетъ рѣдкое явленіе), все-таки у каждой женщины сохраняются два—три зернышка настоящихъ coралловъ для украшенія ими, въ праздничный день, своей прически. Китайцы приготовляютъ изъ риса нѣчто похожее по цвѣту и формѣ на кораллъ, и это дешевое украшеніе въ громадномъ количествѣ расходится въ Монголіи и у забайкальскихъ бурятъ.

Лѣтомъ буряты, мужчины и женщины, носятъ шапки войлочныя или стеганныя на ватѣ съ отогнутыми наружу полями. Многія дѣвушки носятъ черезъ плечо красную ленту, завязанную на боку съ длинными концами—признакъ неупотребленія нечистой пищи. Впрочемъ, это не строго соблюдается, и часто лента носится дѣвушками только для щегольства. Мужчины брѣютъ голову, оставляя на макушкѣ косичку; ламы-же брѣютъ всю голову начисто и не носятъ панталонъ; нижнее платье ихъ длинно, какъ юбка. Въ обыденной жизни ламы носятъ шапки, но во время богослуженія головной уборъ ихъ представляетъ большое разнообразіе: у нѣкоторыхъ шапки въ родѣ конуса, у другихъ шестистороннія то въ видѣ касокъ, то грибовъ причудливой формы. Въ полномъ облаченіи ламы пестрѣютъ накинутыми и навязанными на нихъ тканями. Преобладающіе цвѣта красный и желтый. Желтый относится къ первому разряду и посвященъ Шигемуни—богу милосердія и любви.

Бурятскія религіозныя сборища (обонъ).

Между бурятками старыя женщины посвящаютъ себя молитвѣ, носятъ четки, какъ ламы, безпрестанно нашептываютъ священныя слова, одѣваются также въ красное или желтое и, какъ ламы, брѣютъ головы.

Домашнія работы у бурятъ лежатъ большею частію на женщинѣ. Она и юрты увязываетъ войлоками при перекочевкѣ, она и за скотомъ ходитъ, и вино дѣлаетъ. Утромъ она встанетъ первая, разведетъ въ юртѣ огонь, заваритъ кирпичный чай и отправляется доить коровъ. Кончивъ это дѣло, бурятка возвращается въ юрту, поитъ ребятишекъ чаемъ. Мужъ проснувшись пьетъ оставленный въ котелкѣ чай, да покуриваетъ трубочку. Жена осѣдлаетъ ему коня, и бурятъ ѣдетъ верхомъ по дѣлу или просто гуляетъ по знакомымъ улусамъ. Жена между тѣмъ прибираетъ въ юртѣ, что-нибудь шьетъ, дѣлаетъ войлокъ или выминаетъ въ мялкѣ кожу. Мужъ возращается съ прогулки, и жена разсѣдлываетъ коня, а онъ себѣ посиживаетъ у юрты или заваливается на войлокъ съ неизмѣнной своей спутницей—трубкой.

Женщины нерѣдко нанимаются къ русскимъ жать хлѣбъ или косить траву. Бываетъ такъ, что бурятъ ѣдетъ десятокъ верстъ верхомъ на быкѣ, запряженномъ въ двухколесную таратайку съ валежникомъ, а жена плетется пѣшкомъ. Онъ задумчиво посматриваетъ себѣ по сторонамъ и посасываетъ трубочку, не обращая вниманія на то, что жена устала и пора-бы ему посадить ее на свое мѣсто.

Нѣкоторые буряты уходятъ въ города на заработки и нанимаются къ русскимъ плотниками, землекопами, кучерами, дворниками. Но такихъ сравнительно немного.

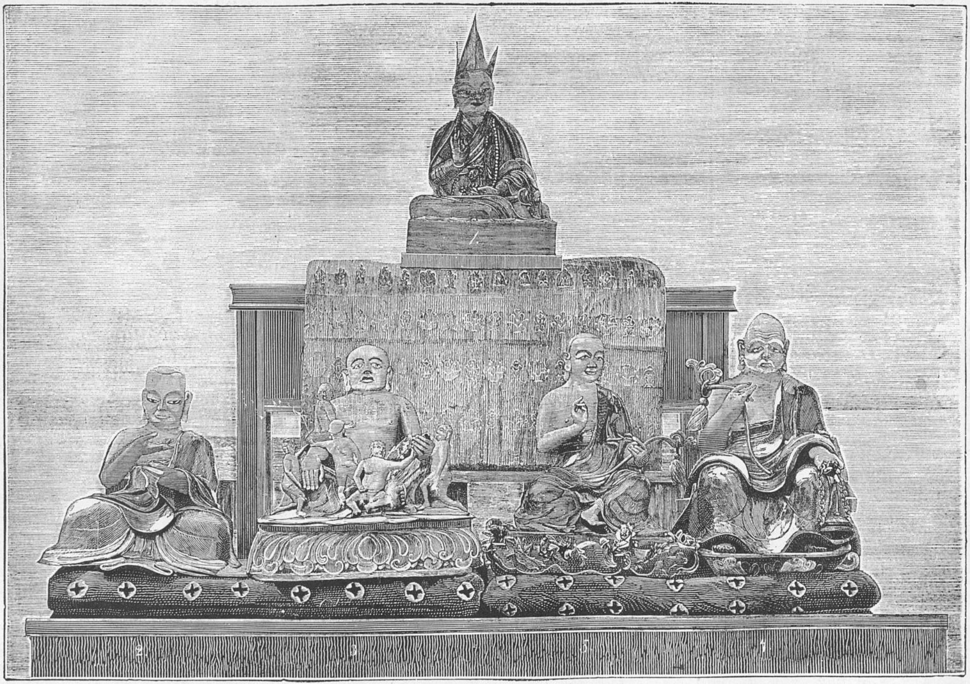
Главное богатство бурятъ составляютъ стада. На здоровьи и многочисленности стадъ зиждется ихъ благостояніе. Не даромъ бурятъ, встрѣчаясь съ своимъ знакомымъ, прежде всего спрашиваетъ о здоровьи его стадъ. Тѣмъ не менѣе буряты не особенно пекутся о своихъ стадахъ и табунахъ, и въ холодныя зимнія ночи бѣдныя животныя жмутся въ едва прикрытыхъ загородкахъ, кой-какъ слѣпленныхъ около юртъ. Сѣна буряты для своихъ стадъ и табуновъ не заготовляютъ, предоставляя имъ цѣлую зиму перебиваться чѣмъ угодно. Скотъ, питающійся ветошью въ теченіе зимы, худѣетъ, ребра высовываются, движенія его становятся до крайности медленными. «Ничего, думаетъ бурятъ: вотъ наступитъ весна,—поправится» И дѣйствительно, съ наступленіемъ весны, когда появится сочная, питательная зелень, скотъ въ три недѣли поправляется, какъбудто и не постился никогда.

Богатые Буряты.

Удовольствія бурятъ составляютъ: конскій бѣгъ, борьба, пляска и пѣніе. Пляшутъ буряты парами, часто двое мужчинъ или двѣ дѣвушки. Наложивъ руки одинъ на другаго, мужчины прикасаются ногами, попеременно, правой къ правой, лѣвой къ лѣвой и такъ топчутся почти на одномъ мѣстѣ. Дѣвушки и женщины пляшутъ тоже, а иногда берутъ одна другую за руки и, образуя кругъ, ходятъ, распѣвая пѣсни. Во время праздниковъ ходятъ съ пѣснями вокругъ костра.

Никакой праздникъ не обходится безъ присутствія ламъ—они на немъ всегда первые гости. Самый оживленный праздникъ—конскіе бѣга. Чинно и важно разсаживаются ламы на избранной для такого праздника мѣстности, вокругъ нихъ располагаются буряты. Ставятся или, вѣрнѣе, раскладываются на дощечкахъ передъ всѣми сидящими куски баранины, чашки съ араки и кирпичнымъ чаемъ. Кони, назначенные для бѣга, уводятся обыкновенно къ тому мѣсту, откуда бѣгъ долженъ начаться. Всѣ собравшіеся на праздникъ чинно сидятъ, ожидая, когда начнется бѣгъ. Никто не дотрогивается до угощенія, и взоры всѣхъ устремлены вдаль на коней. Всѣ полны любопытства и даже встаютъ съ мѣстъ. Вотъ поднялась пыль, послышались топотъ и крики; крики становятся яснѣй и яснѣй; видны уже кони съ подобранными, какъ султаны, гривами и со вплетенными въ нихъ разноцвѣтными лоскуточками. Мальчики буряты, посаженные на коней, неистово хлещутъ ихъ плетками и кричатъ во все горло. Публика рѣшительно выходитъ изъ себя отъ удовольствія и любопытства. Одна лошадь прибѣжала прежде другихъ, и ее, какъ побѣдительницу, подводятъ подъ благословеніе ламы. Лама милостиво прикладываетъ ко лбу коня свой молитвенникъ. Отставшіе-же во время бѣга кони, какъ не достойные благословенія, стоятъ на дальнемъ планѣ. На большихъ бѣгахъ конь опередившій всѣхъ удостоивается слѣдующаго похвальнаго слова: «О, да будетъ вѣчно наилучшее спокойствіе въ мірѣ! Прославляющіе буддійскую вѣру, блистающую подобно свѣту солнца! я

Бурятскіе бурханы.

говорю отъ просвѣщеннаго всѣхъ верховной властію Зонбаха (названіе бурхана) и содержащаго всѣ начала вселенной. Высокородные господа и высокостепенные ламы! предъ вами повѣствую и докладываю, крѣпко и неизмѣнно какъ утесъ, вы храните всѣ коренные законы и указы великаго Императора нашего. Безъ сравненія съ другими вы взысканы милостями по произволенію неба. Всѣ жители въ предѣлахъ восточной стороны Байкалъ-моря и свободно исповѣдующіе буддійскую вѣру въ золотой вселенной, вы приносили на Эгулэнъ-ханъ (царь-облако—названіе горы) жертву мѣстности. Повѣствую вамъ о прибѣжавшемъ и получившимъ призъ первомъ бѣгунцѣ, о великой силѣ неутомимаго аргамака. Съ исполнечными доблестями, четвертными ушами, чугунно укладными копытами, литаго серебра клыками—бѣги и затаптывай враговъ, забрасывай пылью непріятеля! Мѣсто, по которому бѣжалъ ты, длинное и гористое. Сила и быстрота твоя такъ велика, какъ люди того желать могутъ. Ты, сынъ бураго жеребца, лучше всѣхъ неутомимыхъ бѣгунцовъ, и бурой кобылы жеребенокъ».

Эти похвальныя слова произносятся болѣе или менѣе торжественнымъ тономъ и почти нараспѣвъ.

Бѣгъ конченъ. Баранина, араки, кирпичный чай поглощаютъ вниманіе гостей и хозяевъ. Но вотъ въ сторонѣ раздѣлись двое бурятъ, оставшись въ однихъ штанахъ; они завернули ихъ выше колѣнъ и выступили на арену. Двое бурятъ подхватили ихъ подъ руки и подвели сначала подъ благословеніе главнаго ламы, а затѣмъ развели въ разныя стороны. Борцы натираютъ себѣ руки пескомъ, и, склонившись, косясь, медленно подходятъ другъ къ другу. Но вотъ моментъ—и они кинулись, сцѣпились между собою,—и началась борьба.. Лоснится смуглая кожа, напрягаются мускулы; то одинъ одолѣваетъ, то другой. Побѣждаемый, кажется, готовъ упасть, но ловко увертывается, выскальзываетъ изъ рукп вцѣпившагося врага и самъ роняетъ его, даже взбирается ему на спину. Дикіе глаза его налились кровью, у рта пѣна... Изъ толпы выбѣгаетъ нѣсколько человѣкъ и стаскиваютъ побѣдителя. Борцовъ накрываютъ съ головы халатами и отводятъ. Побѣдитель опять получаетъ благословеніе ламы. Желающихъ помѣряться силою является нѣсколько, и борьба не скоро кончается.

Буряты всѣ отличные наѣздники, и даже ветхіе старцы ѣздятъ верхами. Единственный экипажъ бурятъ—двухколесная таратайка, на которой перевозятъ всѣ тяжести.

У бурятъ, при рожденіи дѣтей, бабкой бываетъ обыкновенно старуха. Ея обязанность, какъ только родится дитя, прочесть надъ нимъ тибетскую молитву, означающую въ переводѣ слѣдующее: «Дитя, ты родилось изъ моего сердца! О, еслибъ ты прожило сто лѣтъ и наслаждалось здоровьемъ. О, еслибъ, во время жизни, снискавъ мужество, преодолѣло все худое и имѣло богатство, счастіе, радость!» Но такъ какъ не всѣ бабки умѣютъ прочесть эту молитву, то ее впослѣдствіи читаетъ лама. Бабка обмываетъ младенца теплой водой съ примѣсью благовонныхъ курительныхъ свѣчекъ, истертыхъ въ порошокъ. Приглашенный къ новорожденному лама даетъ ему имя, обыкновенно сообразно условіямъ, вычитаннымъ по книгамъ. Опредѣливъ условія рожденія по символическимъ знакамъ и согласно господствующимъ созвѣздіямъ, лама провозглашаетъ высоконравственное, великолѣпное тибетское названіе, въ родѣ Дорджей (скипетръ), Дашей (слава); для женщинъ Долугаръ (богиня), Шуру (кораллъ). Среди тибетскихъ именъ попадаются и чисто монгольскія, напримѣръ, Бату, Сэцэнъ и проч., и русскія, какъ-то: Петрушхе, Мицке и другія. Первыя имена даются въ память Батыя и Хубилай-Сэцэнъ-Хана, просвѣтителя Монголіи; русскія же имена встрѣчаются всего чаще у исповѣдающихъ шаманство, схватывающихъ первое попавшееся на память имя.

Воспитаніе дѣтямъ буряты даютъ самое простое, вѣрнѣе сказать, предоставляютъ ихъ самимъ себѣ. Грудныхъ обыкновенно держатъ въ колыбелькахъ, сдѣланныхъ въ родѣ продолговатой корзины съ обручемъ, замѣняющимъ ручку. Завернувъ въ овчину ребенка, привязываютъ его къ стѣнкамъ корзины. Подо дномъ такой колыбели дѣлается подставка, такъ что колыбель можетъ качаться изъ стороны въ сторону. Съ боку ея нерѣдко привѣшиваютъ кость

бараньей ноги, какъ симпатическое средство противъ болѣзней и навожденій злаго духа. Встанутъ ребята на ноги,—и пускаютъ ихъ неприкрытыми на собственный произволъ. Но ребята сами далеко отъ юрты не отходятъ, какъ бы инстиктивно сознавая свою безпомощность. Въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ бурятами, путешественнику непремѣнно представляется слѣдующая картина: раскинулись по степени бурятскія юрты, тянутся легкія струйки отъ ихъ верхушекъ... Вотъ залаяла собака, за ней другая, третья и залились общимъ хоромъ, а у дверей юрты, какъ истуканчики, выставились нагіе ребятишки съ пухлыми брюшенками и засматриваются на незнакомаго имъ человѣка, быть можетъ, въ первый разъ видимаго ими.

При окончаніи каждаго обряда—крещенія, свадьбы или погребенія, ламы получаютъ приношенія для боговъ, въ видѣ быка, барана, коня или кирпичнаго чая, смотря по достаткамъ. Давая приношенія, бурятъ не заботится о томъ, чтобы лама доставилъ его по принадлежности: онъ вѣритъ, что отдалъ жертву богу. Въ каждой бурятской семьѣ одинъ изъ сыновей назначается въ ламы. Это назначеніе открывается тоже чрезъ священныя книги. Предназначенный въ ламы, отдается въ ученіе, изучаетъ тибетскій языкъ и нѣкоторые, какъ высшій курсъ, медицину, хотя, правду сказать, рѣдкіе изъ учившихся смыслятъ въ томъ и другомъ предметѣ. Лама можетъ жениться только въ томъ случаѣ, если въ его семьѣ нѣтъ братьевъ. Если же у него есть женатый братъ, то лама живетъ съ его женой. Это—въ нравахъ бурятскихъ. Бурятъ, ради гостепріимства, уступаетъ ночующему у него гостю свою жену, а иногда и незамужнюю дочь. Ламы особенно пользуются этимъ.

Семейный Бурятъ.

Та дѣвица, которая забеременила отъ ламы, скорѣе другихъ найдетъ себѣ мужа, такъ какъ связь ея съ ламой считается дѣломъ почти священнымъ. Если же беременность ея получилась отъ связи съ простымъ смертнымъ, то виновникъ этого долженъ взять свое дитя къ себѣ. Дѣти въ бурятской семьѣ находятся въ полномъ и безусловномъ повиновеніи у своихъ родителей.

При заключеніи браковъ, между буддистами непремѣнно принимаются въ соображеніе условія стихій и созвѣздій, подъ которыми родились женихъ и невѣста. Впрочемъ, въ иныхъ неблагопріятныхъ случаяхъ, ламы находятъ возможнымъ ходатайствовать объ умилостивленіи божествъ, враждующихъ между собою. Заключенію браковъ обыкновенно предшествуютъ большіе переговоры. Сущность переговоровъ всегда заключается въ вопросѣ о калымѣ, т. е. въ томъ, сколько можетъ заплатить женихъ за невѣсту ея родителямъ, сколько головъ скота, сколько серебра и проч. По уплатѣ калыма, отыскиваютъ по священнымъ книгамъ день благопріятный для свадьбы; до этого же времени невѣста тщательно избѣгаетъ жениха и его родныхъ.

Предъ свадьбой къ невѣстѣ собираются ея подруги и живутъ у ней по нѣсколько дней, приготовляя приданое. Въ теченіе этого времени устраиваются вечера, на которыхъ, впрочемъ, женихъ не участвуетъ. Вечера проходятъ въ пляскахъ и пѣніи пѣсенъ. Въ день свадьбы женихъ, съ своими друзьями, отправляется за невѣстой. Завидя его приближеніе, подруги невѣсты обступаютъ ее и, сплетясь руками, стараются защитить ее отъ жениха, который, въ

свою очередь, старается, при помощи своихъ друзей, отнять ее у дѣвицъ. Пискъ и визгъ при этомъ поднимается ужасный, и только послѣ продолжительнаго сопротивленія невѣста попадаетъ, наконецъ, въ руки жениха. Ее одѣваютъ, накрывъ халатомъ или покрываломъ сверхъ головы, потомъ сажаютъ на лошадь верхомъ и закрытую везутъ, въ сопровожденіи болѣе или менѣе значительной свиты, къ юртѣ жениха. Нужно замѣтить, что женихъ съ своей свитой отправляется домой другимъ путемъ, и какъ-бы нечаянно встрѣчается съ поѣздомъ невѣсты, который въ условленномъ мѣстѣ располагается таборомъ. Ламы, важно засѣдающіе на войлокахъ, разостланныхъ на землѣ, останавливаютъ поѣздъ жениха, спрашивая «куда ѣдутъ и кого ищутъ?» Имъ отвѣчаютъ, что ищутъ верблюда или корову съ серебряными рогами, золотыми копытами и т. д., и спрашиваютъ, въ свою очередь, не видали-ли такой коровы?

Начинаются переговоры, препирательства, оканчивающіеся, разумѣется, соглашеніемъ сторонъ, и затѣмъ оба поѣзда, соединившись, ѣдутъ къ юртѣ жениха. Невѣсту, прежде всего, приводятъ въ юрту будущаго свекра. Переступивъ черезъ порогъ, она становится на колѣни предъ огнемъ посреди юрты, и въ то время, какъ лама читаетъ молитвы, кладетъ земные поклоны домашнимъ богамъ, кланяется и огню, кидаетъ въ него кусокъ варенаго бараньяго жиру.

Тысяцкій раздаетъ подарки родственникамъ жениха. Потомъ слѣдуютъ общіе поклоны, и невѣсту уводятъ въ другую юрту, гдѣ ее одѣваютъ въ одежды женщины и, вмѣсто бесчисленныхъ косичекъ, волосы ея заплетаютъ въ двѣ косы.

Собравшіеся на свадебный пиръ гости не могутъ помѣститься въ юртахъ и потому, разложивъ костры, располагаются около юртъ. Тутъ начинается свадебный обѣдъ, съѣдается великое множество варенаго мяса, выпивается громадное количество араки и кирпичнаго чаю. Всѣ ликуютъ, говорятъ, хохочутъ, шумятъ. Даже голодныя собаки бурятъ и тѣ въ такіе дни смотрятъ бодрѣе и смѣлѣй, ходятъ вокругъ хозяевъ, тщательно подбирая обглоданныя косточки. Развеселившіеся буряты начинаютъ бороться, другіе танцуютъ, поютъ пѣсни; нагіе ребятишки прыгаютъ возлѣ костровъ.

Первую ночь новобрачная проводитъ не съ своимъ мужемъ, а съ кѣмъ-нибудь изъ ея или его друзей, смотря по ея выбору. Этотъ обычай нѣкоторые буряты оправдываютъ тѣмъ, что невѣста въ это время остается неприкосновенной: другіе однако, при этомъ хитро подсмѣиваются и говорятъ двухсмысленности. Впрочемъ, кстати сказать, буряты дѣлясь на нѣсколько родовъ, разнствуютъ въ обычаяхъ, и поэтому можетъ быть, что у нѣкоторыхъ бурятъ и обрядности нѣсколько измѣняются. Такъ, въ жизнь бурятъ сѣверо-байкальскихъ уже много внесено русскихъ обычаевъ.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ свадьбы бурятка живетъ барыней: ничего не дѣлаетъ и лишь изрѣдка возмется за какую-нибудь легкую работу, да и то не по обязанности, а такъ ради удовольствія. Этотъ мѣсяцъ послѣдній въ ея жизни, въ теченіе котораго она не завалена работой съ утра до вечера. Къ концу мѣсяца новобрачная обыкновенно уѣзжаетъ къ своимъ роднымъ погостить. Поживетъ у нихъ недѣльку-другую и потомъ, возвратившись къ мужу, уже принимаетъ на себя всѣ тяжелыя обязанности жены-работницы.

Бурятъ можетъ имѣть въ одно время двѣ жены. Разводы очень нерѣдки между женившимися и совершаются просто: зачастую жена убѣгаетъ отъ мужа въ семью своего отца, гдѣ собирается совѣтъ изъ родныхъ и обсуждаются ея отношенія къ мужу, положеніе ея въ семьѣ свекра. Въ случаѣ признанія бѣжавшей супруги правой, разводъ признается основательнымъ и калымъ возвращается покинутому мужу. Если поводовъ къ оставленію мужа недостаточно, бѣглянку водворяютъ снова къ мужу и случается иногда такъ, что жена опять убѣгаетъ отъ мужа. Разошедшіеся супруги могутъ опять вступать въ бракъ, и этотъ законный бракъ повторять нѣсколько разъ.

Въ болѣзняхъ бурятамъ помогаютъ тоже ихъ ламы. Леченіе состоитъ въ приниманіи порошковъ (задачекъ), всыпаемыхъ въ горячую (кипящую) воду, кровопусканіи, обертываніи больнаго теплыми внутренностями только-что убитаго барана и т. под. Многіе изъ русскихъ тоже вѣрятъ въ медицинскія познанія ламъ, и нѣкоторые ламы пользуются большой славою, какъ искусные врачи. Увѣряютъ, будто ламамъ удается излечивать отъ такихъ болѣзней, которыя нашими медиками признаются безнадежными. Можетъ быть, долгій опытъ и изученіе тибетской медицины и дали имъ въ этомъ случаѣ указанія на нѣкоторыя вѣрныя средства.

Вообще же, медицина ламъ представляетъ много курьезовъ. Такъ, изъ числа болѣзней 101 зависятъ, по ихъ понятіямъ, отъ злыхъ духовъ; 101 изцѣляются діетой; 101 имѣютъ нужду въ медицинскихъ средствахъ; 101 неизлечимыя болѣзни. При пользованіи обращается вниманіе на пульсъ, глаза, языкъ. Лекарства берутся изъ всѣхъ царствъ природы, преимущественно растительнаго.

Основными науками въ ламской медицинѣ считаются: анатомія, паталогія, физика, фармакологія, терапія. Но какія это науки? Изъ нихъ анатомія, напримѣръ, признаетъ въ человѣкѣ только пять главныхъ частей: сердце, печень, легкое, печенку и слезенку; триста шестьдесятъ сухихъ и кровеносныхъ жилъ, соединенныхъ между собою тремя узлами: у горла, пупка и крестца.

Паталогія признаетъ напр., въ человѣкѣ семь низшихъ и семь высшихъ силъ. Въ болѣзняхъ отъ злыхъ духовъ ламы прибѣгаютъ къ помощи молитвъ. Для этого они собираются въ большемъ или меньшемъ числѣ въ юрту больнаго, смотря по роду болѣзни и достатку приглашающихъ, и начинаютъ молебенъ. Предъ больнымъ ставятъ скамейку и на нее помѣщаютъ слѣпленныхъ изъ тѣста фигурокъ, изображающихъ злыхъ духовъ. Дѣлаютъ также фигуру, долженствующую представлять самого больнаго. Эту фигуру облекаютъ въ лучшее платье хозяина юрты.

Потомъ подводятъ осѣдланнаго коня, принадлежащаго больному, или быка. Конь этотъ или быкъ предназначаются для изгоняемаго злаго духа, долженствующаго на немъ уѣхать изъ юрты больнаго въ тотъ обратный путь, откуда онъ прибылъ. По окончаніи молебна, лама коверкаетъ уродцевъ и приказываетъ выкинуть ихъ въ ту сторону, куда укажетъ книга, въ которой онъ и вычитываетъ указанія. Одежда чучелы поступаетъ ламѣ, а конь или волъ исчезаютъ, унося злаго духа, тоже по приказанію ламы, въ ту сторону, куда лама укажетъ. Обыкновенно, впрочемъ, конь или быкъ уноситъ злаго духа къ юртѣ ламы...

Буряты лечатся также минеральными водами, и въ каждомъ цѣлебномъ источникѣ можно найти множество коралловъ, серебряныхъ монетъ, а на ближайшемъ къ источнику деревѣ множество пестренькихъ лоскуточковъ, нарванныхъ въ видѣ ленточекъ и навязанныхъ на вѣтвяхъ дерева—благодарственныя жертвы богамъ за пользованіе водою. Во время сильной бури, продолжительныхъ дождей, землетрясеній, буряты и ихъ ламы совершаютъ также моленіе предъ бурханами; нерѣдко во время землетрясеній вырываютъ ямы, въ которыя кладутъ жертвы — серебро, кораллы, золото, для умилостивленія разгнѣванныхъ божествъ.

Умирая бурятъ призываетъ ламу и исповѣдуется. Богатый еще при жизни дѣлаетъ завѣщаніе, сколько дать въ кумирню, сколько оставить семьѣ. Послѣ смерти ламы, также по книгамъ, назначаютъ день, въ который слѣдуетъ тѣло предать землѣ и указываютъ мѣсто, гдѣ зарыть покойника.

Обмывать покойника не дозволяется. Одѣваютъ его въ чистыя одежды, лицо закрываютъ. Кладутъ умершаго на правый бокъ такъ, чтобы одна рука была подъ головой, а другая на бедрѣ. Лѣвая нога должна быть нѣсколько согнута. Уложивъ мертваго, зажигаютъ куритель-

Т. XII. Богослуженіе миссіонеровъ у Бурятъ.

ныя свѣчи предъ бурханами и начинаютъ читать молитвы. Въ день похоронъ къ юртѣ подводятъ осѣдланнаго коня и ставятъ съ лѣвой стороны у двери — это означаетъ, что пришла пора хоронить. Покойника кладутъ на телегу или (зимой) сани, сами садятся на коней верхами и въ совершенномъ безмолвіи отправляются въ путь. На мѣстѣ, выбранномъ для погребенія умершаго, собираются ламы, разстилаютъ на землѣ войлоки и начинаютъ чтеніе молитвъ и поклоненіе богамъ, чтобы они позволили вырыть яму для могилы. Затѣмъ роютъ землю и опускаютъ въ нее умершаго. Со всѣхъ четырехъ сторонъ могилы ставятъ баночки, наполненныя серебромъ—это выкупъ за землю. Гробъ засыпаютъ землей и сверху надъ могилой ставятъ нѣсколько шестовъ, обтягиваютъ веревками, и на веревки навѣшиваютъ цвѣтныя тряпочки и исписанныя молитвами бумажки. Такіе шесты съ бумажками и тряпочками ставятъ точно также и надъ могилами любимаго коня и вѣрной собаки. Бумажки, колеблемыя вѣтромъ, замѣняютъ надъ умершимъ чтеніе молитвъ.

Похороны Бурятамъ стоютъ очень дорого. Богатые нерѣдко платятъ ламамъ до 80 головъ скота, а бѣдные до 20. Это называется выкупъ. Судя по выкупу устраивается и весь церемоніалъ. По возвращеніи домой всѣ приступаютъ къ обряду очищенія: умываютъ руки предъ огнемъ, надъ раскаленными камнями, выслушиваютъ произносимую ламами молитву и окуриваются пахучей травой. Затѣмъ начинаются поминки, жертвоприношенія богамъ, заключающіяся въ закланіи животныхъ: быка, лошади или барана—смотря по состоянію.

Заботы о распространеніи христіанской вѣры между Бурятами, начавшись съ давняго времени, продолжаются до сихъ поръ; но въ наши дни ежегодное число Бурятъ, принимающихъ православіе, по сравненію съ прежними годами, значительно уменьшилось. Прежде, тому назадъ лѣтъ тридцать, христіанская проповѣдь была ревностнѣе и увлеченіе православіемъ между Бурятами было сильнѣе. Можетъ быть, теперь проповѣдники поняли, что обращать въ христіанство азіятскія племена значитъ только крестить ихъ водою, а не духомъ—и стали относиться къ своему дѣлу строже, чѣмъ это было прежде. Въ самомъ дѣлѣ, бывали случаи принятія Бурятами христіанства вовсе не изъ религіозныхъ побужденій, а только изъ житейскихъ разсчетовъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Буряты вдругъ стали обращаться въ православіе цѣлыми улусами, но чрезъ нѣсколько времени это обращеніе такъ-же быстро остановилось, какъ и началось. Оказалось, что они принимали христіанскую вѣру только потому, что освобождались этимъ изъ подъ власти своего родового князька, тяготившаго ихъ налогами; но когда князекъ самъ со всей своей семьей тоже принялъ православіе и получилъ снова власть какъ надъ обращенными въ православіе, такъ и надъ оставшимися въ старой вѣрѣ,—то Буряты перестали креститься. Бывали и такіе случаи, что бѣдный Бурятъ принималъ крещеніе по нѣскольку разъ, увлекаемый временными выгодами, представлявшимися ему каждый разъ при принятіи крещенія. Окрестятъ его, одѣнутъ, обуютъ и денегъ много-ли, мало-ли, все-таки дадутъ; пойдетъ онъ болтаться по улусамъ, пообносится, поживетъ нѣкоторое время на счетъ ближняго и снова является къ Русскимъ (большею частью въ Иркутскѣ, какъ городѣ, сравнительно, многолюдномъ) уже подъ другимъ именемъ и объявляетъ о своемъ ревностномъ желаніи принять православіе. Опять получаетъ крестъ, рубашку, халатъ, шапку, сапоги и т. д.

Случалось и такъ, что православный миссіонеръ, мало знакомый съ нравами Бурятъ, много тратитъ времени и усилій на христіанскую проповѣдь, незамѣчая, что она пропадаетъ совершенно безплодно. Буряты слушали его, похваливали русскую вѣру, и когда онъ, совершенно убѣжденный въ благопріятномъ результатѣ своей проповѣди, предлагалъ имъ принять крещеніе, они, почесывая бритые лбы, отвѣчали: «Вѣра ужь хороша, больно хороша, только теперь погода холодна, лучше ужь лѣтомъ будемъ хреститься». Миссіонеръ уѣзжаетъ отъ нихъ, увѣренный въ томъ, что лѣтомъ они будутъ православными; но когда наступило лѣто, и онъ, появившись снова въ ихъ улусахъ, начинаетъ проповѣдь, они опять находили отговорку:

«Теперь тепло ужь, больно тепло, говорили они, хреститься ужь можно... больно можно... только вотъ ребята наши по полямъ, кто скотъ пасетъ, кто чево... надо-бы подождать... осенью-бы... а осенью опять таже пѣсня: «Вѣра хороша, больно хороша... только погода холодна»... Въ такихъ отвѣтахъ виденъ характеръ Бурята съ его всегдашней уклончивостью отъ прямого откровеннаго объясненія своихъ мыслей.

Д. Стахѣевъ.

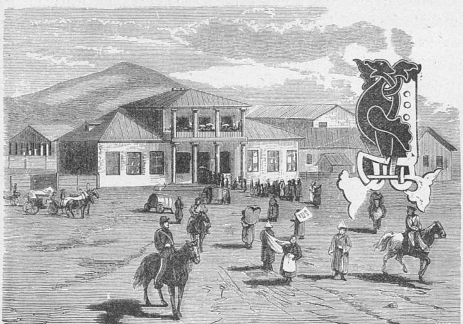
ОЧЕРКЪ VIII.

КЯХТА.

Караванная торговля Кяхты съ Китаемъ и дипломатическія сношенія съ нимъ со времени Петра Великаго до новѣйшаго времени.

Нарядны гривы у коней,
У сѣдока усмѣшка...
Лихая пара! На шлеяхъ
И бляхи, и чешуйки.
Въ личныхъ высокихъ сапогахъ,
Въ солидной синей чуйкѣ,
Въ московскомъ новомъ картузѣ,
Самъ правя пристяжною,
Купецъ катитъ во всей красѣ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Депутація китайскаго купечества.

Славнымъ давно уже Кяхта пользуется обширною извѣстностью въ Россіи. Кто не слыхалъ о Кяхтѣ, кто не знаетъ, что лучшій чай называется кяхтинскимъ. На всемъ протяженіи пути отъ Кяхты до Москвы (6,000 верстъ) и теперь еще въ каждой деревнѣ вспоминаютъ о Кяхтѣ, потому что милліоны пудовъ грузовъ, проходившихъ по этому огромному пути изъ Кяхты и въ Кяхту, давали крестьянамъ значительные заработки въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Вспоминаютъ о ней и московскіе фабриканты, работавшіе для Китая сукна, нанку, плисъ и т. под., и жалѣютъ, что теперь Кяхта изъ первокласснаго торговаго рынка, снабжавшаго всю Россію чаемъ, превратилась въ незначительный пунктъ, гдѣ получается отъ Китайцевъ чай только для Восточной и Западной Сибири.

Обстоятельства, вызвавшія упадокъ кяхтинской торговли, наступили не вдругъ и выростали въ продолженіи многихъ лѣтъ, но торговый людъ не замѣчалъ этого; начальство тоже не отличалось достаточной прозорливостью, относительно предстоявшей для Кяхты опасности. Врагъ, покушавшійся на интересы Кяхты, былъ сильнѣе всякаго начальства; онъ роковымъ, неотразимымъ образомъ разрушалъ всѣ преграды, встрѣчавшіяся на пути его побѣдоноснаго шествія. Врагъ этотъ — *паръ*. Онъ убилъ Кяхту. Въ то время, какъ Европа, благодаря пару,

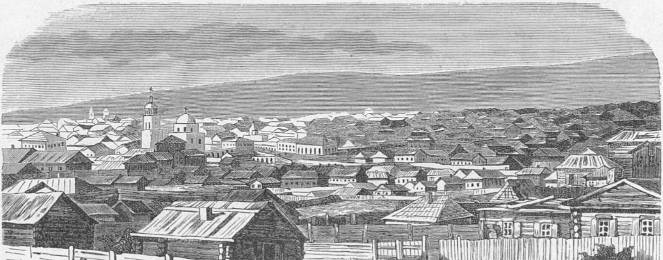
болѣе и болѣе овладѣвала морями и удешевляла доставку грузовъ изъ портовъ Китая къ портамъ Средиземнаго, Балтійскаго и Чернаго морей, русское купечество заботилось только объ одномъ—о запрещеніи ввоза въ Россію чая чрезъ Европу. Но всякому покровительству, всякой монополіи есть предѣлы. Начальство въ своемъ покровительствѣ встрѣтилось, наконецъ, съ общественнымъ мнѣніемъ, громко возстававшимъ противу дороговизны чая въ Россіи, сравнительно съ цѣною на него въ Европѣ. Между тѣмъ удешевить цѣну на чай въ то время было невозможно, потому что Европа платила за перевозку его изъ Китая морскимъ путемъ только 60 коп. съ пуда, тогда какъ мы, Русскіе, должны были платить за эту перевозку сухимъ путемъ черезъ Сибирь 5—6 руб. съ пуда. Нужно было найти во время средство противъ опаснаго врага, нужно было бить его его же оружіемъ — устройствомъ пароходства по Сибирскимъ рѣкамъ (Ангарѣ, Енисею, Томи, Оби и Иртышу); но до такихъ воззрѣній русское торговое сословіе въ то время еще не доросло, и Европа добилась ввоза чая въ Россію, получивъ чрезъ это значительное преобладаніе надъ нами на всѣхъ китайскихъ торговыхъ рынкахъ. Такимъ образомъ, дѣло, о которомъ русское правительство заботилось съ начала XVII вѣка, испорчено въ XIX, и испорчено такъ, что для поправленія его нужна большая энергія и продолжительная настойчивость.

Стремленіе войти въ сношеніе съ Китаемъ впервые проявилось у насъ въ 1608 году, при царѣ Василіѣ Шуйскомъ. Воевода Волынскій изъ Томска посылалъ агентовъ къ Алтынъ-Хану, тогдашнему правителю сѣверной Монголіи и Джунгаріи, но это посольство не имѣло никакого успѣха,—на сколько извѣстно, оно не имѣло послѣдствіемъ установленіе торговыхъ сношеній Россіи съ этими странами. Другая попытка была сдѣлана спустя восемь лѣтъ, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича Романова; но и на этотъ разъ послы едва ли входили въ какіе-либо договоры съ владѣтелемъ Монголіи и, кажется, все посольство ихъ заключалось только въ томъ, чтобы доставить московскому двору возможныя свѣдѣнія объ этой отдаленной странѣ. Третьимъ посломъ лѣтописи называютъ казака Петлина, которому поручено было «провѣдать про Китайскія государства». Засимъ, въ 1644 году, почти съ утвержденіемъ на китайскомъ престолѣ Манжурскаго дома, Русскіе проникли до китайскихъ владѣній, начиная пріобрѣтать власть надъ инородцами, кочевавшими въ нынѣшней Иркутской губерніи и Забайкальской области. Спустя десять лѣтъ, Московское государство отправило настоящее посольство въ Китай. На этотъ разъ посломъ былъ назначенъ Ѳедоръ Исакіевичъ Байковъ, и ему была дана грамата, которую онъ долженъ былъ представить богдыхану. Посла этого сопровождала свита; онъ везъ съ собою подарки для китайскаго двора. Данная ему грамата изображала величіе московскихъ государей, славу ихъ и могущество и предлагала отъ имени ихъ рѣдкую дружбу могущественному сосѣду. Этотъ посолъ достигъ до самаго Пекина, передалъ посланные съ нимъ подарки, но ему не удалось представить богдыхану свою грамату, такъ какъ онъ не согласился на тѣ условія. при которыхъ Китайцы дозволяли ему предстать предъ своимъ государемъ. Условія эти онъ призналъ унизительными потому, что отъ него требовалось сдѣлать нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ богдыханомъ, на что онъ не согласился, а передать грамату кому-либо изъ его уполномоченныхъ онъ не посмѣлъ. Послѣ этого посольства, такъ неудачно окончившагося, были сдѣланы еще двѣ попытки въ сношеніи съ китайскимъ дворомъ, именно посольство Перфильева въ 1658 году, и Ерыкина съ бухарцемъ Сентуколомъ Албинымъ; но и ихъ поѣздка въ Китай не привела къ установленію нашихъ сношеній съ этой страной.

Безчинства казаковъ на Амурѣ,забравшихся туда изъ Якутска, были поводомъ къ сношенію Пекина съ Москвою. Въ 1672 году, спустя уже семь лѣтъ послѣ того, какъ на Амурѣ основался городъ Албазинъ, заложенный бѣжавшимъ изъ Россіи полякомъ Черниговскимъ, были отправлены къ китайскому двору боярскіе дѣти Миловановъ и Кобякинъ; но ихъ поѣздка имѣла цѣлію, повидимому, только уясненіе недоразумѣній, возникшихъ отъ безчинства

казаковъ, а не представленіе граматъ отъ московскаго государства лично къ богдыхану. Для этой цѣли былъ посланъ потомъ переводчикъ Посольскаго приказа грекъ Спафари, съ большой свитой; но онъ тоже отказался исполнить церемоніалъ представленія богдыхану и возвратился почти безъ успѣха. Спустя нѣсколько лѣтъ, въ продолженіи которыхъ усиливались неріятности между русскимъ и китайскимъ правительствами, состоялось въ 1689 году свиданіе уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній. Свиданіе это состоялось въ Нерчинскѣ, гдѣ и заключенъ, въ 1690 году, нашимъ посланникомъ Головинымъ трактатъ съ Китаемъ, по силѣ котораго существовавшій на Амурѣ городъ Албазинъ былъ уступленъ Китайцамъ и ими немедленно уничтоженъ.

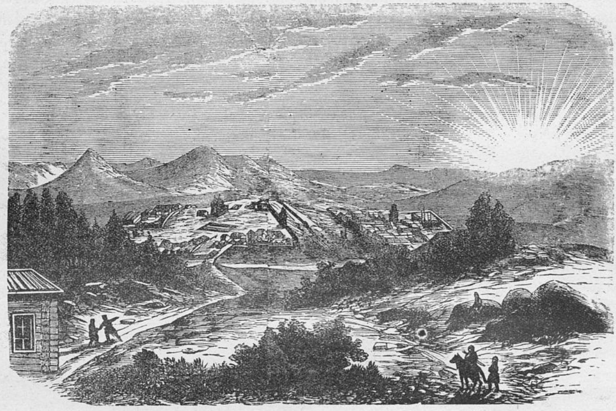
Въ 1723 году было снаряжено новое посольство въ Китай для точнаго опредѣленія границъ на западѣ отъ Аргуни; но тогдашняя персидская война отвлекла вниманіе Петра отъ этого дѣла, и оно оставалось безъ движенія до 1727 года. Въ этомъ году императрицей Екатериной I-й былъ отправленъ въ Китай посломъ Савва Лукичъ Владиславичъ-Рагузинскій. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ у рѣчки Буры, онъ заключилъ съ Китайцами 20 Августа 1727 года новый трактатъ, ратификація котораго, потомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, была размѣнена 14 іюля 1728 года на рѣчкѣ Кяхтѣ. Здѣсь начались болѣе правильныя торговыя сношенія Русскихъ съ Китайцами, производившіяся ранѣе около нынѣшняго Нерчинска, частнымъ, не оформленнымъ легально, порядкомъ и въ весьма незначительныхъ размѣрахъ. Со времени заключенія Рагузинскимъ трактата, началась постройка города Троицкосавска,

Троицкосавскъ.

отъ котораго, въ разстояніи трехъ верстъ образовалась торговая слобода Кяхта и въ разстояніи 100 саженъ отъ этой послѣдней — китайскій торговый городъ Майматчинъ. Первыя торговыя сношенія ограничивались отправкою изъ Россіи въ Пекинъ каравановъ, согласно трактату, одинъ разъ въ три года, и отправка такихъ каравановъ только отчасти была приведена въ исполненіе. Монополія этихъ казенныхъ каравановъ не принесла никакой прибыли. Вслѣдствіе этого, императрица Екатерина II, въ 1762 году, вовсе запретила посылать въ Китай казенные караваны и сдѣлала торговлю Кяхты свободной для купцовъ. Съ этого времени начались торговыя сношенія русскихъ купцовъ съ китайскими. Производились эти сношенія періодически. Къ декабрю мѣсяцу привозились чаи и товары въ Майматчинъ — Китайцами и въ Кяхту—Русскими; начинался обмѣнъ и къ январю дѣло оканчивалось, не возобновляясь до зимы слѣдующаго года. Такъ продолжались дѣла много лѣтъ, невызывая никакихъ крупныхъ недоразумѣній. Недоразумѣнія, однако, возникли и совершенно неожиданно, вслѣдствіе

обстоятельствъ, неимѣвшихъ ничего общаго съ торговлей: они возникли по причинѣ побѣга въ Россію джунгарскаго хана Амурсена. Китайцы, недовольные тѣмъ, что и ранѣе бѣгства Амурсена много было перебѣжчиковъ изъ Китая въ Россію, вознегодовали до такой степени, что прекратили на Кяхтѣ всякія торговыя дѣла. Въ 1760 году изъ Китая вновь бѣжалъ въ Россію какой-то ханъ, и его бѣгство дало поводъ къ рѣзкимъ переговорамъ китайскаго правительства съ русскимъ. Торговля, только-что было возобновившаяся къ этому году, вновь прекратилась на шесть лѣтъ. Миссіонеры наши въ Пекинѣ,— гдѣ основалась русская миссія со времени заключенія Нерчинскаго трактата,— были подвергнуты аресту. Спустя два года послѣ прекращенія дѣлъ на Кяхтѣ, капитанъ Кропотковъ, отправленный съ посольствомъ для улаженія дѣлъ съ Китайцами, ничего не достигъ, и только въ 1763 г. Китайцы сами стали сдаваться на примиреніе и пожелали возстановить торговлю на Кяхтѣ. По этому поводу тотъ-же Кропотковъ договаривался съ китайскими амбанями (губернаторами). Но, не смотря на то, что торговыя дѣла на Кяхтѣ возобновились, сношенія наши съ китайскимъ правительствомъ были крайне натянуты и неудовольствія не прекращались.

Кяхта и Маймачинъ.

Къ этому времени обмѣнъ товаровъ между Кяхтой и Маймачиномъ дѣлался все чаще и чаще; къ концу XVIII вѣка, Китайцы открыли въ Маймачинѣ постоянные склады чая. Прежніе товары, привозимые ими въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ на Кяхту, какъ-то: далемба и китайка (бумажныя ткани), чесунча, канфа, гарнитуръ (шелковыя ткани) и разныя—фарфоровыя издѣлія отодвинулись на задній планъ и первое мѣсто въ торговлѣ заняли кирпичные и байховые чаи. Но торговля недолго шла спокойно; въ 1785 году снова была прекращена. На этотъ разъ возникли большія затрудненія изъ-за побѣга на русскую границу монгольскаго тайши Узалдана и изъ-за грабежа, который произвели, находившіеся въ русскомъ подданствѣ, Буряты: они разграбили китайскій караванъ съ чаемъ, невдалекѣ отъ Кяхты. Чрезъ пять лѣтъ послѣ этого, прошедшихъ въ безуспѣшныхъ разъясненіяхъ съ нашей стороны и надменныхъ требованіяхъ со стороны Китайцевъ, русское правительство уполномочило Иркутскаго губернатора Нагеля открыть переговоры съ китайскими уполномоченными. По тому поводу сношенія тянулись два года, и только въ 1792 году, 8 февраля кончились заклю-

ченіемъ новаго договора. Но договоръ Нагеля былъ не послѣднимъ выраженіемъ китайскаго высокомѣрія. Недоразумѣнія вновь возникли и вызвали отправку въ Китай русскаго посланника. Посланникъ этотъ, графъ Головинъ, былъ отправленъ въ Китай съ блестящей свитой, но его посольство не удалось, такъ какъ пекинскій дворъ не переставалъ требовать унизительныхъ церемоній при представленіи богдыхану. Однако, это не помѣшало теченію торговыхъ дѣлъ на Кяхтѣ и продолженію сношеній нашего правительства съ китайскимъ, давшихъ возможность добиться, въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, открытія торговли съ Китаемъ на границѣ Киргизской степи. Эта торговля была обусловлена Кульджинскимъ договоромъ, заключеннымъ Е. П. Ковалевскимъ; она существовала, впрочемъ, весьма короткое время.

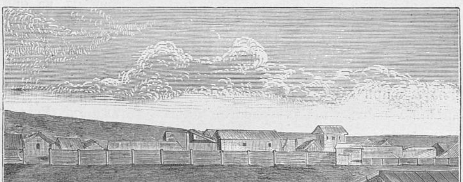
До 1853 года торговыя дѣла Русскихъ съ Китайцами въ Кяхтѣ шли превосходно, не смотря на то, что для этихъ торговыхъ дѣлъ существовало *положеніе*, по которому купецъ не имѣлъ права промѣнивать свои товары дешевле извѣстной цѣны и точно также не имѣлъ права покупать у Китайцевъ чай на монету. Съ 1853 г. началось возмущеніе въ южномъ Китаѣ; съ этого времени на китайскихъ рынкахъ пали цѣны на мануфактурные товары и потребовалось золото и серебро. Между тѣмъ русское правительство безусловно запретило покупку чаевъ на монету, и торговля пошла контрабанднымъ путемъ. Запрещеніе на драгоцѣнные металлы возвысило ихъ цѣнность въ Кяхтѣ и породило промыселъ контрабандистовъ, получавшихъ отъ торговли металлами огромныя выгоды. Въ то время цѣна русскому полуимперіалу доходила въ Кяхтѣ до 9 рублей (при тогдашней, почти нормальной его цѣнѣ на биржѣ). Конечно, никакія строгости, никакія кары не могли противостоять хитрости контрабандистовъ, которые, въ надеждѣ на большой барышъ, доводили свою спеціальность до удивительнаго совершенства. Экипажи дѣлались съ двумя днами, съ потайными ящиками въ оглобляхъ, осяхъ, колесахъ, хомутахъ, дугахъ — словомъ, вездѣ, гдѣ только была возможность устроить помѣщеніе для золота и серебра. Бывали случаи, что контрабандисты грабили контрабандистовъ и ограбленные не имѣли права жаловаться, такъ какъ сами могли попасть подъ судъ. Часто, напримѣръ, богатые купцы, въ ожиданіи выгодъ, довѣряли контрабандистамъ перевозку золота въ Кяхту — и вовсе не получали его. Но не въ одномъ только золотѣ и серебрѣ заключалась контрабанда, а и въ русскихъ товарахъ, дозволенныхъ въ промѣнъ на чаи Китайцамъ: товары эти провозились тайно уже не въ Кяхту, а изъ Кяхты, для того, чтобы ихъ вновь провезти чрезъ таможню и потомъ показать по торговымъ книгамъ промѣненными Китайцамъ на чаи, между тѣмъ какъ чаи пріобрѣтались на провезенные контрабандой металлы.

Мѣновая торговля не могла удержаться при такомъ положеніи дѣлъ, и въ 1856 году правительство нашло необходимымъ разрѣшить ввозъ въ Кяхту драгоцѣнныхъ металловъ. Разрѣшеніе это, однако, было обусловлено тѣмъ, что отпускъ въ Китай золота и серебра дозволялся только при товарахъ и только въ третьей части ихъ стоимости. Серебряная монета допускалась къ промѣну Китайцамъ только иностранная; золото дозволялось въ монетѣ, а русское серебро только въ издѣліяхъ. Ограниченіе это тоже, конечно, нарушалось, такъ какъ многіе провозили тайно металловъ гораздо больше дозволенной третьей части. Но за то цѣнность на золото въ Кяхтѣ значительно уменьшилась. Торговля въ это время достигла на Кяхтѣ своего высшаго развитія. Бывали годы, въ которые чрезъ кяхтинскую таможню проходило до тринадцати съ половиной милліоновъ фунтовъ байховаго чаю (до 150 тысячъ ящиковъ).

Но при такомъ значительномъ развитіи торговли, наше русское купечество находилось въ полномъ невѣдѣніи относительно цѣнъ на чаи внутри Китая и вело свои дѣла каждый по своему, не заботясь о томъ, какія выгоды могли представиться при болѣе короткомъ изученіи чайной торговли чрезъ полученіе свѣдѣній о стоимости чая въ Китаѣ, о цѣнѣ на провозъ его чрезъ Монголію и т. д. Духовная пекинская миссія занималась своими дѣлами, и наши представители правительственной власти не признали возможнымъ поручить этой миссіи доставленіе періодически точныхъ свѣдѣній, касающихся торговли. Кромѣ же миссіи получать свѣдѣнія

было не отъ кого, потому что Китайцы ревниво охраняли свою Поднебесную имперію отъ вторженій нашихъ. Они даже и миссію нашу, перемѣнявшуюся въ личномъ составѣ чрезъ извѣстное количество лѣтъ, возили по Монголіи цѣлые мѣсяцы, прежде чѣмъ доставить ее въ Пекинъ, до котораго отъ Кяхты всего 6—7 дней пути. Китайцы очень хорошо знали о полномъ невѣдѣніи нашемъ состоянія торговли внутри Китая и обращали это невѣдѣніе въ свою пользу. Получались, напримѣръ, представителями ихъ торговой власти въ Майматчинѣ свѣдѣнія изъ Китая; но они не вдругъ передавали ихъ своимъ собратамъ, а обыкновенно хранили въ тайнѣ въ теченіи цѣлаго дня, т. е. до того времени, пока всѣ Китайцы не возвратятся изъ Кяхты въ Майматчинъ и потомъ уже, заперши ворота, дѣлали общее собраніе купцовъ и рѣшали какъ вести себя въ отношеніи Русскихъ, въ какомъ смыслѣ передавать имъ тѣ или другія торговыя новости, и дѣйствовали всегда съ рѣдкимъ единодушіемъ. Иногда даже нарочно они выдавали ложныя свѣдѣнія за истинныя, говоря, напримѣръ, о возвышеніи цѣнъ на чаи, или всѣ въ одно время начинали говорить объ упадкѣ цѣнъ на русскіе товары внутри Китая, или о пониженіи курса на серебро и золото. Провѣрять эти свѣдѣнія не возможно было, и Китайцы всѣми силами старались мѣшать Русскимъ въ изученіи не только торговли ихъ родины, но даже и ихъ языка. Они не дозволяли ни одному изъ своихъ собратовъ ѣхать на жительство въ Майматчинъ безъ знанія русскаго разговорнаго языка, имѣя въ виду предупреждать этимъ желаніе Русскихъ учиться китайскому языку. Для изученія этого языка въ Кяхтѣ было даже и училище; но изъ него не вышелъ ни одинъ ученикъ, знающій этотъ языкъ.

Не смотря на все это, кяхтинское дѣло продолжало идти своимъ путемъ, и еслибы не лукавый западъ съ его прогрессомъ и жадностію къ барышамъ, то пожалуй кяхтинское дѣло до сихъ поръ шло бы по прежнему, т. е. сохраняло бы вполнѣ монопольный характеръ, вредный всегда и вездѣ для всякаго торговаго дѣла. Надѣясь на покровительство начальства и оставаясь вѣрными своей природной славянской лѣни и безпечности, кяхтинскіе купцы вели свои дѣла, какъ говорится, спустя рукава. Они не могли противостоять китайской хитрости и никогда не умѣли сохранять въ секретѣ получаемыхъ изъ Россіи торговыхъ свѣдѣній. Китайцы, кромѣ того, что знали о русской откровенности, всегда старались разузнавать о дѣлахъ подробнѣе чрезъ русскихъ прикащиковъ.

Русская граница съ Китаемъ.

Впрочемъ, были и другія причины невозможности скрывать отъ Китайцевъ торговыя свѣдѣнія: русскіе купцы сознавали, что не имѣютъ силъ дѣйствовать единодушно. Изъ всего торговаго кяхтинскаго населенія было не болѣе трехъ-четырехъ торговыхъ домовъ, которые вели свои собственныя дѣла, а остальные всѣ были коммиссіонерами, обязанными по своему назначенію исполнять, безъ разсужденій, приказанія своихъ довѣрителей. Довѣрители жили внутри Россіи и давали приказанія своимъ коммиссіонерамъ, не сообразуясь съ тѣмъ или другимъ положеніемъ въ Кяхтѣ, а разсчитывая только на свои личныя выгоды. Напишетъ, напримѣръ, довѣритель въ Кяхту, чтобы промѣнять такіе-то и такіе то товары на извѣстныйсортъ чая *по существующимъ цѣнамъ* и отправить чай

непремѣнно на такой-то мѣсяцъ въ Москву или Нижегородскую ярмарку — и коммиссіонеръ безпрекословно исполнялъ приказаніе своего довѣрителя; онъ не обращалъ вниманія на то, что въ общемъ собраніи кяхтинское торговое общество настойчиво старалось поддержать цѣны на русскіе товары и склонить Китайцевъ на уступку, и не могъ дѣйствовать за одно съ обществомъ, какъ лицо неполновластное. Гдѣ-же тутъ возможность соображаться съ ходомъ дѣлъ, выдерживать цѣну и противустоять единодушному дѣйствію Китайцевъ въ торговомъ дѣлѣ?

Единодушіе между кяхтинскими купцами было только въ одномъ — въ сборѣ аксиденціи съ каждаго ящика, пріобрѣтаемаго отъ Китайцевъ чаю, и въ расходованіи ея на собственныя кяхтинскія нужды. Аксиденція эта (по 40 коп. съ ящика) составляла въ годъ сумму отъ 40 до 60 тысячъ рублей, и назначеніе этой суммы было—*служить нуждамъ торговли*. На нужды эти кяхтинское купечество имѣло нѣсколько своеобразный взглядъ: вмѣсто того, чтобы расходовать эту сумму на устройство путей сообщенія, для улучшенія перевозки чая, оно расходовало ее на угощеніе пріѣзжавшихъ въ Кяхту сановниковъ, на устройство клуба, наемъ музыкантовъ, пѣвчихъ, на постройку громаднаго каменнаго храма и т. д. Все это, само собой разумѣется, могло быть заведено безъ всякаго ущерба аксиденціи на собственныя средства мѣстныхъ купцовъ, наконецъ, даже на средства аксиденціи; но при всемъ этомъ необходимо было главнымъ образомъ позаботиться о томъ, чтобы прежде клубовъ и музыкантовъ были устроены для перевозки чая не такіе пути сообщенія, какіе существовали, напримѣръ, по кругобайкальской дорогѣ, не говоря уже о пути по всей Сибири. Будь на мѣстѣ кяхтинскихъ купцовъ и, вообще, всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ нашей торговлѣ съ Китаемъ, настоящіе финансовые дѣльцы, по-европейски понимающіе значеніе торговыхъ дѣлъ; то не только сборъ аксиденціи пошелъ бы на устройство путей сообщенія, но былъ бы даже сдѣланъ заемъ не въ одинъ милліонъ— и наши торговыя сношенія съ Китаемъ до сихъ поръ шли-бы превосходно, наши рынки не были бы загромождены массами чаевъ, доставляемыхъ теперь въ Россію гамбургскими купцами.

Было еще единодушіе между кяхтинскими купцами въ составленіи счетовъ для таможни. Въ этомъ дѣлѣ, дѣйствительно, поступали всѣ за-одно, и отчеты каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, ежегодно представляемые въ таможню, были всегда вѣрны. Таможня, въ лицѣ всѣхъ своихъ властей, являлась въ Кяхту въ началѣ каждаго декабря и повѣряла наличность товаровъ, монеты и количество чаевъ,—и вся эта наличность была согласна съ отчетами. Между тѣмъ, въ теченіи года столько было у каждаго купца погрѣшностей противъ представляемыхъ таможнѣ отчетовъ, что оставалось только дивиться умѣнью купцовъ составлять отчеты. Въ этомъ случаѣ много помогало единодушіе, и на время ревизіи товары изъ пакхаузовъ одного купца перетаскивались въ пакхаузы другого, собственно лишь для того, чтобы таможенные чиновники могли видѣть требовавшееся по отчетамъ наличное количество товаровъ. И для чего только нужно было все это продѣлывать, если таможня заранѣе знала, что купцы приготовляются ко дню ревизіи и перетаскиваютъ для этого другъ отъ друга товары?... Незнать этого таможня не могла уже потому одному, что въ представляемыхъ ей отчетахъ чай показывался пріобрѣтаемымъ по 20 руб. ящикъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ стоилъ 80 и 100 р. Таможня знала, что къ такой уловкѣ прибѣгаютъ купцы для того, чтобы у нихъ по книгамъ торговымъ оставался въ наличности товаръ, который они потомъ покажутъ промѣненнымъ на новую партію чая, въ дѣйствительности купленную на монету. Таможня знала объ этомъ—и ѣхала на ревизію изъ Троицкосавска въ Кяхту, мерзла долгіе часы на декабрьскомъ морозѣ, переходя изъ одного купеческаго пакхауза въ другой, нисколько не тяготясь тѣмъ, что участвуетъ въ дѣлѣ, во всякомъ случаѣ, непохвальномъ. Трудно допустить, что чиновничество, стоявшее выше кяхтинской таможни и имѣвшее надъ нею власть, не знало о томъ, что кяхтинскіе торговые отчеты — не болѣе, какъ пустая трата бумаги и времени; но и это высшее начальство смотрѣло на кяхтинское дѣло также сквозь пальцы,

сознавая свое безсиліе въ постановкѣ дѣла на другую, болѣе разумную и болѣе благотворную почву.

Такъ продолжалось дѣло изъ года въ годъ. Но вопросъ о кяхтинской торговлѣ изъ области «служебной переписки» грозилъ перейти въ дѣйствительность. Въ обществѣ и печати все громче сталъ раздаваться говоръ о необходимости возможно скорѣйшаго разрѣшенія впуска чая въ Россію чрезъ европейскую границу. Послышались уже прямые упреки торгующему на Кяхтѣ купечеству, что оно въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ только наживалось на счетъ потребителей чая и ничего не сдѣлало для того, чтобы чайная торговля не нуждалась въ монополіи. На такія обвиненія Кяхтинцы отвѣчали тѣмъ, что посылали въ Петербургъ къ начальству эстафеты одну за другою (въ то время еще не было проведено въ Сибирь телеграфной линіи), и доказывали множествомъ цифръ и фразъ, что поддержка кяхтинской торговли необходима для благосостоянія огромнаго числа людей, соприкосновенныхъ съ этимъ дѣломъ, и что не только для московскихъ фабрикъ нужна поддержка этой торговли, но и для всей Сибири, имѣющей значительные доходы отъ перевозки грузовъ въ Кяхту и изъ Кяхты. Все это было, конечно, въ большей или меньшей степени, справедливо; торговлѣ грозила опастность, и государство, въ лицѣ многихъ тысячъ своихъ подданныхъ, лишалось огромнаго торговаго дѣла; но поправлять его тѣмъ, что́ ему вредило, значило бы только продолжать идти по старому, завѣдомо испорченному пути. Правительство рѣшилось на впускъ чая чрезъ Европу, и кяхтинскіе купцы перепугались до того, что въ прошеніи, поданномъ на имя Государя, просили милости словами: «спаси, погибаемъ!». Извинительна-ли такая фраза отъ лица сильнаго торговаго сословія, въ рукахъ котораго были вѣковыя дѣла — объ этомъ не беремся судить; но что она ни въ какомъ случаѣ невозможна въ Европѣ—это несомнѣнно.

Кяхта.

Правительство все-таки признало необходимымъ оказать поддержку кяхтинской торговлѣ и, повидимому, надѣялось на ея дальнѣйшее развитіе даже и въ томъ случаѣ, когда будетъ разрѣшенъ ввозъ чая въ Россію по европейской границѣ. Для этого правительство сбавило на кяхтинскій чай пошлину почти на половину, пошлина на чай была прежде: 40 к. съ чернаго чая и 60 к. съ цвѣточнаго; назначали ее: съ чернаго по 15 коп. и съ цвѣточнаго по 40 к. съ фунта. При этомъ пошлина на разрѣшенный ко ввозу чрезъ европейскія границы чай была опредѣлена почти вдвое высшая противъ кяхтинской.

Этою разницею правительство надѣялось уравновѣсить стоимость чая, привозимаго моремъ съ чаемъ, привозимымъ сухопутно. Таможню изъ Кяхты перевели въ Иркутскъ, тоже въ видахъ оказанія поддержки торговлѣ. Такія мѣры могли оказать дѣйствительную пользу нашей торговлѣ съ Китаемъ, еслибы онѣ были приняты заблаговременно, пока еще Европа не вынудила у Китая себѣ права свободной торговли во всѣхъ его портахъ, и еслибы мы, Русскіе, своевременно позаботились объ устройствѣ пароходства по сибирскимъ рѣкамъ отъ Тюменя до Иркутска. Но мы, какъ сказано выше, относились къ этому дѣлу, съ полной безпечностью

и жили надеждами, что, при сбавкѣ пошлины на чай въ Кяхтѣ, мы будемъ въ состоянiи конкурировать съ европейскимъ чаемъ.

Китайцы, тоже замѣтившие, что ихъ большимъ барышамъ отъ чайной торговли грозитъ опасность, поободрились, слушая разсказы русскихъ купцовъ о предстоящихъ выгодахъ чайной торговли, при сбавкѣ пошлины. Но первая же Нижегородская ярмарка (1861 г.) доказала, что надежды кяхтинскихъ купцовъ нужно отнести къ области фантазiи: на этой ярмаркѣ кяхтинскiй чай былъ проданъ съ убыткомъ, по причинѣ обильнаго ввоза чая чрезъ европейскiя границы, установившаго сразу цѣну на чай дешевле кяхтинскаго на 20 руб. съ ящика. Въ Кяхтѣ, вмѣсто восторга, была скорбь и стѣнанiя. Китайцы крѣпко призадумались, такъ какъ во многихъ фузахъ (китайскихъ торговыхъ домахъ) находились большiе запасы чаевъ, отъ продажи которыхъ приходилось нести убытокъ. Дѣла многихъ фузъ пошатнулись; свой кредитъ внутри Китая они къ сроку оправдать не могли — словомъ, все пошло въ рознь.

Въ это же время, слѣдя за ходомъ европейскихъ дѣлъ въ Китаѣ и не желая отставать отъ Европы въ требованiи права свободнаго проѣзда внутрь Китая для Русскихъ, наше правительство добилось этого права, утвержденнаго Тяньдзинскимъ договоромъ. Это было для майматчинскихъ Китайцевъ страшнымъ ударомъ. Они стали посылать гонцовъ къ своимъ главнымъ акцiонерамъ по майматчинской торговлѣ (эта торговля велась ими большею частiю компанiями) въ Калганъ и Сансинъ, писали имъ объ опасности, которой подвергается чайное дѣло въ Майматчинѣ и предлагали свои совѣты. Тѣ, въ свою очередь, хлопотали предъ главными начальниками въ Пекинѣ и предлагали взятки за то, чтобы не дозволять Русскимъ ѣздить съ товарами внутрь страны. Въ февралѣ 1862 г. возвратился изъ Китая русскiй уполномоченный—и дѣло майматчинцевъ рухнуло. Русскiе, пользуясь правомъ торговли внутри Китая, немедленно-же отправили караванъ съ товарами и монетой въ эту новую для нихъ страну. Не безъ грѣха было и тутъ. Торговля, освобожденная отъ всякаго правительственнаго вмѣшательства, подвергалась ему косвенно. Одинъ русскiй сановникъ, желая выставить въ дурномъ свѣтѣ дѣятельность своего собрата по влiянiю его на купцовъ при отправкѣ каравана въ Китай, послалъ въ Петербургъ донесенiе, что купцы отправили туда гнилые товары. Говорили, что изъ Петербурга было послано приказанiе министру-резиденту въ Пекинъ освидѣльствовать русскiе товары, вѣроятно на томъ основанiи, что Китайцы, пожалуй, могутъ взять дурные товары за хорошiе. Но дѣло это какъ то заглохло, оставивъ, однако, по себѣ воспоминанiе, какъ доказательство, что опека крѣпко держится за торговлю, даже и въ томъ случаѣ, когда послѣдняя оффицiально признана свободною.

Не смотря на то, что движенiе русскихъ каравановъ въ Китай уже началось, майматчинскiе Китайцы все-таки продолжали еще нѣкоторое время надѣяться, что, при посредствѣ ходатайствъ и подарковъ, они добьются запрещенiя проѣзда русскихъ каравановъ внутрь ихъ родины. Китайскiе чиновники брали съ нихъ деньги, притѣсняли сколько было возможно Русскихъ, но немогли открыто дѣйствовать противъ утвержденныхъ трактатовъ,—и движенiе каравановъ продолжалось. Въ то же время многiе изъ московскихъ купцовъ, имѣвшихъ дѣла на Кяхтѣ, отправили своихъ довѣренныхъ внутрь Китая (преимущественно въ Тяньдзинъ, Ханькоу и Шангай) и начали новое чайное дѣло, отправляя чаи уже не чрезъ Монголiю и Сибирь, а морскимъ путемъ. Дѣла ихъ внутри Китая начались было очень хорошо, и они надѣялись удержать въ своихъ рукахъ чайное дѣло, сбывая въ Китай произведенiя русскихъ фабрикъ въ обмѣнъ на чай; но въ дѣйствительности оказалось не то. Успѣхъ Русскихъ въ Китаѣ первое время объяснялся тѣмъ, что Европейцы (преимущественно Англичане и Нѣмцы) не знали— какiе сорты чаевъ требуются для Россiи, а покупали для нея тѣ же низшiе сорты, какiе шли прежде въ Европу. Ознакомившись съ дѣломъ, они мало-по-малу забрали его въ свои руки, запрудили китайскiе рынки своими товарами и оттѣснили Русскихъ, начиная доставлять въ Россiю тѣ сорты чая, какiе для нея требовались,—и Русскимъ оставалось только

смотрѣть, какъ изъ подъ носа выхватили Европейцы чайное дѣло. Теперь Петербургъ, Москва и многіе другіе торговые города Россіи запружены чаемъ, привозимымъ кругомъ свѣта ловкими иностранцами; кяхтинскій же чай дальше Западной Сибири почти не проникаетъ. Хотя въ торговлѣ до сихъ поръ пользуется славою кяхтинскій чай; но это старая слава, неимѣющая въ настоящее время смысла. Много лѣтъ въ обществѣ держалось мнѣніе, что чаи, перевозимые моремъ, портятся отъ перевозки; но это мнѣніе совершенно несправедливо: не чаи портились отъ перевозки, а привозились въ Россію дурные сорты чаю. Теперь привозятся кругомъ свѣта тѣ же сорты чаевъ, которые доставлялись въ Кяхту, и торговцы, поддерживая старую славу кяхтинскаго чая, выдаютъ привозимые моремъ чаи за кяхтинскіе.

Утрата Кяхтой ея торговаго значенія не могла, конечно, не отразиться и на сосѣднемъ съ нею китайскомъ городѣ Майматчинѣ. Онъ понемногу сталъ пустѣть и, вмѣсто прежняго богатаго торговаго пункта, превратился въ маленькое китайское мѣстечко.

Когда русскіе караваны начали двигаться внутрь Китая, нѣкоторые изъ небогатыхъ Китайцевъ стали пробираться въ наши владѣнія. Прежде, до заключенія трактата о свободной торговлѣ, имъ строго запрещалось ихъ правительствомъ нетолько уѣзжать изъ Майматчина въ русскіе города, но даже ночевать въ Кяхтѣ. Сначала они свободнѣе и чаще стали ѣздить въ Троицкосавскъ, потомъ стали возить туда товары, чай, сахаръ, леденецъ и проч. Чрезъ нѣсколько времени они добрались до Иркутска, открыли тамъ магазинъ съ чаями и шелковыми матеріями, завели китайскій трактиръ. Потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, китайцевъ видѣть можно было уже въ городахъ Западной Сибири и на Ирбитской ярмаркѣ.

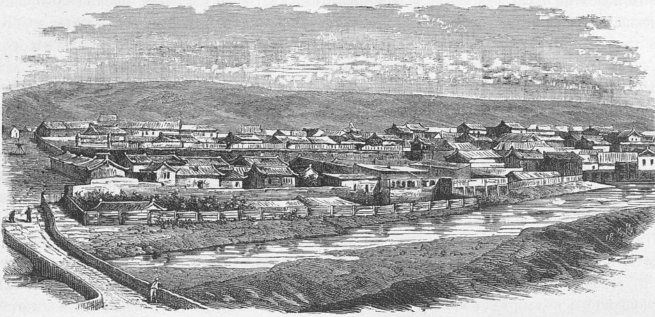
Какъ идетъ наша караванная торговля внутри Китая—съ точностію неизвѣстно. Теперь, при свободномъ проѣздѣ внутрь Китая, русскіе ознакомились съ ходомъ дѣлъ на китайскихъ рынкахъ и уже не такъ эксплуатируются китайцами, какъ бывало въ Майматчинѣ. Это не подлежитъ сомнѣнію.

Вотъ краткій очеркъ нашей кяхтинской торговли. Сообщимъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія жизни на Кяхтѣ во время цвѣтущаго состоянія; эта жизнь имѣетъ много своеобразнаго.

Дѣла торговыя на Кяхтѣ имѣли право вести купцы первыхъ двухъ гильдій, и такъ какъ при этомъ для покупки чая у Китайцевъ требовалось непремѣнно представить сначала въ таможню мануфактурный товаръ; то по этому многіе, не имѣя товаровъ, а только металлы, обращались за помощью къ кяхтинскимъ купцамъ. Кяхтинцы, пользуясь своимъ умѣньемъ вести дѣла съ таможней, обдѣлывали дѣла пріѣзжихъ и «на законномъ основаніи» сводили ихъ счеты съ таможней отъ своего имени. За то они пользовались коммиссіоннымъ вознагражденіемъ по 1 р. 60 коп. съ ящика, и изъ такихъ вознагражденій у каждаго кяхтинскаго купца составлялась значительная цифра доходовъ. Въ Кяхтѣ было всего домовъ тридцать; всѣ они принадлежали купцамъ; кромѣ купцовъ, ихъ прикащиковъ и домашней прислуги, въ Кяхтѣ никто не имѣлъ права жить.

Единственное *не торговое* лицо былъ коммисаръ, назначенный отъ правительства, для оффиціальныхъ сношеній съ Китайцами. Жизнь шла на широкую ногу. При дешевизнѣ продуктовъ первой необходимости, самый меньшій годовой расходъ каждаго торговаго дома былъ три тысячи рублей. Нѣкоторые проживали въ годъ до 15,000 руб. Кромѣ такихъ расходовъ, объяснить которые можно только полной неразсчетливостью, торговая слобода Кяхта расходовала еще на такъ называемыя общественныя нужды отъ 60 до 90 тысячъ въ годъ. Были въ Кяхтѣ, какъ сказано выше, свои музыканты, свои пѣвчіе, клубъ, сады и т. д. И ужъ видимо некуда было тратить денегъ,—такъ завели еще газету, потребность въ которой вовсе не ощущалась мѣстнымъ населеніемъ. Торжественные обѣды, вечера, балы, загородныя прогулки—все это было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и почти еженедѣльнымъ. Все это дѣлалось не спроста, а *съ идеей*, т. е. будто бы, для поддержанія торговли. Угощали всѣхъ и кого бы только не занесла судьба въ Кяхту, особенно людей чиновныхъ. Въ этомъ, собственно, и заключалась идея веселаго провожденія времени.

Совсѣмъ иначе жили Китайцы. Они тоже угощали Русскихъ своими сложными и многоблюдными обѣдами, но только каждый разъ послѣ торговыхъ сдѣлокъ, и идея ихъ угощеній была гораздо осязательнѣе, чѣмъ идея Кяхтинцевъ. Китайцы угощали, получивъ уже значительные барыши, а Кяхтинцы—только въ ожиданіи барышей.

Майматчинъ.

Первое, что удивляло каждаго, пріѣзжавшаго въ Кяхту, это необыкновенная чистота и какъ-будто новизна построекъ. Дома, крыши, заборы казались только-что выкрашенными. Высокій каменный пятиглавый соборъ красовался на возвышенномъ мѣстѣ и удивлялъ пріѣзжаго своимъ искусствомъ и богатствомъ, въ особенности если пріѣзжій входилъ внутрь его. Взойдя на холмикъ, вблизи этого собора, пріѣзжій могъ видѣть фигурныя китайскія крыши сосѣдняго города Майматчина, высокія башни воротъ, съ раскрашенными драконами, нѣсколько столбовъ съ золочеными на верху ихъ шарами, служащими для обозначенія мѣста, гдѣ живетъ китайскій начальникъ города (дзаргучей). Все это придавало Кяхтѣ большую своеобразность, увеличивавшуюся присутствіемъ Китайцевъ. Они обыкновенно ходили по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, выискивая случай устроить съ кѣмъ-нибудь торговую сдѣлку. Это расхаживанье Китайцевъ по улицамъ Кяхты и по домамъ купцовъ ввелось не случайно, а заранѣе было предусмотрѣно мудрыми китайскими правителями. Предупреждая возможность посягательства Русскихъ на изученіе торговли и нравовъ Китайцевъ, ихъ правительствомъ было постановлено каждому купцу въ обязанность ходить въ Кяхту, тамъ устраивать торговыя дѣла и по возможности рѣже принимать Русскихъ въ Майматчинѣ. Русскіе и не догадывались въ чемъ тутъ тайна, и были довольны, даже гордились, что не они ходятъ къ Китайцамъ, а Китайцы къ нимъ.

Улица въ Майматчинѣ.

Такое постоянное, въ теченіи цѣлаго дня, хожденіе Китайцевъ по улицамъ Кяхты въ ихъ

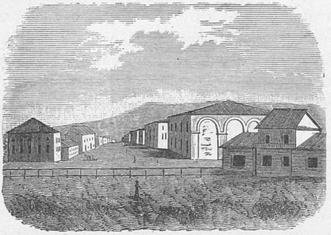
длиннополыхъ халатахъ и однообразныхъ у всѣхъ костюмахъ, всегда удивляло всѣхъ пріѣзжихъ. По длиннымъ косамъ, висѣвшимъ на спинѣ каждаго Китайца, пріѣзжіе, обыкновенно, принимали ихъ за женщинъ, и только тогда разубѣждались въ этомъ, когда видѣли у обладателей косъ мужскія лица и часто большіе, черные отпущенные книзу усы. Нужно замѣтить, что въ Маймачинѣ вовсе не было женщинъ, и онъ представлялъ собою мѣсто постоянной ярмарки, куда съѣзжались только купцы для торговыхъ дѣлъ. Женщинамъ запрещалось жить въ Кяхтѣ, опять таки изъ тонкихъ соображеній: китайское правительство этимъ запрещеніемъ удерживало своихъ подданныхъ отъ перехода въ русское подданство.

Но еще болѣе дивился пріѣзжій въ Кяхту, когда онъ слышалъ странный разговоръ китайцевъ по-русски. Китайцы очень любили разговаривать съ пріѣзжими и интересовались всѣмъ. Стоило войти въ домъ новому человѣку, какъ Китайцы, всегдашніе гости русскихъ купцовъ, начинали приставать съ распросами: «Какой люди? кака имя? какой товаръ повози? За нама милости проси». Все это и многое другое произносилось съ такимъ коверканьемъ словъ, что пріѣзжій не сразу могъ рѣшить, на какомъ языкѣ, на русскомъ или китайскомъ, обращаются къ нему съ вопросами.

Въ каждомъ домѣ въ Кяхтѣ была для Китайцевъ особая комната, входъ въ которую цѣлый день не запирался, чтобы Китайцы могли свободно входить въ нее, курить, заплевывать полъ и, вообще, оставлять послѣ себя большую грязь. Въ этой комнатѣ всегда ставилась мебель попроще и полъ рѣдко мылся, потому что, въ самомъ дѣлѣ, Китайцы нисколько не заботились о томъ, съ какими ногами входятъ они въ комнату. Такъ какъ калошъ у нихъ не водится, то вся грязь съ улицы, особенно въ ненастные дни, цѣликомъ вносилась ими въ комнату. Двери изъ этой комнаты въ другія помѣщенія дома всегда запирались на замокъ, во избѣжаніе китайскихъ посѣщеній. Если случалось въ какомъ-либо домѣ, по забывчивости, оставить двери не запертыми, то Китайцы, не мало не церемонясь, проходили въ другія комнаты, съ любопытствомъ осматривали всякую мелочь и преспокойно усаживались съ своей трубкой, гдѣ ни попало. Иногда въ комнату, назначенную для Китайцевъ, наберется ихъ человѣкъ десять-пятнадцать, сидятъ, курятъ, дремлютъ или тоненькимъ фальцетомъ потягиваютъ пѣсни, всего чаще—про дѣвушку, которая въ 16 лѣтъ оставила отцовскій домъ и скоро сдѣлалась матерью. Самое скучное для Китайцевъ время бывало въ лѣтніе мѣсяцы. Торговля, въ ожиданіи Нижегородской ярмарки, совершенно затихала; наступали жары, и кяхтинскіе купцы разъѣзжались по дачамъ. Ходятъ Китайцы изъ дому въ домъ и не знаютъ, какъ убить время. Въ своемъ Маймачинѣ имъ также скучно, какъ и въ Кяхтѣ; разница только въ томъ, что въ Кяхтѣ всегда было чисто на улицахъ, а въ Маймачинѣ отовсюду несло вонью разлагающихся нечистотъ, окружавшихъ Маймачинъ со всѣхъ сторонъ. Такъ какъ Китайцы встаютъ обыкновенно съ восходомъ солнца, то лѣтомъ въ 10 часовъ они уже обѣдаютъ и девять десятыхъ изъ нихъ заваливаются послѣ обѣда спать. Очередные прикащики съ этого часа идутъ въ Кяхту и ищутъ случая устроить продажу чая. Стоитъ только кому-нибудь изъ русскихъ купцовъ объявить Китайцамъ, что онъ желаетъ купить чай, какъ на другой же день комната въ его домѣ наполняется Китайцами, всегда желающими поторговать. По причинѣ же большого собранія Китайцевъ въ комнатѣ, купецъ не выходитъ къ нимъ для переговоровъ, а впускаетъ ихъ по одному въ свой кабинетъ, и, впустивъ, запираетъ за вошедшимъ дверь, чтобы другіе не вошли. Для того, чтобы соблюдать очередь въ торговой бесѣдѣ съ хозяиномъ дома, всѣ Китайцы усаживаются на стулья, стоящіе у стѣнъ комнаты, и крайній къ двери кабинета, по выходѣ оттуда Китайца, замѣняетъ его мѣсто въ кабинетѣ. Лишь только онъ освободитъ свой стулъ, какъ сидѣвшій съ нимъ рядомъ, пересаживается на его мѣсто, его сосѣдъ тоже—словомъ, всѣ Китайцы пересаживаются стуломъ ближе къ дверямъ кабинета. Точно на исповѣдь ходятъ они въ кабинетъ хозяина, и продолжается такая исповѣдь иногда цѣлый день. Всѣ Китайцы перебываютъ въ кабинетѣ, натаскаютъ цѣлыя груды пачекъ съ чаями, и

купецъ, записавъ условія и цѣны каждаго Китайца, цѣлый вечеръ потомъ нюхаетъ и пьетъ чай, пробуя его достоинство, сравнивая одинъ чай съ другимъ. Наступаетъ утро. Китайцами опять наполняется комната. Купецъ снова принимаетъ ихъ, и продолжается такая исторія до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ изъ своего кабинета въ комнату, гдѣ сидятъ Китайцы, и не скажетъ, что дѣло кончено и чай купленъ. Китайцы начинаютъ приставать, просятъ объясненій, у кого вымѣнялъ чай, на какой товаръ, почему у него, а не у другого и т. д. Купецъ, долго не разговаривая, уходитъ назадъ, ссылаясь на дѣла, и запираетъ дверь кабинета. Иногда послѣ его ухода Китайцы долго еще стоятъ у дверей и кричатъ: «Отопри! тоненьки слова еси»... И, не дождавшись открытія дверей, уходятъ съ бранью изъ дому, а завтра опять идутъ и опять ждутъ торговаго дѣла.

Съ наступленіемъ осени, Кяхта оживлялась, съѣзжались купцы, возвращавшіеся съ Нижегородской ярмарки. Почта ежедневно привозила на нѣсколькихъ тройкахъ иностранное серебро, ежедневно подходили обозы съ товарами, и таможенный дворъ (въ концѣ города Троицкосавска) наполнялся этими товарами. По главной улицѣ Троицкосавска и на всемъ протяженіи пути до торговой слободы Кяхты тянулись обозы съ товарами, разрѣшенными ко ввозу въ Кяхту. Приходя къ каменнымъ кладовымъ, размѣщались тамъ иногда, по недостатку мѣста въ кладовыхъ, даже на открытомъ воздухѣ. Не менѣе движеніе бывало между Маймatчиномъ и Кяхтой. Оттуда везли въ кяхтинскій гостиный дворъ массами чаи, въ камышевыхъ плетеныхъ ящикахъ; взамѣнъ ихъ вывозили изъ гостинаго двора русскіе товары—и цѣлые дни шла работа, пока не наступало время прекращенія судоходства по Байкалу, т. е. до конца октября, а иногда даже и до первыхъ чиселъ ноября. Потомъ въ движеніи обозовъ по Кяхтѣ и Троицкосавску наступала нѣкоторая остановка до той поры, когда Байкалъ замерзалъ, а открывался зимній путь, т. е. до перваго января. Съ этого времени вплоть до весны (до первыхъ чиселъ апрѣля) опять двигались обозы съ товарами и чаями. Отъ пробы чаевъ, производимой изъ каждаго ящика, въ купеческихъ амбарахъ накоплялись такія громадныя груды чаю, разсыпаннаго прямо на полу пакхаузовъ, что потомъ, по окончаніи дѣла, этимъ пробнымъ чаемъ наполнялись сотни мѣшковъ, по два — три пуда каждый, и особо предъявлялись въ таможню подъ названіемъ пробнаго чая. Чай этотъ обыкновенно сбывался купцами подрядчикамъ, взявшимъ на доставку грузы, и они развозили его по всей Сибири, сбывая, въ свою очередь, на постоялыхъ дворахъ, хозяевамъ ихъ, вмѣсто платы за кормъ лошадей. Набивали карманы чаемъ, при его пробахъ, въ кяхтинскомъ гостиномъ дворѣ всѣ, кто только могъ помѣстить его куда-нибудь. Рабочіе набивали имъ свои сапоги, карманы, шапки и т. д.; прикащики при случаѣ сбывали окольнымъ путемъ, мимо таможни, мѣшки съ чаемъ цѣлыми десятками, а иногда тутъ же, вмѣстѣ съ мѣшками, отправляли и десятки ящиковъ чаю мимо таможни. Но такая контрабанда была, можно сказать, каплей въ морѣ сравнительно съ количествомъ чая, проходившаго чрезъ таможню. Точно также не составляла большаго количества та контрабанда чая, которою занимались мѣстные контрабандисты, хотя они и отправляли тайными путями иногда нѣсколько десятковъ ящиковъ чая. Изъ этихъ тайныхъ путей всѣхъ больше пользовалась извѣстностью такъ называемая «воровская падь»—узкая долина, извивающаяся между горъ, позади таможеннаго зданія. Мелкой контрабандой занимались многіе изъ жителей Троицкосавска, преимущественно мѣщане, а также и жители сосѣднихъ селеній. Селеніе Усть-Кахта извѣстно было многимъ, какъ складочное мѣсто русскаго серебра, безусловно запрещавшагося

Улица въ Троицкосавскѣ и первый домъ въ Россіи.

къ отпуску Китайцамъ, и тѣмъ не менѣе привозимаго туда въ значительномъ количествѣ. Въ этомъ дѣлѣ существовала извѣстнаго рода неподкупная честность. Лица, бравшія къ себѣ на сохраненіе металлы, знали, что, при условіи присвоенія себѣ этой чужой собственности, они избѣжали-бы всякой отвѣтственности, такъ какъ собственникъ металла не смѣлъ бы объ этомъ захватѣ никому заявить. Тѣмъ не менѣе, случаевъ присвоенія за все время торговли, было не болѣе десяти. Изъ Усть-Кяхты драгоцѣнные металлы перевозились потомъ въ Кяхту малыми частями: ѣздили туда купцы подъ видомъ прогулокъ, брали съ собой иногда даже и таможенныхъ чиновниковъ и возвращались въ Кяхту, нагрузивъ потаенныя вмѣстилища экипажей контрабандной монетой. Количество чая, привозимаго контрабандой, опредѣлить точно невозможно, но, судя предположительно, едва ли въ годъ привозилось контрабандистами болѣе пятисотъ ящиковъ, считая въ томъ числѣ и кирпичный чай. О стражѣ, назначенной отъ правительства для охраненія границъ отъ контрабанды, часто говорили, что она «охраняетъ контрабанду». И въ самомъ дѣлѣ, удивительно было видѣть, какую роскошную жизнь вели нѣкоторые изъ офицеровъ, представлявшихъ таможенную стражу, какими суммами они располагали во время карточной игры, сильно тогда развитой въ Кяхтѣ, тогда какъ годовое ихъ содержаніе по службѣ было не болѣе 800 или 1000 руб.

Другіе промыслы, законные, созданные кяхтинской торговлей, и дававшіе честный заработокъ многимъ сотнямъ мѣстнаго населенія, заключались именно въ работахъ по нагрузкѣ чайныхъ ящиковъ на возы и въ пакгаузы, а главнымъ образомъ—въ обшивкѣ ихъ въ кожи. Это послѣднее дѣло занимало громадное количество рукъ, такъ какъ въ теченіи года обшивалось въ кожи до 150 тысячъ ящиковъ байховаго чая и до 40 тысячъ ящиковъ кирпичнаго чая. Этимъ дѣломъ занимались многіе мелкіе капиталисты, промышлявшіе торговлей кожами, которыя пріобрѣтались сначала исключительно въ Забайкальской области, а съ конца пятидесятыхъ годовъ и въ Монголіи, на что тогда получилось разрѣшеніе правительства. Дѣло въ томъ, что до этого времени Китайцы, эксплуатировавшіе и до сихъ поръ эксплуатирующіе Монголію, упорно запрещали Монголамъ имѣть дѣла съ Русскими.

Кяхтинская торговая слобода, или вѣрнѣе, дѣла Кяхты были въ вѣдѣніи торговыхъ старшинъ, ежегодно избиравшихся изъ среды общества. У Китайцевъ то же были торговые старшины; у нихъ избиралось ежегодно десять человѣкъ, у насъ же четверо. Между ними распредѣлялись обязанности по управленію дѣлами, хотя передъ закономъ отвѣтственными являлись всѣ четверо. Обязанности эти, главнымъ образомъ, относились все къ той же «служебной перепискѣ», которая всегда и вездѣ, за самыми ничтожными исключеніями, является излишнимъ дѣломъ. Одинъ изъ старшинъ завѣдывалъ оцѣнкой русскихъ товаровъ, провозимыхъ чрезъ таможню, другой оцѣнивалъ китайскій товаръ, третій хранилъ залоги, обезпечивающіе кредитъ купцовъ въ таможнѣ, а четвертый завѣдывалъ сборомъ аксиденціи и общей служебной перепиской. Главное-же назначеніе старшинъ, которое имѣлъ въ виду законъ, а именно—разборъ недоразумѣній по дѣламъ между Русскими и Китайцами—вовсе не достигалось: недоразумѣнія эти всегда разрѣшались сами собой, а если и выходили изъ предѣловъ взаимныхъ сношеній русскаго купца съ Китайцемъ (что было рѣдкостью), то иногда разбирались коммиссаромъ. Зная по опыту о взяточничествѣ своихъ чиновниковъ, Китайцы избѣгали всякихъ недоразумѣній и предпочитали рѣшать дѣло мирно; наши купцы также предпочитали такой способъ рѣшенія недоразумѣній. Заботы кяхтинскимъ торговымъ старшинамъ, впрочемъ, всегда было много: они завѣдывали общественными расходами и умѣли ихъ ежегодно тратить на угощенія начальства и увеселенія съ такой энергіей, что остатковъ отъ сбора аксиденцій никогда почти къ концу года не оказывалось. Нѣкоторые изъ купцовъ, служившихъ торговыми старшинами, были даже награждены медалями за свою полезную службу, именно въ тотъ годъ, когда посѣтилъ Кяхту сіявшій тогда славою мирнаго завоевателя Амура, Н. Н. Муравьевъ. Угощали его купцы на рѣдкость, и нестолько потому, что

раздѣляли общіе тогда восторги по случаю пріобрѣтенія часто затопляемаго теперь наводненіями края, сколько въ ожиданіи милости въ поддержкѣ кяхтинской торговли.

Выборъ старшинъ всегда сопровождался большимъ шумомъ и спорами. Всякій старался избѣжать службы, тяготясь всего болѣе сношеніями съ таможней и «служебной перепиской». Но выборъ старшинъ все-таки необходимо было произвести — и купцы, наспорившись до-сыта, выбирали кое-какъ законное число служакъ. Выборы производились безъ всякой

Почта въ степи,

баллотировки, а за просто: пристанутъ къ одному, прижмутъ его всей толпой къ стѣнѣ и просятъ: «сдѣлай милость, послужи!» Купецъ отнѣкивается и, сознавая, что служить все-таки кому-нибудь нужно, соглашается. Потомъ начинали просить такимъ же порядкомъ другаго, третьяго—пока не выбирали всѣхъ четырехъ. Скрѣпивъ выборы подписомъ всѣхъ присутствовавшихъ, пили шампанское, всегда въ большомъ обиліи водившееся въ Кяхтѣ, и на утро, послѣ принятой оффиціально присяги, представлялись начальству, покорнѣйше прося его пожаловать на обѣдъ. Опять собраніе, опять шампанское и т. д. Торговля, между тѣмъ, шла своимъ чередомъ, и всѣ эти оффиціальности и всякія служебныя переписки—все это соприкасалось къ ней, какъ-то точно съ боку, видимо, какъ что-то лишнее, насильно привитое, отъ котораго каждый изъ купцовъ радъ, чѣмъ только возможно, отдѣлаться.

Зимою затихала торговля лишь на одну недѣлю, именно, на первую недѣлю китайскаго новаго года. Празднуютъ его Китайцы въ продолженіи цѣлаго мѣсяца и называютъ этотъ мѣсяцъ «бѣлымъ». Наступленіе новаго года они исчисляютъ по теченію луны, и въ ночь на новый годъ перемѣняютъ своего стараго бога торговли на новаго. Если дѣла въ истекшемъ году шли плохо; то смѣняемаго бога они иногда подвергаютъ наказанію, а новаго, при выстрѣлѣ изъ пушекъ и при трескѣ ракетъ, ставятъ на мѣсто прежняго. Съ разсвѣтомъ дня они отправлялись въ Кяхту и ходили по всѣмъ домамъ, поздравляя Русскихъ съ своимъ китайскимъ праздникомъ. Этотъ обычай и теперь аккуратно исполняется, хотя уже при другой, болѣе скромной, обстановкѣ. Для праздника «бѣлаго мѣсяца» Китайцы сохраняютъ свои лучшіе наряды, и тѣ изъ мелкихъ торгашей, которые кой-какъ перебиваются изо-дня въ день

мелочнымъ торгомъ, тоже имѣютъ на этотъ мѣсяцъ приличную и болѣе или менѣе щегольскую одежду. Посѣщая Русскихъ, каждая китайская фирма даритъ купцамъ ящики съ цвѣточнымъ чаемъ, шелковыя матеріи, ящики китайскихъ фруктовъ и т. п. Русскіе купцы встрѣчаютъ гостей всегда съ радушіемъ и вмѣстѣ съ ними празднуютъ наступленіе китайскаго новаго года: горячій чай, разведенный ромомъ, составляетъ сущность угощенія и приводитъ зачастую, какъ Китайцевъ, такъ и Русскихъ ко взаимнымъ поцѣлуямъ. Въ обмѣнъ за полученные отъ Китайцевъ подарки, Русскіе дарятъ имъ, въ свою очередь, сукно, плисъ, платки и проч. Не смотря на то, что Китайцы большіе любители шампанскаго, имъ не предлагаютъ этого вина, зная, что обитатели Поднебесной имперіи холоднаго питья не пьютъ. Впрочемъ, не смотря на это, хмѣльнаго угощенія бываетъ довольно: пьютъ, какъ сказано выше, пуншъ, варятъ для нихъ глюйвейнъ и нѣкоторые, развеселившись, выпиваютъ и холоднаго хереса. Хересъ они, послѣ горячаго пунша, хвалятъ и не находятъ его холоднымъ.

Къ одиннадцати часамъ утра поздравленія съ китайскимъ новымъ годомъ уже оканчиваются, и Китайцы отправляются обратно въ Майматчинъ праздновать свой «бѣлый мѣсяцъ». Въ продолженіе этого мѣсяца, улицы Майматчина украшаются разноцвѣтными бумажками и фонарями, бумажными флагами и значками разныхъ цвѣтовъ. Черезъ улицы, съ одной стороны на другую, перекидываются тонкія бичевки въ огромномъ количествѣ, и такъ близко одна отъ другой, что пожалуй на каждую сажень приходится по бичевкѣ. На этихъ именно бичевкахъ и развѣшиваются цвѣтныя бумажки, и, колеблемыя вѣтромъ, онѣ представляютъ городъ въ какомъ то необыкновенномъ видѣ. Вечеромъ, когда весь городъ освѣтится разнообразными фонарями, — видъ его улицъ еще эффектнѣе. Въ большой майматчинской кумирнѣ, наглухо закрытой въ обыкновенное время, зажигается безчисленное множество свѣчъ передъ громадными идолами, одѣтыми въ дорогія, яркихъ цвѣтовъ, ткани; на улицахъ и особенно на перекресткахъ улицъ устраиваются какіе то домики, въ родѣ часовень, внутри ихъ ставятся идолы маленькихъ размѣровъ, освѣщенные множествомъ огней. Огни эти—свѣчи изъ смѣси сала и воска, окрашенныя разными цвѣтами; свѣтильня ихъ толстая, и копоти даютъ онѣ ужасно много. Внутри фузъ разставляются широкіе столы со всевозможными явствами. Двери открыты для всѣхъ приходящихъ. Передъ домашними богами тоже разставляются явства и горятъ разноцвѣтныя свѣчи. Майматчинскія ворота, ведущія въ Кяхту, запираемыя обыкновенно съ солнечнымъ закатомъ, въ продолженіи этого мѣсяца остаются открытыми, часовъ до десяти вечера. Въ первые дни бѣлаго мѣсяца (кажется, три) большое раздолье русскимъ рабочимъ: они угощаются въ Майматчинскихъ фузахъ съ большимъ усердіемъ. Ихъ хозяева тоже угощаются, и, конечно, Китайцы заботятся объ угощеніи Русскихъ, въ особенности хозяевъ, зная что хлѣбосольствомъ можно много выиграть у Русскихъ. Неизвѣстно, на сколько они хлѣбосольны дома, но въ Майматчинѣ они угощали каждаго Русскаго, знакомый онъ, или въ первый разъ видимый ими человѣкъ. Каковы эти угощенія теперь—не знаю, но въ блестящій періодъ кяхтинской торговли Китайцы никогда не скупились на угощеніе. Русскіе тоже были всегда радушны къ Китайцамъ, но только къ тѣмъ изъ нихъ, которые въ дѣлахъ фузы имѣли какое-нибудь значеніе. Нужно замѣтить, что каждая майматчинская торговая фуза устраивала свою организацію почти на артельныхъ началахъ: каждый участвовалъ въ доходахъ фирмы съ того времени, какъ начиналъ принимать дѣйствительное участіе въ ея торговыхъ дѣлахъ. Перейдя отъ низшихъ должностей къ высшимъ, а именно къ продажѣ и покупкѣ товаровъ, прикащикъ получалъ уже долю прибыли отъ оборотовъ фузы. Тѣхъ изъ участниковъ фирмы, которые имѣли власть въ управленіи ея дѣлами, Русскіе всегда принимали радушно; иногда-же, въ особенности въ концѣ «бѣлаго мѣсяца», дѣлали для нихъ обѣды, приглашая на этотъ разъ въ гости уже всѣхъ представителей фирмы.

Въ дни бѣлаго мѣсяца на китайскомъ театрѣ продолжаются спектакли съ утра до вечера,

и оглушающій звукъ трубъ и литавръ далеко разносится по улицамъ Майматчина, доносясь глухимъ гуломъ до Кяхты. Сцена этого театра выходитъ прямо на площадь, отдѣленную отъ улицъ стѣнами домовъ и изгородью. Во все продолженіе праздника, Китайцы и Монголы тѣснятся на этой площади, курятъ, разговариваютъ, приходятъ и уходятъ. Русскіе рабочіе, прикащики, а часто и сами хозяева тоже ходятъ на это даровое зрѣлище и любуются китайскимъ драматическимъ искусствомъ. Есть на этой театральной площади особая ложа для дзаргучея (начальника Майматчина), въ которую онъ покровительственно приглашаетъ «на спектакль» нѣкоторыхъ изъ Русскихъ, большею частію чиновныхъ лицъ, какъ-то: коммиссара, директора таможни и т. под. Пьесы, большею частію, даются историческаго содержанія, если только можно назвать историческимъ то, что носитъ лишь одни историческія имена. Занавѣса сцена не имѣетъ, и объ окончаніи спектакля публика узнаетъ потому, что актеры, не снимая своихъ княжескихъ костюмовъ, садятся тутъ же на сценѣ къ сторонкѣ и пьютъ чай, согрѣвая руки у горячей жаровни. Вознагражденіе за свой трудъ они получаютъ поденно и неболѣе одного фунта кирпичнаго чая въ день, что на наши деньги составитъ около 60 копѣекъ. По цѣнѣ, конечно, и таланты; по талантамъ и вниманіе публики: иногда эта публика тутъ же на театральной площади и подерется, не смотря на то, что на сценѣ въ это время идетъ горячая игра. Два князя, только что напившись чаю и согрѣвши руки, кричатъ одинъ на другаго и ходятъ по сценѣ, дѣлая невообразимо широкіе шаги. По пяти воиновъ, представляющихъ собою несмѣтную рать, стоятъ съ обѣихъ сторонъ съ деревянными пиками. Князья, накричавшись, размахиваютъ кнутами, что даетъ знать зрителямъ, что князья не пѣшкомъ ходятъ, а ѣздятъ на лошадяхъ, отсутствіе которыхъ на сценѣ публика дополняетъ своимъ воображеніемъ. За спинами у князей цѣлый арсеналъ стрѣлъ, и княжескія лица густо намалеваны красками разныхъ цвѣтовъ, такъ что видны только одни бѣлки глазъ, которыми князья озлобленно сверкаютъ. Музыка тутъ же на сценѣ, пріютившись въ уголкѣ, реветъ, визжитъ и гудитъ. Но вотъ она стихла, войска двинулись въ путь и вмѣстѣ съ князьями, нестройно столпившись въ узкихъ выходахъ, исчезаютъ наконецъ со сцены. На смѣну ихъ выходитъ Китаянка—жена одного изъ князей. Скрипка пискливо начинаетъ выть, подъ ея звуки княгиня, плаксиво поетъ о томъ, что князь ея, сражаясь съ непріятелемъ, можетъ быть убитъ. Такъ какъ, за отсутствіемъ въ Майматчинѣ женщинъ, роль княгини играетъ мужчина, то звуки его голоса не особенно нѣжны. Поплакала княгиня, потерла своими длинными рукавами глаза и тихо ушла назадъ. На смѣну ей немедленно же снова входятъ князья: одинъ изъ нихъ, побѣдитель, идетъ откинувъ голову назадъ и выпятивъ животъ впередъ; побѣжденный останавливается у входа, низко понуривъ голову. Воины вносятъ на сцену столъ, ставятъ на него стулъ, и побѣдитель, подобравъ длинныя полы своей одежды, важно взлезаетъ на такой неприхотливый тронъ. Бубны, трубы, литавры—и конецъ пьесы.

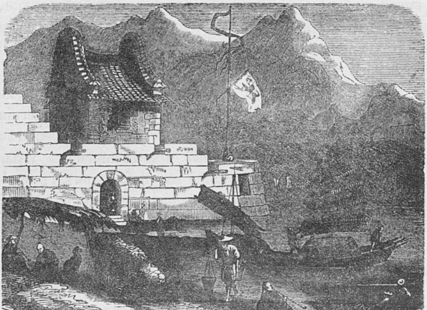
На сколько бываютъ довольны ею жители—Китайцы и Монголы—неизвѣстно; но наши русскіе рабочіе, неимѣющіе не только въ Кяхтѣ, но и нигдѣ въ Россіи такого дароваго зрѣлища, всегда съ восторгомъ разсказываютъ потомъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Въ одинъ изъ дней бѣлаго мѣсяца дзаргучей дѣлаетъ обѣдъ для русскихъ купцовъ и чиновниковъ. Расходовъ по устройству этого обѣда у него, конечно, не бываетъ: сдѣлаетъ только распоряженіе, чтобы купцы доставили все, что нужно для стола, и покорное купечество съ почтеніемъ все доставитъ. На этотъ оффиціальный обѣдъ русское общество пріѣзжаетъ все въ одно время, для чего и собирается предварительно въ домѣ кяхтинскаго коммиссара. При въѣздѣ въ Майматчинъ гостей встрѣчаетъ китайскій маскарадъ съ музыкой, пѣснями и плясками.. Маскарадъ этотъ слѣдуетъ впереди гостей и, проводивъ ихъ до дзаргучейскаго дома, продолжаетъ во дворѣ свои игры и пляски во время обѣда. Часто бываетъ такъ, что дикіе крики и звуки со двора тревожатъ гостей и заставляютъ ихъ обратиться къ важничающему хозяину съ просьбой прекратить увеселенія во дворѣ — и маскарадъ, безъ всякой

церемоніи изгоняется. Обѣдъ у дзаргучея продолжается иногда часа три и состоитъ болѣе чѣмъ изъ полусотни разнообразныхъ китайскихъ явствъ, приправленныхъ уксусомъ, чеснокомъ и проч. Но этотъ обѣдъ никогда не могъ равняться, по своимъ качествамъ, съ тѣми обѣдами, которые дѣлали для русскихъ купцовъ китайскія торговыя фузы.

Все это теперь—уже дѣло прошлое. Многія изъ тѣхъ лицъ, при которыхъ Кяхта переживала свой блестящій періодъ, уже умерли, нѣкоторыя перебрались на жительство въ Москву и другіе города Россіи. Майматчинскіе Китайцы тоже переселились въ другіе города Китая—и пусто стало въ этихъ когда-то торговыхъ городахъ. Не много прошло лѣтъ послѣ разрѣшенія свободной торговли чаемъ, какъ и самые города, Майматчинъ и Кяхта, подверглись опустошительному пожару; отъ Кяхты осталось 7—8 домовъ, отъ Майматчина тоже немного. Въ послѣднее время Кяхта стала обстраиваться; но лица, теперь жительствующія въ ней, ведутъ не столько дѣла съ Китайцами, сколько заняты золотопромышленностью, сильно развившеюся въ Забайкальѣ въ настоящее время.

Д. Стахѣевъ.

Китайскій пограничный постъ.

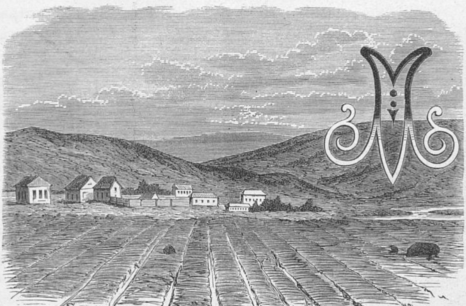
ОЧЕРКЪ IX.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Предѣлы Забайкальской области. — Естественныя богатства ея. — Города и селенія. — Населеніе и промыслы.

Сибирь—золотое дно.

ПОГОВОРКА.

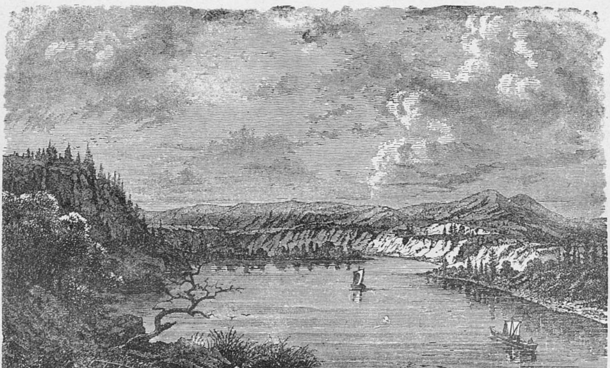

Окрестности Нерчинска.

Между озеромъ Байкаломъ и Китайскою границею, на пространствѣ въ четыреста верстъ ширины и до тысячи верстъ длины, находится Забайкальская область, образованная, въ 1851 г., изъ южной полосы Иркутской губерніи. Забайкальская область представляетъ обширное нагорье, служащее водораздѣломъ между тремя рѣчными системами: Амура, Лены и Енисея. Нагорье это у географовъ извѣстно подъ именемъ Забайкалья или Даурской возвышенности. Яблоновый хребетъ—самое возвышенное мѣсто въ кряжѣ. Сѣверная и сѣверо-восточныя части южной половины Забайкалья обильны почти сплошными хребтами горъ и непроходимыми лѣсами; въ южной-же, юго-восточной и юго-западной его частяхъ открываются степи. Степи раскинулись по рѣкамъ Аргуни и Окону. Большая монгольская пустыня Гоби, сѣверо-восточнымъ своимъ краемъ, вдается въ эту часть Забайкалья. Удаляясь отъ рѣкъ къ сѣверу, степи теряютъ свой прежній характеръ: окаймляемыя отрогами горъ, онѣ переходятъ въ широкія пади, съ отдѣльными сопками и рѣчками. Рѣчки въ жаркую пору сильно мелѣютъ, за то послѣ дождей и весной въ половодье бурлятъ и пѣнятся. Съ неимовѣрной силою катятъ онѣ пѣнящіяся волны своихъ водъ, срываютъ деревья съ корнями и несутъ ихъ съ оглушительнымъ трескомъ, ломая о выдающіяся нависшія скалы. Нерѣдко сибирскіе промышленники (охотники на звѣрей) по нѣсколько дней сидятъ въ лѣсу за рѣчками и не могутъ попасть домой, ожидая, пока рѣчки обмелѣютъ и образуется бродъ. Горы Забайкалья, большею частію, покрыты лѣсами, впрочемъ есть и совсѣмъ каменистыя, поросшія только мхомъ. Это—*гольцы.*

На юго-восточной сторонѣ водораздѣла, между р. р. Ингодой и Онономъ, простирается, по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, горная цѣпь, въ юго-западной части которой до 8260 ф. возвышаются снѣговыя горы Сохондо, самыя высшія въ Забайкальѣ. Въ широкомъ пространствѣ между продольными долинами рѣкъ: Онона, Шилки и Аргуни находятся три параллельныя цѣпи горъ, отдѣленныя одна отъ другой продольными долинами р. р. Газимура и Урюмкана—это Нерчинскія рудныя горы. Въ горныхъ цѣпяхъ, впрочемъ, нѣтъ недостатка. Самая значительная на сѣверо-западной сторонѣ Яблоннаго водораздѣла простирается между р. р. Хилокъ и Уда и проходитъ по юго-западной сторонѣ озера Байкала. Эта горная цѣпь носитъ названіе: «Хабаръ-Добанъ». Она начинается отъ горы того-же имени, въ предѣлахъ Иркутской губерніи, направляется къ сѣверо-востоку, по прибрежью Байкала, постепенно отдѣляясь, пересѣкаетъ Селенгу, а еще далѣе служитъ водораздѣломъ Баргузина и Витима, подъ именемъ Икатскаго хребта. Многія изъ вершинъ этой горной цѣпи покрыты вѣчными снѣгами.

Лѣса въ Забайкальѣ обширны и нѣтъ возможности точно опредѣлить занимаемаго ими

Берега Шилки.

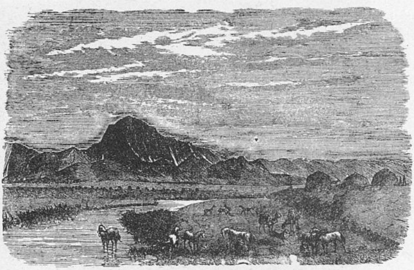
пространства. Присмотра за лѣсами Забайкалья, какъ вообще во всей Сибири, нѣтъ никакого. Гибнетъ лѣсъ иной разъ даже просто отъ прихоти человѣка: броситъ онъ въ лѣсу огонь и пойдутъ трещать и валиться могучія деревья, горитъ мохъ и несется пожарище, наполняя воздухъ дымомъ. Лѣсныхъ пожаровъ никто не тушитъ; иногда пожаръ продолжается нѣсколько лѣтъ сряду, такъ что сильные дожди не въ состояніи ихъ залить. Только когда огонь начнетъ грозить жилью и покосамъ—тогда Сибирякъ одумается и принимаетъ кой-какія мѣры.

Въ лѣсахъ нѣтъ дорогъ и мостовъ. Привычные звѣропромышленники ходятъ въ нихъ только по извѣстнымъ имъ тропинкамъ, пробитымъ ихъ предшественниками—дѣдами и прадѣдами. Тропы часто лѣпятся на отвѣсныя крутизны горъ, висятся надъ безднами, спускаются въ ущелья. Въ такихъ непроходимыхъ лѣсахъ, называемыхъ въ Сибири «тайгой», приволье охотникамъ-звѣропромышленникамъ. Въ лѣсахъ этихъ водятся соболи (самый лучшій Нерчин-

скій, затѣмъ Баргузинскій), горностаи, хорьки, бурундуки, лоси, олени, козы, рыси, россомахи, медвѣди, кабаны, сохатые, изюбри, волки и особенно много бѣлокъ. Въ тайгѣ встрѣчаются цѣлыя покатости горъ, особенно солнопеки и пади, по которымъ протоптаны звѣриныя тропы по всевозможнымъ направленіямъ. Забайкальская чаща во многихъ мѣстахъ непроходима по сплошной чашѣ лѣса и тундристой почвѣ, загроможденной огромными камнями и валежникомъ; вѣтви растеній перемѣшиваются однѣ съ другими и преграждаютъ промышленнику путь.

Представителями лѣсовъ являются кедръ, сосна, лиственница и береза; пихта, осина, рябина, яблонь и другія деревья составляютъ второстепенность. Нужно замѣтить, что сибирское яблонное дерево даетъ яблоки такія мелкія, что по величинѣ и вкусу ихъ скорѣе можно назвать ягодами. Дубъ и орѣшникъ встрѣчаются рѣдко на берегахъ Аргуни. Черемушникъ, ольховники и яблонь растутъ обыкновенно по берегамъ рѣчекъ, иногда съ вершины до самого устья. Нерѣдко вѣтви деревьевъ одного берега перекидываются на другой и сплетаются между собою. Ильмовникъ растетъ тоже около большихъ рѣчекъ и по островамъ. Онъ, по своей крѣпости и легкости, и въ особенности молодой, замѣняетъ въ поддѣлкахъ дубъ.

Изъ ягодныхъ кустарниковъ въ Забайкальѣ растутъ голубика, черника, смородина, малина, морошка, брусника, клюква, земляника. Кромѣ того, костянка, небольшая краснаго цвѣта ягода, кисловатая, но пріятнаго вкуса; моковка—особаго рода смородина; облѣпиха, желтовато-краснаго цвѣта, имѣющая по запаху сходство съ ананасомъ; жимолостка — очень похожая на голубицу, такая же цвѣтомъ, но продолговатая и растетъ на высокихъ кустахъ, около ключей и рѣчекъ. Жимолостка поспѣваетъ рано, такъ что къ Петрову дню она бываетъ въ большомъ изобиліи, и шипшика—плодъ дико-растущихъ розъ всѣмъ извѣстнаго шиповника. Изъ лекарственныхъ растеній здѣсь водятся: ревень сибирскій, бузина, ромашка, шалфей, трилистникъ, тысячелистникъ, мята, табакъ, дикій лукъ и черемша.

Стоянка монголовъ у Аргуни.

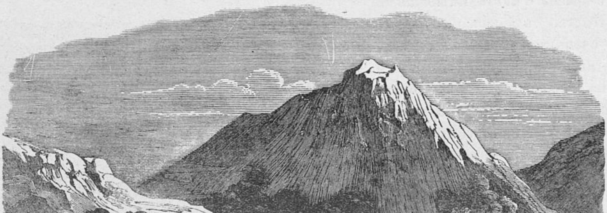
Среди этихъ разнообразныхъ растеній, въ обиліи встрѣчающихся на холмахъ и въ долинахъ Забайкалья, пестрѣютъ пурпуромъ сѣверные родендроны, или, по мѣстному, богульникъ, дикіе персики съ бѣлорозовыми цвѣтами, красные піоны, бѣлыя и красныя лиліи, красная сарана и т. д. Изъ грибовъ, употребляемыхъ въ пищу, можно указать на тѣ-же, какіе водятся и въ другихъ частяхъ Россіи. Разница только въ томъ, что при сборѣ грибовъ въ Забайкальѣ, какъ и вообще въ Сибири, часто можно встрѣтиться съ хозяиномъ сибирскихъ лѣсовъ — медвѣдемъ, большимъ любителемъ грибовъ и ягодъ.

Изъ птицъ въ Забайкальѣ водятся бѣлые орлы, лебеди, филины, вороны, гуси, утки, драхвы (степныя куры, величиною съ гуся), рябчики, перепелки, бекасы, глухари, тетери, журавли, цапли, жаровонки, ласточки, голуби. Вообще, сибирскому охотнику въ Забайкальѣ привольно, хотя нужно замѣтить, что охота на птицъ въ Забайкальѣ вовсе не такъ распространена, какъ охота на звѣря, и если сибирскій охотникъ тратитъ зарядъ на птицу, то тогда только, когда подъ выстрѣлъ не попадается что-нибудь покрупнѣе: дикая коза, напримѣръ, и изъ птицъ онъ выбираетъ ту, которая поувѣсистѣе, — драхву или дикаго гуся, чтобы дешево не отдавать заряда. Выбирать есть изъ чего. На иномъ степномъ озерѣ, въ жаркій лѣт-

ній день, наберется столько всякой дичи, что, въ самомъ дѣлѣ, жалко тратить заряды на мелкую птицу. Звѣриная ловля, или, вѣрнѣе сказать, охота на звѣрей, въ особенности, развита въ Баргузинскомъ и Нерчинскомъ округахъ.

Сибиряки, охотящіеся на звѣрей, не называются охотниками, а просто промышленниками, и въ самомъ дѣлѣ, это ихъ промыселъ, дающій имъ средства къ жизни, а не забава. Промышлять сибирякъ отправляется, большею частію, на конѣ. Хорошій промышленный конь сноровенъ, т. е. хорошо умѣетъ ходить по топкимъ мѣстамъ и горнымъ тропамъ, не боится ни вида, ни запаха звѣря, такъ что на него можно класть свѣжую медвѣжью шкуру, и есть даже, какъ разсказываютъ промышленники, между конями такіе привыкшіе къ охотѣ на звѣрей, что иногда, догнавъ звѣря, хватаютъ его зубами и бьютъ копытами. Часто промышленники живутъ въ лѣсахъ по мѣсяцамъ и болѣе (во время охоты на бѣлку «бѣлковье»), и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ кромѣ мха и тундры ничего нѣтъ. Въ такихъ случаяхъ коней кормятъ мхомъ, поливая его соленой водой; нѣкоторыя лошади ѣдятъ даже свѣжія требушины травоядныхъ животныхъ.

Другой спутникъ промышленника въ лѣсу—собака. Сибирскія собаки никакой дрессировки не знаютъ и хозяева ихъ этому не учатъ. Они какъ-то сами, по врожденной смѣтливости, привыкаютъ къ охотѣ. Впрочемъ, рѣдкая собака ходитъ за всякимъ звѣремъ. Большею частію бываетъ такъ, что если собака ходитъ за бѣлкой, то не ходитъ за другимъ крупнымъ звѣ-

Озеро Фрелихино, между Баргузинымъ и Ангарою (Верхнеудинскаго округа).

ремъ. Такъ по своимъ способностямъ однѣ называются «бѣлковыми», другія «звѣровыми». Бѣлковыя собаки отыскиваютъ бѣлку по слѣду, загоняютъ ее на деревья, слѣдятъ за нею, если она пустится прыгать по верхамъ деревьевъ, и лаемъ даютъ знать хозяину о находкѣ, не спуская глазъ съ бѣлки и не давая ей спуститься на землю до прихода хозяина. Звѣровыя собаки отыскиваютъ кабановъ по слѣду и, догоняютъ съ лаемъ, и, догнавъ, хватаютъ звѣря за что придется, а сохатыхъ и изюбрей, догнавъ, опережаютъ, бѣгутъ предъ ними, лаютъ, и такимъ образомъ, не даютъ имъ ходу до тѣхъ поръ, пока хозяинъ, заслыша ихъ лай и тихо подкравшись къ звѣрю, повалитъ его мѣткой пулей на землю. Вообще сибирскія собаки (монгольской породы) злы и смѣлы. Онѣ очень рослыя, сильныя и косматыя

Забайкальская таiга.

цвѣтъ шерсти обыкновенно черный. Многiя изъ нихъ, въ одиночку, нападаютъ на волковъ и давятъ ихъ легко. Сибирская собака и по смерти своей приноситъ пользу хозяину: изъ собачьихъ шкуръ въ Забайкальѣ дѣлаютъ шубы, рукавицы, сапоги. Шубы шьются впрочемъ изъ черныхъ собакъ, а сѣрыя и бѣлыя собачьи шкуры идутъ на другiя подѣлки. Собачьи мѣха очень теплы, и сибирякъ предпочитаетъ ихъ овчиннымъ и волчьимъ.

Изъ рѣкъ Забайкалья, кромѣ упомянутыхъ выше (Онона, Шилки и Аргуни), болѣе другихъ Ингода, Чикой, Селенга, Баргузинъ и Верхняя Ангара. Шилка образуется изъ слiянiя Ингоды и Онона, и засимъ, сливаясь съ Аргунью, образуетъ р. Амуръ, несущую свои воды въ Татарскiй проливъ Тихаго океана. Изъ всѣхъ этихъ рѣкъ судоходны только Шилка и Селенга; по остальнымъ плаванiе судовъ бываетъ лишь въ половодье. Всѣ рѣки Забайкалья имѣютъ прозрачную воду, каменистое дно и обильны рыбами. Въ нихъ водятся: осетры, налимы, сиги сазаны, таймени, окуни, ленки, пискари и т. д. Замѣчательны по своей величинѣ рыбы калуга и севрюга. Эти рыбы входятъ изъ океана въ р. Амуръ и по ней расходятся въ р. р. Аргунь, Шилку, Ингоду. Чѣмъ ближе къ вершинамъ рѣкъ, тѣмъ рыба мельче.

Рыбная ловля имѣетъ важное значенiе въ промыслахъ Забайкальскихъ жителей; особенно же важенъ ловъ рыбы на р. р. Селенгѣ, Баргузинѣ и Верхней Ангарѣ, въ которыя рыба, въ августѣ мѣсяцѣ, идетъ неисчислимыми массами изъ Байкала. Рыба эта—омуль. Ею питается не только населенiе Забайкалья, но почти вся Иркутская губернiя и часть Енисейской. Омуль вѣсомъ отъ $^1/_2$ фунта до трехъ, вкусомъ похожъ болѣе на семгу, нежели на сельдь. Къ августу, т. е. ко времени входа рыбы изъ Байкала въ названныя рѣки, стекаются на мѣста уловов обитатели Забайкалья (см. статью «Байкалъ»). Рыбу лѣтомъ и зимой добываютъ неводами, вершами, самоловами и крючками. Громадныхъ севрюгъ и калугъ тунгусы бьютъ пулями изъ винтовокъ.

Послѣ Байкала, богатѣйшаго вмѣстилища рыбъ, второе мѣсто въ Забайкальѣ занимаютъ

Жизнь у степного озера.

Еравинскiя озера, находящiяся въ концѣ Хоринской степи, близъ Яблонова хребта. Эти озера, числомъ три, соединяясь протоками, составляютъ протяженiе въ 30 верстъ. Еще ближе къ Яблонову хребту находится озеро Шапша, тоже богатое рыбой. Это озеро соединяется съ озеромъ Иргенемъ, изъ котораго вытекаетъ Хилокъ, впадающiй въ Селенгу. Ближайшiя къ Байкалу озера Катакулъ и Бажитъ. Озеро Бажитъ имѣетъ 5 верстъ длины и 5 ширины; оно извѣстно своей замѣчательной глубиной и, находясь на возвышенной мѣстности, признается погасшимъ кратеромъ. Близъ города Селенги находится Гусиное озеро, образовавшееся, въ половинѣ прошлаго столѣтiя, отъ разлива рѣчки Темника, впадавшей прежде въ Селенгу.

Эта рѣчка, выйдя изъ береговъ, наполнила котловину между возвышенностями и образовала озеро, истокъ изъ котораго пошелъ въ Селенгу. Озеро это считается также богатымъ рыбою.

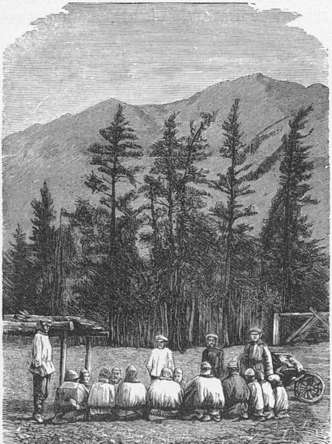
Геогностическій составъ Забайкальскаго нагорья чрезвычайно разнообразенъ. Разсыпное золото въ огромномъ количествѣ; мѣдь попадается во многихъ мѣстахъ; олово, графитъ, желѣзо находятся повсюду; серебро, преимущественно, въ Нерчинскихъ горахъ. Каменный уголь открытъ недавно. Изъ цвѣтныхъ камней здѣсь находятся: аметисты, сердолики, халцедоны, агаты, яшмы, аквамарины, топазы, бериллы, черные шерлы, лаписъ лазури.

Между прочими произведеніями ископаемаго царства — известь, брусовый и жерновой камень, горная смола. Соль добывается изъ озера Баргузинскаго и Горбунскаго. Минеральная щелочная соль выступаетъ во многихъ мѣстахъ сама собой изъ земли. Область богата минеральными источниками. Изъ огромнаго множества минеральныхъ водъ, остающихся до сихъ поръ при весьма ничтожномъ примѣненіи къ леченію болѣзней, замѣчательны Туркинскія минеральныя горячія воды, которыми, дѣйствительно, пользуются мѣстные больные. Источники этихъ водъ находятся на сѣверо-восточномъ берегу Байкала, по тракту въ Баргузинъ, близъ селенія Горячинскаго. Они имѣютъ свойство сѣрныхъ водъ, и температура ихъ достигаетъ до 57° по Реомюру. Изъ другихъ ключей болѣе извѣстны: Нерчинская группа, Баунтовскій ключъ и группы Чикойская и Удинская. Будь эти воды въ Европѣ — давно бы на нихъ настроились роскошныя зданія, явились-бы всякаго рода промышленники и обирали-бы публику всевозможными способами. Конечно, наступитъ когда-нибудь такое время для Забайкальскихъ минеральныхъ водъ, а пока на нихъ лечатся только буряты, да десятка два-три русскихъ во все лѣто. Но за то лечатся съ большимъ успѣхомъ.

Въ Забайкальѣ бываютъ частыя землетрясенія. Рѣдкій годъ проходитъ безъ того, чтобы не было болѣе или менѣе значительнаго колебанія земли. Однако, изъ разсказовъ старожиловъ и изъ мѣстныхъ памятниковъ письменности видно, что прежде землетрясенія бывали чаще. Впрочемъ, сильныхъ и производящихъ большія разрушенія колебаній почвы никто изъ старожиловъ не запомнитъ, кромѣ землятрясеній, бывшихъ въ январѣ 1862 года. Впрочемъ, прошлое Забайкалья намъ мало извѣстно и не восходитъ далѣе начала XVII вѣка. Безмолвные памятники прошлаго этой страны ничего не говорятъ.

Памятниковъ такихъ въ Забайкальѣ, правда, много и попадаются они чаще всего на мѣстахъ безлѣсныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ образуютъ четыреугольники, сдѣланные изъ стоящихъ плитъ; другіе имѣютъ форму площадей, выложенныхъ камнями въ уровень съ землею, или съ нѣкоторымъ надъ нею возвышеніемъ; иные состоятъ изъ кольцеобразныхъ насыпей, покрытыхъ камнями. Подъ такими странными памятниками, при раскопкахъ, иногда находятъ человѣческіе скелеты, часто безъ головъ, находятъ также скелеты лошадей и много обломковъ горшковъ. На р. Селенгѣ, верстахъ въ двухъ отъ станціи Половинной къ Верхнеудинску, есть три кургана, расположенные рядомъ по теченію рѣки. Происхожденіе ихъ объясняютъ различно. Одни говорятъ, что это древній стратегическій путь, другіе называютъ ихъ могилами богатырей. Есть памятники и насыпи совсѣмъ пустые. Попадаются искусственныя пещеры съ изсѣченными на камняхъ фигурами. Такъ, около Нерчинска, въ 235 верстахъ, на рѣчкѣ Урулентуѣ сохранились развалины съ изсѣченными фигурами. Есть камни съ высѣченными словами, которыхъ значеніе еще не извѣстно. На югъ отъ Акминской крѣпости есть искусственная пещера, почти заросшая кустарниками. Стѣны ея покрыты надписями; на утесахъ также встрѣчаются надписи. Со многими связаны легенды о кладахъ. На р.Ононѣ находится пещера съ письменами на языкахъ монгольскомъ и тибетскомъ. По дорогѣ въ Кличкинскій рудникъ, въ глубокой лощинѣ, долго лежала плита съ монгольской надписью. Теперь плита эта находится въ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ; надпись разобрана и означаетъ, что плита эта поставлена на томъ мѣстѣ, которое было дано въ удѣлъ одному изъ внуковъ Чингисъ-Хана.

Русскіе обитатели Забайкалья состоятъ изъ потомковъ старожиловъ, зашедшихъ сюда въ тѣ времена, когда Сибирь считалась золотымъ дномъ, и переселенцевъ, водворенныхъ здѣсь не по доброй волѣ. Между потомками старожиловъ особеннаго вниманія заслуживаютъ Забайкальскіе казаки. Казаки эти, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ тѣхъ Донскихъ казаковъ, которые, во второй половинѣ XVI в., стали извѣстны грабежами по Волгѣ и Каспію, и противъ которыхъ Иванъ Грозный нашелъ нужнымъ послать войско, подъ начальствомъ стольника Ивана Мурашкина, разсѣявшаго ихъ шайки. Одни изъ нихъ, приглашенные Ермакомъ, завоевали Сибирь. Вотъ ихъ-то потомки и извѣстны теперь подъ именемъ казаковъ Сибирскихъ. Казаки, обитающіе вблизи Китайской границы, несутъ службу по охраненію нашихъ границъ отъ ввоза контрабанды; они называются пограничными казаками. Другіе исправляютъ обязанности по охраненію казенныхъ и частныхъ имуществъ, и командируются въ разныя мѣста по порученію начальства. Городовые казаки употребляются въ замѣнъ внутренней стражи, побуждаютъ къ исправленію повинностей, наблюдаютъ за порядкомъ на сельскихъ и инородческихъ ярмаркахъ, наконецъ исправляютъ должности почтальоновъ въ малолюдныхъ мѣстахъ. Городовые казаки и пограничное войско получаютъ отъ казны жалованье, кромѣ полковъ Бурятскаго и Тунгузскаго, отправляющихъ службу на собственномъ иждивеніи.

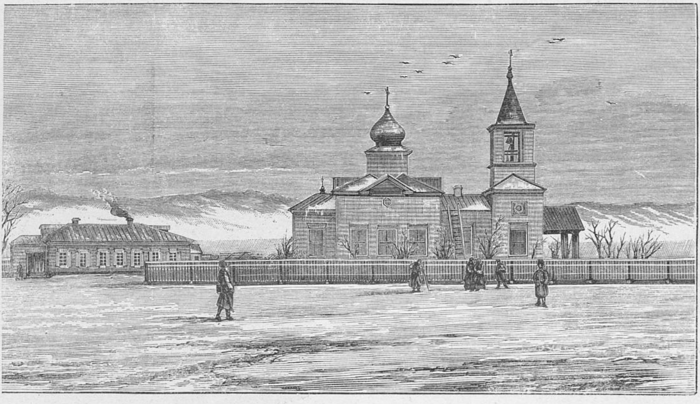
Аргунская станица (казачій пикетъ), Нерчинскаго округа.

Кромѣ старожиловъ, предки которыхъ забрались въ Сибирь добровольно, и кромѣ поселенцевъ, водворяемыхъ въ Сибири по суду и по распоряженіямъ правительства (такъ, напримѣръ, указомъ 17 октября 1799 года было повелѣно поселить въ Забайкальи 10,000 душъ), есть еще ясачные крестьяне. Это инородцы, принявшіе православіе и живущіе осѣдло. Къ старожиламъ относятся также раскольники, предки которыхъ были выселены въ Забайкальѣ при Екатеринѣ II-й. Раскольники эти называются въ Забайкальи «семейскими». Они живутъ, сторонясь отъ сибиряковъ, своимъ обществомъ и отличаются значительнымъ благосостояніемъ. Изъ деревень семейскихъ нѣкоторыя очень велики; есть, напримѣръ, деревни, растянувшіяся на нѣсколько верстъ въ длину. Жилища семейскихъ удивительной чистоты и полны довольства. Семейскіе раскольники — секты безпоповцевъ и поповцы. Народъ все крупный, красивый и большею частію русоволосый. Они рѣзко отличаются отъ сибирскихъ крестьянъ, типъ которыхъ, подъ вліяніемъ смѣси славянскаго племени съ монгольскимъ, значительно измѣнился къ худшему, получивъ существенныя его черты—широкія скулы и узкіе глаза.

Земля въ Сибири принадлежитъ обществу и пользоваться ею можетъ всякій по произволу. Тяжелы только земскія повинности и наряды для исправленія дорогъ: пространства огромныя и рѣдко заселенныя. Крестьянинъ сибирскій не зналъ барщины и помѣщичьяго произвола; онъ смѣлѣе, свободнѣе и самостоятельнѣе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ крестьянина русскаго. Земля ему досталась еще отъ дѣда или прадѣда по праву первоначальнаго завладѣнія, и онъ пользуется ею, не имѣя ни актовъ, ни крѣпостей на владѣніе. Захочется увеличить ему свои пашни, — выберетъ онъ удобную землю, очиститъ ее отъ лѣса, выжжетъ соръ, коренья, и

засѣетъ. Въ Сибири трудно сыскать бездомоваго мужика-бобыля. Обѣднѣвшій отъ пожара, падежа скота или неурожаевъ, идетъ въ наемъ и чрезъ нѣсколько времени поправляется и заводится хозяйствомъ. Деревни въ Забайкальѣ большею частію стоятъ вблизи рѣчекъ и лѣса.

Деревни, находящіяся при большой дорогѣ, пролегающей чрезъ западную часть Забайкалья въ Кяхту, имѣютъ лучшія постройки, сравнительно съ деревнями, находящимися за Яблоновымъ хребтомъ. Тамъ, у жителей менѣе достатка; избы обыкновенно крыты драныо; въ окнахъ нерѣдко встрѣчаются вмѣсто стеколъ кусочки слюды и пузыри; у жителей-же западной части Забайкальской области болѣе довольства, и самъ онъ бойчѣе и смышленнѣе, чѣмъ его собратъ, живущій за Яблоннымъ хребтомъ. Причина понятна: на большой торговой дорогѣ чаще столкновенія съ новыми людьми, проѣзжими изъ Россіи, больше случаевъ добыть лишній рубль. Прежде, особенно же въ то время, когда кяхтинская торговля была въ полной силѣ, т. е. до 1860 года, когда разрѣшенъ въ Россію свободный ввозъ чаю чрезъ Европу, по большой Забайкальской дорогѣ проходило изъ Кяхты и въ Кяхту болѣе милліона пудовъ грузовъ, и жители этой мѣстности имѣли много заработковъ. Теперь грузовъ по торговой до-

Церковь въ станицѣ Олоча (Забайкальской области).

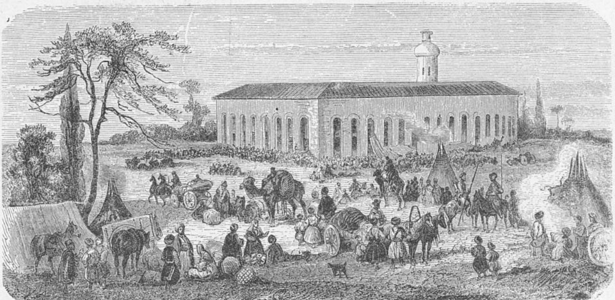
рогѣ проходитъ въ десять разъ менѣе. Впрочемъ, крестьяне этой мѣстности все-таки отличаются благосостояніемъ.

Одежда Забайкальца состоитъ изъ зипуна, темно-коричневаго толстаго сукна съ узкимъ отогнутымъ воротникомъ. Подпоясывается онъ шерстянымъ или нитяннымъ кушакомъ. Голову прикрываетъ шляпой великорусскихъ фабрикъ или домашней работы въ формѣ колпака съ вывернутыми полями. Лѣтняя и осенняя одежда немногимъ отличается отъ одежды великорусскаго крестьянина; но за то зимой онъ своеобразенъ и уже нимало не имѣетъ сходства съ великоруссомъ. Характеристическая шуба сибиряка — доха, изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ, придаетъ ему суровый видъ. Сидитъ, напримѣръ, на козлахъ экипажа ямщикъ въ такой дохѣ; длинная шерсть ея развѣвается отъ вѣтра; на головѣ его тоже раздувается длинная шерсть мохнатой шапки—и думается, что это не ямщикъ сидитъ, а какое-то мохнатое животное. Таково впечатлѣніе, получаемое въ первый разъ при видѣ сибиряка, одѣтаго въ

зимнюю шубу. Носитъ онъ шерстью вверхъ не одну только доху, но часто и шубу изъ собачьихъ шкуръ. Когда такая шуба (особенно изъ черныхъ собакъ) надѣта на немъ, — онъ очень напоминаетъ своего сосѣда, обитателя сибирской тайги—медвѣдя.

Къ похвальной чертѣ сибирячекъ относится опрятность. Зайдешь въ сибирскую избу— и не налюбуешься чистотой. Это не то, что въ избахъ нашихъ россійскихъ крестьянъ, гдѣ грязь, духота и всякая вонь. У сибирячки въ избѣ не только скамьи, столъ, но даже и стѣны всегда чисто вымыты и блестятъ своей чистотой. Точно также къ отличительной чертѣ сибирячекъ относится жеваніе сѣры. Ее жуютъ почти всѣ женщины, даже и очень состоятельныхъ классовъ. Сѣру добываютъ изъ лиственичнаго дерева и топятъ на огнѣ. Кирпичный чай любимое питье сибиряковъ. Всѣ обитатели Забайкалья, Русскіе и инородцы, мужчины, и женщины и дѣти — всѣ пьютъ кирпичный чай. Его варятъ съ молокомъ, часто съ примѣсью соли и масла. Въ классахъ менѣе состоятельныхъ кирпичный чай съ чернымъ хлѣбомъ служитъ часто единственной пищею всей семьи, замѣняя обѣдъ, ужинъ и завтракъ.

Кромѣ земледѣлія, скотоводства и охоты (преимущественно на бѣлокъ) Забайкальскіе крестьяне занимаются извозомъ, рубкой дровъ, косьбой сѣна. До 1860 года, пока кяхтинская таможня не была переведена въ Иркутскъ, крестьяне, живущіе вблизи китайской границы, промышляли и контрабандой, конечно не всѣ, но, во всякомъ случаѣ, число ихъ было весьма значительно. Къ домашнимъ производствамъ Забайкальскихъ жителей относится выдѣлка сукна изъ шерсти овецъ. Сукно это очень низкаго качества и употребляется на крестьянскіе армяки. Кромѣ того, женщины прядутъ нитки, ткутъ холсты и выдѣлываютъ изъ грубой шерсти и нитокъ половики, раскрашивая ихъ въ разные цвѣта. Краски даютъ дикорастущій подмаренникъ и кора сибирской ольхи. Зеленую краску добываютъ изъ травы зеленицы. Въ большомъ селеніи Кабанскомъ, отстоящемъ на 50 верстъ отъ Байкала, по дорогѣ къ Верхне-

Гостиный дворъ въ Нерчинскѣ.

удинску, выдѣлываются изъ березоваго корня трубки, украшаемыя металлической мозаикой. Трубки эти извѣстны по своей необыкновенной прочности, и, выдѣлываясь въ небольшомъ количествѣ, онѣ продаются по сравнительно дорогой цѣнѣ: отъ 3 до 5 руб. за штуку.

Въ Забайкальѣ осенью, по большей части, дни стоятъ ясные, сухіе, съ легкимъ холодомъ, дожди если и бываютъ, то непродолжительные. Осенній холодъ незамѣтно, день ото дня, увеличивается и наступаетъ затѣмъ зима съ своими трескучими морозами. Снѣгу выпадаетъ немного, сравнительно, напримѣръ, съ количествомъ снѣговъ, выпадающихъ въ Западной Сибири, гдѣ снѣжные сугробы достигаютъ до нѣсколькихъ саженъ въ вышину. Въ За-

байкальѣ, и особенно въ южной его части, бываютъ нерѣдко безснѣжныя зимы. Какъ у Бурятъ, такъ и у зажиточныхъ русскихъ, владѣющихъ иногда десятками тысячъ головъ скота, скотъ этотъ (лошади и рогатыя животныя) всю зиму питается ветошью, которую, иногда, съ трудомъ добываетъ копытами изъ подъ снѣга. Если зима бываетъ снѣжная и бурная (съ частыми вѣтрами) и къ веснѣ сдѣлается гололедица, то цѣлыя тысячи головъ скота гибнутъ отъ стужи и голода. Въ области шесть городовъ: Нерчинскъ, Чита, Верхнеудинскъ, Баргузинъ, Селенгинскъ и Троицкосавскъ, съ торговой слободой Кяхтой.

Нерчинскъ расположенъ по берегу рѣчки Нерчи, впадающей въ 4 верстахъ отъ города въ Шилку. Основаніе городу положилъ сотникъ Бекетовъ въ 1654 году, по приказанію воеводы Пашкова. Нерчинскій острогъ назывался прежде Нелюдскимъ, по имени Нелюдовъ, какъ называли русскіе тунгусовъ. Воеводѣ Пашкову поручено было «исполнить во всей точности» его же собственное представленіе, въ которомъ онъ доносилъ, что для упроченія Амура, гдѣ геройствовалъ Ерофей Хабаровъ, необходимо утвердиться на берегахъ Шилки.

Съ основаніемъ Нерчинска стало группироваться здѣсь населеніе, и вокругъ него появились села, развелось хлѣбопашество, звѣроловство, завелись торговыя сношенія. Въ 1689 г. Нерчинскъ былъ мѣстомъ съѣзда для заключенія съ Китайцами извѣстнаго Нерчинскаго трак-

Видъ прежней базарной площади въ Нерчинскѣ.

тата. Въ 1690 г., окольничій Головинъ, заключившій этотъ трактатъ, построилъ вмѣсто острога крѣпость, и съ тѣхъ поръ Нерчинскъ значится въ актахъ подъ именемъ города. Въ 1697 году учреждена была въ Нерчинскѣ таможня, въ виду начавшихся тогда торговыхъ сношеній съ Китайцами. Въ 1708 г. Нерчинскъ причисленъ къ Сибирской губерніи; въ 1719 г.—къ Тобольской; въ 1764 г.—къ Иркутской; въ 1783 г. назначенъ областнымъ городомъ Нерчинской области. Въ 1805 г. сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Иркутской губерніи и въ 1851 г. назначенъ областнымъ городомъ Забайкальской области.

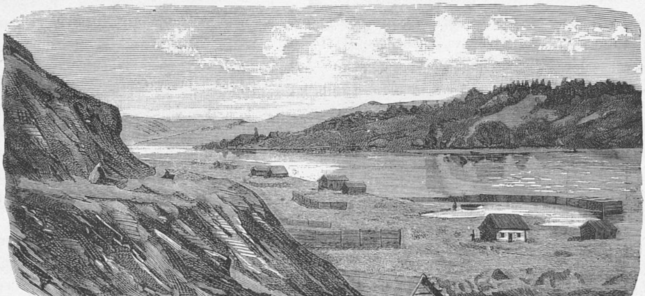
Первая торговля Русскихъ съ Китайцами, со второй половины XVII столѣтія, какъ сказано выше, велась чрезъ Нерчинскъ. Отсюда ходили въ Китай караваны съ товарами отъ казны и частныхъ лицъ.

Городъ сначала былъ расположенъ у самаго берега Шилки, но частыя наводненія заставили жителей перемѣнить мѣсто, и съ 1812 г. началось перенесеніе построекъ изъ стараго Нерчинска на болѣе высокое мѣсто, получившее потомъ названіе Новаго Нерчинска. Теперь отъ стараго, когда-то славнаго, Нерчинска сохранилось на берегахъ Шилки только нѣсколько небольшихъ домиковъ, сильно постарѣвшихъ отъ времени, да ветхая церковь, которая была освящена въ 1727 году. Эта церковь находилась когда-то внутри крѣпости, имѣвшей по тогдашнему обыкновенію высокія бревенчатыя стѣны (бревна были вбиты въ землю вертикально и плотно одно къ другому); теперь она только напоминаетъ о минувшей старинѣ. Около этой церкви, среди другихъ могилъ, сохранилась могила воеводы Муссина-Пушкина,

при которомъ былъ выстроенъ Нерчинскій заводъ съ плавкой серебряныхъ рудъ (въ 1700 году).

Новый Нерчинскъ въ настоящее время имѣетъ до 4 т. жителей; въ немъ центръ торговли обширнаго Нерчинскаго края. Тѣмъ не менѣе, городъ пустынный и на улицахъ едва замѣтно движеніе, исключая февраля, когда сюда приходятъ товары. На главной улицѣ построенъ каменный гостиный дворъ съ теплыми помѣщеніями. На южномъ концѣ горы, у подошвы берегового ската Нерчи, находится родникъ, снабжающій городъ хорошей холодной водой. Вода накопляется въ бассейнъ, надъ которымъ построена часовня, въ видѣ домика, убраннаго внутри образами. Въ 1868 г., въ память Айгунскаго договора съ Китаемъ, по которому пріобрѣтенъ Амурскій край, открыто въ Нерчинскѣ женское училище и названо Софійскимъ, въ честь покойной жены основателя училища (купца Бутина).

Въ гостиномъ дворѣ Нерчинска производится только розничная продажа товаровъ; оптовая торговля имѣетъ особыя помѣщенія при домахъ главныхъ капиталистовъ города. Въ шести-семи домахъ первоклассныхъ торговыхъ дѣятелей Нерчинска ведется дѣло на сотни тысячъ рублей. Годовой уловъ пушного звѣря, добываемаго въ Нерчинскомъ округѣ, поступаетъ въ руки этихъ капиталистовъ и ими сбывается уже въ Россію. Купцы торгуютъ, какъ и вездѣ, товарами привозными и мѣстными. Изъ Россіи получаются вина, сахаръ, леденецъ, шелковыя матеріи, полотна, бумага, табакъ, ситцы. Изъ Кяхты сюда идетъ чай, сахаръ, леденецъ, китайка, дȧба, шелковыя ткани. Къ 10 февраля приходятъ въ Нерчинскъ товары съ Нижегородской ярмарки, а къ 20 съ Верхнеудинской. Къ этому времени начинается полное развитіе торговли. Собираются въ Нерчинскъ торговцы съ Ингоды, Шилки, Куенги изъ горныхъ заводовъ—торгующіе казаки. Всѣ они набираютъ себѣ товары для торговли и, цѣлыми

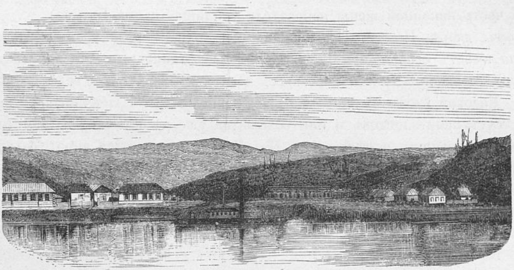

Бывшій Шилкинскій серебряный заводъ.

возами, отправляютъ ихъ по станицамъ. Сословіе торгующихъ казаковъ образовалось въ недавнее время, когда правительство начало отпускать значительныя суммы для Амурскихъ заготовленій...

Пониже Нерчинска, въ Шилку впадаетъ множество золотоносныхъ рѣчекъ, текущихъ съ Яблоновыхъ горъ. На югѣ, за Шилкой, въ 10 верстахъ отъ Нерчинска, проходятъ горы Урульгинскаго хребта, покрытыя лѣсами. Этотъ хребетъ замѣчателенъ по обилію въ немъ цвѣтныхъ камней. Онъ имѣетъ до 65 верстъ въ длину и тянется до сліянія рѣки Шилки и Аргуни, т. е. до начала р. Амура. Изъ цвѣтныхъ камней въ немъ болѣе другихъ встрѣчаются аквамарины, горный хрусталь, топазы, малиновый гранатъ, бериллы золотистаго цвѣта, аметисты и друг.

Подъ Нерчинскимъ горнымъ округомъ разумѣется собраніе горныхъ заводовъ, свинцовыхъ, серебряныхъ рудниковъ и золотыхъ пріисковъ, лежащихъ въ Забайкальской области и принадлежащихъ вѣдомству кабинета Его Величества. Отъ города Нерчинска заводы отстоятъ на 200—300 верстъ. Заводы разбросаны, преимущественно, въ Нерчинскихъ горахъ, въ мѣстности, лежащей между Шилкой и Аргунью. Впрочемъ, опредѣленныхъ границъ территорія горнаго округа не имѣетъ. Первыя свѣдѣнія о рудныхъ мѣсторожденіяхъ нынѣшняго Нерчинскаго края дошли еще въ 1676 г. до Тобольскаго воеводы Шереметьева, который снарядилъ въ 1702 г. экспедицію подъ начальствомъ казацкаго головы Самойла Лисковскаго. Добыча серебра началась съ устройства Нерчинскаго завода въ 1704 г. Первые присланные

Гавань Муравьева на Шилкѣ.

сюда люди, знакомые съ горнымъ дѣломъ, были греки, между которыми Левандіанъ оказалъ особенно много услугъ въ этихъ работахъ. Въ 1722 г. было открыто въ Нерчинскомъ округѣ присутствіе золота. Нерчинскіе заводы, подобно Алтайскимъ, въ прежнія времена имѣли приписныхъ крестьянъ, которые съ 1851 г., съ упадкомъ горнаго промысла (вслѣдствіе истощенія или малаго содержанія рудниковъ), обращены, со всѣми принадлежащими имъ землями, въ казачье вѣдомство. Затѣмъ, при заводахъ состояли еще горнозаводскіе рабочіе, но въ 1863 г. горнозаводскіе люди освобождены и надѣлены землей. Нынѣ работы производятся отчасти ссыльнокаторжными, отчасти вольнымъ наймомъ. Ссыльные получаютъ ежемѣсячно паекъ и два рубля; мастеровые получаютъ ежедневно по 15 копѣекъ. Работающіе въ рудникахъ имѣютъ въ мѣсяцъ недѣлю отдыха.

Первое время разработкой богатствъ края занималась только казна; весь край подвергнутъ былъ запрещенію, не позволялось искать даже драгоцѣнныхъ камней въ горахъ. Въ настоящее время запрещеніе снято, и люди, падкіе до быстрой наживы, пускаются больше всего въ отыскиваніе золота.

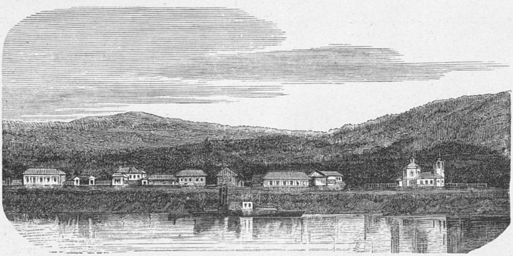
Изъ дѣйствующихъ прежде семи нерчинскихъ горныхъ заводовъ (Нерчинскій, Кутомарскій, Екатерининскій, Дучарскій, Александровскій, Шилкинскій и Петровскій), нынѣ дѣйствуютъ только два: Кутомарскій, серебряный, и Петровскій, чугунный и желѣзо-дѣлательный. Крестьяне, принадлежавшіе прежде горнымъ заводамъ и обращенные потомъ, за прекращеніемъ на нихъ работъ, въ пѣшіе казачьи батальоны, живутъ весьма состоятельно. Несмотря на то, что работы на вышеупомянутыхъ заводахъ прекращены, они до сихъ поръ сохранили свое прежнее названіе «заводъ». Изъ нихъ болѣе другихъ населенные: Нерчинскій и Шилкинскій.

Шилкинскій заводъ тянется двумя рядами домовъ по лѣвому берегу Шилки, при устьѣ рѣчки Чалбучи, текущей съ Яблоновыхъ горъ. Заводъ раздѣляется на двѣ части — верхнюю,

называемую Кокуемъ, и нижнюю—Большую. Части раздѣлены Чалбучинской долиной. Въ нижней части находится церковь и болѣе красивые дома. Шилкинскій заводъ былъ прежде средоточіемъ Нерчинскаго горнаго округа. Здѣсь развилась значительная промышленность. На лѣвомъ берегу Чалбучи расположенъ плавильный заводъ; въ прежнее время тутъ добывалось серебро и свинецъ, но за ничтожнымъ содержаніемъ руды и съ открытіемъ богатыхъ золотыхъ пріисковъ на Карѣ, работы прекращены. Вблизи плавильнаго завода находится казенный стекольный, впрочемъ очень плохой. Вблизи стекольнаго — кожевенный заводъ, хотя и этотъ тоже выработкой кожъ не можетъ похвалиться. Кожу дубятъ березовой корой.

На лѣвомъ берегу горнаго ручья Людикана, впадающаго въ Шилку, расположенъ Екатерининскій рудникъ, заложенный въ 1775 году. Немного ниже ручья Тиганъ, вливающагося въ Шилку съ правой стороны, находится Точильная гора, изъ которой окрестные жители добываютъ оселки. Большая часть рѣчекъ, вливающихся въ Шилку, хранитъ въ себѣ, какъ сказано выше, золотоносныя розсыпи, и на рѣчкѣ Багача, вливающейся въ Шилку съ лѣвой стороны, производятся розыски золотого песку. Отъ небольшого ручья Юніи, впадающаго въ Шилку съ правой стороны, береговой откосъ состоитъ изъ разноцвѣтныхъ слоевъ глинистаго сланца; отъ этого онъ кажется полосатымъ и получилъ названіе Полосатой горы.

Не такъ давно поисковыя партіи открыли золото при Газимурѣ, при Средней Горзѣ, на лѣвомъ берегу Шилки, близъ Горбинокъ и если въ нѣсколькихъ мѣстахъ есть уже и выработанные пріиски, то такіе, изъ которыхъ золото все уже извлечено. Самые же богатые содержаніемъ золота считаются въ нерчинскомъ округѣ Карійскіе пріиски.

Село Срѣтенское Нерчинскаго округа.

Золотоносная р. Кари впадаетъ въ р. Шилку въ 15 верстахъ выше Шилкинскаго завода и славится своими богатствами. Розсыпь эта открыта въ 1838 г. урядникомъ Сѣнотрусовымъ. Изъ Карійскихъ розсыпей золото добывается самой высокой пробы. До разработки Карійскихъ розсыпей долина р. Кари была пустынной и дикой; теперь же тамъ нѣсколько селеній, и Усть-Карійское, расположенное въ чрезвычайно благопріятной мѣстности, отличается промышленной и торговой своей дѣятельностью и зажиточностью своего населенія. На Усть-Карѣ находятся главные склады всѣхъ вообще грузовъ, направленныхъ какъ на Карійскіе, такъ и на прилегающіе къ нему Лунханкинскіе другіе промыслы. Разработка карійскихъ розсыпей на протяженіи 15 верстъ первоначально производилась ссыльно-каторжными, а теперь большая часть рабочихъ принадлежитъ къ вольнонаемнымъ. Золотой песокъ, по окончаніи осеннихъ работъ, отправляютъ въ Керченскую Лабораторію, гдѣ сплавляется въ слитки и оттуда, вмѣстѣ съ драгоцѣнными металлами, добываемыми въ Нерчинскихъ казенныхъ рудникахъ, отпрявляется въ Петербургъ.

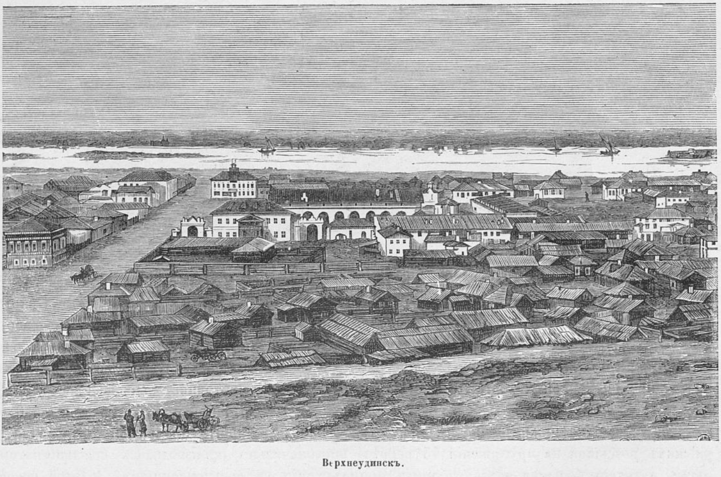
Послѣ Нерчинска въ области имѣетъ значеніе городъ Верхнеудинскъ; но, сохраняя по-

слѣдовательность въ описаніи городовъ Забайкалья, необходимо прежде сказать о городѣ Читѣ, находящемся между этими двумя городами. Этотъ городъ отъ Нерчинска отстоитъ на 280

Скалистая дорога близъ Срѣтенска.

верстъ и отъ Верхнеудинска на 300 верстъ. Путь отъ Нерчинска до Читы—это рядъ горъ, одна другой выше, и утомителенъ до крайности. Зимою этотъ путь значительно удобнѣе: тогда нѣтъ надобности тащиться по горамъ и бояться за свою жизнь при спускахъ подъ горы.

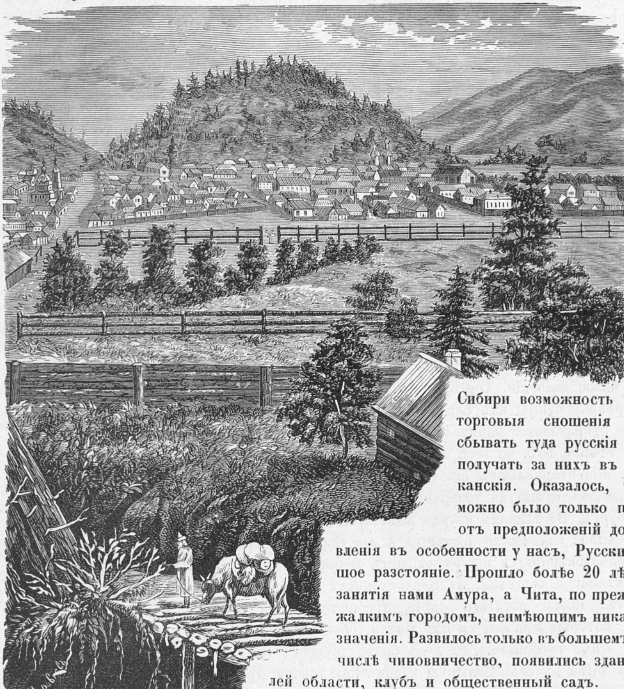

Верхнеудинскъ.

Зимою ѣздятъ по льду рѣкъ; зимній путь нѣсколько длиннѣе по разстоянію, но за то, конечно, не сравнимъ по своимъ удобствамъ.

Чита имѣетъ значеніе только по средоточію въ немъ съ 1851 г. присутственныхъ мѣстъ Забайкальской области и пребыванію губернатора. Торговаго значенія городъ не имѣетъ и

весьма мало населенъ. Со времени занятія Амура, Чита нѣсколько оживилась и стали появляться въ ней кой-какіе новенькіе домики. Городъ расположенъ по берегу рѣки Читы, въ полуверстѣ отъ ея устья, на песчаномъ уступѣ между лѣсистымъ скатомъ лѣваго берега рѣки и низменной его окраиной, почти вездѣ поросшей ивами березками. Улицы въ городѣ прямыя, широкія. Жителей въ Читѣ около двухъ съ половиною тысячъ душъ. Когда то, именно въ первые годы по занятіи Амура, Читѣ предсказывали хорошую будущность, какъ мѣсту, чрезъ которое должна пролегать большая торговая дорога въ Амурскій край. Тогда ждали, что пріобрѣтеніе Амура дастъ Сибири возможность имѣть прямыя торговыя сношенія съ Америкой, сбывать туда русскія произведенія и получать за нихъ въ обмѣнъ американскія. Оказалось, что объ этомъ можно было только предполагать, а отъ предположеній до ихъ осуществленія въ особенности у насъ, Русскихъ, очень большое разстояніе. Прошло болѣе 20 лѣтъ со времени занятія нами Амура, а Чита, по прежнему, остается жалкимъ городомъ, неимѣющимъ никакого торговаго значенія. Развилось только въ большемъ, чѣмъ прежде, числѣ чиновничество, появились зданія для правителей области, клубъ и общественный садъ.

Чита.

Окрестности Читы имѣютъ живописный видъ. Рѣка Чита впадаетъ въ Ингоду. Береговые скаты рр. Читы и Ингоды, большею частью, покрыты лиственнымъ лѣсомъ; мѣстами березами. Въ глубокихъ оврагахъ, между кустами рододендровъ и мховъ, выглядываютъ обломки скалъ изъ сѣраго гранита. Весною р. Чита имѣетъ широкій разливъ, и въ это время по ней отправляются баржи съ грузами на Амуръ; въ другое время она не судоходна.

Еще менѣе значенія имѣетъ окружный городъ Баргузинъ. Въ немъ менѣе тысячи жителей. Городъ этотъ оживляется лѣтомъ, такъ какъ по близости его находятся Туркинскія минеральныя воды, о которыхъ мы говорили выше. Большого вниманія заслуживаетъ Верхнеудинскъ, окружный городъ Забайкальской области, находящійся на правой сторонѣ р. Уды, при впаденіи ея въ Селенгу.

Путь отъ Читы до Верхнеудинска пролегаетъ по степямъ. Въ этихъ степяхъ, такъ сказать, бурятское царство съ его табунами скота и необъятными пространствами, по которымъ кочуютъ буряты. Большая торговая дорога изъ Россіи въ Кяхту оставляетъ Верхнеудинскъ въ лѣвой сторонѣ. Впрочемъ оффиціально почтовый трактъ пролегаетъ чрезъ Верхнеудинскъ, но всѣ грузы и частные пассажиры, ѣдущіе въ Кяхту, минуютъ этотъ городъ, такъ какъ есть прямая дорога мимо него, сокращающая путь на двадцать верстъ. За то Верхнеудинскъ не можетъ миновать никто изъ ѣдущихъ въ Читу и далѣе, въ Нерчинскъ, на Амуръ: Верхнеудинскъ стоитъ на перепутьи и предлагаетъ проѣзжающему у себя отдыхъ. Не Богъ вѣсть что онъ можетъ предложить: комнату на почтовой станціи, самоваръ; пожалуй нумеръ въ жаркой и грязной гостиницѣ съ невообразимой, по своей неряшливости, обстановкой,—и только. Верхнеудинскъ, однако, городъ старинный. Онъ основанъ въ 1649 г., т. е. за пять лѣтъ до основанія Нерчинска. Въ 1775 г. Верхнеудинскъ сталъ провинціальнымъ городомъ, а въ 1783 г.—уѣзднымъ. Городъ распланированъ правильно, имѣетъ широкія улицы и раздѣляется на городскую и слободскую части. Съ 1-го февраля по 1-е марта въ немъ бываетъ значительная ярмарка, существующая съ 1780 года. На эту ярмарку привозятся товары изъ Россіи осеннихъ закуповъ, предназначаемые, впрочемъ, не для одной только Верхнеудинской ярмарки, но и для другихъ городовъ Забайкалья. Оптовый торгъ ими ведутъ на ярмаркѣ только сибирскіе купцы, большею частью иркутскіе и забайкальскіе. Изъ Россіи же наѣзжаютъ на эту ярмарку купцы только для закупа пушнаго товара. Оптовая торговля мануфактурными товарами въ Забайкальѣ давно уже сосредоточилась въ нѣсколькихъ рукахъ мѣстныхъ торговцевъ, закупающихъ товары въ Москвѣ и распродающихъ ихъ въ городахъ области, въ теченіе цѣлаго года. По этому для торга мануфактурными товарами Верхнеудинская ярмарка имѣетъ весьма малое значеніе. Торговля пушными гораздо важнѣе. Для закупа ихъ пріѣзжаютъ часто на эту ярмарку купцы изъ Европейской Россіи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что много пушнаго товара отправляется капиталистами Забайкалья прямо въ Россію.

Скупая въ теченіи года во всей области пушной товаръ непосредственно отъ звѣропромышленниковъ, они отправляютъ его сначала на Ирбитскую ярмарку, гдѣ или продаютъ московскимъ торговцамъ пушными товарами, или отправляютъ эти товары далѣе: въ Казань, Москву, Петербургъ. Во всякомъ случаѣ всей пушной добычи цѣлаго года не отправляется въ Ирбитъ. Не малое количество достается и для Верхнеудинской ярмарки, особенно въ тѣ года, когда добыча звѣриныхъ шкуръ бываетъ значительная. Прежде, въ цвѣтущіе годы существованія кяхтинской торговли, въ Верхнеудинскѣ торговыя дѣла были оживленнѣе. Громадное количество кожъ рогатаго скота требовалось для Кяхты; въ нихъ обшивали чайные ящики, которые привозятся изъ Китая, обыкновенно, только въ камышевыхъ укупоркахъ. Кожъ этихъ требовалось въ годъ болѣе двухсотъ тысячъ, и Верхнеудинская ярмарка сосредоточивала тогда въ себѣ большую массу этого товара. Теперь кожами торгъ значительно упалъ. Забайкальскіе кожевенные заводы хотя и вырабатываютъ кожи, но только для мѣстныхъ потребностей. Юфть, выдѣлываемая на нихъ, не высокаго качества и хотя идетъ въ Китай въ обмѣнъ на чаи байховый и кирпичный, но въ незначительномъ количествѣ.

Верхнеудинскъ принадлежитъ къ самымъ красивымъ изъ мелкихъ городовъ Сибири. Особенно красиво его мѣстоположеніе. Жителей въ немъ до трехъ тысячъ душъ. Къ югу отъ этого города, по дорогѣ въ Кяхту, въ восьмидесяти верстахъ разстоянія отъ Верхнеудинска и въ такомъ же разстояніи отъ Кяхты, находится городъ Селенгинскъ, точно также какъ Нерчинскъ, раздѣлившійся на старый и новый городъ. Старый Селенгинскъ расположенъ на правомъ берегу р. Селенги. Это заштатный городъ Забайкальской области, Верхнеудинскаго округа. Основаніе его относится къ 1666 г., когда здѣсь построенъ былъ острогъ. Съ 1685 г. до 1783 г. городъ былъ уѣзднымъ, потомъ упраздненъ, и въ 1822 г. приписанъ къ Верхнеудинскому округу Иркутской губ. Заселеніе Селенгинска началось со времени заключенія Нер-

чинскаго трактата съ Китаемъ. Въ 1688 году Селенгинскъ осаждали буряты, но были разбиты отрядомъ посла Головина и не рѣшались болѣе противиться завоевателямъ. Большая же часть стрѣльцовъ, сопровождавшихъ Головина, въ числѣ 500 человѣкъ, поселилась по р. Селенгѣ и ея притокамъ. Селенгинскъ построенъ узкой полосой по берегу рѣки Селенги и окруженъ песчаными горами и холмами, частью голыми, частью покрытыми лѣсомъ и перерѣзанными глубокими рытвинами, по которымъ вода тающихъ снѣговъ весной стекаетъ въ Селенгу. Мѣстоположеніе крайне невыгодное. Песокъ, сдуваемый вѣтромъ, засыпаетъ городъ; тающій снѣгъ окрестныхъ горъ затопляетъ его. Эта невыгодность положенія города побудила жителей переселиться на новое мѣсто, версты на три выше стараго города, на лѣвомъ берегу р. Селенги. Но и новое мѣстоположеніе нельзя признать хорошимъ: почва каменистая, мѣсто высокое, открытое вѣтрамъ. Только нѣкоторые жители рѣшились перенести свои дома изъ стараго города. Многіе остались на прежнемъ мѣстѣ, пока жилища ихъ совсѣмъ не разрушатся (новыя съ перемѣщеніемъ города строить не дозволяется). Въ былыя времена Селенгинскъ былъ торговымъ городомъ, въ немъ стоялъ гарнизонъ и жилъ комендантъ. Теперь въ немъ квартируетъ только артиллерійская полурота.

Въ Забайкальской области находятся три мужскіе монастыря: Троицкій, Посольскій и Чикойскій. Всѣ они бѣдны средствами и имѣютъ очень малое число монаховъ. Посольскій нѣсколько состоятельнѣе другихъ. Онъ находится на южномъ берегу Байкала и имѣетъ до двадцати человѣкъ братіи. Монастырь этотъ основанъ въ 1667 г. въ память русскаго посла Заблоцкаго, ѣхавшаго въ Китай и убитаго на берегу Байкала бурятами. Троицкій монастырь построенъ ранѣе Посольскаго и составлялъ въ давнее время первое духовное учрежденіе въ Забайкальѣ. Нѣсколько монаховъ этого монастыря были основателями Посольскаго, верстахъ въ пятидесяти по дорогѣ къ Верхнеудинску. Въ Троицкомъ братіи не болѣе десяти человѣкъ.

Посольскій монастырь имѣетъ нѣкоторыя средства: у него есть свои рыбныя ловли, скотоводство, кой-какіе, хотя и незначительные доходы отъ требъ для жителей селенія Посольскаго, находящагося вблизи монастырскихъ стѣнъ. Кромѣ того, мѣстоположеніе монастыря на самомъ берегу бурнаго озера увеличиваетъ, въ нѣкоторой степени, монастырскіе доходы. Отправляясь въ путь по Байкалу на своемъ утломъ суденышкѣ, судохозяева доставляютъ монастырю доходы молебнами, которые тутъ же, около берега, и служатъ монахи въ часовнѣ, нарочно для этого ими устроенной и имѣющей снаружи утѣшающую надпись: «Обуреваемыхъ тихое пристанище». Ничего подобнаго Троицкій монастырь не имѣетъ, и уныло смотрятъ его покосившіяся стѣны, доживая свой вѣкъ.

Чикойскій монастырь находится въ значительномъ отъ этихъ двухъ разстояніи, верстъ до трехъ сотъ. Онъ построенъ въ горахъ, пролегающихъ по рѣкѣ Чикою. Основанъ онъ сравнительно въ недавнее время, лѣтъ пятьдесятъ, шестьдесятъ тому назадъ, какимъ-то пустынникомъ. Имя этого пустынника Варлаамъ. Монастырь находится въ очень высокихъ горахъ, окруженъ лѣсомъ, и виды въ его окрестностяхъ необычайно живописны. Монастырскія постройки лѣпятся въ ложбинѣ высокихъ горъ, высясь одна надъ другою. Построекъ немного—нѣсколько келій, два-три зданія монастырскихъ службъ, небольшой домикъ для богомольцевъ—и только. Для облегченія пути отъ одной келіи къ другой и отъ келій къ церкви устроены лѣстницы. Не будь этихъ лѣстницъ, то трудно было бы карабкаться по горнымъ крутизнамъ. Дорога, ведущая къ монастырю, крутая, каменистая и недоступная для ѣзды въ тяжелыхъ экипажахъ. Воду имѣетъ монастырь изъ горнаго ручейка, холодную, чистую, какъ хрусталь. Ищущимъ уединенія лучшаго мѣста трудно найдти; однакожъ, любителей хотя и живописнаго, но все-таки пустыннаго мѣста оказалось немного: прежде, тому назадъ лѣтъ двадцать, въ монастырѣ этомъ было до десяти человѣкъ братіи, а теперь, кажется, только пятеро. Вообще, въ Забайкальѣ, какъ и во всей Сибири, монашество не привилось.

Въ заключеніе сообщимъ статистическія свѣдѣнія о количествѣ и приращеніи населенія

въ Забайкальской области, собранныя мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ. При этомъ не можемъ не замѣтить, что статистическій комитетъ, существующій нѣсколько лѣтъ въ Забайкальѣ, не приложилъ до сихъ поръ труда къ собиранію точныхъ статистическихъ свѣдѣній и ограничивается въ этомъ дѣлѣ такими устарѣвшими пріемами, которые уже давно признаны

Чикойскій монастырь.

несостоятельными. По собраннымъ этимъ комитетомъ даннымъ можно судить о количествѣ и приращеніи населенія области только приблизительно. Приведемъ здѣсь цифры за слѣдующіе три года: Въ 1858 г. населенія въ области было: 179,765 мужчинъ и 172,769 женщ.—всего 352,534 душъ; въ 1865 г. было 218,897 мужч. и 194,612 женщ.—всего 413,509 душъ; въ 1872 году общее населеніе Забайкальской области было показано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ въ 451,116 душъ. Въ этомъ почти полумилліонномъ населеніи находится, по крайней мѣрѣ, на половину бурятъ, кочующихъ по Забайкальскимъ степенямъ и частію осѣдлыхъ.

Д. Стахѣевъ.

ОЧЕРКЪ X.

ССЫЛКА И ССЫЛЬНЫЕ ВЪ СИБИРИ.

Начало ссылки и ея исторія. — Какъ препровождаютъ ссыльныхъ. — Число ссыльныхъ, направляемыхъ въ Сибирь на поселеніе и на каторгу.—Категоріи ссыльныхъ.—Сибирская каторга.—Нерчинскіе заводы, солеваренные заводы, рудники, пріиски.—Условія содержанія въ нихъ. — Тюремный бытъ. — Побѣги ссыльныхъ. — Бродяжество въ Сибири — Нравы бродягъ и ихъ корпораціи. — Неудобства ссылки и необходимыя измѣненія въ ней.

«Старый това ищъ бѣжать пособилъ;
Ожилъ я, волю почуя!...
Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь!..
Горная стража меня не видала,
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала».

(изъ пѣсни бѣглыхъ).

Палатка казацкаго атамана.

Какъ давно уже Сибирь славится, какъ страна ссылки. Ссылка въ Сибирь получила начало въ 1593 г., при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Первыми ссыльными въ Сибирь были виновные въ убійствѣ Царевича Дмитрія, т. е. граждане Углича, отправленные Борисомъ Годуновымъ въ Пелымъ. Колоколъ, въ который звонили, созывая жителей, былъ также сосланъ въ Тобольскъ. По распоряженію архіепископа Варлаама, на немъ вырѣзана надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго Царевича Димитрія, присланъ изъ города Углича въ Сибирь, въ ссылку, въ городъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостивѣйшаго Спаса». По народному преданію, «онъ былъ битъ кнутомъ съ вырываніемъ недостающаго у него уха». Позднѣе, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, указомъ 20-го октября 1653 г. было опредѣлено смертную казнь для воровъ и разбойниковъ замѣнить наказаніемъ кнутомъ съ отсѣченіемъ перста у лѣвой руки и ссылкою въ сибирскіе понизовые и окраинные города съ женами и дѣтьми; другимъ-же указомъ постановлено «денежнаго дѣла воровъ и мастеровъ Государь пожаловалъ казни имъ не чинить, а ссылать въ Сибирь на вѣчное житье съ женами и дѣтьми».

Такимъ образомъ, въ нашемъ древнемъ уголовномъ кодексѣ ссылка является смягчающимъ наказаніемъ, что законодатель и опредѣляетъ словомъ «пожалованіемъ». Съ тѣхъ поръ ссылка въ Сибирь болѣе и болѣе замѣняетъ прежнія суровыя наказанія. Въ 1669 году ее начинаютъ примѣнять еще въ большихъ размѣрахъ, и она является дополнительнымъ наказаніемъ въ тѣхъ

случаяхъ, въ которыхъ по «Уложенію» назначалась ссылка въ отдаленные города, именно— для гулящихъ людей, т. е. бродягъ, для воровъ, укрывателей воровъ, перекупщиковъ и хранителей краденнаго, для подозрѣваемыхъ, но неуличенныхъ въ разбоѣ, если они не одобряются обществами и не принимаются на поруки, для тѣхъ, кто наѣдетъ съ лошадьми на беременную женщину, не причинивъ ей смерти, но будетъ причиною выкидыша. Въ 1679 году царь Ѳедоръ продолжалъ замѣнять ссылкою казни и окончательно ввелъ ее для воровъ; онъ указалъ «всѣхъ воровъ, которые пойманы будутъ и которымъ за ихъ воровство доведется чинить казнь (сѣчь руки, ноги), и тѣмъ ворамъ рукъ и ногъ, и двупальцевъ не сѣчь, а ссылать ихъ на пашню, съ женами и дѣтьми, на вѣчное житіе». Въ 1683 г., однако, появилось разъясненіе указа, и вмѣсто, пальцевъ, приказано рѣзать уши и ссылать. Указомъ 1691 г. смертная казнь замѣнена ссылкою для воровъ, попавшихся трижды въ воровствѣ, и для пойманныхъ дважды въ нищенствѣ и бродяжествѣ; ссылка, конечно, сопровождалась битьемъ кнутомъ. Частое изданіе новыхъ указовъ, содержаніемъ своимъ, повидимому, нисколько неотличавшихся отъ прежнихъ, объясняется тѣмъ безотраднымъ положеніемъ, въ какомъ находилась Россія въ XVII ст. Бѣдность, непрочная осѣдлость народа, начало прикрѣпленія къ землѣ, поборы, взыскиваемые силою, обиранье боярами нищихъ, кривой судъ и притѣсненія воеводъ, постоянныя несчастія и неурожаи, моровое повѣтріе,— все это заставляло народъ бродить, отыскивая мѣста, гдѣ-бы жилось попривольнѣе. Народъ уходилъ въ Украину, въ казаки и толпами бродилъ съ мѣста на мѣсто, не зная, гдѣ остановиться; спасаясь отъ голодной смерти, онъ укрывался въ дремучихъ лѣсахъ, и тамъ составлялъ шайки, избиравшія своимъ промысломъ разбой. Въ эти шайки поступали преимущественно холопы, которыми наполнялись дома знатныхъ и богатыхъ бояръ. Во время голода, господа, находя обременительнымъ кормить своихъ слугъ, выгоняли ихъ отъ себя; число бѣглыхъ увеличивалось опальными людьми и преступниками.

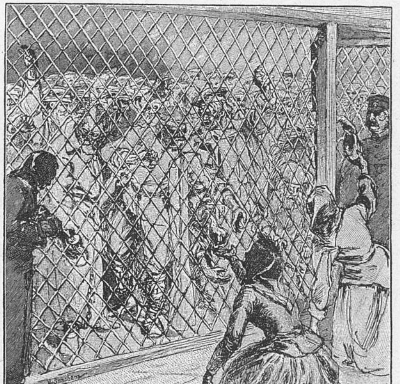

Прощаніе съ родными.

Число разбойничьихъ шаекъ постепенно увеличивалось; они грабили вездѣ и являлись даже подъ Москвою; онѣ были такъ многочисленны и дѣйствовали такъ смѣло и рѣшительно, что противъ нихъ вынуждены были высылать войска, какъ, напримѣръ, противъ шайки Хлопки Косолапа, съ которымъ сражался воевода Басмановъ. Время самозванцевъ и междуцарствія вызвало движеніе по всей Россіи: казаки, явившіеся въ Россію, бѣглые преступники, бродяги всякаго рода увеличивали смуты, разбойничали и нападали на мирныхъ жителей. Крестьяне жаловались повсюду и посылали челобитныя царю, что «жить имъ не вмоготу», что «неизвѣстные люди приходятъ къ нимъ, грабятъ ихъ имущество и убиваютъ ихъ, почему они принуждены сами разбродиться врознь и дворишки бросать». Страдали не одни села: и въ городахъ грабители — разбойники нападали на прохожихъ, врывались въ дома, убивали хозяевъ и забирали ихъ имущество. Результаты насильственнаго закрѣпощенія людей начинали

сказываться, и акты этого времени наполнены ссылками бѣглыхъ; дѣлами о грабежахъ и разбояхъ были переполнены приказы сыскныхъ дѣлъ и разбойный. Правительство, озадаченное такими явленіями, прибѣгало въ первое время къ жестокимъ казнямъ, а впослѣдствіи къ ссылкѣ, которая сопровождалась отрѣзываніемъ пальцевъ, ушей и жестокимъ наказаніемъ кнутомъ. У служилыхъ людей она имѣла послѣдствіемъ лишеніе достоинства и званія, у бояръ— помѣстій и вотчинъ, которыя раздавались другимъ. Ссыльные на мѣстѣ ссылки содержались въ заключеніи. Такъ, въ 1689 г. въ Верхотурьи приказано было построить для ссыльныхъ дворъ съ тыномъ и избами. Хотя мы видимъ въ концѣ XVII вѣка начало колонизаціонныхъ стремленій (въ указахъ Алексѣя Михайловича приказывается сосланныхъ преступниковъ устроить съ женами и дѣтьми на пашни, давая имъ ссуды и всякія угодья на пропитаніе), но никакихъ свѣдѣній объ этомъ заселеніи мы нигдѣ не встрѣчаемъ: извѣстенъ только одинъ фактъ, что ссыльныхъ опредѣляли на работы въ Тюмени.

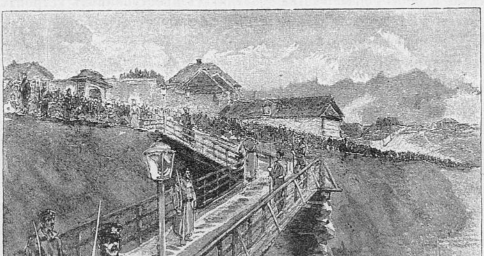
Съ начала XVIII столѣтія ссылка начинаетъ пріобрѣтать еще больше значенія и постепенно распространяется на такія преступленія, за которыя прежде назначались другія наказанія. Рядомъ съ этимъ въ XVIII вѣкѣ являлись новыя ограниченія, новыя постановленія и законы, а затѣмъ и новыя наказанія ихъ нарушителямъ. Такъ введена ссылка въ Сибирь за побѣги солдатъ, за членовредительство, нищенство, бродяжество, въ случаѣ, если бродяга оказывался негоднымъ къ военной службѣ и не былъ принимаемъ никакимъ помѣщикомъ, ни въ чье общество. Въ 1733 г. указомъ повелѣно ссылать въ Сибирь за поддѣлку серебряныхъ вещей, съ наказаніемъ кнутомъ. Вторымъ указомъ предписывается лицъ священнослужительскаго и монашескаго чина за дурное поведеніе, ссоры, драки и пьянство— молодыхъ бить плетьми и отдавать въ солдаты, а неспособныхъ къ службѣ бить кнутомъ и, вырывая ноздри, ссылать въ Сибирь. Въ 1737 году изданъ новый указъ, которымъ велѣно тѣхъ, «кто зазнамо продастъ или купитъ положеннаго и неположеннаго въ окладъ чужаго человѣка, также

Закупка арестантами въ дорогу.

и крестьянина, или отдастъ такихъ въ рекруты, виновныхъ, кто будетъ годенъ, бить плетьми и посылать въ солдаты въ Оренбургъ, негодныхъ бить плетьми и посылать въ Охотскъ». Кромѣ того, съ виновныхъ въ пользу владѣльца взыскивался, вмѣсто сданнаго въ рекруты человѣка, лучшій крестьянинъ или дворовый человѣкъ, а съ неимѣющихъ движимаго имущества—100 р. деньгами. Указами Елисаветы Петровны 1753—1754 гг. смертная казнь совершенно отмѣнена для всѣхъ преступниковъ, исключая политическихъ, а ссылка обняла всѣ роды преступленій, и казнь съ этого времени замѣнялась кнутомъ и вѣчною каторгою. Указъ 1763 г. предписывалъ, сверхъ того, оговоренныхъ въ воровствѣ, разбоѣ и пристанодержательствѣ, какъ неблагонадежныхъ, послѣ пытки, если не сознаются и не найдется поруки за нихъ, ссылать въ Сибирь на житье. Указомъ 1766 г. введена ссылка за корчемство. До 1767 г.

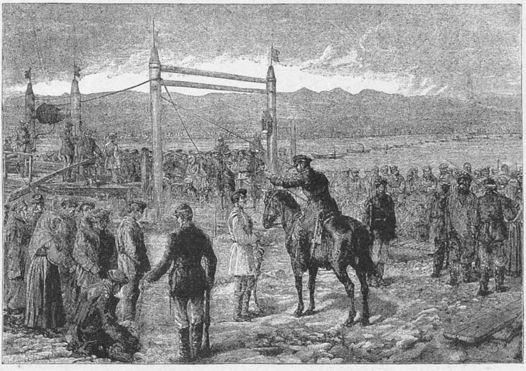
ссылка была распространена на несостоятельныхъ должниковъ и казенныхъ недоимщиковъ. Указомъ Павла I (1799 г.) за воровство болѣе 20 рублей предписывалось наказывать плетьми и годныхъ отдавать въ солдаты, а негодныхъ посылать въ Сибирь на поселеніе. Кромѣ того, въ половинѣ прошлаго столѣтія мы видимъ особенное расширеніе ссылки административной, предоставляемой исполнительнымъ властямъ. Указомъ 1793 г. предписано отсылать въ Сибирь мастеровыхъ и рабочихъ людей за пьянство, за игру въ карты и кости, на «коштъ фабрикантовъ, буде они посылаются по ихъ прошенію». Подобное-же постановленіе еще ранѣе было издано для крѣпостныхъ. Указомъ 1755 г. недобровольно возвращающихся бѣглецовъ изъ Польши и Литвы (изъ крѣпостныхъ крестьянъ) опредѣлено отсылать для укомплектованія полковъ, а неспособныхъ къ военной службѣ и старѣе 50-ти лѣтъ — съ женами и дѣтьми — въ Сибирь на поселеніе. Въ 1762 г. лицамъ и учрежденіямъ, владѣющимъ крестьянами, дозволено представлять послѣднихъ, по своему усмотрѣнію, въ губернскую канцелярію для отправленія въ Сибирь, причемъ ссылаемый зачитался въ рекруты, а за его жену и дѣтей, отправляемыхъ вмѣстѣ съ нимъ, помѣщикъ вознаграждался опредѣленною платою.

Запоздавшій.

До послѣдняго времени ссылка практикуется, и какъ административная мѣра, и какъ мѣра наказанія по суду, поэтому партіи ссыльныхъ наполняютъ по прежнему Сибирь. Картина ссылки съ самаго древняго времени имѣетъ очень мрачный фонъ, почему Сибирь получила печальную извѣстность и звучала въ ушахъ простолюдина именемъ грознымъ, ужасающимъ. Прежняя ссылка не отличалась гуманностью. Слѣдствіе и судебный процессъ въ прежнее время были строги. При своей неопредѣленности и произвольности назначенія, ссылка въ то время не имѣла другихъ цѣлей, кромѣ кары и извлеченія возможной пользы изъ ссыльнаго, какъ рабочей силы; колонизаціонное-же ея значеніе было очень слабо. При ссылкѣ въ Сибирь, напримѣръ, въ XVIII столѣтіи постоянно встрѣчаются оговорки: «способныхъ отдавать въ солдаты, а неспособныхъ и негодныхъ въ Сибирь»; въ ссылку, вообще, назначались только преступники старше 50-ти лѣтъ. Назначеніе въ ссылку неспособныхъ и старыхъ всегда мѣшало колонизаціоннымъ цѣлямъ. Ссылка въ Сибирь въ прошломъ столѣтіи тѣмъ менѣе носитъ характеръ исправительный: вмѣстѣ съ употребленіемъ преступника, какъ рабочей силы,

въ пользу государственную, мы видимъ, что она попрежнему сохраняетъ строго-карательный характеръ: она сопровождается пыткой и кнутомъ для всѣхъ сословій и половъ. Такъ напримѣръ, знатной придворной дамѣ Монсъ (Балкъ), при Петрѣ, было дано нѣсколько ударовъ кнутомъ и она была сослана въ Сибирь. При Аннѣ и Биронѣ ссылаемымъ вельможамъ рвали языкъ. Процессъ Волынскаго полонъ пытокъ кнутомъ. Дворяне наказывались кнутомъ и вырываніемъ ноздрей, какъ и остальныя сословія. Лица священнослужительскія также не были изъяты отъ этихъ наказаній и по указу Петра, за ссоры и драки, ихъ били плетьми, рвали имъ ноздри и ссылали. Екатерина уничтожила тѣлесное наказаніе для дворянъ; но при Павлѣ, въ 1797 г., повелѣно было снова наказывать тѣлесно какъ дворянъ, гильдейскихъ гражданъ, такъ и священнослужителей, потому что «какъ-скоро снято дворянство, то и привиллегія до него не касается», говорится въ этомъ указѣ. Тѣлесное наказаніе употреблялось даже для малолѣтнихъ. Въ актахъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря есть любопытный документъ 1734 г. о вѣчно сосланной въ работу въ Томскій женскій монастырь изъ тайной Московской

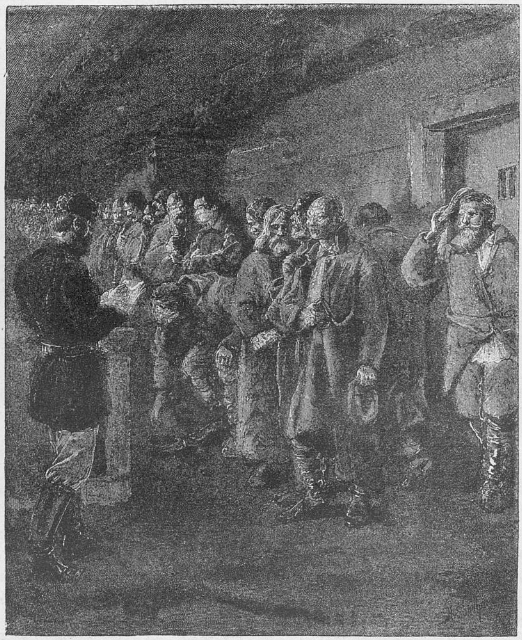
Переходъ арестантской партіи черезъ Енисей.

конторы падчерицы драгуна Стародубцева. Въ указѣ о ней сказано: этой дѣвочкѣ, за нѣкоторую вину ея, «предварительно, какъ видно, по малолѣтству учинено наказаніе плетьми».

Но, кромѣ тѣлеснаго наказанія, въ прошломъ столѣтіи ссылаемому приходилось выдерживать пытки и допросы «съ пристрастіемъ плетей и батожьевъ». Обезсиленныхъ долгимъ тюремнымъ заключеніемъ, дыбами, встрясками, битьемъ кнутомъ, съ рваными ноздрями, отягченныхъ цѣпями, на канатахъ, ссыльныхъ, подъ ударами плетей, гнали пѣшкомъ черезъ громадныя пространства, везли на дырявыхъ стругахъ по сибирскимъ рѣкамъ. Сибирскихъ арестантовъ водили на пытки въ Иркутскъ—за 900 верстъ изъ Нерчинска, за 3,000 верстъ изъ Якутска и за 5,000 верстъ изъ Охотска. Многимъ приходилось идти около года; одни не доходили до Иркутска, умирали отъ голода и холода, другіе бѣжали съ дороги. При такихъ условіяхъ ссылка являлась самою жестокою карою. Во все это время устрашеніе служило главною цѣлью наказанія, а также средствомъ проведенія всѣхъ правительственныхъ мѣръ. Устрашеніе примѣнялось даже и къ промышленнымъ нововведеніямъ, какъ, напримѣръ, угроза каторгою за нерачительное выдѣлываніе юфти.

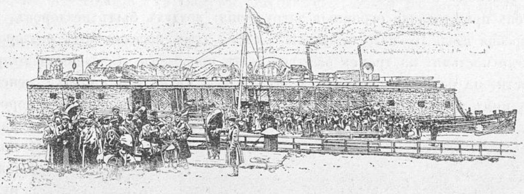
Ссыльные размѣщались въ прежнее время по глухимъ городкамъ и острогамъ Сибири, иногда съ обязательствомъ выполнять обязательныя работы, «садиться на пашню», работать

на рудникахъ, заселять линіи, проводить дороги. Давая такое небольшое число колонистовъ, ссылка не могла играть значительной роли въ дѣлѣ заселенія Сибири, и колонизація правительственная, военная и вольнонародная были все-таки здѣсь на первомъ планѣ. Хотя мы видимъ въ прошломъ столѣтіи нѣкоторыя попытки заселять ссыльными пустынныя и незанятыя пространства Сибири; но, судя по характеру тогдашней ссылки, мы вправѣ заключить, что она не могла дать никакихъ результатовъ. Ссыльными заселяли мѣста крайне-дурныя, неблагопріятныя и неудобныя для культуры,—такія мѣста, куда не хотѣли идти вольные колонисты. Для усиленія наказанія, носившаго тогда суровый карательный характеръ, ссыльныхъ отправляли на Лену, въ Нерчинскъ и охотскія страны, въ Камчатку или на дальній Амуръ, куда былъ обреченъ странствовать и извѣстный Аввакумъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ столь дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ, безъ всякихъ средствъ для культуры, положеніе ссыльныхъ было крайне бѣдственное. О препровожденіи ссыльныхъ въ Сибирь въ XVII ст. мы можемъ судить по хроникѣ Аввакума, а о ссылкѣ XVIII ст. сохранилось много оффиціальныхъ актовъ того времени. Вотъ какъ описываетъ Аввакумъ свои несчастія во время ссылки въ Дауры. На порогѣ одной изъ сибирскихъ рѣкъ его выгнали изъ лодки на берегъ. «О, горе стало!—восклицаетъ Аввакумъ.—Горы высокія, дебри непроходимыя, утесъ каменный, яко стѣна, стоитъ; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великія; въ нихъ-же витаютъ гуси и утицы, вороны черныя и галки сѣрыя, орлы и соколы, кречеты и лебеди, и иныя дикія. На тѣхъ-же горахъ гуляютъ звѣри многіе и на тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ съ звѣрьми и птицами витати». Когда Аввакумъ отказался сойти на берегъ, его привели къ начальнику военной экспедиціи Пашкову. «И взяли меня палачи,—разсказываетъ Аввакумъ:—а онъ со шпагою стоитъ; рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой; и паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ и, цѣпь ухватя лежачую, по спинѣ ударилъ трижды и, разволокши, по той-же спинѣ 72 удара кнутомъ». Затѣмъ Аввакума сослали въ Братскій острогъ «и въ тюрьму кинули, со-

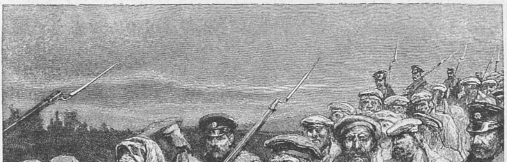

Перекличка.

ломки дали; что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ билъ скуфьей; а батожка не дадутъ, дурачки! На весну паки въ нуждахъ тѣхъ и съ прочими скитающеся по горамъ и острому каменью, наги и босы, травою и кореньями питающеся, коекакъ мучилися. Мнѣ подъ ребятъ и подъ рухлядишки двѣ дали клячи, а самъ и протопопица брели пѣшие, убивающеся о ледъ. Страна варварская; иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за молодыми идти не поспѣемъ. Протопопица, бѣдная, бредетъ, да и повалится. На меня, бѣдная, пеняетъ, говоря: «долго-ли мука сія, протопопъ, будетъ?» И я говорю: — Марковна, до самыя смерти!» Она отвѣчала: «добро, Петровичъ, ино еще побредемъ!»—Такова наивная и трогательная исповѣдь ссыльнаго XVII вѣка о его испытаніяхъ, характеризующая ссылку въ Сибирь того времени. Не улучшилась ссылка и въ XVIII столѣтіи. Мы видимъ печальную судьбу графа де-Санти въ устьвилюйскомъ острогѣ, умирающаго съ голода вмѣстѣ со своимъ конвоемъ, печальную судьбу березовскихъ ссыльныхъ и грубое съ ними обхожденіе. Даже надъ самыми березовскими жителями производится слѣдствіе за ихъ покровительство несчастнымъ и кончается пытками въ тобольскомъ приказѣ. Судьба простыхъ ссыльныхъ еще печальнѣе: ихъ гонятъ тысячами, избитыхъ кнутами, съ рваными ноздрями, измученныхъ и искалѣченныхъ въ застѣнкахъ тайныхъ приказовъ и канцелярій. Въ XVIII вѣкѣ препровожденіе производилось на канатахъ и пѣшкомъ въ такія дальнія страны, какъ Охотскъ и Камчатка, гдѣ ссыльные оставлялись на произволъ судьбы. Никуда негодными колонистами, конечно, являлись такіе ссыльные!..

Погрузка на пароходъ.

Въ дорогѣ.

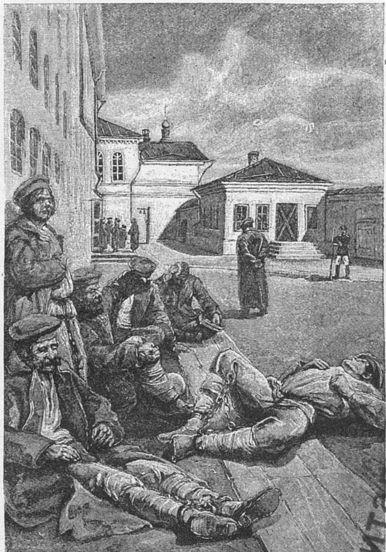
Несмотря на карательное значеніе наказанія, правительство съ самаго давняго времени

старалось сдѣлать ссылку колонизаціонною мѣрою. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при помощи ссыльныхъ, правительство старалось провести различные тракты. Такъ, между прочимъ, губернаторомъ Чечеринымъ ссыльными заселялся большой Сибирскій трактъ, между Тюменью и Томскомъ по Барабѣ. О проведеніи этого тракта сохранились мрачныя преданія. Болотистая степь представляла огромныя затрудненія: воздухъ былъ нездоровъ, здѣсь свирѣпствовала сибирская язва. Не мало ссыльныхъ, строя здѣсь поселки подъ надзоромъ особыхъ вахтеровъ, легли костьми; но трактъ все-таки былъ проведенъ. Ссыльныхъ отправляли, по мѣрѣ надобности, на передовые посты въ крѣпости, а въ виду недостатка женскаго пола препровождали къ нимъ и ссыльныхъ женщинъ. Посылаемые, для поправленія дорогъ въ Сибири, ссыльные часто разбѣгались и наполняли Сибирь разбойничьими шайками. При Павлѣ I двинули огромныя массы ссыльныхъ для заселенія трактовъ въ Восточной Сибири и особенно въ Забайкальѣ. Но люди эти, идя цѣлые годы въ Сибирь, претерпѣвали огромную нужду, скоплялись на дорогахъ и оставались не доходя до мѣста. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ администрація брала на себя устройство ссыльныхъ и образованіе изъ нихъ особыхъ казенныхъ поселеній подъ надзоромъ исправниковъ. Особенно прославились такія деревни изъ ссыльныхъ, устроенныя исправникомъ Лоскутовымъ. Въ нихъ дѣйствительно были искусственно созданы хозяйство и домообзаведеніе, но это дорого обошлось ссыльнымъ. Лоскутовъ былъ человѣкъ жестокій и прославился различными истязаніями ссыльныхъ, въ тоже время онъ не упустилъ случая и себѣ скопить состояніе. Послѣ того, какъ онъ былъ смѣненъ, насильно прикрѣпленные къ селеніямъ ссыльные разбѣжались и колоніи пали. Въ общемъ, до пріѣзда въ Сибирь Сперанскаго, посланнаго сюда на ревизію въ 1821 г., а потомъ назначеннаго генералъ-губернаторомъ, ссылка была въ большомъ безпорядкѣ. Съ 1822 г. было болѣе попытокъ къ устройству и болѣе правильному размѣщенію ссыльныхъ по Сибири. Тѣмъ не менѣе до 40-хъ годовъ партіи въ Сибирь препровождались пѣшкомъ. Еще на нашей памяти длинныя вереницы этихъ несчастныхъ странниковъ съ громомъ кандаловъ, съ обозомъ женщинъ и дѣтей, сидящихъ на мѣшкахъ по-

Подвозы больныхъ и слабыхъ.

ходнаго имущества, окруженные конвоемъ, переваливали черезъ Уралъ. Эти партіи, входя въ селенія, затягивали извѣстную «милосердную« пѣснь, и на встрѣчу имъ выбѣгали сердобольные жители, преимущественно женщины, вынося несчастнымъ подаяніе. Подобнымъ же образомъ вступали ссыльные и въ города. Только въ позднѣйшее время началось препровожденіе ссыльныхъ на подводахъ и баржахъ, при помощи волжскаго и обскаго пароходства. Эти несущіяся длиннымъ кортежомъ телѣги, съ сѣдоками въ сѣрыхъ холстахъ, съ конвойными на облучкѣ, равно какъ и мрачный видъ арестанскихъ баржъ, встрѣчаемыхъ на Волгѣ съ Нижняго Новгорода, составляютъ современную картину препровожденія ссыльныхъ. Баржи эти довольно значительной величины; на верху ихъ сдѣланъ тендъ; между нимъ и палубой протянута проволочная сѣтка. За сѣткой на палубѣ видны мрачныя лица арестантовъ, каторжныхъ съ бритою головою и несчастныхъ семействъ ихъ, помѣщающихся на палубѣ. Эту баржу ведетъ обыкновенно пассажирскій пароходъ, гдѣ шумитъ, конечно, безпечная свободная жизнь.

На привалѣ.

Число пересыльныхъ въ Сибирь, во время лѣта, весьма значительно, такъ какъ на зиму партіи удерживаются на зимовку въ пересыльныхъ замкахъ. Въ одну навигацію отъ Нижняго до Тюмени препровождается около 20,000 человѣкъ обоего пола.

Ссылка въ Сибирь, расположенная по десятилѣтіямъ съ 1823 г., т. е. со времени, когда «Приказъ о ссыльныхъ» (бывшій въ Тобольскѣ, потомъ переведенный въ Тюмень) могъ точно усчитывать число препровождаемыхъ, представляетъ слѣдующую картину:

Съ 1823 по 1832 сослано было преступниковъ	. .	98,725 чел.
« 1833 » 1842 » » »	. .	86,550 »
« 1843 » 1852 » » »	. .	69,764 »
« 1853 » 1862 » » »	. .	101,238 »
« 1863 » 1872 » » »	. .	146,380 »
« 1873 » 1877 сослано было преступ.	(за 5 лѣтъ)	91,257 »
	Всего	393,914 »

Разсматривая увеличеніе ссылки по періодамъ, мы замѣчаемъ, что ссылка съ 1853 года особенно возрастаетъ. Въ виду приведенныхъ цифръ, ростъ ссылки отъ 30,000 до 45,000 въ десяти-лѣтіе не подлежитъ сомнѣнію. Число ссыльныхъ по категоріямъ располагается въ слѣдующемъ порядкѣ съ 1867 по 1876 годъ:

Каторжныхъ	18,582
Ссыльныхъ на поселеніе	28,382

Сосланныхъ для водворенія	23,383
» на житье	2,551
» въ административномъ порядкѣ	78,686
	151,584

За преступниками слѣдуетъ ежегодно мужчинъ 13, женщинъ 2,035, дѣтей 3,976. Всего болѣе семействъ слѣдуетъ за административными ссыльными.

По числу женщинъ, слѣдующихъ за преступниками, сравнительно съ числомъ мужчинъ, слѣдовало бы, повидимому, заключить, что женская привязанность къ мужьямъ въ 10 разъ болѣе, чѣмъ мужей къ женамъ. Но въ этомъ, однако, играетъ значительную роль и наше законодательство, т. е. зависимость женъ отъ мужей, не лишенныхъ правъ. Женщины и дѣти, раздѣляя всѣ тяжести пути съ преступниками, являются невинными жертвами нашей системы. Яркимъ фактомъ въ этомъ случаѣ служитъ то, что 70% изъ числа умирающихъ падаетъ на дѣтей.

На европейско-азіятской русской границѣ.

Изъ всего контингента ежегодной ссылки 83% составляетъ мужское населеніе и 17%—женское. Съ 1870 по 1877 г. преступниковъ пришло 84,519 мужскаго пола, 4,745 женскаго пола и 42,491 добровольно слѣдовали за ними.

Всѣ препровождаемые въ Сибирь ссыльные на баржахъ по Волгѣ и по Оби, а также перевозкой отъ Перми до Тюмени и далѣе между Ачинскомъ и Забайкальемъ останавливаются для отдыха на этапахъ. Эти огромныя, желтыя, мрачныя зданія встрѣчаются по всему тракту. Когда ссыльные приходятъ туда,—эти пустыя и сырыя помѣщенія съ нарами оживляются и наполняются шумомъ. Народъ толпится занять нары; онъ располагается на нихъ и подъ ними; цѣлыя семейства, дѣти, женщины и мужчины часто скучиваются въ одномъ помѣщеніи. Около этаповъ, обыкновенно, сторожатъ арестантовъ торговки со съѣстными припасами и калачами. По приходѣ партіи торговокъ впускаютъ во дворъ. Стѣны этаповъ обыкновенно испещрены надписями и составляютъ лѣ-

Партія ссыльно-каторжныхъ въ Сибири.

топись ссыльныхъ. На этапахъ люди отдыхаютъ, моются и снова на утро слѣдуютъ въ путь.

Въ городахъ по пути въ Сибирь—въ Нижнемъ, Перми, Тюмени, Томскѣ и Иркутскѣ—построены обширные пересыльные замки. Въ нихъ сосредоточивается, во время навигаціи,

Видъ нижняго промысла на Карѣ. Домъ завѣдывающаго Нерчинско-ссыльно-каторжными.

иногда до 2,000 народа. Пеструю и оживленную картину представляютъ эти замки во время передвиженія ссыльныхъ. Здѣсь собираются тысячи разнокалибернаго народа со всѣхъ концовъ Россіи: Кавказцы, Малороссы, Чухны, Великороссы, Татары, Евреи и т. д. Люди разныхъ профессій и состояній встрѣчаются и объединяются на этой дорогѣ. Дворяне, по самымъ разнообразнымъ преступленіямъ, купцы и аферисты, шуллера большихъ городовъ, маркеры изъ столицъ и крестьяне глухихъ деревень—всѣ здѣсь равны, — всѣхъ уравняла горькая доля. И рядомъ въ тѣхъ же замкахъ толпы женщинъ въ особыхъ отдѣленіяхъ. Въ этихъ тюрьмахъ кипитъ жизнь съ ея неумолкнувшими стремленіями и страстями. Печать грусти и меланхоліи, лежащая на нѣкоторыхъ лицахъ, въ виду мрачнаго и неизвѣстнаго будущаго, нерѣдко смѣняется смѣхомъ и шутками, а цинизмъ

Дорога для возки песку на пріискѣ въ Нерчинскомъ округѣ.

преступленія часто встрѣчаетъ несчастіе демонскимъ смѣхомъ, презрѣніемъ. Проклятіе и слезы чередуются здѣсь; подъ звонъ цѣпей, слышится иногда нѣжный материнскій поцѣлуй; рядомъ съ глубокимъ потрясающимъ душу несчастіемъ безчинствуетъ порокъ на послѣдней степени паденія. Эти пересыльныя тюрьмы даютъ значительный контингентъ заболѣвающихъ; въ нѣ-

которыхъ изъ нихъ къ осени развиваются тифы. Тогда тяжесть кары увеличивается еще ежеминутнымъ рискомъ смерти. Смерть въ большинствѣ случаевъ похищаетъ невиннѣйшія жертвы изъ среды дѣтей, идущихъ со своими родителями.

Достигнувъ Тюмени, всѣ ссыльные, слѣдующіе въ Сибирь, поступаютъ въ вѣдѣніе «Приказа о ссыльныхъ» и распредѣляются имъ согласно тому, куда препровождены ихъ списки. Какъ сказано уже «Приказъ» былъ прежде въ Тобольскѣ, а потомъ переведенъ въ Тюмень. Одна половина ссыльныхъ направляется по назначенію въ Восточную Сибирь, другая распредѣляется по губерніямъ въ Западной. Въ каждой губерніи находится экспедиція о ссыльныхъ, завѣдующая ими. Обыкновенно ссыльныхъ сплавляютъ до Томска на особо приспособленныхъ баржахъ; далѣе они слѣдуютъ въ Восточную Сибирь. Арестанскія баржи буксируются параходами и совершаютъ рейсы отъ Тюмени до Томска въ 7—9 дней. Такъ перевозится весь контингентъ ссыльныхъ. Заболѣвающіе оставляются въ попутныхъ госпиталяхъ. Достигнувъ мѣста назначенія, ссыльные опредѣляются: одни—на каторгу, т. е. въ рудники и заводы; другіе, сосланные на поселеніе и на житье, приписываются къ сельскимъ и городскимъ обществамъ. Приписанные къ волостямъ пользуются правомъ отлучаться по паспортамъ и пребываютъ въ городахъ. Поэтому большіе города наполнены ссыльными, ищущими работы и пропитанія. Контингентъ ихъ является въ послѣднее время даже черезчуръ обременительнымъ, составляя городской пролетаріатъ.

Несмотря на то, что ссыльныхъ отправляютъ въ Сибирь каждое десятилѣтіе до 40,000, наличное число ихъ составляетъ, сравнительно, небольшой процентъ среди мѣстныхъ жителей. Многіе ссыльные являются сюда въ зрѣломъ возрастѣ: но если принять во вниманіе ихъ болѣзненность и побѣги, то наличное число ихъ не такъ велико, какъ можно было бы предполагать. Въ общемъ, по спискамъ, на всю Сибирь, количество ссыльныхъ не превышаетъ 200,000 человѣкъ. На каждую изъ сибирскихъ губерній приходится ссыльныхъ, какъ видно по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ:

Въ	Тобольской губерніи	на	1.228,433	жителей	59,000	ссыльныхъ	т. е.	4,8%.
»	Томской	»	1.032,599	»	29,800	»	»	2,9%.
»	Енисейской	»	427,517	»	45,000	»	»	10,5%.
»	Иркутской	»	383,573	»	40,000	»	»	10,4%.
»	Забайкальской области		488,000	»	21,335	»	»	4,3%.
»	Якутской	»	242,001	»	2,987	»	»	1,2%.

На всю Сибирь, такимъ образомъ, получается 198,122 ссыльныхъ, а на все свободное русское населеніе 5,2%. Распредѣленіе ссыльныхъ не равномѣрно какъ по губерніямъ, такъ и по округамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они до чрезвычайности скучены. Такъ, напримѣръ, въ Каинскомъ и Маріинскомъ округахъ Томской губерніи они составляютъ почти $^1/_4$ населенія и могутъ ввести въ заблужденіе о значеніи ссылки въ Сибири вообще; за то въ другихъ округахъ ихъ совершенно нѣтъ, точно также, какъ и въ цѣлыхъ областяхъ (напримѣръ, въ Семипалатинскѣ, въ Камчаткѣ, въ Охотскомъ краѣ, въ Акмолинской области и т. п.).

Точныхъ свѣдѣній о приростѣ ссыльныхъ, путемъ браковъ и рожденій, не собиралось до послѣдняго времени, поэтому о потомствѣ ссыльныхъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но, судя по причинамъ, препятствовавшимъ размноженію и потомству ссыльныхъ, можно заключить, что приростъ этотъ ничтоженъ. Къ этому же заключенію пришелъ въ «Статистическомъ обозрѣніи Сибири» г. Гагеймейстеръ и изслѣдователь сибирской колонизаціи г. Пейзенъ. Медленный ростъ сибирскаго населенія, составляющій нынѣ около 4.000,000, доказываетъ прибыль главнымъ образомъ путемъ рожденій свободнаго населенія и отсутствіе сколько-нибудь замѣтнаго вліянія ссылки. Жизнь и бытъ ссыльныхъ въ Сибири разнится сообразно ихъ положенію, способу наказаній, которыя они выносятъ, и мѣстностямъ, гдѣ распредѣляются. Каторжные, по прибытіи въ Сибирь, размѣщаются въ тюрьмы и отбываютъ принудительныя

работы въ рудникахъ, пріискахъ и заводахъ. Пересылаемые на житье, на поселеніе и водвореніе должны самостоятельно пріискивать себѣ способы пропитанія въ селеніяхъ и городахъ. Въ прежнее время правительство пробовало создать и для ссыльно-поселенцевъ занятіе на заводахъ, преимущественно винокуренныхъ, въ ремесленныхъ домахъ и организовало изъ нихъ цехъ слугъ (уставъ о ссыльныхъ 1822 г.). Но впослѣдствіи, въ виду дороговизны содержанія и многихъ хлопотъ, которыя причинялъ этотъ патронатъ, учрежденія эти признаны были неудобными и безполезными. Съ этого времени ссыльные на поселеніе и на житье остаются въ деревняхъ, предоставленные себѣ.

Обратимъ вниманіе на бытъ и условія жизни первой категоріи каторжныхъ въ Сибири. Ежегодное число каторжныхъ составляетъ около 2,500 человѣкъ. Общій же контингентъ, содержащійся въ тюрьмахъ всей Россіи около 11,000. Каторжные эти распредѣляются отчасти въ центральныхъ тюрьмахъ для каторжныхъ внутри Россіи: въ Харьковѣ, Илецкой, Златоустѣ и другихъ мѣстахъ; но большая часть ихъ идетъ все-таки въ Сибирь, а семейные—всѣ безусловно. Въ Западной Сибири каторжная тюрьма существуетъ въ Тобольскѣ; небольшая часть военныхъ идетъ въ Усть-каменогорскъ; остальные же всѣ препровождаются въ Восточную Сибирь, преимущественно въ Забайкалье. Для каторжныхъ здѣсь въ прежнее время существовали спеціальныя работы на серебро-свинцовыхъ рудникахъ и заводахъ. Но эти работы были прекращены за невыгодностью производства. Бытъ этихъ каторжныхъ и работы въ шахтахъ описаны С. В. Максимовымъ въ его книгѣ «Сибирь и Каторга». Эта каторга была одною изъ тягчайшихъ, особенно если принять во вниманіе суровость прежней дисциплины. Нынѣ каторжные слѣдуютъ уже другому порядку распредѣленія. Небольшая часть каторжныхъ оставляется на Иркутскомъ солеваренномъ и Петровскомъ желѣзно-дѣлательномъ заводахъ. Большинство работаетъ преимущественно на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ, гдѣ они размѣщены въ 6-ти пунктахъ. Здѣсь ихъ сосредоточено свыше 2,000 человѣкъ, въ томъ числѣ испытуемыхъ около 600, исправляющихся около 1,300 человѣкъ; кромѣ того слабыхъ и хилыхъ до 300 въ богадѣльняхъ. Хилые и старые, приговариваемые въ каторгу, но неспособные къ работамъ, остаются также въ Тобольской губерніи на поселеніи. До 440 каторжныхъ находится на Нерчинскихъ промыслахъ и часть отдается на частные пріиски, напримѣръ, Дорасунскіе—золотопромышленника Бутина. Сюда въ первый годъ отпускалось до 463 человѣкъ. Все число каторжныхъ въ этомъ раіонѣ доходитъ до 3,000 человѣкъ. Въ раіонѣ старыхъ Нерчинскихъ заводовъ, бывшихъ главнымъ средоточіемъ каторги, нынѣ работаетъ до 600 человѣкъ. За то значительная часть каторжныхъ препровождается на Сахалинъ, гдѣ нынѣ устроены цѣлыя поселенія, гдѣ примѣняется въ строгомъ смыслѣ каторжный трудъ.

Описанію сибирской каторги съ ея тюрьмами и житью каторжныхъ посвящено было не мало сочиненій въ русской литературѣ, между которыми такъ рѣзко выдѣляется знаменитое произведеніе М. Ѳ. Достоевскаго—«Записки изъ мертваго Дома», гдѣ описывается каторжное крѣпостное отдѣленіе Омска (въ Западной Сибири), въ которомъ покойный провелъ 10 лѣтъ. Это была въ сущности арестанская рота. Зданіе представляло нѣсколько казармъ, окруженныхъ пальями или частоколомъ. Каторжные находились въ вѣдѣніи военныхъ унтеръ-офицеровъ и на военно-каторжномъ положеніи. Употреблялись для городскихъ работъ. Въ камерахъ никакой работы не было заведено. Мрачно, тоскливо тянулась жизнь каторжныхъ. Покойный М. Ѳ. Достоевскій съ замѣчательнымъ талантомъ обрисовалъ русскую каторгу и впервые возбудилъ въ русскомъ обществѣ интересъ къ судьбѣ несчастныхъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ другой даровитый писатель, С. В. Максимовъ, посвятилъ цѣлое сочиненіе описанію каторги въ Восточной Сибири. Онъ засталъ еще остатки всѣхъ формъ прежней каторги.

Строгая перворазрядная каторга прошлаго времени можетъ быть соблюдаема нынѣ только на такъ называемыхъ Карійскихъ промыслахъ или Нерчинскихъ рудникахъ. Наружный видъ

этихъ поселеній вокругъ центральной тюрьмы болѣе или менѣе одинаковъ. Направо и налѣво вдоль улицы тянутся сильно-подержанныя, покрившіяся, убогія хаты; онѣ идутъ въ порядкѣ; изъ порядковъ образуются улица—одна, другая, пятая и т. д. Передъ нами цѣлое селеніе, отличающееся отъ обыкновенныхъ только тѣмъ, что оно бѣдно, старо и совсѣмъ не обновляется. Нѣкоторые дома грязноваты снаружи; заборы полуразрушены, — все имѣетъ видъ безпомощной голи и бѣдности. Но селеніе это казенное. Вотъ неизмѣнный хлѣбный и соляной амбаръ, съ неизбѣжнымъ часовымъ. Опрятнѣе другихъ выглядитъ домикъ начальника промысла (пристава) и другой—тюремнаго смотрителя. «Вонъ и тюрьма!»—говорятъ вамъ, указывая на одинъ изъ домовъ, наружною постройкой похожій на обыкновенныя деревянныя сибирскія казармы. Домъ этотъ легко принять за казарму, если не разглядѣть въ окнахъ желѣзныхъ рѣшетокъ, отсутствіе которыхъ въ другомъ сосѣднемъ домѣ характеризуетъ настоящую казарму. Тюрьмы Нижне-Карійскаго промысла не похожи на тюрьму въ обыкновенномъ смыслѣ. Карійская тюрьма положительно имѣетъ видъ казармы. Снаружи она очень ветха; рѣшетки ржавыя, крыльцо сгнившее, крыша полинялая; все-же остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности.

Новая тюрьма на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ (Забайкальск. области).

Передъ нами отворилась дверь, и словно изъ погреба, въ которомъ застоялась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насъ обдала струя промозглаго, спершагося, гнилаго воздуха, теплаго правда, но едва выносимаго для дыханія. Съ трудомъ можно было дышать свѣжему человѣку. Суетливо и торопливо пососкакивали съ наръ закованные; они вытянулись въ струнку, по солдатски, руки по швамъ. Многіе были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку; большая же часть была просто въ рубашкахъ, грязныхъ до невозможности. Это была большая казарма, по серединѣ которой, въ два ряда, были помѣщены деревянныя нары: тѣ же нары обходили кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизмѣнный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держатъ людей для казенной надобности,—въ артели, въ ротѣ, въ батальонѣ. На нарахъ валялись кое-какіе лоскутья, рвань, тоненькіе, какъ блинъ, матрасы, вытертые полушубки и т. д. Вопіющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ! Прямо босыми ногами ступаютъ съ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола превосходитъ всякое вѣроятіе: на полу, пальца на два, накипѣло какой-то зловонной слизи. Отворялись и форточки, но не помогали дѣлу. Топились и уродливыя огромныя печи, но не освѣжали воздухъ.

Лѣтомъ 1857 года въ карійскихъ тюрьмахъ гнѣздилась повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ весьма усиленныхъ работъ, ради историческихъ *ста пудовъ золота*, когда всѣ ссыльно-каторжные были группированы здѣсь и размѣщены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Свыше тысячи человѣкъ умерло; въ архивахъ же хранится свидѣтельство мѣстнаго лекаря, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что причина болѣзненности и смертности—«больше всего обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри стѣнъ».

Всѣ карійскіе каторжные, которыхъ насчитывалось ежегодно до 1,200 человѣкъ, содержались въ четырехъ тюрьмахъ и размѣщались почти въ одинаковомъ числѣ въ двухъ тюрьмахъ при Среднемъ и Нижнемъ промыслѣ, въ меньшемъ числѣ—въ тюрьмѣ Лунжанкинскаго промысла, и самое меньшее, сравнительно, число помѣщено было въ тюрьмѣ Верхняго Промысла. Эта послѣдняя тюрьма находилась прежде въ самомъ селеніи; но, по удаленіи промысловыхъ работъ, она перенесена (въ 1850 году) на новое мѣсто, вверхъ по теченію золотоносной рѣки Кары, на одну версту отъ центра промысла, къ подножію горы. Самая маленькая изъ всѣхъ тюремъ—Лунжанкинская; она прочнѣе другихъ, и службы при ней болѣе удовлетворительны.

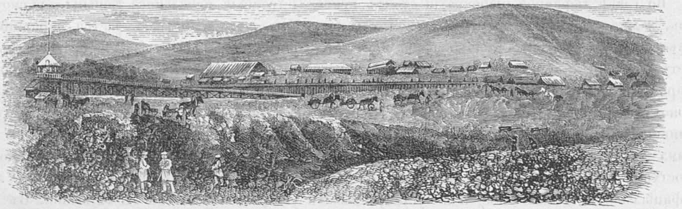
Во главѣ тюремной бюрократіи стоитъ непосредственный начальникъ тюрьмы—ея смотритель, должностное лицо государственной службы. Каждому смотрителю дается помощникъ, извѣстный подъ именемъ тюремнаго надзирателя. Кромѣ того, каждая тюремная артель выбираетъ изъ себя старосту (на 40 человѣкъ арестантовъ полагается одинъ такой выборный). Староста получаетъ отдѣльный отъ прочихъ нумеръ; онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ и артельный экономъ, обязанный заботиться о пищѣ, и помощникъ надзирателя (субъ-инспекторъ), обязанный быть комнатнымъ соглядатаемъ и сыщикомъ. Въ рукахъ старосты скопляется вся сумма денегъ, образующаяся изъ доброхотныхъ подаяній. Староста—отвѣтственное лицо за проступки всей артели передъ начальствомъ, которое смотритъ на него, какъ-бы на лицо оффиціальное и должностное; а по уставу—даже и утверждаетъ его въ этомъ званіи. Въ случаѣ если-бы онъ рѣшился скрыть какое-нибудь преступленіе, затѣянное арестантами, задумалъ бы не сказать о проступкѣ одного изъ нихъ, то за все, про все отвѣчаетъ онъ, староста,—отвѣчаетъ своей спиной, но не лишеніемъ мѣста. Лишить его званія, отрѣшить отъ должности начальство безъ согласія всей артели не можетъ, точно также какъ выборный въ старосты, изъ уваженія къ общинѣ, оказывающей ему такую честь и довѣріе, отказаться отъ должности не имѣетъ права. Условія взаимнаго уваженія, основаннаго, съ одной стороны, на довѣріи, съ другой—на благодарности, имѣютъ одинаковую силу и въ обществѣ преступниковъ, какъ и во всякомъ другомъ.

Каторжная жизнь рудниковаго рабочаго и потому, что она безплатная, обязательная, казенная, и потому, что она подвержена случайностямъ, несчастіямъ, грозящимъ жизни. Въ настоящее время обработка рудниковъ руками каторжныхъ, какъ извѣстно, оставлена; работа ихъ направлена на казенные золотые промыслы и на казенные винокуренные, солеваренные и желѣзодѣлательные заводы. Каторжные въ Восточной Сибири жили при заводахъ: Александровскомъ винокуренномъ и Иркутскомъ солеваренномъ (въ Иркутской губерніи), и въ Забайкальѣ: при заводѣ желѣзномъ Петровскомъ, на Карійскихъ пріискахъ (Верхнемъ, Среднемъ и Нижнемъ), на Шахтаминскомъ и Казаковскомъ, на заводахъ Лужанскомъ и Акатуевскомъ. Всѣ остальныя работы въ рудникахъ находятся въ рукахъ вольнонаемныхъ рабочихъ.

Цѣлыми десятками лѣтъ, не одной тысячью преступныхъ и не преступныхъ рукъ, рылись каторжныя подземелья, и рудникъ, оцѣненный въ десятки тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣнѣ отъ того количества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ, на тяжелой опасной работѣ, и которые довѣрены были тѣмъ же бездушнымъ стѣнамъ и тѣмъ же безопаснымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходитъ все то золото, которымъ покупается цѣлый свѣтъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ этой ключевой водѣ примѣшиваются еще и горькія слезы несчастныхъ каторжныхъ. Все серебро, добытое изъ нѣдръ сибирскихъ рудниковъ, прошло черезъ горькія и ключемъ бьющія слезы несчастныхъ.

Но вернемся къ ссыльнымъ и къ тѣмъ каторжнымъ, которые работаютъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ и заводахъ, и посмотримъ, какъ выносятъ люди каторгу. Новичекъ-арестантъ, приходящій на крайнюю каторжную работу—на Карійскіе золотые промыслы—

назначется обыкновенно «хвосты убирать». Послѣ промывки золота въ разрѣзѣ остаются пустые ненужные пески, отъ которыхъ золото уже отдѣлено. Убирать эти «хвосты» или пустые пески трудъ каторжный какъ потому, что требуетъ усиленнаго труда и нѣкоторой поспѣшности, чтобы убрать съ дороги старую, ненужную дрянь и дать мѣсто новой драгоцѣнности, такъ и потому, что хвостовая работа не доставляетъ работающему ни малѣйшаго нравственнаго удовлетворенія—не даетъ ему сознанія, что его работа осмысленна. Сознаніе, что работа эта направлена къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ горъ песчаныхъ, такъ называемыхъ «отваловъ»,—сознаніе это мучитъ и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо убѣжденныхъ, что они исполняютъ тѣ самыя работы, кото-

Видъ на Верхній промыселъ. Вторая золотопромывательная машина. Тюрьма и казармы.

рыя, по всѣмъ правамъ, принадлежатъ воламъ и лошадямъ. Новички, поступившіе на работу для уборки «хвостовъ», рѣдко назначаются три раза подъ рядъ на эту работу. Уже со втораго раза за ними всегда остается недоимка, а послѣ третьяго раза они такъ изнуряются, что на четвертый день попадаютъ въ больницу отъ крайняго истощенія силъ. По мнѣнію пріисковаго начальства, уборка «хвостовъ» самое сильное и дѣйствительное наказаніе для провинившагося; примѣненное одинъ разъ оно имѣетъ характеръ истинной каторги.

Солеваренная каторга тяжела; тяжела она больше всего для организма, которому предоставляются многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заводахъ, построенныхъ на старый образецъ: черно и грязно, старо и грубо. Прежде когда гнали человѣческою силою разсолъ изъ соляныхъ источниковъ по жолобамъ и поднимали бадьями,—солеваренная каторга была *настоящая* тяжелѣе и мрачнѣе всѣхъ. Ссыльные качали насосы на высокихъ каланчахъ иногда при 30° мороза, одѣтые въ казенную рвань; насосы были первобытной формы, какъ на простыхъ баркахъ, требовали, при каждомъ движеніи, силы и наклона всѣмъ тѣломъ до земли. Разсолъ долженъ былъ пробѣгать по жолобамъ безпрерывно; платье на рабочихъ сначала мокло отъ брызгъ, потомъ замерзало. Тяжелая качалка такъ утомляла троихъ людей, обязанныхъ урокомъ свыше ста раскачиваній, что они часто падали на мѣстѣ въ безпамятствѣ отъ крайняго истощенія.

На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣняется, значеніе каторги своеобразнѣе. Тамъ круглый годъ тяжело жиганамъ, обязаннымъ подкладывать дрова въ печь и, стало быть, цѣлыя сутки стоять у огня, въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты, около удушливаго печнаго жара. Зимою, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга всею своею тяжестью налегаетъ на *заторщиковъ*, обязанныхъ чистить квашни, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки знобитъ нестерпимымъ холодомъ, когда рабочій, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣваетъ даже «закуржавѣть», т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицы. Послѣдствія хорошо извѣстны врачамъ и практикѣ дѣла: постоянная дрожь во всемъ тѣлѣ, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую больные сначала презираютъ и вслѣдствіе этого далеко вгоняютъ ее внутрь организма.

Всѣ ссыльно-каторжные, по прибытіи на заводъ, поступаютъ въ разрядъ «испытующихся». Они живутъ въ казармахъ, свободные отъ оковъ, подъ ближайшимъ надзоромъ надзирателя и непосредственнымъ наблюденіемъ смотрителя; довольствуются пищей въ артели; лѣтомъ лучшіе увольняются для обработыванія огородовъ; правомъ отдыха пользуются только въ табельные дни. Поступившимъ изъ партій дозволяется жить въ квартирахъ «воздержныхъ». Эти «воздержные» пользуются слѣдующими правами и преимуществами: могутъ строить для себя дома, пользоваться землею для хлѣбопашества, сѣнокоса, огородничества, заниматься скотоводствомъ. Для отдыха и поправленія своего быта пользуются всѣми воскресными и табельными днями. «Но если-бы кто изъ употребляемыхъ по мастерствамъ въ цехахъ принадлежащіе ему дни отдыха посвятилъ, по назначенію начальства, казенной работѣ, таковой на эти дни имѣетъ право на двойной плакатъ (плакатъ или жалованье ссыльно-рабочій получаетъ по трудамъ и искусству; задѣльную же плату по успѣху въ урочной работѣ), и въ обоихъ случаяхъ пользуются отпускомъ провіанта сполна опредѣленнымъ пайкомъ». Изъ разряда воздержныхъ назначаются надзиратели по разнымъ цехамъ. Ссыльно-рабочіе этого разряда, какъ пріобрѣвшіе право на снисходительное вниманіе начальства къ лучшему устройству ихъ быта, увольняются въ страдное (рабочее) время для полевыхъ работъ, смотря по мѣрѣ надобности, для заготовленія корма скоту и уборки лѣса. Чтобы болѣе исправить и укоренить благонравіе тѣхъ изъ этого разряда, которые отличаются своимъ поведеніемъ, — предоставляется управляющему право (на основаніи инструкціи и высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 10-го октября 1821 года) исключать ихъ изъ ссыльныхъ и помѣщать въ мастеровые, производя въ подмастерья и мастера, если искусствомъ своимъ сдѣлаются того достойными, съ распространеніемъ на нихъ и дѣтей ихъ всѣхъ правъ, присвоенныхъ мастеровымъ. Чтобы отличить этотъ разрядъ самымъ наружнымъ видомъ, то немолодымъ изъ нихъ дозволяютъ носить бороды. За прожитье на заводѣ безпорочно, съ должнымъ прилежаніемъ къ работѣ и покорностью къ начальству, ссыльно-рабочимъ прибавляется, сверхъ положеннаго ежемѣсячнаго плаката, по роду работъ: за 5 лѣтъ—по 50 коп., за 10 лѣтъ—по 1 рублю, за 15 лѣтъ—выпускать на собственное пропитаніе.

Тѣ же рабочіе, которые въ разрядѣ испытующихся окажутся нравственности неблагонадежной, поведенія недобропорядочнаго и сомнительнаго, склонны къ побѣгу и замѣчены въ нерадѣніи къ устройству своего быта, образуютъ третій разрядъ, которому оффиціальное предписаніе даетъ названіе «невоздержныхъ». Въ разрядъ невоздержныхъ поступаютъ исключенные изъ разряда воздержныхъ за проступки, замѣченные неоднократно въ пьянствѣ, ссорѣ, дракѣ и грабежѣ, тѣ ссыльно-каторжные, которые присылаются въ заводы впредь до полученія справокъ, наконецъ, тѣ ссыльные, которые сдѣлали въ Сибири преступленія. Невоздержные содержатся въ казармахъ скованными и получаютъ содержаніе въ артели. Отдыхъ они имѣютъ только въ высокоторжественные табельные дни. Тѣ изъ заключенныхъ, которые утратили послѣднюю искру совѣсти, не имѣютъ не только желанія, но и намѣренія исправиться, дѣлали побѣги съ заводовъ, замѣчены неоднократно въ воровствѣ, мошенничествѣ, обманѣ, въ подговорѣ другихъ къ побѣгамъ, образуютъ четвертый разрядъ ссыльно-рабочихъ — «неисправимыхъ».

Неисправимые содержатся въ казармѣ, въ особой артели, и, разумѣется, скованы. Для предупрежденія побѣговъ, ихъ замыкаютъ на ночь. Головы этихъ ссыльныхъ на половину должны быть выбритыми; на работу выводятся они не иначе, какъ подъ военнымъ карауломъ. Мѣрою исправленія для нихъ полагаются кандалы, которые они должны носить полгода, тогда какъ невоздержные носятъ ихъ только два мѣсяца. Оба эти разряда невоздержныхъ и неисправимыхъ не получаютъ въ собственное распоряженіе изъ плаката ни копѣйки; заработки ихъ записываются въ особую книгу и истрачиваются смотрителемъ на одежду для нихъ. Неисправимые только черезъ годъ, при хорошемъ поведеніи, поступаютъ въ разрядъ испытую-

щихся; въ противномъ случаѣ управляющіе заводами имѣютъ право (не испрашивая даже позволенія губернскаго начальства) отсылать неисправимыхъ въ нерчинскіе горные заводы.

Время содержанія въ нерчинскихъ рудникахъ и въ тамошнихъ заводахъ установлено закономъ въ слѣдующихъ подробностяхъ. Безсрочные арестанты (перваго разряда) должны пробыть въ тюрьмѣ восемь лѣтъ; присужденные къ работамъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ (1-го разряда) живутъ въ тюрьмѣ четыре года; назначенные на срокъ отъ 12 до 15 лѣтъ (2-го разряда)—въ тюрьмѣ два года; каторжные третьяго разряда (отъ 6 до 8 лѣтъ) живутъ въ тюрьмѣ полтора года; осужденные на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ — живутъ въ тюрьмѣ годъ. Подающіе въ теченіи этого времени надежду на исправленіе своимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ перемѣщаются въ разрядъ «исправляющихся» и находятся уже подъ полицейскимъ присмотромъ. Ссыльно-каторжные перваго разряда черезъ три года, а третьяго разряда черезъ годъ послѣ поступленія въ разрядъ исправляющихся, могутъ, съ разрѣшенія горнаго начальства или казенной палаты, получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатѣ заводскихъ мастеровыхъ. Могутъ даже построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу, и вступить въ бракъ. Но оба эти дозволенія красивы только на бумагѣ, но не на дѣлѣ.

Тюремный надзоръ обусловленъ также особыми правилами и предписаніями, которыя, въ главныхъ своихъ чертахъ, заключаются въ слѣдующемъ. «По прибытіи на заводъ, ссыльные, долженствующіе поступить въ извѣстные разряды и содержаться въ острожныхъ казармахъ, принимаются во всякое время, какъ днемъ, такъ и ночью, не исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней». То же самое, разумѣется, относится и къ тѣмъ ссыльнымъ, которые, проживая на заводѣ, внѣ острога, по распоряженію заводскаго начальства, должны поступить въ острогъ. Пріемъ производится, при караульномъ офицерѣ, или унтеръ-офицерѣ смотрителемъ острога, который записываетъ въ шнуровую книгу число и мѣсяцъ поступленія, имя и фамилію ссыльнаго, разрядъ его, отъ кого присланъ и по какому преступленію или изъ какой партіи, примѣты его, собственныя вещи и деньги, отбирая ихъ отъ ссыльнаго, если онѣ имѣются. По пріемѣ, врачъ свидѣтельствуетъ тогда же или непремѣнно на другой день. Въ случаѣ болѣзни ссыльный отправляется въ больницу. Свидѣтельство врача записывается въ книгу. «Число находящихся въ острогѣ людей, какъ закованныхъ, такъ и безъ оковъ, должно быть вполнѣ извѣстно караульному офицеру. Деньги, отобранныя у арестантовъ, записываются въ книгу; ссыльный, хозяинъ ихъ, если грамотный, подписывается. Принятыя деньги запечатываются въ пакетъ, который вмѣстѣ съ другими хранится въ заводской кладовой, а прочія вещи—въ кладовой при острогѣ, въ общемъ ларѣ или сундукѣ. Ключи отъ всего этого, а также припасы и прочее, приготовляемое на счетъ артельной суммы (обувь и одежда) и на счетъ сохранной суммы, хранятся у смотрителя острога. «Когда ссыльный долженъ выбыть вовсе изъ острога, по переводѣ въ высшій разрядъ или, по заслуженному довѣрію, для житья на квартирѣ, слѣдующія ему по расчету деньги выдаются на руки. Ссыльные въ острогѣ размѣщаются, сколько возможно, безъ тѣсноты, а подсудимые или присужденные къ какому-либо наказанію отсылаются изъ острога на заводскую гауптвахту. Часовые въ острогѣ не должны стоять внутри комнатъ, но въ дверяхъ, корридорахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ окажется удобнымъ, чтобы они всегда имѣли въ виду ссыльныхъ».

Въ острогѣ «не дозволяется имѣть бумагу, чернила, карандаши и т. п. и писемъ ни отъ кого не принимать, не дозволяя и получать таковыя. Не дозволять игры въ карты, въ шашки, въ кости и никакія другія игры; также не дозволять играть ни на какихъ инструментахъ. Строго воспрещается курить табакъ. Всегда запрещаются всякаго рода рѣзвости, произношеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольства, брани, разговоровъ, соблазнительныхъ пѣсенъ, хохота и т. п. Виновнаго смотритель отдѣляетъ отъ другихъ въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно, на хлѣбъ и воду".

Керчинскія тюрьмы для неисправныхъ предлагали крутыя, рѣшительныя мѣры. Приковка къ тачкѣ и къ стѣнной цѣпи — вотъ тѣ средства исправленія, которыя придуманы были въ самыхъ строгихъ и самыхъ крайнихъ мѣстахъ ссылки и заточенія. Второе наказаніе необходимо связано, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одиночнымъ заключеніемъ, столь ненавидимымъ русскими преступниками. Когда пронесся слухъ объ этой мѣрѣ по Сибири, — всѣ ссыльные пришли въ ужасъ. Рѣдкая изъ сибирскихъ тюремъ не имѣла въ стѣнахъ своихъ подобнаго рода несчастныхъ. Акатуйская тюрьма (изъ нерчинскихъ), при рудникѣ того-же имени, долгое время имѣла своею исключительною спеціальностью помѣщеніе арестантовъ подобнаго рода. Замѣченныхъ тамъ въ дурныхъ поступкахъ сажали на цѣпь въ отдѣльную комнату.

Акатуй для цѣпныхъ и секретныхъ былъ выбранъ не даромъ; сосредоточивали ихъ здѣсь не безъ задней мысли: мрачнѣе этой мѣстности нѣтъ другой во всемъ Забайкальѣ.

Одиноко стоитъ страшная даже въ Сибири тюрьма Акатуя—два каменныхъ флигеля и одинъ деревянный. Каждый изъ упраздненныхъ Нерчинскихъ заводовъ представляетъ людное селеніе, которому уступаютъ такіе города Забайкалья, какъ Нерчинскъ и Селенгинскъ, въ величинѣ и населенности. Строенія этихъ казенныхъ мѣстъ ссылки ветхи и печальны по своему наружному виду. Кварталы или слободки, населенные ссыльными, прошедшими уже тюрьмы, этапы и каторгу, изъ которыхъ многіе успѣли обзавестись семьей, сдѣлаться окончательно осѣдлыми, ради дѣтей и собственности, неизбѣжны для всякаго заводскаго и промысловаго селенія.

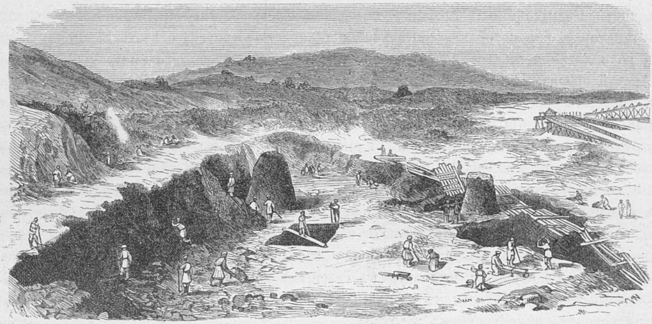
Акатуй подавалъ нѣкогда большія надежды. Онъ лежитъ на той возвышенности, которая составляетъ высочайшую точку рудоносной части Нерчинскаго округа. Здѣсь селится крайняя бѣдность; сюда идетъ жильцомъ всякій и всякая, кому не знакомъ прямой и честный трудъ, для которыхъ легкія, хотя и рискованныя работы — самое любимое и знакомое средство для пропитанія. Здѣсь помѣщается явный развратъ и темный промыселъ, направленный на пріобрѣтеніе чужой собственности. Бродяги и мелкіе мошенники — обитатели этихъ подгородныхъ слободъ въ Россіи; арестанты, выпущенные на пропитаніе — жильцы этихъ, на половину врытыхъ въ землю и обмазанныхъ глиной, лачугъ, какія во множествѣ группируются на выѣздахъ изъ казенныхъ заводскихъ селеній. «Юрдовками» называются эти притоны (отъ игры въ юрдовку) въ селеніяхъ кирійскихъ золотыхъ промысловъ и въ Петровскомъ желѣзо-дѣлательномъ заводѣ; „Теребиловской" называется такая же слободка въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ.

Въ «Теребиловку» идетъ, для всяческихъ наслажденій, тюремный «сидѣлецъ», подкупившій сторожей или ускользнувшій отъ нихъ на работѣ. Въ «Теребиловкѣ» же группируются въ шайки всѣ тѣ изъ тюремныхъ «сидѣльцевъ», которые выпущены на пропитаніе.

Въ «Теребиловку» идетъ всякій изъ тѣхъ тюремныхъ, которому надоѣла каторга и соблазняетъ вольная жизнь въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Въ этихъ притонахъ всегда найдется мастеръ изъ рѣзчиковъ столицы, или екатеринбургскій гранильщикъ, или нижегородскій слесарь. Люди на бездѣльѣ, при нуждѣ и соблазнахъ, непрочь отъ всякаго предложенія, лишь бы оно обезпечивало имъ насущный день. Мастера эти отъ аляповатыхъ печатей съ гербами доходятъ до художественности Цизика, который обломкомъ перочиннаго ножика вырѣзывалъ на камняхъ замѣчательно красивые миніатюрные ландшафты, дѣлалъ фальшивыя бумажки, удивительно сходныя съ дѣйствительными, и мастерилъ вазы, усыпанныя мелкими мушками и другими насѣкомыми, за которыя любители платили большія деньги.

Украденное золото и серебро ссыльно-рабочіе сдаютъ, за ничтожную плату, въ надежныя руки въ «Теребиловку». Здѣсь опредѣленнымъ путемъ находитъ его заводскій служитель и передаетъ въ руки казака, выбирая при этомъ (чтобы скрыть слѣды) такого казака, который былъ въ заводѣ при промыслѣ знакомъ уже съ этимъ дѣломъ и привыкъ къ нему. Для передачи краденнаго, ссыльные рѣдко кого предпочитаютъ казакамъ; часто употребляютъ для этого дѣла солдатъ и всегда прибѣгаютъ къ болѣе вѣрному посредству — служителямъ.

Болѣе всего побужденій къ бѣгамъ существуетъ у каторжныхъ. Первый побѣгъ каторжныхъ объясняется страхомъ наказанія и желаніемъ избавиться отъ долголѣтней каторги, наложенной за преступленіе, подвергшее ссылкѣ. Часто бѣгутъ съ дороги, изъ острога и едва дòбравшись до завода. Бѣгство имѣетъ цѣлію не постоянное бродяжество, а желаніе послѣ поимки показаться поселенцемъ, солдатомъ или просто непомнящимъ, а не каторжнымъ. Такое стремленіе улучшить судьбу очень естественно въ ссыльномъ человѣкѣ, и рѣдкій его не желаетъ. Во время бродяжества и въ острогахъ, подыскивается случай сослаться на какое либо лицо—и затѣмъ совершается побѣгъ, съ разчетомъ, что, во время слѣдующей поимки, бѣжавшій дастъ новыя показанія и перемѣнитъ свою участь. Это удается и нѣтъ. Выходятъ ложныя справки, т. е. показанія не потверждаются, клейма обнаруживаются, знаки прежняго наказанія также уличаютъ — и приходится отвѣчать за побѣгъ, какъ каторжному, хотя довольно часто остается необнаруженнымъ заводъ или рудникъ, куда каторжный былъ прежде сосланъ. Снова подыскивается случай бѣжать и, въ большинствѣ случаевъ, неудачно. Такъ проходитъ у нѣкоторыхъ цѣлая жизнь въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Все

Каторжные на разрѣзныхъ работахъ въ Карійскомъ золотомъ промыслѣ.

здѣсь зависитъ отъ перваго побѣга, неудача котораго затягиваетъ въ дальнѣйшіе побѣги по необходимости.

Кромѣ страха долголѣтняго страданія на каторгѣ и нежеланія выживать такой срокъ, есть еще бòльшій импульсъ къ побѣгамъ. Это — тяжелая жизнь на заводахъ, тоска и естественное стремленіе къ волѣ, хотя на мигъ. Для всего этого люди, совершающіе бѣгства, готовы жертвовать даже жизнью.

Представьте себѣ обстановку каторги. Дикая и угрюмая мѣстность дальней тайги, угрюмыя горы и холмы тянутся на значительное пространство, мелкій и тощій кустарникъ пробирается между холмами, а вдали темно и угрюмо синѣетъ мрачная тайга съ непривѣтными елями, соснами и пихтами. Скучна и подавляюща мѣстность, скучна и подавляюща жизнь! Работы въ цѣпяхъ, съ тачками, на трудно поддающейся лому и кайлѣ почвѣ, на холодѣ, подъ дождемъ и непогодой, иногда даже поколѣно въ водѣ. Какъ трудны работы, можно судить по тому, что рабочіе часто нарочно переламываютъ себѣ ломомъ ногу, уродуютъ руку, чтобы избавиться отъ этого по истинѣ египетскаго ига.

— И пойдешь къ пріятелю, — разказывалъ каторжный,—и скажешь: «Что, братъ, намъ мучить себя? Уйдемъ»! Соберется насъ такъ пять — шесть человѣкъ, запасемъ хлѣба, выйдемъ на работу—и ударимся на «уку.»

Выходятъ утромъ каторжные на работы, окруженные цѣпью конвойныхъ съ ружьями. Нѣкоторые быстро сбрасываютъ кандалы, подготовившись предварительно къ этому; другіе освобождаютъ отъ кандаловъ одну ногу и конецъ цѣпи берутъ въ руку. Затѣмъ раздается «ура»... Человѣкъ пять отчаянныхъ вылетаютъ изъ-за цѣпи конвоя и, какъ бѣшеные, бросаются въ лѣсъ. . . . Раздаются выстрѣлы. Двое-трое ранены или убиты; остальные скрылись. Убѣгающіе навѣрное знаютъ, что кто-либо изъ нихъ неминуемо долженъ пасть подъ пулями, но въ этомъ случаѣ свобода или смерть ставятся на карту. Выбравшись изъ подъ пуль, они, какъ одурѣлые, мчатся нѣсколько верстъ въ тайгу и блуждаютъ нѣсколько дней въ какомъ-то помѣшательствѣ отъ боязни преслѣдованія и неизвѣстности ожидающаго ихъ будущаго; часто они не могутъ найти дорогу — и возвращаются на тотъ же пріискъ. По нѣскольку дней сидятъ бѣглецы въ трущобахъ, съ фунтомъ-двумя хлѣба, пока не пройдетъ погоня. Истощенные голодомъ, ночью прокрадываются они, чтобы выпросить на дорогу хлѣба у пріятелей и собратовъ своего и чужаго пріиска. Затѣмъ тихо-тихо, по укромнымъ тайгамъ, ночью, подъ страхомъ встрѣтить мужика или Бурята съ винтовкой, боясь каждаго куста, голодные и иззябшіе, пробираются бѣглецы къ Байкалу. Этотъ путь бродягъ пролегаетъ по перепутанной, съ глубокими впадинами и зіяющими пропастями, цѣпи Нерчинскихъ горъ, по зеленѣющимъ и богатымъ роскошною растительностью степямъ и долинамъ Забайкалья, среди дремучихъ лѣсовъ, кишащихъ дикимъ звѣремъ и богатыхъ разными другими опасностями, особенно же вокругъ Бай-

Переправа черезъ Байкалъ арестантовъ, бѣжавшихъ изъ Селенгинской каторжной тюрьмы.

кала, по едва проходимымъ обрывамъ Хамаръ Дабана. Самая переправа чрезъ это громадное, бурное, какъ море, озеро, дала пищу многочисленнымъ, дышащимъ правдою и неподдѣльной поэзіей, пѣснямъ бродягъ. Даже въ старинное время нѣкоторыя бродяжескія пѣсни отличались безукоризненной отдѣлкой внѣшней формы и вѣрности стиха, какъ, напримѣръ, слѣдующая довольно извѣстная пѣсня:

Славное море—привольный Байкалъ!
Славный корабль — омулевая бочка!
Эй, Баргузинъ *), пошевеливай вамъ,
Плыть молодцу недалечко!
Долго я звонкія цѣпи носилъ,
Душно мнѣ стало въ горахъ Акатуя!
Старый товарищъ бѣжать пособилъ...
Ожилъ я волю почуя.
Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь,
Горная стража меня не видала,
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала.
Шелъ я и въ ночь, и средь бѣлаго дня
Вкругъ городовъ я посматривалъ зорко.
Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Весело я на сосновомъ бревнѣ
Плыть чрезъ глубокія рѣки пускался.

*) Сѣверо-восточный вѣтеръ.

Мелкія рѣчки встрѣчалися мнѣ—
Въ бродъ я чрезъ нихъ отправлялся.
У моря струсилъ немного бѣглецъ:
Берегъ крутой, а и нѣтъ ни корыта.
Шелъ я Карчой и пришелъ, наконецъ,
Къ бочкѣ, дресвою замытой.
Нечего думать — Богъ счастье послалъ;
Въ этой посудѣ и быкъ не потонетъ;
Труса достанетъ валъ и на суднѣ,
Смѣлаго-жъ въ бочкѣ не тронетъ.

Тѣсно въ ней жить омулямъ—
Мелкія рыбки утѣштесь словами:
„Разъ побывать въ Акатуѣ бы вамъ,—
Въ бочку полѣзли бы сами".
Четверо сутокъ ношусь по волнамъ.
Парусомъ служитъ армякъ мой дырявый
Близко виднѣются горы и лѣсъ:
Могъ погулять бы и здѣсь, да бѣсъ
Тянетъ къ родному селенью.

Но вотъ бродяги обошли Байкалъ, питаясь въ рыбачьихъ балаганахъ, вошли въ Иркутскую губернію, гдѣ раскинулись гостепріимныя сибирскія деревни. Но конченъ ли рискованный подвигъ? Получена ли свобода? Надолго ли она? Подвигъ только еще начинается во имя печальной бродяжеской свободы! Что за нужда!

Хоть часъ бы одинъ подышать
Дыханьемъ луговъ полевыхъ!
О, хоть-бы часъ лишь одинъ!.

Недолго, одако, пришлось погулять на свободѣ: первая встрѣча — и онъ узнанъ, какъ »тавреный конь» (такъ называютъ себя бродяги), по старымъ клеймамъ.

Вмѣстѣ съ каторжными, къ бродячему люду нужно отнести и поселенцевъ. На поселеніе ссылаются или прямо изъ Россіи, или выходятъ туда съ заводовъ и рудниковъ по истеченіи сроковъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, и по своему характеру, и по мѣстнымъ условіямъ труда, мало склонны къ осѣдлости. Ссыльное населеніе Сибири находится, вообще, въ дурныхъ условіяхъ. Явившись въ новую мѣстность, въ неизвѣстную среду, ссыльные не могутъ найти тѣхъ занятій, которыя имѣли на родинѣ и которыя становятся почти вовсе ненужными имъ въ новой странѣ. Это обусловливается разницею въ экономической жизни Сибири и внутренней Россіи, наконецъ—разностью ихъ развитія. Сибирь—по преимуществу производительница самаго грубаго сырья; для добыванія этого сырья изъ нѣдръ земли требуется, по большой части, трудъ физическій: нужно пахать, боронить, ходить за скотомъ, копать землю на пріискахъ и тому подобное.

Такимъ образомъ, какому-нибудь мастеру или работнику, напримѣръ, съ бархатной, суконной, хлопчато-бумажной фабрики, нѣтъ возможности въ Сибири найти обычнаго занятія, и онъ принужденъ идти въ работники къ мужику или наняться на пріиски. Ремесленникъ, сосланный въ деревню, становится въ самое неестественное, стѣсненное положеніе.

Многіе изъ поселенцевъ не привыкли ни къ какому физическому труду, бывши на родинѣ приказчиками, торговцами, половыми, лакеями, актерами и т. п. Такихъ значительное большинство. Наконецъ, въ Сибирь ссылается много народа, который снискивалъ себѣ средства къ жизни разными предосудительными способами, какъ напримѣръ, игроки, шуллера, контрабандисты, фальшивые монетчики, артисты воровства и проч. Всѣ эти люди, переселенные въ страну, гдѣ необходимъ физическій трудъ, усиленное прилежаніе, настойчивость въ преодолѣваніи препятствій, представляемыхъ дѣвственной природой,—въ жизни дѣлаются совершенно несостоятельными. Есть и еще одинъ стимулъ, вызывающій поселенца бѣжать съ мѣста поселенія, который обойти мы не можемъ: это—любовь къ родинѣ. Какъ ни трудно, но большая часть ссыльныхъ желаетъ повидать ее. Это—вѣчно теплящаяся любовь, и даже въ самомъ грубомъ сердцѣ постоянно влечетъ его къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ протекли его лучшіе дни, гдѣ онъ оставилъ все родное, любимое и, наконецъ, свое счастіе. Ему грезится всегда его земля съ родными дубами, съ широкой Волгой или Окой, съ красивыми городами и золотыми куполами; онъ мечтаетъ о ней, какъ изгнанникъ, и добивается дойти до нея всѣми средствами, не смотря ни на какія препятствія.

Послѣ поселенцевъ въ бродячемъ людѣ встрѣчается болѣе всего дезертировъ; они здѣсь

скрываются подъ именемъ непомнящихъ родства. Всѣ они стремятся обойти службу и выдти, покрайней мѣрѣ, «на вольное поселеніе», но поступаютъ въ общій ссыльный водоворотъ и проводятъ жизнь только бродягами и каторжниками.

Если бы возможно было окинуть взглядомъ а vol d'oiseau большую сибирскую дорогу отъ большаго Нерчинскаго завода до границы Пермской губерніи, то увидѣли бы цѣлыя массы народа, снующаго по ней группами въ 10, 20, а иногда и 40 человѣкъ. Растянувшись по дорогѣ, они то обгоняютъ другъ друга, то отстаютъ, то группируются на мельницахъ, на заимкахъ, на пашенныхъ избушкахъ, то разбиваются и парами расходятся по деревнямъ, лежащимъ близъ тракта. Это—сибирскіе бродяги. Они идутъ большимъ трактомъ, какъ кратчайшимъ путемъ, идутъ и проселками по правую и по лѣвую сторону дороги, заворачиваютъ въ сторону, кружатъ по деревнямъ и снова выходятъ на большую дорогу. Нѣкоторые пробираются тайгами, гдѣ прямѣе; нѣкоторые плывутъ рѣками; но у всѣхъ у нихъ, не смотря на запутанность пути, одно направленіе. Всѣ они стремятся достичь Иркутской губерніи, по преимуществу Забайкалья. Войдя въ Иркутскую губернію, они стараются выбраться на большой трактъ; здѣсь имъ идти вольготнѣе, только мѣстами нужно проходить тайги. Такъ направляется этотъ потокъ на западъ—въ Россію; по пути онъ увеличивается притоками новыхъ бѣглецовъ съ разныхъ заводовъ и поселеній. Перевалъ черезъ границу Тобольской губерніи составляетъ самое важное затрудненіе, а потому нѣкоторые идутъ на Ирбитъ, на Пелымъ, а за тѣмъ черезъ Уралъ тайгою и безслѣдными мѣстами, къ Чердыни. Другіе заходятъ еще сѣвернѣе, къ самому Березову, переходя пустыни на лыжахъ. Иные проходятъ изумительныя пространства—тысячъ по сорока верстъ!

Громадный путь бродягъ, по мѣстностямъ въ большинствѣ случаевъ пустыннымъ, полонъ трудностей, бѣдствій и неудобствъ всякаго рода. Уже выходя изъ завода, они начинаютъ терпѣть лишенія; что же имъ приходится испытывать, когда они проходятъ громадное пространство по Забайкалью? Здѣсь самое народонаселеніе часто старается затруднить путь бродягъ; съ особеннымъ усердіемъ занимаются этимъ Буряты. Но самый трудный переходъ кругомъ Байкала. Быстрые и бурные горные потоки представляютъ весьма серьезныя затрудненія при переправѣ. Горе бѣдняку, который оборвется въ воду, пытаясь перейти черезъ потокъ по слегамъ, наброшеннымъ имъ на выдающіеся камни скалистаго грунта, или переплыть черезъ него на самодѣльномъ плотикѣ, грозящемъ ежеминутно разбиться о скалы и быть увлеченнымъ въ водоворотъ! Стремительность потока не допускаетъ сопротивленія: упавшій быстро несется къ устью, а затѣмъ и въ громадное озеро. Много жертвъ унесли эти рѣчки: недаромъ бродяги съ тоской и страхомъ вспоминаютъ о трудностяхъ кругоморской дороги, какъ поется, напримѣръ, въ пѣснѣ:

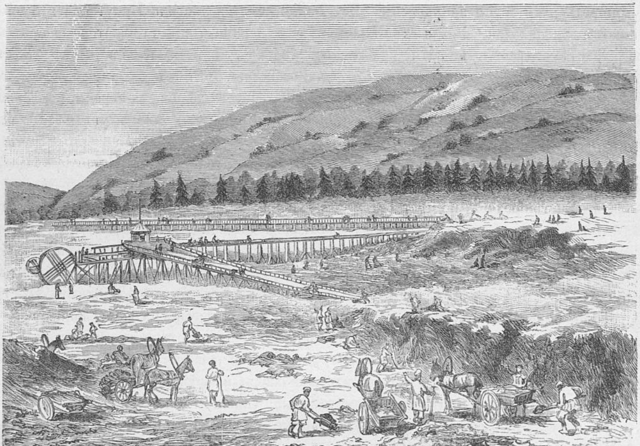
„Обойдемъ мы кругомъ моря
Половину бросимъ горя“...

Въ дальнѣйшемъ пути бродягамъ нерѣдко приходится идти дикими урманами и плыть по водѣ. Встрѣчающіеся пороги, напр., по Кану и Ангарѣ, обходятъ пѣшкомъ, тайгою; но болѣе смѣлые пускаются на плотахъ и черезъ пороги, надѣясь пройти ихъ. Такое плаваніе рѣдко обходится счастливо: ударъ о камень полагаетъ конецъ земному странствованію бродягъ. Переходы черезъ пустыни и лѣса также не безъ трудностей. Такъ, напримѣръ, путь изъ Охотска въ Якутскъ идетъ по мѣстамъ гористымъ, дикимъ и совершенно безлюднымъ; вдали отъ дорогъ и жилья. Путешествіе по этой дорогѣ продолжается около сорока сутокъ, въ одиночествѣ и совершенной пустынѣ, посреди утесовъ или извилистыхъ, переплетающихся рѣчекъ.

Картину оборванныхъ, почернѣвшихъ сибирскихъ бродягъ, вѣроятно, случалось видѣть каждому, проѣзжающему по Сибири. Идутъ бродяги массами по дорогѣ,—ихъ никто не останавливаетъ; идутъ они и въ деревняхъ свободно, въ отрепьѣ, безъ рубахъ, въ арестантскихъ халатахъ съ тузами, иногда съ бритыми головами. Всѣ они одѣляются милостыней. Къ нимъ привыкли. Зиму бродяги проводятъ въ баняхъ и разныхъ избушкахъ. Иногда, проѣзжая ночью

по деревнѣ, можно замѣтить, что всѣ бани дымятся: это расположились бродяги на ночлегъ. Крестьяне охотно даютъ пріютъ этимъ странникамъ и смотрятъ на нихъ снисходительно, пока они безвредны.

Тяжела жизнь бродяги и на волѣ. Тянется она, горькая, бездольная, нищенская, страдальческая, тянется цѣлые годы безъ конца. До-нельзя надоѣстъ эта безконечная дорога, это вѣчное странствованіе, вѣчные побѣги и вѣчныя опасенія за свою свободу. Какъ печальна жизнь бродяги, такъ печаленъ и конецъ его. Пробираясь въ страшную непогоду, подъ дѣйствіемъ весеннихъ и осеннихъ ливней, среди болотъ, переправляясь черезъ разлившіяся озера и рѣки, бродя зимой, въ сильные холода и морозы, въ худой одеженкѣ, обмораживаясь и простужаясь, бродяга часто хвораетъ. Больной и холодный тащится онъ по тайгѣ, нерѣдко въ лихорадкѣ или съ началомъ тифа; едва-едва добирается до деревни и просится къ мужику

Каторжныя работы на Карѣ (золотопромывательная машина на верхнемъ промыслѣ).

въ баню, куда съ неохотой принимаютъ его. Счастье, впрочемъ, еще, если ему удастся добраться до деревни, но часто болѣзнь застаетъ его въ полѣ. Кое-какъ добредетъ несчастный до одинокого балагана, гдѣ продуваетъ его со всѣхъ сторонъ, и лежитъ онъ больной, надѣясь только на своего брата бродягу, одинъ среди пустаго лѣса. Медленно тянется время; ночью слышится ревъ волковъ, да иногда, среди болѣзненной безсонницы, хрустѣнье валежника и ревъ медвѣдя. Все полно безнадежности: и молится, молится бродяга, чтобы поскорѣе Богъ послалъ смерть. Самая смерть его будетъ одинокою и бобыльною, какою была цѣлая жизнь. Откроютъ весной его тѣло и бросятъ въ болото, чтобы не имѣть лишнихъ хлопотъ съ начальствомъ: вотъ и конецъ бродяжеской жизни:

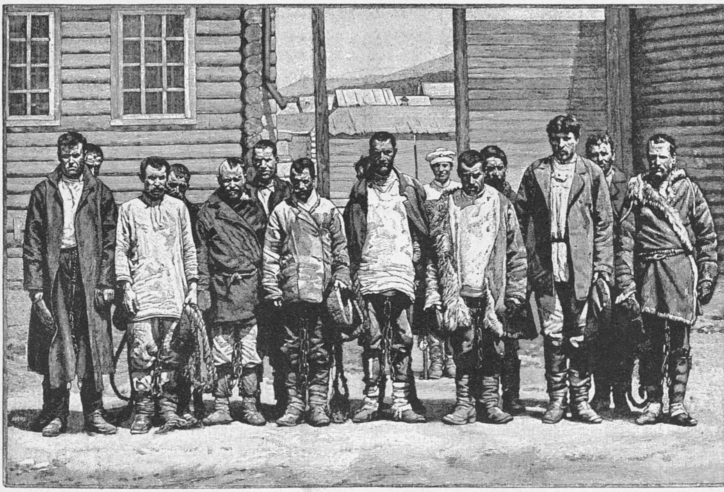
„Какъ надъ богатымъ —
Ставятъ мавзолей,
А надъ нашимъ братомъ —
Пищитъ воробей“.

Такъ изображаютъ бродяги въ передѣланной пѣснѣ свою могилу.

Карійскій золотой промыселъ

Сибирское бродяжество заключаетъ въ себѣ всѣ элементы корпоративности. Одинаковыя условія жизни, одинаковые интересы, одинаковыя цѣли и судьба создали изъ бродягъ довольно солидарную массу, которая имѣетъ свою общественную силу, свое общественное мнѣніе и извѣстныя общественныя условія. Жизненный опытъ, выработанный бродяжескими поколѣніями, далъ свои правила и доктрины, которымъ невольно подчиняется всякій, выступившій на бродяжескую дорогу. Острогъ, въ которомъ перебываетъ каждый бродяга, еще болѣе сплачиваетъ членовъ бродяжества: здѣсь бродяга натурализуется окончательно, т. е. признается достойнымъ принятія въ члены корпораціи; здѣсь онъ посвящается во всѣ тайны корпораціи, роднится съ ней, пріучается жить ея интересами. Личная жизнь его начинаетъ зависѣть отъ жизни общественной и онъ волнуется, печалится, радуется и живетъ общими дѣлами корпораціи. Такъ слагается внутренняя жизнь бродяжеской общины.

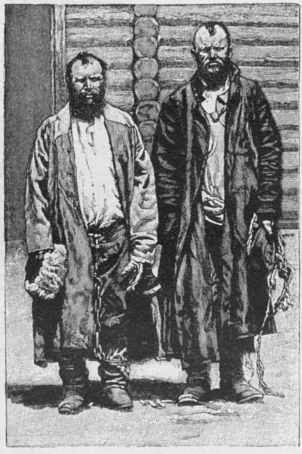
Типы каторжниковъ.

Бродяжеская корпорація, создавшаяся во имя крайней необходимости, сильна своимъ единствомъ. Тамъ, гдѣ представляется случай, бродяги всегда соединяются въ одно общество, дающее извѣстныя гарантіи каждому изъ своихъ членовъ, подъ обязательствомъ исполненія всѣхъ уставовъ, или вѣрнѣе—обычаевъ этого общества. Въ тюрьмахъ бродяги не смѣшиваются съ остальными арестантами, живутъ своею средой, имѣютъ свою особенную администрацію, т. е. старосту и писаря, свои сходки, свою кассу и майданъ.

Во время бродяжества, они также, при первой возможности, стараются соединиться въ отдѣльную общину. Такъ, когда въ нѣкоторыхъ деревняхъ Томской губерніи, лежащихъ по рѣкѣ Сосновкѣ, скопилось много бродягъ по работамъ у крестьянъ, то они составили свое общество, выбрали своего голову и писаря. Это общество существовало на ряду съ крестьянскимъ. Если бродяга попадался въ какой-нибудь винѣ, то надъ нимъ учреждался судъ и производилась расправа; наказанія за провинности назначались суровыя и бывали примѣры, что

виновному давали отъ 500 до 700 розогъ публично, при крестьянахъ. Такъ у бродягъ съ крестьянствомъ установились чисто-международныя отношенія.

Въ остальныхъ случаяхъ, хотя корпорація и въ разбродѣ, но группируется, по мѣрѣ надобности, для какого-нибудь предпріятія. Каждый членъ корпораціи не долженъ нарушать интересовъ своей среды: онъ обязанъ защищать своего собрата. Онъ не долженъ выдавать начальству, что знаетъ о своихъ собратьяхъ, и не показывать на нихъ. Показаніе бродягъ на крестьянъ, у которыхъ они имѣли пріютъ, также не одобряется. Вообще, требуется строгое сохраненіе тайнъ корпораціи. Нарушеніе этихъ основныхъ законовъ бродяжеской корпораціи считается измѣною и жестоко наказывается. Точно также бродяги преслѣдуютъ воровство у своихъ, битье, увѣчье, отбиваніе насильно бродяжескихъ женъ и любовницъ, особенно же караютъ за убійство своего брата: за послѣднее преступленіе иногда даже опредѣляютъ смертную казнь. Былъ, напримѣръ, такой случай. Шелъ парень со старикомъ; многіе бродяги встрѣчали ихъ и обгоняли. Въ одну ночевку парень приходитъ одинъ и въ стариковомъ платьѣ. Парень былъ задержанъ бродягами; для разслѣдованія были посланы депутаты, которые по слѣдамъ крови отъ балагана послѣдней ночевки, гдѣ видѣли парня вмѣстѣ со старикомъ, дошли до болота, куда былъ брошенъ трупъ старика. Послѣ короткаго совѣщанія, послѣдовало осужденіе преступника. Тогда бродяга, взявшій на себя исполненіе приговора, велѣлъ вести за собою арестанта. Парень чувствовалъ, что его ожидаетъ что-то недоброе.—«Дяденька, дозвольте хоть трубочку въ послѣдній разъ покурить»,—сказалъ онъ. Бродяги разсмѣялись такому хладнокровію, дали ему покурить и затѣмъ повели въ лѣсъ. Здѣсь исполнитель снялъ ремень съ кольцомъ съ бродня, сдѣлалъ петлю, приказалъ нагнуть березу, закрѣпилъ ее... Черезъ нѣсколько минутъ преступникъ висѣлъ....

Каторжники.

Убійцѣ не всегда опредѣляется въ наказаніе смерть, но его наказываютъ розгами и палками такъ жестоко, что слѣдствіемъ наказанія почти всегда бываетъ смерть. Часто бродяги пускаются въ розыски за преступниками изъ своей корпораціи верстъ за сто, за двѣсти и болѣе. Такъ, въ 1867 г. отыскивали какого то *Омуля криваго*, который, вмѣстѣ съ любовницею, убивалъ бродягъ.

Преслѣдованіе бродягъ, совершившихъ преступленіе противъ своихъ, не прекращается и въ острогѣ; напротивъ, бродяги больше всего опасаются суда въ острогѣ: здѣсь корпорація въ болѣе полномъ составѣ. Такимъ образомъ бродяги для собственной безопасности устроили себѣ самосудъ и свой уголовный кодексъ.

Половину жизни бродяга проводитъ въ полѣ; половина жизни проходитъ въ острогѣ, который даетъ имъ одинаковость положенія, общіе нравы и сближаетъ ихъ. Прожившія поколѣнія бродягъ имѣютъ свою исторію, передаваемую въ устныхъ разсказахъ. Часто приходится слышать разсказы объ одномъ и томъ же знаменитомъ лицѣ изъ разныхъ устъ, варьируемые и изукрашенные вымыслами. Это—бродяжескіе мифы. Отличительныя черты героя бродяжескихъ сказаній—неустрашимость въ опасностяхъ, смѣлость въ похожденіяхъ, хитрость въ способахъ проводить преслѣдователей. Онъ долженъ быть отличнымъ воромъ; деньги у него никогда не должны переводиться. Онъ долженъ кутить и вести ожесточенную борьбу съ властями и

крестьянствомъ. Когда-то у бродягъ велась безпощадная война съ крестьянствомъ и въ разсказахъ сохранились до сихъ поръ нѣкоторые эпизоды изъ нея, имѣющіе сказочный характеръ. Таковъ, напримѣръ, мифъ о Заворотѣ, крестьянинѣ, промышлявшемъ убійствомъ бродягъ. Бродяга-герой, посѣтившій съ товарищами этого крестьянина, заговорилъ у него ружье и лошадь, такъ что когда послѣдній нагналъ ихъ въ лѣсу и хотѣлъ убить всѣхъ семерыхъ одной пулей, на полкѣ винтовки, вмѣсто пороха, очутилась вода, а лошадь у Заворотыначала кружиться. Предводитель бродягъ приказалъ убить бродяжескаго убійцу; куски же его тѣла сложилъ въ мѣшки и привязалъ ихъ къ лошади.

Подобные разсказы служатъ какъ-бы утѣшеніемъ для бродягъ, что и ихъ смерть не останется безнаказанной. Вотъ разсказъ, потверждающій это предположеніе. Въ одной деревнѣ жилъ мужикъ, который убивалъ и обиралъ бродягъ, но подъ конецъ жизни бросилъ свои злодѣянія и раскаялся. Къ такому раскаянію его побудило слѣдующее приключеніе. Разъ къ нему пришло нѣсколько бродягъ; нѣкоторые были съ деньгами. Онъ пріютилъ ихъ и когда они ушли, отправился за ними въ погоню. Въ лѣсу онъ нашелъ ихъ всѣхъ спящими, одного подлѣ другаго, въ одной линіи. Выстрѣливъ вдоль, онъ убилъ шестерыхъ человѣкъ, а 7-ой побѣжалъ (убійство одной пулей многихъ часто фигурируетъ въ бродяжескихъ разсказахъ). Тогда крестьянинъ догналъ бѣжавшаго и убилъ его, прикладомъ. Обобравъ деньги у своихъ жертвъ, убійца присѣлъ отдохнуть на сломленное дерево, только видитъ: прилетѣла птица и начала клевать песокъ. Убійцѣ тоже захотѣлось попробовать его и песокъ оказался сладкимъ. Тогда имъ овладѣлъ страхъ и онъ убѣжалъ домой. Ночью къ нему явились убитые, требуя похоронъ. Чуть свѣтъ поѣхалъ онъ на мѣсто преступленія. На колѣняхъ у труповъ молилъ онъ о прощеніи, перецѣловалъ ихъ всѣ и предалъ землѣ. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ ничего ѣсть, не съѣвши предварительно горсти земли. Это было наказаніемъ свыше. Съ той поры онъ не пропускалъ ни одного бродягу, не накормивъ его до-сыта.

Герои бродяжества воплощаются въ самостоятельной бродяжеской поэзіи, гдѣ воспѣваются разныя приключенія героевъ, ихъ побѣги и т. п. Пѣсни бродяжескія на половину острожныя, потому что судьба бродягъ постоянно связана съ острогомъ. Въ этихъ пѣсняхъ всегда звучитъ глубокая грусть человѣка, чувствующаго свое одиночество.

Многія неудобства и безпорядки прежней каторжной и ссыльной системы вызвали серьезную критику въ литературѣ. Несостоятельность прежняго наказанія поэтому достаточно сознана. Правительство точно также убѣдилось въ недостаткахъ этого наказанія, что было выражено во многихъ оффиціальныхъ проектахъ по тюремному вопросу. Съ измѣненіемъ градацій уголовныхъ наказаній и съ тюремнымъ преобразованіемъ предвидится дать уже менѣе мѣста этому наказанію.

Но самая главная ненормальность, убѣждающая въ необходимости измѣнить существующую ссылку, это—несоотвѣтствіе подходящей высылки преступниковъ на поселеніе въ гражданское общество и среду такія же, какъ и въ Европейской Россіи.

Если въ прежнее время Сибирь могла считаться незаселенной, пуственной и удобной для ссылки преступниковъ, то нынѣ, послѣ весьма продолжительнаго историческаго періода, съ притокомъ свободной колонизаціи, она не можетъ таковою считаться. Сибирь имѣетъ многіе города, довольно значительные, торговлю, промышленность, гражданское общество, желающее оградить себя отъ дурныхъ и вредныхъ элементовъ. Поэтому къ 300-ти лѣтію этаго края выразилось единодушное желаніе объ избавленіи Сибири отъ тягостной повинности, въ формѣ ссылки, которая тяготѣетъ надъ нею вѣками. Жители Сибири весьма долго страдали уже отъ преступленій ссыльныхъ, очень много терпѣли отъ злодѣяній преступниковъ, слишкомъ много несли непріятностей и убытковъ отъ бродяжничества ссыльныхъ, и просьба ихъ несомнѣнно вполнѣ законна и справедлива.

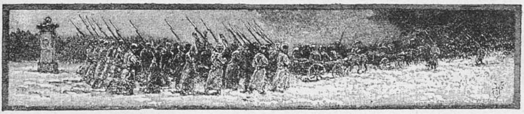
Сибиряки справедливо называютъ ссылку «язвою края». Наказаніе должно найти себѣ

новую форму и направиться въ мѣстности, гдѣ она будетъ причинять менѣе вреда гражданскому населенію.

Сибирь, вступая въ новую эру жизни, спустя 300 лѣтъ, ждетъ своего обновленія и развитія; она ждетъ распространенія на нее тѣхъ же гражданскихъ правъ, какія доступны жителямъ остальной имперіи.

Обширная и богатая колонія своимъ развитіемъ, своею гражданственностью ежеминутно доказываетъ, что она можетъ быть предназначена для лучшей цѣли, а именно—воспринимать изъ метрополіи тотъ излишекъ свободнаго земледѣльческаго населенія, который нуждается въ землѣ. При такихъ условіяхъ этой обширной, плодородной и живописной странѣ предвидится будущее, несравненно лучшее, чѣмъ доселѣ давала ей исторія, а ссыльное населеніе замѣнитъ естественная свободная колонизація.

Н. М. Ядринцевъ.

По ту сторону границы.

ОЧЕРКЪ XI.

СѢВЕРНАЯ ЧАСТЬ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Экспедиція гг. Чекановскаго и Миллера на сѣверъ Сибири.—Общій обзоръ страны и главнѣйшія ея особенности.

Если ты странствуешь путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
То посѣти, между прочимъ,
Край мой далекій...
Тамъ сквозь снѣга и морозы
Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что терпятъ
Муки за муки...

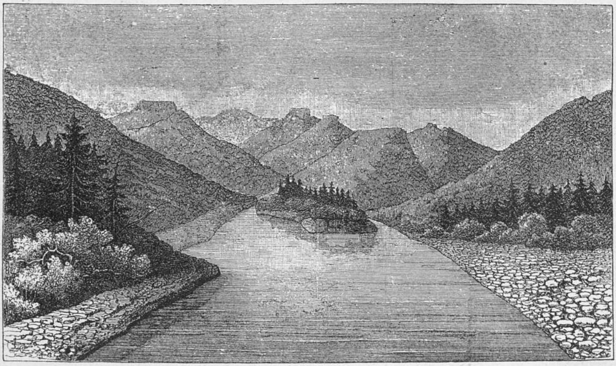
ОМУЛЕВСКІЙ.

Въ Мартѣ 1873 года выѣхалъ изъ Иркутска, съ цѣлью изслѣдованія полярныхъ странъ Восточной Сибири, а именно: совершенно неизвѣстныхъ береговъ рѣки Оленека, молодой ученый А. Л. Чекановскій, заявившій уже себя цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ изслѣдованій геологическаго строенія Иркутской губерніи и Байкальскихъ горъ.

Его сопровождалъ г. Ксенжопольскій, опытный собиратель и искусный изготовитель зоологическихъ коллекцій, и г. Нахвальныхъ — свѣдущій топографъ. Чекановскій отправился сначала въ деревню Банщиково, расположенную на рѣкѣ Ленѣ, нѣсколько ниже Киренска,—гдѣ крестьяне, братья Дмитріевы, разбогатѣвшіе поставками и подрядами на золотые пріиски, оказали ему самое доброжелательное содѣйствіе,—а затѣмъ въ деревню Подволочную, отстоящую не болѣе 35 верстъ отъ Банщикова—пункта ближайшаго къ верховьямъ р. Нижней-Тунгузки, изслѣдованіе которой и было задачею, возложенною на названныхъ ученыхъ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ. Съ половодьемъ, въ маѣ мѣсяцѣ, экспедиція спустилась внизъ по рѣкѣ до села Непы, гдѣ я и присоединился къ ней. Съ богатымъ запасомъ изслѣдованій и наблюденій астрономическихъ, магнитныхъ, гипсометрическихъ и минералогическихъ, съ разнородными коллекціями: ботаническими, зоологическими и геологическими,—прибыли мы, въ первыхъ числахъ сентября, въ Туруханскъ, откуда, послѣ кратковременнаго пребыванія тамъ, направились къ Енисейску. Въ этомъ городѣ оставались мы почти цѣлый мѣсяцъ и только въ началѣ ноября снова вернулись въ Иркутскъ. Въ декабрѣ снарядились мы въ новый путь, — на этотъ разъ, впрочемъ, только Чекановскій и я, для выполненія второй части возложеннаго на насъ порученія, а именно, для научнаго изслѣдованія почти неизвѣстной рѣки Оленека, которая, какъ и Тунгузка, имѣетъ протяженіе въ 3000 верстъ.

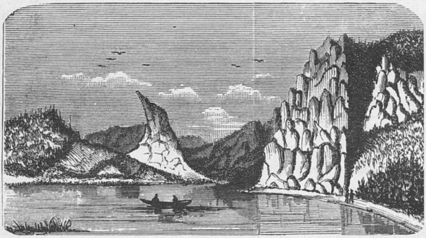
Проѣхавъ черезъ Киренскъ и Подволочную, мы попали въ послѣднее русское селеніе на

Тунгузкѣ, въ деревню Ербочокъ (по 61° 16′ широты). Здѣсь пробыли мы цѣлый мѣсяцъ, дѣлая послѣднія приготовленія къ отъѣзду, и, наконецъ, пустились въ путь 16 февраля. Мы ѣхали на нартахъ, запряженныхъ двумя сѣверными оленями, которыхъ у насъ было не менѣе 35 штукъ; за нами слѣдовалъ цѣлый обозъ, съ дѣтьми и женами сопровождавшихъ насъ тун-

Нижняя Тунгузка (береговыя скалы).

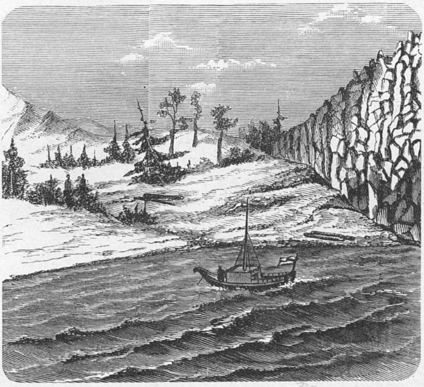
гусовъ. Такимъ образомъ мы вели съ собою никакъ не менѣе 150 оленей, для поимки которыхъ по утрамъ (ихъ приходилось распускать на ночь для того, чтобы они могли добывать себѣ пищу изъ-подъ снѣга), требовалось въ самомъ благопріятномъ случаѣ четыре часа, а иногда и гораздо болѣе. При такихъ условіяхъ, мы дѣлали не болѣе 12 верстъ въ день; къ тому же и дорога была въ высшей степени затруднительна. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлала множество изгибовъ, и намъ рѣдко представлялась возможность ѣхать по ея гладкой ледяной поверхности, а приходилось избирать болѣе краткій путь по берегу, поросшему почти повсемѣстно лѣсомъ. Въ этихъ случаяхъ мы высылали впередъ нѣсколькихъ работниковъ съ топорами для расчистки дороги, но все-таки оставалось не мало пней и прочихъ препятствій, которыя значительно затрудняли путь и вызывали безпрестанныя остановки. При каждой, болѣе или менѣе значительной отлогости, нарты спускались по-одиночкѣ, во избѣжаніе толчковъ о деревья или столкновенія нартъ между собою, которыя могли бы, вслѣдствіе этого, разбиться. Часто приходилось и намъ самимъ спрыгивать въ глубокій снѣгъ, чтобы уберечь нарты отъ поврежденія или не дать имъ опрокинуться. Когда же экипажъ нашъ терялъ равновѣсіе, опрокидывался,—мы проваливались въ снѣгъ, засыпавшій насъ съ ногъ до головы.

Лена ниже Киренска.

Послѣ четырнадцати-дневной ѣзды мы достигли, наконецъ, Аякана—поселка богатаго тунгуса Увочана, который взялся доставить насъ на своихъ оленяхъ къ озеру Спрунчуа въ область

Вилюя, богатую ключами, съ условіемъ, что тесть его Голé Каплинъ будетъ сопровождать насъ во время пути. Люди эти были знакомы намъ уже изъ прежняго путешествія, когда Голé, бывшій въ то время шулингою (старшиною тунгусовъ), принесъ намъ большую пользу знакомствомъ съ мѣстностью и большимъ вліяніемъ на своихъ земляковъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Аяканѣ, гдѣ температура 7 марта доходила до—35°,5 по Р., мы отправились дальше. Три дня спускались внизъ по Тунгузкѣ; потомъ у впаденія въ нее маленькой рѣчки Копокитъ мы свернули въ сторону, чтобы добраться до озера Спрунчуа, лежавшаго по дорогѣ къ Оленеку. Одинъ изъ тунгусовъ, человѣкъ очень старый, который самъ видѣлъ Оленекъ одинъ только разъ, былъ выбранъ въ проводники. Кромѣ того и исправникъ въ Вилюйскѣ получилъ отъ генералъ-губернатора предписаніе подыскать для насъ знающихъ проводниковъ, для посѣщенія озера Спрунчуа. Покинувъ Тунгузку, мы вступили въ совершенно невѣдомую область. На этомъ пути насъ ожидали тяжелыя испытанія. Снѣгъ, въ виду начала весны, начиналъ таять, и это причиняло намъ не мало затрудненій. Подтаивая съ поверхности, когда солнышко пригрѣетъ, онъ затѣмъ покрывался болѣе или менѣе толстою ледяною корою, которую, мѣстами, приходилось разрубать топоромъ, чтобы проложить себѣ дорогу.

Лѣвый берегъ Лены ниже Киренска.

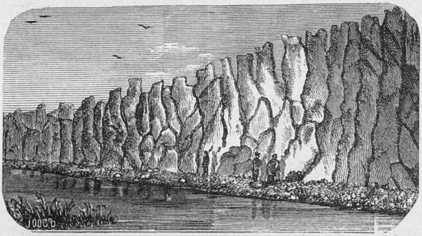
Какъ только мы достигли мѣста, назначеннаго для ночлега,—стали устанавливать наше жилище. Дѣлается это такъ: на мѣстѣ, по возможности ровномъ, разгребаютъ снѣгъ на пространствѣ четырехъ квадратныхъ аршинъ и дѣлаютъ изъ него валъ по сторонамъ; затѣмъ, устанавляютъ жерди, которыя сходятся конусомъ; три—четыре жерди связываются на верху, остальныя же (отъ 20 до 30) прислоняются къ нимъ. Этотъ остовъ обвѣшивается въ нижней половинѣ оленьими шкурами (ровдугою); сверху же на него накидываютъ покрывало изъ шерстяной матеріи, а все остальное промежуточное пространство закрываютъ лубьемъ (полосами изъ березовой коры, заранѣе изготовленными). Между березовою покрышкою помѣщаютъ въ одномъ мѣстѣ деревянную доску съ отверстіемъ, черезъ которое выводится труба отъ желѣзной печки, установленной внутри жилища. Вмѣсто двери привѣшиваютъ кусокъ оленьей шкуры. Полъ устилаютъ сосновыми или еловыми вѣтвями, а на нихъ раскладываютъ толстый войлочный коверъ и разныя оленьи и медвѣжьи шкуры, составляющія постель. Одѣялами служили намъ песцовыя шкуры. На установку нашей палатки употреблено было около

Геологическое строеніе береговъ Лены ниже Киренска.

часа. Она отличалась отъ тунгусскихъ чумовъ только чугунною печью. Въ нашей палаткѣ могли свободно помѣститься на ночлегъ отъ 4 до 5 человѣкъ. Находясь въ этомъ уютномъ жилищѣ, мы знали о 36-градусномъ морозѣ (по Р.) только по указанію термометра и замерзанію ртути.

Дорога наша шла, большею частью, вдоль мѣстности, отдѣляющей рѣчную область Вилюя отъ области Нижней-Тунгузки. 7-го апрѣля, достигнувъ Туры, очень значительнаго притока Тунгузки, мы окончательно удалились отъ системы этой послѣдней рѣки и вступили въ область Вилюя. Водораздѣльную линію составлялъ здѣсь довольно высокій горный хребетъ съ крутыми склонами, названный тунгусами Ауау. Путь нашъ лежалъ теперь черезъ небольшое озеро, расположенное въ сѣдлообразномъ углубленіи хребта и окруженное съ двухъ сторонъ живописными горами, которыя высоко поднимаются надъ уровнемъ воды. Тунгусскій проводникъ увѣрялъ насъ, что это озеро соединено ручейками какъ съ Вилюей, такъ и съ Турою. Стокъ его къ Вилюѣ мы видѣли собственными глазами. Такимъ образомъ, между двумя столь обширными системами, какъ Енисей и Лена, существуетъ природная связь. Это—фактъ чрезвычайно интересный, самъ по себѣ, но практическаго значенія онъ имѣть не можетъ, такъ какъ рѣчки, составляющія звенья въ этомъ соединеніи, слишкомъ незначительны, чтобы служить для плаванія какихъ-либо судовъ, хотя бы и самыхъ малыхъ размѣровъ. На озерѣ Спрунчуа, куда мы прибыли 9-го августа и гдѣ, по общимъ увѣреніямъ, всегда можно встрѣтить людей, мы не только не нашли кого-нибудь изъ туземцевъ, но не дождались проводниковъ, обѣщанныхъ намъ въ Вилюйскѣ. Правда, уже въ послѣдніе дни нашего путешествія, мы вездѣ замѣчали слѣды человѣческаго, хотя и временнаго, пребыванія въ этой мѣстности. Мы видѣли покинутыя избушки съ пластинками льда, вставленными въ окна, вмѣсто стеколъ; а это свидѣтельствовало, что жилища эти были заняты еще въ началѣ зимы; видѣли мы колотыя дрова и разныя рыболовныя принадлежности, но настоящаго обиталища тутъ не оказалось.

Геологическое строеніе береговъ Лены ниже Киренска.

Типы Тунгусовъ.

Мы были въ большомъ затрудненіи; тунгусы взялись доставить насъ только до этого пункта. Въ надеждѣ на скорую встрѣчу съ людьми, отчасти и на то, что ожидаемые проводники опередятъ насъ, мы рѣшили, не спѣша, подвигаться впередъ къ озеру Якучуа. Но,

къ сожалѣнію, и это оказалось не исполнимымъ: нашъ вожатый, старикъ, съ каждымъ днемъ становился слабѣе, и зрѣніе его видимо ослабѣвало. Не разъ приходилось намъ останавливаться на нѣсколько дней, чтобы дать ему время отдохнуть и оправиться. Бывшіе съ нами тунгусы, пользуясь этимъ временемъ, дѣлали большіе обходы, отыскивая въ окрестностяхъ человѣческое жилье. Но все это были напрасныя старанія. Когда же мы, наконецъ, добрались 20 апрѣля до Якучуа, или по крайней мѣрѣ до какого-то озера, принадлежащаго къ этой группѣ озеръ, то люди наши, изнуренные до крайности, упали духомъ и рѣшительно отказывались отъ дальнѣйшихъ трудовъ. Къ нашему счастью, путь къ возвращенію былъ имъ почти отрѣзанъ, вслѣдствіе наступленія весны и приближенія половодья. Наконецъ, и многочисленное стадо оленей не дозволяло имъ продолжать путь. Въ стадѣ появилось много молодыхъ оленей, а маленькіе олени требуютъ въ первые дни большого ухода за собой и не въ состояніи долго бѣжать за маткою.

Послѣ долгихъ поисковъ, люди наши открыли, наконецъ, въ сѣверо-восточномъ направленіи,—тамъ, гдѣ, по нашимъ предположеніямъ, долженъ протекать Оленекъ,—значительную рѣку, которую мы приняли за одинъ изъ родниковъ Оленека. Нѣсколько дней ѣхали мы вдоль этой рѣки, въ полной увѣренности, что находимся на Оленекѣ, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени наткнулись, на еще бо́льшую рѣку, которая тоже, не смотря на значительные изгибы, имѣла, повидимому, сѣверо-восточное направленіе. Къ тому-же и старый проводникъ нашъ, единственный изъ нашихъ людей бывшій одинъ разъ на Оленекѣ, съ большою увѣренностью признавалъ эту рѣку за Оленекъ. Ледоходъ заставилъ насъ расположиться подъ самымъ полярнымъ кругомъ. Мы оставались здѣсь съ 27-го апрѣля до 7-го іюня. Ледоходъ начался 26-го мая и продолжался до 30-го мая. Люди выстроили намъ довольно большую лодку, на которой мы надѣялись достигнуть Ледовитаго океана. Въ теченіе мая, мѣстность, бывшая прежде совершенно пустынною, начала мало-по-малу оживляться. Появились перелетныя птицы. 4-го мая показались первые гуси; за ними послѣдовали лебеди; недѣлею позже явились чайки, утки, кулики и гагары. Кукушки двухъ разновидностей—обыкновенная и сибирская—старались перекричать другъ друга. Сибирскій соловей, который, однако, ни по виду, ни по голосу не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ, радовалъ насъ своимъ пріятнымъ пѣніемъ. Тысячи разнородныхъ птицъ кричали днемъ и ночью, мѣшая намъ спать. Да и возможно-ли было спать въ виду того необычайнаго зрѣлища, какое представляетъ солнце, не сходящее съ горизонта! Въ ночь съ 28-го на 29-ое мая оно скрылось едва на 20 минутъ и то лишь потому, что горизонтъ на сѣверѣ былъ заслоненъ высокою горою. 1-го іюня солнце скрылось за горизонтомъ только на нѣсколько секундъ, причемъ названная гора, вслѣдствіе воздушныхъ отраженій, колыхалась, какъ море, взволнованное бурею, то внезапно выростая въ гигантскія пики, исполинскіе зубцы, то моментально уменьшаясь до обыкновенныхъ своихъ размѣровъ.

7-го іюня вода сбыла настолько, что мы рѣшились продолжать путешествіе. Общество наше состояло теперь изъ 6 человѣкъ: Чекановскаго и меня, одного казака и трехъ тунгусовъ. Но теченіе было очень быстро и управлять лодкою было въ высшей степени затруднительно. Мы сдѣлали привалъ, чтобы выждать спаденія воды.

Не прошло пяти минутъ послѣ высадки на берегъ, какъ къ намъ подошло три незнакомца—старикъ и два мальчика позади его, вооруженные, словно они шли на непріятеля, притомъ съ пиками, направленными прямо на насъ. Но наше обращеніе къ нимъ по тунгусски быстро успокоило ихъ. Мы поспѣшили предложить имъ жгучій для насъ вопросъ—на Оленекѣ-ли мы находимся? Какъ описать наше изумленіе, когда старикъ сказалъ намъ, что Оленекъ находится дальше на сѣверо-востокѣ, въ разстояніи 150 верстъ; мы же находились на одномъ изъ притоковъ Чатанчи—Моньяро. По словамъ старика, спуститься внизъ по Моньяро невозможно, потому что на немъ есть значительные водопады, именно водопады, а не пороги: эти два понятія тунгусъ ясно различалъ. Это показаніе разрѣшило наши сомнѣнія на счетъ того—

идти и намъ далѣе на Оленекъ или, въ виду невыгоднаго для такого путешествія времени года, ограничиться изслѣдованіемъ той рѣки (тоже совершенно неизвѣстной), на которой мы находились теперь.

Къ великому нашему счастью, печальное извѣстіе это было сообщено намъ во время. Приди оно днемъ позже, везшіе насъ тунгусы, съ ихъ оленями, возвратились бы домой.

Участь экспедиціи была снова въ рукахъ тунгусовъ, и они не оставляли насъ. Приготовленія наши длились до 11-го іюня. Намъ пришлось распаковывать и снова уложить наши вещи такъ, чтобы на вьюкъ каждаго оленя приходилось не болѣе двухъ пудовъ; занялись также изготовленіемъ необходимыхъ вьючныхъ сѣделъ. Большого труда стоило намъ завербовать въ проводники стараго тунгуса, съ которымъ мы встрѣтились здѣсь и который только что возвратился съ Оленека, со всею семьею. Наконецъ, мы тронулись въ путь. Это путешествіе сухимъ путемъ оказалось едва ли не самымъ труднымъ изъ всѣхъ тѣхъ испытаній, которымъ подвергались мы во время всей экспедиціи. Мы подвигались впередъ еще медленнѣе, чѣмъ зимою. Главное затрудненіе составляла поимка оленей, такъ какъ выслѣдить ихъ было труднѣе, чѣмъ по чистому снѣгу, да и расходились они по болѣе обширному пространству, спасаясь отъ комаровъ и слепней. Тунгусы ѣхали верхомъ. Мы принуждены были сдѣлать тоже на третій день, видя въ этомъ болѣе скорый способъ передвиженія. Идти пѣшкомъ было положительно невозможно. Дорога пролегала по болотистымъ тундрамъ, поросшимъ мхомъ, да кое-гдѣ деревьями. На глубинѣ двухъ вершковъ почва была еще замерзлая, такъ что ноги въ высокихъ непромокаемыхъ сапогахъ, подбитыхъ въ видѣ подковъ тяжелыми гвоздями, безпрестанно скользили, срываясь съ пней и кочекъ. Намъ пришлось также отказаться отъ чумовъ, на поставку которыхъ уходило много времени, и довольствоваться, даже для ночлега простыми шалашами, которые не выдерживали дождей, льющихъ здѣсь въ это время почти безостановочно. Часто приходилось намъ ночевать среди болота. Сильныя грозы, бури и градъ повторялись довольно часто. Но истинное мученіе составляли комары.

Тунгусы на охотѣ.

Водораздѣломъ между рѣчною областью Чатанчи и Оленека служитъ красивый горный

узелъ Льютша Ончоктонъ, что значитъ—«Русскій Носъ». Эту горную завязь перешли мы 19-го іюня, набравъ здѣсь довольно много растеній и окаменѣлостей.

Несмотря на дождь, который лилъ почти безостановочно, смѣняясь то снѣгомъ, то градомъ, мы все-таки подвигались впередъ. Наконецъ, 28-го іюня, поздно вечеромъ, промокшіе и измученные, въ самую отвратительную погоду, достигли желаннаго Оленека при сліяніи его съ Верхнею Томбою, рѣкою, вдоль которой мы шли въ послѣдніе пять дней. Тутъ мы усердно принялись плотить два парома. Для сооруженія барки не было времени, да не доставало и необходимыхъ матеріаловъ, т. е. гвоздей, смолы и проч. Бревна для паромовъ пришлось также вырубать въ мѣстности, находившейся отъ насъ въ разстояніи дневного пути, и сплавлять ихъ по Томбѣ, такъ какъ на устьяхъ рѣки не нашлось лѣса, пригоднаго для этой цѣли. Часа не приходило безъ дождя, и это значительно затрудняло астрономическія наблюденія. Послѣ долгихъ стараній, удалось намъ, наконецъ, высушить на огнѣ наши запасы, которые были подмочены. 2-го іюля плоты были окончательно сколочены и нагружены. Теперь мы могли отпустить тунгусовъ, за исключеніемъ двухъ — стараго Голé и молодого очень хитраго и лукаваго парня Селипсона, который былъ намъ необходимъ въ качествѣ переводчика, такъ какъ онъ говорилъ по-русски, по-тунгуски и по якутски.

Тунгусы на Нижней Тунгузкѣ.

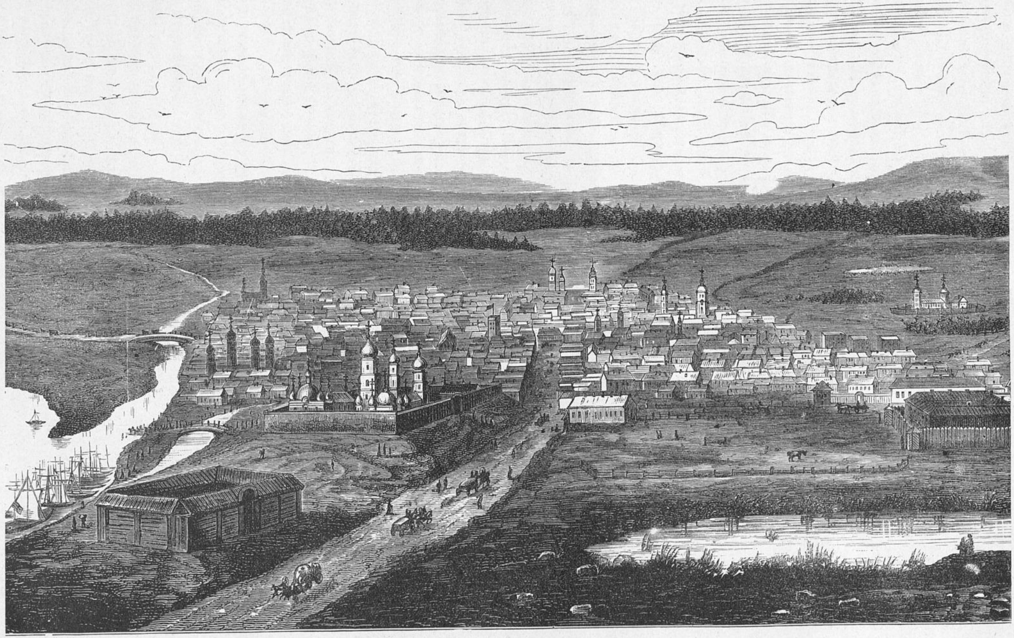
Вечеромъ отчалили мы отъ мѣста нашей стоянки и на этотъ разъ несомнѣнно предприняли путешествіе по Оленеку, съ полнымъ сознаніемъ, что находимся на дорогѣ. Но намъ все-таки, конечно, не доставало увѣренности, что этимъ путемъ мы дѣйствительно достигнемъ нашей главной цѣли — Ледовитаго океана. Пока надежды на такой исходъ экспедиціи было мало. Рѣка въ этомъ мѣстѣ, гдѣ отдаленіе ея отъ истока, безъ сомнѣнія, составляло нѣсколько сотъ верстъ, была еще очень незначительна; ширины имѣла она всего 20 саженей, глубина тоже оказалась ничтожною. Къ тому же рѣка дѣлаетъ такіе изгибы, что послѣ дневного плаванія намъ нерѣдко приходилось убѣждаться, что мы почти не подвинулись впередъ и находимся недалеко отъ того мѣста, съ котораго отправились. Склонъ рѣчного ложа, особенно на поворотахъ, тоже весьма незначителенъ. По нѣскольку разъ въ день сидѣли мы на отмеляхъ, причемъ приходилось разнимать плоты, связанные вмѣстѣ, и спускать ихъ по-одиночкѣ. Жителей и здѣсь не было видно, хотя мы каждый день находили ихъ слѣды: подвязи разрозненныхъ чумовъ, мѣста, гдѣ горѣли костры, колотыя сырыя дрова, весла, видѣли и слѣды прирученныхъ сѣверныхъ оленей, которые каждый тунгусъ умѣетъ прекрасно отличить отъ слѣдовъ дикихъ оленей. Наши выстрѣлы вызывали только эхо въ горахъ, но до человѣческаго слуха, очевидно, не достигали. Обитатели пустыни одарены болѣе тонкимъ слухомъ, чѣмъ цивилизованные люди, и выстрѣлы чужеземца—случай слишкомъ рѣдкій, чтобы онъ не приковывалъ къ себѣ вниманія.

Будущее уже начинало вселять въ насъ опасенія. Географическое положеніе Оленека при впаденіи его въ океанъ было извѣстно, и 23-го іюля я сдѣлалъ вычисленіе, на основаніи котораго мы должны были подвигаться ежедневно на 20 верстъ впередъ по прямой линіи, чтобы добраться до устья рѣки своевременно, т. е. еще до первыхъ чиселъ сентября, когда

на рѣкѣ уже начинается ледоходъ. Но о такой скорости нельзя было и думать, когда мы съ 19-го до 23-го іюля, вслѣдствіе извилистости рѣки, прошли не болѣе 15 верстъ! 23-го іюля мы миновали Алакитъ, весьма значительный притокъ Оленека съ правой стороны, почти равный по ширинѣ главной рѣкѣ. Онъ былъ отмѣченъ еще ранѣе, въ 1854 году, экспедиціею, посланною для ученыхъ цѣлей подъ предводительствомъ Р. К. Маака. Но и въ этомъ случаѣ надежды наши на болѣе высокое стояніе воды не оправдались. Хотя Оленекъ, принявъ притокъ, сдѣлался гораздо шире, тѣмъ не менѣе отмели встрѣчались на немъ каждый день. Въ этихъ мѣстахъ рѣка была такъ мелка, что мы въ непромыкаемыхъ сапогахъ переходили ее въ бродъ. Возвращеніе назадъ также представлялось незаманчивымъ, потому что отъ Лены мы были удалены на 500 верстъ по прямой линіи, отъ Вилюйска — почти на такое же разстояніе, да и дорога по любому изъ этихъ направленій пролегала по необитаемымъ странамъ, гдѣ только случайно можно встрѣтить тунгусовъ или якутовъ, выѣхавшихъ на охоту. Какъ-же пройти такое пространство, не подвергаясь риску голодной смерти? У насъ было еще достаточное количество муки, разной крупы, сухарей, гороху и масла; но зато скудные остатки ветчины уже значительно попортились; сушеное оленье мясо, заготовленное тунгусами, было все съѣдено. Намъ пришлось бы довольствоваться исключительно растительною пищею, но, къ счастью, тунгусы снабжали насъ рыбою: сигами, щуками, лососями и тайменями (прекрасная разновидность лососины). Охота на птицъ доставляла намъ жалкую добычу; убивали больше мелкихъ птицъ и соколовъ, изъ которыхъ изготовляли чучела для нашихъ коллекцій. Что касается дикихъ сѣверныхъ оленей, то мы чаще видѣли ихъ слѣды, чѣмъ самихъ животныхъ, которыя лишь изрѣдка, повидимому, показывались въ большомъ отдаленіи. Впрочемъ для правильной охоты у насъ не было и времени.

Насъ неоднократно увѣряли, будто на устьяхъ Алакита имѣютъ осѣдлость якуты, которые живутъ тамъ круглый годъ; потому мы еще не теряли надежды найти здѣсь какую нибудь помощь, посланную изъ Вилюйска, такъ какъ оттуда всего легче пробраться къ этому мѣсту Оленека. Но тутъ, послѣ суточнаго привала, намъ пришлось только подтвердить фактъ, что люди дѣйствительно недавно еще были здѣсь. Какая участь постигла ихъ — это осталось для насъ загадкою. Точно также, какъ это было на Спрунчуа и Якучуа — будто все населеніе вымерло. Еще не доѣзжая до впаденія Алакита, мы часто встрѣчали гробницы, которыя, по тунгускому обычаю, состоятъ изъ ящика, поставленнаго на высокія сваи или просто привѣшеннаго къ деревьямъ; далѣе за притокомъ гробницы попадались еще въ большемъ количествѣ и отличались болѣе тщательнымъ устройствомъ, съ высокимъ крестомъ на крышкѣ ящика. Въ одномъ мѣстѣ стояли девять такихъ гробовъ, образуя цѣлое кладбище. Вблизи открыли мы широкую дорогу, по которой давно и много ѣздили. По нашимъ предположеніямъ, это та самая дорога, по которой миссіонеръ ежегодно отправляется изъ Вилюйска на озеро Джессе и оттуда обратно. Вообще, если люди селятся въ этой мѣстности, то гдѣ-бы и быть имъ, какъ не тутъ, вблизи дороги, свидѣтельствующей о правильно установленномъ сообщеніи. Однако, мы и здѣсь не видали ихъ.

Наконецъ то дождались мы помощи. Послѣ сильнаго дождя, продолжавшагося нѣсколько дней сряду, вода въ рѣкѣ начала прибывать, теченіе сдѣлалось быстрѣе. Мы благополучно проскользнули черезъ все еще многочисленныя отмели. Послѣ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ встрѣтили во второй разъ туземцевъ. При переправѣ черезъ пороги, у насъ сломался давно уже поврежденный руль—это заставило насъ остановиться. Вдругъ вдали послышались голоса. Изъ за кустовъ вышли два человѣка, которые были настолько же удивлены встрѣчей съ нами, насколько мы обрадованы ихъ появленіемъ. За ними слѣдовала цѣлая толпа туземцевъ съ женами, дѣтьми и множествомъ оленей. Они охотились, слѣдуя по дорогѣ изъ Вилюйска къ озеру Спрунчуа. Оказалось, что это — родственники того стараго тунгуса, который служилъ намъ проводникомъ отъ Тунгузки до Моньяро и тщетно искалъ на Спрунчуа товарищей,

Якутскъ.

стоявшихъ теперь передъ нами. Будь люди эти во время на озерѣ, мы достигли бы Оленека значительно раньше. Рабочихъ рукъ было теперь достаточно, и мы немедленно приступили къ исправленію плотовъ, которые давно уже нуждались въ починкѣ.

Другая выгода нашей встрѣчи съ туземцами состояла въ томъ, что мы собрали болѣе точныя свѣдѣнія о теченіи Оленека до впаденія въ него Селигира, самаго значительнаго изъ рукавовъ его съ правой стороны. Селигиръ былъ хорошо извѣстенъ этимъ людямъ, переправившимся черезъ него незадолго передъ тѣмъ. По свѣдѣніямъ, почерпнутымъ нами изъ экспедиціи Маака, мы полагали, что разстояніе между Алакитомъ и Селигиромъ меньше, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Мы думали, что находимся вблизи этой рѣки; между тѣмъ оказалось, что до нея намъ не менѣе 10 дней ѣзды. Кромѣ того, здѣсь узнали мы въ первый разъ о существованіи весьма значительнаго рукава Оленека съ лѣвой стороны, извѣстнаго подъ именемъ Арчахала. Къ нему разсчитывали мы подойти черезъ 5 или 6 дней, въ сопровожденіи или всего общества, или по крайней мѣрѣ одного молодого, очень умнаго тунгуса, Николая, который соглашался ѣхать съ нами. Семейство его намѣревалось слѣдовать по прямому пути и опередить насъ, такъ какъ рѣка въ этомъ мѣстѣ снова дѣлаетъ невѣроятныя извилины. Мы узнали также названія многихъ рѣкъ и горъ, что, конечно, имѣетъ большое значеніе для географіи, такъ какъ названія эти несомнѣнно вѣрны, между тѣмъ какъ въ справкахъ, наводимыхъ позже, не на мѣстѣ, легко могутъ быть ошибки.

Тунгуская юрта.

Проводникъ нашъ, Николай, увѣрялъ, что берега Оленека были заселены когда-то многочисленными и весьма зажиточными обитателями, но что народъ здѣсь постепенно вымираетъ. Надо полагать, что здѣсь, какъ это и до сихъ поръ случается во многихъ странахъ Восточной Сибири,— населеніе было истреблено степными эпидеміями. При этомъ проводникъ сообщилъ намъ, что насчетъ этого вымиранія сложилось у нихъ сказаніе, которое гласитъ, что самое богатое и самое вліятельное племя въ странѣ погибло оттого, что оно уже слишкомъ зазналось. Люди эти, въ видѣ забавы, содрали кожу съ живого оленя и пустили свою жертву въ этомъ состояніи на волю. За такой поступокъ и были они наказаны. Призракъ ободраннаго благороднаго животнаго преслѣдовалъ ихъ годами. Теперь родъ этотъ весь перевелся, за исключеніемъ весьма немногихъ представителей.

Мы проѣзжали теперь по очень живописной мѣстности. Крутые берега рѣки, прорѣзанные самыми причудливыми разсѣлинами, вывѣтрившіеся отъ воды и непогодъ, высились до 500 футовъ и болѣе надъ уровнемъ воды, и это—иногда на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Къ сожалѣнію, несносныя мошки мѣшали намъ наслаждаться природою. Во второй половинѣ іюля онѣ замѣнили преобладавшихъ до тѣхъ поръ комаровъ и терзали насъ еще мучительнѣе. Дождь, который такъ долго не являлся намъ на помощь, сталъ причинять теперь большія неудобства. Никогда не забуду я одной ночи, проведенной на берегахъ Оленека. Во время послѣ-обѣденнаго привала, мы, по обыкновенію, раскинули шалаши на аршинъ выше уровня воды въ рѣкѣ.

Дождь лилъ уже тогда, когда мы вышли на берегъ. Такъ какъ онъ не только не прекращался во весь слѣдующій день, но еще и усиливался, то мы принуждены были просидѣть въ шалашѣ и этотъ день. Къ вечеру мы вознамѣрились было перенести нашъ лагерь на другое мѣсто. Но ближайшій, болѣе высокій, уступъ берега имѣлъ крутой откосъ, и глинистая почва его была сильно размыта водою. Въ надеждѣ, что вода не будетъ болѣе прибывать, такъ какъ дождь уменьшился, мы остались ночевать на прежнемъ мѣстѣ. Но не прошло и трехъ часовъ, какъ я проснулся, такъ какъ вода подступила къ моей настилкѣ. Было еще совсѣмъ темно, такъ что о перемѣщеніи шалаша нечего было и думать. Уступая напору воды, мы отодвинулись еще на нѣсколько шаговъ. Къ четыремъ часамъ утра разсвѣло настолько, что мы въ состояніи были перенести нашъ шалашъ дальше. Температура во всю ночь не превышала +2°Р.

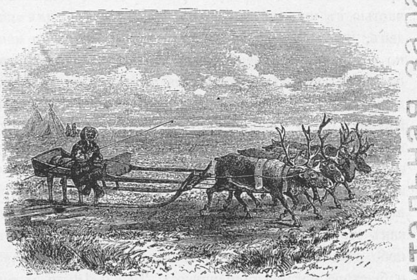
Къ довершенію бѣды, и починка нашихъ плотовъ оказалась неудовлетворительною. При сильномъ противномъ вѣтрѣ, который преобладалъ во все это время, паромы снова стали уходить подъ воду. Потому, какъ только мы догнали семейство Николая, къ которому примкнулъ еще одинъ знакомый его якутъ по имени Семенъ,—мы приступили къ генеральному исправленію нашихъ плотовъ. Они были сдѣланы значительно шире: въ этомъ видѣ они могли лучше выдерживать напоръ волнъ. Къ сожалѣнію, проводникъ Николай оставилъ насъ, какъ только всѣ приготовленія къ дальнѣйшему путешествію были окончены, и намъ пришлось довольствоваться Семеномъ, который далеко не былъ такъ хорошо знакомъ съ мѣстностью, какъ его предшественникъ. Не достигнувъ еще мѣста впаденія Арчахалы, намъ пришлось проходить пороги, очень опасные при мелководьѣ, но которые теперь, при половодьѣ, мы благополучно миновали. Здѣсь, какъ на Тунгузкѣ, мы замѣтили, что причиною образованія пороговъ были базальтовыя скалы, которыя обступали берегъ, въ видѣ величественныхъ столбовъ. Тамъ же, гдѣ рѣка протекаетъ между породами менѣе твердыхъ камней, она образуетъ не пороги, а песчаныя загражденія. Предвѣстники осени сказывались теперь все рѣзче и рѣзче. И какая разница, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, между этимъ же временемъ года на Нижней Тунгузкѣ, гдѣ мы находились въ прошломъ году, и на Оленекѣ. Тамъ на широтѣ 64 и 65 градусовъ, мы досыта лакомились ягодами; малина, мамура (княжнина), красная и черная смородина— все это произрастало въ неимовѣрномъ изобиліи; красная смородина была такой величины, какой я никогда еще не видалъ въ европейскихъ садахъ, а черная смородина разныхъ сортовъ, свойственныхъ исключительно Сибири, была величиною съ вишню. На Оленекѣ, лежащемъ лишь на нѣсколько градусовъ широты болѣе на сѣверъ, такого обилія нѣтъ и слѣдовъ.

Лѣто было поистинѣ ужасное; мнѣ нѣсколько разъ приходилось одѣвать шубу на барашковомъ мѣху. Особенно чувствительны были рѣзкіе переходы. Знойная жара при сильномъ сухомъ туманѣ, называемомъ здѣсь «морокъ», и тотчасъ затѣмъ холодъ и снѣгъ, или наоборотъ. Морозъ и по ночамъ бывалъ рѣдко, да и то не сильный, а дни выдавались даже очень теплые, такъ что и вода охлаждалась очень медленно; потому мы не теряли надежды на продленіе нашего плаванія. Плаваніе это совершалось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, съ тѣхъ поръ какъ мы прошли Арчахалу. Хотя высокое состояніе воды (до трехъ саженей), особенно же у крутыхъ береговъ, и быстро пошло на пониженіе, но теченіе, вслѣдствіе большой массы воды, все еще было довольно сильное, такъ что мы проходили около 30—40 верстъ въ день, отправляясь въ путь рано утромъ, дѣлая привалъ для обѣда, и то на самое короткое время, съ тѣмъ, что-бы снова плыть до заката солнца.

За Арчахалою мы чаще стали встрѣчать обитателей страны, не такихъ, которые находились тутъ проѣздомъ, съ какими мы и прежде сталкивались, а коренныхъ, осѣдлыхъ жителей. Бѣда лишь въ томъ, что на указанія этихъ людей все-таки нельзя было положиться. Впрочемъ, это обстоятельство объясняется довольно основательною причиною. Большая часть поселившихся здѣсь якутовъ или тунгусовъ, принявшихъ обычаи и нравы якутовъ, занимается посредничествомъ въ торговыхъ сдѣлкахъ между русскими купцами на Ленѣ и въ Вилюйскѣ съ одной сто-

роны, и между промышленниками на Анабарѣ—съ другой. Поэтому, собственно, они неохотно посвящаютъ въ свои тайны постороннихъ людей, намѣренія которыхъ имъ неизвѣстны. О каждой отдѣльной рѣчкѣ, о каждой проѣзжей дорогѣ давались намъ завѣдомо невѣрныя указанія, которыя мы могли провѣрять и исправлять до нѣкоторой степени лишь впослѣдствіи, когда выходили изъ сферы торговыхъ сношеній. Большая часть встрѣчавшихся намъ жителей убѣгала отъ насъ, если это бывало возможно, или давала самыя противорѣчивыя показанія. Только одинъ старикъ составлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Его звали Тамиръ Егоръ, что значитъ—желѣзный Егоръ. Это воинственное названіе объясняется тѣмъ, что якуты, отличающіеся искусною выдѣлкою различныхъ желѣзныхъ предметовъ, охотно награждаются почетными прозвищами. Этотъ старикъ сообщилъ намъ весьма точныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ теченіи рѣки, до самаго впаденія ея въ море; онъ самъ бывалъ въ этихъ мѣстахъ.

Особенно интересно было узнать намъ отъ Егора, что онъ уже раньше слышалъ о нашей экспедиціи и съ намѣреніемъ поджидалъ насъ здѣсь. Правда, и его имя было намъ давно знакомо, такъ какъ объ этомъ человѣкѣ упоминали наши прежніе проводники, между которыми онъ, очевидно, пользовался большимъ почетомъ. Онъ разсказалъ намъ, между прочимъ, что извѣстіе о нашей экспедиціи пришло въ Вилюйскъ во время великаго поста и что жители, ближайшіе къ Оленеку, прослышавъ объ этомъ, покинули свои поселки и бѣжали отъ страха. Вѣроятно, они приняли насъ за чиновниковъ.

Ѣзда на оленяхъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ для транзитной торговли между Вилюйскомъ, Леною и Анабарой находится на Сѣникѣ, притокѣ Оленека съ лѣвой стороны. въ трехдневномъ разстояніи отъ его соединенія съ Оленекомъ и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ впаденія въ Оленекъ Силигира, самаго значительнаго притока его съ правой стороны. Самое главное лицо здѣсь—якутъ, Николай Больдоно, невзрачный мужчина лѣтъ 50-ти, игравшій здѣсь большую роль. Извѣстность его, какъ посредника въ торговыхъ дѣлахъ, распространилась далеко по окрестностямъ. При первомъ знакомствѣ съ нимъ, мы тотчасъ по одеждѣ догадались, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ зажиточнымъ. Не то чтобы нарядъ его былъ очень блестящъ; но на немъ была рубаха изъ бумажной ткани и цвѣтной пестрый платокъ на шеѣ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе тунгусы и якуты, которыхъ намъ доводилось встрѣчать во время нашего путешествія, носили исключительно мѣха или кожи, что свидѣтельствовало объ отсутствіи у нихъ сношеній съ торговцами. Говорятъ, что привозимыя сюда матеріи бываютъ такого дурнаго качества, что рубашки, сшитыя изъ нихъ, черезъ нѣсколько дней обращаются въ лохмотья. Путь отъ фабрикъ Европейской Россіи къ этимъ мѣстностямъ очень длиненъ, и, къ сожалѣнію, сюда доходитъ лишь бракованный товаръ. Больдоно весьма не охотно сопутствовалъ намъ. Другимъ проводникомъ, Игнатіемъ, мы остались довольны во всѣхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, мы пользовались его услугами весьма не долго.

Этотъ несчасный выпросилъ большую иглу у одного изъ нашихъ людей и сталъ чинить ею свое платье. Не ожидая ничего дурнаго, онъ взялъ иголку въ ротъ. Вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста и началъ метаться во всѣ стороны. Несчастный проглотилъ иголку. Всѣ средства, къ которымъ мы немедленно прибѣгли для оказанія ему помощи, ни къ чему не послужили.

Мы привезли его къ якуту, жившему по близости. Тотъ оказался родственникомъ его и обѣщалъ ничего не пожалѣть, чтобы спасти бѣднаго Игнатія.

Природа принимала осенній видъ, оказавшійся наиболѣе живописнымъ. Кустарная береза, равно какъ и кусты ягодъ нарядились въ прелестный, красный цвѣтъ. Ива, лиственница, кустовая ольха приняли ярко-желтый цвѣтъ. Между ними высились и выступали явственнѣе, чѣмъ когда-либо, темныя, неизмѣнно-зеленыя ели. Ночью съ юга поднялась сильная буря. Несмотря на непроницаемую темноту и проливной дождь, мы были поставлены въ необходимость разгружать наши паромы, что мы сдѣлали при мерцающемъ, слабомъ свѣтѣ факеловъ, которые мы съ трудомъ поддерживали въ горящемъ состояніи. Буря свирѣпствовала еще и весь слѣдующій день, ослабѣвая изрѣдка на короткіе промежутки, и мы принуждены были оставаться на берегу. Насъ утѣшали, однако, завѣренія многорѣчиваго Тамиръ Егора, который утверждалъ, что до границы, гдѣ оканчивается лѣсъ, остается не болѣе шести дней ѣзды, а оттуда до Ледовитаго моря не болѣе 2 или 3-хъ дней. Показанія эти, къ сожалѣнію, оказались невѣрными, по крайней мѣрѣ, при нашемъ способѣ передвиженія.

Погода, послѣ бури, значительно ухудшилась; насъ постоянно поливалъ дождь во всѣхъ видахъ, начиная съ мельчайшей изморози до сплошныхъ потоковъ воды, и принуждалъ дѣлать привалы нѣсколько разъ. При томъ часто поднимался и вѣтеръ, который, хотя и дулъ большею частью съ юга-слѣдовательно благопріятствовалъ нашему плаванію, былъ однако такъ холоденъ, что выносить его очень трудно. Тѣмъ не менѣе, мы продолжали свой путь, выгадывая, по возможности, время тѣмъ, что вставали до восхода солнца и причаливали къ берегу только послѣ заката. Мы боролись съ вѣтромъ, съ холодомъ, съ дождемъ, подъ конецъ и со снѣгомъ, даже не зная въ точности далеко-ли, близко-ли мы къ цѣли, такъ-какъ указанія мѣстныхъ жителей были крайне противорѣчивы, а небо, постоянно покрытое густыми облаками, не дозволяло, въ теченіи цѣлой недѣли, дѣлать астрономическихъ наблюденій. Наконецъ 11-го сентября, удалось мнѣ (и то съ разными помѣхами отъ снѣжной мятели) опредѣлить широту, на которой мы находились. Мы прошли 70-й градусъ широты. Теперь намъ каждый день стали попадаться характеристическія сѣверныя растенія, которыхъ мы до тѣхъ поръ не находили, какъ то: видъ рододендрона, хрѣнъ и особый сортъ сѣвернаго ячменя. Дождь прекратился; небо стало постепенно проясняться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, произошло и быстрое паденіе температуры. 9-го и 10-го сентября снѣгъ шелъ, еще перемежаясь съ дождемъ; но съ этого времени онъ уже не таялъ. Съ 12-го сентября мы стали склоняться къ убѣжденію, что нашему плаванію скоро настанетъ конецъ, и что мы не достигнемъ нашей цѣли. Тутъ опять встрѣтили мы нѣсколькихъ якутовъ и условились съ однимъ изъ нихъ, чтобы онъ служилъ намъ проводникомъ. Не смотря на сильнѣйшій юго-восточный вѣтеръ, мы настойчиво подвигались впередъ. Но утромъ 13-го сентября, когда мы только что отчалили, вѣтеръ подулъ съ сѣверо востока, навстрѣчу намъ, и постепенно усиливался. Медленно протащились мы еще одну милю бичевою (двое изъ нашихъ людей шли по берегу и тянули плоты); но вѣтеръ послѣ полудня пріобрѣлъ такую силу, что невозможно было тащить паромы противъ бушующихъ волнъ. Мы укрылись въ устьѣ небольшого ручейка, который немного выше покрылся уже довольно твердымъ льдомъ. Такъ какъ буря и тутъ еще грозила разнести наши плоты, то мы поспѣшили разгрузить ихъ. Дальше мы не могли ѣхать: въ этомъ мнѣніи мы крѣпко утвердились на слѣдующій день. Температура весь день продержалась ниже точки замерзанія при отвратительномъ, леденящемъ вѣтрѣ; замерзшая почва стала покрываться наростающимъ слоемъ снѣга; люди наши, не говоря уже о насъ самихъ, зябли немилосердно, такъ какъ единственною защитою отъ ледянаго сѣвернаго вѣтра служилъ намъ шалашъ.

Приходилось безотлагательно принять какое-нибудь рѣшеніе, потому что мы могли оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ находились теперь. Вблизи не было лѣса даже для топлива, а тѣмъ менѣе матеріала для постройки зимняго жилища, между тѣмъ намъ нужно было выжидать здѣсь,

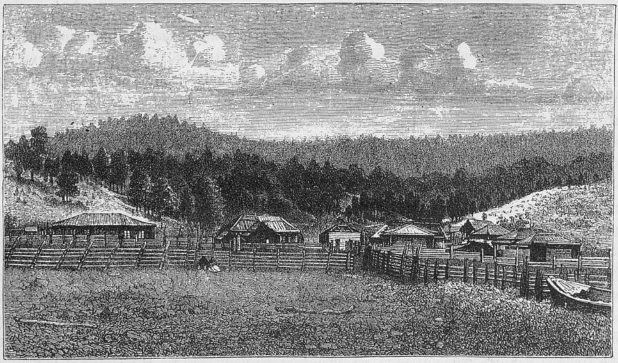
по крайней мѣрѣ, полнаго замерзанія рѣки. Это могло задержать насъ на цѣлыя недѣли, быть можетъ, даже и на всю зиму, въ томъ случаѣ, если-бы мы не нашли средства для перевозки нашихъ пожитковъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ, на томъ-же берегу, на которомъ расположились и мы, проживало семейство якутовъ. Но какъ разъ передъ нами находился островъ, и рукавъ, отдѣлявшій его отъ берега, былъ занесенъ пескомъ, такъ что намъ пришлось бы два раза пересѣчь Оленекъ, чтобы пробраться къ сосѣдямъ, что было рѣшительно невозможно при дующемъ вѣтрѣ. Черезъ два дня, когда вѣтеръ нѣсколько поутихъ, мы рѣшились на это рискованное предпріятіе, которое и удалось намъ черезъ нѣсколько часовъ, при большихъ усиліяхъ. Мы нашли подходящее намъ мѣсто вблизи якутскаго селенія и построили здѣсь два чума, со всѣмъ возможнымъ, при нашихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, совершенствомъ. Дѣло въ томъ, что у насъ не было главнаго—оленьихъ шкуръ. Якуты утверждали, будто у нихъ тоже нѣтъ шкуръ, хотя, по ихъ-же отзывамъ, охота на дикихъ оленей производилась съ большимъ успѣхомъ въ эту осень. Первою заботою было пріискиваніе человѣка, котораго могли-бы послать въ Булукъ, чтобы потребовать оттуда помощи. Къ несчастью, время года для этого было самое неблагопріятное, и хотя мы находились отъ города не болѣе какъ въ разстояніи шести-дневной доброй якутской ѣзды, однако сосѣдъ нашъ, якутъ, заявилъ, что ему пришлось бы быть въ дорогѣ покрайней мѣрѣ мѣсяцъ, и что онъ не отправится въ путь безъ семейства. Къ тому же онъ намѣревался при этомъ случаѣ заняться еще охотою за оленями, такъ какъ теперь именно настала лучшая для этого пора и охота была въ полномъ разгарѣ. Такъ какъ мы не соглашались на это условіе, то онъ вызвался доставить наше письмо своему брату, который жилъ по теченію въ однодневномъ растояніи отъ насъ, а потомъ обязать и его препроводить бумагу такимъ же образомъ къ его ближайшему сосѣду. Но и тутъ являлось опасеніе, что посланіе наше застрянетъ гдѣ-нибудь въ дорогѣ, такъ какъ и старые, и молодые отправлялись на охоту. Однако, другого исхода не было. Мы отправили письмо (въ которомъ просили булукскую управу о немедленной высылкѣ намъ отъ 10 до 12 нартъ для обезпеченія дальнѣйшаго слѣдованія экспедиціи къ ея цѣли) только 16-го сентября, такъ какъ до тѣхъ поръ сѣверо-восточная буря не прекращалась и якуту невозможно было спуститься по рѣкѣ въ его маленькой лодкѣ.

Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы дѣлать необходимыя астрономическія и магнетическія наблюденія, которыя трудно было производить при столь неблагопріятной погодѣ, мѣшавшей установкѣ аппаратовъ. Товарищъ мой занялся упаковкою нашихъ коллекцій и запасовъ, на сколько это возможно было сдѣлать тутъ же на мѣстѣ. Мы собрали все то, что попадалось намъ подъ руку въ эту позднюю осень. Растительный міръ замеръ окончательно, только отсталыя перелетныя птицы еще доставляли нѣкоторую добычу. Особенно часто появлялась здѣсь очень красивая птица—сойка (garrulus infaustus). По окраскѣ своихъ сѣрыхъ и оранжевыхъ перьевъ она напоминаетъ попугая и отличается, наряду съ разными породами чаекъ, необыкновенною смѣлостью, доходившею до того, что когда мы убивали оленя изъ-тѣхъ, которыхъ намъ удавалось купить у мѣстныхъ якутовъ, то намъ приходилось караулить его съ заряженными ружьями въ рукахъ, чтобы подвергнуть дерзкихъ хищниковъ заслуженной ими казни. Чѣмъ дольше мы оставались здѣсь, тѣмъ больше затихали и голоса птицъ. Въ послѣдніе дни сентября, передъ нашимъ отъѣздомъ, мы уже могли дѣлать наблюденія только надъ сойками, воронами и бѣлыми куропатками, которыхъ мы и немало перебили. Но о птицахъ, остающихся здѣсь на зиму, мы ничего положительно не могли узнать отъ туземцевъ.

Съ 21-го сентября по рѣкѣ пошелъ ледъ, стала образовываться такъ называемая «Шуга», т. е. грунтовый ледъ, который поднимается со дна рѣки вмѣстѣ съ примерзшими къ нему валунами и другими предметами. Съ утра до ночи слышенъ былъ шумъ и трескъ льда. 28-го сентября, когда температура упала до—19° Р., рѣка окончательно замерзла, по крайней мѣрѣ у того мѣста, гдѣ мы расположились на стоянку. Хозяинъ нашъ, ознакомившись съ нами

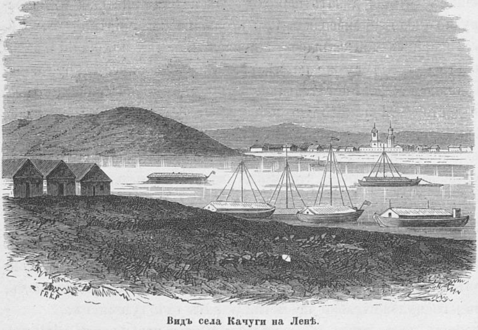
поближе, сдѣлался гораздо любезнѣе и, послѣ долгихъ переговоровъ, отдалъ въ наше распоряженіе пять нартъ; потому мы рѣшили не ждать помощи изъ Булука, а ѣхать самимъ дальше, оставивъ на мѣстѣ часть нашихъ припасовъ и коллекцій.

Мы взяли съ собою лишь самый необходимый провіантъ, только тѣ инструменты, которые

Жеребинская станція на Ленѣ.

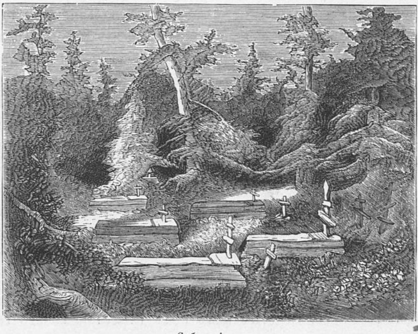
намъ были всего нужнѣе, захватили съ собою одежду, и все-таки на пяти нартахъ уже не было для насъ мѣста, нужно было идти пѣшкомъ. По срединѣ рѣки дорога была загромождена вставшими поперекъ ледяными глыбами или торосами, въ которыхъ намъ зачастую приходилось прорубать топорами дорогу для нартъ; поэтому мы, по возможности, придерживались берега. Къ сожалѣнію рѣка замерзла, когда вода стояла въ ней высоко; когда же уровень воды понизился, то леденая кора осѣла на нижній каменистый грунтъ рѣки и трескалась подъ ногами. Хорошо еще, что нога проваливалась не глубоко, большею частью до щиколотки, такъ какъ неизбѣжные въ этомъ случаѣ удары о подводные валуны были очень чувствительны, потому что обувь наша состояла изъ мягкихъ мѣховыхъ валенокъ безъ твердыхъ подошвъ. Такимъ образомъ шли мы шесть дней сряду и сдѣлали въ это время не болѣе шестидесяти верстъ. Очевидно, что этимъ способомъ мы не скоро добрались бы до цѣли.

Видъ села Качуги на Ленѣ.

Помощь, къ счастью, была не загорами. Старшина Петръ Хатычинъ, съ нѣсколькими другими якутами, нартами и оленями, выѣхалъ намъ на встрѣчу. Не выжидая приказа отъ управы въ Булукѣ, онъ тотчасъ же отправился къ намъ на помощь. Его поддержалъ въ этомъ русскій

купецъ въ селеніи Сиктяхъ на Ленѣ, З. О. Рѣшетниковъ, который прежде, въ качествѣ унтеръ-офицера казачьяго полка, сопровождалъ экспедицію барона Майделя въ страну чукчей. Такимъ образомъ мы были спасены. Но это еще не все: нашъ путеводитель, молодой, красивый, здоровый и рослый человѣкъ, самый богатый и самый уважаемый изъ туземцевъ этой страны, предложилъ намъ свои услуги доставить насъ къ цѣли нашего странствованія, къ устью Оленека, на своихъ собственныхъ оленяхъ и привезти оттуда въ Булукъ. Но, къ сожалѣнію, намъ пришлось отказаться отъ топографическихъ снимковъ съ рѣки, которая и въ нижней части теченія продолжаетъ дѣлать значительные изгибы; мы, по необходимости, должны были ѣхать прямымъ путемъ; времени терять было невозможно, такъ какъ для этихъ странъ наступила пора такъ называемыхъ «черныхъ мѣсяцевъ», когда солнце не показывается на горизонтѣ. Этихъ мѣсяцевъ страшатся даже коренные жители полярныхъ странъ, потому что они приносятъ съ собою снѣжныя мятели или «пурги». Ночь съ 7-го на 8-ое октября провели мы въ первый разъ въ якутской юртѣ, принадлежавшей нашему проводнику, гдѣ онъ и жена его приняли насъ самымъ радушнымъ образомъ и угостили жирною олениною и замороженнымъ молокомъ. Юрта—четырехсторонная хижина, сколоченная изъ крѣпкихъ бревенъ, боковыя косыя стѣны ея сходятся на верху въ видѣ крыши; потолокъ дѣлается плоскій. Юрты обмазываются снаружи глиною; съ внутренней стороны онѣ тщательно проконопачиваются мхомъ, а зимою еще обкладываются толстымъ слоемъ снѣга. Въ окнахъ вставлены ледяныя пластинки; по самой срединѣ устроенъ, тоже изъ балокъ, обмазанныхъ глиною, очагъ или камелекъ, и около него разставлено нѣсколько постелей, т. е. деревянные ящики, наполненные утрамбованною землею; на такихъ постеляхъ, конечно, не мягко и не тепло, такъ какъ онѣ примыкаютъ къ холоднымъ наружнымъ стѣнамъ. Укрывшись шубами и разными одѣялами, можно, однако, лучше выспаться въ такой юртѣ, нежели въ чумѣ, съ которымъ мы, впрочемъ, окончательно не распростились, такъ какъ онъ могъ понадобиться намъ въ тундрахъ; только мы пріобрѣли здѣсь, въ виду предстоящей поѣздки, прекрасную кожанную обшивку для нашего чума.

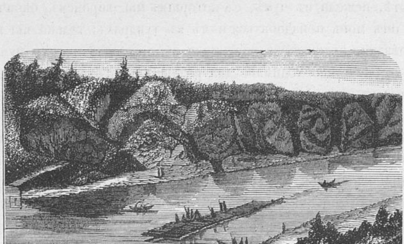

Сибирскія могилы.

Послѣ дневнаго отдыха, необходимаго для разныхъ приготовленій къ дорогѣ, утромъ 9-го октября, тронулись мы въ дальнѣйшій путь и черезъ нѣсколько часовъ ѣзды достигли границы лѣса, подъ $70\frac{1}{2}$ градусомъ широты. Черта этого разграниченія, сравнительно съ другими мѣстностями, проходитъ здѣсь южнѣе, такъ какъ вся страна высоко поднимается надъ уровнемъ моря; въ нѣкоторыхъ пунктахъ своихъ она достигаетъ 1000 футовъ высоты. Скоро лѣсъ совсѣмъ исчезъ изъ виду, и при пасмурной, туманной погодѣ трудно было отличать снѣжный покровъ отъ столь-же однообразно-бѣлаго неба. Однако, къ ночи мы снова приблизились къ лѣсу и расположились на привалъ въ полуверстѣ отъ пограничной черты лѣса среди прекрасныхъ высокихъ деревьевъ. Такъ ѣхали мы и въ слѣдующіе дни, то лѣсомъ, то тундрами. На слѣдющій день вечеромъ приблизились мы снова къ Оленеку и потомъ продолжали слѣдовать по лѣвому берегу этой рѣки. Недалеко отъ Пура, самаго значительнаго притока Оленека въ нижней части его теченія, мы принуждены были остановиться на нѣсколько дней, вблизи селенія по имени Кулади, и ждать, пока были приняты всѣ необходимыя мѣры для переправы нашей

поперекъ тундры, къ мѣсту впаденія Оленека. У насъ былъ недостатокъ въ оленяхъ, и мы снова были бы поставлены въ крайне затруднительное положеніе. Но намъ встрѣтился купецъ Рѣшетниковъ, совершавшій въ это время ежегодную поѣздку къ Анабарѣ, по своимъ торговымъ дѣламъ, и любезно предоставилъ онъ въ наше распоряженіе 12 сильныхъ оленей изъ своего многочисленнаго стада. Необходимо было еще добыть и крѣпко сдѣланныя нарты, и опытныхъ проводниковъ черезъ тундры, гдѣ, даже съ помощью компаса, трудно отыскать одиночную, затерянную въ пространствѣ хижину. Потому-то проводники эти должны быть въ точности знакомы съ мѣстностью. Впрочемъ, въ первую, очень морозную ночь намъ все-таки пришлось еще довольствоваться чумомъ, который разставили въ глубоко вырытой ямѣ, чтобы защититься отъ сильнаго вѣтра. Не прошло и трехъ дней, какъ мы уже окончили 200-верстное путешествіе по тундрамъ, благодаря прекраснымъ оленямъ и удивительному искусству, съ какимъ якуты управляютъ нартами. 20-го октября, вечеромъ, ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ прибытія нашего въ область Оленека, достигли мы деревушки Боликалакъ,—оффиціальное названіе ея «Усть-Оленская»,—расположенной на 72°56' сѣверной широты. Намъ отвели помѣщеніе въ домѣ тамошняго старшины, и все населеніе, состоящее, впрочемъ, только изъ семи семействъ, встрѣтило насъ низкими поклонами. Люди эти охотно привѣтствовали бы насъ и хлѣбомъ-солью, какъ это дѣлалось раньше, въ деревняхъ по Тунгузкѣ; но припасы эти составляютъ здѣсь большую рѣдкость, такъ что ихъ, вѣроятно, въ эту минуту, нельзя было бы и достать. Особенно хлѣбъ добывается здѣсь съ трудомъ, такъ какъ туземцы замѣняютъ его очень невкусными лепешками, имѣющими то преимущество, что ихъ легко и скоро можно испечь въ горячей золѣ. Достигнувъ благополучно цѣли нашего длиннаго путешествія, мы невольно обратились мыслью къ доблестнымъ морякамъ: Харитону Лаптеву, Прончищеву, Челюскину и другимъ, которые высадились на этомъ берегу почти за полвѣка раньше насъ, съ тѣмъ, чтобы отсюда предпринять смѣлыя поѣздки для изслѣдованія береговъ Ледовитаго океана. Большая часть изъ нихъ поплатилась жизнью за свое необычайное рвеніе. На послѣдней скалѣ, на правомъ берегу Оленека, почти у самого устья его, виднѣется могила Прончищева и его мужественной жены, которая послѣдовала за нимъ въ эту пустыню. Могила эта запущена, поросла мхомъ и лишаями, одинъ вывѣтрившійся крестъ, съ едва явственною надписью, напоминаетъ еще героя. Быть можетъ, другой вѣкъ, обративъ дѣятельное и просвѣщенное вниманіе на вопросъ о судоходствѣ по Ледовитому морю, поставитъ этому заслуженному передовому бойцу достойный его памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ подъ тяжестью своего геройскаго подвига.

Ф. Ф. Миллеръ.

Сѣрный источникъ въ 250 вер. отъ Витима въ Сибири.

ОЧЕРКЪ XII.

ТУНГУСЫ, ЯКУТЫ И ЧУКЧИ.

Тунгусы.—Свѣдѣнія о происхожденіи и численности ихъ.—Образъ жизни и нравы.—Отношенія къ Русскимъ.—Шаманство.—О будущности ихъ.—Якуты, народъ умный и предпріимчивый.—Скотоводство и земледѣліе у Якутовъ.—Они отличаются въ разныхъ ремеслахъ.—Якутскія поселенія и ярмарки.—Характеръ ихъ.—Сношенія съ Русскими.—Чукчи.—Торговля съ Русскими.—Образъ жизни.—Отзывы о нихъ разныхъ путешественниковъ.

Въ краю, гдѣ солнце вѣчно блещетъ
На мрачныхъ небесахъ;
*Гдѣ Сосва *) съ ревомъ въ берегъ плещетъ,*
Гдѣ воетъ вѣтръ въ лѣсахъ;
Гдѣ снѣгъ лежитъ двѣ трети года,
Какъ саванъ гробовой,
И полумертвая природа
Чуть оживляется весной;
Гдѣ царство вьюги и мороза,
Гдѣ жизни нѣтъ ни въ чемъ, —
Чернѣетъ сумрачно береза
На берегу крутомъ.

В. К. Рылѣевъ.

Вся обширная область, простирающаяся отъ Енисея до Берингова пролива и южнѣе до Амура, заселена Тунгусами, Якутами и Чукчами. Численность тунгусовъ очень трудно опредѣлить даже и приблизительно. О происхожденіи ихъ также нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній.

Полагаютъ, что по языку, типу лица, нравамъ и обычаямъ, они сходны съ Манджурами. Неизвѣстно также откуда взялось названіе: «Тунгусы», которымъ Русскіе окрестили это племя. Манджуры называютъ представителей этого племени «Солонами», что означаетъ *стрѣльцы*, Монголы-«Орончами, т. е. *обладателями оленей,* такъ какъ олень (по тунгусски «оронъ») составляетъ почти единственное ихъ домашнее животное. Сами они въ разныхъ мѣстахъ даютъ себѣ различныя названія. Костровъ утверждаетъ, что на Енисеѣ ихъ зовутъ «Эвенъ-ки» или «Овенъ-ки». Въ другихъ мѣстахъ, они просто называютъ себя «Бойо», т. е. человѣкъ. Я опишу тунгусовъ такими, какими узналъ ихъ изъ моихъ собственныхъ наблюденій надъ жителями нижней Тунгузки. Съ туземцами я сошелся довольно близко, такъ какъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, они были моими спутниками въ продолжительномъ путешествіи, служили мнѣ вѣрою и правдою, а иногда превозмогали разныя препятствія, встрѣчавшіяся на пути, съ настойчивостью и терпѣніемъ, достойными удивленія.

Тунгусы вообще считаются кочующимъ народомъ. Это, однако, и вѣрно въ отношеніи тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ у Курейскихъ и Кондогирскихъ береговъ Тунгузки. Если тунгусъ,

*) Названіе рѣки.

ради охоты, и предпринимаетъ дальнія поѣздки (въ раіонѣ не болѣе двухъ сотъ верстъ), то непремѣнно возвращается на свое родное пепилище, которое, по тунгускому праву, принадлежитъ ему одному, такъ что только онъ одинъ и можетъ ставить тамъ пасти или западни ловить рыбу и пользоваться на извѣстномъ пространствѣ всѣми правами полновластнаго собственника. На Оленекѣ мы, дѣйствительно, встрѣчали тунгусовъ.

Достатки тунгусовъ весьма различны. Одни считаютъ своихъ оленей сотнями и тысячами и шьютъ себѣ одежды изъ разныхъ матерій; другіе обладаютъ всего однимъ оленемъ, на которомъ и ѣздятъ верхомъ. Они ѣдятъ мясо лишь тогда, когда добываютъ его охотою. Вся ихъ одежда, съ головы до ногъ, состоитъ изъ оленьихъ шкуръ и не украшена бисернымъ шитьемъ, какъ у богатыхъ тунгусовъ, у которыхъ подвязки, обшивки на кафтанахъ, табачные кисеты, часто даже и сапоги-все вышито бисеромъ, иногда съ большимъ вкусомъ. Богатые тунгусы посредничаютъ въ торговыхъ сношеніяхъ между своими соплеменниками, живущими въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстностяхъ, и русскими купцами, проживающими въ ближайшихъ деревняхъ. Въ торговыхъ дѣлахъ они проявляютъ такую плутоватость, что и русскимъ кулакамъ не всегда удается ихъ обмануть. Почти у каждаго тунгуса, посѣщающаго русскія селенія, есть знакомый крестьянинъ или купецъ, къ которому онъ и обращается, если ему требуется что-нибудь изъ европейскихъ произведеній. Товаръ охотно отпускается тунгусу, но о цѣнѣ, обыкновенно, рѣчи не бываетъ. Продавецъ товара требуетъ отъ покупателя тунгуса платежа натурою, при чемъ особенно заботится, чтобы покручпикъ или покрученникъ (такъ называется покупатель, заключающій сдѣлки) оставался въ долгу. Если покрученникъ не можетъ скопить деньги, необходимыя для взноса ясака, то онъ окончательно дѣлается рабомъ своего кредитора, который платитъ за него ясакъ и заставляетъ должника работать на себя, даже ходить на охоту за бѣлками, при чемъ вся добыча составляетъ полную собственность кредитора. На обременительность слишкомъ высокаго ясака жалуются и богатые тунгусы. Дѣйствительно, норма этой подати была установлена здѣсь еще въ то время, когда на Тунгузкѣ водились соболи, которыхъ въ настоящее время совсѣмъ нѣтъ здѣсь. Наконецъ и всѣ другіе пушные звѣри, не исключая даже бѣлокъ, быстро убываютъ съ каждымъ годомъ.

Чукча.

Въ общемъ, тунгусы безусловно честны. Кражи у нихъ, повидимому, совершенно не извѣстны. Богатые тунгусы никогда не запираютъ своихъ амбаровъ и кладовыхъ. Большая часть тунгусовъ считается христіанами. Въ теченіи двухлѣтняго путешествія я встрѣтилъ всего лишь одного некрещенаго тунгуса, близь Туруханска. Судя по внѣшнимъ признакамъ, они держатся постановленій православной церкви: всѣ носятъ крестъ на шеѣ, а у богатыхъ можно видѣть въ домахъ и образа, какъ въ русской избѣ. Тунгусы, въ моемъ присутствіи, крестились передъ образами послѣ ѣды, и дѣлали это съ видимымъ желаніемъ обратить на себя вниманіе. Само собою разумѣется, что христіанское ученіе не могло пустить между ними глубокихъ

корней, и религіозность ихъ ограничивается лишь соблюденіемъ внѣшнихъ обрядовъ,—тѣмъ болѣе, что постоянныхъ священниковъ у нихъ нѣтъ и ихъ лишь изрѣдка, наѣздомъ, посѣщаетъ православное духовенство. На протяженіи всей Тунгузки (т. е. около 2,000 верстъ) существуетъ лишь одно село Преображенское, гдѣ есть церковь и священникъ, обязанный съ дьякономъ объѣзжать всю область, занимающую, съ сѣвера на югъ, пространство около 400 верстъ.

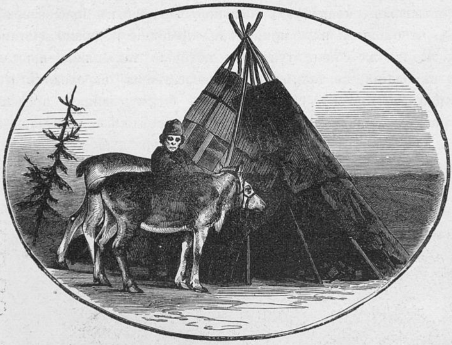
Этотъ священникъ обязанъ совершать всѣ церковныя требы для тунгусовъ, которые пріѣзжаютъ съ этою цѣлью въ ближайшія русскія деревни. Не смотря на все это, тунгусы, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, чувствовали, повидимому, большое влеченіе къ православной церкви, строго наблюдали за тѣмъ, чтобы дѣти ихъ принимали крещеніе и бракосочетанія совершались по церковному обряду. Но тѣ же самые тунгусы, которые такъ явно выставляютъ на показъ свои христіанскія вѣрованія, съ такимъ-же удовольствіемъ переходятъ отъ священника къ своимъ шаманамъ, и съ восторгомъ слушаютъ ихъ безсмысленныя предсказанія. Въ глазахъ тунгуса, шаманъ не только чародѣй, но и пріятный собесѣдникъ, увеселяющій и развлекающій отъ тоски. Тунгусы часто напѣваютъ вполголоса однообразную мелодію, которою шаманы заклинаютъ духовъ; она обратилась у нихъ въ народную пѣснь, единственную, которую довелось слышать здѣсь.

Юрты Орочанъ (оленныхъ Тунгусовъ).

Въ 1873-мъ году мнѣ удалось присутствовать на одномъ изъ такихъ представленій (иначе это нельзя назвать) шамана Чиглауль Чапогиръ, столѣтняго старика по увѣреніямъ тунгусовъ. Одѣтый въ фантастическій костюмъ, украшенный все-возможными желѣзными погремушками, онъ танцовалъ около очага въ чумѣ, подъ звуки крайне манотоннаго пѣнія, къ которому по временамъ присоединялись хоромъ и прочіе тунгусы. Онъ билъ въ барабанъ, прислушивался, прикладывая ухо къ стѣнамъ, шепталъ что-то, снова принимался пѣть и вдругъ впадалъ въ экстазъ. Присутствовавшіе тунгусы объяснили намъ, что онъ вызываетъ духовъ, что тѣ постепенно являются къ нему по его требованію и онъ вступаетъ съ ними въ совѣщанія. Наконецъ онъ и самъ сталъ проповѣдывать, т. е. говорить безсвязный вздоръ. На слѣдующій годъ я снова столкнулся съ однимъ шаманомъ, тоже очень старымъ, но еще бодрымъ человѣкомъ. Это былъ знаменитый шаманъ, о которомъ соотечественники его разсказывали самыя невѣроятныя вещи. Они утверждали будто-бы онъ уже три раза умиралъ и столько же разъ воскресалъ; будто-бы онъ можетъ проткнуть себѣ грудь огромнымъ копьемъ, съ которымъ ходятъ на медвѣдей (оно называется «пальмого») и посадить по ребенку на каждый конецъ этого копья. Къ сожалѣнію однако, мнѣ не удалось склонить его къ тому, чтобы онъ пока-

залъ и намъ свою чародѣйскую силу. Онъ, вообще производитъ впечатлѣніе очень хитраго плута. Шаманы пользуются здѣсь большимъ уваженіемъ. Мнѣ показывали гробницы двухъ знаменитыхъ шамановъ: Атика и Кеордоно, умершихъ уже сто лѣтъ тому назадъ. Я видѣлъ ихъ черепа, обломки оружія и разныхъ красивыхъ вещицъ, которыми снабдили ихъ для загробной жизни. Они были погребены по старому языческому обычаю, т. е. надъ землею, въ простыхъ деревянныхъ ящикахъ, поставленныхъ на высокихъ столбахъ. Тѣла же умершихъ, не пользовавшихся особеннымъ почетомъ, по языческому обычаю, просто закутывали въ саванъ и заколачивали въ ящикъ, который затѣмъ подвѣшивали къ какому-нибудь высокому дереву. Но въ настоящее время тунгусы уже зарываютъ мертвыхъ по христіанскому обычаю.

Тунгусская юрта на тундрахъ.

Какъ искореняются, мало по малу, старинныя похоронныя церемоніи тунгусовъ, такъ выводятся и всѣ прочіе обычаи, о которыхъ разсказываютъ путешественники прежнихъ временъ. Еще Миддендорфъ, ознакомившійся съ племенами тунгусовъ тридцатью годами раньше моего путешествія, привезъ изображенія нѣсколькихъ татуированныхъ индивидуумовъ; но мнѣ не случилось найти даже и слѣдовъ татуированія. Луки и стрѣлы совсѣмъ вышли изъ употребленія. Не смотря на то, что я обѣщалъ хорошую плату за это оружіе, никто не могъ достать мнѣ его. Всѣ тунгусы, не исключая и живущихъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, были вооружены кромѣ длиннаго копья и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Всѣ тунгусы, живущіе охотою, стрѣляютъ хорошо; но присяжные стрѣлки, испытанные во всѣхъ отношеніяхъ, рѣдки и между тунгусами. Таковъ былъ Голе Каплинъ, который сопровождалъ меня во время всей экспедиціи на Оленекъ, частью также и въ путешествіи по Тунгузкѣ. Онъ представлялъ собою, можно сказать, идеалъ сибирскаго «таёжника», — былъ не только замѣчательнымъ стрѣлкомъ, но и неутомимымъ ходокомъ. Особенно замѣчательна въ немъ способность оріентироваться. Однажды, когда мы находились недалеко отъ озера Спрунчуа, я, опредѣливъ положеніе мѣстности по астрономическимъ вычисленіямъ, сказалъ Голе, что если-бы мы могли идти отсюда по прямому южному направленію (это было не возможно — намъ препятствовали горы), то, сдѣлавъ столько-то и столько-то верстъ, мы пришли бы къ Тунгузкѣ, именно, къ устью одного изъ ея притоковъ. Послѣ нѣкотораго размышленія, Голе отвѣтилъ, что онъ согласенъ со мною насчетъ разстоянія и самъ распредѣлилъ его на извѣстное число дней, считая по 60 верстъ въ день (по

Жилища якутовъ въ наиболѣе тундристой части Якутск. обл. (на р. Янѣ).

снѣгу, на лыжахъ). При этомъ онъ замѣтилъ, что достигъ-бы Тунгузки нѣсколькими верстами выше впаденія названной мною рѣки. Такъ выходило и по моимъ вычисленіямъ, результатъ которыхъ я сообщилъ ему, но, избѣгая подробностей, не вполнѣ точно. Нужно прибавить еще, что Голе никогда не былъ прежде въ томъ краю, гдѣ мы вели съ нимъ этотъ разговоръ, что Тунгузка находилась въ нѣскольких стахъ верстахъ растоянія отъ нихъ, за высокими горами, и мы шли впередъ далеко не прямымъ путемъ.

На ряду съ охотою тунгусы занимаются и рыболовствомъ. Особенно любятъ они карасей, которые водятся во множествѣ и достигаютъ значительной величины во всѣхъ озерахъ, принадлежащихъ къ рѣчной системѣ Тунгузки. Пристрастіе ихъ къ этой рыбѣ до того сильно,

Якуты.

что во время нашего путешествія по Оленеку, гдѣ конечно не было недостатка въ прекрасныхъ высшихъ сортахъ рыбъ, сопровождавшіе насъ тунгусы скучали по своимъ роднымъ карасямъ. Охота и рыбная ловля составляютъ единственныя занятія тунгусовъ. О какой либо промышленности они не имѣютъ даже и понятія. Дубленіе оленьихъ шкуръ составляетъ занятіе женщинъ—кожа идетъ на покрышку чумовъ и на одежду. Обрабатывается также и береста посредствомъ битья и прокуриванья, употребляюшаяся на обшивку чумовъ и на приготовленіе челноковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заготовляются еще лѣтнія покрышки для жилищъ изъ рыбьей кожи. Прибавьте къ этому приготовленіе самыхъ простыхъ сѣделъ и сѣдельныхъ сумокъ (потакуи), а также табачныхъ кисетовъ и мѣшечковъ для огнива (кремня и стали), составляющихъ необходимую принадлежность одежды каждаго тунгуса,—и получится полный перечень всѣхъ предметовъ, которые тунгусъ можетъ сдѣлать самъ для себя. Все остальное необходимое ему, онъ долженъ добыть у своихъ сосѣдей Русскихъ или Якутовъ.

Тунгусы управляются общинными старшинами (шулинго), избираемыми изъ ихъ среды, которые и служатъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ русскими властями. Правительство запрещаетъ продавать водку сибирскимъ инородцамъ; но, при обширности разстояній, надзоръ за надлежащимъ исполненіемъ этого закона почти не возможенъ. Мѣстное русское населеніе обходитъ законъ, и спиртные напитки обращаются, въ его рукахъ, въ самый удобный и выгодный для него мѣновой товаръ.

Внизъ по Оленеку, я наблюдалъ тунгусовъ, уже совершенно отрекшихся отъ коренныхъ своихъ обычаевъ. Внизъ по рѣкѣ, намъ попадалось населеніе, говорившее только по якутски, выдававшее себя за якутовъ. Одинъ изъ старшинъ, нѣкто Петръ Шатнгинъ, довольно богатый и весьма уважаемый, объяснилъ мнѣ, что большая часть здѣшнихъ тунгусовъ, въ томъ числѣ и родъ Шатнгиныхъ, считаютъ себя якутами, тогда какъ они тунгускаго происхожденія; но только нѣсколько поколѣній тому назадъ приняли нравы и обычаи якутовъ. Обращеніе тунгусовъ къ нравамъ и обычаямъ якутовъ значительно подняло ихъ нравственный уровень. Нигдѣ не встрѣчалъ я такого привѣтливаго, патріархальнаго народа, который обитаетъ на устьяхъ Оленека и Лены. Разъ въ годъ, около Пасхи, здѣсь бываетъ ярмарка, на которую жители стекаются изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ, даже изъ лѣсныхъ областей.

Старшины (головы) улусовъ Якутскаго округа.

Они обмѣниваютъ свой товаръ, состоящій большею частью изъ мѣховъ, на чай, табакъ, матеріи и желѣзныя издѣлія. Все это привозится сюда русскими купцами. Спиртные напитки, какъ кажется, здѣсь не въ большой чести. У меня, напримѣръ, никто не просилъ на «водку», между тѣмъ какъ на Тунгузкѣ жители при каждой встрѣчѣ требовали такой подачки. Не смотря на суровый климатъ, населеніе живетъ здѣсь довольно зажиточно.

Тунгусы этого рода составляютъ переходъ къ якутамъ—одной изъ наиболѣе многочисленныхъ группъ инородцевъ, населяющихъ сѣверъ Восточной Сибири. Настоящихъ якутовъ встрѣтилъ я на пограничной линіи лѣсовъ, въ области Яны, на возвратномъ пути съ экспедиціи на Оленекъ.

Въ чертахъ лица и одежды якуты почти не отличаются отъ тунгусовъ, но разница въ образѣ жизни тѣхъ и другихъ тотчасъ же бросается въ глаза. Я былъ пораженъ, встрѣтивъ приблизительно подъ 70° широты и всего въ какихъ-нибудь 30 верстахъ отъ лѣсной границы—лошадей и коровъ; это казалось мнѣ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что на Ленѣ скотоводство встрѣчается только развѣ до Якутска и его ближайшихъ окрестностей. Въ деревнѣ Сиктьяхѣ на Ленѣ меня увѣряли, что занятіе скотоводствомъ тамъ савершенно невозможно и что скотъ, лѣтомъ пригоняемый отъ Якутска къ Ленѣ, къ зимѣ долженъ быть заколотъ. Климатъ на Янѣ

и Ленѣ почти одинъ и тотъ же, на Янѣ, пожалуй, еще холоднѣе, пастбища тоже одинаковы, а при устьѣ Лены, говорятъ, даже лучше; по этому можно только предположить, что якутъ, происходящій отъ истинно пастушескаго племени, могъ все-таки, не смотря на нѣкоторыя затрудненія, поддержать здѣсь скотоводство, въ то время какъ тунгусъ, происходящій отъ рыбаковъ и охотниковъ, не имѣетъ для этого ни желанія, ни достаточныхъ познаній. Русскіе же въ этомъ краю преимущественно занимаются торговлей и тоже не чувствуютъ склонности къ сопряженному съ большими хлопотами скотоводству. Якутъ Мартынъ Борогонъ, пользующійся почетомъ старшины, первый, у котораго я нашелъ цѣлое стадо, имѣлъ не менѣе 20 лошадей и болѣе 10 штукъ рогатаго скота. Первыя лошади были приведены сюда еще его дѣдушкой, имѣющіяся же теперь на лицо родились и выросли здѣсь. Онѣ хотя низкорослы, но весьма крѣпки, имѣютъ плотную шкуру и отлично переносятъ здѣшнюю стужу. Днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ ихъ держатъ на открытомъ воздухѣ и только съ жеребятами обходятся нѣсколько нѣжнѣе. За то рогатый скотъ требуетъ гораздо больше заботливости. Хлѣвъ, напримѣръ, примыкаетъ къ самой юртѣ и отъ нея заимствуетъ свое тепло, а чтобы не дать доступа холоду, хлѣвъ имѣетъ только одну дверь—въ юрту же. Вслѣдствіе этого, атмосфера, царствующая въ юртѣ, можетъ показаться европейцу не особенно пріятной, въ особенности еще, если къ теплой печкѣ хозяинъ принесетъ изъ хлѣва нѣсколькихъ своихъ любимцевъ. Впрочемъ, труды по уходу за рогатымъ скотомъ богато вознаграждаются, и здѣшнія коровы славятся своей удойливостью. Онѣ только 8 лѣтъ всего, какъ акклиматизаровались здѣсь, однако отнюдь не представляютъ крайнихъ форпостовъ своей расы на сѣверѣ, но еще въ Усть-Янскѣ купцомъ Саниковымъ съ отличнымъ успѣхомъ разводятся коровы, не говоря ужь о лошадяхъ. Усть-Янскъ же лежитъ почти за 71° широты и на берегу Ледовитаго океана; но, какъ говорятъ, тамошнія пастбища превосходны.

Я упоминалъ уже о томъ, что якуты—первобытный пастушескій народъ. Вѣроятная ихъ родина—окрестности Байкала (самое названіе Байкалъ—якутское слово, означающее море; этимъ же именемъ якуты называютъ Ледовитый океанъ); тамъ они встрѣчались наряду съ бурятами и монголами. Правда, точныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется, такъ какъ исторія Сибири, до завоеванія ея казаками, основывается только на догадкахъ и предположеніяхъ. Тѣснимая бурятами, главная масса якутовъ, вмѣстѣ съ своими стадами, двинулась внизъ по Ленѣ и заселила какъ ея берега, такъ и прилегающія мѣстности; два же якутскихъ рода направились къ западу и первоначально, по всей вѣроятности, дошли до Анабары, а затѣмъ оттуда передвинулись къ Енисею, на правомъ берегу котораго, въ селеніи Шорохинскомъ (Туруханскаго уѣзда), часть ихъ проживаетъ и по настоящее время, въ то время какъ другая осѣла за 1500—1800 верстъ къ востоку отъ Туруханска, въ такъ-называемой Низовой Тундрѣ, въ рѣчномъ бассейнѣ Кети, Боганиды, Катанги до Анабары. Своей относительной зажиточностью они отличаются отъ всѣхъ прочихъ мѣстныхъ поселенцевъ.

Хотя весьма сомнительно, чтобы якуты на своей первобытной родинѣ занимались земледѣліемъ, въ настоящее время, однако, ихъ можно уже причислить къ земледѣльческимъ народамъ, несмотря на то, что ихъ теперешняя родина, какъ можно бы предполагать, не особенно приспособлена къ земледѣлію, такъ какъ, напр., въ Якутскѣ средняя температура трехъ зимнихъ мѣсяцевъ лежитъ ниже точки замерзанія ртути (32° Р.). Но страшному зимнему холоду соотвѣтствуетъ такая же сильная жара въ теченіе короткаго лѣта, и этому эксцентричному климату Якутскъ обязанъ своими необыкновенно богатыми урожаями почти обыкновенно всѣхъ только дальше къ югу встрѣчающихся полевыхъ плодовъ. Во всякомъ случаѣ—здѣсь разсчитывать на подобный результатъ и многолѣтними трудами добиться, наконецъ, таковаго, несмотря на всѣ предубѣжденія—на это требовалась большая смѣлость. Поэтому, первый здѣшній земледѣлецъ по всей справедливости заслуживаетъ, чтобы его имя было сохранено въ памяти потомства. Это былъ, какъ разсказываютъ въ Якутскѣ, отставной младшій чиновникъ,

позднѣе волостной писарь Константинъ Андреевичъ Болкашинъ, первые земледѣльческіе опыты котораго относятся къ 1819 году. Только въ 1825 году ему удалось, на собственноручно обработанномъ киркой участкѣ земли, который онъ засѣялъ двумя пудами ячменя, получить урожай самъ-двадцать. Этимъ онъ возбудилъ интересъ своего начальника, волостнаго старшины Дмитрія Данилова, который въ слѣдующемъ году самъ принялъ участіе въ земледѣльческихъ опытахъ Болкашина. И на этотъ разъ получился хорошій урожай въ самъ-десять; но у компаньоновъ не было совершенно мельницъ; пришлось удовольствоваться деревянными ступами. Но чуть размолотая подобнымъ способомъ крупа совершенно не понравилась якутамъ.

Вскорѣ послѣ того, при помощи одного купца, были выписаны изъ Олекминска лучшія земледѣльческія орудія, по образцу которыхъ искуснѣйшіе якутскіе кузнецы немедленно изготовили подобныя же; доставлены были ручныя мельницы, устроили русскую печь, и, наконецъ, выпеченъ былъ первый изъ мѣстнаго зерна хлѣбъ. Но не смотря на все это, прошло еще довольно много времени, пока якуты пріучились къ занятію земледѣліемъ. Они считали это занятіе грѣхомъ, и когда старшина Даниловъ, достигавшій въ послѣдніе годы все лучшихъ и лучшихъ результатовъ, хотѣлъ ихъ къ тому принудить силой, такъ какъ еще годъ тому назадъ онъ воздѣлалъ всю землю для посѣва, тогда борьба возгорѣлась открыто. Болкашинъ и Даниловъ, вслѣдствіе поступившихъ на нихъ доносовъ, были смѣщены съ занимаемыхъ ими должностей. Болкашинъ переселился окончательно въ Якутскъ; Данилову же удалось снова занять мѣсто старшины. Не смотря на то, что полевыя работы его производились все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, якуты долгое время еще продолжали относиться къ этому нововведенію съ полнымъ равнодушіемъ.

Я уже говорилъ, что якуты превосходные кузнецы и, вообще, достигаютъ довольно значительнаго искусства въ обработкѣ разныхъ металловъ. Я видѣлъ весьма искусно сдѣланныя ими украшенія изъ серебра и желѣза, имѣющія большое сходство съ кавказскими издѣліями. Они сами дѣлаютъ всѣ свои хозяйственныя, домашнія орудія: ножи, колья для охоты на медвѣдей и проч., и прекрасно воспроизводятъ всѣ металлическія издѣлія, привозимыя сюда русскими.

Кромѣ металлическихъ издѣлій, якуты превосходно исполняютъ токарныя работы, вытачивая изъ мамонтовой кости вещицы, не уступающія, по чистотѣ отдѣлки, китайскимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ. Но у якутовъ нѣтъ оригинальности, вымысла; они могутъ работать лишь по даннымъ образцамъ, европейскимъ или китайскимъ. Вообще у нихъ большая склонность ко всѣмъ ремесламъ. Изъ якутскихъ издѣлій, особенно славятся непромокаемые сапоги (изъ лошадиной кожи съ мягкими подошвами), которые совсѣмъ не пропускаютъ воду. По оригинальности своей заслуживаютъ вниманія ковры изъ чернаго и бѣлаго конскаго волоса, сплетенные такъ, что образуются разные рисунки, большею частью, впрочемъ, въ видѣ шахматной доски.

Въ южномъ раіонѣ якуты образуютъ довольно большія селенія, похожія на русскія деревни. Такое селеніе, называемое міоре, видѣлъ и Врангель на пути между Якутскомъ и Алданомъ. На днѣ высохшаго, бывшаго озера (8 верстъ въ поперечникѣ), въ низменныхъ мѣстахъ котораго оставалась еще вода, образуя небольшія озерки, обильныя рыбою, раскинулось селеніе, въ которомъ (60 лѣтъ тому назадъ) были двѣ красиво выстроенныя церкви и множество юртъ, очень напоминающихъ русскія крестьянскія избы. Видимая зажиточность населенія объясняется тѣмъ, что бывшее дно озера превратилось въ великолѣпныя пастбища. Главное богатство здѣшнихъ якутовъ составляютъ многочисленныя стада рогатаго скота и конскіе табуны. Лошадей отдаютъ въ наемъ купцамъ, для перевозки грузовъ. Врангель разсказываетъ, будто старшина этого селенія обладалъ полумиліоннымъ состояніемъ, оставаясь однако вѣрнымъ якутскому образу жизни.

У якутовъ бываютъ ярмарки въ опредѣленное время и въ мѣстахъ, установленныхъ ста-

риннымъ обычаемъ. Павловскій разсказываетъ объ учурской ярмаркѣ, которую онъ посѣтилъ въ 1857-мъ году. Она ежегодно открывается 1-го мая и продолжается до 1-го іюня, въ селеніи, на рѣкѣ Учурѣ, притокѣ Альдона съ правой стороны. Этой ярмаркѣ тогда уже считали около 80 лѣтъ; но значительно раньше этого тунгусы и якуты стекались въ эту мѣстность для размѣна товаровъ. Ярморочный пунктъ представляетъ довольно красивую деревню, состоящую изъ 30 строеній; здѣсь есть церковь и домъ для священника.

Довольно значительными размѣрами и тщательностью постройки отличаются юрты кангалакскихъ якутовъ. Кромѣ того, множество юртъ разсѣяно по лѣсу, такъ что ихъ съ трудомъ нужно отыскивать. Якуты любятъ совершать сдѣлки въ полномъ уединеніи и ни за что не станутъ заключать дѣловой сдѣлки въ присутствіи не учавствующихъ въ ней лицъ, будь это русскіе или якуты. Если нѣсколько якутскихъ семействъ живутъ вмѣстѣ, то мужчины ведутъ свои дѣла при закрытыхъ дверяхъ и даже стараются рѣшать ихъ ночью. Главная торговля находится въ рукахъ якутовъ, которыхъ собирается здѣсь до 200 человѣкъ, тунгусовъ 60—70 человѣкъ и русскихъ 10—15 человѣкъ. Якуты скупаютъ у тунгусовъ мѣха (преимущественно соболей и бѣлокъ), а также и кабарчовую струю, а сами продаютъ лошадей, оленей, разные съѣстные припасы, желѣзный товаръ, матеріи и проч. За долго до начала ярмарки, они разъѣзжаютъ по странѣ, отыскиваютъ тунгусовъ въ ихъ чумахъ или на обычныхъ сборныхъ пунктахъ и скупаютъ у нихъ драгоцѣнный пушной товаръ. Когда ярмарка закрывается, они отправляются въ Якутскъ, спускаясь на плотахъ внизъ по теченію Учуры и Альдона, гдѣ и находятъ хорошій и быстрый сбытъ для своихъ мѣховъ, которые покупаютъ здѣсь якутскіе и иркутскіе купцы, съѣзжающіеся сюда на ярмарку.

Якутка съ ребенкомъ на быкѣ.

Якуты словно нарочно созданы для страны, которую они въ настоящее время населяютъ. Они мало чувствительны къ страшному морозу и, вообще, очень выносливы. Но при случаѣ, они бываютъ очень обжорливы. Кромѣ говядины, ѣдятъ въ большомъ количествѣ конину. Главное ихъ лакомство жиръ. Въ большіе праздники они поглощаютъ громадное количество масла, большею частью топленаго. Изъ коровьяго и кобыльяго молока они приготовляютъ разные продукты, какъ то: кумысъ и кушанъ. Врангель называетъ послѣднее якутскимъ масломъ; мнѣ подавали его подъ именемъ «коньяка». Это—смѣсь творогу и масла, иногда съ прибавкой брусники. Въ этой послѣдней формѣ кушанье это очень вкусно, напоминаетъ нѣсколько наше фруктовое мороженое. Склонность къ жирной пищѣ распространена, впрочемъ, у всѣхъ сѣверныхъ народовъ и объясняется суровостью климата. Я всего лучше предохранялъ себя отъ холода, съѣдая утромъ, за чаемъ, прежде чѣмъ уйти со двора, нѣсколько кусковъ варёнаго горячаго оленьяго жира. И это служило для меня лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ ледяной температуры, чѣмъ всѣ остальные съѣстные припасы. Мужчины и женщины страстно любятъ курить. Такъ называемый черкасскій табакъ они покупаютъ у русскихъ купцовъ и курятъ его изъ самыхъ маленькихъ трубокъ, общеупотребительныхъ у всѣхъ народовъ восточной Азіи, въ томъ числѣ у японцевъ и китайцевъ. Трубочки эти вмѣщаютъ въ себѣ не больше наперстка табаку. При куреніи, они затягиваются: имъ нравится одуреніе отъ крѣпкаго табаку. Въ по-

слѣднее время у нихъ входитъ въ большее и большее употребленіе водка, которой они прежде не знали. По характеру якуты задорны и мстительны. Вообще говоря, они скрытны и необходительны. Особенно же тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ наиболѣе населенныхъ округахъ близъ Якутска. Сутяжничество—отличительная черта этихъ якутовъ.

При всемъ томъ, какъ это всегда бываетъ при соприкосновеніи культурнаго народа съ такимъ, который стоитъ на низшей ступени образованія, развитіе русской цивилизаціи между якутами не можетъ подлежать нималѣйшему сомнѣнію. Якуты, какъ я уже говорилъ, научились у русскихъ земледѣлію и самымъ разнообразнымъ ремесламъ. Вліяніе русскаго духовенства также весьма велико; сверхъ того и правительство доставило якутамъ возможность получать образованіе, учредивъ въ якутскѣ сначала прогимназію, обращенную впослѣдствіи въ полную гимназію. Цивилизующее значеніе этого учебнаго заведенія очень велико и важно для всего края.

Объ одеждѣ якутовъ приходится сказать почти тоже, что и о тунгуской. Въ глухихъ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ торговыхъ путей, она состоитъ изъ кожъ и мѣховъ; зажиточные люди шьютъ себѣ одежду изъ матерій, а старшины обшиваютъ ее даже золотыми позументами. Весьма многіе якуты совершаютъ зимою большіе переѣзды, и притомъ исключительно верхомъ. Поэтому кафтаны ихъ, нѣсколько короче тунгусскихъ, имѣютъ разрѣзъ сзади, чтобы удобнѣе было сидѣть верхомъ, а ноги защищены нѣсколькими мѣховыми брюками и чулками. Одежда женщинъ очень похожа на мужскую, только нѣсколько длиннѣе. Женщины любятъ носить разные уборы, преимущественно изъ серебра. Особенно бросаются въ глаза большихъ размѣровъ серги и высокія мѣховыя шапки, для которыхъ берется по возможности мѣхъ россомахи. Шапки эти украшаются у богатыхъ серебрянными монетами, привѣшанными къ ремнямъ.

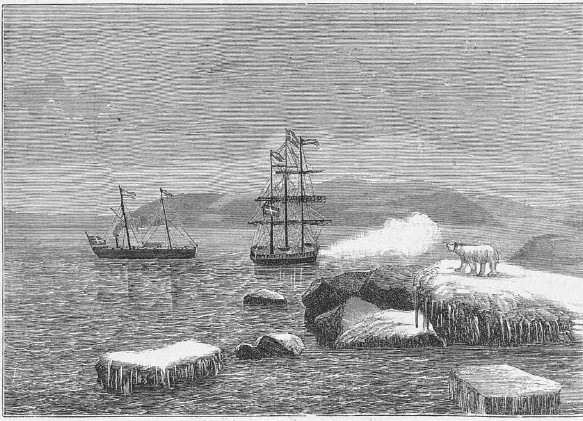
Головной уборъ изъ Якутской губерніи.

Якуты теперь почти всѣ крещены; но огромное большинство ихъ, особенно въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, только числятся христіанами. Язычествующіе якуты, кромѣ идоловъ, поклоняются огню и солнцу. Первому они даже приносятъ въ жертву пищу и питье для того, чтобы онъ не причинялъ имъ вреда. Они вѣрятъ въ существованіе девяти небесъ, населенныхъ стадами домашнихъ животныхъ. Дьяволъ играетъ у нихъ большую роль. Шаманы и шаманки считаются его союзниками. Познанія якутовъ въ астрономіи не велики; но есть вожаки по тундрамъ, умѣющіе распознавать путь по звѣздамъ. Якуты отличаются большою зоркостью глазъ и хорошею памятью. Просто изумительно, съ какою точностью ведетъ васъ якутъ по тундрѣ въ темную ночь, когда не видать даже и самой тропинки. Онъ примѣчаетъ каждый камень, кустикъ, каждое едва замѣтное повышеніе и пониженіе почвы, и, по прошествіи многихъ лѣтъ, съ величайшей увѣренностью распознаетъ дорогу въ той мѣстности, въ которой былъ хоть одинъ разъ.

Разнаго рода болѣзни производятъ значительныя опустошенія въ якутскомъ населеніи. Такъ, въ 1758-мъ году здѣсь свирѣпствовала страшная оспа; въ 1774 г.—корь. Эти эпидеміи часто повторяются здѣсь и выкашиваютъ много людей. Не мало вреда приноситъ также и сифилисъ, весьма распространенный здѣсь и трудно излечивающійся при сильномъ холодѣ. На берегахъ Ледовитаго моря свирѣпствуетъ кромѣ того страшная болѣзнь, нѣчто въ родѣ проказы

(Elphan tiasis), совершенно разрушающей организмъ. Противъ этой болѣзни не существуетъ никакихъ средствъ; больныхъ просто бросаютъ на произволъ судьбы, и они умираютъ столь-коже отъ самой болѣзни, какъ и отъ голода и стужи.

Изъ многочисленныхъ мелкихъ племенъ, населяющихъ мѣстность къ востоку отъ якутовъ, больше другихъ выдаются чукчи. Во время зимовки Норденшельда на прибрежьѣ земли чукчей, онъ и его спутники имѣли случай близко наблюдать за туземцами; особенно много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи русскій лейтенантъ Нордквистъ, основательно занявшійся изученіемъ языка чукчей. Норденшельдъ говоритъ объ этомъ языкѣ, что онъ благозвученъ и членораздѣленъ, но огромная примѣсь къ нему другихъ азіятскихъ и американскихъ нарѣчій не даетъ возможности придти, на основаніи языка, ни къ какимъ заключеніямъ о происхожденіи чукчей. По мнѣнію Норденшельда, этотъ народъ смѣшанный, въ которомъ особенно выдѣляются три типа: рослые люди со смуглымъ цвѣтомъ лица, большимъ орлинымъ носомъ и черными гладкими

«Вега» и «Лена» у мыса Челюскина.

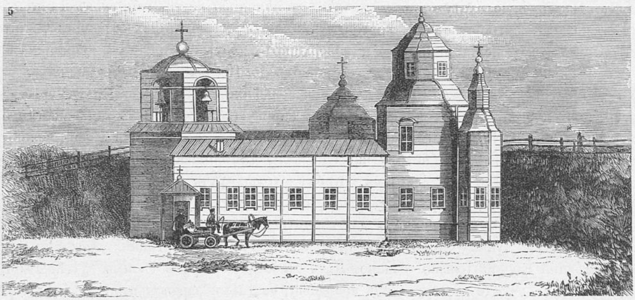
волосами, на подобіе гривы, совершенно напоминающіе сѣверо-американскихъ индѣйцевъ; представители монгольскаго типа—съ черными волосами, небольшой бородкой, сплюснутымъ носомъ, выдающимися скулами и косыми глазами; наконецъ, населеніе съ гораздо болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ лица, напоминающее русскихъ. Русскіе и чукчи вели упорную борьбу съ того времени, какъ пришли въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, русскіе неоднократно предпринимали завоевательные походы въ страну чукчей и почти каждый разъ разбивали ихъ на голову; не смотря, однако, на это, чукчи отказывались признать русское владычество. Случалось, что, во избѣжаніе плѣна, они взаимно убивали другъ друга и упорно отказывались отъ уплаты ясака. Они и до сихъ поръ не уплачиваютъ его. Въ нынѣшнемъ столѣтіи удалось заключить съ чукчами торговые договоры, которые, если не считать нѣсколькихъ незначительныхъ споровъ во время ярмарокъ, соблюдаются обѣими сторонами, такъ что въ настоящее время путешественникамъ нечего болѣе опасаться въ странѣ чукчей, слывшихъ прежде народомъ дикимъ, воинственнымъ народомъ. По мнѣнію Норденшельда, они не знаютъ никакихъ властей; но это едва-ли вѣрно, такъ какъ баронъ Майдель, имѣвшій случай ближе ознакомиться съ ними въ концѣ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Нейманомъ,

упоминаетъ о предводителѣ ихъ, Амреургинѣ. Чукчи населяютъ занимаемую ими страну съ не давнихъ поръ. Около 250 лѣтъ назадъ, все прибрежье отъ Шелагскаго мыса до Берингова пролива было населено эксимосами. Чукчи вытѣснили ихъ и поселились здѣсь.

Чукчи раздѣляются на два племени, которыя при одинаковомъ происхожденіи и языкѣ, кореннымъ образомъ разнятся другъ отъ друга. Чукчи оленоводы владѣютъ большими стадами оленей, съ которыми они кочуютъ отъ Берингова пролива до Колымы и даже до Индыгирки—ведутъ оживленную торговлю съ русскими. Чукчи *береговые* болѣе осѣдлы, но не на столько однако, чтобы поселенія ихъ можно было сравнивать съ русскими деревнями. Они занимаютъ пространство на морскомъ берегу между Чаунской бухтой и Беринговымъ проливомъ; не имѣя оленей, они кормятся лишь тѣмъ, что даетъ имъ море. Центральный пунктъ торговли между русскими и чукчами—Анжуйская «крѣпостца», выстроенная въ 1808-мъ году спеціально для этой цѣли. Она расположена на берегу малаго Анжуя, въ 250 верстахъ къ югу-востоку отъ Нижнеколымска, въ лѣсистой и скалистой мѣстности, и содержитъ въ себѣ часовню, казарму и нѣсколько домовъ, обнесенныхъ деревянными заборами, но населенныхъ только въ мартѣ, во время ярмарки. Ярмарочная площадь находится впрочемъ не въ самой «крѣпостцѣ», а внѣ ея, на льду рѣки Анжуи. Здѣсь чукчи располагаются со своими саночками полукругомъ; на разстояніи шаговъ тридцати отъ нихъ помѣщаются русскіе купцы со всякого рода товарами. По пріѣздѣ колымскаго исправника, подается сигналъ къ открытію ярмарки, и торгъ начинается. Присутствіе судьи безусловно необходимо. Здѣсь иногда собирается до 900 человѣкъ, въ томъ числѣ до 200 чукчей, и споры возникаютъ довольно часто. За порядкомъ веденія торговыхъ дѣлъ слѣдитъ также и ярмарочный староста, съ большимъ безпристрастіемъ преслѣдующій всякій обманъ. Со стороны русскихъ, главные предметы торговли: табакъ, который чукчи очень любятъ, и не только курятъ, но и жуютъ; желѣзные и мѣдные котлы и вообще всякого рода желѣзныя издѣлія, какъ то: ножи, топоры, иголки, наперстки, пилы, огнива, трубки, колокола, ружья и мѣха волковъ и россомахъ, цѣнимые чукчами весьма высоко. Взамѣнъ этихъ товаровъ, чукчи предлагаютъ, главнымъ образомъ, всякаго рода пушной товаръ, особенно шкуры полярныхъ лисицъ и песцовъ. Цѣнность лисьихъ мѣховъ весьма различная, смотря по цвѣту. Мѣха обыкновенныхъ рыжихъ лисицъ идутъ по 10 штукъ за пудъ табаку; мѣхъ одной чернобурой лисицы промѣнивается на количество табаку отъ одного до четырехъ пудовъ. Мѣха рѣчныхъ бобровъ, куницъ, рыси, выдръ и выхухоля вымѣниваются на шкуры оленей и тюленей. Независимо отъ этого разнообразнаго пушнаго товара, чукчи торгуютъ еще мамонтовою костью, китовымъ усомъ и ремнями изъ китовой кожи. Какъ было сказано уже, чукчи не плотятъ ясака; но, по случаю ярмарки, дарятъ исправнику мѣха, за которые онъ отдариваетъ ихъ табакомъ и желѣзными издѣліями. Иногда они подносятъ особенно красивые черные лисьи мѣха съ просьбою переслать ихъ Государю Императору, за что получаютъ большею частью почетные подарки: шитые кафтаны, сабли и медали. Какъ береговые, такъ и оленные чукчи большею частью язычники, сильно преданные шаманству.

Опишу здѣсь визитъ, сдѣланный мною названному выше предводителю чукчей Амреургину. Онъ пріѣхалъ на анжуйскую ярмарку и расположился со своими стадами верстахъ въ двухъ отъ крѣпостцы, на берегу рѣки, вмѣстѣ со своими женами (чукчи—многоженцы) и дочерьми. Женщины были одѣты какъ нельзя лучше и убраны драгоцѣнными украшеніями. Женщины начали съ того, что на большомъ пространствѣ разгребли желѣзными лопатами довольно глубокій снѣгъ. Эту далеко не легкую работу онѣ окончили, приблизительно, въ два часа. Потомъ онѣ возвели цѣлое зданіе изъ кольевъ, которое обтянули ровдугой; образовалась большая юрта, посреди которой устроенъ былъ очагъ съ дымовой трубой. Полъ юрты былъ покрытъ оленьими шкурами. Внутри юрты были отгорожены два помѣщенія, которыя называются здѣсь пологами. Пологи эти характеризуютъ собою жилища чукчей и неизвѣстны другимъ народамъ, живущимъ почти въ такихъ же условіяхъ. Пологъ освѣщается жировыми

лампами и нагрѣвается настолько сильно, что зимою въ этой части жилища спятъ ночью почти голые. Когда квартира была готова, Амреургинъ пригласилъ гостей своихъ въ пологъ, гдѣ могло помѣститься человѣкъ восемъ. Тамъ поставленъ былъ низкій столъ, на который подали въ жестяныхъ тарелкахъ закуску, состоявшую изъ сушеной оленины и отличныхъ копченыхъ оленьихъ языковъ. Затѣмъ послѣдовалъ чай, хорошо приготовленный по русскому обычаю, съ помощью самовара, что конечно составляетъ уже большой прогрессъ, наконецъ подано было самое лакомое у чукчей кушанье—нѣчто въ родѣ каши изъ оленьей крови, жиру, мозга и разныхъ кореньевъ. Ее ѣли на открытомъ воздухѣ. Старшая жена Амреургина первая взяла полную ложку каши и разбросала ее вовсѣ четыре стороны, что означало собою жертвоприношеніе богамъ. Послѣ этого каждый изъ гостей получилъ по серебрянной ложкѣ, и хозяинъ пригласилъ ѣсть. Но это лакомство чукчей положительно несноснаго вкуса. Этимъ окончился обѣдъ и начались приготовленія къ жертвоприношенію. Изъ стада взяли одного оленя и подвели его къ палаткѣ. Старшая жена Амреургина убила животное; оно упало головою въ ту сторону, откуда пришли чукчи, и Амреургинъ выразилъ по этому поводу большое удовольствіе. Послѣ этого, жена его взяла горсть вытекшей изъ раны крови и расплескала

Церковь на р. Амга (въ 800 верстахъ за Якутскомъ).

ее опять въ четыре стороны. Также убиты были еще четыре оленя и одна собака, принесенные, какъ пояснилъ Амреургинъ, въ жертву духу того мѣста, гдѣ они въ данную минуту находились. Паденіе животнаго головою не въ ту сторону, гдѣ находится постоянное мѣсто жительства чукчей, считается чрезвычайно дурнымъ предзнаменованіемъ. Если это случается, напримѣръ, передъ какой нибудь поѣздкой, то ее немедленно отмѣняютъ.

Чукчи береговые также очень суевѣрны и приносятъ жертвы богамъ, чтобы сохранить ихъ расположеніе, или не навлекать гнѣва. Врангель разсказываетъ, что въ 1814 году весьма любимый ими предводитель ихъ, по имени Каченъ, самого себя отдалъ на закланіе, чтобы остановить эпедимію, распространившуюся между чукчами и ихъ оленями. Шаманы признали эту жертву необходимою для примиренія боговъ, но на нее никто не хотѣлъ рѣшиться вслѣдствіе общаго расположенія къ Качену. Шамана даже самого убили, но эпидемія все усиливалась. Тогда Каченъ приказалъ, наконецъ, своему сыну исполнить надъ нимъ смертный приговоръ. О степени суевѣрности чукчей свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и слѣдующій фактъ. Они твердо убѣждены, что суровая зима 1878—79 годовъ и плохіе результаты охоты были вызваны пребываніемъ на ихъ берегу Норденшельда. Когда, наконецъ, по прошествіи довольно долгаго времени, имъ удалось поймать довольно значительное число тюленей; то они налили

тюленямъ воды въ ротъ, увѣренные, что это средство должно остановить замерзаніе прорубей. Къ удивленію чукчи, производя довольно большую торговлю въ Азіи и Америкѣ, не имѣютъ никакого понятія о деньгахъ. Торговля сосредоточивается, какъ кажется, въ пяти ярмаркахъ: одна—въ Анжуйской крѣпостцѣ, другая—на островахъ Берингова пролива, а три остальныя—въ Америкѣ. Вслѣдствіе этого русскіе товары проникаютъ въ самые отдаленные предѣлы полярной Сѣверной Америки; привозимые же изъ Америки въ Азію дорогіе мѣха увозятся обыкновенно въ Москву и Петербургъ. У береговыхъ чукчей, на ряду съ водкой, которую они очень любятъ, табакъ—одинъ изъ любимѣйшихъ предметовъ мѣновой торговли. Женщины тоже имѣютъ большую склонность къ водкѣ и табаку. Норденшельдъ разсказываетъ даже про одного груднаго ребенка, который не только пилъ водку, но и предъявлялъ желаніе курить табакъ. Хотя у береговыхъ чукчей нѣтъ оленей, но они очень любятъ ѣсть оленину и вымѣниваютъ ее у чукчей—оленеводовъ на рыбій жиръ, рыбу, ремни изъ китовой кожи. Кромѣ того, они собираютъ разныя коренья, преимущественно луковицъ растущихъ здѣсь видовъ лилій.

Любимое занятіе чукчей—охота, какъ на сухопутныхъ, такъ и на морскихъ звѣрей. Для охоты перваго рода они, кромѣ западней, употребляютъ и огнестрѣльное оружіе, вымѣниваемое у русскихъ. На морскую охоту «моръ» охотятся съ помощью копій, гарпуновъ и сѣтей. Лодки ихъ, такъ называемыя «байдары», состоятъ изъ досокъ, связанныхъ ремнями, китовымъ усомъ и обтянутыхъ тюленьими шкурами; поверхность, покрытая шерстью, обращена наружу. Лодки эти довольно велики (нѣкоторыя вмѣщаютъ до 10 человѣкъ), чрезвычайно легки и отличаются быстрымъ ходомъ. Кромѣ китовъ и дельфиновъ, у береговъ и въ устьяхъ рѣкъ часто встрѣчаются разные виды моржей. На сушѣ наиболѣе любимая охота на дикихъ оленей; ихъ здѣсь очень много. Во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ долинѣ рѣки Бѣлой, можно встрѣтить громадныя стада оленей, и потому каждую весну тамъ бываетъ большая охота, сопровождающаяся различными празднествами. Кромѣ охоты чукчи очень любятъ кулачные бои; отлично стрѣляютъ изъ лука и ружья; выказываютъ рѣдкое искусство въ бояхъ на копьяхъ и длинныхъ тяжелыхъ ножахъ, при чемъ для защиты тѣла надѣваютъ латы изъ китоваго уса или толстыхъ кожъ. Чукчи—здоровый и крѣпкій народъ, и достигаютъ преклонныхъ лѣтъ. Дитмаръ, имѣвшій случай близко ознакомиться съ ними во время своихъ путешествій, такъ отзывается о нихъ: «чукчи гостепріимны, правдивы, честны и здравомыслящи. Тотъ, кто сдѣлался ихъ другомъ, всегда можетъ положиться на нихъ; врага же они преслѣдуютъ неумолимо, и кровавую месть считаютъ священной своей обязанностью».

Такъ какъ чукчи, вслѣдствіе задорливаго ихъ характера, долго оставались въ сторонѣ отъ другихъ націй и ихъ вліяній, то они сохранили еще много обычаевъ, которыхъ у другихъ сибирскихъ племенъ не существуетъ уже болѣе. Такъ Норденшельдъ упоминаетъ о татуировкѣ. По свидѣтельству Дитмара, татуируются только женщины. Признакомъ весьма значительной грубости нравовъ можетъ служить засвидѣтельствованный Дитмаромъ фактъ, что умерщвленіе больнаго составляетъ у чукчей не исключеніе, а правило. Если всѣ цѣлебныя средства оказываются безсильными, то больной, посредствомъ убійства, вырывается изъ рукъ злыхъ духовъ, которые хотятъ его убить, и отдаетъ себя во власть добраго духа, котораго чукчи называютъ Апапелемъ. Погребальные обычаи у чукчей также разнятся отъ обычаевъ другихъ сибирскихъ народовъ. Тотчасъ послѣ смерти трупъ завертываютъ въ мѣха бѣлыхъ оленей, опушенные волчьими шкурами. Бѣлый цвѣтъ считается траурнымъ, а волкъ—звѣрь, которому поклоняются. Потомъ трупъ кладутъ въ новые сани, запряженные лучшими оленями покойнаго, и увозятъ, въ сопровожденіи его родственниковъ и друзей, въ лѣсистое мѣсто. Здѣсь разводятъ костеръ, на который ставятъ сани вмѣстѣ съ трупомъ, тутъ же помѣщаютъ разную утварь, оружіе, трубку и табакъ. До сожженія и послѣ окончанія церемоніи, приносятъ въ жертву какъ можно больше оленей, которые, по убѣжденію чукчей, образуютъ стадо умершаго въ новомъ мірѣ. На родствен-

никахъ лежитъ обязанность поддерживать огонь и копьями прокалывать тѣ части тѣла, которыя медленно поддаются дѣйствію, чтобы ускорить сожженіе. Погребеніе чукчи считаютъ недостойнымъ, полагая, что этимъ человѣкъ прямо отдается во власть злыхъ духовъ. Но выставленіе трупа въ открытомъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлается добычею хищныхъ звѣрей, также довольно распространено у береговыхъ чукчей. Норденшельдъ разсказываетъ, что видѣлъ посреди тундры трупъ, окруженный оружіемъ покойника.

Чукчи приготовляютъ особый опьяняющій напитокъ, не имѣющій себѣ подобнаго во всемъ мірѣ—это отваръ мухоморовъ, употребляемый преимущественно шаманами, чтобы довести себя до умоизступленія, при чемъ они совершаютъ самые дикіе прыжки, и нерѣдко даже наносятъ себѣ серьезныя раны копьями.

Чрезвычайно оргинальны и свадебные обычаи. Молодому чукчу не такъ то легко жениться. На него налагаются, по свидѣтельству Дитмара, предварительныя испытанія, въ высшей степени тяжелыя. Онъ долженъ явиться къ отцу избранницы своего сердца съ подарками, и въ случаѣ принятія сдѣланнаго имъ предложенія и подарковъ, поступаетъ къ отцу невѣсты въ полное услуженіе, при чемъ долженъ исполнять самыя тяжелыя работы. Проходятъ нерѣдко цѣлые годы, пока терпѣливый женихъ успѣетъ завоевать расположеніе своего будущаго тестя, который къ тому же, въ случаѣ какихъ нибудь столкновеній, можетъ, безъ всякой церемоніи, прогнать его. Когда, наконецъ, женихъ придется по вкусу своему тестю, то его весьма страннымъ образомъ возводятъ въ санъ супруга: въ общей юртѣ, въ одинъ прекрасный день, устраивается изъ оленьихъ шкуръ новый пологъ, который, по приказанію отца, занимаетъ невѣста; послѣ этого сперва тесть и теща, а потомъ и всѣ остальные гости нападаютъ на жениха и самымъ немилосерднымъ образомъ избиваютъ его палками. Побои эти онъ долженъ переносить безропотно и не защищаясь. Тогда только онъ докажетъ, что у него нѣтъ недостатка въ выносливости и самообладаніи, что онъ достоинъ быть мужемъ, — и бракъ считается заключеннымъ. Приданое состоитъ изъ оленей. Каждый ребенокъ мужскаго или женскаго пола получаетъ въ подарокъ при рожденіи оленей, число которыхъ находится въ зависимости отъ большей или меньшей состоятельности родителей. Этихъ оленей отмѣчаютъ особыми значками, и они образуютъ ядро стада, которое, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, до вступленія новорожденнаго въ бракъ, можетъ принять весьма значительные размѣры. Хотя многоженство и допускается, но такъ какъ мужчины, при каждомъ послѣдующемъ бракѣ, должны подвергаться такимъ же испытаніямъ, какъ и при первомъ, то большею частью довольствуются однимъ бракомъ. Но богатые и знатные чукчи, которымъ вѣроятно и испытанія облегчаются, очень гордятся большимъ числомъ женъ. Какъ всегда бываетъ при многоженствѣ, одна изъ женъ признается главною, на другихъ же смотрятъ, какъ на работницъ и служанокъ. И мужчинамъ, и женщинамъ приходится много работать для своего прокормленія. Женщинамъ предоставлены всѣ домашнія работы, мужчины же занимаются охотой и рыбной ловлей, изготовленіемъ необходимыхъ для этого снарядовъ и т. д. Чукчи достигаютъ преклонныхъ лѣтъ и пользуются отличнымъ здоровьемъ. Часто встрѣчаются только глазныя болѣзни, причиняемыя страшнымъ дымомъ въ юртахъ и блескомъ снѣга весною. Въ этомъ отдаленномъ краѣ также нѣтъ недостатка въ опустошительныхъ эпидеміяхъ, какъ, напримѣръ, оспа и скарлатина.

Чукчамъ нельзя совершенно отказать въ нѣкоторомъ художественномъ вкусѣ. Норденшельдъ ознакомилъ насъ со множествомъ рисунковъ разныхъ работъ и дѣтскихъ игрушекъ, которыя хотя и очень первобытны, но все таки далеко превосходятъ то, что мнѣ довелось видѣть у другихъ сибирскихъ народовъ, напримѣръ, тунгусовъ, значительно отставшихъ въ этомъ отношеніи отъ чукчей. Норденшельдъ видѣлъ даже нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ, чрезвычайно грубой формы. Чукчи переняли даже устройство видѣнныхъ ими на кораблѣ «Вега» скрипокъ.

Во время зимовки Норденшельда на берегу страны чукчей, многіе молодые туземцы за хорошую плату работали для шведовъ, т. е. разгребали снѣгъ, рубили дрова, таскали ледъ, и т. д.; но въ работѣ этой они не могутъ сравняться съ европейцами. Но обобщать этотъ фактъ было бы несправедливо. Нѣкоторые чукчи послѣдовали за китоловами на Сандвичевы острова, и сдѣлались отличными моряками.

Ф. Ф. Миллеръ.

Зимовка бѣдныхъ Якутъ.

ОЧЕРКЪ XIII.

ПОЛЯРНАЯ ПОЛОСА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Самый холодный пунктъ на земномъ шарѣ.—Природа и жизнь въ полярной полосѣ.—Геологическія ея особенности.

Я узналъ васъ, сибирскія розы!
Разскажите вы милыя мнѣ:
Иль не губятъ снѣга и морозы
Васъ и въ вашей суровой странѣ?
И, какъ тихій младенческій лепетъ,
Мнѣ послышался ясно отвѣтъ:
„Мы цвѣтемъ, подавляя свой трепетъ,
Ради родины, милый поэтъ!“

ОМУЛЕВСКІЙ.

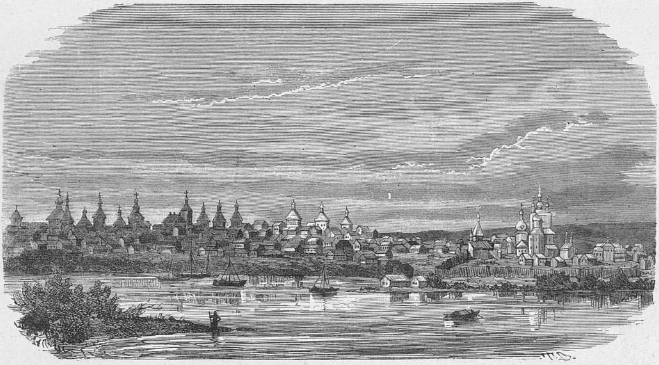
Материкъ Азіи, доходящій мысомъ Сѣверовосточнымъ (или Челюскина) до $77^1/_2{}^0$ сѣверной широты, гораздо больше приближается къ полюсу, чѣмъ материкъ Америки или Европы. По этому и полярная Азіятская полоса имѣетъ большіе размѣры, сравнительно съ полярною полосою Сѣверной Америки, состоящею большею частію изъ отдѣльныхъ острововъ, отличается чрезвычайно сильными морозами, не имѣющими себѣ подобія ни въ какой другой части Сѣвернаго или Южнаго полушарія.

Послѣ путешествія академика Миддендорфа, самымъ холоднымъ пунктомъ земнаго шара считался Якутскъ, гдѣ купецъ Невѣровъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, очень добросовѣстно наблюдалъ состояніе термометра и нашелъ такія низкія температуры, какихъ до тѣхъ поръ еще нигдѣ не наблюдали. Но въ послѣдствіи оказалось, что въ Верхоянскѣ морозы еще сильнѣе. Этотъ фактъ, давно извѣстный якутскимъ старожиламъ, былъ доказанъ впервые барономъ Майделемъ. Во время экспедиціи въ землю чукчей, въ 1869 г., онъ оставилъ въ Верхоянскѣ точный термометръ, повѣренный въ главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ, и поручилъ наблюденіе надъ нимъ ссыльному Худякову. Въ декабрѣ 1869 г. морозы дошли до—50°,6 Р, въ Якутскѣ же минимумъ всѣхъ тамошнихъ наблюденій не превышаетъ—49,6 Р. Верхоянскъ холоднѣе Якутска не только въ отношеніи минимума, но и по средней температурѣ цѣлаго года. Средняя температура года въ Верхоянскѣ — 13°,4 Р, въ Якутскѣ — 9°,0 Р. Быть можетъ въ какой-нибудь части огромнаго, большею частію гористаго и совсѣмъ необитаемаго пространства, лежащаго между Верхоянскомъ, Якутскомъ, Вилюйскомъ и Оленскомъ, морозы еще болѣе превышаютъ приведенныя цифры.

За чрезвычайно холодною зимою слѣдуетъ въ этихъ странахъ сравнительно теплое лѣто.

Въ Верхоянскѣ средняя температура іюля — 12°,3 Р, въ Якутскѣ — 15°,0 Р. Въ послѣднее время болѣе подробное изслѣдованіе климата Сибири обратило на себя вниманіе ученыхъ. По предложенію извѣстнаго путешественника Вейпрехта, всѣ почти правительства, не исключая и русскаго, согласились устроить станціи для метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ полярнаго пояса, какъ сѣвернаго, такъ и южнаго полушарій. На суммы, пожертвованныя нашимъ правительствомъ (болѣе 60,000 рублей), устроены двѣ полярныя станціи, снабженныя всѣми необходимыми инструментами: одна на Новой Землѣ, другая при устьѣ Лены. Кромѣ этихъ главныхъ станцій, устройство которыхъ было поручено Императорскому Русскому Географическому Обществу, на частныя средства устроено нѣсколько другихъ станцій въ разныхъ мѣстахъ Восточной Сибири, исключительно для метеорологическихъ наблюденій.

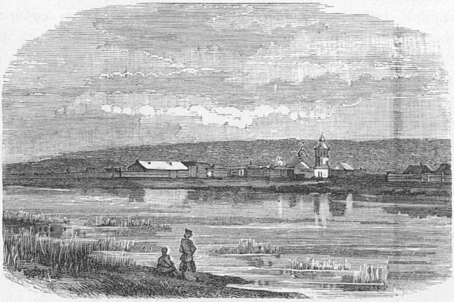
Говоря о климатѣ какой нибудь страны, нельзя ограничиваться одними показаніями термометра. Столичный житель, напримѣръ, читая о сибирскихъ морозахъ, съ трудомъ представляетъ себѣ, какъ тамъ живутъ люди при температурахъ въ 40—50° Р. ниже нуля, продол-

Видъ г. Якутска.

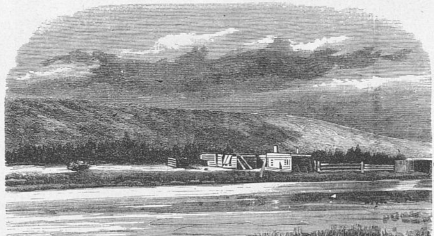
жающихся часто цѣлыя недѣли. Въ Петербургѣ же морозъ въ 15—20° Р. крайне чувствителенъ. Но нужно замѣтить, что въ Сибири, по крайней мѣрѣ внутри страны, сильные морозы почти безъ исключенія сопровождаются полнѣйшимъ безвѣтріемъ. Тамъ, гдѣ, при довольно сильныхъ морозахъ, дуютъ вѣтры, какъ это бываетъ на Ледовитомъ Океанѣ и его берегахъ, и неособенно большіе морозы чрезвычайно ощутительны. Въ тундрахъ, особенно въ продолженіе такъ называемыхъ «черныхъ мѣсяцевъ», когда солнце остается за горизонтомъ, сильные вѣтры свирѣпствуютъ иногда до 20 дней безъ перемежки. Вотъ что говоритъ объ этомъ преосвященный Діонисій, Епископъ Якутскій (бывшій миссіонеръ Хитровъ) въ своемъ интересномъ описаніи Жиганскаго улуса: «Болѣе вредными и ощутительными у туземцевъ считаются южные вѣтры, дующіе такъ сильно, что, поднимая на воздухъ снѣгъ, песокъ и камушки, лишаютъ человѣка свѣта и, застигая путника въ безпредѣльныхъ пустыняхъ холоднаго сѣвера, бываютъ для него ничѣмъ не отраднѣе африканскихъ ургановъ. Нерѣдко случается, что человѣкъ нѣсколько разъ проѣзжаетъ мимо своего жилища, но въ кипучемъ ледяномъ аду не можетъ различить никакого предмета и наконецъ отъ голода и холода умираетъ близъ дверей своей хижины».

Другая отличительная черта Сибирскаго климата его сухость. Привезенныя въ Сибирь изъ Европы или Китая деревянныя вещи вскорѣ совершенно высыхаютъ и дѣлаются негодными къ употребленію, такъ, напримѣръ, почти невозможно везти съ собою сколько нибудь значительный запасъ вина въ деревянныхъ бочкахъ, которыя начинаютъ течь и вскорѣ совершенно распадаются. Постоянство и сухость климата очень благотворно дѣйствуютъ на здоровье. Я по собственному опыту знаю, что жители Европейской Россіи, послѣ долголѣтняго пребыванія въ Сибири, трудно вновь свыкаются съ перемѣнчивымъ и сырымъ климатомъ Европейскаго сѣвера.

Верхоянскъ, съ берега р. Яны.

Въ тѣсной связи съ климатомъ находится и растительность. Даже въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ Сибири, въ тундрахъ, не смотря на непродолжительность лѣта, довольно богатая флора. Миддендорфъ привезъ изъ экспидиціи на рѣку Таймыръ не менѣе 124 разныхъ видовъ растеній; коллекція, собранная мною и А. Л. Чекановскимъ во время Оленекской экспедиціи, состоитъ изъ 452 видовъ, изъ которыхъ 344 вида принадлежатъ собственно системѣ Оленека, лежащей въ полярномъ поясѣ. Въ тундрѣ между Леною и Оленекомъ Чекановскій, во время втораго путешествія въ 1875 г., собралъ еще 226 разныхъ видовъ. Древесная же растительность прекращается уже на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ моря; но въ глубокихъ защищенныхъ отъ вѣтра оврагахъ все таки находится еще коегдѣ очень маленькія деревца, почти до самого прибрежья океана. Предѣлъ лѣса въ разныхъ частяхъ Сибири ни какъ не соотвѣтствуетъ одному и тому же градусу широты или извѣстному разстоянію отъ моря. Напримѣръ, на правомъ довольно высокомъ берегу Оленека (около 1000 фут. надъ уровнемъ моря) мы перешли предѣлъ лѣса уже подъ $70^1/_2{}^0$ шир., на лѣвомъ же, въ болѣе плоской мѣстности, подъ $71^1/_2{}^0$. На Оленекѣ предѣлъ лѣса составляетъ лиственница, между тѣмъ какъ ель, и то въ очень мелкомъ видѣ, едва достигаетъ 70° шир. Между Леною и Яною, гдѣ предѣлъ лѣса тоже состоитъ изъ лиственницы, вторымъ деревомъ является тополь (Populus suaveolens Fisch); ель же является не раньше, какъ на южномъ склонѣ верхоянскаго хребта, т. е. приблизительно подъ 64° шир., а за ней уже слѣдуетъ сосна, которая и въ системѣ Нижней Тунгузки, не переходитъ 64° шир., между тѣмъ, какъ въ Норвегіи она встрѣчается даже сѣвернѣе 70° шир.

Якутскія поселенія близъ Верхоянска.

Переходя къ фаунѣ сѣверной Сибири, я долженъ прежде всего замѣтить, что Миддендорфъ совершенно правъ, говоря о безжизненности Сибирской тайги, которая кажется совершенно

вымершей. Дѣйствительно, животныя попадаются въ большемъ количествѣ только на границѣ тайги, вблизи тундръ или человѣческаго жилья. Въ необитаемыхъ частяхъ Нижней Тунгузки намъ попадалось очень мало водяныхъ птицъ и тѣмъ болѣе мы были поражены множествомъ ихъ, особенно лебедей, въ окрестностяхъ Туруханска. На Оленекѣ болѣе крупныя хищныя птицы водятся только на границѣ тундры. Изъ породы оленей, собственно въ полярной части Сибири, водятся только сѣверный олень и лось (по сибирскому сохатый). Первый встрѣчается почти вездѣ, лѣтомъ преимущественно въ горахъ, гдѣ меньше комаровъ и мошекъ. Лось, сколько извѣстно, въ полярной части не водится; даже, южнѣе въ верхней части Нижней Тунгузки,—онъ составляетъ большую рѣдкость. Олень и дикая коза встрѣчаются не сѣвернѣе 58° шир.; кабарга же водится, быть можетъ, даже сѣвернѣе полярнаго круга. Въ Верхоянскомъ хребтѣ и дальше на востокъ, но только на самыхъ высокихъ горахъ, водятся горные бараны (чубукунъ), которые отличаются очень вкуснымъ мясомъ.

Изъ пушныхъ хищныхъ звѣрей на сѣверѣ водятся: бѣлый и бурый медвѣдь, волкъ, россомаха, лисица разныхъ породъ, песецъ (бѣлый и голубой), а изъ меньшихъ млекопитающихъ—бѣлый заяцъ, соболь, горностай, тарбаганъ, бѣлка, кротъ и множество мышей. Бѣлый медвѣдь никогда не отходитъ далеко отъ береговъ моря и вообще встрѣчается рѣдко, бурый же медвѣдь почаще, но только на границахъ лѣса. По всему Оленеку мы не нашли ни одного медвѣжьяго слѣда, которые на берегахъ Нижней Тунгузки попадаются почти на каждомъ шагу. Медвѣдь, какъ и волкъ, извѣстны туземцамъ на сѣверѣ только въ странахъ, отстоящихъ не больше верстъ на 100 отъ тундры. Въ самой тундрѣ волки составляютъ большую опасность для оленей и оттого зажиточные якуты, живущіе на берегахъ моря, держатъ свои, иногда очень многочисленныя, стада не у себя, а въ мѣстностяхъ, лежащихъ южнѣе предѣла лѣса. Россомаха особенно цѣнится якутами, которые употребляютъ шкуру ея на шапки. Изъ лисицъ самыя цѣнныя черныя, которыя довольно рѣдко добываются, потомъ по цѣнѣ слѣдуютъ черно-бурыя, сиводушки и обыкновенныя красныя. Шкуры тѣмъ дороже, чѣмъ меньше въ нихъ красныхъ или свѣтлыхъ волосъ.

Граница растительности въ Сибири, на р. Боганида.

Главный предметъ промышленности, служащій почти исключительно для мѣновой торговли съ пріѣзжими русскими купцами,—шкуры песцовъ. Песцы большею частью ловятся пастями самаго простаго устройства, которыя цѣлыми рядами разставляются въ тундрѣ и въ лѣсу. Многіе изъ жителей тундры имѣютъ до 700 пастей, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ. Такъ какъ они не въ состояніи осматривать пасти чаще одного раза въ два мѣсяца, то хищные звѣри пользуются большею частію добычею и ежегодно пропадаетъ даромъ несмѣтное количество песцовъ и лисицъ. Изъ домашнихъ животныхъ на сѣверѣ, по крайней мѣрѣ на западъ отъ Лены, извѣстны только сѣверный олень и собака. Даже Русскіе, живущіе по теченію Лены ниже Якутска, увѣряютъ, что коровы и лошади у нихъ не могутъ зимовать; это не правда, такъ какъ на востокъ отъ Лены тамошніе якуты очень много занимаются скотоводствомъ.

Безъ оленя (по тунгуски оронъ) жители сѣвера не могли-бы существовать. Олень и собака единственныя домашнія животныя. Тунгусы и якуты буквально пользуются даже послѣд-

ней жилкой оленя. У тунгусовъ на Нижней Тунгузкѣ олень ходитъ только подъ сѣдломъ и подъ вьюкомъ; якуты же, какъ и чукчи, ѣздятъ на немъ исключительно въ нартахъ. Для верховой ѣзды выбираютъ самыхъ крѣпкихъ самцовъ; нормальная же ноша вьючнаго оленя не превышаетъ двухъ пудовъ. Мясо оленя весьма вкусно, особенно цѣнятся и далеко вывозятся копченые оленьи языки. Тунгусы и якуты пользуются и сушеной олениной, разрѣ-

Видъ города Олекминска (въ 637 вер. отъ Якутска).

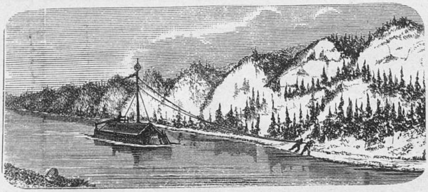
занной на мелкіе кубики и не подвергающейся порчѣ даже въ сильнѣйшій жаръ. Тончайшимъ лакомствомъ считаютъ сырой мозгъ, и дѣйствительно онъ такъ вкусенъ, что можетъ понравиться самому избалованному гастроному. Оленья печень также считается лакомствомъ. Оленье молоко гораздо гуще коровьяго и весьма вкусно, но сбить изъ него масло намъ не удалось: получается твердая масса въ родѣ воска. Оно должно быть весьма пригодно для приготовленія сыра и для сохраненія въ сгущенномъ видѣ; но объ этомъ здѣсь не имѣютъ, конечно, понятія. Богатые люди имѣютъ часто до 1000 оленей и болѣе. Шкура оленя составляетъ главный матеріалъ для одежды, постели и жилища тунгусовъ. Одежда бѣднаго тунгуса состоитъ исключительно изъ оленьяго мѣха или кожи; зажиточные же носятъ рубаху изъ европейской бумажной матеріи, а иногда и верхнее суконное платье. Каждая отдѣльная часть оленьяго мѣха носитъ особое названіе и имѣетъ особое назначеніе. Такъ, напримѣръ, для изготовленія сапогъ берутъ мѣхъ съ оленьихъ ногъ (камысы), причемъ на подошвы идетъ часть шкуры, находящаяся между копытами оленя; мѣхъ же съ головы употребляется на изготовленіе ковриковъ, потниковъ и т. д.

Лепа между Якутскомъ и Олекминскомъ.

Собака играетъ также чрезвычайно важную роль въ тундрѣ, гдѣ вслѣдствіе многочи-

сленности волковъ, а также и недостатка мха, во многихъ мѣстахъ нельзя держать оленей. Тамъ для ѣзды употребляютъ исключительно собакъ, которыхъ запрягаютъ въ нарту до четырнадцати. Особенно важны передовыя собаки, особенно смышленныя. Такія собаки цѣнятся туземцами отъ 40 до 60 руб. и дороже. Часто случается, что чуткая передовая собака избавляетъ хозяина отъ неминуемой смерти, направляя другихъ собакъ къ невидимой отъ сильной пурги юртѣ, или останавливая ихъ, если онѣ, преслѣдуя какое нибудь животное, бросили нарту и оставили путешественника среди пустыни совершенно безпомощнымъ. Несмотря на огромную пользу, которую туземцы имѣютъ отъ собакъ, животныя эти пользуются самымъ незначительнымъ уходомъ и страшно голодаютъ. Несмотря на всѣ увѣщанія начальства, жители крайне безпечны на счетъ зимнихъ запасовъ. Уловъ рыбы не всегда бываетъ обиленъ: тогда голодаютъ и люди, и собаки. Кромѣ того, между собаками часто развиваются болѣзни. Во время моего пребыванія на устьѣ Оленека, въ 1874 г., не было ѣзды на собакахъ, такъ какъ большая

Правый берегъ Лены въ 170 вер. отъ Олекминска.

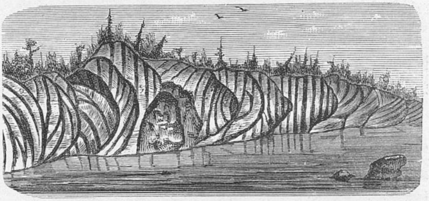

Нависшія скалы на рѣкѣ Ленѣ

часть ихъ околѣла отъ развившейся незадолго передъ тѣмъ эпидеміи, другая же часть такъ ослабѣла, что совсѣмъ не годилась для ѣзды. По словамъ Врангеля въ 1822-мъ году большая часть колымскихъ жителей лишилась, вслѣдствіе повѣтрія, собакъ, чѣмъ и была поставлена въ самое безвыходное положеніе. Имъ пришлось таскать на себѣ дрова, а также собранную въ разныхъ мѣстахъ добычу отъ рыбной ловли. Работа была затруднительная и медленная; время,

удобное для птичьей и звѣриной ловли, было пропущено. Всеобщій ужасный голодъ былъ послѣдствіемъ недостатка въ собакахъ».

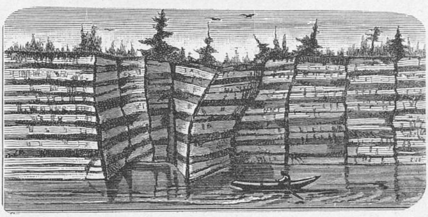
Собаки колымскія, какъ и вообще видѣнныя мною въ другихъ полярныхъ частяхъ Сибири, очень похожи на волка; лай ихъ сильно напоминаетъ волчій вой. Отличаются онѣ длинною острою мордою, острыми стоячими ушами и длиннымъ мохнатымъ хвостомъ, которымъ онѣ прикрываютъ себѣ морду, ища убѣжища подъ снѣгомъ въ глубокихъ, вырываемыхъ ими ямахъ. По Врангелю, хорошая нартовая собака должна быть не ниже аршина двухъ вершковъ и не короче аршина пяти вершковъ. Онѣ обладаютъ большою силою. Поднимаясь отъ Туруханска вверхъ по теченію Енисея, я удивлялся, какъ три-четыре собаки, далеко не изъ самыхъ большихъ, тащили легкою рысью нашу большую крытую лодку, нагруженную всевозможными запасами и коллекціями, въ которой было еще восемь сѣдоковъ. Но эту работу онѣ сопровождаютъ страннымъ концертомъ, особенно во время приближенія къ станціи: тогда онѣ привѣтствуютъ своихъ товарищей полнымъ хоромъ, въ которомъ можно различать всѣ голоса отъ низкаго баса до высокого дисканта. Въ первый разъ я никакъ не вѣрилъ, что исполнители этой музыки дѣйствительно собаки.

Геологическое строеніе праваго берега Лены ниже Мачинской станціи.

Изъ птицъ на сѣверѣ водятся: глухарь, тетерка, рябчикъ, бѣлая куропатка, лебедь, гусь, гагара, утки самыхъ разнообразныхъ видовъ, кулики, журавли, ласточки, вороны, жаворонки и т. д., и многочисленныя хищныя птицы. Особенно интересно показаніе туземцевъ почти всѣхъ прибрежныхъ странъ Ледовитаго Океана, что нѣкоторыя породы гусей и утокъ прилетаютъ весною не съ юга, а съ сѣвера, изъ открытаго океана. Эти птицы являются ранѣе другихъ и въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ моря, онѣ неизвѣстны. Лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда линяютъ птицы, тысячами бьютъ гусей и утокъ и запасаются ими на цѣлую зиму.

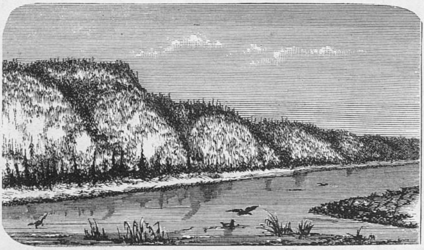
Но для туземцевъ гораздо важнѣе птицъ рыба, которая водится, за немногими исключеніями, пока еще вездѣ въ достаточномъ количествѣ и составляетъ, въ продолженіе почти цѣлаго года, главную пищу людей и собакъ. Рыбная ловля производятся во всякое время года, то въ большихъ рѣкахъ, то въ многочисленныхъ озерахъ тундры; самое же лучшее время для ловли—лѣтіе мѣсяцы и начало осени. За исключеніемъ Енисея, рыбные продукты нигдѣ не составляютъ предмета торговли, а заготовляются домохозяевами единственно для собственнаго продовольствія, да и то часто въ недостаточномъ количествѣ. Кромѣ красной рыбы (осетровъ и стерлядей) водятся еще: пельма, чиръ, муксунъ, хайрузъ, омуль, таймень и т. д. Другими морскими животными, кромѣ рыбы, сибирскіе берега Ледовитаго Океана крайне не обильны. На устьѣ Оленека даже простой тюлень составляетъ рѣдкость. Моржъ, хотя и водится въ устьѣ Енисея, но встрѣчается не часто; въ другихъ же мѣстахъ его совершенно не знаютъ. Бѣлуга ловится во всѣхъ заливахъ

Геологическое строеніе праваго берега Лены въ 200 вер. отъ Якутска.

и устьяхъ большихъ рѣкъ. Въ Булунѣ тамошній священникъ подарилъ намъ молодую акулу, пойманную имъ у самаго селенія, отстоящаго отъ моря по крайней мѣрѣ на 120 верстъ.

Перечисливъ главныхъ представителей царства животныхъ, остановимся на минеральныхъ богатствахъ страны. Во всѣхъ другихъ частяхъ Сибири главную роль играетъ золото; въ собственно же полярныхъ странахъ о немъ пока не слышно, хотя трудно допустить, чтобы его тамъ совсѣмъ не было, такъ какъ еще самыя сѣверныя части умѣреннаго пояса, напримѣръ, Енисейскій и Олекминскій округи, изобилуютъ имъ. Въ Верхоянскомъ хребтѣ извѣстны мѣстонахожденія разныхъ рудъ, даже серебряныхъ, довольно богатыхъ, которыя никогда не разрабатывались правильно. Въ Норильскомъ хребтѣ, на правомъ берегу Енисея, тоже находятся разная руда и каменный уголь. Пласты его, иногда весьма хорошаго качества, открыты во многихъ мѣстахъ по Нижней Тунгузкѣ, въ нижней части Оленека и даже по Ленѣ. При большемъ развитіи пароходства, ленскій уголь можетъ пріобрѣсти большое значеніе; пока же, сколько извѣстно, нигдѣ правильно не добывается. По Нижней Тунгузкѣ, недалеко отъ устья, мы, на протяженіи около 60 верстъ, нашли три мѣстонахожденія отличнаго графита, неуступающаго ничѣмъ англійскому или графиту Алибера, въ Саянскомъ хребтѣ. Графитъ по Нижней Тунгузкѣ былъ изслѣдованъ М. К. Сидоровымъ. Кромѣ того вездѣ разбросаны сердолики, халцедоны, яшмы, исландскій двойной шпатъ въ большихъ кускахъ и очень красивые цеолиты. Въ Вилюйскомъ краѣ находятся тѣ же самые минералы и еще каменная соль, особенно хорошаго качества, которая впрочемъ и распространена по Ленѣ и Нижней Тунгузкѣ. Особенно извѣстенъ большой солеваренный заводъ близъ станціи Устокутской на Ленѣ въ Киренскомъ округѣ. Тамъ, какъ и во многихъ мѣстахъ по Тунгузкѣ, вода рѣки, особенно при мелководіи, имѣетъ такой рѣзкій соляной вкусъ, что совсѣмъ негодится для приготовленія пищи, особенно же чая.

Правый берегъ Лены въ 800 верстахъ выше Якутска.

Правый берегъ Лены 250 верстъ выше Якутска.

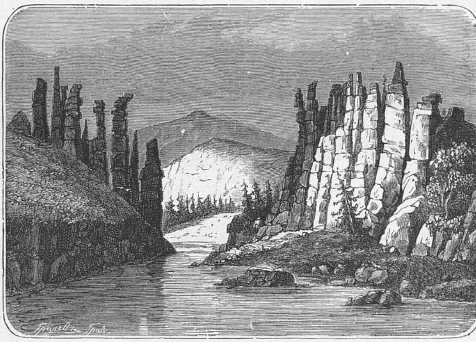
Общій характеръ полярной части Сибири гористый, хотя горы неособенно высоки и самыя высокія едва достигаютъ 3000—4000 футовъ надъ уровнемъ моря. По среднему и нижнему теченію Нижней Тунгузки, какъ и близъ озера Сырунгны, лежащаго въ верховьяхъ Вилюя, я, посредствомъ тріангуляціи, измѣрилъ высоты замѣчательнѣйшихъ горъ и почти для всѣхъ нашелъ одинаковую высоту, приблизительно 2000 футовъ надъ уровнемъ ближайшей рѣки. Всѣ эти горы вулканическаго происхожденія и состоятъ изъ трахитовъ и базальтовъ, иногда раздѣленныхъ на правильныя колонны. Такія же горы, представляющія только остатки огромной плоской возвышенности, когда-то поднятой подземными силами и потомъ, въ продолженіе множества столѣтій, размытой водою, встрѣчаются на пространствѣ, занимающемъ, только въ системѣ Тунгузки, не меньше шести градусовъ широты и двадцати градусовъ долготы; но собственно такого же происхож-

Тунгусскіе шаманы.

денія и Норильскій хребетъ. Миддендорфъ привезъ образцы вулканическихъ минераловъ, собранныхъ имъ въ системахъ Пясины и Боганады; я видѣлъ столовыя горы, состоящія изъ тѣхъ же породъ въ верховьяхъ Хатанги и Оленека, на послѣдней рѣкѣ даже до 70-аго градуса широты.

Вулканическая мѣстность такихъ размѣровъ, какъ только что описанная, нигдѣ болѣе не встрѣчается на всей земной поверхности. По этому съ самаго завоеванія Сибири распространялись въ Европѣ слухи о дѣйствующихъ тамъ вулканахъ въ сѣверной части страны. Уже въ семнадцатомъ столѣтіи Исаакъ Масса говоритъ объ огнедышащихъ горахъ, лежащихъ на востокѣ отъ Енисея. Витсенъ еще болѣе точно опредѣляетъ мѣстоположеніе ихъ, а именно на рѣкѣ Таймурѣ, впадающей въ Нижнюю Тунгузку. Разные писатели восемнадцатаго столѣтія, какъ Георги и Штраленбергъ, сообщаютъ о вулканахъ въ системѣ Хатанги, между тѣмъ какъ Гмелинъ первый прямо говоритъ о подземномъ пожарѣ, происходящемъ отъ воспламененія огромныхъ пластовъ каменнаго угля. Этотъ фактъ дѣйствительно подтверждается. Въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія извѣстный знатокъ по части географическихъ и естественныхъ наукъ М. К. Сидоровъ, подробно изслѣдуя всѣ мѣстонахожденія каменнаго угля и графита по Енисею, Нижней Тунгузкѣ и Курейкѣ, самъ посѣтилъ эту интересную мѣстность. Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ извѣстный геологъ Э. И. Эйхвальдъ: «На горѣ по р. Таймуру, въ разстояніи 40 верстъ отъ впаденія ея въ Нижнюю Тунгузку, гдѣ находится богатое мѣсторожденіе каменнаго угля, М. К. Сидоровъ видѣлъ красную полосу, поднимающуюся снизу вверхъ по горѣ и происшедшую отъ перегорѣвшихъ горныхъ породъ. Мелкозернистый песчаникъ и антрацитъ, еще при обзорѣ ихъ г. Сидоровымъ, были въ горячемъ состояніи и имѣли видъ настоящихъ шлаковъ; по причинѣ тепла, развивавшагося вслѣдствіе пожара во всей почвѣ, поверхность горы и ея окрестности отличаются великолѣпной растительностью: на нихъ находятся тучные луга; крупная малина, рябина и береза, незамѣтныя до этой горы по берегамъ рѣки, вдругъ явились и удивляютъ путешественника. Въ зимнее же время вся страна покрыта снѣгомъ и дымъ выходитъ изъ этой горы».

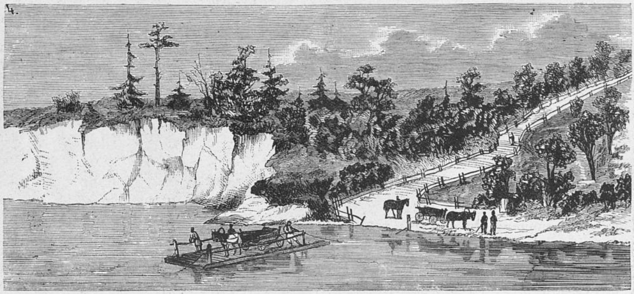
Рѣчка Столбовка, впадающая въ р. Лену.

Подобные пожары наблюдались М. К. Сидоровымъ еще и въ другихъ мѣстахъ: по р. Жданихѣ, другому притоку Нижней Тунгузки, и къ югу отъ р. Курейки, впадающей въ Енисей. Настоящихъ же дѣйствующихъ вулкановъ во всей Восточной Сибири нѣтъ.

Вулканическія породы, не смотря на большое распространеніе ихъ, не занимаютъ, разумѣется, всей поверхности полярной Сибири. Во многихъ мѣстахъ базальты разрушили прежніе слои извѣстняковъ и песчаниковъ. Въ другихъ мѣстахъ прежніе пласты остались не тронутыми, какъ напримѣръ въ большей части Оленека и въ нижнемъ теченіи Нижней Тунгузки. Тамъ встрѣчаются довольно разнообразныя геологическія формаціи, со многими окаменѣлостями. Напримѣръ силурійская формація когда-то имѣла большое распространеніе по Нижней Тунгузкѣ, теперь же встрѣчается только въ самомъ нижнемъ теченіи этой рѣки, около

60 верстъ отъ устья, а также по Каменной Тунгузкѣ и въ вершинахъ р. Оленека, гдѣ мы нашли множество окаменѣлыхъ раковинъ, совершенно тождественныхъ съ раковинами изъ соотвѣтствующихъ пластовъ Эстляндскаго силура. Въ нижнемъ теченіи Оленека и по Ленѣ развиты тріасовая и юрская формація со многочисленными окаменѣлостями. Интересно то, что, по изслѣдованіямъ профессора Гера, изъ сравненія растительныхъ остатковъ, собранныхъ близъ устья Лены, съ тѣми, которые извѣстны съ Амура, изъ Норвегіи и Шпицбергена, обнаруживается, что въ юрскомъ періодѣ многія тропическія и подтропическія растенія имѣли огромное распространеніе, т. е., по меньшей мѣрѣ, на 28 градусовъ широты и приблизительно на 120 градусовъ долготы.

Берега сибирскихъ рѣкъ большею частью очень живописны и никакъ не уступаютъ въ этомъ отношеніи Европейскимъ. По Оленеку я часто видалъ мѣстности, далеко превосходящія знаменитую долину Эльбы въ предѣлахъ такъ называемой Саксонской Швейцаріи. Скалы, возвышающіяся на 500 и больше даже до 1000 футовъ надъ уровнемъ рѣки, состоятъ изъ сланцевыхъ породъ, вывѣтрившихся отъ вліянія воды и воздуха въ продолженіи многихъ тысячелѣтій, и принявшихъ теперь самыя разнообразныя формы. Онѣ напоминаютъ развалины древнихъ замковъ, башни, крѣпости и сказочныхъ богатырей.

Берега р. Амги съ паромомъ.

При лунномъ свѣтѣ—картина восхитительная. По Тунгузкѣ характеръ мѣстности совершенно отличный: тамъ преобладаютъ, какъ я уже замѣтилъ, базальтовыя плоскогорія, иногда поднимающіяся до 2000 футовъ надъ рѣкою, при очень незначительной ширинѣ послѣдней, обыкновенно не больше полуверсты. Ландшафтъ грандіозный.

На востокъ отъ Лены, на правомъ берегу ея, начиная съ устья рѣки Алдана, поднимаются высокія обнаженныя горы, покрытыя большую часть года снѣгомъ, которыя тянутся на сѣверъ почти до Ледовитаго Океана, на востокъ—чрезъ вершины рѣкъ Яны, Индигирки и Колымы до Охотскаго моря и потомъ въ сѣверномъ направленіи—до Чаунской губы. На правомъ берегу Лены, эти горы называются Хараулахскими, и потомъ дальше на востокъ—Верхоянскими. Эти послѣднія, близъ Охотскаго моря, соединяются съ Становымъ хребтомъ, который безконечною грядою тянется отъ верховьевъ Амура до Ледовитаго Океана. Верхоянскій хребетъ состоитъ большею частію изъ чернаго сланца; сѣверный склонъ его не такъ крутъ, какъ южный, который для путешественниковъ представляетъ почти непреодолимыя препятствія. Переходъ черезъ него—самая трудная и опасная часть пути отъ Якутска до Нижне-Колымска. При морозахъ, доходящихъ до сорока и больше градусовъ ниже нуля, и при сильномъ вѣтрѣ, почти безпрестанно дующемъ въ ущельяхъ, нужно взбираться по голымъ

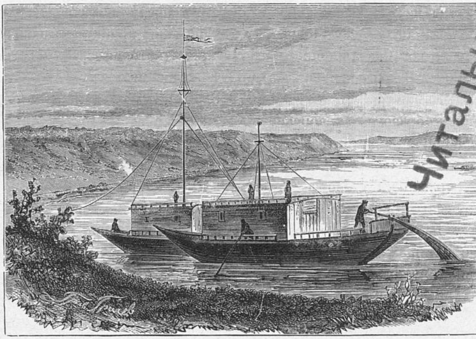

Оленные тунгусы.

скалистымъ крутизнамъ, ежеминутно рискуя сорваться со скользкой высоты, или проходить по узкимъ, заваленнымъ снѣгомъ ущельямъ, расчищая лопатами дорогу.

Полярная часть Восточной Сибири, въ административномъ отношеніи, раздѣлена между губерніей Енисейской, къ которой (именно къ Туруханскому округу) принадлежитъ пространство отъ Енисея до Анабары и верховьевъ Оленека и Вилюя, и между Якутскою областью. Самая восточная часть, земля чукчей, причислена къ Приморской области. Инородцы имѣютъ здѣсь свое мѣстное самоуправленіе. Каждый округъ подраздѣляется на нѣсколько улусовъ и каждый улусъ имѣетъ свое родовое управленіе.

Изслѣдованіе полярной части Сибири началось только со временъ Петра Великаго, хотя и раньше существовали карты Сибири и маршруты, собранные и обработанные Ремезовымъ, рукописный атласъ котораго существуетъ и до сихъ поръ. Петръ I отправилъ въ Сибирь геодезистовъ и заботился о ихъ дальнѣйшемъ усовершенствованіи. Особенно интересна экспедиція ученаго Менершмидта, вызваннаго Петромъ первоначально для сформированія Академіи Наукъ. Менершмидтъ путешествовалъ въ Сибири съ 1719-го по 1727-ой годъ, собралъ богатый естественно-историческій матеріалъ и сдѣлалъ множество опредѣленій широтъ, особенно по Нижней Тунгузкѣ, по которой онъ поднялся отъ Троицкаго монастыря до села Подволочнаго.

Шитики на рѣкѣ Ленѣ.

Вслѣдъ за этимъ были предприняты замѣчательныя экспедиціи подъ главнымъ начальствомъ Беринга, длившіяся 10 лѣтъ (1733—1743), результатомъ которыхъ было описаніе сѣвернаго и восточнаго прибрежья Сибири. Надъ изслѣдованіемъ района на западъ отъ Лены преимущественно трудились Прончищевъ и Харитонъ Лаптевъ; изъ нихъ первый не перенесъ трудностей и лишеній и погибъ, вмѣстѣ съ женою, на устьѣ Оленека, гдѣ и по сіе время сохранилась, неукрашенная никакимъ памятникомъ, убогая его могила. Изслѣдованіе восточной части отъ Лены производилось подъ начальствомъ Дмитрія Лаптева, который благополучно окончилъ трудную свою работу, описавъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ берегъ Ледовитаго Океана на протяженіи 37-и градусовъ долготы. Изъ великихъ ученыхъ, сопровождавшихъ эту экспедицію (естество-испытателя Гмелина старшаго, исторіографа Миллера, астронома де-Лила-де-ла Кройтера, къ которымъ впослѣдствіи присоединились еще Штеллеръ и Фишеръ), ни одинъ не изслѣдовалъ собственно полярной части Сибири.

Изъ сибирскихъ путешественниковъ XIX столѣтія, достигшихъ самыхъ сѣверныхъ частей страны, первое мѣсто занимаетъ академикъ Миддендорфъ, извѣстный изслѣдователь Таймурскаго края, проникшій на сѣверъ Сибирскаго материка до 76° шир., т. е. далѣе всѣхъ путешественниковъ, за исключеніемъ, разумѣется, морскихъ экспедицій. Относительно низовья Енисея у насъ есть цѣлый рядъ интересныхъ свѣдѣній, доставленныхъ этнографомъ Кастреномъ, геологами Ф. Б. Шмидтомъ и И. А. Лопатинымъ, Норденшельдомъ и другими. Норденшельдъ, кромѣ того, особенно прославился плаваніемъ вокругъ всего Азіятско-европейскаго материка, совершеннымъ въ 1878-мъ и 1879-мъ годахъ.

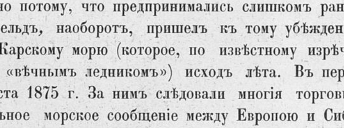
На востокъ отъ Енисея главныя эспедиціи были: экспедиція для изслѣдованія р. Нижней Тунгузки и Оленека, совершенная въ 1873—75 годахъ А. Л. Чекановскимъ и мною, на средства Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и путешествіе Р. К. Маака въ 1854 г. для изслѣдованія Вилюйскаго края, снаряженное Сибирскимъ Отдѣломъ Имп Русск. Геогр. Общ. Кромѣ свѣдѣній, доставленныхъ этими экспедиціями, есть еще интересное описаніе низовьевъ р. Оленека и Лены, составленное преосвященнымъ Діонисіемъ (Хитровымъ) епископомъ Якутскимъ, который, бывши миссіонеромъ, часто самъ посѣщалъ прибрежья Ледовитаго Океана.

Изъ путешественниковъ, которые изслѣдовали страны, лежащія на востокъ отъ Лены, наиболѣе извѣстны моряки: Анжу и баронъ Врангель. Первый, въ 1821—23 годахъ, опредѣлилъ точными астрономическими наблюденіями положеніе устья Лены, Оленека и Новосибирскихъ острововъ; второй изслѣдовалъ Медвѣжьи острова и привезъ первыя свѣдѣнія о землѣ, видной съ мыса якана, которая только въ послѣднее время больше изслѣдована и получила названіе Врангелевой земли. Наконецъ, въ 1868—69-мъ году, баронъ Г. Л. Майдель и К. К. Нейманъ совершили экспедицію въ землю чукчей.

Въ 1875-мъ году Норденшельду удалось достигнуть моремъ устья Енисея. Прежнія попытки не удались именно потому, что предпринимались слишкомъ рано, т. е. въ іюнѣ или въ началѣ іюля. Норденшельдъ, наоборотъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что самое удобное время для плаванія по Карскому морю (которое, по извѣстному изрѣченію знаменитаго академика Бера, считалось «вѣчнымъ ледникомъ») исходъ лѣта. Въ первый разъ онъ достигъ устья Енисея 3/15 августа 1875 г. За нимъ слѣдовали многія торговыя суда, открывая, такимъ образомъ, правильное морское сообщеніе между Европою и Сибирью. Будетъ ли это сообщеніе дѣйствительно прочное—это вопросъ далеко еще не рѣшенный, въ виду разныхъ неудачъ плаванія въ 1881 и 82 годахъ. Во всякомъ случаѣ, заслуги Норденшельда несомнѣнны не только въ ученомъ отношеніи, но и въ видахъ содѣйствія развитію торговли и промышленности въ Сибири.

Путешествіе Норденшельда подробно изложено въ томѣ «Живописной Россіи», посвященномъ описанію Западной Сибири, и потому излишне было бы вдаваться здѣсь въ подробности по этому предмету.

Ф. Ф. Миллеръ.

Остатки Якутской крѣпости въ 1842 г.

ОЧЕРКЪ XIV.

СИБИРСКАЯ СОЛЬ.

Промышленныя сибирскія дороги.—Путеводители въ эту страну.—Соляные ключи.—Многочисленные остатки брошенныхъ.—Бабиновская дорога.—Коряковское самосадочное озеро.—Ломка соли.—Характеръ сибирскихъ соляныхъ озеръ.—Отличія въ способахъ добыванія соли.—Корчемство солью и его причины.—Послѣдствія недостатка этого продукта въ странѣ.—Размѣры соляной добычи.—Сибирскій недосолъ.—Мѣсторожденія сибирской соли.—Минусинское степное озеро.—Соляные ключи и солеваренные заводы.—Покинутое озеро.—Борза.—Горькая соль.—Ерофей Хабаровъ и Усть-Кутскій заводъ.—Троицкій заводъ.—Иркутское Усолье.—Подробности выварки на немъ соли.—Сковороды.—Усышка и утечка.—Напуски и наводка.—Варя.—Отряска.—Ссыльные рабочіе.—Ихъ бытъ.—Старая каторга.—Побѣги ссыльныхъ и ихъ размѣры.—Горбачи и оборотни.

Соли—злодѣйки сусѣки стоятъ, а табаку—свѣту ущипнуть нѣту.
ПОГОВОРКА ССЫЛЬНЫХЪ.

Сибирь—золотое дно.
ИЗВѢСТНАЯ ПОСЛОВИЦА.

Ѣстъ прошеное, носитъ брошеное, живетъ краденымъ.
СИБИРСКАЯ ПОГОВОРКА.

Соль—одно изъ такихъ естественныхъ богатствъ Сибири, которое заслуживаетъ особеннаго вниманія.

За уральскимъ хребтомъ пушные лѣсные звѣри, и между ними цѣнный соболь по преимуществу, послужили путеводителями къ открытію новыхъ странъ, но увелъ туда русскій народъ духъ предпріимчивости, жажда исканій новыхъ прибыльныхъ промысловъ, кромѣ земледѣлія, въ разработкѣ рудъ желѣзныхъ и мѣдныхъ, а потомъ и золотоносныхъ песковъ и серебрянныхъ рудъ. Рѣки указывали прямые пути;- встрѣчавшіяся на немъ земныя богатства осаживали населеніе и заставляли его строиться селеніями и сооружать города. Истощеніе богатствъ, подобно истощенію хлѣбородныхъ почвъ, вынуждало народъ оставлять старыя мѣста и уходить дальше. За капиталистами—предпринимателями тянулись и рабочіе, по тому же закону и въ Сибири, какъ и въ Россіи. Очень серьезную роль играли въ этомъ случаѣ, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, и соляные источники, группировавшіе населеніе и привлекавшіе трудъ. По всему сѣверу и его дремучимъ лѣсамъ разбросаны очевидные слѣды этихъ покинутыхъ варницъ съ заросшими мохомъ мѣстами старыхъ жилицъ въ такомъ количествѣ, что и сосчитать очень трудно.

Сплошь и рядомъ оказывается въ сосновомъ густомъ лѣсу колодецъ, глубиною въ нѣсколько саженъ, съ гнилушками—остатками деревяннаго сруба. Въ колодцѣ вода соленая и вкусомъ много походитъ на морскую воду. Академикъ Озерецковскій, путешествуя въ 1785 году

по рѣкѣ Свири, въ 27 саженяхъ отъ берега въ лѣсу отыскалъ такой же соляной колодецъ съ деревяннымъ срубомъ, который нарочито старъ и обывателямъ неизвѣстно кѣмъ и когда онъ построенъ. Когда вычерпывали изъ него воду, что было года за два до моего пріѣзда, то на самомъ днѣ открыли біючій ключъ весьма чистой, серебру подобной воды, которая нарочито была солона и такъ сильно била, что въ одинъ день наполнился паки колодезь, который цѣлые три дня вычерпывали». Такіе же покинутые источники находилъ онъ и въ окрестностяхъ Старой Русы, содержащіе признаки поваренной соли, и тоже самое около Новгорода и береговъ Ильменя. Въ селѣ Мшагѣ находится небольшое соленое озерко, съ истокомъ въ рѣчку Мшагу. На притокѣ, въ близкомъ разстояніи отъ озерка, построена мельница и соленая вода обращена только въ ту пользу, что ворочаетъ мельничными колесами. Верстахъ въ двухъ отъ селенія, на полѣ близъ пашни, находится другое озерко съ соленою водою, которую намѣревался вываривать одинъ мѣстный купецъ въ 1784 году, но, испросивъ разрѣшеніе, скрылся. «Соляныя варницы въ Мшагѣ не строятся (пишетъ Озерецковскій), однакожъ безъ соли никто тамъ щей не хлѣбаетъ, денегъ казна не тратитъ и лѣсъ остается цѣлъ. «Далѣе въ селѣ Подгощахъ по другую сторону р. Шелони также показываютъ ключи соленой воды и съ версту отъ селенія въ полѣ сооруженъ колодецъ съ холодной и прозрачной водой, представляющей возможность видѣть не только песчаное дно, но и бьющіе на немъ ключи воды. Въ прежніе годы, по преданію жителей, эта вода выходила изъ земли въ видѣ рукава». Она представляла плещущія волны, но когда сдѣлалось несчастіе съ однимъ быкомъ, который увязъ въ песку и захлебнулся соленою водою, то жители изъ страха завалили ключи множествомъ камней, для спасенія своихъ быковъ и коровъ, которые любятъ пить соленую воду». «Жители, сберегая соль, мѣсятъ на ней пироги, лепешки и проч., которыхъ давали мнѣ отвѣдывать (пишетъ Озерецковскій). Они показались мнѣ столь же хороши, какъ и на соли замѣшанные и испеченные». Въ виду Подгощей лежитъ другая деревня Угла также съ ключами соленой воды, но уже не столь чистой.

Тоже явленіе забытыхъ соляныхъ ключей и множество развалинъ бывшихъ соловаренъ встрѣчается и въ Кайскомъ краю (Вятск. губ). въ системѣ трехъ рѣкъ: Камы, Вятки и Сысолы. Несомнѣнно въ далекомъ прошломъ варка соли здѣсь также была сильно развита. Предпріимчивымъ Строгановымъ, столь извѣстнымъ покорителемъ Сибири, при отдачѣ во владѣніе огромныхъ пространствъ земли по Камѣ и по Чусовой до верховья, обязательно вмѣнялось заведеніе соляныхъ варницъ и постройка укрѣпленій «гдѣ бы мѣсто было крѣпко и осторожливо». Сдѣлавшись обладателями обширнаго края по обѣ стороны хребта, Строгановы перевели на Каму рабочихъ и людей свѣдущихъ въ соляномъ дѣлѣ. Къ нимъ шелъ охотно всякій народъ: тяглый и не тяглый, письменной и искавшій пріюта. Поселенія шли столь успѣшно, что черезъ 6 лѣтъ на Камѣ при Орловскихъ соляныхъ варницахъ возникъ городокъ Кергеданъ, потомъ также исчезнувшій. Въ данномъ случаѣ важно то обстоятельство, что на Кай—городъ выходили двѣ дороги, которыя вели поселенцевъ за Камень и лишь за этимъ городомъ искали болѣе удобныхъ путей. Одинъ направлялся сѣвернѣе, черезъ Соликамскъ на Чердынь и Лозву, другой южнѣе изъ Соликамска на Верхотурье, путь, имѣвшій огромныя преимущества передъ первымъ. Оба они были среднія сибирскія лѣсныя дороги, но одна изъ первоначальныхъ, а вторая извѣстная подъ именемъ «бабиновской» сдѣлалась впослѣдствіи и единственно дозволенной. *Соликамецъ* Артемій Бабиновъ въ 1595 году расчистилъ ее съ вѣдома правительства и вывелъ на р. Туру, гдѣ въ 1598 г. построенъ былъ укрѣпленный городъ Верхотурье и учреждена таможня для взиманія пошлинъ со всѣхъ провозимыхъ товаровъ и денегъ (по 10 %). Ѣздить въ Сибирь и обратно мимо Верхотурья было запрещено: «Изъ Сибири и въ Сибирь многимъ дорогамъ быть не пристойно» высказано съ полною откровенностію въ одной грамотѣ 1683 года. Запрещеніе впрочемъ не всегда строго соблюдалось, что видно изъ многократно повторявшихся указовъ. Двѣсти лѣтъ бабиновская дорога пользовалась своей привиллегій, не

смотря на то, что пролегала по безлюдной пустынѣ, черезъ топкія болота, черезъ горы съ крутыми подъемами и спусками. Многочисленные мосты и гати требовали частой починки. Климатъ былъ суровъ; посѣянный хлѣбъ рѣдко дозрѣвалъ, а потому и самыя селенія на этой дорогѣ состояли всего изъ 3—4 дворовъ. Въ тоже время предоставленная Строгановымъ Чусовая была давно уже такимъ мостомъ, по которому легко и свободно производилась переправа вольныхъ выселенцевъ, происходила эмиграція лѣсной Россіи въ непочатую и богатую Сибирь. Послѣдовательно затѣмъ въ самой Сибири успѣлъ совершиться тотъ же процессъ передвиженія населенія изъ суровыхъ сѣверныхъ странъ въ плодородныя южныя. Путь черезъ Верхотурье и Соликамскъ сдѣлался для сибиряковъ непригоднымъ: они проложили на Русь немало дорогъ, болѣе удобныхъ и кратчайшихъ. Одна изъ нихъ черезъ Уктускій заводъ даже формально была разрѣшена въ 1721 г., а съ учрежденіемъ Пермской губерніи большой сибирскій трактъ сдѣлался кратчайшимъ, когда избрано было направленіе на Екатеринбургъ (не ранѣе однако 1783 г.) Такимъ образомъ въ свою очередь и бабиновской дорогѣ привелось уступить мѣсто какъ ей самой уступилъ древнѣйшій путь за Камень черезъ Вологду, рѣку: Пинегу, Пезу, волокомъ на Цылыму, Печорой до устьевъ Шугура, и этимъ послѣднимъ до «Поясоваго Камня». «Потомъ на гору Камень нужно входить три дня» (пишетъ Герберштернъ). Какъ бы то ни было бабиновская дорога, заросшая теперь и покинутая, шла въ Сибирь отъ соликамской и несомнѣнно снабжала новую страну цѣннымъ солянымъ продуктомъ въ первое время своего существованія. Впослѣдствіи приспособлены были здѣсь тѣже способы розысковъ, распросовъ и добычи, какіе примѣнялись въ Россіи. Прекрасный спасительный обычай оставлять въ лѣсныхъ необитаемыхъ избушкахъ для заднихъ переселенцевъ что-либо изъ съѣстнаго и непремѣнно соль практикуется до сихъ поръ въ Сибири. Точно также за отсутствіемъ соли и здѣсь чаще случалось обходиться квашенными овощами и вяленымъ на солнцѣ мясомъ и рыбой. Еще чаще приходилось испытывать голодовки со всѣми ихъ ужасающими подробностями и употреблять въ пищу нетолько то, что запрещено церковными уставами, но и то, что не принимаетъ душа. Пословица «безъ соли не сладко, а при соли и дермо съѣшь» вѣроятно и родилась въ эти тяжелыя времена и въ этихъ бѣдовыхъ мѣстахъ.

По сибирскимъ преданіямъ первыя открытія соляныхъ ключей также, какъ и въ сѣверной Россіи, приписываются животнымъ, по тому же способу, какъ, напримѣръ, честь открытія мѣдныхъ рудниковъ въ Верхотурьѣ Походяшинымъ отнесена къ свирѣпому быку, раскопавшему въ сердцахъ острыми рогами главное мѣсторожденіе мѣди. На самомъ же дѣлѣ указанія всякаго рода мѣсторожденій сдѣланы были туземцами: Вогулами, Зырянами, Мещеряками и т. п.

На Коряковское самосадочное озеро, очевидно выдающее себя и обнажающее яркою бѣлизною поверхности свое соляное сокровище, приведены были русскіе люди также туземцами, хорошо знавшими ту степь за Иртышемъ, гдѣ разлеглось озеро въ отлогихъ берегахъ. Отъ станицы Коряковской на Иртышѣ находится оно въ 20 верстахъ къ сѣверо-западу, а отъ Омска въ 396 верстахъ, имѣетъ длины 10 верстъ и ширины 2 версты. Пользованіе солью началось вскорѣ послѣ основанія Тобольска (1587 г.), съ облегченнымъ способомъ доставки водою по р. Иртышу и Тоболу. Это обстоятельство въ виду того, что русскія поселенія до настоящаго времени исключительно группируются около рѣкъ, вызвало то явленіе, что въ Западной Сибири и именно въ Тобольской губерніи мало заботились о соляныхъ ключахъ, и поиски за ними были слабы. Далеко позднѣе (въ 1747 г.), Коряковское озеро было тщательно изслѣдовано и черезъ три года началась правильная разработка служилыми людьми, т. е. сибирскими казаками, обязанными въ тоже время охранять и Коряковскій форпостъ. Теперь работы производятся по вольному найму и ломаютъ соль Киргизы, которые пріучились приходить сюда большими партіями.

На Киргизовъ надѣвали высокіе кожаные сапоги съ ремнями, подвязываемыми выше колѣнъ, давали: деревянные саженные ломы съ заостренной на концѣ лапой и мѣрный въ 30 пу-

довъ ящикъ, который, двигаясь по наклону съ помощію лошадей, спускался на озеро. Киргизы, какъ ледоколы на невскихъ водахъ, приподнимали верхніе слои соли, промывали ихъ въ тузлукѣ и валили въ казенные ящики. Два рабочихъ лѣтнимъ временемъ (съ послѣднихъ чиселъ іюня до половины іюля) имѣли возможность наломать соли до 500 пудовъ въ одинъ рабочій день. Въ прежнее время работы производились медленнѣе, потому что соль изъ озера выносилась преимущественно на рукахъ. Сложенная на берегу озера соль въ кучи свозилась потомъ на Иртышскую пристань въ Коряковской станицѣ, изъ которой точно также образовалось большое селеніе (до 3 тысячъ душъ), лучшая изъ всѣхъ казачьихъ станицъ въ этой части Омской линіи, очень похожая на приличный городокъ. Здѣсь складывается соль прямо на берегъ, чтобы удобнѣе было грузить ее на суда — коноводки, замѣненныя въ настоящее время буксирными пароходами частныхъ компаній. Соляному промыслу естественнымъ образомъ и здѣсь удалось вызвать промыселъ судостроенія барокъ предпочтительно въ видѣ ладей, т. е. плоскодонныхъ.

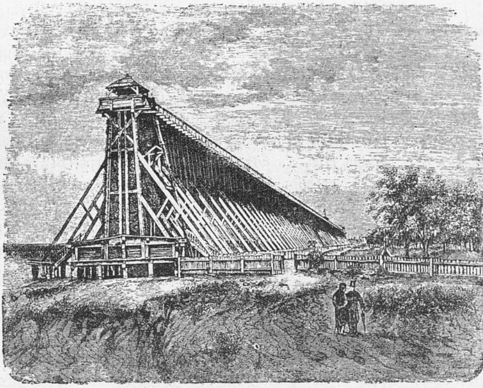
Естественное удобство доставки произвело то, что Коряковскій промыселъ сдѣлался единственною соляною житницею почти всей Западной Сибири. Въ два года (1858 и 1859) добыто здѣсь и продано въ оптовыхъ магазинахъ и стойкахъ Тобольской губерніи (впрочемъ вмѣстѣ съ вывезенною изъ Киргизской степи солью) 1.232,744 пуда. На одномъ Коряковскомъ озерѣ выломано въ 1863 году 183,473 пудовъ, и при этомъ ежегодная добыча возростаетъ (такъ напр. въ 1852 г. выломано было только 56 тыс. пудовъ, а въ 1861 году 125,400 пудовъ).

Коряковская ломка соли произвела между прочимъ два интересныя явленія: пренебреженіе къ другимъ самосадочнымъ озерамъ и корчемство солью.

Такихъ же непроточныхъ степныхъ озеръ, имѣющихъ обычную форму тарелки, разбросано въ округахъ Омскомъ, Ишимскомъ и Курганскомъ достаточное число, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны десять. Шесть даютъ садку поваренной соли, но не разработываются по причинѣ очень затруднительной доставки, остальныя озера содержатъ горькую или глауберову соль. Однако соль Глубокаго озера лучше Коряковской, соль озеръ Колмегорскаго, Большаго и Малаго Медвѣжьихъ, Жидкаго и Ахтабана — хуже. Интересно, что соляныя озера лежатъ иногда въ нѣсколькихъ саженяхъ (напр. въ 100) отъ горькихъ; горькія соединены протоками съ прѣсными озерами, которыя въ свою очередь расположены въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ солеными.

Корчемство солью естественнымъ образомъ вызвано недостаткомъ коряковской соли для нуждъ мѣстнаго населенія даже и при условіяхъ пополненія недостающаго количества киргизскою солью изъ озеръ Ургача и Эбелея. Въ одной Тобольской губерніи насчитывается свыше 1¹/₄ милліона жителей, издавна привыкшихъ кормить свой скотъ солью, засаливать въ прокъ мясо, грибы, овощи и въ особенности огромное количество добываемой въ Оби и Иртышѣ рыбы. Кромѣ того, въ Тюмени очень сильно развито кожевенное производство; по всей Тобольской губерніи заведено множество мыловарень, поглощающихъ огромныя количества соли. Но въ Сибири, точно также какъ и въ Россіи, по чрезмѣрной дороговизнѣ соляной пошлины, не существуетъ заводовъ соды, того продукта, который играетъ столь громадную роль въ ремесленномъ употребленіи во всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ производствахъ. Сода привозится вся изъ-за границы вмѣстѣ съ прочими продуктами, приготовляемыми изъ поваренной соли: соляной кислотой, хлоромъ, нашатыремъ и проч. На всѣхъ ярмаркахъ и рынкахъ соли, вмѣстѣ съ желѣзомъ и сѣрой, должно принадлежать безспорно первое мѣсто. Въ степи, на пространствѣ 200 верстъ отъ Петропавловска, на такъ называемомъ по здѣшнему «базарѣ», закупается до 450 тыс. одныхъ барановъ, до 100 тыс. головъ прочаго рогатаго скота, значительная часть котораго убивается на мѣстѣ и, при заготовленіи мяса, имѣются въ виду многочисленные уральскіе горные заводы. Вкусная Обская рыба, вылавливаемая въ огромномъ количествѣ, на такъ называемыхъ «пескахъ»,

очень жирна и нѣжна, а потому не можетъ оставаться безъ засолки въ теплое время ни одного дня. Если налимы отъ посола дѣлаются чрезвычайно невкусны и жестки, а потому солятся мало, за то тысяча максуновъ требуетъ 25 пудовъ соли, тысяча сырковъ 10 пудовъ, на пудъ нельмы и осетровъ требуется по 15 фунтовъ. Вотъ почему, къ несчастію, туземцы принуждены рыбу сушить въ свѣжемъ видѣ на открытомъ воздухѣ, затѣмъ поджаривать и коптить на легкомъ огнѣ,—и, къ счастію, имѣютъ возможность продовольствоваться солью, тайно вывозимою изъ Киргизской степи и изъ другихъ мѣстъ. При этомъ, по нуждѣ, уже не обращается вниманія на то, что корчемная соль, подъ шумокъ тайнаго провоза и въ торопяхъ недозволенныхъ сдѣлокъ, попадается очень часто не споркою, т. е. не устойчивою въ засолѣ, горьковатою, очень часто грязною и всегда съ примѣсью дароваго степнаго песку. Къ счастію также суровый климатъ даетъ возможность развозить и продавать мясо въ замороженномъ видѣ, но за то, къ несчастію, съ другой стороны, приходится производить убой скота только одинъ разъ въ году, въ глубокую осень, причемъ огромное количество степного мяса пропадаетъ даромъ, и скотъ убивается почти исключительно для кожъ и сала. Выдѣлка мѣховъ пушныхъ цѣнныхъ звѣрей въ Сибири не производится, и еще никто на Уралѣ не ѣдалъ соленой, очень вкусной, сибирской лѣсной и болотной птицы.

Градирня.

На столѣ сибиряка преобладаютъ сушеные грибы съ квасомъ, толченый лукъ, «толстыя» щи (т. е. съ одной ячменной крупой, безъ капусты), кулага или мука, заваренная въ горячей водѣ съ примѣсью печенаго, но не соленаго хлѣба, выстоявшагося въ печи до вечера другаго дня, рѣпныя и морковныя паренки. Это въ дни постные. Въ скоромные и праздничные дни потребляются пшеничные блины и оладьи на одныхъ яичныхъ желткахъ и на одныхъ яичныхъ бѣлкахъ, и даже оладьи варенья, каши: ячменная, пшеничная, морковная, картофельная, просяная, но не гречневая (про гречневую не знаютъ вовсе); пироги рѣпные и морковные, пироги съ легкимъ или осердіемъ и все-таки — съ недосоломъ. За пирожное отвѣчаетъ сусло, въ которое макаютъ пшеничный хлѣбъ (ржаной въ Сибири пекутъ очень рѣдко).

Остановившій насъ на короткое время недосолъ на сибирскомъ столѣ все-таки вынуждаетъ продолжать о сибирской соли, которой въ этой странѣ во всякомъ случаѣ очень много вѣдомой и невѣдомой. Для Томскаго края существуютъ напр. соляныя озера: Боровыя и Алеусскія въ Барнаульскомъ и Бійскомъ округахъ и Бурлинскія въ Томскомъ, на которыхъ въ 1863 году выломано соли 273.088 пудовъ. Для Енисейской губерніи служатъ въ настоящее время ключи Троицкаго солевареннаго завода, на которомъ въ томъ же году выварено соли 95.347 пудовъ (въ которомъ садка соли, какъ и во всѣхъ другихъ сибирскихъ озерахъ, начинается въ маѣ, а ломка съ іюля) и Минусинское степное озеро. Оно круглаго вида, самосадочно, но соль горьковата и не спора. Осадка не постоянна, потому что въ озеро проникаетъ

прѣсная вода изъ ручья, вытекающаго изъ сосѣднихъ горъ версты за 4. Сѣверный берегъ возвышеннѣе, а потому на немъ становятъ соляные бугры; въ окружности озеро имѣетъ семь верстъ. Кромѣ этого озера, около Сагайской степи, въ той же Томской губ., лежитъ еще много озеръ и съ глауберовой и съ поваренной солью: тагарское, каралаевское, уртонское, бейское, изъ которыхъ одно самосадочное, а другія показываютъ разсолъ на извѣстной глубинѣ. Для Иркутской губерніи полагаются соляные колодцы при заводахъ Иркутскомъ (на Ангарѣ) и Усть-кутскомъ (на Ленѣ), давшіе оба вмѣстѣ въ извѣстномъ намъ году 283.020 пудовъ соли. Въ Забайкальѣ добывается соль самосадочная въ Борзинскомъ озерѣ, изъ котораго въ самый удачный годъ (1859) выломано соли 100.609 п., но въ нѣкоторые годы выемки совсѣмъ не было; а селенгинскій пріозерный заводъ прекратилъ дѣйствіе. Наконецъ Якутская область удовлетворяется собственными ключами вилюйскими или кемпедейскими, рѣдко разработываемыми (въ 1861 г. на нихъ выварено всего 12.000 пуд.,). Амурская область съ Приморскою ничего положительно не сказали и ничего путнаго еще не сдѣлали. Дѣйствующіе сибирскіе соляные ключи, сверхъ того, что уже нами прежде сказано о выварочной соли, интересны своей исторіей и поучительны по примѣненію къ нимъ труда каторжныхъ и ссыльныхъ людей.

Въ началѣ 17-го столѣтія, на правомъ берегу рѣки Куты, впадающей въ Лену, въ 264 верстахъ отъ г. Киренска Якутской области, указаны были якутами соляные ключи, находящіеся среди небольшого озера. Надъ ними сольвычегодскій промышленный человѣкъ, устюжскій уроженецъ Ерофей Павловичъ Хабаровъ устроилъ колодцы и при нихъ варницы. Около того же времени тунгусы объявили о соляныхъ ключахъ на берегу Усолки въ 193 верстахъ отъ г. Канска Енисейской губерніи единственнымъ въ то время и въ томъ краю торговымъ людямъ—мѣщанамъ г. Енисейска Хромовымъ, которые работали нынѣшній средній колодецъ (въ немъ разсолъ 6°), варили соль въ котлахъ и потомъ устроили варницу. Такіе же ключи и одновременно съ этими указаны были на берегу и острову (варничномъ) рѣки Ангары въ 68 верстахъ отъ Иркутска, гдѣ и существуетъ въ настоящее время заводъ.

За Байкаломъ въ степи, между городами Селенгинскомъ и Верхнеудинскомъ, Селенгинское озеро похвасталось было всѣми признаками соляного озера, но обмануло. А между тѣмъ въ немъ все налицо, что обыкновенно требуется для соляныхъ озеръ: плоскіе и крутые берега, состоящіе изъ солонцовато-глинистаго грунта, на которомъ при всѣхъ усиліяхъ не могли воспитать овощей, и подлинная степь кругомъ, на которой изрѣдка ростетъ кустарникъ, низменности покрыты налетомъ соли, и озеро, какъ Элтонъ, опрѣсняется впадающими въ него ручьями. Однако съ самаго начала выработки, съ нимъ не могли сладить и вызвать его на службу и потребу. Варила соль казна; съ 1719 года пробовали варить частные люди на правахъ аренды: служилый человѣкъ В. Брянцевъ и потомъ верхнеудинскій купецъ Пахолковъ, который, проработавъ четырнадцать лѣтъ, въ 1803 году сдалъ заводъ въ казну. Принялъ онъ 2 варницы, сдалъ 5. До 1831 года заводъ находился въ бездѣйствіи, на короткое время былъ пущенъ въ работу до 1835 года, когда опять принялъ его въ аренду купецъ Злобинъ и кое-какъ повелъ его до 1839 года, когда заводъ окончательно смолкъ. На смѣну его выступила за Байкаломъ разработка единственно Борзинскаго соляного озера, открытаго, въ 1756 году, въ 30 верстахъ отъ китайской границы. Къ соляному промыслу приписаны были крестьяне Тургинской слободы, въ 98 вер. отъ озера, въ 1852 году обращенные въ казаки и работающіе на озерѣ изъ за платы 20 коп. за выемку пуда соли (озеро даетъ до 80 тыс. пудовъ). Борза имѣетъ около 2 верстъ въ длину и около версты въ ширину, но соляной разсолъ стоитъ не на всей этой площади, а болѣе въ сѣверозападныхъ частяхъ его. Около деревни Бользоя находится щелочное озеро, дающее «гуджиръ», употребляемый обыкновенно при составленіи «классическаго кирпичнаго чая», который составляетъ для сибиряка главнѣйшую пищу—родъ супа, приправляемаго болтушкой изъ муки, солью и саломъ,—смѣсью, носящею особое названіе «затурана».

Съ сѣверной стороны въ Селенгинское озеро вливается много прѣсныхъ ключей, которые, растворяя глауберову соль, носящую привиллегированное имя «сибирской соли», понижаютъ поваренную въ процентномъ содержаніи до такой степени, что выварка въ лѣтнее время становилась невозможною. Глауберова соль, представляющая на озерѣ кору, съ наступленіемъ холоднаго времени извергается, вода застываетъ, и разсолъ поваренной обогощается, оставаясь въ видѣ проталинъ въ жидкомъ состояніи. Оттого выварка соли начиналась въ ноябрѣ и продолжалась до апрѣля. Горько—соленая кора—къ несчастію—бываетъ толщиною до 3 аршинъ и въ двухъ видахъ: либо въ видѣ замороженнаго кваса, наз. «гужиромъ» (въ немъ не поваренная соль, а сода, натръ и щелочь), либо въ видѣ стеклеца, т. е. когда этотъ гужиръ, при вліяніи теплоты, сольется въ плотную, прозрачную стеклистую массу: гужиръ въ теплѣ сырѣетъ и расплывается, стеклецъ отъ умѣренной теплоты и при вліяніи свѣта превращается въ порошокъ. Съ поступленія завода въ казну стали употреблять въ работу ссыльно—каторжныхъ въ солеварни, въ подварки и лѣяльщики; пробовали увеличивать ихъ число, достигли до того, что сыновья ссыльныхъ оказались очень способными при техническихъ работахъ; пробовали платить имъ жалованье, старались пріохотить къ осѣдлости, но ничего не достигли. Какъ только кончался срокъ каторги и ссыльный получалъ право выхода на собственное пропитаніе, рабочіе спѣшили продать дома другимъ рабочимъ и уходили на житье въ тѣ волости, къ которымъ были приписаны. Зная шаткія основы завода, объ осѣдлой жизни никто не радѣлъ: не расширялъ усадебъ, не расчищалъ земель подъ луга и покосы. Какъ только казна остановила работы, заводское селеніе превратилось въ пустырь и вся окольность, богатая озерами, осталась во владѣніи кучующихъ бурятъ, у которыхъ здѣсь (на Гусинскомъ озерѣ) стоитъ главный «дацанъ» или храмъ и живетъ глава духовенства, наз. хамба-ламой. Установились прочныя и многолюдныя селенія при остальныхъ трехъ сибирскихъ соляныхъ заводахъ.

На всѣхъ трехъ въ самомъ началѣ варка соли производилась въ чугунныхъ котлахъ, которые ставились на камни, сложенные въ видѣ очаговъ. Промышленные люди выстраивали варницы и заботились о рытьѣ новыхъ колодцевъ, но по странной случайности,—всѣ были неудачливы. Хромовы, содержатели Троицкаго завода, часто имѣя нужду въ деньгахъ, занимали ихъ у монаховъ енисейскаго спасскаго и троицкаго туруханскаго монастырей, принуждены были сдать свои заведенія въ монастырщину, откуда они снова поступили въ казну. Усть-кутскій заводъ въ 1638 году устроилъ Хабаровъ, пришедшій сюда съ устьевъ р. Тисы около Енисейска, гдѣ онъ два года сидѣлъ на пашнѣ. Пришелъ онъ въ эти далекія мѣста съ 27 «покручениками» и съ ними, кромѣ солеварни, завелъ пашню и лѣсные промыслы. Въ 1641 году воевода Поярковъ отобралъ его солеварни въ казну; самого владѣльца избилъ и выгналъ изъ завода. Хабаровъ поселился въ шести верстахъ отъ Киренска и здѣсь надумалъ смѣлое и сильное предпріятіе пріобрѣтенія Амура. Въ 1649 году онъ отпросился у новаго якутскаго воеводы «позволить ему, Ерофею, идти на рѣку Амуръ, на своемъ коштѣ, съ охочими людьми и государевымъ счастьемъ тамошніе народы покорять и ясаки съ нихъ брать». Неудачи его на Усть-Кутѣ увѣнчались блестящимъ успѣхомъ на устьѣ Зеи и на берегахъ Амура, гдѣ смѣлый завоеватель построилъ остроги и между прочими извѣстный Албазинъ. Амурскій герой успѣлъ однако вернуться въ Якутскій край и умеръ здѣсь, но не въ Усть-Кутѣ, а въ Илимскомъ острогѣ, при устьи р. Илима, впадающаго въ Лену. Его солеваренный заводъ, какъ сибирскій бродяга, переходилъ изъ рукъ въ руки: изъ казны къ иркутскому купцу Ворошилову, потомъ къ его наслѣдникамъ Бейтоновымъ, отъ нихъ опять въ казну и снова въ частныя руки: киренскому купцу Сычеву, затѣмъ къ Малѣеву и т. д. Менѣе мытарствъ испыталъ лишь Иркутскій заводъ или Иркутское «Усолье», которое, какъ перешло изъ рукъ иркутскаго Вознесенскаго монастыря въ 1765 году въ казну, такъ и оставалось за нею больше ста лѣтъ. Я посѣщалъ заводъ въ 1861 году, когда онъ былъ въ дѣйствіи и работали на немъ ссыльно-каторжные.

Хотя соляные источники Усть-Кутскаго завода и считаются лучшими въ Сибири, работы могутъ производиться во всякое время года, разсолъ (по солемѣру 18½ лотовъ) обиленъ, но заводъ Иркутскій получилъ въ Восточной Сибири наибольшее значеніе. Усть-Кутскій заводъ, находясь въ мало-населенной странѣ, приносилъ казнѣ ничтожныя выгоды и казна бросила его безъ сожалѣнія, какъ бросила въ 1839 году солеваренный заводъ въ Охотскѣ, дѣйствовавшій также очень долгое время. Иркутскій же заводъ никогда не прекращалъ своихъ работъ и продолжалъ вываривать соль въ такомъ количествѣ, въ какомъ предписывала заводскому начальству иркутская казенная палата.

Разсольные источники этого завода находятся преимущественно на островѣ Варничномъ или Вознесенскомъ. Прежде разсолъ былъ гуще, но бывшія землетрясенія понизили содержаніе въ немъ соли (на 1½%). Въ сухое лѣто разсольные источники богаче, но въ это время недостаточенъ на продовольствіе дѣйствующихъ чреновъ притокъ. Во время разливовъ Ангары, вода заливаетъ иногда до половины дверей разсольныхъ колодцевъ и варницъ и проникаетъ даже въ самые чрены. Изубоженный притокомъ прѣсныхъ водъ, разсолъ въ варку не годится обязательно два раза въ годъ: въ іюнѣ и іюлѣ отъ чрезвычайно-быстраго притока нагорныхъ водъ и въ декабрѣ и январѣ во время рѣкостава Ангары. Выходы соляныхъ рудниковъ залегаютъ отъ поверхности земли не далеко, отчего и самые колодцы, называемые иногда «льялами«, скопляющіе разсолъ, не глубоки.

На нашихъ глазахъ разсолъ изъ этихъ колодцевъ поднимался бадьями въ зунеры посредствомъ насосовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе конною силою, и это считалось улучшеніемъ. До того времени качали насосы ссыльные на высокихъ каланчахъ, иногда при 30° мороза одѣтые на легкѣ. Насосы были первобытнаго устройства, какъ на рѣчныхъ баркахъ, однако на каждое движеніе требовали силы и наклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. За одинъ урокъ ссыльные принуждены были дѣлать многіе тысячи наклоновъ, такъ что въ концѣ шла кровь изъ носу и нѣкоторыхъ замертво уносили въ госпиталь и казарму. Отбывъ всю работу, стоя на ногахъ въ платьѣ, которое сначала обмокнетъ отъ брызговъ и потомъ замерзнетъ, рабочіе облегчены были потомъ тѣмъ, что устроенъ былъ маятникъ, производившій качку, и бесѣдки, въ которыхъ можно было сидѣть и защищаться отъ непогодъ и морозовъ. Работа въ варницахъ въ сильномъ жару, заставляющемъ рабочихъ раздѣваться до гола съ расчетомъ на ревматизмы и лихорадки и на растраву не только ранъ, но и мелкихъ порѣзовъ въ соляномъ пару, — работа по истинѣ каторжная. Многія варницы, устраиваемыя обыкновенно осьмиугольными, отъ неправильнаго устройства пролетовъ, набирались столь густымъ дымомъ, что ссыльные, для направленія огня, не въ состояніи были даже ползать по землѣ. Чтобы они не задыхались въ вѣтряное время прилажены плотно законопаченныя будки, куда люди входили со двора и сквозь оконцы наблюдали за огнемъ. Это избавило ихъ отъ безвременнаго страданія и болѣзней глазъ, но все-таки не спасало отъ простуды и отравы соляными парами, выражающейся обыкновенно потерею аппетита. Въ этихъ сѣняхъ, придѣланныхъ съ наружнаго входа, въ лѣтнее время рабочіе находили убѣжище отъ нестерпимаго жара варницъ. Сѣни служатъ въ то же время для складки дровъ и препоною для сильнаго притока воздуха со двора въ варницы, гдѣ воздухъ, въ соединеніи съ дымомъ и паромъ, особенно при напускахъ разсола въ холодное время, производитъ почти непроницаемую темноту и отвращаетъ сильное горѣніе въ подчренныхъ печахъ. Дрова предпочитаются въ видѣ круглыхъ, длинныхъ плахъ, называемыхъ здѣсь «елтушами», какъ очень удобныхъ для подкатыванія подъ сковороды. Такихъ дровъ на 60 пудовъ соли требуется изъ заводской лѣсной дачи цѣлая кубическая сажень. Самыя работы производились по старинному и неудобному первобытному способу.

Соляной разсолъ изъ зунеровъ бѣжитъ по жолобамъ въ лари, устроенныя въ самыхъ варницахъ изъ тесу, хорошо уконопаченныя и залитыя смолой. Бѣжитъ разсолъ всегда мутнымъ и потому 12 часовъ времени даютъ ему на отстой, и послѣ того уже, пускаютъ его по жоло-

бамъ въ чрены. Сковороды эти, сшитыя изъ листовъ желѣза, повѣшаны по серединѣ варницъ, на крючьяхъ. Подчренныя печи складены изъ кирпича, устье ихъ или чело, въ вышину $1^1/_2$ аршина и въ ширину 2 аршина, снабжено желѣзною дверью, которая служитъ также для управленія огнемъ. Въ чренѣ помѣщается разсолу отъ 1500 — 2000 трехведерныхъ бадей, и чѣмъ онъ во время вари становится гуще, тѣмъ чаще мѣшаютъ его деревянными, насаженными на шесты скребками. Черезъ сутки, по окончаніи вари, соль, сѣвшая на дно, тѣми же скребками пригребается къ бокамъ чрена, и потомъ уже выкладывается на полати. На сторонѣ, противоположной устью, у задней стѣны, складывается невысокая труба, называемая «сопухой», съ заслонкой также для управленія огнемъ или подчреннымъ жаромъ.

Кромѣ того, въ варницѣ настилаются полати съ ящиками для складки и просушки соли, набрасываемой сюда изъ чреновъ. Въ чрены до напуска разсола напускается «бурдукъ», смѣсь муки съ разсоломъ, который спаиваетъ и замазываетъ тѣ мѣста, гдѣ образовалась капель или течь. Это собственно и называется «напускомъ». Затѣмъ слѣдуетъ «наводка», т. е. сгущеніе разсола. Во вторыя сутки повышается напускъ разсола, и въ первыя сутки соли почти никогда не получается, на вторыя — весьма немного и то мелкой и грязной, смѣшанной съ пригорѣлой мукой, сажей, иломъ и пескомъ. Эта соль поступаетъ въ переваръ. Три или четыре соли по зарварѣ бываютъ тяжелы на вѣсъ, нечисты и, лежа въ магазинѣ, даютъ весьма значительную утечку.

Чистая, хорошо высушенная, поваренная соль не притягиваетъ влаги. Извѣстно, что если въ соли содержится хлористый кальцій или магній, имѣющіе сильное сродство съ водой, соль растворяется во влагѣ, притягиваемой ею изъ воздуха и тогда происходитъ «утечка». Если въ соли находится сѣрный или углекислый натръ или сѣрнокислая магнезія, то соль вывѣтривается, т. е. происходитъ «усышка». Соль, засыпанная въ сырую погоду, дала усышки на каждую тысячу пуд. по 40 пуд. 31ф. Засыпанная въ сухую погоду и пролежавшая только одинъ мѣсяцъ— 46 п. 37 ф. и засыпанная въ ясную погоду, черезъ два мѣсяца, потеряла 56 п. $2^3/_4$ ф. Переписка по поводу этого обстоятельства, затѣянная въ 1816 году на Иркутскомъ заводѣ, велась все то время, которое прошло до анализа той соли въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Существующій въ Германіи способъ прокалки соли здѣсь не увѣнчался успѣхомъ. Въ соли Иркутскаго усолья (по анализу г. Львова) поваренной соли 95,58, хлористаго магнія 0.29, гипса 2,91, сѣрнокислой магнезіи 0,32, нерастворимыхъ веществъ 0,90. Каждая варя продолжается около сутокъ, и изъ 20 и болѣе варь составляется «отряска», въ теченіе которой на полотнѣ сковороды, въ видѣ твердаго камня, накипаетъ столько поваренной соли, что въ предупрежденіе пригара, камень этотъ или «ширей» отбиваютъ «клевакомъ» или молоткомъ. Такая работа называется «околоткой», послѣ которой слѣдуетъ починка, производимая вольнонаемными рабочими въ теченіи 2 — 3 дней. При Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ для этихъ неизбѣжныхъ починокъ устроено было кѣмъ-то и когда-то желѣзное производство ручными молотами на обыкновенныхъ кузнечныхъ горнахъ, а впослѣдствіи и молотовая фабрика, на которой изъ разнаго лома выковывались гвозди и подгвозки (желѣзные кружки съ дырой) для чреновъ. Точно также и на Троицкомъ заводѣ казна, «чтобы избѣжать покупки желѣза дорогими цѣнами отъ вольныхъ людей», распорядилась пристроить желѣзный заводъ, найдя руды въ окрестностяхъ. Чрены дѣйствуютъ на Иркутскомъ заводѣ отъ 20 до 22 сутокъ. Общая починка производится чрезъ 2 — $2^1/_2$ мѣсяца. Въ октябрѣ солевареніе прекращается, въ концѣ февраля или началѣ марта начинается. Перевозкой дровъ и постройкой чреновъ издавна занимаются сосѣдніе съ заводами крестьяне. Самыя работы во всѣхъ сибирскихъ солеварняхъ, также издавна, производились ссыльными и были каторгою первой степени, не смотря на то, что числились во второмъ разрядѣ.

Число ссыльныхъ рабочихъ на солеваренныхъ заводахъ не могло быть опредѣлено извѣстнымъ комплектомъ, а вырабатывалось практикою и, по первому требованію, составляло

такую цифру, которую задавали заводскія управленія. Во всякомъ случаѣ неизбѣжно требовались солевары, подварки, дрововозы, унимальщики, соленосы, льяльщики, молотобойщики, межсодержатели, высыпальщики, кузнецы, плотники, столяры, и слесаря. Услугами ссыльныхъ пользовалась не только казна, но и частныя лица, принимавшія заводы въ аренду. Контрагентъ обязанъ былъ платить ссыльнымъ двойной плакатъ (т. е. по 6 руб. въ мѣсяцъ) и выдавать одежду. Искусные въ ремеслахъ и избиравшіеся по благонадежности для отправленія особыхъ обязанностей получали и особое жалованье согласно штату, напр. нарядчикъ 70 руб. въ годъ, кузнецы по 60 р., плотники по 50 р. и т. д. Когда ссыльнымъ назначена была плата за трудъ во всѣхъ случаяхъ не медлили сказываться въ средѣ ихъ знающіе дѣло. Ссыльные обязаны были заводить овощные огороды и находили большую выгоду въ пріобрѣтеніи лошади, на которой вырабатывалась прибавка денегъ и сверхъ того, зимою, предполагались работы въ заводѣ уже по вольнымъ цѣнамъ (по 50 коп. въ сутки). Изъ холостыхъ ссыльныхъ составлялись продовольственныя артели. Такъ какъ на солеваренные заводы поступали большею частію ссыльные изъ бродягъ и посылались отъ губернскихъ начальствъ люди впредь «до собранія справокъ», то ихъ держали въ тюремныхъ казармахъ и въ оковахъ.

Лучшіе люди изъ ссыльныхъ обыкновенно, по выходѣ на такъ называемое «пропитаніе» съ окончаніемъ срока заводской каторги, за болѣзнію, старостію или увѣчьемъ, старались обзавестись домомъ и хозяйствомъ. Холостые спѣшили жениться на ссыльныхъ же женщинахъ; семейные охотно принимали къ себѣ въ домъ холостыхъ съ платою до 4 руб. въ мѣсяцъ за харчи и квартиру. Благонадежнымъ заводскія начальства обязаны были помогать выдачею лѣса, дровъ и матеріаловъ, а также лошади. Въ свободное отъ заводскихъ работъ время ссыльные могли наниматься у крестьянъ возчиковъ соли. Усердные изъ рабочихъ проживали на заводахъ два—три года, въ состояніи были купить готовый и построить новый домъ (на Иркутскомъ заводѣ въ пять лѣтъ было выстроено новыхъ домовъ 9, скуплено готовыхъ 14). Дѣти ссыльно-рабочихъ поступали въ крестьянское сословіе, но тяглыми крестьянами дѣлались не раньше, какъ по достиженіи ими 18-ти лѣтняго возраста. Этихъ малолѣтковъ заводскіе контрагенты предпочитали всѣмъ остальнымъ ссыльнымъ рабочимъ изъ взрослыхъ. Склонные къ бродяжеству и побывавшіе въ бѣгахъ обыкновенно выпускались изъ тюремъ на работу въ кандалахъ и работали отдѣльно отъ прочихъ подъ конвоемъ вооруженной стражи изъ казаковъ. Казачьи команды обязательно состояли при всѣхъ солеваренныхъ заводахъ.

Помѣщенные въ казармахъ ссыльные жили пьяно, распутно, часто затѣвали кровавыя драки. Наказывать рабочихъ контрагенты не имѣли права, но только смотритель, въ помощь которому и давался заводскій гарнизонъ. Однако бить по щекамъ, таскать каторжнаго за волосы и за бороду могъ всякій безотвѣтно и безнаказанно. Противъ лѣниваго, непослушнаго и наглеца смотритель призывалъ солдатъ и розгами розыскивалъ и возстановлялъ правду. Ссыльные сильно тосковали объ родинѣ, и пускались въ бѣга въ долговременную, длинную до безконечности и неблагонадежную до отчаянія дорогу. Оставшіеся въ заводахъ сильно пьянствовали и притомъ страшно воровали. Бывали времена, что и въ самыхъ селеніяхъ не было безопасности. Арестантъ, по мѣстной сибирской поговоркѣ, поставленной въ заголовкѣ этой статьи, «ѣлъ прошеное, носилъ брошеное и жилъ краденымъ», въ виду того, что на заводѣ «соли» злодѣйки» сусѣки стоятъ, а табаку «свѣту» ущипнуть нѣту.

Мимо воротъ, у которыхъ сидѣлъ свой братъ изъ стариковъ, еще находившихся въ силахъ, бѣжали заводскіе рабочіе на волю обыкновенно въ теплое время, чаще весною. По этой причинѣ путешествіе въ лѣса на языкѣ ссыльныхъ получило названіе «идти кукушку слушать» или «уходить на вѣсти къ генералу Кукушкину». Уходилъ рабочій въ бѣга съ предварительнымъ запасомъ одежды и пищи; возвращался въ изорванной въ клочья одеждѣ, отощалымъ отъ голодовки, нерѣдко съ одичалымъ взоромъ. Возвращались съ приближеніемъ холодовъ; уходили въ теплое время не всегда для родныхъ мѣстъ, но чаще по неизлечимой стра-

сти къ бродяжеству, а всего наиболѣе, съ цѣлью избавиться отъ заводскихъ работъ и отдохнуть на полевыхъ или луговыхъ крестьянскихъ и при этомъ на улучшенной пищѣ и за денежное вознагражденіе. Вся нравственная тягость казенныхъ заводскихъ работъ именно въ томъ и заключалась, что работы эти худо оплачивались, безъ разбора праздниковъ, съ несоразмѣрнымъ количествомъ «уроковъ», безъ отдыха и награды. Наибольшая часть убѣгавшихъ съ заводовъ дальше окрестностей ихъ не уходила. Въ примѣненіи рабочей силы ссыльныхъ въ особенности нуждаются отдѣльныя сибирскія хозяйства, такъ наз. «заимки». Въ нихъ-то и стремились всѣ тѣ, которые владѣли еще здоровыми руками и неломанными спинами. Когда въ Иркутскомъ усольѣ задавался казною большой выходъ соли, требовавшій 400—500 рукъ, а на лице было всего 150 рабочихъ (всѣ остальные на прогулкѣ въ бѣгахъ), начальникъ завода снаряжалъ въ сосѣднія мѣста и лѣса облаву, которая и выставляла требуемое количество рабочихъ. Именно этотъ Иркутскій солеваренный заводъ былъ богатъ побѣгами, и по удобству мѣстности и по тяжести работъ. Прочіе заводы отъ него недалеко отстали. Вотъ опредѣлительныя цифры, взятыя на выдержку:

Изъ Иркутскаго	въ 1837 г.	363 чел.,	въ 1838—	238	въ 1839—	248,	въ 1840—	359.
» Троицкаго	» »	» 181	» »	» 164	»	» 206	»	» 171.
» Селенгинскаго	» »	» 38	» »	» 74	»	» 36	»	» 28.

Изъ послѣдняго завода сбѣжало меньше не потому, чтобы тамъ надзоръ былъ строже и меньше средствъ и поводовъ къ побѣгамъ, а потому, что количество рабочихъ тамъ никогда не превышало 200 человѣкъ каждый годъ. Изъ Иркутскаго солеваренпаго завода въ 1834 году изъ 1000 человѣкъ пустилось въ бѣга 976, т. е. сбѣжалъ почти весь заводъ, такъ что рабочую команду безпрерывно пополняли новыми людьми. Въ послѣдующіе годы цифра побѣговъ, какъ мы показали выше, начала постепенно уменшаться и въ годовыхъ отчетахъ встрѣчается неизмѣнная стереотипная фраза, что о благостояніи команды заводское начальство принимало всѣ зависящія отъ него мѣры. Однако кража соли на этомъ заводѣ, какъ и на всѣхъ прочихъ, была сильно развита.

Прибрежные жители Ангары каждой весной, тотчасъ по проходѣ льда въ рѣкѣ, обязательно видятъ плывущіе мимо наскоро сложенные плоты, бревна въ три—четыре, связанные ветлами и съ накладенной грудами «вѣтошью» (т. е. прошлогодней травою) и съ какой нибудь носильною рванью. На плотѣ человѣка три—четыре: это несомнѣнно бродяги, пустившіеся искать счастья въ Россіи, не найдя его въ Нерчинскихъ рудникахъ. Подъ именемъ «горбачей» (за заплечныя котомки) дѣлаются они извѣстными потомъ передъ Красноярскомъ и за Томскомъ на Барабѣ и подъ именемъ «куклышей четырехугольной губерніи» большими сотнями наполняютъ потомъ всѣ русскіе и сибирскіе остроги. Какъ ни быстра рѣка Ангара, какъ ни бодро заводское иркутское начальство, подъ самыми окнами котораго плывутъ эти бѣглые съ чужой каторги, очень немногимъ бродягамъ доводится гулять на своей волѣ и при своемъ трудѣ. Въ весеннее время, при заводскихъ надобностяхъ, нѣсколько солдатъ въ состояніи привести изъ лѣсу и наловить на плотахъ въ одинъ день человѣкъ по 12—15. Тутъ не часты свои заводскіе бѣглые; обычнѣе гости съ дальнихъ нерчинскихъ заводовъ, которые просятъ одной лишь милости: задержать ихъ здѣсь и не возвращать туда обратно, съ насмѣшливымъ прозвищемъ «оборотнями».

Всѣ эти факты наводятъ на очень грустныя размышленія, если принять во вниманіе особенное, исключительное значеніе соли для всей вообще сибирской промышленности. Неразвитость соляной промышленности можно назвать роковою ошибкою ,помѣшавшею развитію въ Сибири разныхъ другихъ промысловъ, въ которыхъ соль играетъ существенную роль. Возьмемъ, напримѣръ, несмѣтное рыбное богатство Сибири. Помимо удовлетворенія насущныхъ потребностей мѣстнаго населенія, рыбная промышленность не могла получить должнаго раз-

витія именно по недостатку соли. Даже мѣстное населеніе терпитъ нерѣдко большую нужду именно потому, что, вслѣдствіе недостатка соли, нельзя заготовить рыбы впрокъ достаточно хотя бы для продовольствія самихъ себя и своихъ собакъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, съ развитіемъ соляной промышленности, мѣстное населеніе могло бы и само продовольствоваться несравненно лучше и сбывать значительную часть продуктовъ, заготовленныхъ впрокъ, на громадныя разстоянія.

С. Максимовъ.

ОЧЕРКЪ XV.

СИБИРСКІЕ ЛѢСА И ВОЛОКИ.

Общая площадь лѣсовъ и распредѣленіе ихъ по «полосамъ».—Порядокъ пользованія лѣсами.—Сибирскіе волоки и ихъ значеніе.

Я изъ той страны привольной,
Гдѣ начала нѣтъ рѣкамъ,
Гдѣ далекими морями
Лѣсъ бушуетъ по доламъ.

***

Я изъ той земли, гдѣ горы
Тонутъ въ бѣлыхъ облакахъ
И извилисты какъ змѣи,
Расползаются въ степяхъ...

ВЕМИЛУЖИНСКІЙ.

Сибирь принадлежитъ къ числу странъ, богато одаренныхъ лѣсомъ. Въ одной только Западной Сибири площадь лѣсовъ, принадлежащихъ казнѣ, исчисляется въ 110.000,000 десятинъ; въ Восточной Сибири площадь, занятая лѣсомъ, значительно больше, но она здѣсь еще не приведена въ извѣстность. Изобилуетъ лѣсомъ, притомъ весьма разнообразныхъ и цѣнныхъ породъ, также и Приморско-Амурскій край.

Огромныя лѣсныя богатства распредѣлены, однако, неравномѣрно по обширной территоріи Сибири; наибольшее количество лѣса находится въ сѣверной ея части, и почти совершенно отсутствуетъ лѣсъ въ южныхъ частяхъ Сибири. По степени лѣсистости, вся Сибирь можетъ быть раздѣлена на три полосы, изъ которыхъ каждая отличается характерными признаками и расположена въ направленіи отъ запада къ востоку.

Первая полоса сѣверныхъ высокоствольныхъ лѣсовъ тянется черезъ всю Сибирь отъ Урала до восточныхъ береговъ Камчатки. Это — полоса сибирскихъ «урмановъ» и «тайги, лѣсныя пространства которой прерываются только обширными болотами и непроходимыми топями, почему многія мѣстности огромной сѣверной тайги, безспорно, могутъ быть названы первобытными,—въ нихъ до-сегодня не удалось проникнуть и самымъ отважнымъ звѣроловамъ; въ этихъ недоступныхъ для человѣка мѣстахъ долго еще будутъ хозяйничать однѣ только стихійныя силы природы.

Преобладающими древесными породами въ этой полосѣ являются хвойныя: сосна, лиственница, пихта, ель и кедръ. Лиственныя породы лѣса имѣютъ ничтожное значеніе; по болотамъ, въ видѣ примѣси, ростутъ осина и ива, а по опушкамъ таежныхъ мѣстъ встрѣчается береза. Въ Западной Сибири, преимущественно въ урманахъ тарскомъ, тобольскомъ и туринскомъ, въ

видѣ «подлѣска» (кустарника), встрѣчается липа, которая доставляетъ лыко и мочало, служащія предметомъ заработка мѣстному населенію.

Лѣсныя пространства этой громадной полосы хранятъ въ себѣ неистощимый запасъ прекраснаго строеваго матеріала. Нерѣдки мѣстности, въ которыхъ на сотни верстъ во всѣ стороны стоятъ чистыя насажденія сосны; огромныя деревья своими сомкнутыми вершинами заслоняютъ небо, а совершенно обнаженные на значительную высоту, прямые стволы до такой степени однообразны, что попавшіе въ такое мѣсто сибирской тайги человѣкъ или крупный звѣрь—не могутъ выбраться оттуда. Даже опытные звѣроловы-кочевники опасаются далеко проникать въ эти, по ихъ мнѣнію, «заколдованныя» урочища и каждый свой шагъ отмѣчаютъ затесками на деревьяхъ. Лѣса этой полосы—богатство будущаго; они ждутъ своей очереди. Бичъ лѣсовъ, въ настоящее время, представляютъ только лѣсные пожары, которые нерѣдко производятъ опустошенія на сотни верстъ; но на мѣсто выгорѣвшаго лѣса вскорѣ является молодой подростъ со своимъ естественнымъ подборомъ. Необходимо замѣтить, однако, что южная черта полосы высокоствольнаго лѣса постепенно отодвигается къ сѣверу, уступая мѣсто хлѣбопашеству.

Вторая полоса березоваго лѣса занимаетъ всю низменную, или, такъ называемую, степную часть Сибири. Пространство это занято осѣдлымъ населеніемъ и почти совпадаетъ съ такъ называемой «культурно-земледѣльческой» полосой Сибири. Главнымъ и, можно сказать, единственнымъ лѣснымъ насажденіемъ этой полосы является береза съ небольшою примѣсью осины и тала (Salix)—на болѣе влажныхъ мѣстахъ и по берегамъ рѣкъ. Хвойныхъ лѣсовъ въ этой полосѣ вовсе не встрѣчается; нѣсколько дачъ съ хвойнымъ насажденіемъ расположены только по окраинамъ березовой полосы.

Береза растетъ на черноземной почвѣ, и потому полоса эта наиболѣе населена и особенно характерна для Западной Сибири, между среднимъ теченіемъ рѣки Тобола и верхнею частью рѣки Оби. Пространство это захватываетъ такъ называемыя «степи»: Ишимскую, Акмолинскую, Куруджинскую и Барабинскую. Хотя подъ словомъ «степь» принято разумѣть совершенно безлѣсное пространство, но въ Сибири, за исключеніемъ всей киргизской степной окраины, всѣ остальныя равнины покрыты, болѣе или менѣе, часто березовыми перелѣсками или куртинами (по мѣстному выраженію «колки»), которые придаютъ мѣстности чрезвычайно своеобразный видъ. Березовые колки, сливаясь въ нѣкоторомъ отдаленіи, имѣютъ видъ сплошного лѣса; проѣзжая сотни и тысячи верстъ по западно-сибирскому тракту, путникъ вездѣ видитъ на горизонтѣ какъ бы сплошные лѣса. Если мѣстами березовые колки отсутствуютъ, то въ большинствѣ случаевъ это произошло вслѣдствіе истребленія ихъ топоромъ и огнемъ и слѣдовавшею, затѣмъ, пастьбою скота. Такъ кочевое населеніе Акмолинской области своими многочисленными стадами постепенно отодвигаетъ къ сѣверу черту древесной растительности въ степяхъ, почему съ юга все болѣе и болѣе надвигается безплодная пустыня. Сохраненіе этихъ рощицъ въ степяхъ составляетъ главнѣйшую заботу мѣстныхъ властей, особенно теперь, когда черезъ эту мѣстность проводится желѣзная дорога. Распредѣленіе березовыхъ колковъ по степной поверхности, большею частью, можно назвать идеальнымъ; это то именно сочетаніе лѣса и пашень и пастбищъ, которое вездѣ или всегда желательно въ интересахъ сельскаго хозяйства. Только благодаря счастливому для земледѣльца распредѣленію лѣсовъ въ этой полосѣ Сибири, несмотря на не совсѣмъ благопріятныя атмосферическія условія и посредственную почву, посѣвы и травы ростутъ хорошо; населеніе этой полосы не знало бы неурожаевъ, если бы кобылка, гнѣздящаяся постоянно въ безлѣсной Киргизской степи, не заползала на сочные посѣвы воздѣлываемыхъ полей. Въ этой, наиболѣе населенной полосѣ береза доставляетъ крестьянину все: строевой, дровяной и подѣлочный лѣсъ; всѣ избы и хозяйственныя постройки въ деревняхъ изъ березоваго лѣса, крыши изъ березовой коры; береза же служитъ исключительнымъ матеріаломъ для топлива, какъ въ городахъ и селеніяхъ, такъ и на заводахъ, а

также для всѣхъ подѣлокъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ. Полосу эту въ настоящее время прорѣзаетъ магистраль желѣзной дороги, что вызвало еще большее потребленіе березовыхъ дровъ.

Третья полоса горныхъ лѣсовъ охватываетъ всю Сибирь съ юга. Начиная съ Семирѣчья и до Владивостока идетъ почти непрерывная цѣпь горъ, имѣющихъ разныя названія: Тяньшань, оба Алатау, Алтай, Саянскія, Становой хребетъ, Яблоновыя и др. Сѣверные склоны этихъ горъ почти повсюду покрыты лѣсомъ. Здѣсь лѣсная растительность чрезвычайно разнообразна, но преобладаютъ хвойныя породы: лиственница, пихта, сосна, кедръ; породы эти даютъ прекраснаго качества строевой матеріалъ; однако, использованіе горнаго лѣса представляетъ огромныя трудности. Горныя лѣсныя дачи удалены отъ населенныхъ мѣстъ, заготовка лѣса на крутыхъ склонахъ горъ сопряжена съ немалыми затрудненіями; нерѣдко лѣсъ растетъ на сопкахъ съ такими крутыми боками, что срубленное дерево падаетъ внизъ и разбивается въ щепу, повреждая при этомъ всѣ молодыя деревца, встрѣчающіяся на пути. Рѣки въ гористыхъ мѣстахъ порожисты и не допускаютъ сплава. Въ Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ киргизы перевозятъ бревна изъ ущельевъ на верблюдахъ. Горные лѣса имѣютъ весьма важное значеніе въ экономической жизни края; кромѣ того, съ проведеніемъ желѣзной дороги, явится частная предпріимчивость въ дѣлѣ использованія лѣсныхъ богатствъ; лѣса, покрывающіе крутые склоны горъ, служатъ могучимъ регуляторомъ половодья рѣкъ и влажности воздуха. Поэтому, правильное хозяйство въ горныхъ лѣсахъ и защита ихъ отъ истребленія составляютъ настоятельную потребность Сибири.

Лѣсныя пространства Сибири, не приносившія, а во многихъ мѣстахъ и теперь не приносящія никакого дохода казнѣ, долгое время были свободны отъ какого бы то ни было хозяйственнаго присмотра. Еще въ настоящее время въ законѣ имѣется указаніе, что «сибирскимъ обывателямъ предоставляется свовободное употребленіе лѣсовъ на всѣ ихъ надобности и на построеніе судовъ безденежно.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ правительство начало заботиться о введеніи нѣкотораго порядка въ пользованіи лѣсомъ въ Западной Сибири. Въ 1863 году въ губерніяхъ Томской и Тобольской и въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской введены въ дѣйствіе временныя правила «о попенныхъ и посаженныхъ деньгахъ» за право пользованія лѣсомъ. Охрана лѣсовъ въ Западной Сибири возлагалась означенными правилами исключительно на обязанность сельскаго населенія, съ предоставленіемъ ему, взамѣнъ этого, безплатно пользоваться лѣсомъ на свои собственныя надобности, но не на продажу. Наблюденіе за исполненіемъ правилъ возложено было на волостныя правленія. Ожидаемой пользы мѣра эта, однако, не принесла; населеніе было обременено натуральною повинностью, лѣсъ вырубался для заводовъ и городовъ, а казна дохода не получала.

Въ видахъ правильнаго веденія хозяйства въ лѣсахъ Западной Сибири, съ 1884 года здѣсь учреждено лѣсное управленіе на тѣхъ же началахъ, на какихъ управляются казенные лѣса въ Европейской Россіи, причемъ для надзора за лѣсами введена наемная лѣсная стража; на крестьянахъ же лежитъ обязанность наблюдать за лѣсомъ, предоставленнымъ въ ихъ пользованіе. Въ теченіе своего восьми-лѣтняго существованія, управленіе немало сдѣлало для упорядоченія казенныхъ лѣсовъ въ Западной Сибири: дачи приведены въ извѣстность и описаны, въ рубку назначается ежегодно только то количество лѣса, которое возможно по состоянію насажденій каждой дачи, урегулированы таксы, установленъ надзоръ за сплавомъ лѣса и доставкою его на пароходныя пристани, огнедѣйствующіе заводы и фабрики. Путемъ такихъ мѣропріятій, безъ всякого обремененія мѣстнаго сельскаго населенія, которое по прежнему пользуется лѣсомъ на свои домашнія надобности безплатно, пришлось довести доходъ казны отъ государственныхъ имуществъ въ Западной Сибири до 500.000 рублей въ годъ. Цифра эта значительная для настоящаго времени, при существующихъ весьма низкихъ цѣнахъ на древесные матеріалы, не можетъ дать и приблизительнаго понятія о той громадной суммѣ доходовъ, ко-

торую обѣщаютъ казнѣ лѣсныя богатства Сибири въ ближайшемъ будущемъ, когда проводимая желѣзная дорога увеличитъ потребленіе древеснаго матеріала изъ сѣверной высокоствольной лѣсной полосы, а на югѣ съ горныхъ лѣсовъ будетъ организованъ правильный сбытъ его въ приграничныя совершенно безлѣсныя мѣстности Китайской имперіи.

Въ Восточной Сибири всѣмъ обывателямъ попрежнему предоставлено свободное употребленіе государственныхъ лѣсовъ на всѣ ихъ надобности, и лѣсной надзоръ совершенно отсутствуетъ; до настоящаго времени объявлена за казною только одна лѣсная дача, и то только вслѣдствіе ходатайства иркутскаго общества охотниковъ, принявшаго на себя охраненіе этой дачи. Въ настоящее время, вслѣдствіе увеличенія населенія и заводской промышленности, а также въ виду предстоящаго проведенія сибирской желѣзной дороги и ожидаемыхъ приэтомъ заселенія и промышленнаго развитія прилегающихъ къ ней мѣстностей, принятіе мѣръ къ сбереженію важнѣйшихъ лѣсовъ Восточной Сибири признано неотложнымъ. Министерство Государственныхъ Имуществъ отправляетъ партію лѣсныхъ чиновъ, для исполненія закона объ изъятіи изъ свободнаго пользованія сибирскихъ обывателей лучшихъ и важнѣйшихъ казенныхъ лѣсовъ и о сбереженіи ихъ на будущее время, посредствомъ образованія заказныхъ лѣсныхъ дачъ, а также объ охраненіи государственныхъ лѣсовъ, приписанныхъ къ разнымъ промысламъ, заводамъ и фабрикамъ.

Въ Приамурскомъ краѣ къ приведенію казенныхъ лѣсовъ въ извѣстность и къ выдѣленію лучшихъ изъ нихъ въ заказныя рощи приступлено съ 1888 года; но результаты дѣйствій командированныхъ въ этотъ край лѣсныхъ чиновниковъ еще не выяснились, таксы на продажу лѣса не установлено, и государство никакихъ доходовъ отъ своихъ обширныхъ имуществъ въ этой части Сибири не получаетъ.

Въ непосредственной связи съ состояніемъ лѣсовъ находится также и положеніе рѣкъ въ странѣ. Благодаря изобилію лѣсовъ, сибирскія рѣки, какъ извѣстно, многоводны, что, при изобиліи ихъ въ странѣ и благопріятномъ расположеніи, облегчаетъ сношенія на всемъ протяженіи обширнѣйшей сибирской территоріи.

При недостаточномъ знаніи географіи, невозможно даже и при помощи географической карты прослѣдить эту связь между отдѣльными рѣками, послѣдовательно проходящую рѣшительно черезъ всю Сибирь, начиная отъ уральскаго перевала до Великаго Океана. Это — такъ называемые *волоки*. Пользуясь этою естественною близостью и связью между отдѣльными рѣками, русскіе промышленники, еще болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, хаживали черезъ всю сибирскую территорію, во всевозможныхъ направленіяхъ, перебираясь со своими утлыми суденышками и товарами изъ одной рѣки въ другую, съ запада на востокъ, сѣверъ и югъ.

Но, какъ это ни странно и ни жаль, вопросъ о волокахъ въ Сибири до сихъ поръ остается не разработаннымъ, а между тѣмъ, какъ было сказано уже,—при громадномъ развитіи въ этомъ нраѣ водяныхъ путей сообщенія, волоки могутъ имѣть въ высшей степени важное значеніе для всей торговой, промышленной и экономической жизни всей Сибири. Въ виду этого, пользуясь появившимися въ печати разъясненіями по этому предмету извѣстнаго знатока Сибири, А. Сибирякова, считаемъ необходимымъ познакомить здѣсь, въ общихъ чертахъ, со всѣми волоками, на всемъ протяженіи сибирскаго материка отъ Уральскаго хребта до Великаго океана.

Къ рѣкѣ Печорѣ съ Сѣверной Сосьвы, кромѣ Сосвинскаго волока, есть еще другой волокъ, именно—между рѣкою Сыгвой, притокомъ рѣки Сѣверной Сосьвы, и устьемъ Щугора, впадающаго въ Печору; но онъ имѣетъ значеніе только для передвиженія въ зимнее время

хлѣбныхъ грузовъ, сбытъ которыхъ производится только на Печорѣ, и проходитъ черезъ мѣста, большею частью тундристыя и болотистыя, хотя и лѣсистыя, гдѣ проводить грунтовую дорогу трудно, по крайней мѣрѣ, безъ особенныхъ на это и довольно большихъ затратъ. Въ настоящее время онъ уже достаточно извѣстенъ и даже внесенъ на нѣкоторыя карты. При устройствѣ-же на этомъ волокѣ желѣзной дороги, онъ получилъ-бы громадное значеніе для Сибири въ отношеніи доставки грузовъ за границу чрезъ устье Печоры, такъ какъ соединилъ-бы кратчайшимъ путемъ бассейнъ Оби съ тою частью Печоры, откуда навигація обыкновенно становится возможною почти въ теченіи всего лѣта.

Отъ устья Ляги на Илычѣ идутъ два пути въ Сибирь: одинъ на Лозьву, другой — на Сосьву. Послѣдній путь можетъ выходить къ устью Маньи или къ устью Пейсса, притоковъ послѣдней рѣки. Рѣка Манья течетъ въ направленіи обѣихъ дорогъ; но путь къ Пейссу уже отъ Ляги поворачиваетъ въ другую сторону.

Что касается маньинскаго пути на Сосьву, который приводитъ къ устью Маньи и замѣчателенъ также по своему незначительному протяженію, то о немъ необходимо упомянуть, потому что весной Сосьва можетъ быть судоходна даже отъ устья Маньи, а этотъ путь, кромѣ того, едва-ли не суше другихъ.

Отъ остяцкой пристани, чтобы слѣдовать на Манью, нужно держаться направленія рѣки Ляги, на которой эта пристань находится [1]), и именно до притока ея Чуподавожа, а отсюда недалеко уже останется до перевала черезъ Уралъ. Перевалъ этотъ не представляетъ крутого подъема. Здѣсь, вѣроятно, пролегала старинная остяцкая дорога, которая и приводитъ къ Маньѣ сначала черезъ одну вершину, а потомъ черезъ другую, по которой затѣмъ опускается къ такъ называемому маньинскому казенному амбару [2]). Отъ этого амбара до устья Маньи считается около 25 верстъ. Правый берегъ Маньи суше лѣваго. Вообще, на этомъ перевалѣ мало тундры и, во всякомъ случаѣ, несравненно меньше, чѣмъ на Щугурскомъ перевалѣ черезъ Уралъ. Низменныхъ мѣстъ здѣсь попадается не мало, но большею частью нога чувствуетъ подъ собой твердую почву, которая, вообще, камениста.

Путь на Сосьву, выходящій къ устью Пейсса, отличается тѣмъ, что съ этого мѣста Сосьва становится значительною рѣкою и, вѣроятно, сюда во всякое время лѣта можно доходить на пароходахъ съ небольшою осадкою; весной-же, какъ я сказалъ выше, Сосьва можетъ быть судоходна и до устья Маньи.

Итакъ, этотъ волокъ черезъ Уралъ соединяетъ систему Сѣверной Двины (если будетъ устроенъ каналъ между Вычегдой и Печорой) съ бассейномъ Оби — Енисея — Ангары и мы, такимъ образомъ, переходимъ къ другимъ волокамъ, находящимся уже на другихъ концахъ этой громадной системы водяныхъ сообщеній, а именно: къ Илимскому волоку, служащему для сообщенія Ангары съ Леной и черезъ озеро Байкалъ, по Селенгѣ и притоку ея Чикою, къ чикойскому волоку, служащему для сообщенія черезъ Яблоновый хребетъ Забайкалья съ Амуромъ. Оба они незначительны по протяженію. Въ настоящее время первымъ изъ нихъ стали пользоваться даже лѣтомъ для доставки товаровъ по Ленѣ изъ Енисейска, а послѣднимъ пользуются чикойскіе крестьяне только въ зимнее время.

Илимскій волокъ не менѣе замѣчателенъ, чѣмъ сосьвиньскій. Онъ также представляетъ

[1]) Въ виду остяцкой пристани (въ верстахъ 30) и сходится гора съ такъ называемыми болванами, нѣчто вродѣ каменныхъ столбовъ, которые настолько велики, что въ ясную погоду даже отсюда видны. Они стоятъ на самомъ хребтѣ горы. Такіе-же болваны есть на печорскомъ перевалѣ черезъ Уралъ (верховье Печоры отсюда не далеко), также находящемся близъ этого мѣста, но эти выше и еще рельефнѣе выступаютъ на горизонтѣ. Образованіе этихъ столбовъ на вершинѣ горы требуетъ изслѣдованія; у остяковъ эти болваны служатъ предметомъ поклоненія, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ форму человѣческихъ фигуръ. Ихъ около семи. Сосвинскіе остяки собираются сюда шаманить. Остяцкія названія рѣкъ встрѣчаются и по другую сторону Урала; это показываетъ, что остяки прежде жили, или, по крайней мѣрѣ, кочевали и за Ураломъ.

[2]) Онъ былъ устроенъ экспедиціей министерства государственныхъ имуществъ; вблизи его производились розыски золота, которые, къ сожалѣнію, кажется, не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ, хотя признаки его существованія и были найдены.

собою узелъ соединенія рѣкъ, а именно: Ангары, другой части ея-же, называемой Верхней Тунгузкой, и Лены. Въ этомъ узлѣ заштатный городъ Илимскъ служитъ какъ-бы центромъ, отъ котораго по рѣкѣ Илиму до устья послѣдняго считаютъ около 170 верстъ, къ Ленѣ до устья Кута около 150 верстъ и, наконецъ, отъ него-же до Памыря и Ангары, который уже находится въ пароходномъ сообщеніи съ Иркутскомъ, около 100 верстъ [1]). Такимъ образомъ, отъ устья Кута до устья Илима черезъ Илимскъ будетъ 320 верстъ (этотъ путь ведетъ къ Енисейску), а до Памыря черезъ тотъ-же Илимскъ будетъ 250 верстъ (этотъ путь ведетъ съ Лены къ Иркутску). Если допустить, что рѣка Илимъ, какъ доказываютъ сплавляемыя по ней суда съ солью въ Енисейскъ, весной—судоходна, то волокъ, раздѣляющій Верхнюю Тунгузку отъ Лены, будетъ всего только въ 150 верстъ [2]). Этотъ волокъ не можетъ представлять затрудненій для проведенія черезъ него желѣзной дороги.

Насколько важно это сообщеніе для Лены, можно судить по тому, что хлѣбъ на Ленѣ иногда поднимается очень высоко въ цѣнѣ и тогда, да если еще случится (какъ это бывало) неурожай на Ангарѣ, откуда и нынѣ на Лену доставляется около милліона пудовъ хлѣба почти ежегодно [3]), единственнымъ мѣстомъ, откуда его можно достать, будетъ Минусинскъ, именно, на пароходахъ по Енисею и Ангарѣ до устья Илима. Все это показываетъ, насколько необходимо было-бы устроить прямую грунтовую дорогу отъ устья Илима до устья Кута, которая, въ общемъ, если провести ее прямо, что вполнѣ возможно, вѣроятно, будетъ гораздо менѣе 320 верстъ, такъ какъ Илимъ—рѣка довольно извилистая, разстояніе-же въ 170 верстъ считалось, какъ выше сказано, по рѣкѣ Илиму.

Хотя возлѣ Якутска переселенные туда скопцы и завели хлѣбопашество и даже настолько успѣшно, что этимъ понизили цѣну сплавнаго хлѣба, но, во всякомъ случаѣ, только верховья Лены обладаютъ мѣстами удобными для хлѣбопашества, а остальная часть ея и ея притоковъ имѣетъ другія богатства, именно, минеральныя. Впрочемъ, повидимому, по Алдану есть мѣста, удобныя для земледѣлія. Что-же касается главнаго притока Лены, рѣки Витима, то и онъ, начиная отъ устья Мти, течетъ въ горахъ, такъ называемыхъ гольцахъ, и обладаетъ преимущественно золотомъ.

По тѣмъ-же волокамъ, съ большими удобствами въ отношеніи сбереженія времени и капитала, могутъ доставляться на Лену товары изъ Европейской Россіи и въ свою очередь посылаться туда ленскіе товары, которые теперь изъ Томска отправляются обыкновенно черезъ Жигаловскую пристань и Иркутскъ грунтовыми дорогами вмѣсто воднаго пути по Ангарѣ.

Чикойскій волокъ такое значеніе имѣетъ для Амура, какое Илимскій для Лены. Хотя на Амурѣ и усиливается хлѣбопашество, напр., на его притокахъ Зеѣ и Уссури, однако, извѣстно, что собственно намъ принадлежащій берегъ Амура большею частью гористъ, мало имѣетъ удобныхъ мѣстъ для земледѣлія и, по всей вѣроятности, такъ-же какъ Лена и Витимъ, протекающіе по другую сторону того-же Яблоноваго хребта, обладаетъ минеральными богатствами [4]).

Въ настоящее время много содѣйствуютъ пониженію цѣнъ на хлѣбъ на Амурѣ китайцы, которые, какъ исконные земледѣльцы, находятъ возможнымъ съ выгодою участвовать въ поставкахъ хлѣба, овса и проч. припасовъ на амурскіе пріиски. Не очень давно они стали сплавлять хлѣбъ даже въ Хабаровку на своихъ джонкахъ [5]) по Сунгарѣ, этому значительному

---

1) Между Илимскомъ и Памыремъ устроена грунтовая дорога при графѣ А. П. Игнатьевѣ.

2) Рѣка Илимъ вскрывается раньше Ангары.

3) Черезъ жигаловскую пристань и по Илгѣ; хлѣбъ сплавляется весной въ баркахъ, поднимающихъ около 5,000 пудовъ, такъ какъ Лена мелководна въ своей верхней части, выше устья Кута.

4) Серебро въ Восточной Сибири пока извѣстно только въ Якутской области по Алдану, гдѣ оно ранѣе добывалось казной. Кромѣ того, у тунгусовъ Колымскаго края встрѣчаются вещи, сдѣланныя ими изъ серебра. Серебро есть и на Амурѣ, гдѣ разработка его, по всей вѣроятности, удобнѣе, чѣмъ въ Забайкальѣ.

5) Небольшія сплавныя суда.

притоку Амура, устье которой они сдѣлали недоступнымъ для нашихъ пароходовъ, хотя, по трактату съ Китаемъ, онъ долженъ-бы быть доступнымъ для русскихъ [1]). Но если мы не будемъ разсчитывать на китайскій хлѣбъ, тѣмъ болѣе, что привыкли ѣсть свой русскій, т. е. рожь, которой они не имѣютъ, то, при увеличеніи населенія на Амурѣ, едва-ли главной житницей его не должно считать Забайкалье. Нѣсколько, напримѣръ, лѣтъ тому назадъ, когда на Амурѣ былъ хлѣбъ дорогъ, изъ Забайкалья начали отправлять туда хлѣбъ и именно тѣмъ волокомъ, о которомъ говорится, т. е. чикойскимъ, хотя нѣсколько иной дорогой, Жоргеемъ, его притокомъ. Тогда въ одну зиму было отправлено на Амуръ около 100,000 пуд. хлѣба, не смотря на полное неудобство сообщеній, такъ какъ, въ настоящее время, между Чикоемъ и Ингозой, можно сказать, не существуетъ дороги.

Отъ Чикоя до Ингозы волокъ этотъ имѣетъ протяженіе всего около 180 верстъ. Почти до самаго Шамбелика весной, вѣроятно, можно ходить мелководнымъ пароходамъ. Эта рѣка и Хилокъ — лучшіе притоки Селенги, но они остаются безъ пользы, потому, что теперь волокомъ, соединяющимъ Забайкалье съ Амуромъ, иначе Ингозой, служитъ путь отъ Верхнеудинска въ Читу, протяженіемъ въ 440 верстъ, который проходитъ по пустыннымъ, частью безводнымъ, и даже мало населеннымъ мѣстамъ и то не русскими, а бурятами. Отъ Шамбелика-же черезъ Яблоновый хребетъ до самой Ингозы дорога проходитъ мѣстами, теперь также ненаселенными, хотя они очень удобны для хлѣбопашества и сѣнокошенія и не населены только потому, что принадлежатъ бурятамъ, и деревня Шамбеликъ на Чикоѣ, который весьма густо населенъ до этого мѣста русскими, такъ называемыми семейскими, служитъ послѣднимъ пунктомъ русскаго по Чикою населенія. Если-бы разрѣшено было тутъ селиться русскимъ, то, внѣ всякаго сомнѣнія, весь волокъ до Ингозы былъ-бы скоро заселенъ, такъ какъ по ту сторону его, именно по Ингозѣ, также идутъ густыя русскія населенія и деревни. Дорога здѣсь частью сохранилась отъ прежняго времени, и ее было-бы очень не трудно привести снова въ хорошій видъ, въ какомъ, повидимому, она ранѣе находилась, при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ.

Изъ той-же деревни Шамбеликъ идетъ дорога въ село Малиту на Хилкѣ, по которой прежде ѣздили въ Верхнеудинскъ; она также отчасти сохранилась и потребовала-бы весьма мало труда для возобновленія, такъ какъ отъ Шамбелика до Малитъ очень недалеко; изъ послѣдней выѣзжаютъ въ Мухоръ-Шибиръ и на трактъ, ведущій съ Петровскаго казеннаго завода въ Верхнеудинскъ. Всѣ эти мѣста по Хилкѣ весьма густо населены семейскими и въ урожайные годы изобилуютъ хлѣбомъ, который только ищетъ своего сбыта. Вотъ, почему волокъ этотъ долженъ имѣть большое значеніе и впослѣдствіи, навѣрное, будетъ играть большую роль въ жизни Амура.

При нынѣшнихъ условіяхъ и потребностяхъ сообщенія, волоки, несомнѣнно, утратили уже свое значеніе, въ смыслѣ послѣдовательнаго перехода изъ одной рѣки въ другую на всемъ протяженіи Сибири; но тѣмъ не менѣе, помимо историческаго значенія ихъ, какъ исконныхъ народныхъ русскихъ промысловыхъ путей, волоки имѣютъ громадное значеніе для выясненія взаимнаго отношенія между сосѣдними и отдаленными рѣками, въ видахъ еще большаго объединенія ихъ и облегченія грунтоваго и пассажирскаго передвиженія изъ однѣхъ рѣкъ въ другія.

Мы считали необходимымъ остановиться на вопросѣ о волокахъ именно въ настоящее время, такъ какъ постройка сплошнаго сибирскаго рельсоваго пути, безъ сомнѣнія, оживитъ улучшеніе всѣхъ вообще способовъ сношенія въ Сибири, и тѣмъ болѣе—водныхъ путей.

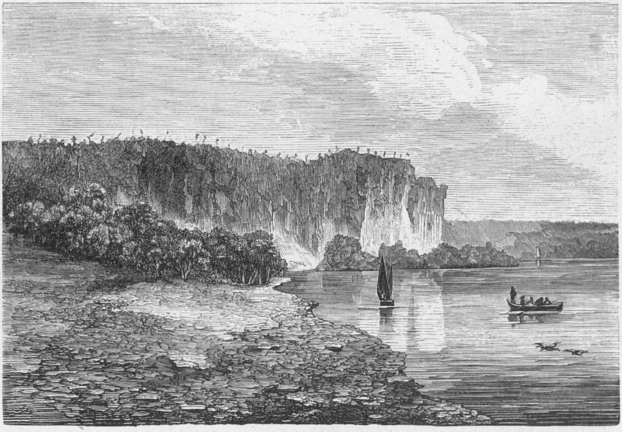
Неустройство водныхъ путей—больное мѣсто Россіи. Вызывая очень серьезныя затрудненія и осложненія въ Европейской Россіи, «неустройство» это тѣмъ болѣе ощутительно въ Си-

---

[1]) Онъ ведетъ къ весьма населеннымъ пунктамъ Китая, каковы большіе города: Гиринъ, Цицигаръ и др.

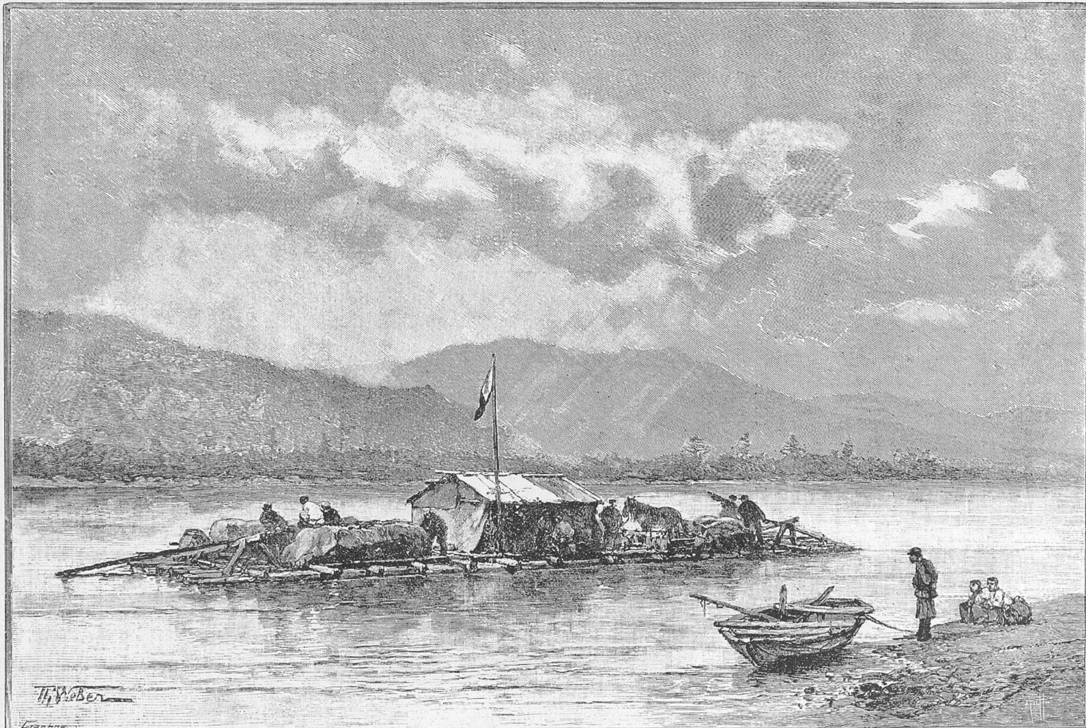
проходитъ черезъ этотъ хребетъ и затѣмъ снова разливается на протоки, хотя берега и становятся по временамъ гористыми, но весьма рѣдко. Въ нижнемъ теченіи Амуръ снова проходитъ гористую мѣстность, начиная отъ устья Сунгари; но здѣсь между раскинутыми хребтами горъ, образующими гористые берега, попадаются также и низменнные луговые берега, въ которыхъ Амуръ образуетъ множество протоковъ и острововъ. Рѣку Сунгари китайцы принимаютъ за главный истокъ Амура и даютъ, какъ ей, такъ и нижнему теченію Амура, названіе Куенъ-Тонгъ.

Амуръ, благодаря многочисленнымъ протокамъ и впадающимъ въ него рѣкамъ, наносящимъ массу песку и ила, образуетъ много острововъ. Всѣ острова, встрѣчаемые на Амурѣ, можно раздѣлить на четыре категоріи. Острова изъ деллювіальныхъ пластовъ, изъ аллювіальныхъ осадковъ. Они состоятъ изъ горизонтальныхъ пластовъ иловатаго, нѣсколько слюдистаго песку, заключающаго въ себѣ прослойки разноцвѣтной глины. Вода, подымающаяся высоко

Впаденіе рѣки Камары.

въ половодіе, постепенно обмываетъ эти острова, такъ что они почти всѣ имѣютъ форму эллипса, главная ось котораго совпадаетъ съ направленіемъ теченія Амура. Во многихъ мѣстахъ эти острова почти совершенно смыты, и тогда они образуютъ мели. Въ низовьяхъ Амура, тамъ гдѣ онъ достигаетъ ширины верстъ до пяти, попадаются острова третьей категоріи, обыкновенно расположенные въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Они образованы наносами песку, причемъ неровность поверхности даетъ возможность предположить, что наносы песчаныхъ бугровъ образовались при сильныхъ прибояхъ воды во время половодья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны высокія песчаныя насыпи, покрывшія пескомъ вѣковыя деревья. Послѣдняя категорія острововъ образована при впаденіи въ Амуръ большихъ притоковъ, такъ что передъ устьями всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ находятся такіе острова. Всѣ острова, образуемые притоками, расположены по теченію, причемъ они имѣютъ округленную форму и большею частью состоятъ изъ горизонтальныхъ осадковъ песку и глины. Тогда какъ острова, образуемые большими протоками, длиною своей лежатъ перпендикулярно

Сплавъ на плоту по Амуру.

ческій интересъ. Опредѣленіе астрономическихъ пунктовъ, равно какъ и производство маршрутной съемки и магнитныхъ наблюденій поручено было лейтенанту Шилейко, помощнику начальника экспедиціи, а общегеографическія и геологическія работы лежали на обязанности г. Толя.

Выѣхавъ 25-го декабря 1892 года вмѣстѣ съ лейтенантомъ Шилейко изъ С.-Петербурга, г. Толь пріѣхалъ въ Иркутскъ 24-го января 1893 года. Здѣсь онъ услыхалъ отъ М. П. Черской, только-что вернувшейся изъ Якутской области, что мѣстонахожденіе мамонта оказывается у устья р. Индигирки, т.-е. на 1.000 верстъ дальше къ востоку, чѣмъ предполагалось по неясному заявленію г. Санникова. Пріѣхавъ въ Якутскъ 23-го февраля, г. Толь получилъ, наконецъ, достовѣрное свѣдѣніе на счетъ мѣстонахожденія мамонта, открытаго Санниковымъ, отъ только-что прибывшаго оттуда лица. Мамонтъ найденъ былъ Санниковымъ въ 1890 году въ береговомъ обвалѣ р. Санга-Юряхъ (Новая рѣка), въ 70 верстахъ на востокъ отъ зимовья Айджергайдахъ, около 73° сѣв. шир. Зимовье это, лежащее на берегу Ледовитаго океана, въ 60 верстахъ къ югу отъ Святаго Носа, послужило въ 1885 г. д-ру Бунге исходнымъ пунктомъ для ново-сибирской экспедиціи.

9-го марта, экспедиція г. Толя тронулась на сѣверъ. Съ р. Алдана начинается ѣзда на оленяхъ, запряженныхъ парами въ легкія сани, такъ называемыя нарты. По живописной долинѣ Тукулана путешественники поднялись къ подножію Верхоянскаго хребта. Черезъ послѣдній они перебрались извѣстнымъ по своей крутизнѣ Тукуланскимъ переваломъ (около 5.000 фут.), на вершинѣ котораго первый разъ вскипятили гипсотермометръ. Якутскъ послужилъ исходнымъ пунктомъ для астрономическихъ, магнитныхъ, метеорологическихъ и гипсометрическихъ наблюденій. Лейтенантъ Шилейко посвятилъ тамъ нѣсколько дней своимъ работамъ, и г. Толь началъ съ Якутска вести гипсометрическій маршрутъ, отсчетомъ анероидовъ, ведя притомъ рядомъ съ послѣдними и метеорологическія наблюденія.

Далѣе на сѣверъ дорога шла по Янской долинѣ до гор. Верхоянска, извѣстнаго за полюсъ холода (въ 1885 г. наблюдалось здѣсь—68° Ц.), а затѣмъ путешественники направились на западъ черезъ Омолойскія горы и по рѣкѣ Омолою—въ тундры къ послѣднему станку Джоелакъ-джанга, откуда прямо на OtN въ село Казачье, куда и прибыли въ ночь передъ Пасхой 27-го марта. Праздники были посвящены приготовленіямъ и распоряженіямъ для дальнѣйшаго пути. Посовѣтовавшись въ Казачьемъ со старыми знакомыми, опытными знатоками этой страны, г. Толь убѣдился въ возможности расширить маршрутъ экспедиціи поѣздкою на собакахъ по льду Ледовитаго океана на Ново-Сибирскіе острова. Вернувшись оттуда, предполагалось отправиться лѣтомъ, верхомъ на оленяхъ, черезъ тундры на западъ къ бассейну рѣки Анабара.

Послѣ праздниковъ баронъ Толь выѣхалъ съ М. Санниковымъ къ мѣсту нахожденія мамонта, въ 250 верстахъ на NO отъ Устьянска, между тѣмъ какъ лейтенантъ Шилейко, занятый еще наблюденіями въ селѣ Казачьемъ, долженъ былъ выѣхать нѣсколькими днями позже. На четвертыя сутки послѣ выѣзда изъ Устьянска начались уже развѣдочныя работы на берегу Санга-Юряхъ, на мѣстѣ нахожденія мамонта. Дюжина опытныхъ рукъ, отчасти якутовъ, работавшихъ уже въ 1886 г. при раскопахъ частей мамонта на Боръ-Юряхъ, открыла на второй день все то, что было замѣчено Санниковымъ въ 1890 году. Такая скорость работы оказалась возможною благодаря тому обстоятельству, что Санниковъ весьма умѣло опредѣлилъ знаками мѣсто своей находки. Къ сожалѣнію, ожиданія Санникова не оправдались: нашлись только небольшіе остатки кожи съ шерстью, части оконечностей съ сохранившимися въ нихъ мозгами и нижняя челюсть молодого мамонта. Черепъ былъ, очевидно, давно разломанъ и, конечно, безъ бивней. Всѣ остатки лежали въ аллювіальныхъ пескахъ рѣки, скрывающихъ послѣтретичныя отложенія, изъ которыхъ рѣка Санга-Юряхъ давно уже успѣла вымыть и снова отложить остатки трупа мамонта. Для окончательнаго разрѣшенія вопроса, казалось нужнымъ

осмотрѣть еще разъ мѣстонахожденіе мамонта послѣ растаяванія снѣга, а тѣмъ временемъ съѣздить на острова.

19-го апрѣля экспедиція бар. Толя покинула материкъ у подножія Святаго Носа и отправилась по льду на островъ Большой Ляховъ. Составъ экспедиціи былъ слѣдующій: г. Толь, лейтенантъ Шилейко, казакъ и три ламута. Путешественники пристали на южномъ берегу острова Ляхова, въ Маломъ Зимовьѣ; въ тотъ же самый день лейтенантъ Шилейко и г. Толь занялись работами. Послѣдній поспѣшилъ къ ледянымъ обрывамъ и на первомъ же шагу натолкнулся на любопытный фактъ. Въ прѣсноводной толщѣ, подъ вѣчнымъ льдомъ, торчали рядомъ съ остатками ивъ (salix) и костями послѣтретичныхъ животныхъ, т.-е. въ мамонтоносномъ слоѣ, цѣлыя деревья ольхи (alnus fruticosa) въ 15 футовъ вышины, съ листьями и даже шишками. Фактъ этотъ ясно доказываетъ, что во время мамонта лѣсная граница простиралась не менѣе какъ на три градуса сѣвернѣе, чѣмъ теперь, именно до 74°. Здѣсь, какъ и въ дальнѣйшей поѣздкѣ по островамъ, именно на островѣ Котельномъ, выяснился окончательно вопросъ о происхожденіи ледяныхъ толщъ, представляющихъ лежачій бокъ всѣхъ прѣсноводныхъ послѣтретичныхъ отложеній Ново-Сибирскихъ острововъ; ледъ вездѣ ясно показывалъ зернистое строеніе, т.-е. происхожденіе изъ снѣжнаго покрова остатка ледниковаго періода. Картину исторіи архипелага удалось пополнить и въ отношеніи девонскаго періода. Картина же нынѣшнихъ климатическихъ условій и животной жизни представилась путешественникамъ совсѣмъ въ другой окраскѣ, чѣмъ въ 1886 году. Во время пребыванія въ 1886 году, еще 1-го мая наблюдался—21° Ц., а въ 1893 г. путешественниковъ встрѣтилъ 24-го апрѣля, на Большомъ Ляховскомъ островѣ, первый дождь, послѣ котораго, однако, послѣдовали настоящія суровыя пурги. Но дождь 24-го апрѣля былъ предвѣстникомъ ранняго наступленія лѣта. И дѣйствительно, на островѣ Котельномъ, по западному берегу котораго участники экспедиціи прослѣдовали до 75° 37′, появились уже въ началѣ мая первые крылатые гости: сперва чайки (Larus argentatus), потомъ гуси, турканы (Sommateria spectabilis), кулики (Tringa islandica) и чайка-разбойникъ (Lestris pomarina), и др. Послѣднія нашли здѣсь обильную пищу—мышей (Lemmus Obensis), единственныхъ зимнихъ обитателей этихъ острововъ; мыши находились въ лихорадочномъ движеніи: однѣ перекочевывали съ острова на островъ, другія съ острова на материкъ, а нѣкоторыя имъ на встрѣчу—съ материка на острова. Бѣлый медвѣдь попадался довольно часто. Одинъ старикъ-великанъ, до-сыта наѣвшійся мышами на островѣ Котельномъ, попался на встрѣчу лейтенанту Шилейко, котырый удачнымъ выстрѣломъ успѣлъ обезпечить питаніе голодавшимъ собакамъ, съ которыми, за неимѣніемъ достаточнаго количества собачьяго корма (сушеной рыбы), путешественники дѣлились мясомъ дикихъ оленей—добычею ловкихъ ламутскихъ охотниковъ. На обратномъ пути заморозки стали все рѣже и рѣже, а на переходахъ, напримѣръ, съ о. Котельнаго на Малый Ляховскій и дальше до материка, участники экспедиціи принуждены были сами тащить свои нарты, такъ какъ торосы, сцементованные зимою крѣпкимъ снѣгомъ, торчали теперь въ мягкой снѣжной кашѣ или въ водѣ и представляли дорогу, по которой собаки отказывались везти. Несмотря на всѣ невзгоды обратнаго пути, длиною около 225 верстъ, путешественники доставили благополучно всѣ коллекціи и иструменты на материкъ 27-го мая.

Началась вторая часть экспедиціи—лѣтняя поѣздка верхомъ на оленяхъ по тундрамъ и черезъ Хараулахскій хребетъ до рѣки Лены. Съ Айджергайдаха экспедиція направилась двумя отдѣльными караванами, такъ какъ барону Толю пришлось еще разъ осмотрѣть мѣстонахожденіе мамонта. И теперь онъ нашелъ подтвержденіе своего перваго мнѣнія, что Санниковъ имѣлъ дѣло только съ остатками раздробленнаго, а не цѣльнаго мамонта; послѣ растаянія снѣга никакихъ новыхъ частей трупа не обнаружилось. Верховая поѣздка на оленяхъ отъ Святаго Носа до Лены, около 1,200 верстъ, убѣдила путешествениковъ въ возможности перебираться черезъ тундры во всѣ времена года и наглядно показала, что нѣтъ распутицы для пу-

тешественника, имѣющаго добраго оленя, для проѣзда черезъ самыя топкія мѣста, и везущаго съ собою «вѣтку» (лодку изъ одного тополя или изъ трехъ лиственничныхъ досокъ), для переправъ черезъ рѣки. На этомъ пути г. Толь опять познакомился съ новыми и характерными чертами полярнаго климата. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, находясь на краю Ледовитаго океана около 72° с. ш., путешественники испытывали $+34°$ Ц., причемъ небо было всегда ясное, что очень благопріятствовало наблюденіямъ лейтенанта Шилейко; необыкновенныя жары причиняли, однако, невыразимыя муки отъ комаровъ.

Перебравшись двумя отдѣльными партіями черезъ Хараулахскій хребетъ, путешественники соединились опять въ урочищѣ Кумахъ-Суръ 19-го іюля, куда лейтенантъ Шилейко направился болѣе сѣвернымъ путемъ съ губы Борхая, между тѣмъ какъ г. Толь перебрался оттуда прямо на западъ въ Булунъ, въ надеждѣ получить здѣсь ожидаемую первую почту, или черезъ посредство 10 рыбныхъ каюковъ, или же на пароходѣ «Лена»; но, къ величайшему прискорбію, изъ Якутска не пришло ни одного письма.

Съ селенія Кумахъ-Суръ, 21-го іюля, началось плаваніе экспедиціи на лодкѣ внизъ по Ленѣ и черезъ Ленскую дельту. Погода не особенно благопріятствовала: стояли вѣтренные, дождливые дни. Несмотря на это, путешественники счастливо проскользнули частью подъ парусами, частью на веслахъ, мимо крутыхъ скалистыхъ береговъ величавой рѣки и ея островов (особенно Тасъ-ары), гдѣ иногда на протяженіи десятковъ верстъ нѣтъ никакой пристани. При остановкахъ удалось собрать палеонтологическія коллекціи (особенно тріасовыя), снять фотографіи, напримѣръ, любопытныхъ ледяныхъ обрывовъ, и пр. Черезъ самую дельту путешественники перебрались по одному изъ безчисленныхъ притоковъ, не обозначенныхъ на картахъ; благодаря только опытности лоцмана они достигли благополучно материка около «Олохонъ-Кроста»—мыса, отъ котораго оставалось только 100 верстъ верховой ѣзды до устья Оленека.

Болкалахъ, какъ послѣднее точно опредѣленное мѣсто, былъ весьма важнымъ пунктомъ для астрономическихъ наблюденій на западъ до устья Енисея. Ясными днями, нужными для работъ лейтенанта Шилейко, г. Толь воспользовался для экскурсій въ окрестностяхъ Болкалаха. Онъ имѣлъ случай возстановить крестъ на могилѣ достопамятныхъ героевъ большой экспедиціи при Аннѣ Іоанновнѣ, лейтенанта Прончищева и его жены, умершихъ здѣсь въ 1737 году отъ цынги; онъ собралъ также дополнительныя коллекціи изъ тріасовыхъ и мѣловыхъ обрывовъ, впервые открытыхъ покойнымъ путешественникомъ А. Чекановскимъ. Эти обрывы послужили г. Толю исходнымъ пунктомъ для геологической съемки неизвѣстнаго до сихъ поръ Анабарскаго края.

12-го августа длинный караванъ, состоявшій изъ полусотни вьючныхъ и верховыхъ оленей, тронулся на западъ въ край, не пройденный ни единымъ изъ европейскихъ путешественниковъ со временемъ Лаптева и Прончищева, т.-е. болѣе полутора столѣтія. Проводниками путешественникамъ служили одинъ долганъ, единственный знатокъ этой мѣстности, и 5 якутовъ.

21-го августа путешественники достигли, наконецъ, главной цѣли — Анабарской бухты у мыса «Бусхая». Теперь, для удовлетворительнаго исполненія главной задачи экспедиціи, недоставало только хорошей погоды и яснаго неба; но вскорѣ погода стала отличною на цѣлый мѣсяцъ: до 20-го сентября было почти безъ исключенія ясное небо и теплые дни. Поэтому лейтенанту Шилейко удалось магистральной съемкой (компасомъ и дальномѣромъ) снять Анабарскую губу и теченіе рѣки Анабара до границы лѣсовъ—до устья рѣки «Уджа», около 400 верстъ. Съемка подкрѣплена пятью астрономически опредѣленными пунктами, рядомъ съ которыми шли и магнитныя наблюденія. Въ это время господину Толю удалось въ высокихъ (до 300 футовъ), нигдѣ не поросшихъ обрывахъ Анабарской губы и самой рѣки до границы лѣсовъ, составить полную картину геологическаго строенія этого

края и собрать большую коллекцію изъ богатыхъ нижнемѣловыхъ отложеній, образующихъ все плато, простирающееся отъ рѣки Лены до Анабара и, вѣроятно, до сѣвернаго конца Хотангской губы. Во всѣхъ найденныхъ г. Толемъ пяти горизонтахъ нижняго мѣла размѣщены теперь почти всѣ раньше только отдѣльно найденныя, или валунами въ сѣверо-восточной Сибири, мезозойскія раковины и особенно аммониты, спорнаго возраста, а вопросъ о томъ, доходила ли трансгрессія юрскаго моря бореальской фаціи до полярныхъ странъ Сибири, рѣшается, вѣроятно, въ отрицательномъ смыслѣ. Что касается вопроса о распредѣленіи суши и моря въ послѣтретичной эпохѣ, то берега Анабарской бухты, именно «Бусхая», показали поучительный разрѣзъ. Здѣсь налегаетъ на нижнемѣловыхъ слояхъ толща, состоящая отчасти изъ остроgranныхъ кристаллическихъ валуновъ, діаметромъ до 20 фут. и больше, отчасти изъ мало окатанныхъ и шлифованныхъ съ ясными шрамами меньшихъ валуновъ. Валуны состоятъ изъ долеритъ-базальта, выходы котораго выступаютъ только въ 400 верстахъ выше Бусхая, начиная съ устья рѣки «Дороха». Эту толщу нельзя иначе принимать, какъ за морену. На ней лежитъ слой вѣчнаго льда, зернистаго строенія, покрытый, въ свою очередь, лесомъ. Такимъ образомъ, недоказанныя до сихъ поръ явленія глаціальнаго періода въ сѣверной Сибири нашлись теперь, а валуны, найденные академиками Миддендорфомъ и Шмидтомъ въ районѣ послѣтретичной трансгрессіи моря, понятны въ настоящее время, какъ глаціальные валуны, перемытые и перенесенные наступившими волнами послѣтретичнаго моря. Покончивъ работы на Анабарѣ, можно было бы вернуться Хитровскимъ путемъ на Булунъ и по извѣстному пути обратно. Но представился случай, слишкомъ заманчивый, чтобы его пропустить, а именно — проѣхать новымъ, еще никѣмъ несдѣланнымъ маршрутомъ на западъ и связать такимъ образомъ астрономически опредѣленные пункты на р. Анабарѣ съ первымъ точнымъ пунктомъ на западѣ — съ селомъ Дудинскимъ на Енисеѣ, съ Туруханскомъ и Енисейскомъ.

Для исполненія этого плана пришлось все-таки еще разъ вернуться въ Булунъ для разсчетовъ съ купцами, доставлявшими для экседиціи провизію, для принятія ново-сибирскихъ коллекцій, оставленныхъ въ Казачьемъ, по первому распоряженію, но выписанныхъ впослѣдствіи оттуда въ Булунъ. Во время путешествія г. Толя на востокъ, лейтенантъ Шилейко, покончивъ магнитныя и астрономическія наблюденія на Анабарѣ, отправился по тундрамъ чрезъ большое озеро «Олохомъ-Кель» впередъ на западъ къ устью рѣки Попигая въ Хатангской губѣ и оттуда вверхъ по Хатангѣ до села Хатангскаго, гдѣ г. Толь намѣревался соединиться съ нимъ въ началѣ ноября.

18-го сентября путешественники разстались на Анабарѣ при полной лѣтней погодѣ, а 22-го въ тундрѣ выпало столько снѣга, что оказалось возможнымъ начать зимнее путешествіе и разстаться съ сѣдлами, покончивъ 3000-верстную верховую ѣзду на оленяхъ. 24-го сентября г. Толь достигъ вторично Болкалаха, слѣдуя совершенно новымъ маршрутомъ, а 4-го октября прибылъ въ Булунъ. 14-го октября г. Толь тронулся обратно на западъ и достигъ 24-го вторично урочища «Дороха» на Анабарѣ. Отсюда начался его путь по плоскогорью, представляющему водораздѣлъ между Хатангой и Анабарой, перерѣзываемый рѣками Попигай и Блудной. Эта возвышенность состоитъ изъ массива долеритъ-базальта. Дни становились короче и короче, сильныя пурги участились, а морозы доходили до — 43° Ц. 4-го ноября г. Толь засталъ лейтенанта Шилейко въ полномъ здоровьи въ селѣ Хатангскомъ, откуда начался обратный путь. Сравнительно мало задерживаемые пургами, участники экспедиціи благополучно пробрались черезъ послѣднія тундры, на которыхъ прожили девять мѣсяцевъ, и затѣмъ достигли безпрепятственно села Дудина на р. Енисеѣ 14-го ноября, Туруханска — 22-го ноября, Енисейска — 4-го декабря и С.-Петербурга 27-го декабря.

Въ результатѣ экспедиціи барона Толя оказалось, что снято маршрутной съемкой всего около 4,200 в., не считая 400 в. магистральной съемки лейтенанта Шилейко по рѣкѣ Ана-

барѣ; что маршрутъ опирался на 38 астрономически опредѣленныхъ пунктовъ, рядомъ съ которыми шли и магнитныя наблюденія; что былъ веденъ также гипсометрическій маршрутъ и метеорологическій журналъ; что изслѣдованный край иллюстрированъ 150 фотографическими снимками, и что, наконецъ, собраны коллекціи по преимуществу палеонтологическія и геологическія, а также этнографическія, зоологическія и ботаническія.

ОЧЕРКЪ XVIII.

НОВѢЙШІЯ ТОПОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ СИБИРИ.

Пять отдѣльныхъ топографическихъ партій. — Результаты съемокъ каждой партіи въ отдѣльности. — Изслѣдованія топографовъ иркутскаго округа. — Забайкальское казачье войско.

На дальней родинѣ моей
Обычный звукъ былъ звукъ цѣпей,
Онъ рано въ душу мнѣ проникъ
И съ дѣтства въ ней будить привыкъ
Тоску по участи людей.
. . . .
. . . .
. . . .
И я молю, чтобъ этотъ звукъ,
Глухой, какъ въ крышку гроба стукъ,
Безслѣдно замеръ поскорѣй
Для бѣдной родины моей —
Страны изгнанія и мукъ..

ОМУЛЕВСКІЙ.

Съ цѣлью установленія направленія забайкальской желѣзной дороги, пятью топографическими партіями произведены топографическія изслѣдованія Забайкалья. Кромѣ того, въ районѣ будущей кругобайкальской линіи производились съемки чинами топографической части иркутскаго окру. на средства военнаго вѣдомства.

Означенныя топографическія партіи составили нижеслѣдующее описаніе снятыхъ ими мѣстностей, которое военнымъ министерствомъ было представлено на усмотрѣніе Комитета сибирской желѣзной дороги.

Районъ дѣйствія первой партіи топографовъ — отъ д. Мысовой до р. Мантурихи и далѣе: по лѣвому берегу этой рѣки до истока ея, по Хамаръ-Дабанскому перевалу, и по правому берегу р. Убукуна, отъ истоковъ ея до выхода изъ горъ,—расположенъ по нагорью Хамаръ-Дабанскаго хребта, между озеромъ Байкаломъ и р. Селенгой. Направленіе этого хребта извилисто; склоны его къ р. Селенгѣ пересѣчены рѣками Оронгоемъ, Убукуномъ и Загустаемъ, а со стороны, обращенной къ озеру Байкалъ, стекаютъ р. Мантуриха и много другихъ незначительныхъ рѣчекъ: такъ называемыя пади, или побочныя долины, тянутся въ разныхъ направленіяхъ; глубоко врѣзаются въ междурѣчныя толщи и раздробляютъ ихъ на различныя по виду, по величинѣ и вышинѣ части. Почти весь хребетъ покрытъ лѣсомъ; склоны его круты и каменисты, а въ немногихъ пологихъ мѣстахъ, вблизи озера Байкала, лѣсъ мельче,

и имѣются широкія полосы чернозема, такъ что, по расчисткѣ лѣсовъ, здѣсь можно будетъ съ успѣхомъ воздѣлывать землю для хлѣбопашества. Рѣчки этого района неглубоки, имѣютъ горный характеръ, дно ихъ каменисто, теченіе быстрое, мѣстами покрытое буреломомъ и обгорѣлымъ колодникомъ. По р. Мантурихѣ много небольшихъ острововъ, а въ среднемъ теченіи, съ лѣвой стороны рѣки, встрѣчаются луговыя мѣста. Въ верхнихъ частяхъ хребтоваго нагорья, на обоихъ склонахъ его, растительность одинакова; а въ нижнихъ, на сторонѣ, обращенной къ озеру Байкалу, — значительно лучше, чѣмъ на противоположной: вслѣдствіе большой влажности, солнечный зной не такъ гибельно вліяетъ на растительность по склонамъ, ближайшимъ къ озеру Байкалу, какъ на склонахъ, обращенныхъ къ р. Селенгѣ. Лѣсъ покрываетъ всѣ долины и многія вершины горъ; гольцовъ — открытыхъ вершинъ — почти нѣтъ. Изъ древесныхъ породъ преобладаетъ пихта, потомъ слѣдуютъ: кедръ, сосна, лиственница, береза и осина; породы лѣса, по большей части, вездѣ перемѣшаны, и только березнякъ ростетъ безъ примѣси другихъ породъ, на небольшихъ участкахъ, по ровнымъ луговымъ мѣстамъ.

Въ этомъ районѣ пролегаютъ двѣ почтовыя дороги, содержащіяся въ полной исправности: сибирская, выходящая на д. Мысовую и Боярскую, и верхнеудинско-кяхтинская, отъ села Верхне-Убукунскаго до станціи Арбузовской.

Нѣдра Хамаръ-Дабанскаго нагорья состоятъ изъ сланцевыхъ, кварцевыхъ, а иногда твердыхъ кристаллическихъ породъ; между пластами известняка встрѣчается желѣзная руда съ колчеданомъ. На склонѣ, обращенномъ къ озеру Байкалу, у верховья р. Тельной и вдоль другихъ горныхъ рѣчекъ, попадаются слѣды золотыхъ пріисковъ, оставленныхъ теперь за ничтожностью содержанія въ нихъ золота. Никольскій золотой пріискъ до сихъ поръ еще разработывается, но не всегда съ успѣхомъ.

Изъ населенныхъ пунктовъ болѣе замѣчательны: а) дер. Мысовая, съ почтово-телеграфной станціею и пароходною пристанью кяхтинской компаніи пароходства по Байкалу. Населеніе Мысовой занимается торговлею, перевозкою чая, рыболовствомъ (ловлею осетровъ и омулей) и въ незначительной степени хлѣбопашествомъ; б) Боярская; в) село Верхне-Убукунское и дер. Алтанъ; г) Солеваренный заводъ, теперь закрытый, по невыгодности добыванія соли, и д) улусы: Загустай, Жиргонтуй, Тахой и другіе, населеніе которыхъ составляютъ буряты-ламайцы, занимающіеся преимущественно скотоводствомъ.

Районъ дѣйствія второй топографической партіи состоялъ изъ двухъ участковъ, раздѣленныхъ большимъ промежуткомъ: а) по р. Селенгѣ, отъ дер. Зуевой до устья р. Оронгоя и б) къ западу отъ Петровскаго завода. Рѣка Селенга, главная водная артерія Забайкалья, течетъ въ узкой долинѣ, переходящей въ горное ущелье при впаденіи въ нее р. Хилка. За исключеніемъ долины р. Оронгоя, весь снятый участокъ на р. Селенгѣ представляетъ горную страну. Западная часть ея занята горнымъ кряжемъ Моностой; высоты вершинъ этой обособленной группы горъ, тянущихся въ юго-западномъ направленіи отъ долины р. Оронгоя до гор. Селенгинска, достигаютъ до 2.170 фут. надъ р. Селенгою, а высота сей послѣдней у дер. Кибалиной около 2,000 фут. надъ уровнемъ моря; склонъ Моностоя къ р. Селенгѣ крутъ, утесистъ, а къ Солеваренному заводу и къ озеру Гусиному пологъ. Горы праваго берега р. Селенги, составляющія окончаніе хребта Цаганъ-дабанъ, спускаются параллельными цѣпями къ рѣкамъ Селенгѣ и Хилку и образуютъ рядъ высокихъ вершинъ, поднимающихся выше вершинъ главнаго хребта. Селенга течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, ширина ея русла отъ 100 до 150 саж., глубина въ малую воду отъ $1/2$ до 2 саж., паденіе около $1/2$ саж. на версту. Селенга пригодна для пароходства; изрѣдка, по мѣрѣ накопленія чайныхъ грузовъ, отправляется по ней небольшой буксирный пароходъ съ одной баржей изъ с. Усть-Кяхты въ городъ Верхнеудинскъ и далѣе къ Иркутску; вверхъ же по рѣкѣ грузовъ бываетъ очень мало. Черезъ Селенгу переправа поддерживается однимъ паромомъ и двумя-карабасами. Рѣчныя долины находятся только на правой сторонѣ р. Селенги: узкая долина р. Хилка, долина рѣки

Жирима, — одинъ изъ лучшихъ угловъ Забайкалья, и другія, менѣе значительныя. Съ лѣвой стороны въ Селенгу впадаетъ р. Оронгой. Кромѣ долины этой рѣки и горъ, прилегающихъ къ устью Жирима, весь участокъ покрытъ лѣсомъ: по рѣчкамъ — береза и осина, а на горахъ — сосна и лиственница; горныя дороги съ крутыми спусками и подъемами преобладаютъ въ окрестностяхъ р. Селенги.

За исключеніемъ широкой долины р. Тунгуя, и участокъ у Петровскаго завода почти весь покрытъ горами. Невысокій водораздѣльный хребетъ, отдѣляющій притоки р. Балеги отъ притоковъ р. Тунгуя, соединяетъ высокій Цаганъ-Дабанъ съ горами Заганскими, лежащими къ сѣверу отъ рѣки Хилки; чѣмъ далѣе на востокъ отъ этого хребта, тѣмъ горы выше и круче, такъ что мѣстами достигаютъ до 4.500 фут. надъ уровнемъ моря; къ западу отъ хребта находится пологій спускъ въ совершенно безлѣсную долину р. Тунгуя; долина замыкается съ сѣвера мрачнымъ Цаганъ-дабаномъ, а съ юга — менѣе высокими Заганскими горами. Узкая долина р. Балеги нѣсколько расширяется при впаденіи въ нее р. Мукурта, на которой стоитъ

Типъ бурята.

Типъ бурятки.

Петровскій заводъ; изъ притоковъ р. Балеги значительны: р. Косутай съ Верхнимъ Тарбагатаемъ и Нижній Тарбагатай. Верховья р. Тунгуя и одного изъ главныхъ его притоковъ р. Косутая, точно также какъ и р. Балеги, находятся въ хребтѣ Цаганъ-дабанъ; притокъ Косутай можно считать за главную рѣку, такъ какъ въ р. Тунгуѣ, при выходѣ ея въ долину, мѣстами вовсе нѣтъ воды. Рѣки всего района мелки и проходимы въ бродъ. Безлѣсная долина Тунгуя носитъ характеръ средне-азіятскихъ степей; почва ея солонцеватая, поросшая мѣстами чіемъ (ковыль). Лѣса покрываютъ восточную часть участка, а въ западной они имѣются только по вершинамъ Заганскихъ горъ; породы лѣсовъ тѣ же, что и по р. Селенгѣ. Отъ Петровскаго завода къ г. Верхнеудинску проходитъ почтовая, а въ г. Читу — проселочная дорога; кромѣ того имѣется нѣсколько еще хорошо содержимыхъ проселочныхъ дорогъ въ долину рѣкъ Хилка и Тунгуя; мѣстные жители ѣздятъ въ двухколесныхъ телѣгахъ, какъ болѣе пригодныхъ для горныхъ дорогъ.

Населеніе въ обоихъ участкахъ разсматриваемаго района состоитъ изъ русскихъ, бурятъ и небольшаго числа евреевъ; болѣе половины русскихъ—староверы. Буряты занимаютъ долины

рѣкъ Тунгуя, Косотоя, Оронгоя и, отчасти, Селенги, имъ принадлежатъ лучшія сѣнокосныя мѣста; хотя буряты считаются кочевниками, но на самомъ дѣлѣ это почти осѣдлое населеніе, такъ какъ районъ перекочевокъ ограничивается въ большинствѣ случаевъ одной верстой. Русское населеніе, главнымъ образомъ, занимается хлѣбопашествомъ; хлѣба сѣются только яровые; озимые же, вслѣдствіе сильнаго промерзанія почвы, родятся плохо, а потому, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, ихъ перестали сѣять. Около Петровскаго завода почва черноземная, но чѣмъ ближе къ р. Селенгѣ, тѣмъ болѣе къ чернозему примѣшивается глины; на Селенгѣ и въ низовьяхъ рѣчекъ, въ нее впадающихъ, видны мощные пласты лесса, сверху котораго тонкимъ слоемъ лежитъ черноземъ. Вывѣтрившіяся частицы лесса образуютъ песчаные барханы, которые годъ-отъ-году увеличиваются, по мѣрѣ уничтоженія лѣсовъ; явленіе это особенно рѣзко бросается въ глаза около г. Верхнеудинска и с. Тарбагатайскаго, которое постепенно заносится пескомъ; увеличенію песковъ способствуютъ и сильные вѣтры, дующіе по долинѣ Селенги, а также малое количество осадковъ; въ дождливое лѣто эта лессовая почва покрывается роскошной растительностью, хлѣбъ на ней даетъ отличный урожай. Засѣваются здѣсь крутые склоны долинъ, не обращенные на сѣверъ, причемъ пашни встрѣчаются нерѣдко даже на значительной высотѣ, какъ, напр., у дер. Барыкиной около 3.500 фут. надъ уровнемъ моря. На всемъ протяженіи района единственный промышленный пунктъ—это принадлежащій Кабинету Его Императорскаго Величества Петровскій заводъ, выдѣлывающій желѣза около 40,000 пуд. въ годъ.

Старшій бурятскій лама.

Въ районъ работъ третьей партіи топографовъ входила долина р. Хилка въ среднемъ ея теченіи и бассейны рѣкъ, впадающихъ въ Хилокъ справа. Рѣка Хилокъ беретъ начало изъ озера Иргень, лежащаго у подножія Яблоноваго хребта; длина ея около 500 вер., ширина, въ среднемъ, отъ 15 до 20 саж. Тамъ, гдѣ русло рѣки не стѣснено каменистыми берегами, теченіе ея извилисто, берега песчаны; весенніе разливы образовали множество промоинъ, въ которыхъ вода остается въ теченіе всего года. Въ половодье и во время продолжительныхъ дождей уровень воды поднимается значительно, и тогда переправа въ бродъ возможна только верхомъ; въ малую воду, въ среднемъ теченіи Хилка, есть нѣсколько телѣжныхъ бродовъ, въ томъ числѣ у с. Тарбагатай и на урочищѣ Шабартуй; глубина телѣжныхъ бродовъ не болѣе $2\frac{1}{2}$ футовъ. Дно рѣки покрыто мелкой галькой и отчасти песчаное; паденіе рѣки въ долинахъ незначительно, а въ тѣснинахъ русло рѣки часто пересѣкается каменистыми отрогами, образующими перекаты, вслѣдствіе чего плаваніе по Хилку возможно только для плоскодонныхъ судовъ небольшаго размѣра. Въ среднемъ теченіи Хилокъ принимаетъ въ себя нѣсколько рѣчекъ, изъ которыхъ болѣе значительны: Балега, Тарбагатай, Тигня, Муйсутай и Горхонъ — съ правой, Толбаха, Хухутуй, Кусотой, Хилкосонъ (самая многоводная) и Борунъ-хушенга — съ лѣвой стороны. Много другихъ рѣчекъ лѣтомъ пересыхаетъ или теряется въ наносахъ, не достигая Хилка.

Топографическій характеръ долины средняго теченія р. Хилка не вездѣ одинаковъ: лѣсистые склоны ея то сближаются, образуя тѣснины, то расходятся, расширяя долину до значительныхъ размѣровъ. Широкія части долины, благодаря счастливому сочетанію хозяйственныхъ условій, пригодны для осѣдлой жизни. Одно изъ такихъ расширеній начинается отъ

впаденія въ Хилокъ р. Балеги и оканчивается у р. Тигня. Здѣсь расположены: дер. Кули, сел. Тарбагатай и небольшой выселокъ Ново-Андреевскій; жители этихъ деревень—крещеные буряты—занимаются хлѣбопашествомъ. Другая широкая часть долины начинается нѣсколько выше устья р. Хухутуй и продолжается вверхъ по Хилку почти на 20 вер. до устья р. Зурина подъ общимъ названіемъ урочище Бода; ширина этой долины достигаетъ 8 вер. Затѣмъ, начиная отъ устья р. Гыръ-Шулунъ, долина снова расширяется, образуя лѣсистую равнину—урочища Шара-тала и Шантай. Въ долинѣ р. Хилка много прекрасной пахатной земли и луговъ.

Зима здѣсь холодная и продолжительная, отъ октября до половины апрѣля, безъ оттепелей; весна и осень коротки, холодны и сухи; лѣто не особенно теплое. Въ началѣ сентября бываютъ холодные утренники. Влажность воздуха значительная, почти постоянныя росы, частые сѣрые туманы; если наступаетъ дождливое время, то продолжается долго. Мѣстные жители замѣчаютъ уменьшеніе количества воды въ странѣ: наблюдается постепенное усыханіе

Бурятскіе идолы.

междугорныхъ низкихъ мѣстъ (падей) и котловинъ и пониженіе уровня воды въ рѣкахъ. Горы по обѣ стороны долины Хилка, при абсолютной высотѣ около 5.800 фут., возвышаются надъ долиной не болѣе 3.500 футовъ.

На всемъ протяженіи средняго теченія Хилка горы покрыты сплошными зарослями, одинаково густыми какъ на вершинахъ, такъ и въ долинахъ. Вслѣдствіе пожаровъ, отъ бурелома и валежника заросли мѣстами совершенно непроходимы. Сосна и лиственница преобладаютъ, но встрѣчается также много какъ хвойныхъ, такъ и лиственныхъ породъ: пихта, ель, кедръ, даурская лиственница, тополь, осина, бѣлая береза. Изъ мелкихъ древесныхъ породъ: ильмовникъ, сибирская яблонь, черемха, рябина, множество видовъ ивы и масса кустарныхъ и ягодныхъ растеній.

По долинѣ средняго теченія Хилка не имѣется хорошихъ дорогъ. Существующая телѣжная дорога отъ с. Тарбагатай вверхъ по долинѣ сначала слѣдуетъ лѣвымъ берегомъ рѣки до урочища Шабартуй, гдѣ есть удобный телѣжный бродъ, потомъ террасой праваго склона до-

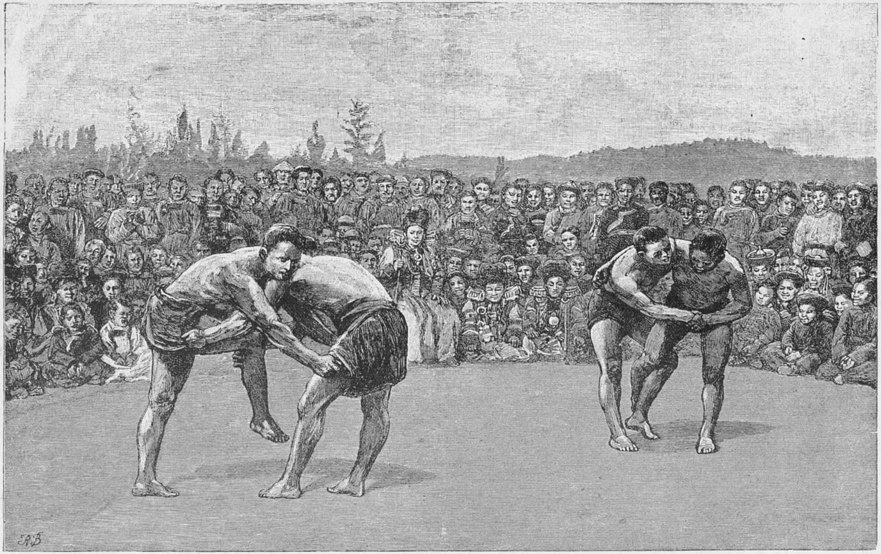
лины, чрезъ урочище Бода, до р. Улунту. Далѣе ѣзда на колесахъ становится затруднительной, дорога обращается въ верховую тропу. Кромѣ этой дороги, есть нѣсколько охотничьихъ тропинокъ и кочевыхъ дорожекъ, наѣзженныхъ къ зимовьямъ.

Населеніе раздѣляется на осѣдлое и кочевое. Къ первому принадлежатъ крестьяне, преимущественно староверы, занимающіе земли нижняго и отчасти средняго теченія Хилка. Осѣдлое населеніе занимается лѣтомъ хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, а въ зимнее время охотой. Значительная часть мужскаго населенія, ранней весной, уходитъ на пріиски по рѣкамъ Витиму и Амуру и возвращается только около половины октября. Выселокъ Ново-Андреевскій есть крайній пунктъ осѣдлаго поселенія; даже по Хилку, до подножія Яблоноваго хребта, вся долина средняго и верхняго теченія рѣки занята кочевымъ населеніемъ—хоринскими бурятами, главное занятіе которыхъ — скотоводство. Кочующіе по Хилку буряты хлѣбопашествомъ не занимаются, хотя по долинѣ есть много удобныхъ мѣстъ подъ пашни. Одно изъ лучшихъ мѣстъ въ этомъ отношеніи — урочище Бода. Сѣнокосныя мѣста огорожены плетнями; къ нѣкоторымъ участкамъ проведены арыки (канавы) для орошенія луговъ; всѣ мѣста, удобныя для хлѣбопашества, покоятся безполезно подъ выгономъ. Естественный приростъ населенія нижняго Хилка, не находя уже болѣе простора и удобныхъ мѣстъ для хлѣбопашества, ищетъ приволья, и, отъ времени до времени, повторяются попытки переселенія въ долину средняго теченія Хилка на урочище Бода. Уже одно это служитъ доказательствомъ пригодности этихъ мѣстъ для осѣдлой жизни

Въ районѣ 4-й топографической партіи производились работы въ Верхнеудинскомъ и Читинскомъ округахъ, Забайкальской области: въ Верхнеудинскомъ—отъ выше упомянутой р. Барунъ-Хушенга по правому берегу Хилка до его верховьевъ, полосою отъ 2 до 5 вер. ширины, въ зависимости отъ ширины долины рѣки, и до 126 вер. длины. Въ Читинскомъ—по долинѣ р. Ингоды отъ гор. Читы до селенія Татауровскаго верстъ 60 вверхъ по рѣкѣ. Связью между съемками долинъ Ингоды и Хилка служатъ съемки: Кукинскаго перевала Яблоноваго хребта и пониженнаго сѣдла этого хребта. Яблоновый хребетъ раздѣляетъ бассейны р. Хилка и Ингоды. Русло р. Хилка въ 10 вер. отъ ея истока 1½—2 саж. ширины, причемъ лѣтомъ здѣсь эта рѣка пересыхаетъ. Долина верховьевъ р. Хилка то расширяется до 10 вер., то съуживается отъ 2 до 3 вер. Ингода, на протяженіи 60 вер. съемки, имѣетъ среднюю ширину 25—30 саж., глубину же весьма различную въ разное время года: такъ, въ сухую пору лѣта во многихъ мѣстахъ переѣзжаютъ эту рѣку въ телѣгахъ, а въ дождливую—переправа дѣлается возможною только на карабасахъ. Противъ селенія Старо-Кукинскаго, въ Ингоду впадаетъ р. Кука. Въ двухъ верстахъ отъ перевала вытекаетъ изъ Яблоноваго хребта маленькая рѣчка Зунъ-Кука; по пути питается она родниками и болотами, сливается съ другой рѣчкой Барунъ-Кукой, и затѣмъ уже подъ именемъ Куки прямо впадаетъ въ р. Ингоду. Длина Куки—30 вер., ширина при впаденіи ея въ Ингоду около 2 саженъ и глубина до ½ саж. Долина, по которой течетъ р. Кука, ограничена крутыми скатами, имѣетъ ширину отъ 150 саж. до 1 версты.

Основываясь на барометрической высотѣ метеорологической станціи въ гор. Читѣ, равной 711 метрамъ, высота перевала изъ Хилка въ Зунъ-Куку, впадающей въ р. Ингоду, получается около 500 саж. надъ уровнемъ моря. Спускъ въ долину Ингоды длиннѣе въ три раза, чѣмъ въ долину Хилка, и почти вдвое болѣе по высотѣ послѣдняго. Скаты горъ относительно пологи въ ихъ вершинахъ и круто впадаютъ въ долины; склонъ иногда достигаетъ 45°. Горы покрыты лѣсомъ. У подошвы хребта долины болотисты: мѣстами встрѣчаются кустарникъ и хорошіе луга.

Сибирскій трактъ, отъ гор. Читы до станціи Домно-Ключевской, въ началѣ поднимается по скату прилегающей горы, затѣмъ идетъ по искусственно обдѣланному косогору и, наконецъ, пролегаетъ по твердому грунту, съ слабыми спусками и подъемами. Въ этой мѣстности мало

Публичное состязанiе бурятскихъ борцовъ.

выпадаетъ снѣга, а потому и зимою ѣздятъ въ телѣгахъ на колесахъ. Дорога вдоль лѣваго берега Ингоды, отходящая отъ тракта въ 2-хъ верстахъ за селеніемъ Черновскимъ, въ предѣлахъ съемки, тоже повсюду гладкая, торная, широкая. По этой дорогѣ идетъ много грузовъ, преимущественно, изъ плодородной Николаевской волости, Читинскаго округа. Проселочныя дороги между селеніями, лежащими внѣ описанныхъ трактовъ, всѣ безъ исключенія удобны, такъ какъ имѣютъ твердый грунтъ, и на нихъ нѣтъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ. Слѣдуетъ еще упомянуть о малоизвѣстномъ, но удобномъ пути черезъ перевалъ, отъ селеній Старо и Ново-Кукинскихъ, лежащихъ въ долинѣ р. Куки, къ миссіонерской станціи у озера Иргеня, въ долинѣ Хилка. Затѣмъ имѣются вьючныя тропы, по которымъ, мѣстами, свободно можно двигаться и въ колесныхъ телѣгахъ.

Всѣ вершины, скаты Яблоноваго хребта и его отроги покрыты лѣсами. Преобладающими породами являются сосна и лиственница; въ меньшемъ количествѣ встрѣчаются: мелкорослая береза, осина, ель и пихта. По правой сторонѣ р. Ингоды лѣсъ гуще, чѣмъ по лѣвой. Въ области Яблоноваго хребта пади имѣютъ характеръ луговой, и лѣсъ пересѣкаетъ ихъ только въ узкихъ мѣстахъ. Лѣса, примыкающіе къ селеніямъ, значительно разрѣжены вырубкой и пожарами. Въ 8-ми верстахъ къ западу отъ сел. Старо-Кукинскаго и въ 7-ми верстахъ къ юго-западу отъ гор. Читы, имѣются минеральные источники, которыми пользуются мѣстные жители. Въ долинѣ р. Хилка, близъ озера Могзона, также имѣется минеральный источникъ, но, вслѣдствіе бездорожья, къ нему проникаютъ только буряты. Источники эти совсѣмъ не устроены: они представляютъ собою ямы, съ минеральною водою, ничѣмъ не защищенныя отъ дождей, а больные помѣщаются въ юртахъ. Въ верховьяхъ р. Хилка, на протяженіи слишкомъ 120 вер., нѣтъ ни одного селенія, ни одного засѣяннаго клочка земли. Земледѣлецъ встрѣчается только въ долинѣ р. Ингоды, лежащей ниже р. Хилка; здѣсь земля родитъ пшеницу, рожь, ячмень, овесъ и гречиху; удобреніемъ не пользуются, его сжигаютъ за околицей. Нерѣдко въ августѣ, а даже въ іюлѣ, по ночамъ морозы достигаютъ 5°—6° Реомюра. Свойственная этимъ мѣстамъ безснѣжная зима не позволяетъ производить озимыхъ посѣвовъ; яровые же поспѣваютъ только въ августѣ. Кромѣ того, въ области Яблоноваго хребта и его отроговъ очень долго не оттаиваетъ земля. Въ концѣ іюня топографы въ тѣнистыхъ ямкахъ, глубиною не болѣе аршина, какъ въ ледникѣ, сохраняли мясо.

5-я партія военныхъ топографовъ производила съемки на протяженіи 230 вер. вдоль р. Ингоды, отъ Читы до Усть-Онона, и 170 вер. по р. Шилкѣ, отъ Усть-Онона до Срѣтенска у Читы. Рѣка Ингода въ этомъ районѣ круто измѣняетъ свое первоначальное сѣверо-восточное направленіе на юго-восточное, а спустя 70 вер., принявъ съ правой стороны р. Туру, течетъ уже прямо на востокъ. Рѣка эта сплавная; глубина ея отъ 3 фут. до 2 саж.; ширина отъ 50 до 100 саж.; паденіе 2 фута на версту. Съ прекращеніемъ доставки хлѣба на Амуръ и съ разведеніемъ лошадей и скота по р. Зеѣ, по р. Ингодѣ сплавляются: овчины, смола, деготь, соль и спиртъ.

Ширина, глубина, паденіе, очертаніе береговъ и свойства русла р. Шилки—тѣ же, что Ингоды. Вопреки установившемуся мнѣнію, р. Шилка должна считаться судоходною не до Срѣтенской станицы, а до Митрофановской, лежащей 158 вер. выше Срѣтенска. Въ 1893 г., при средней водѣ, три парохода и въ томъ числѣ «Кяхта», сидѣвшій въ водѣ 5 фут., дошли благополучно до Митрофановской. Съ открытіемъ новой амурской пароходной компаніи Сибирякова, обѣщающей имѣть пароходы съ посадкою до 2 фут., появленіе ихъ въ означенной станицѣ не будетъ рѣдкостью. По Шилкѣ сплавляются тѣ же грузы, что и по Ингодѣ, и кромѣ того незначительное число лошадей и рогатаго скота и большое количество рѣпчатаго луку, идущаго на Амуръ изъ долины р. Унды. Съ лѣвой стороны впадаютъ въ Ингоду рѣки: Никишиха, Кручина, Унгуръ, Баиндорга, Урульга и Толоча; а въ Шилку, съ той же стороны, рѣки: Кія, Куенга и Нерча; въ устье послѣдней 14 іюня 1891 г. вошелъ пароходъ «Вѣст-

никъ», на которомъ изволилъ слѣдовать Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, но пароходъ этотъ не дошелъ до гор. Нерчинска.

Отроги Яблоноваго хребта, раздѣленные глубокими и узкими лощинами, на всемъ протяженіи отъ Читы до Срѣтенска, доходятъ вплоть до Ингоды и Шилки, въ видѣ крутыхъ косогоровъ, а нерѣдко, отвѣсныхъ обрывовъ и скалъ, состоящихъ изъ гранитовъ и сланцевъ; иногда же они оканчиваются террасами за одну—двѣ версты до Ингоды и Шилки, образуя въ этихъ мѣстахъ низменныя долины, состоящія изъ высохшихъ торфяниковъ; лѣтъ 10, 20 тому назадъ здѣсь были болота, теперь же—прекрасныя пашни; только близъ станицы Макавѣевой и между Казановой и Мирсановой еще встрѣчаются болота; слѣдуетъ замѣтить, что вся долина подвергается наводненіямъ, при повышеніи воды въ р. Ингодѣ до 2-хъ, а въ Шилкѣ до 4-хъ саж. выше меженнаго уровня. Отъ Читы до Кайдаловой, отроги покрыты сосновымъ и лиственнымъ лѣсомъ, далѣе же къ Нерчинску и между Нерчинскомъ и Срѣтенскомъ почти безлѣсны; мѣстами, только на западныхъ склонахъ ихъ, встрѣчаются небольшія березовыя рощи. Населенные пункты совершенно не вошли въ районъ съемки 1893 г., а изъ смежныхъ имѣютъ значеніе для будущей желѣзной дороги: города Чита и Нерчинскъ, станицы—Макавѣевская, Кайдалова, Митрофановская и Срѣтенская и поселки—Банковскій и Кокуйскій. Въ станицѣ Макавѣевской имѣются содовые минеральные ключи, лежащіе на р. Ундѣ, въ 12 вер. отъ станицы, а въ 60 вер. отъ нея, на р. Турѣ, еще болѣе замѣчательныя, содовыя и желѣзныя Дарасунскія минеральныя воды. Поселокъ Кокуйскій находится въ 12 вер. отъ Срѣтенска, на лѣвой сторонѣ Ингоды: съ проведеніемъ желѣзной дороги, онъ можетъ пріобрѣсти значеніе перевозочнаго пункта для грузовъ съ этой рѣки. Станица Срѣтенская лежитъ на правомъ берегу Шилки и соединяется съ лѣвымъ берегомъ посредствомъ перевоза; до 1797 г. она была городомъ. Отъ Срѣтенска начинается пароходство по системѣ р. Амура. Такъ какъ у поселка Маргульскаго, лежащаго противъ Срѣтенска, оканчивается сибирскій трактъ и вдоль Шилки нѣтъ колеснаго пути, то Срѣтенскъ является важнымъ перегрузочнымъ пунктомъ.

Мѣстность, снятая, независимо отъ вышеупомянутыхъ партій, чинами топографической части иркутскаго военнаго округа, къ юго-западу отъ Иркутска, по долинѣ р. Иркута на селеніе Култукъ, гористая, таежная и безлюдная; только въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Иркутска имѣется много селъ, деревень и заимокъ, и, благодаря черноземной почвѣ, развито земледѣліе. Изъ дорогъ лучшая—почтовый кругобайкальскій трактъ отъ гор. Иркутска въ село Култукъ; не доѣзжая, однако, первой же станціи Веденщины, слѣдуютъ обыкновенно далѣе низовой дорогой по берегамъ р. Иркута, какъ болѣе удобной. По пути встрѣчаются обширныя, но бѣдныя селенія Смоленщина, Веденщина и станціи-однодворки; за Веденщиной дорога идетъ по горамъ, въ глубокой тайгѣ; спуски и подъемы извилисты и круты; между станціями Глубоковской и Култукомъ попадаются живописныя мѣста; такъ, при спускѣ къ Култуку открывается видъ на озеро Байкалъ и Байкальскія горы съ ихъ снѣжными вершинами. Горы здѣсь покрыты сосною, пихтою, елью и кедромъ, а иногда мелкими кустами черемхи, богульника и ольховника. Изъ рѣкъ особенно выдающіяся: Ангара и Иркутъ. Ангара вытекаетъ изъ озера Байкала и имѣетъ быстрое теченіе; воды ея прозрачны; дно каменисто; ширина рѣки отъ 100—500 саж.; глубина отъ 3 до 5 саженъ; въ нее впадаетъ много горныхъ рѣчекъ. Весеннихъ разливовъ въ этой мѣстности не существуетъ, но въ іюнѣ и іюлѣ, отъ усиленнаго таянія льдовъ въ гольцахъ (открытыхъ вершинахъ горъ), Ангара и всѣ вообще рѣки, берущія начало въ Саянскихъ горахъ и въ ихъ отрогахъ, производятъ большія наводненія. Пароходство по р. Ангарѣ не развито, вслѣдствіе быстроты ея теченія и множества острововъ и мелей; въ деревняхъ жители переправляются черезъ р. Ангару на карбазахъ. Притокъ р. Ангары съ ея сѣверо-западной стороны, р. Иркутъ, беретъ начало изъ Саянскихъ же горъ. Долина р. Иркута, за весьма малыми промежутками, тянется въ высокихъ, крутыхъ, ска-

листыхъ берегахъ; ширина Иркута отъ 40—70 саженъ, глубина—отъ 3 до 5 фут., паденіе большое, дно каменистое, много пороговъ; лѣтомъ Иркутъ проходимъ въ бродъ; какъ во всѣхъ горныхъ рѣчкахъ, уровень воды въ Иркутѣ часто мѣняется; въ него впадаетъ много рѣчекъ, и нѣкоторыя изъ нихъ текутъ въ болотистыхъ берегахъ.

Въ заключеніе не лишне,—въ дополненіе къ тому, что было сказано уже выше о Забайкальѣ въ особомъ очеркѣ (очеркъ IX),—добавить еще нѣсколько свѣдѣній, представляющихъ значеніе въ виду той роли, которую получитъ этотъ край, съ проведеніемъ желѣзной дороги.

Годомъ прочнаго занятія Забайкалья слѣдуетъ считать 1648 г., когда заложенъ Баргузинскій острогъ и обложены ясакомъ окрестные тунгусы. Черезъ годъ—основанъ Верхнеудинскъ, а въ 1654 г. сотникомъ Бекетовымъ, проникшимъ далеко внутрь страны, построенъ Нерчинскій острогъ. Такимъ образомъ, въ десять лѣтъ Забайкалье уже было достаточно закрѣплено за нами, и даже былъ обезпеченъ—черезъ Иркутскъ (заложенъ въ 1652), Верхнеудинскъ и Нерчинскъ - главный путь для дальнѣйшаго движенія къ Амуру.

Къ сожалѣнію, неудачное посольство въ Китай ускорило открытіе непріязненныхъ дѣйствій на Амурѣ, что отразилось и въ Забайкальѣ. Въ 1688 году Верхнеудинскій и Селенгинскій (основанъ въ 1666 г.) остроги были осаждены бурятами, но нападеніе было отбито, причемъ въ Селенгинскѣ казаки находились подъ начальствомъ гетмана Демьяна Многогрѣшнаго. Для устраненія на будущее время возможности военныхъ столкновеній между казаками и туземнымъ населеніемъ былъ посланъ окольничій Головинъ, который, войдя въ сношенія съ монгольскими тайшами и табукунутскими сайтами о принятіи ихъ въ «московское» подданство, въ 1689 году заключилъ особый договоръ, опредѣлявшій взаимныя отношенія между сосѣдними государствами.

Договоръ окончательно «закрѣпилъ» новыя владѣнія, и къ началу XVIII столѣтія въ Забайкальѣ находились уже три города съ девятью острогами, и число русскихъ достигало 7.000 чел. Эпоха завоеванія кончилась, и начались заботы объ экономическомъ развитіи страны: переселялись крестьяне, заводились таможни и возникла добыча свинца и серебра; причемъ первый заводъ (нынѣ Нерчинскій) построенъ въ 1703 г. на рѣкѣ Алтачѣ. Все это, конечно, способствовало новому движенію русскихъ переселенцевъ на югъ. Послѣднее обстоятельство вызывало постоянное неудовольствіе въ Пекинѣ. Потребовались новые переговоры, и посланный для этого графъ С. В. Рагузинскій успѣлъ заключить буринскій договоръ (1727 г.), опредѣлившій южную границу Забайкалья.

Для торговыхъ сношеній былъ построенъ въ Кяхтѣ гостиный дворъ, а въ четырехъ верстахъ отъ города крѣпостца Новотроицкая (теперь гор. Троицкосавскъ). Охрана границъ была поручена русскимъ служилымъ людямъ, бурятскимъ и тунгускимъ родамъ, которые и высылали на извѣстное время къ границѣ «стражниковъ». Но такой порядокъ оказался неудобнымъ, вслѣдствіе чего, въ 1762 г, былъ сформированъ пятисотенный тунгускій полкъ, а въ 1764 г.—4 шестисотенныхъ бурятскихъ полка. Въ томъ же году на южной границѣ Забайкалья были устроены: 63 редута, 17 отводныхъ пунктовъ и 7 крѣпостей, въ которыхъ размѣстилось 800 казаковъ.

Административное устройство Забайкалья получило прочное основаніе при графѣ Сперанскомъ, назначенномъ въ 1819 г. генералъ-губернаторомъ Сибири; его «сибирскія учрежденія» упорядочили экономическое развитіе страны, чему особенно способствовала добыча золота (съ 1832 г.), которая внесла въ Забайкалье капиталы и притянула сюда немало рабочихъ рукъ. Въ 1856 г. генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ назначенъ графъ Муравьевъ, при

которомъ Забайкалью были даны положенія 1851 года, постепенно, согласно требованію времени, видоизмѣнявшіяся до послѣдняго времени.

Въ настоящее время населеніе Забайкалья достигло уже 600.000 чел., причемъ на 1.000 жителей—мужчинъ приходится 514; такому перевѣсу значительно способствуютъ ссыльные, гдѣ процентъ женщинъ обыкновенно не превосходитъ 10%. Населеніе размѣщено въ 7 городахъ и 750 поселеніяхъ (казачьихъ и крестьянскихъ), не считая бурятскихъ. По сословіямъ населеніе дѣлится на: 177.000 казаковъ (35,5%), 166,000 крестьянъ (28,9%), 170.000 инородцевъ (29%); остальное населеніе можно отнести къ горожанамъ, войскамъ и ссыльнымъ (ихъ до 4%). Православіе является преобладающимъ: оно исповѣдывается всѣмъ крестьянскимъ и $^4/_5$ казачьяго населенія. Встрѣчается много раскольничьихъ сектъ. Изъ не христіанскихъ исповѣданій наибольшое число поклонниковъ имѣетъ ламаизмъ.

Населеніе Забайкалья вполнѣ пригодно къ военной службѣ, и въ составѣ «возрастныхъ» классовъ всегда можно найти большой процентъ хорошихъ стрѣлковъ и вообще людей, привыкшихъ къ трудностямъ походной жизни.

Казаки Забайкалья, родоначальниками которыхъ были «выходцы и вольные люди» изъ-за Урала, впервые получили особое устройство при гр. Сперанскомъ, который раздѣлилъ ихъ на пограничныхъ, городовыхъ и станичныхъ. Городовые образовали забайкальскій конный полкъ, а станичные подраздѣлились на верхнеудинскихъ и нерчинскихъ. Числовому и матеріальному росту забайкальскаго войска значительно повредило выселеніе до 12.000 человѣкъ на Амуръ, для образованія ядра казачьихъ войскъ—амурскаго и уссурійскаго.

Казаки отбываютъ теперь воинскую повинность на основаніи положенія 1878 года и дополненій къ нему. Общее число однолѣтокъ, подлежащихъ повинности, достигаетъ 1.600 чел.; изъ нихъ поступаетъ на службу 56% (900 чел.). Казаки «нижепредѣльные» (не поступившіе въ строевыя части) собираются въ первый же годъ по зачисленіи въ строевой разрядъ въ учебные сборы, на 4—5 мѣсяцевъ.

Въ мирное время забайкальское войско содержитъ два батальона, шесть сотень и двѣ батареи; въ военное время число частей почти утроивается, причемъ запасъ нижнихъ чиновъ въ настоящее время превосходитъ штатный составъ почти вдвое. Для выясненія матеріальныхъ средствъ казачьяго войска могутъ служить слѣдующія данныя: казаки владѣютъ 3.000.000 десятинъ земли, имѣютъ войсковой капиталъ въ 500.000 руб.; годовой бюджетъ—расходъ и приходъ—достигаетъ 110.000 руб.

Такимъ образомъ, Забайкалье обладаетъ значительною вооруженною силою, главную часть которой составляетъ его войско. Это войско постепенно улучшается во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ своемъ строевомъ образованіи, а нахожденіе въ немъ значительнаго числа бурятъ (потомки сформированныхъ въ 1762 и 1764 гг. инородческихъ полковъ), знающихъ монгольскій языкъ, можетъ принести значительную пользу во время военныхъ дѣйствій по южному фронту нашей сибирской границы.

ОЧЕРКЪ XVIII.

ИЗУЧЕНІЕ СИБИРИ.

Оживленіе научной дѣятельности.—Замѣчательное книгохранилище.—Къ исторіи Мангазейскаго уѣзда.

И за дальними горами
Край пустынный и нѣмой,
Постепенно оживляясь,
Блещетъ новой красотой.
. . . .
. . . .
И я слышу чуткимъ сердцемъ,
Что великою судьбою
Начинаетъ уже вѣять
Надъ моимъ далекимъ краемъ,
Надъ страной моей родною.

СЕМИЛУЖИНСКІЙ.

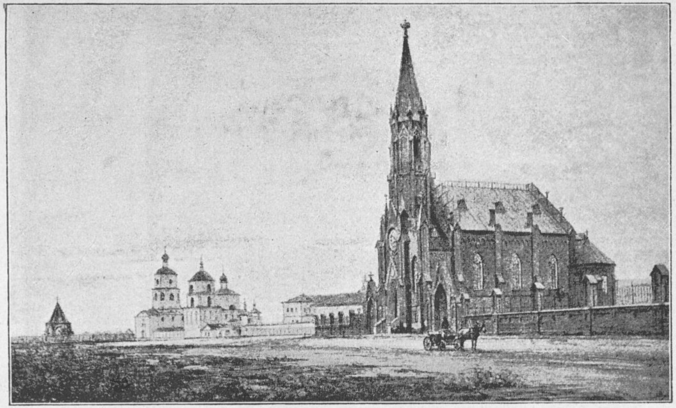

Съ той поры, какъ проведеніе большаго сибирскаго рельсоваго пути стало совершившимся фактомъ, въ отношеніи разносторонняго изученія Сибири принимаются довольно энергическія мѣры. Начнемъ, напримѣръ, съ восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества: отдѣлъ выпустилъ XXIII томъ своихъ «Извѣстій», въ которомъ помѣщено нѣсколько статей по археологіи и этнографіи Сибири: «Отчетъ объ археологической поѣздкѣ въ юговосточную часть Забайкалья въ 1892 г.», «Воззрѣнія буддійской священной литературы на женщину», «Объ якутскихъ пѣсняхъ и пѣвцахъ», «Естественно-географическій очеркъ р. Енисея». Для археологическаго, антропологическаго и этнографическаго изученія мѣстныхъ инородцевъ восточно-сибирскій отдѣлъ предполагалъ организовать нѣсколько небольшихъ экскурсій.

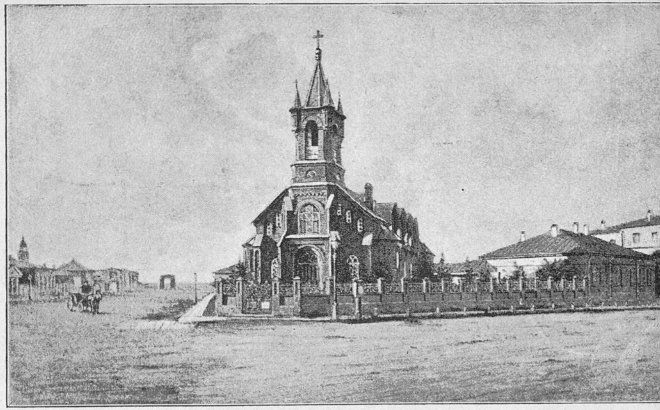
Самымъ крупнымъ фактомъ въ исторіи отдѣла за 1893 г. является переходъ въ его вѣдѣніе этнографическаго изученія Якутской области. И. М. Серебряковъ выразилъ готовность предоставить въ распоряженіе отдѣла 10.000 руб. на выясненіе взаимнаго вліянія русскаго и инородческаго населенія и на изслѣдованіе инородческаго населенія Якутской области въ этнографическо-экономическомъ отношеніи. Отдѣлъ принялъ условія жертвователя и предложилъ поручить одному изъ членовъ статистическаго бюро при канцеляріи генералъ-губернатора изслѣдованіе быта инородческаго населенія въ той части Якутской области, которая тяготѣетъ къ золотымъ промысламъ олекминской-витимской системы. На эту первую экспедицію предположено было ассигновать 1.600 руб. Пожертвованіе И. М. Серебрякова дало возможность иркутскимъ дѣятелямъ осуществить свою давнишнюю мечту—переходъ отъ большихъ подвижныхъ экспедицій къ стаціонарному изслѣдованію края.

На счетъ восточнаго отдѣла слѣдуетъ отнести и то пробужденіе научнаго интереса въ Забайкальи, которое выражается въ хлопотахъ объ организаціи мѣстныхъ музеевъ и научныхъ собраній. О музеѣ начинаютъ думать въ Читѣ; въ офицерскомъ собраніи устроивали публичныя лекціи, посвященныя мѣстному краю, на которыхъ собиралось значительное число слушателей. Одна изъ этихъ лекцій—«Объ орочонахъ Верхне-Ангарскаго округа» сопровождалась туманными картинами. Лежащая на пути иркутскихъ изслѣдователей въ Монголію торговая Кяхта, подъ вліяніемъ Иркутска, начинаетъ интересоваться научными вопросами. Восточно-сибирскій отдѣлъ стремится къ тому, чтобы обратить ее въ станцію для изслѣдованія Забайкалья и Монголіи. Онъ предлагаетъ свое содѣйствіе къ открытію въ городѣ музея. Въ истекшемъ году вопросъ о музеѣ подвинулся значительно впередъ. А. Д. Старцевъ пожертвовалъ для его помѣщенія домъ, а директоръ мѣстнаго реальнаго училища изъявилъ согласіе принять участіе въ его организаціи.

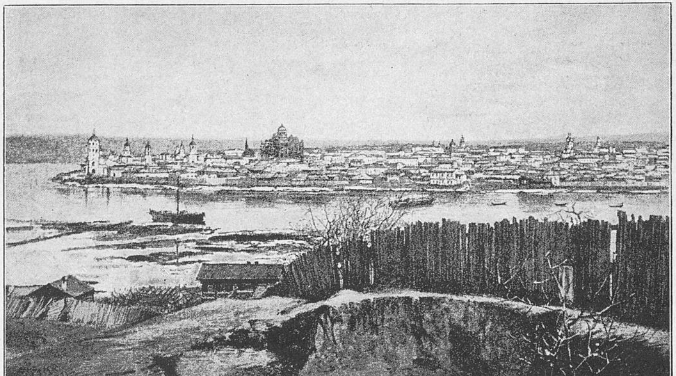
Крупное оживленіе научной дѣятельности замѣчается на крайнемъ Востокѣ Сибири, начиная отъ Чукотскаго мыса и кончая Владивостокомъ. Этнографическое и археологическое изслѣдованіе Чукотскаго края и крайняго сѣверо-востока Сибири, несомнѣнно, сильно двинется впередъ, благодаря назначенію начальникомъ Анадырскаго округа извѣстнаго московскаго этнографа Н. Л. Гондати. Послѣдній путешествовалъ въ концѣ 80-хъ годовъ въ западной Сибири и отчасти знакомъ уже съ условіями этнографическихъ изслѣдованій. Проектированное въ прошломъ году «Общество изученія полуострова Камчатки» до сихъ поръ еще не получило оффиціальной санкціи, но уже начало дѣйствовать. Изъ письма его учредителя въ редакцію газеты «Дальній Востокъ» видно, что въ Петропавловскѣ положено основаніе музею приношеніемъ въ даръ рѣдкихъ образчиковъ геологическаго, растительнаго и животнаго царствъ полуострова, предметовъ каменнаго періода Камчатки, всѣхъ инструментовъ, употреблявшихся здѣсь для развѣдокъ мѣсторожденій жильнаго золота и для поисковъ золота въ розсыпяхъ, фотографическихъ снимковъ видовъ и типовъ Камчатки, Командорскихъ и Курильскихъ острововъ, образчиковъ работъ инородцевъ перечисленныхъ мѣстностей, и т. д. При возникающемъ обществѣ составлена объемистая и почти полная библіотека изъ спеціальныхъ сочиненій о Камчаткѣ. Можетъ быть, въ близкомъ будущемъ Петропавловскъ раздѣлитъ трудъ изслѣдованія восточной окраины Сибири съ Владивостокомъ. Для возникшаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ послѣднемъ городѣ «Общества изслѣдователей Амурскаго Края», 1893 г. былъ богатъ выдающимися событіями. Члены его сдѣлали нѣсколько археологическихъ экскурсій. Произведены раскопки городища на мысу Красномъ, на берегу Уссурійскаго залива, а также совершена поѣздка на Монгугай, для раскопки находящихся тамъ кургановъ и въ долину Лефу, для изслѣдованія находящихся здѣсь пещеръ и круглыхъ ямъ. Наиболѣе богатою результатами оказалась раскопка кургана близъ с. Никольскаго. Общество выпустило 2 тома своихъ «Записокъ», изъ которыхъ одинъ заключаетъ въ себѣ трудъ г. Маркова «Анадырскій край», а другой—отчетъ г. Бородовскаго о путешествіи по юго-западной Монголіи. На очереди стоитъ печатаніе IV выпуска, въ который должны войти отчеты о поѣздкѣ по гольдскимъ селеніямъ близъ Хабаровска и объ археологическихъ развѣдкахъ въ Уссурійскомъ краѣ. Крупныя перемѣны къ лучшему произошли въ судьбѣ мѣстнаго музея. Достроенный, благодаря ссудѣ города въ 2.500 руб., музей былъ фактически не доступенъ для публики, такъ какъ у общества не хватало средствъ на его отопленіе и освѣщеніе. Съ пріѣздомъ новаго приамурскаго генералъ-губернатора, С. М. Духовскаго, положеніе разомъ измѣнилось. На пожертвованныя лично генералъ-губернаторомъ средства музей отдѣланъ внутри и открытъ для публики. По почину генералъ-губернатора вскорѣ начаты были увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ переговоры относительно превращенія «Амурскаго общества» въ отдѣлъ Императорскаго русскаго географическаго общества. Несомнѣнно, что эта внѣшняя перемѣна выгодно отзовется на положеніи русской науки на далекой восточной окраинѣ Россіи.

Старый каѳедральный соборъ и католическій костелъ.

Лютеранская кирка.

Иркутскъ съ лѣваго берега Ангары.

Музей.

ВИДЫ ИРКУТСКА

Охватывающее край оживленіе научныхъ интересовъ выходитъ за предѣлы Владивостока. Въ декабрѣ истекшаго года поднятъ вопросъ объ организаціи музея въ Хабаровскѣ. Мысль объ этомъ музеѣ возникла еще у покойнаго приамурскаго генералъ-губернатора барона Корфа. С. М. Духовской приступилъ къ ея осуществленію. Для музея и имѣющей возникнуть при немъ библіотеки спеціальныхъ сочиненій, относящихся къ Приамурскому краю, выдѣлено уже помѣщеніе; ко всѣмъ лицамъ, интерисующимся научнымъ изученіемъ края и имѣющимъ въ своемъ распоряженіи предметы, пригодные для музея, новый генералъ-губернаторъ обратился съ приглашеніемъ о пожертвованіяхъ. Этотъ призывъ, конечно, не останется безъ отклика; такъ: военный губернаторъ Приморской области пожертвовалъ уже въ возникающій музей принадлежности древняго камчадальскаго вооруженія—роговой шлемъ и кожаныя латы. Назначеніе извѣстнаго своими научными трудами генерала Гродекова помощникомъ приамурскаго генералъ-губернатора, несомнѣнно, также отзовется на оживленіи мѣстной научной дѣятельности.

Въ предмѣстьѣ Красноярска—Таракановкѣ, на заимкѣ, находится одна изъ замѣчательныхъ частныхъ библіотекъ вь Сибири, принадлежащая Г. В. Юдину. Она занимаетъ отдѣльный домъ въ 8 комнатъ. Всѣхъ шкафовъ библіотечныхъ, наполненныхъ книгами, болѣе 120; но такъ какъ всѣ книги не помѣщаются въ шкафахъ, то часть ихъ расположена на столахъ и даже мѣстами на полу. Въ настоящее время составляется передвижной каталогъ библіотеки и, по всей вѣроятности, владѣльцу ея, послѣ многихъ трудовъ, возможно будетъ расположить книги по извѣстнымъ отдѣламъ, въ строгой системѣ и въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ.

Въ отдѣленіи библіотеки, заключающемъ сочиненія на русскомъ языкѣ, обращаютъ на себя вниманіе, по словамъ журнала «Книговѣдѣніе», прежде всего, изданія XVIII в. Въ числѣ книгъ, изданныхъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка, несомнѣнно имѣютъ особенную цѣнность книги, появившіяся въ царствованіе Петра Великаго и Екатерины I:

1) «Ѳеатронъ, или позоръ історическій, изъявляющій повсюдную исторію священнаго писанія и гражданскую чрезъ дѣсять исходовъ и вѣки всѣхъ царей, императоровъ, папъ римскихъ и мужей славныхъ и прочая отъ начала міра даже до лѣта 1680; вкратцѣ ради удобнаго памятствованія чрезъ Вілгелма Стратемона; собраннаго, на россійскій языкъ съ Лат. переведенный. Спб. 1720 г..»;

2) «Книга мірозрѣнія или мнѣнія о небесноземныхъ глобусахъ, и ихъ украшеніяхъ. Спб. 1717»;

3) «Книга систіма или состояніе мухоммеданскія религіи. Напечатася повелѣніемъ Его Величества Петра Великаго, Імператора и Самодержца Всероссійскаго». Спб. 1722 г.;

4) «Пріемы циркуля и линѣйки или избраннѣйшее начало въ математическихъ искусствахъ, имже возможно легкімъ и новымъ способомъ вскорѣ доступіти землемѣрія, и иныхъ изъ оного происходящихъ искусствъ». Спб. 1725;

5) «Расположеніе ученія его Імператорскаго Величества Петра Втораго и Самодержца Всероссійскаго, по учрежденію его превосходительства господина Государственнаго вицеканцлера дѣйств. тайн. сов. барона фонъ-Остермана». Перев. съ нѣмец, и другихъ.

Въ этомъ же отдѣлѣ собраны почти всѣ русскіе журналы прошлаго вѣка и начала нынѣшняго: «Трудолюбивая пчела», «Праздное время въ пользу употребленное», «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія», «Свободные часы», «Доброе намѣреніе», «Всякая всячина», «Адская почта», «Трудолюбивый муравей», «Вечера», Живописецъ», Кошелекъ», «Собраніе новостей», «Утренній свѣтъ», «Модное ежемѣсячное изданіе или библіотека для дамскаго туалета», «Городская и деревенская библіотека или забава и удовольствіе разума и сердца въ праздное время», «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова», «Новыя ежемѣсячныя сочиненія», «Почта духовъ», «Магазинъ чтенія для всякаго возраста и пола людей», «Бесѣдующій гражданинъ», «Чтеніе

для вкуса, разума и чувствованій», «Зритель», «С.-Петербургскій меркурій», «Сатирическій вѣстникъ, удобоспособствующій разглаживанію наморщеннаго чела старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей. Писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, незнаемымъ сочинителемъ», «Магазинъ для распространенія общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній съ моднымъ журналомъ», «Трутень», «Смѣсь», «Вечерняя заря», «Зеркало свѣта», «Уединенный пошехонецъ», «Утренніе часы», «Прохладные часы или аптека, врачующая отъ унынія, составленная изъ медикаментовъ новизны и старины», «Дѣло отъ бездѣлья», «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія», «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ». Въ числѣ изданій второй половины XVIII в. и первой четверти XIX въ библіотекѣ можно найти довольно полный подборъ переводныхъ беллетристическихъ произведеній. Что касается русскихъ журналовъ XIX в., то въ библіотекѣ имѣются почти всѣ журналы за все время ихъ изданія.

Но однимъ изъ главныхъ и наиболѣе полныхъ отдѣловъ книгохранилища нужно признать отдѣлъ библіографическій. Интересующійся всѣми подробностями библіографическаго дѣла Г. В. Юдинъ собралъ въ своемъ книгохранилищѣ не только важнѣйшіе библіографическіе труды— Межова, Неустроева, Сопикова, Губерти, Ламбина, Викторова, Востокова, Ундольскаго, Попова, Строева, Титова, и др., но и описанія и каталоги библіотекъ многихъ правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Кромѣ библіографическихъ журналовъ на русскомъ языкѣ, въ библіотекѣ можно найти немало журналовъ, посвященныхъ библіографіи, на иностранныхъ языкахъ.

Нельзя не отмѣтить также въ книгохранилищѣ Г. В. Юдина весьма полнаго собранія разныхъ изданій произведеній выдающихся русскихъ поэтовъ: Пушкина, Кольцова, Лермонтова. Что касается отдѣловъ историческаго и историко-юридическаго, то по отношенію къ этимъ отдѣламъ были приняты прежде всего мѣры, чтобы собрать историческіе и историко-юридическіе матеріалы, изданные правительственными учрежденіями, учеными обществами и частными лицами. Затѣмъ, довольно тщательно собраны историческія и историко-юридическія изслѣдованія русскихъ ученыхъ. Въ библіотекѣ въ настоящее время можно найти почти всѣ изданія «актовъ»: «Акты историческіе», «Дополненія къ актамъ историческимъ», «Русская историческая библіотека», «Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи», «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», и др.

Для изученія Сибири въ библіотекѣ собрано много сочиненій разныхъ авторовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Наибольшей полнотой отличается отдѣлъ для изученія сибирской исторіи. Благодаря библіографическимъ указаніямъ А. Н. Пыпина въ «Исторіи русской этнографіи», а затѣмъ указаніямъ» Сибирской библіографіи» В. И. Межова, библіотека пополняется довольно быстро и тѣми мѣстными изданіями, которыя представляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Извѣстно, напр., что полнаго экземпляра «Енис. Губ. Вѣд.» не имѣетъ Императорская публичная библіотека; этого полнаго изданія нѣтъ ни въ одномъ учрежденіи Енисейскаго края. Библіотека же Г. В. Юдина располагаетъ, по крайней мѣрѣ, весьма обстоятельнымъ собраніемъ тѣхъ нумеровъ «Енис. Губ. Вѣд.», въ которыхъ помѣщены статьи и замѣтки историко-этнографическаго характера. Тоже нужно сказать и относительно «Памятныхъ книжекъ» губернскихъ статистическихъ комитетовъ Сибири. Если въ библіотекѣ не собраны еще въ настоящее время всѣ изданія сибирскихъ статистическихъ комитетовъ, то во всякомъ случаѣ пріобрѣтено уже значительное большинство этихъ изданій; если нѣтъ полнаго собранія «Памятныхъ книжекъ», то имѣется много отдѣльныхъ оттисковъ тѣхъ статей, которыя помѣщались «въ Памятныхъ книжкахъ» сибирскихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Изъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ изученію Сибири, слѣдуетъ отмѣтить сочиненія: Палласа, Георги, Шаппъ д'Отерогла, Купфера, Корнелія де-Брюина, Миле-Мюро.

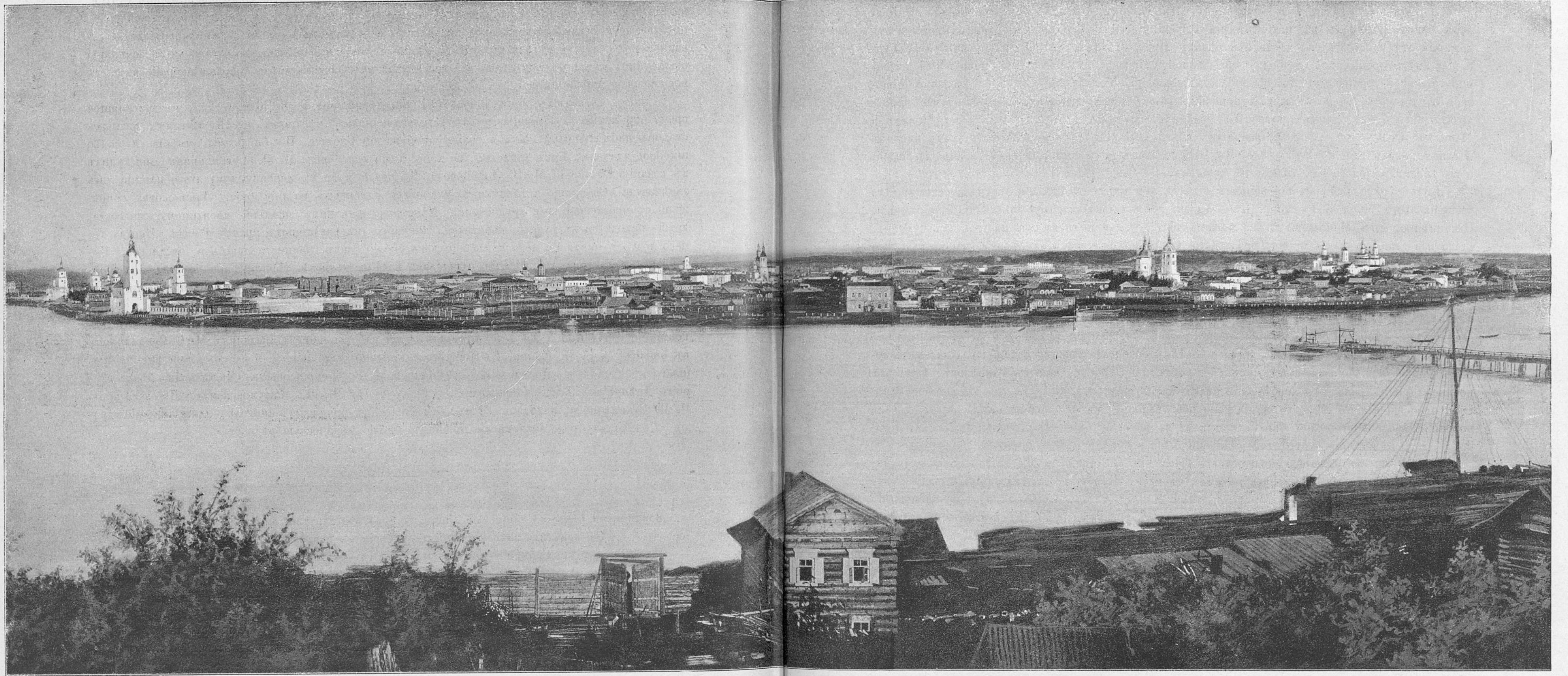
Не останавливаясь на болѣе подробномъ обзорѣ библіотеки, журналъ «Книговѣдѣніе» указываетъ еще на «рѣдчайшую», по замѣчанію Сопикова, книгу «Божественная и истинная метафизика, или дивное и опытомъ пріобрѣтенное вѣдѣніе невидимыхъ и вѣчныхъ вещей въ трехъ частяхъ». Подлинникъ «Божественной метафизики» написанъ докторомъ Пордече на англійскомъ языкѣ во второй половинѣ XVII ст. Московскіе мартинисты во второй половинѣ XVIII в. издали эту книгу на русскомъ языкѣ въ масонской типографіи, въ числѣ 300 экземпляровъ, никогда не поступавшихъ въ продажу. Только незначительную часть экземпляровъ «Божественной метафизики» успѣли пріобрѣсти главные сановники ордена, а остальные экземпляры были уничтожены. Между тѣмъ, «Божественная метафизика» имѣла большое значеніе въ средѣ московскихъ мартинистовъ.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, книгохранилище Г. В. Юдина. Уже въ настоящее время оно принесло и приноситъ значительную пользу мѣстнымъ изслѣдователямъ разныхъ сторонъ какъ прошлой, такъ и современной жизни Сибири. Но библіотека имѣетъ и болѣе широкое значеніе. Какъ извѣстно, не такъ давно академикъ М. И. Сухомлиновъ приступилъ къ изданію сочиненій М. В. Ломоносова. Въ предисловіи къ первому тому этого изданія онъ замѣчаетъ: «Собираніе источниковъ, рукописей и первыхъ изданій (соч. Ломоносова) сопряжено съ чрезвычайными трудностями. Нѣкоторые изъ нихъ исчезли, повидимому, навсегда, другіе находятся въ рукахъ любителей, живущихъ въ различныхъ краяхъ Россіи. Иногда то, чего долго и напрасно искали въ богатыхъ библіотекахъ, общественныхъ и частныхъ, Петербурга и Москвы, неожиданно открывали въ Красноярскѣ. На приглашеніе академіи сообщать матеріалы—отозвались немногіе, но сообщенное ими заслуживаетъ особеннаго вниманія. Съ живѣйшею признательностью называемъ имена: А. Ѳ. Бычкова, И. Н. Толстого, В. М. Юзефовича и Г. В. Юдина, обязательно подѣлившихся съ нами своими литературными драгоцѣнностями». Какой же источникъ для своей работы нашелъ академикъ М. И. Сухомлиновъ въ библіотекѣ Г. В. Юдина? Въ библіотекѣ найдено было первое и единственное изданіе прошлаго вѣка идилліи «Полидоръ», посвященной М. В. Ломоносовымъ «Малороссіи обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетману графу К. Г. Разумовскому». По замѣчанію М. И. Сухомлинова, находящееся въ замѣчательномъ сибирскомъ книгохранилищѣ изданіе идилліи «Полидоръ» представляетъ «величайшую библіографическую рѣдкость».

Заканчивая рѣчь о Сибири, не лишне еще разъ оглянуться на все ея историческое прошлое, чтобы ярче освѣтить значеніе этой территоріи въ настоящемъ.

Крайній сѣверъ Сибири — Обдорія и Мангазея — былъ извѣстенъ русскимъ людямъ значительно ранѣе, чѣмъ средняя или южная полосы этого края. Между тѣмъ, въ историческомъ отношеніи, упомянутая мѣстность для большинства — невѣдомая земля, покрытая мракомъ глубокой старины. Объясняется это тѣмъ, что Мангазея давнымъ-давно сошла съ географическихъ картъ и на послѣднихъ не осталось ничего, что указывало бы на историческое ея существованіе. Та часть Сибири, которая въ XVI и XVII столѣтіяхъ извѣстна была подъ названіемъ Мангазеи, теперь ничѣмъ не обращаетъ на себя вниманія; по этому глухому, непривѣтливому краю въ настоящее время бродятъ только самоѣды со своими оленями и собаками.

Въ былое время, въ этомъ краѣ кипѣла жизнь, процвѣтали торговля и промышленность, доставлявшія большія выгоды и московскимъ царямъ и ихъ подданнымъ; о немъ говорили, какъ о странѣ, текущей медомъ и млекомъ. Мангазея встарину — это золотое дно, своего рода Калифорнія, куда стремились за добычей драгоцѣннаго пушнаго звѣря жители нынѣшнихъ

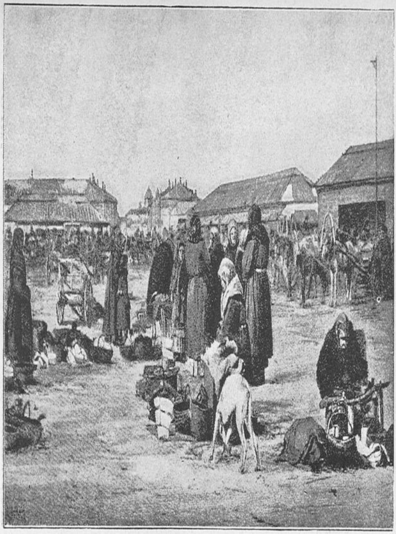

ОБЩІЙ ВИД РКУТСКА.

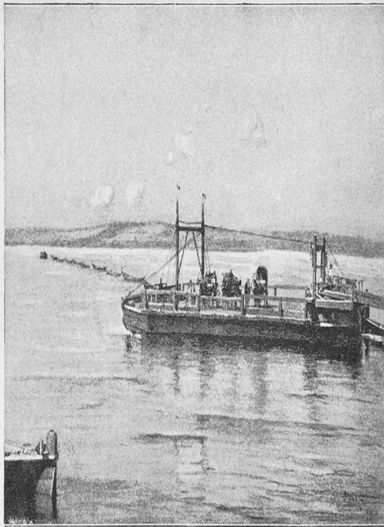
сѣверныхъ губерній — Архангельской, Вологодской, Пермской, и др. Впрочемъ, не только край, но и происхожденіе самаго названія его до-сегодня толковалось невѣрно, такъ какъ многіе считали, что слово «Мангазея» произошло отъ «магазинъ». Такое мнѣніе не вѣрно, потому что слово «магазинъ» не было извѣстно на Руси ни въ XVI, ни въ XVII вѣкахъ; оно появилось только въ XVIII вѣкѣ, а для обозначенія подобныхъ помѣщеній употреблялись названія «амбаръ» и «житница». Въ данномъ случаѣ только академикъ Мюллеръ ближе подошелъ къ истинѣ. Онъ говоритъ: «Изъ Березова старались провѣдывать лежащія оттуда къ востоку мѣста при рѣкахъ Пурѣ, Тазѣ и Енесеѣ и понеже при р. Тазѣ нашли нѣкоторый родъ самояди, называемой «Мокасе», то сіе подало поводъ къ названію тамошней страны по россійскому произношенію «Мангазея». Но предположеніе Мюллера справедливо только въ томъ отношеніи, что дѣйствительно названіе Мангазеи происходитъ именно отъ одного самоѣдскаго рода, только родъ этотъ назывался не Мокасе, а Мангазея. Онъ упоминается въ ясачныхъ книгахъ Мангазейскаго уѣзда подъ этимъ именемъ и существовалъ еще въ XVII вѣкѣ. Въ 1629 г. этотъ родъ состоялъ изъ 50 ясачныхъ людей, а въ 1632 г. осталось ихъ только 19 человѣкъ.

Другой болѣе любопытный вопросъ — когда эта мѣстность стала извѣстна русскимъ? Для рѣшенія этого вопроса въ «Зап. Имп. Харьк. Ун.» высказываются слѣдующія соображенія. Несомнѣнно, что Мангазея, хотя, можетъ быть, и не подъ своимъ настоящимъ именемъ, стала извѣстна по сю сторону Уральскаго хребта прежде всего самоѣдамъ, жившимъ около устьевъ рѣкъ Печоры и Мезени, а черезъ нихъ и новгородцамъ. Сѣверъ россійской и сибирской низменностей, отъ устьевъ Мезени и до устьевъ Лены, издавна былъ населенъ самоѣдскими племенами, извѣстными подъ разными народными названіями: самую западную вѣтвь самоѣдовъ представляла Югра или самоѣды, жившіе около устьевъ Мезени; далѣе, на востокъ отъ Югры, — терская самоядь, печерская самоядь; на границѣ Европы съ Азіей — ялмалская самоядь, занимавшая полуостровъ Ялмалъ, затѣмъ обдорская, мангазейская, юрадская и, наконецъ, енисейская самоядь. Извѣстно, что новгородцы собирали дань съ самоѣдовъ, жившихъ по сю сторону Уральскаго хребта еще въ глубокой древности. Сохранилось лѣтописное извѣстіе, относящееся къ XI в., о сборѣ дани новгородцами въ области рѣки Печоры, а если предпріимчивые новгородцы еще въ концѣ XI в. добрались до рѣки Печоры, то должно предположить, что на западѣ отъ этой рѣки они бывали гораздо ранѣе.

Трудно допустить, чтобы новгородцы, плававшіе еще въ XI и XII вв. по рѣкамъ Двинѣ, Мезени и Печорѣ, не спускались по нимъ въ море. Изъ устьевъ этихъ рѣкъ гораздо легче проникать въ море, чѣмъ, напр., изъ рѣки Енисея, устья котораго иногда половину лѣта бывали загромождены ледяными горами, такъ что русскимъ промышленникамъ приходилось здѣсь сидѣть долгое время, пока полуденный вѣтеръ проносилъ льды. И все-таки они сидѣли, дожидались очищенія устьевъ Енисея и выплывали въ Ледовитый океанъ. Одинъ торговый человѣкъ, дворянинъ Куркинъ, разсказывалъ тобольскимъ воеводамъ, что въ 1610 г. прибылъ онъ съ товарищами своими въ Туруханъ и здѣсь они сговорились черезъ Енисей проникнуть въ Ледовитый океанъ, а оттуда въ рѣку Пясиду на промыселъ. На кочахъ отважные путешественники поплыли внизъ по Енисею и чрезъ четыре недѣли достигли устья. Но послѣднее оказалось загроможденнымъ ледяными горами, саженъ по тридцати и больше въ толщину, и проѣхать въ море представлялось тѣмъ болѣе невозможнымъ, что вѣтеръ дулъ сѣверный, непопутный. Промышленники еще замѣтили, что «ледъ давній ни въ какую пору не изводится». Въ виду такихъ препятствій, казалось бы, слѣдовало оставить попытку пробраться изъ Енисея въ Ледовитый океанъ и возвратиться назадъ; къ тому же, въ Пясиду былъ извѣстенъ другой путь и имъ уже пользовались промышленники. Но Куркинъ былъ настойчивъ и упорно преслѣдовалъ намѣченную цѣль: «авось» подуетъ южный вѣтеръ и поможетъ выплыть въ море. Разсчитывая на «авось», промышленники рѣшились дожидаться благопріятнаго случая.

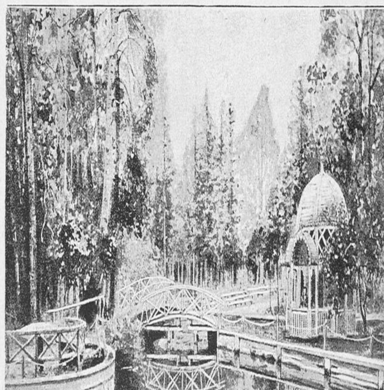
Рыночная площадь во время торга.

Переправа на паромѣ черезъ Ангару.

Новый каѳедральный соборъ. Тихвинская площадь, | Стар. каѳедральный соборъ. Католич. костелъ. | Техническое училище. | Городская публичная библіотека. | Московскія ворота.

Городской садъ.

ВИДЫ ИРКУТСКА

Просидѣвъ въ устьяхъ Енисея цѣлыхъ пять недѣль, они собирались уже плыть назадъ; «да какъ потянулъ полуденный вѣтеръ, — разсказывалъ Куркинъ, — и тѣмъ вѣтромъ ледъ изъ устья отнесло въ море однимъ днемъ». И такъ терпѣнье русскаго человѣка побѣдило, казалось, непреодолимое препятствіе. Когда устье Енисея очистилось, отважные промышленники выплыли въ море, взяли курсъ на востокъ и черезъ два дня плаванія благополучно добрались до устьевъ рѣки Пясиды.

Такова была предпріимчивость русскаго человѣка въ XVII в., такою она являлась и у новгородцевъ, и у разныхъ двинянъ, важенъ, вымичей и прочихъ, которые бороздили Сибирь въ разныхъ направленіяхъ сухимъ и водянымъ путемъ. Изъ устьевъ Двины и Мезени они выплывали въ Бѣлое и Карское моря, посѣщали полуостровъ Ялмалъ, и слѣды этихъ посѣщеній оставили въ названіяхъ—«югорскій берегъ», «югорскій шаръ». Но новгородцы не могли остановиться на полуостровѣ Ялмалѣ; на немъ находились р. Мутная и Зеленая, которыя вели въ Обскую губу, затѣмъ въ Тазовскую и въ Мангазею. Самъ по себѣ полуостровъ Ялмалъ не имѣлъ для новгородцевъ особеннаго значенія и ради него они не могли предпринимать отдаленнаго плаванія. На этомъ полуостровѣ во время плаванія, новгородцы могли встрѣтить только самую незначительную часть самоѣдовъ, такъ какъ послѣдніе имѣли обыкновеніе, или скорѣе нужду, раннею весною оставлять свои тундры и перекочевывать въ болѣе южныя мѣстности. По крайней мѣрѣ въ XVII в., какъ видно изъ документовъ, ялмалскіе самоѣды по цѣлому лѣту проживали по рѣкамъ Соби и даже Войкару. Здѣсь они кормили своихъ оленей, ловили рыбу, птицъ и «съѣстнаго звѣря», заготовляли «юколу» и «порсу» — зимній кормъ для собакъ и самихъ себя. Какъ только начиналъ падать снѣгъ и являлась нужда въ мохѣ, они собирали свои чумы и переселялись въ тундры. Отсюда произошла извѣстная легенда о замираніи на зиму людей Лукоморья. «Сказываютъ, — пишетъ Герберштейнъ, — что съ людьми Лукоморья происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: какъ носится слухъ, они каждый годъ умираютъ, именно 26-го ноября, когда у русскихъ празднуется память св. Георгія, и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частью около 24-го апрѣля». Эта басня указываетъ на временное появленіе самоѣдовъ въ южныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ могли видѣть другіе народы, и на удаленіе въ тундры.

Какъ сказано выше, Мангазея давно была извѣстна русскимъ инородцамъ сѣверной Руси, торговля и промыслы въ отдаленномъ краю давно привлекали туда предпріимчивыхъ людей; здѣсь имѣлись даже городки, основанные промышленниками. Но московское правительство долгое время ничего объ этомъ не знало, или знало очень мало, и только въ самомъ концѣ XVI в. до него начали доходить на этотъ счетъ разныя свѣдѣнія. Имѣется лѣтописное извѣстіе, что въ 1598 г. царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, на основаніи дошедшихъ свѣдѣній, отправилъ въ Мангазею и Енисею Ѳеодора Дьякова съ товарищами, для провѣдыванія этихъ странъ и для обложенія инородцевъ ясакомъ. Дьяковъ возвратился въ Москву въ 1600 г. Онъ первый сообщилъ правительству, что пустозерцы, вымичи и другіе торговые люди московскихъ городовъ уже наложили руку на мангазейскую и енисейскую самоядь и собирали съ нихъ въ свою пользу дань «а сказывали, что собираютъ ясакъ на государя».

Въ описываемое время, Мангазейскій уѣздъ граничилъ съ уѣздами Березовскимъ, Сургутскимъ, Нарымскимъ, Кетскимъ, а съ 1619 г. также съ уѣздомъ Енисейскимъ; на востокъ территорія его простиралась до водораздѣла бассейновъ Енисея и Лены и до устьевъ послѣдней рѣки. Поставивъ острогъ Мангазея на среднемъ теченіи рѣки Таза, воеводы прежде всего обложили ясакомъ самоѣдовъ по рѣкамъ Пуру и Тазу и затѣмъ начали посылать служилыхъ людей «для отысканія новыхъ землицъ» и приведенія ихъ «подъ высокую руку Государя»; притомъ, однѣ партіи казаковъ посылались въ тундры, а другія черезъ рѣчку Туруханъ, — на Енисей и его притоки. Отыскиваніе новыхъ землицъ служилымъ мангазейскимъ людямъ не представляло особыхъ затрудненій, потому что рѣка Енисей была извѣстна русскимъ промыш-

ленникамъ еще до основанія Мангазеи. Да и послѣ основанія этого Тазовскаго острога служилые люди подвигались въ глубь Сибири, главнымъ образомъ, по слѣдамъ торговыхъ и промышленныхъ людей, причемъ послѣдніе всегда оказывались далеко впереди. Вотъ почему уже въ первое десятилѣтіе существованія города Мангазеи обложены были ясакомъ тундряная самоядь, туруханская и енисейская самоядь, остяки, жившіе по среднему теченію Енисея и его притокамъ, и тунгусы—по теченію рѣки Нижней Тунгузки и притокамъ послѣдней. Къ концу первой четверти XVI в. мангазейскіе служилые люди уже собирали ясакъ съ инородцевъ въ верховьяхъ рѣки Нижней Тунгузки, по всей средней или подкаменной Тунгузкѣ, перебрались черезъ хребетъ, составляющій водораздѣлъ рѣкъ Енисея и Лены, и обложили ясакомъ инородцевъ по рѣкамъ Вилюю и Чанѣ. Насколько отдаленны были эти мѣста отъ города Мангазеи, можно судить потому, что ясачные сборщики, отправляясь весною въ верхнія части Тунгузокъ, возвращались обратно только черезъ годъ. Въ 1633 г., бывшій мангазейскій воевода Андрей Палицынъ подалъ въ казанскій приказъ роспись и чертежъ «великой рѣки Лены и разныхъ земель людямъ, которые живутъ по той рѣкѣ Ленѣ и по инымъ рѣкамъ». Въ этомъ документѣ уже довольно подробно описанъ путь изъ Мангазеи на Лену до самыхъ ея устьевъ. «Идти на ту великую рѣку Лену изъ Мангазеи судами Тазомъ и Волчанскою вверхъ, озерами и рѣжмами на кочахъ и каюкахъ до енисейскаго волока десять дней, а волока немного больше полуверсты, затѣмъ окраинами и рѣжмами до р. Турухана ходу два дня, а Туруханомъ и Шаромъ внизъ до Туруханскаго зимовья ходу десять дней и черезъ Енисей до устьевъ Нижней Тунгузки ходу два дня; Тунгузкою рѣкою идти вверхъ до устьевъ рѣчки Тетеи, а оттуда волокомъ на рѣку Чону ходу два дня. Въ томъ мѣстѣ зимовать и весною идти рѣкою Чоною на Вилюй десять дней, а Вилюемъ до рѣки Лены ходу три недѣли... А по великой рѣкѣ Ленѣ внизъ идти греблею до полунощнаго океана два мѣсяца и болѣе, а парусною погодою можно добѣжать и въ одну недѣлю». Эта любопытная роспись, какъ сказано, подана въ 1633 году, а потому можно заключить, что мангазейскіе служилые люди добрались впервые до устьевъ Лены на нѣсколько лѣтъ ранѣе этого года. Изъ того же документа видно, что мангазейцы въ это время уже были знакомы и съ восточными протоками Лены и даже съ Байкальскимъ озеромъ.

Ясачныя книги Мангазейскаго уѣзда составлялись на основаніи сборовъ ясака по зимовьямъ и по зимовьямъ же въ этихъ ясачныхъ книгахъ распредѣлялось и инородческое населеніе уѣзда. Древнѣйшая мангазейская ясачная книга, дошедшая до насъ, относится къ 1629 г.; по ней можно видѣть, что всего самоѣдовъ, платившихъ ясакъ, насчитывалось 520 человѣкъ, а соболей они принесли въ государеву казну 1.333; остяковъ, платившихъ ясакъ, числилось 251 человѣкъ, а ясаку принесли 1.200 соболей; тунгусы уплатили 1.690 соболей, а всего ясака въ Мангазейскомъ уѣздѣ собрано почти 4.500 соболей. Въ упомянутой ясачной книгѣ не означена цѣна этой «мелкой рухляди», но изъ приходной книги казанскаго дворца того же года видно, что изъ Мангазеи прислано всей рухляди (десятинной и ясачной), по московской оцѣнкѣ, на 15.762 рубля.

Изъ количества ясака, собраннаго въ 1629 г., видно, что инородцы Мангазейскаго уѣзда платили соболей значительно менѣе, чѣмъ ясачные люди другихъ сибирскихъ уѣздовъ; притомъ, мангазейскіе инородцы, хотя и платили ясакъ за аманатовъ, но въ то же время получали государево жалованье — олово и одекуй. Да и самый платежъ ясака, по словамъ воеводъ, у мангазейскихъ инородцевъ былъ инымъ, чѣмъ въ другихъ сибирскихъ городахъ. «Мангазейскіе ясачные люди, — писали воеводы, — платятъ ясакъ не окладомъ и положить окладъ на нихъ нельзя для того, что люди кочевные, юртъ и волостей у нихъ нѣтъ: одинъ годъ они на одномъ мѣстѣ живутъ, а въ другой—на другомъ, уходятъ въ дальнія мѣста безвѣстно. Приходятъ въ зимовья для платежа ясака за аманатовъ человѣка по 2 и по 3 изъ рода, и если аманатъ добрый, то за него платитъ вся его родня и даютъ соболей больше, а если аманатъ

худой, то мало, или совсѣмъ ничего. Когда же приходятъ къ зимовьямъ, то бросаютъ ясакъ чрезъ окно въ избу и чрезъ окно же ясачные сборщики отдариваютъ инородцевъ одекуемъ, оловомъ и хлѣбомъ. Мангазейскіе инородцы боятся входить въ избы, чтобъ ихъ ясачные сборщики не захватили въ аманаты, а сами сборщики не выходятъ къ нимъ изъ избъ, опасаясь отъ нихъ смертныхъ убійствъ и потому сидятъ съ аманатами запершись».

Благодаря разнымъ постояннымъ и чрезвычайнымъ денежнымъ доходамъ, государевой казнѣ не приходилось посылать денегъ въ Мангазею: упомянутыми сборами не только покрывались всѣ денежные расходы, но и въ значительной степени хлѣбные. Хлѣбное жалованье служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ, прокормленіе аманатовъ и пріѣзжихъ ясачныхъ людей—это самая тяжелая для казны статья расходовъ, и не столько по количеству необходимаго на это жалованье хлѣба, сколько по трудности доставки послѣдняго. Сначала хлѣбъ въ Мангазею привозился изъ европейской Россіи, но со времени развитія хлѣбопашества на государевыхъ пашняхъ въ Верхотурскомъ, Туринскомъ и Тюменскомъ уѣздахъ, приблизительно съ 1624—52 гг., казнѣ не представлялось болѣе надобности покупать хлѣбъ, а послѣдній доставлялся въ «непашенные» сибирскіе города изъ государевыхъ житницъ означенныхъ уѣздовъ. Но доставка его сопряжена была съ большими затрудненіями. Путь былъ далекій—по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби, черезъ Обскую губу, Тазовскую губу и по рѣкѣ Тазу въ Мангазею; этотъ путь, даже при самой благопріятной погодѣ, совершался только въ два съ половиной мѣсяца. Но проплыть Обскую губу было чрезвычайно трудно: если дулъ сѣверный вѣтеръ, то кочи прибивало къ южному берегу, выбрасывало и разбивало ихъ. Особенно часто крушенія происходили гдѣ-то подъ черными горами: погибали суда, хлѣбъ и другіе запасы, даже люди. Притомъ, рѣдкое крушеніе обходилось безъ того, чтобы въ это время не появлялись самоѣды, не разграбляли оставшіеся хлѣбные запасы и не убивали спасшихся отъ крушенія служилыхъ людей. Эти крушенія причиняли большіе убытки казнѣ и ихъ нужно имѣть въ виду, чтобы опредѣлить чистый доходъ, который получался изъ «заморской вотчины» государевой, какъ въ то время называлась Мангазея.

Въ заключеніе, не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ о торговыхъ путяхъ и дальнѣйшей судьбѣ Мангазеи. Выше упомянуто, что въ Мангазеѣ процвѣтала торговля и промышленность, которыя не только обогащали торговыхъ людей, но и государеву казну. Русскіе люди давно вели здѣсь мѣновую торговлю и занимались промыслами: начало этому, какъ сказано, положили еще новгородцы, и этимъ же смѣлымъ мореходамъ принадлежитъ честь открытія морскаго пути въ Мангазею. Путь шелъ изъ устьевъ Двины «Колуемъ, на Канинъ носъ, на Тресковую, на два острова, что у Верендеевскихъ мелей, на Мержевикъ, малыми рѣками и большимъ моремъ, на Югорскій шаръ, на Карскую губу и на Мутную и Зеленую рѣки», которыя вели чрезъ полуостровъ Ялмалъ въ Обскую губу. Изъ устьевъ же рѣки Зеленой, мореплаватели, перерѣзавъ почти въ прямомъ направленіи Обскую и Тазовскую губы, спускались въ рѣку Тазъ. Весь этотъ путь, т. е. изъ устьевъ Двины на рѣку Тазъ, при благопріятной погодѣ совершался въ одинъ мѣсяцъ, а если выплывали изъ Мезени, Пинеги и Печоры, то достигали Мангазеи гораздо скорѣе. Московскому правительству этотъ путь, который назывался «старымъ», былъ долгое время мало извѣстенъ, или вѣрнѣе оно не имѣло о немъ точныхъ, опредѣленныхъ свѣдѣній, хотя и знало, что торговые и промышленные люди плаваютъ моремъ «въ Мангазею и въ Енесею». Точныя свѣдѣнія о морскомъ пути правительство получило только въ началѣ 1616 года отъ тобольскаго воеводы Куракина, который писалъ въ Москву, «что торговые и промышленные люди ходятъ кочами отъ Архангельскаго города на Карскую губу и на волокъ въ Мангазею, а другая дорога съ моря въ енесейское устье большими судами, и что нѣмцы нанимали русскихъ людей, чтобы ихъ отъ Архангельскаго города провели въ Мангазею». Сообщая въ Москву свѣдѣнія о морскомъ пути въ Мангазею, воевода Куракинъ, въ то же время, высказалъ опасеніе, что путемъ этимъ могутъ воспользоваться нѣмцы

для торговли съ сибирскими инородцами, какъ уже и были съ ихъ стороны попытки, по разсказамъ торговыхъ и промышленныхъ людей, «а поздѣшнему, Государь,—писалъ воевода,—по сибирскому смотря дѣлу, нѣкоторыми обычаи нѣмцамъ въ Мангазею торговать ѣздити поволить не мошно; да не токмо имъ ѣздити, ино-бъ, Государь, и русскимъ людямъ моремъ въ Мангазею отъ Архангельскаго города для нѣмецъ, ѣздить не велѣть,—чтобъ на нихъ смотря нѣмцы дороги не узнали, и пріехавъ-бы воинскіе многіе люди сибирскимъ городамъ, какія порухи не учинили».—Тѣмъ болѣе,—замѣчаетъ далѣе Куракинъ,—что если явятся въ Мангазею какіе воинскіе люди, то помощь подать туда изъ Тобольска или другихъ сибирскихъ городовъ скоро невозможно, такъ какъ Мангазея отъ Тобольска и отъ другихъ сибирскихъ городовъ отдалена. Это сообщеніе такъ встревожило правительство Михаила Өеодоровича, что оно въ томъ же году запретило, подъ страхомъ опалы и казни, плавать тѣмъ путемъ въ Мангазею и обратно. Въ царской грамотѣ тобольскимъ воеводамъ, отъ 25-го іюня 1616 года, говорится слѣдующее: «Торговымъ и промышленнымъ людямъ всѣхъ городовъ и ясачнымъ самоѣдамъ и татарамъ велѣли сдѣлать заказъ крѣпкій, чтобы нѣмецкихъ людей на Енисей и въ Мангазею отнюдь никого не пропускали и съ ними не торговали и дорогъ имъ ни на какія мѣста не указывали, а также и торговыхъ и промышленныхъ людей изъ Мангазеи на Карскую губу на Пустоозеро и къ Архангельскому городу пропускать не велѣли, а велѣли ихъ отпускать изъ Мангазеи на Березовъ и на Тобольскъ»... Въ то же время тобольскимъ воеводамъ предписывалось получше разспросить торговыхъ и промышленныхъ людей: «нѣмецкіе люди съ моря на Енесею кораблями или кочами напередъ сего прихаживали-ль торговати? и будетъ прихаживали, и съ какими товары и многіе-ль люди пріѣзжали?»

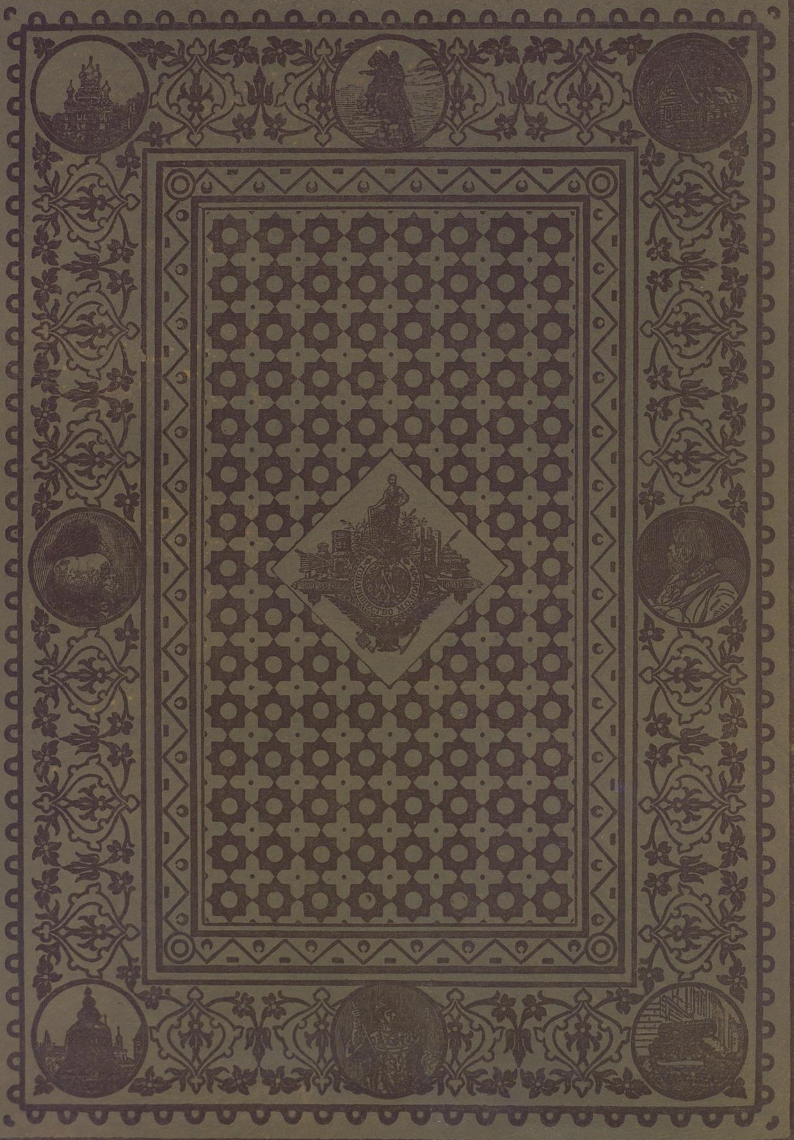
Къ концу царствованія Михаила Өеодоровича, Мангазея стала все болѣе и болѣе падать. Еще въ 1627 г. торговые и промышленные люди разныхъ городовъ били челомъ государю, что въ странѣ Мангазеѣ—около мангазейскаго города, Туруханскаго зимовья, вверхъ по Енесею и внизу Нижней Тунгузки—соболи и бобры «опромышлялись», и они начали ходить въ верхнія мѣста Тунгузки, гдѣ соболи добры и всякаго звѣря много. Такимъ образомъ первою причиною упадка Мангазеи явилось оскудѣніе того богатства, которымъ прежде славилась область. Открылись новыя мѣста промысловъ—это верхнія части Нижней и Средней Тунгузокъ, но эти мѣста находились слишкомъ далеко отъ города Мангазеи: торговые и промышленные люди писали, что они изъ Тазовскаго города доходятъ до верхнихъ промышленныхъ мѣстъ только на другое лѣто. И вотъ, торговые и промышленные люди, чтобы сократить разстояніе, начали переселяться въ Туруханское зимовье, и въ этомъ мѣстѣ мало-по-малу образовали такой же центръ, какимъ прежде являлась Мангазея.

Собственно говоря, уже съ того времени, какъ изсякъ источникъ богатства въ Мангазеѣ, какъ «соболи опромышлялись» по рѣкамъ Пуру и Тазу, юный мангазейскій городъ оказался совершенно не на мѣстѣ: существованіе его приносило только одинъ вредъ торговымъ и промышленнымъ людямъ. Правительство еще могло дорожить имъ, такъ какъ здѣсь были возведены разныя казенныя постройки, но въ 1643 г. пожаръ уничтожилъ почти весь городъ, и правительство легко могло разстаться съ нимъ и перенести его въ Туруханское зимовье. Тѣмъ не менѣе, правительство сохраняло этотъ городъ до 1672 года, когда онъ, наконецъ, былъ перенесенъ къ устью Турухана. Съ тѣхъ поръ, нѣкогда славная страна Мангазея навсегда потеряла свое значеніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА XII-го.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.ВО

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.ВОЛЬФЪ

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1895 ГОДЪ

№ 1-6. НОЯБРЬ ИО АПРѢЛЬ

ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.